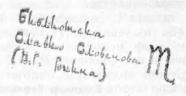
В.Р. Кабо ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ

В. Р. Кабо

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» Главная редакция восточной литературы Москва 1969

Ответственный редактор С. А. ТОКАРЕВ

Книга посвящена этногенезу коренного населения Австралии, истории его самобытной культуры. В работе дается критический анализ новейших изысканий в области антропологии, археологии, этнографии и лингвистики. На основании этих данных автор строит свою оригинальную концепцию происхождения и этнической истории австралийцев.

 $\frac{1-6-2}{86-69}$

Владимир Рафаилович Кабо ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ

Утверждено к печати Ученым советом Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР

Редактор А. П. Колупаева Художники М. Лисневский, Б. Эфман Технический редактор Л. Ш. Береславская Корректор Н. Б. Осягина

Сдано в набор 17/III 1969 г. Подписано к печати 15/VIII 1969 г. А-05250 Формат 60 × 90¹/16. Бумага № 1 Печ. л. 25,5 Уч.-изд. л. 28,4 Тираж 1800 экз. Изд. № 2270. Зак. № 878. Цена 1 р. 92 к.

ВВЕДЕНИЕ

Советская наука рассматривает становление любого народа как итог длительного исторического развития, в ходе которого формировались его антропологические, этнографические и лингвистические особенности. Раскрытие этого сложного процесса возможно только в результате исследования, основанного на привлечении данных различных наук—антропологии, геологии, археологии, этнографии, лингвистики, истории. «Только комплексный подход способен уберечь от неоправданных выводов и односторонности, которые могут быть продиктованы исследователю материалами каждой дисциплины в отдельности» [52, 27]*. Значение комплексного анализа антропологических, геологических, археологических, этнографических и лингвистических данных с учетом их относительного и абсолютного возраста неоднократно подчеркивалось советскими исследователями [89, 12—36; 92, 10—23].

Предлагаемая работа ставит перед собой задачу исследовать происхождение и историю коренного населения Австралий от первоначального заселения Австралийского континента до начала европейской колонизации. Развитие некоторых аспектов австралийской культуры, главным образом материальной, рассматривается на широком фоне ее взаимоотношений с культурами Юго-Восточной Азии и Океании. Привлекаемые автором категории источников приобретают особенное значение в связи с тем, что работа посвящена этногенезу народа, не имевшего письменности, история которого вплоть до колонизации не отражена в письменных памятниках. Для работы, посвященной происхождению и ранней, доколониальной, истории такого народа, как австралийцы, основным источником являются данные археологии, почему мы и уделяем им столь значительное место.

Проблема происхождения австралийцев имеет большое познавательное и теоретическое значение. Изучение этногенем австралийцев, сохранивших вплоть до колонизации

^{*} Здесь и далее первая цифра в квадратных скобках обозначает номер, под которым в списке использованной литературы помещена та или иная работа, вторая цифра обозначает страницу. Если в скобках указынаются несколько работ, одна от другой отделяется точкой с запятой.

немало архаических черт культуры и общественного строя, проливает свет на многие, еще не решенные проблемы истории человечества на одной из древнейших стадий его развития — на грани плейстоцена и голоцена, на той стадии, когда формировались основные человеческие расы, впервые заселялись Австралия и Америка, закладывались основы человеческой культуры. Вследствие того что австралийцы, подобно другим современным народам, проделали длительный путь исторического развития, реконструкция их прошлого является чрезвычайно сложной задачей, но она дает возможность выяснить (конечно, лишь в известной мере) некоторые существенные черты человеческой культуры на одном из ранних ее этапов.

В наши дни изучение истории народов, впервые поднимающихся к участию наравне с другими народами в строительстве нового мира, приобретает особенно большое значение. Показать, что народы, которых в прошлом называли не иначе как дикарями, имеют свою историю, что они способны к прогрессу, что их отсталость лишь временное явление, объясняемое не их неполноценностью, а объективными общественноисторическими условиями,— это, может быть, одна из важнейших задач, стоящих сегодня перед исторической наукой. Такая задача стоит и перед наукой, изучающей прошлое

австралийских аборигенов.

Проблема этногенеза коренного населения Австралии занимала и продолжает занимать умы многих исследователей начиная с 1606 г., когда европейцы впервые увидели австралийских аборигенов. Уже при первых встречах с австралийцами было отмечено их внешнее отличие от их соседей --- меланезийцев и папуасов -- и сходство с населением Индии [577, 132]. Различие между меланезийцами и папуасами, с одной стороны, и австралийцами — с другой, отмечал, исходя из различия их языков, и известный мореплаватель Дж. Кук [144, 397—398, 411; 49, 369, 379]. Натуралист Г. Форстер, участник второго путешествия Кука, руководствуясь тем же лингвистическим критерием, разделил все население Океании на три различные по своему происхождению группы: полинезийцы, меланезийцы и австралийцы [291, 280-283]. Гипотезу о южноиндийском происхождении австралийцев высказал и И. М. Симонов, участник русской антарктической экспедиции 1819—1821 гг. [62, 58]. Тем самым была отмечена расовая близость аборигенов Австралии к дравидам Южной Индии — взгляд, получивший широкое распространение впоследствии, особенно на страницах журналов Австралазийского антропологического общества в конце XIX — начале XX в. [134; 660].

Правда, еще в XVII в. высказывались сомнения в том, чтобы австралийцы могли попасть на их новую родину из

далекой Индии. Не могли же они пересечь океан на плотах или в примитивных лодках! Тогда и была выдвинута «теория преадамизма», утверждавшая, что австралийцы да и американские индейцы происходят не от Адама, а были созданы творцом отдельно на тех землях, которые они и теперь населяют. «Теория преадамизма» — теория о существовании людей до Адама — была создана для того, чтобы опровергнуть идею об исконном братстве всех рас и оправдать злодеяния колонизаторов. Таким образом, знакомство европейцев с аборигенами Австралии, с их образом жизни, языками, физическими особенностями давало материал как для серьезных научных обобщений, так и для теологических спекуляций.

Одна из первых попыток решить проблему происхождения австралийцев и тасманийцев принадлежала в первой половине XIX в. П. Каннингему. По его мнению, австралийцы резко отличаются от тасманийцев и папуасов Новой Гвинеи, которых он считал родственными между собой народами. Но, так как он находил невероятным, чтобы тасманийцы переселились непосредственно из Новой Гвинеи, он предположил, что Австралия была первоначально населена тасманийскими негроидами, которые впоследствии были истреблены или поглощены вторгшимися в Австралию светлокожими малайцами. От смешения этих двух рас и происходят современные австралийцы. Часть тасманийцев попала из Австралии в близко расположенную Тасманию и там сохранилась [232, 2].

Так, может быть впервые, был высказан взгляд, что коренное население Австралии - продукт смешения рас. И одновременно обозначилось другое течение, которое продолжало отстаивать взгляд на австралийцев как на однородный, несмешанный расовый тип с единой по своему происхождению культурой [256, 339—342]. Эти два основных направления в проблеме этногенеза австралийцев сохраняются до настоящего времени. Но, в то время как оба направления исходят из реальных, позитивных фактов, на протяжении всего XIX в. продолжали существовать теории, авторы которых, опираясь на Библию, утверждали, например, что коренные австралийны — это «остатки древних языческих народов», унаследовавшие все низкие, греховные качества библейских язычников. По мнению этих авторов, само провидение осудило такие низшие расы на то, чтобы исчезнуть и очистить место для высших рас, представителями которых являются европейские колонизаторы [392; 577, 144—145].

В 1847 г. Дж. Причард на основании лингвистического исследования пришел к выводу, что австралийские языки родственны языку тамилов Южной Индии [616, 277]. Так была сделана одна из первых попыток обосновать гипотезу индийского происхождения австралийцев. Несколько позднее, в 1862 г., Р. Латам, опираясь на сравнительное изучение язы-

ков, высказал мнение, что Австралия была заселена через

Новую Гвинею или о-в Тимор [444, 381].

Вторая четверть XIX в. отмечена трудами двух выдающихся исследователей Австралии — Дж. Грея и Э. Дж. Эйра. Грею, проницательному наблюдателю жизни аборигенов, их обычаев, общественного строя, принадлежит открытие тотемизма у австралийцев. Он составил подробный словарь австралийских языков [346]. Будучи для своего времени большим знатоком аборигенов Австралии, Грей в то же время не мог допустить, что обнаруженные им в 1838 г. в Северо-Западной Австралии пещерные рисунки принадлежат австралийцам, и был уверен, что они сделаны представителями какой-то более развитой расы, некогда здесь обитавшей, скорее всего малайцами [345, т. I, 263]. Только в XX в. загадка этих пещерных изображений раскрылась: было установлено, что они создавались многими поколениями австралийцев, занимали и продолжают занимать важное место в их общественной и религиозной жизни, их рисуют еще и теперь.

Эйр, хорошо знакомый с культурой и языками многих племен, был сторонником теории единого происхождения австралийцев. Он исходил из общности их антропологического типа, сходства в образе жизни и обычаях. Локальные различия в культуре и языках Эйр объяснял расселением австралийцев, которое шло в трех направлениях из того места на северо-западном берегу Австралии, где, как он считал, австралийцы впервые появились. Одна часть аборигенов двинулась отсюда вдоль западного побережья на юг, другая пересекла центр материка, а третья направилась к восточному и юго-восточному побережью Австралии южным берегом зал. Карпентария и затем вдоль Дарлинга и его притоков. В результате внутри единой, общей для всех австралийцев культуры возникли местные особенности, причем общие черты в наименьшей степени сохранили те племена, которые дальше ушли от центра расселения [283, т. 2, 151, 404—411].

Заслуга Эйра в том, что он не только описал культуру австралийцев, но и впервые попытался на основании местных культурных различий выяснить, откуда и в каких направле-

ниях шло заселение континента.

1859 год, ознаменованный выходом книги Ч. Дарвина «Происхождение видов», стал важной вехой, в частности, и в истории изучения этногенеза австралийцев. До того никто даже не ставил вопроса о возможности развития австралийской культуры, никто не допускал, что такой отсталый народ, как австралийцы, способен к прогрессу. И если иногда говорили об изменениях в их культуре, то имели в виду только культурную деградацию. После 1859 г. идея эволюции начала завоевывать умы исследователей. Но это имело результатом другую крайность: австралийскую культуру стали безогово-

рочно рассматривать как образец наиболее ранней стадии культурного развития, а самих австралийцев — как типичных

представителей первобытного человечества.

Одним из зачинателей антропологического изучения австралийцев был Т. Гексли, который использовал антропологические материалы по австралийцам для обоснования эволюционной теории. Гексли отметил некоторое, впрочем, по его мнению, незначительное, сходство между известным черепом из Неандерталя и черепами австралийских аборигенов, но не отождествил эти черепа, как пытались делать некоторые ученые. Гексли разделил человечество на четыре основные расы, одну из которых назвал австралоидной. Австралийцев он считал однородной расовой группой, главными, лучше всего сохранившимися представителями австралоидного типа [395, 185, 202; 394, 404-412]. Его классификация сохраняет свое значение и в наше время. В 70-х годах XIX в. Н. Н. Миклухо-Маклай писал о том, что он склонен «согласиться с мнением профессора Гексли — что австралийцы составляют расу sui generis» [60, 678—679].

Гексли считал, что ведды Цейлона и горные племена Южной Индии — австралоиды, сохранившиеся за пределами Австралии. Тасманийцев он включил в негроидную расу, разделяя теорию, что они переселились с Новой Каледонии посуше, которая впоследствии погрузилась в Тихий океан.

Гипотезу о Тихоокеанском континенте, существовавшем в относительно недавнем геологическом прошлом, Гексли заимствовал у А. Уоллеса. Биолог-эволюционист, Уоллес строил свою теорию на зоогеографическом фундаменте. «Линия Уоллеса» разрезает Индонезию на две фаунистические области. Фауна островов, лежащих к западу от этой линии, тяготеет к Азии, а фауна островов, лежащих к востоку от нее,—
к Новой Гвинее и Австралии. Уоллес полагал, что эта линия была в прошлом границей между двумя материками, населенными не только разными видами животных, но и двумя различными человеческими расами. Папуасов Новой Гвинеи, меланезницев, полинезийцев, австралийцев он считал потомками расы, населявшей Тихоокеанский континент [774, 196—215].

Французские сытропологи П. Топинар и А. Катрфаж придерживались теории расовой неоднородности австралийцев. По мнению Топинара, Австралия была заселена последовательно двумя этническими волнами; остатками древнейшей волны являются аборигены Юго-Восточной Австралии и Тас-

мании [755, 35-40, 106-107].

В 1865 г. в Англии вышли три книги, авторы которых использовали материалы австралийской этнографии для обоснования теории культурной эволюции. Авторами этих книг были Э. Тайлор, Дж. Леббок и Дж. Макленнан [763; 460; 540]. Австралийцы были включены как равные в человече-

скую семью и подобно другим народам им, по крайней мере в теории, более не отказывалось в праве на прогресс. Однако, по мнению эволюционистов, австралийцы все еще находились на первобытной стадии развития или недалеко ушли от нее. Так, Тайлор, один из первых, кто попытался сравнить каменные орудия австралийцев и тасманийцев, с одной стороны, и орудия европейского палеолита - с другой, чтобы выявить общие законы эволюции техники и материальной культуры в целом, считал, что те и другие находятся на одном и том же уровне [763; 764, 141—151; 765, 199]. Но в таком случае нужно было объяснить наличие в палеолитической, по мнению Тайлора, австралийской культуре неолитического шлифованного топора. Тайлор полагал, что техника шлифования каменных орудий принесена в Австралию сравнительно недавно из Индонезии или Полинезии, вероятно через Торресов пролив. Недавнее проникновение техники шлифования в Австралию он доказывал тем, что она еще не успела распространиться на крайний запад австралийского материка. За исключением шлифованного топора, австралийские каменные орудия в целом имеют, по мнению Тайлора, вполне палеолитический характер. Тасманийцев и австралийцев он называл «живыми представителями раннего каменного века». Идеи Тайлора впоследствии развивал У. Соллас, по мнению которого тасманийцы — типичные представители эолитической стадии развития, а австралийцы — мустьерской, т. е. нижне- (или средне-) палеолитической [690].

Допуская, что физический тип и материальная культура австралийцев — реликты самых первобытных эпох, естественно было допустить и очень большую древность пребывания австралийцев на их континенте. В связи с этим вновь возродились предположения об автохтонности австралийских аборигенов. Более того, было высказано мнение, что, быть может, Австралия — родина всего человечества, что миоценовые и плиоценовые слои этого материка скрывают «отсутствующее

звено», остатки древнейших гоминид.

Активным сторонником этой теории был О. Шётензак [656, 127—154]. По его мнению, обезьяноподобные предки человека еще в плиоцене попали в Австралию из Юго-Восточной Азии по суще, существовавшей тогда между Азией и Австралией. В Австралии, находясь в изоляции (так как сплошной мост суши между Азией и Австралией к тому времени исчез) и вследствие благоприятных естественных факторов, эти существа постепенно очеловечились и затем уже из Австралии расселились по всему свету. Эту гипотезу поддерживал другой немецкий антрополог, Г. Клаач, который также усматривал в Австралии прародину исходных человеческих форм [21, 222—225]. На непродолжительное время тех, кто разделял этот взгляд, ободрило сенсационное открытие, сделанное

близ Уорнамбула, в Виктории, в разработках известняка. Здесь, в третичных слоях, были обнаружены отпечатки якобы двух сидящих рядом людей [69, 411—412]. Но, кроме этой «находки», не было и не существует до сих пор никаких более серьезных доказательств того, что Австралия была прародиной человека. Древнейшие костные остатки людей, обнаруженные на этом континенте, относятся к человеку современного физического типа, неоантропу.

Точку зрения, прямо противоположную взглядам Шётензака и Клаача, защищали в конце прошлого — начале нашего столетия геологи Броу Смит, Р. Этеридж и Дж. Грегори, которые считали, что человек заселил Австралию сравнительно поздно [684, 364; 280, 259—266; 343, 120—144]. Грегори, например, утверждал, что аборигены населяют Викторию всего

лишь несколько сотен лет.

Труды теоретиков-эволюционистов оказали большое влияние на таких выдающихся полевых исследователей, как Л. Файсон и А. Хауитт, Б. Спенсер и Ф. Гиллен. Но особенное воздействие на этих ученых имели илеи Л. Г. Моргана. Этнографические исследования Файсона и Хауитта, а позднее Спенсера проводились в духе поставленных Морганом проблем. В свою очередь Морган широко использовал материалы

Хауитта и Файсона.

С выходом в свет в 1877 г. книги Моргана «Древнее общество» и в 1884 г. труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» начинается новый период в развитии науки о первобытном обществе, в том числе и в австраловедении. Постановка проблемы этногенеза австралийцев становится углубленнее, все более опирается на достижения в области полевых этнографических исследований, на достижения теоретической этнографии и социологии. Все меньше становится людей, разделяющих взгляды, подобные взглядам миссионера Дж. Тэплина, который считал, что коренные австралийцы когда-то находились на более высоком культурном уровне, но потом деградировали. Мнение Тэплина. много сделавшего для изучения австралийцев, основывалось на весьма низкой оценке их умственных способностей. Австралийцы якобы неспособны изобрести что-либо новое, и все, чем они обладают, они сохранили от прошлого. Это, по его мнению, вымирающая раса [709, 119—122]. Такие взгляды теперь уже не находили поддержки в науке. В вопросе о заселении Австралии одной из наиболее обоснованных была гипотеза Э. Кёрра. Хорошо знакомый с жизнью австралийцев и языками нескольких племен, Кёрр собрал и опубликовал в своей сводной работе большое количество различных сведений языках и культуре австралийцев [233]. Исследуя локальные различия в языках и культуре австралийцев, Кёрр наметил на континенте Австралии три большие этнолингвистические

области — западную, центральную и восточную. Исходя из этого, он полагал, что австралийцы расселялись по Австралии в меридиональном направлении тремя потоками. Единственное, что, по его мнению, нужно выяснить, - откуда началось заселение материка: с севера или юга. Кёрр рассматривает легенды австралийцев о их происхождении. Во всех легендах рассказывается, что предки австралийцев пришли с севера. Таковы, например, легенды племен, населяющих самую южную часть континента -- Викторию и юго-восточную штата Южная Австралия. Согласно преданиям нарриньери, населявших в XIX в. низовья р. Муррей, предки этого племени спустились на южное побережье Австралии по рекам Дарлингу и Муррею. У. Ридли, считавший, что заселение Австралии началось с мыса Йорк, находящегося на северо-востоке континента, в то же время отмечал, что в разных частях Австралии известны предания о том, что предки местных племен пришли с северо-запада. Основываясь на преданиях и других данных, Кёрр наметил возможные пути расселения австралийцев. Западные племена расселились с северо-запада вдоль западного побережья, вплоть до крайней юго-западной части материка. На востоке, в глубине материка, с этими племенами соприкасается другая группа западных племен (называющих себя мининг, минунг или мирнунг), которые расселились вдоль южного побережья Австралии от Олбани до бухты Стрики. Обе группы родственны лингвистически и культурно. У бухты Стрики западные племена встретились с центральными племенами, которые, расселяясь через центр материка, достигли южного побережья Австралии в районе от бухты Стрики до устья Муррея. Далее к востоку расселились восточные племена, которые, двигаясь от зал. Карпентария на юг вдоль рек, стекающих с Большого Водораздельного хребта, заселили восток и юго-восток Австралии и встретились с центральными племенами у устья Муррея. Таким образом, двигаясь с севера тремя потоками - западным, центральным и восточным, австралийцы постепенно заселили весь континент и встретились на юге в районе залива Спенсера.

Основываясь на легендах и частично исходя из сравнения языков, Кёрр приходит к выводу, что заселение Австралии началось где-то на побережье Кимберли (Северо-Западная Австралия) южнее о-ва Огастес (124°30′ в. д.). Возможность заселения Австралии из Новой Гвинеи через мыс Йорк, по его мнению, не подтверждается, так как аборигены п-ова Кейп-Йорк не отличаются антропологически от остальных аборигенов Австралии, но заметно отличаются от папуасов и жителей островов Торресова пролива. Австралийцы достигли мыса Йорк с юга, двигаясь от зал. Карпентария на северо-

восток.

Гипотеза Кёрра о расселении австралийцев, как видим, очень близка к взглядам Эйра. Как и его предшественник, Кёрр считал, что движение с севера на юг шло в трех главных направлениях: вдоль западного побережья Австралии, вдоль северного и восточного ее побережья и через центр материка, и все три потока встретились на южном берегу.

О времени, когда началось заселение Австралии, Кёрр не мог сказать ничего более определенного, кроме того, что это было «очень давно». Относительно происхождения австралийцев он предполагал, что они отделились от единого «негритянского ствола» еще в то время, когда негры не имели лука и стрел, и что, находясь в изоляции, австралийцы сохранили особенности языка и культуры древних негроидов в большей мере, чем сами африканские негры. Вопрос о том, каким образом эти негроиды попали в Австралию, Кёрр решал довольно просто: они приплыли в лодках, может быть даже в одной лодке, о чем свидетельствует физическая однородность аборигенов. О том, что предки австралийцев прибыли именно в лодке, говорят, по мнению Кёрра, широко распространенные среди аборигенов легенды о том, что их предграмента в предка пространенные среди аборигенов легенды о том, что их предграмента в предка прибыть в предка в прибыть в предка в прибыть в предка в прибыть в предка в предка в прибыть в предка в п

ки вышли из моря.

Таким образом, вопреки тем, кто смотрел на австралийцев как на продукт смешения рас, кто считал, что современным австралийцам предшествовали тасманийцы, Кёрр, основываясь на однородности физического типа аборигенов и в значительной мере их культуры, был убежден, что коренное население Австралии произошло от небольшой изолированной группы, принесшей в Австралию единство антропологического типа и культуры (локальные различия внутри которой образовались позднее). Кёрр был первым, кто попытался во всеоружии того материала, которым он располагал, наметить в Австралии этнолингвистические области, обладающие каждая своей культурной и языковой спецификой, и, руководствуясь этим, выяснить пути расселения австралийцев. Методы Кёрра, как и его выводы, напоминают методы Эйра, но Кёрр пошел дальше своего предшественника. Тонкие наблюдения Кёрра и некоторые его гипотезы и сейчас еще заслуживают внимания.

Рассматривая австралийских аборигенов как единый по своему происхождению расовый тип и в то же время признавая наличие в их культуре локальных вариантов, Кёрр объяснял последние расселением австралийцев на пространствах огромного континента. Кёрр, а ранее Эйр полагали, что локальные различия в культуре и языках аборигенов образовались в процессе расселения.

Наиболее ярким сторонником противоположного направления в решении проблемы этногенеза австралийцев был Дж. Мэтью, которому принадлежит первая (и, пожалуй, един-

ственная в своем роде) попытка обосновать гипотезу смешанного их происхождения путем широкого привлечения разнообразных этнографических, лингвистических и антропологических данных. Взгляды Мэтью — миссионера, много лет изучавшего аборигенов Квинсленда, которых он близко знал, — были изложены им впервые в 1889 г. в статье, а затем более развернуто в двух книгах — «Клинохвостый орел и ворон» (1899 г.) и «Два племени Квинсленда» (1910 г.) [488; 489]. Свою теорию Мэтью удачно назвал «конфликтной теорией». В основе ее лежит идея о том, что австралийская культура в различных ее проявлениях отражает столкновение двух рас.

Теория Дж. Мэтью заключается в следующем. Предки ныне исчезнувших тасманийцев были автохтонами Австралии. По расовым признакам они были родственны папуасам и меланезийцам. В то время Тасмания составляла одно целое с Австралией. С образованием Бассова пролива Тасмания и ее обитатели оказались изолированными от материка, и поэтому тасманийцы сохранили свой расовый тип. Между тем в Австралию вторглись представители иной расы. Они пришли с северо-востока. Пришельцы были, вероятно, родственниками дравидов Индии, веддов Цейлона и тоала Сулавеси (Целебеса). В отличие от своих курчавоволосых предшественников они имели волнистые волосы и более светлую кожу. Пришельцы постепенно расселялись по стране, поглощая истребляя первоначальное негроидное население, пока наконец не заселили всю Австралию. Следы негроидного субстата, однако, еще заметны на юго-востоке, в Виктории, где местные диалекты сохранили и некоторое количество чисто тасманийских слов. Современные австралийские аборигены, следовательно, гибридная, смешанная раса, состоящая «тасманийских и азиатских элементов». Это смешение видно из того, что австралийцы имеют общие антропологические черты и с тасманийцами, и с коренным населением Центральной и Южной Индии.

Мэтью не соглашался с антропологом Клаачем, который считал, что тасманийцы и австралийцы произошли от единого расового ствола, но вследствие длительной взаимной изоляции физически обособились и специализировались. Он ссылался на другие авторитеты в антропологии, подтверждающие его теорию [489, 41, 47—48]. Так, по мнению Топинара (о взглядах которого мы уже упоминали), Австралию первоначально населяла курчавоволосая тасманоидная раса, с которой смешалась пришедшая позднее раса, родственная некоторым народам Центральной Индии и Цейлона. Не исключал Топинар и папуасской примеси, идущей из Новой Гвинеи. А. Лессон, основываясь на данных краниометрии, также находил в расовом типе австралийцев сочетание признаков различных рас, идентичных негритосам, папуасам и малайцам.

Древний негроидный тип и в настоящее время сохранился на многих островах Океании. К тасманийцам, например, очень близки андаманцы, на что указывал еще Линг Рот, автор работы о тасманийцах. Антропологические измерения показали близость тасманийцев и к меланезийцам Новой Каледонии. На сходство между новокаледонскими и тасманийскими языками указывал Латам (на этом основании он полагал, что тасманийцы мигрировали с Новой Каледонии).

Итак, по мнению Мэтью, Австралия, Новая Гвинея и Меланезия были первоначально населены негроидами (он называл их папуасами). Современные меланезийцы, особенно новокаледонцы, во многом близки к ним. В качестве доказательства наличия антропологического негроидного субстрата в Австралии Мэтью приводил случаи курчавоволосости среди аборигенов Нового Южного Уэльса, Виктории, Квинсленда,

Южной и Западной Австралии [488, 8—14].

Не все убедительно в гипотезе Мэтью. Если, например, этническая волна волнистоволосых «дравидов», пришедшая в Австралию с северо-востока, очевидно, через Новую Гвинею, смешалась в Австралии с местным негроидным населением, благодаря чему образовался новый расовый тип, то почему то же самое не произошло на Новой Гвинее, негроидное население которой не обнаруживает признаков такого же смешения?

Далее Мэтью делает еще менее убедительную попытку объяснить некоторые общественные институты австралийцев, прежде всего дуально-фратриальную организацию, слиянием двух различных рас. Подтверждение этому Мэтью видит в названиях австралийских фратрий: в одном племени (или группе племен) они назывались «ворон» и «орел», в другом — «черный какаду» и «белый какаду», в третьем — «темная кровь» и «светлая кровь» и т. п. Эти названия, как ему кажется, отражают наиболее характерный расовый признак — окраску кожи. Экзогамные фратрии и брачные классы возникли, как он полагает, вследствие примирения двух враж-

дебных прежде рас.

Большое значение Мэтью придает «конфликтным» мифам, главным образом о вороне и орле. Эти мифы, рассказывая о вражде и соперничестве мифических героев, отражают, по его мнению, столкновение двух расовых групп [489, 28—31]. Таким образом, Мэтью отождествляет экзогамные фратрии с двумя расами, а в борьбе между героями мифологии он видит отражение борьбы между ними за преобладание, в итоге которой светлая раса победила темную, так как в мифах более сильный и свирепый срел всегда одерживает верх над более слабым черным вороном. Орел и ворон, может быть, вначале были тотемами двух рас, а затем превратились в культурных героев-демиургов племен Центральной и Север-

ной Виктории. В мифе, герой которого, Бунджил,— один из демиургов Виктории, выступающий иногда в образе орла,— сделал из глины двух людей, одного с прямыми волосами, другого с курчавыми, Мэтью усматривает воспоминание авст-

ралийцев о их происхождении от двух различных рас.

Дуально-фратриальная организация — общественный ститут, свойственный, как известно, не только австралийцам, но и многим другим народам мира. В разных частях света широко распространены верования в то, что люди двух фратрий резко отличаются друг от друга, и предания о былой вражде тотемов двух фратрий. Поэтому, объяснив происхождение австралийских фратрий и связанных с ними верований и легенд слиянием двух различных рас, надо объяснить аналогичным образом подобные явления и в других частях света. Без этого трудно согласиться с теорией Мэтью. Но это едва ли возможно. Современная наука по-иному объясняет происхождение дуально-фратриальной организации, но это -- особая проблема, выходящая за пределы нашего исследования. Решающее слово, однако, принадлежит антропологии и археологии: только они могут дать окончательный ответ на вопрос о том, насколько обоснована «конфликтная теория» Мэтью. Ниже, в соответствующих главах работы, мы вернемся к этой проблеме.

Необходимо в связи с этим отметить, что названия австралийских фратрий вовсе не отражают каких-либо реальных физических различий между их представителями в настоящее время и — в свете того, что известно об этногенезе австралийцев современной науке (об этом будет сказано ниже),— очень сомнительно, что они отражали их в прошлом. Любопытно, что, подобно многим другим австралийским этническим группам, аранда, например, тоже делились на две фратрии, причем члены одной из них — так утверждали сами аранда — якобы имели прямые волосы, а другой — волнистые. В действительности, как было установлено исследованиями, никакой разницы в форме волос между представителями этих фратрий не существовало [728, 597—599]. Иногда названия фратрий вообще трудно связать с расовыми различиями, например

«быстрая кровь» и «медленная кровь» у вирадьюри.

Как же австралийцы расселялись по материку? По мнению Мэтью, распространение сходных явлений в языках и культуре австралийцев свидетельствует о том, что их расселение началось с северо-востока, т. е. с п-ова Кейп-Йорк, а так как языки Юго-Западной Австралии имеют много общего с языками Квинсленда, следовательно, в далеком прошлом австралийцы пересекли континент с северо-востока на юго-запад. Мэтью находит сходные по звучанию слова на западе, юге и юго-востоке и прослеживает их вплоть до северо-востока Австралии и даже далее, до островов Торресова пролива

и Новой Гвинеи. По мнению Мэтью, эти лексические и фонетические совпадения — следы расселения австралийцев по

континенту [489, 45; 488, 66-73].

Язык тасманийнев, автохтонного населения Австралии, был субстратом австралийских языков. Мэтью находит много общих слов в языках тасманийцев и аборигенов Юго-Восточной Австралии; но в отличие от Латама он видит мало общего между языками тасманийцев и ново-каледонцев [488, 29-46]. Мэтью допускал, что после того, как негроиды заселили Австралию и Тасманию, Австралия испытала, может быть, даже не одно, а два новых вторжения: сначала пришли дравиды (под ними Мэтью понимал народ родственного дравидам происхождения), затем — малайцы. Дравиды, как было уже сказано, двигались с северо-восточного побережья Квинсленда в юго-западном, западном, южном и юго-восточном направлениях. Мэтью приводит список слов, звучащих одинаково в языках населения Виктории и Западной Австралии, в отличие от языков жителей Центральной Австралии, где те же слова звучат иначе [488, 62]. По его мнению, это доказывает, что более поздние пришельцы (дравиды), расселяясь главным образом в центральных областях Австралии, оттеснили раннее население (папуасов) на окраины, в прибрежные области Востока и Запада. Мэтью согласен с Эйром и Кёрром в том, что движение населения шло в основном с севера на юг и что языковые и культурные различия позволяют наметить в Австралии, как это сделал Кёрр, три большие этнолингвистические области — восточную, западную ральную.

Мэтью одним из первых обратился к предметам материальной культуры для выяснения этногенеза австралийцев. Он был, вместе с тем, одним из первых диффузионистов, его взгляды — полная противоположность взглядам эволюциони-(первая стов, в том числе Б. Спенсера книга рого вышла в том же году, что и первая книга Мэтью). Орудия и оружие тасманийцев примитивнее австралийских, и это значит, полагал Мэтью, что более совершенную технику принесли в Австралию дравиды. Изоляция тасманийцев (после образования Бассова пролива) способствовала сохранению не только их физического типа, но и более примитивной материальной культуры. Так, в Тасмании неизвестны щит, бумеранг и коньеметалка, но и в Австралии есть племена, которым это оружие незнакомо и где в неприкосновенности сохраняются тасманийские традиции в культуре. А простое копье и палица (оружие тасманийцев) распространены в Австралии повсюду. Шлифование камня тасманийцам почти не было известно, но и австралийцы пользовались наряду со шлифованными грубо отесанными орудиями. Это — пережиток древней техники, свойственной негроидному

Б. Смит и Б. Спенсер объяснили существование в Австралии одновременно палеолитической и неолитической техники изготовления орудий самостоятельным, имманентным развитием австралийской культуры, а также условиями географической среды, т. е. наличием в распоряжении того или иного племени каменного сырья, пригодного для той или иной техники. А Мэтью объяснял это тем, что более сильная и развитая. лучше оснащенная раса принесла с собой новую технику, которая не вытеснила старую, а как бы наслоилась на нее. Употребление австралийцами, живущими в бассейне Дарлинга, подобно тасманийцам, каменных топоров без топорищ рассматривается Мэтью как пережиток древней культуры негроидов. Даже то, что аборигены, живущие по р. Барку, бросали камни в неприятеля во время сражений, кажется Мэтью пережитком негроидной культуры, так как подобное делали и тасманийцы. Словом, у первых австралийцев были те же орудия, та же техника, что и у тасманийцев [488, 22— 26]. Только сравнение самых ранних австралийских археологических культур с культурой тасманийцев могло бы подтвердить правильность гипотезы Мэтью. Но в его время археологии Австралии еще не существовало.

Для своего времени это была, несомненно, интересная попытка решить проблему этногенеза австралийцев во всеоружии имевшегося тогда этнографического, лингвистического и антропологического материала. Однако в свете современной науки многое в ней не убедительно. Ее основной недостаток, на что указывали критики Мэтью еще в XIX в., - это недопустимое смешение таких понятий, как раса, культура и язык, т. е. понятий, которые необходимо строго разграничивать. Однако Мэтью принадлежит несколько наблюдений, не утративших своей ценности и сегодня. Таково, например, обнаруженное им сходство в языках Востока и Запада Австралии, в отличие от центральноавстралийских языков, которые как бы вклинились между теми и другими. Важно его открытие древнего субстрата в культуре австралийцев, но попытка объяснить наличие прогрессивных черт в ней вторжением высоко развитых пришельцев не была сколько-нибудь обоснованной. Вообще решающими для теории Мэтью могли быть только данные антропологии и археологии, но их в то время почти не существовало. Тем не менее взгляды Мэтью оказали большое влияние на позднейших исследователей вплоть до настоящего времени, например на австралийского ученого Н. Тиндейла. Близка ко взглядам Мэтью и концепция его современника, этнографа-австраловеда Р. Мэтьюса. Он также придерживался теории смешанного происхождения австра-

В 1904 г. была опубликована книга Альфреда Хауитта «Тузємные племена Юго-Восточной Австралии», итог его мно-

голетних этнографических исследований [387]. Поставив проблему этногенеза австралийцев, Хауитт, подобно некоторым своим предшественникам, встал перед вопросом о происхождении тасманийцев и их роли в формировании коренного

населения Австралии.

По мнению Хауитта, тасманийцы, не располагавшие другими средствами мореплавания, кроме плотов из связанных вместе свертков коры, не могли попасть в Тасманию иначе, как по суше из Австралии в то время, когда Бассова пролива еще не существовало. Хауитту кажется невероятным, чтобы тасманийцы утратили столь необходимое им искусство изготовления лодок, пригодных для морских путешествий, если раньше они были знакомы с ним. Между тем не только тасманийцы, но и австралийцы в прошлом не умели изготовлять деревянных лодок и только население северного побережья Австралии научилось этому от индонезийцев и жителей Новой Гвинеи. Следовательно, не только тасманийцы, но и австралийцы могли попасть на свои земли по суше или через узкие проливы. На помощь приходит теория Уоллеса о существовании в плейстоцене материкового моста Азией и Австралией, пересекаемого неширокими проливами между о-вами Бали и Ломбок и между о-вом Тимор и Австралией. Мост суши существовал, вероятно, также между п-овом Кейп-Йорк и Новой Гвинеей. Миграция австралийцев через Новую Гвинею, а не через о-в Тимор представляется Хауитту, как и Мэтью, более вероятной.

Для решения вопроса о древности человека в Австралии Хауитт попытался привлечь и археологический материал. Но в его время это были случайные находки. Так, в долине р. Хантер на большой глубине под речными наносами были обнаружены камни с бороздами, которые лишь очень условно можно было принять за следы от шлифования каменных

орудий.

Кроме того, положение камней на значительной глубине под речными наносами само по себе еще не свидетельствует о древности находок: ведь такие наносы могли образоваться за сравнительно небольшой срок в периоды сильных дождей. Столь же мало давали сообщения о других находках.

Австралийцев, в отличие от тасманийцев, Хауитт считает народом неолитической культуры, и в этом он ближе к истине, чем Соллас (о взглядах которого было сказано). Правда, Хауитт отмечает, что племена в дельте р. Барку, к востоку от оз. Эйр, в середине XIX в. пользовались грубо обитыми топорами, порой даже без рукояти. Но употребление неотшлифованных топоров аборигенами этой области Хауитт объясняет не тем, что им не было известно шлифование камня (они имели шлифованные орудия, полученные посредством

обмена от племен, живущих к югу), а тем, что в их области

не было материала, пригодного для шлифования.

В основном Хауитт пришел к тем же выводам, что и Мэтью: сначала Австралию населяли тасманийцы, родственные другим негроидам Океании, впоследствии отрезанные от материка Бассовым проливом. Затем, еще до образования Торресова пролива, появился народ-завоеватель с более высокой культурой. Это были темнокожие европеоиды (или, по терминологии Хауитта, «кавказские меланохрои») — одна из ветвей той расы, к которой принадлежат, возможно, дравиды Индии, ведды Цейлона, айны Японии, мяо Южного Китая. Пришельцы или истребили своих предшественников, или смешались с ними. Во всяком случае следы негроидности сохранились в физическом типе австралийцев. Таким образом, коренное население Австралии образовалось из двух расовых компонентов — древнего негроидного и позднейшего европеоидного [387, 23—24, 30—33].

Теорию «двух миграций» разделял и Болдуин Спенсер. Народ европеоидного типа, обладавший сравнительно высокой культурой и поглотивший своих негроидных предшественников, по мнению Спенсера, расселялся по материку с северо-востока тремя путями: вдоль восточного побережья, по системе рек в юго-западном направлении и через центр. Западная Австралия была, по-видимому, заселена этим третьим потоком. Языковая раздробленность австралийцев образовалась в ходе расселения их по необъятной территории континента [697, 15 и далее]. Теория «двух миграций» своеобразно сочеталась у Спенсера с его эволюционизмом, с теорией имманентного развития австралийской культуры, о которой говорилось выше. В этом сказалась известная его непоследо-

вательность.

К числу теоретиков, которые рассматривали австралийцев как продукт смешения народов различного происхождения, можно отнести и Дж. Серджи [665, 111—163], утверждавшего, что австралийцы произошли от смешения полинезийцев с негроидами-тасманийцами, аборигенами Океании и Америки, но в подтверждение приводившего мало доказательств.

К началу XX в. по мере развития этнографических исследований умножилось количество фактов, свидетельствующих об относительной сложности материальной и духовной культуры австралийцев. Этот материал все настойчивее требовал

дифференцированного подхода.

В первой четверти XX в. проблема формирования культуры австралийских аборигенов была поставлена снова, на этот раз в работах основателей культурно-исторической школы в этнологии — Фрица Гребнера, а затем Вильгельма Шмидта, которые и попытались дифференцировать элементы австралийской культуры, отнеся их к тем или иным — скон-

струированным ими — культурным комплексам, или «культурным кругам», в разное время якобы распространявшимся по территории Австралии. В культуре австралийских аборигенов Гребнер выделил четыре пласта: тасманийскую культуру (наиболее раннюю), культуру бумеранга, тотемическую и двухклассовую культуры. Напластование культур он объяснял диффузией, распространением их из каких-то иных географических ареалов или центров, происходившим в разные исторические эпохи. Культуры, как бы оттесненные на периферию культурной области, Гребнер рассматривал как наиболее ранние. Он полагал, что древнейшие культурные пласты в наибольшей степени сохранились на юго-востоке, юго-западе и северо-западе Австралии [332, 28—53; 333, 181—186, 207—210, 220—224, 237—241; 334, 726—780, 998—1032; 335, 341—378].

Метод Гребнера в целом дает сравнительно немного для понимания этногенеза австралийцев. Один из основных пороков его построений состоял в том, что его культурные круги или слои, несмотря на их названия (например, тасманийская культура), не связывались им с реальными носителями культур — конкретными народами. Последние не интересовали Гребнера. Он отрицал саму возможность развития культур, они были для него как бы неизменными субстанциями, подверженными в ходе исторических судеб только перемещениям

и комбинациям в пространстве.

В. Шмидт, используя методы и построения Гребнера и развивая их в своих исследованиях общественного строя, мифологии и языков аборигенов Австралии, попытался выяснить характерные особенности того культурного комплекса, который казался ему наиболее архаичным. В древнейшей австралийской культуре он искал доказательства своей концепции о первичности монотеизма — веры в единого богатворца, моногамии и частной собственности. Искомую культуру Шмидт нашел на юго-востоке Австралии [649, 866—901; 650, 328—377; 652, 157—160, 173—176, 186—189; 653; 654; 655]. О выводах Шмидта будет сказано в соответствующих главах.

Исследования конца XIX — начала XX в., по мнению одного из сторонников культурно-исторической школы, «вдребезги разбили фикцию единства австралийской культуры» [767, 138]. В Англии решительным противником взгляда на австралийскую культуру как единую по своему происхождению и составу был У. Риверс, выступивший с критикой эволюционизма и, в частности, свойственного ему положения о «первобытности» австралийского общества; для него была вне сомнений сложность австралийской культуры, которую он рассматривал как результат диффузии культурных комплексов из окружающих Австралию областей Океании [632]. Наи-

более крайний диффузионизм, граничащий с фантастикой, мы находим в книгах Э. Смита и У. Перри. Последний искал в Австралии (так же как и на всех других континентах и архипелагах) следы своих «детей солнца», носителей высокой неолитической цивилизации, возникшей в Египте [608].

К исследованиям культурно-исторической школы примыкает работа швейцарского этнографа Ф. Шпейзера «Опыт истории заселения Океании» [692, 14—19, 69—73]. Правда, его метод в одном важном отношении отличается от метола школы культурных кругов: Шпейзер пытается увязать различные культуры с конкретными этническими общностями. Поэтому в его схеме есть доавстронезийская культура, австронезийская культура, культура низкорослых племен (под которыми имеется в виду население внутренних областей Новой Гвинеи — «горный вариант меланидов», как называет их Шпейзер, культура их, впрочем, не отличается от культуры окружающих папуасов) и т. д. Есть здесь и австралийская культура (ее элементы: шлифованный топор, который, по мнению Шпейзера, является предшественником валиковых топоров Меланезии, прикрепление каменных орудий к древкам с помощью смолы, огневая пила, копьеметалка, отражательный щит, возвращающийся бумеранг, чуринга и т. д.). Распространение этих культурных элементов показывает, что австралийны попали на свой материк через Юго-Запад Новой Гвинеи. Их предшественниками были тасманиды (или палеомеланезиды) — представители древнейшего населения Океании, этом говорят их окраинное расселение и палеолитическая (мустьерского характера) культура. Им сродни байнинги Новой Британии. Они имели только плот из коры, поэтому не могли предпринимать плавания на большие расстояния и. следовательно, попали в Океанию в ту геологическую эпоху, когда между Индонезией и Новой Гвинеей существовал материковый мост. Они пересекли Торресов пролив и двинулись вдоль восточного берега Австралии на юг, пока наконец не достигли Тасмании, которая составляла с Австралией одно целое. Часть их осталась в Австралии и была затем поглощена австралийцами, будучи сначала оттеснена на юг страны. Другая часть осталась на Новой Гвинее, а третья переправилась оттуда в Новую Британию на плотах через Дампьера. Следующей за тасманидами этнической были австралийцы (австралиды), народ сначала палеолитической, а затем, когда началось шлифование камня, мезолитической культуры. Из Азии они достигли Океании, как и тасманийцы, по суше, так как тоже не имели хороших средств навигации. Большая часть австралийцев переправилась через Торресов пролив в Австралию и заселила ее, но не достигла Тасмании. Антропологические и культурные следы лийцев обнаруживаются в настоящее время на островах Индонезии. Папуасы Новой Гвинеи образовались из смешения сохранившихся там тасманидов с вторгшимися австралидами.

По Шпейзеру, все сходные явления культуры происходят из одного источника и принадлежат (или принадлежали) определенному этническому слою, их носителю. Таким образом, диффузионизм господствует и в этой схеме. Подобно Гребнеру, Шпейзер отрицает возможность самостоятельного и параллельного развития сходных явлений культуры у разных народов. Таково общее впечатление от его концепции.

Возбуждает она и некоторые вопросы по конкретным проблемам, на которые ответа не дает. Неясен, например, антропологический тип австралидов, пришедших из Азии. По-видимому, это были волнистоволосые люди, вроде современных австралийнев, веддов Цейлона или тоала Сулавеси. В таком случае непонятно, почему из их смешения с тасманидами получились в одном случае современные австралийцы (в Австралии), а в другом — негроиды-папуасы (на Новой Гвинее). Это — вопрос, на который не ответил в свое время и Мэтью.

Значительно большего внимания заслуживают исследования Д. С. Дэвидсона, который стремился выяснить, в какой последовательности на континенте Австралии появлялись те или иные элементы культуры и как они распространялись по материку [238 и др.] Австралия, несмотря на ее изоляцию, никогда не была полностью отрезана от общения с внешним миром, и поэтому в культуре ее коренного населения наряду с явлениями, принесенными в эпоху первоначального заселения или возникшими впоследствии, можно проследить также разновременные влияния из Западной Океании, Новой Гвинеи и Индонезии. В последние годы сложный характер австралийской культуры был убедительно показан в работах австралийского археолога и этнографа Ф. Маккарти [499, 241—320; 511, 243—262; 514, 189—190]. «Австралийская проблема, — говорит он, — составляет часть океанийской проблемы» [511, 259].

Заканчивая обзор, остановимся на теории С. Портьеса [613, 230—254]. По его мнению, на всей культуре австралийцев, на их общественной организации, на свойствах их психики лежит отпечаток приспособления к обитанию в суровых, неблагоприятных условиях сухих областей Центральной Австралии. Поэтому он полагает, что эти области и были тем географическим и культурным центром, где сформировались и откуда распространились основные характерные черты культуры и образа жизни австралийцев. Едва ли заселение Австралии началось на северо-востоке (в Квинсленде) или на севере (в Арнхемленде): для чего было бы покидать плодородные северо-восточные или северные берега и заселять негостеприимный центр континента? Областью, откуда началось заселение Австралии, было, как полагал Эйр, ее северо-запад-

ное побережье. Очевидно, австралийцы двигались из Азии на юго-восток под напором малайцев и попали в Австралию через о-в Тимор. Представление о воинственности австралийцев, которые изгоняли другие племена из занимаемых ими областей, противоречит всему, что мы о них знаем. Известно, как прочно связана любая австралийская локальная группа областью своего расселения и как уважаются другими группами границы этой области и право каждой группы на свою территорию. Но плодородная зона Северо-Запада относительно невелика для растущего населения — только этим и было вызвано расселение аборигенов за ее пределы. За продолжительным периодом обитания в области с относительно ограниченными ресурсами последовало постепенное аборигенов в трех главных направлениях: центральном, северном и южном, причем два последних образовали четыре вторичных центра расселения: в Кимберли, в северо-восточном Квинсленде, в Виктории и Новом Южном Уэльсе и, наконец, на юго-западе Австралии. Контакт на окраинах областей расселения объясняет ту физическую, психическую и культурную однородность, которая, по мнению Портьеса, является отличительной чертой австралийской расы. Длительное соприкосновение племен на периферии с теми, что заселили внутренние области материка, способствовало превращению географического центра страны в ее культурный центр. Ни один континент в мире не населен так редко и в то же время нигде нет такого однородного во всех отношениях населения, полагает Портьес.

Факты показывают, однако, что Портьес несколько преувеличивает однородность австралийской культуры. Его гипотеза о том, что пустыни Центральной Австралии были культурным центром всего континента, что особенности культуры и быта аборигенов сложились именно здесь в ходе приспособления к местной географической среде, не встретила поддержки у других исследователей [276, 101—113]. Впрочем, гипотеза эта не была оригинальной, нечто подобное утверждал еще в 1928 г. Д. С. Дэвидсон.

В первой трети нашего столетия сотрудники и единомышленники Б. Спенсера, развивая его идеи о культурной изоляции аборигенов, об эволюции их культуры на месте, главным образом под воздействием географической среды, подчеркивали, в отличие от самого Спенсера, что «австралийцы гомогенны (однородны), в Австралии у них не было предшественников, которых они истребили, и за ними не последовали другие волны переселенцев, даже из их собственного числа» [414, 464—466].

Мы проследили историю проблемы этногенеза австралийцев с начала XVII до середины XX в. Конечно, полностью осветить все разнообразие взглядов, гипотез, теорий невозможно, мы выделили лишь главные тенденции, наметили круг основных проблем. Несмотря на различие точек зрения, их можно дифференцировать и группировать в зависимости от того, как они решают некоторые основные вопросы, например: о происхождении аборигенов Австралии от одной или нескольких различных расовых и этнических групп, откуда началось заселение австралийского материка и как расселялись племена по их новой родине, какой была их культура вначале и как развивалась она в дальнейшем. Нам еще предстоит убедиться в том, что даже наиболее выдающиеся научные достижения временны и относительны, ибо они находятся в зависимости от достигнутого уровня развития науки в целом.

Решение проблемы этногенеза коренного населения Австралии невозможно, пока исследователи ограничиваются одной или даже двумя группами источников, например этнографией и лингвистикой. Для того чтобы сойти с зыбкой почвы гипотез и встать на более твердую почву фактов, нужны были интенсивные антропологические и археологические исследования в самой Австралии и за ее пределами. И такие исследования начались в конце 20-х — начале 30-х годов нашего столетия.

Только в эти годы в Австралии возникла подлинно научная (а не дилетантская, как прежде) археология, и перед проблемой этногенеза австралийцев открылись новые горизонты. Взгляды современных исследователей на эту проблему мы рассмотрим в последующих главах, а наряду с этим вернемся и к некоторым теориям, изложенным выше, с тем чтобы критически оценить их в свете современных исследований.

Для советских ученых, как правило, характерно стремление строить этногенетические исследования на данных антропологии, археологии, этнографии и языкознания купности. Такие комплексные исследования — наиболее верный путь к решению проблем этногенеза. Здесь прежде всего необходимо назвать работу В. В. Бунака и С. А. Токарева «Проблемы заселения Австралии и Океании» [13, 497—522; 62, 58-77]. Для нее характерен комплексный метод. Однако со времени ее опубликования наука шагнула вперед, и многое в этой работе нуждается теперь в дальнейшем развитии или пересмотре. Это относится, прежде всего, к проблеме первоначального заселения Австралии и расселения австралийцев по материку, к проблеме происхождения особенностей их культуры. На данных преимущественно археологии основан очерк А. П. Окладникова «Заселение Австралии» [22, 86-88]. Можно упомянуть также обзорную статью А. М. Золотарева [36, 34—36]. Однако Золотарев, подкрепляя свои изгляды теорией Вегенера о расхождении материков, считал австралийских аборигенов автохтонными жителями Австра-

лии, что нельзя признать обоснованным.

В предлагаемой книге автор ставит своей целью ввести в научный оборот с возможно большей полнотой новейшие достижения различных наук, освещающие проблему этногенеза австралийцев, в том числе данные археологических и антропологических исследований, радиоуглеродного анализа, исследований групп крови и т. д. Впервые в работу такого характера вводится географический фон, делается попытка на основе огромного материала, накопленного наукой, реконструировать природные условия, в которых протекало развитие австралийцев от заселения материка до европейской колонизации. И так как этническая история австралийцев, по существу, пишется впервые, автор считает методологически правильным прежде всего изучить, критически проанализировать каждую группу источников в отдельности. Этого требует и сама логика изложения. Ведь каждая группа источников связана и с определенным комплексом проблем. В заключении результаты, достигнутые путем изучения материалов различных наук, синтезируются, обобщаются, и история австралийцев предстает как единый, цельный процесс.

Глава 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АВСТРАЛИЙЦЕВ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ И ГЕОЛОГИИ

МЕСТО АВСТРАЛОИДОВ СРЕДИ ДРУГИХ РАСОВЫХ ГРУПП ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. СПЕЦИФИКА АВСТРАЛОИДНОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

Проблема происхождения австралийцев и тасманийцев — одна из важнейших в антропологии. Она тесно связана с такими проблемами, как становление человеческих рас (расогенез), систематика рас, характеристика древнейших расовых типов человечества, их взаимоотношения и связи и их

расселение по земле.

В антропологическом отношении аборигены Австралии занимают особое место среди других расовых групп человечества. В целом для них характерны темно-коричневая кожа, волнистые черные волосы, обильное развитие третичного волосяного покрова на теле и на лице (у мужчин), довольно покатый лоб с развитыми надбровными дугами, очень широкий нос с низким или средней высоты переносьем, крупные зубы, средние размеры скулового диаметра, прогнатизм, рост выше среднего и высокий, долихоморфность, долихокефалия. Таким образом, для австралийского антропологического типа характерно сочетание признаков различных рас — темная кожа, широкий нос и прогнатизм негроидов, волнистые волосы и развитый третичный волосяной покров европеоидов и т. д.

Указанные признаки позволяют отнести аборигенов Австралии к особой австралийской расе. В этом отношении между антропологами, по-видимому, нет разногласий. Разногласия начинаются дальше. Большинство советских антропологов включает австралийскую расу в большую экваториальную, или австрало-негроидную, расу. Кроме австралийцев сюда входят веддоиды (веддоидная, или цейлоно-зондская, раса), айны, папуасы и меланезийцы, негритосы, негры, негрилли (центральноафриканская раса), бушмены и готтентоты (южноафриканская раса). Промежуточное положение между экваториальной и европеоидной большими расами занимают эфиопская (восточноафриканская) и южноиндийская (дравилийская) расы. Промежуточное положение между экваториальной и монголоидной большими расами занимают поли-

незийцы и микронезийцы [97; 29, 129—142; 30, 74—94; 31,

8-9, 118-123; 80, 347-359].

Иной взгляд на положение австралийцев среди расовых групп человечества высказывает В. В. Бунак [11, 86—105; 12, 125—135]. По его мнению, австралоиды формировались независимо от типов тропического пояса (к которым принадлежат курчавоволосые группы Океании и Африки) и «в целом стоят ближе к северным антропологическим типам, особенно к их древнейшим исходным формам» [11, 99]. По мнению В. В. Бунака, сочетание важнейших признаков, характерное для австралийцев, служит основанием для выделения их в особую австралоидную большую расу, в отношении систематики равноценную негроидной и европеоидной расам.

Аналогичную точку зрения высказывают и некоторые зарубежные антропологи, которые, подобно Т. Гексли в прошлом веке, тоже рассматривают австралоидов как особую расу наряду с негроидной, европеоидной и монголоидной большими расами. Так, по мнению американского антрополога У. Хауэллса, посвятившего австралийцам специальную работу [385], они представляют собой особую большую расу, притом самую архаическую из ныне существующих рас. Такой же точки зрения в известной мере придерживается и К. Кун. по мнению которого австралоиды формировались независимо от расовых групп Европы и Африки. Они сложились еще в плейстоцене, на территории Юго-Восточной Азии, и их развитие протекало в том особом культурно-историческом мире, к которому принадлежат и монголоиды [220, 155, 287]. Взгляды Куна, как увидим дальше, близки к взглядам американского археолога Х. Мовиуса.

Наконец, некоторые антропологи (главным образом американские) включают австралийцев в качестве одной из архаических рас в большую европеоидную расу наряду с айнами, дравидами и веддами [380; 430; 300, 53—56]. Мнение об антропологической близости австралийцев к древнему (позднемустьерскому или ориньякскому) населению Европы высказывал еще А. Грдличка. Так, он обратил внимание на частые случаи появления светлых волос у чистокровных аборигенов Центральной Австралии, особенно у детей, у которых с возрастом волосы темнеют [388, 150—156; 389, 137—139].

Такие разногласия, по нашему мнению, лишь свидетельствуют об особом положении австралийской расы среди других человеческих рас, о сосуществовании в австралийском антропологическом типе признаков различных рас. Но сторонники одной точки зрения придают решающее значение тем антропологическим особенностям, которые сближают австралийцев с негроидной большой расой, сторонники другой — тем, которые сближают их с европеоидами. Наконец, третьи

за основу берут то обстоятельство, что австралийцы занима-

ют особое положение среди других человеческих рас.

Локальные различия внутри австралийской расы невелики. Так, на севере Австралии (в Арнхемленде и на о-вах Мелвилл и Батерст), а также на северо-востоке (в Квинсленде) и кое-где на юго-востоке (в Виктории) довольно часты курчавые волосы (реже они встречаются и в других местах). Южные австралийцы по сравнению с северными в целом несколько ниже ростом, более широконосы (некоторые исследователи, впрочем, это отрицают), обладают более развитым третичным волосяным покровом и, по некоторым данным, более низким черепом. Небольшая группа аборигенов Квинсленда обладает некоторыми тасманоидными антропологическими признаками. Частично эти различия объясняются папуа-меланезийской примесью на севере и северо-востоке и сравнительно большим сохранением архаического австралийского антропологического типа на юге. Отчасти они могут быть объяснены процессами внутригрупповой изменчивости.

По мнению многих виднейших антропологов, австралийцы представляют собой в известной мере обобщенный, неспециализированный, протоморфный, нейтральный антропологический тип, более, чем какая-либо другая современная раса, близкий к ранним, исходным, архаическим формам неоантропа. В связи с этим признается, что основные расы современного человечества на первоначальной стадии их формирования характеризовались известной недифференцированностью расовых признаков и многие группы неоантропов в то

время обладали австралоидными чертами.

Протоавстралоидные антропологические особенности были свойственны и предкам современных австралоидов, насколько можно судить по ископаемым их скелетам. Различия между австралоидами и протоавстралоидами не очень велики. По сравнению с современными австралоидами протоавстралоиды обладали более массивными лицевым скелетом и зубами, более крупными размерами нёба, сильнее выраженным прогнатизмом, большим наклоном лба и более мощными надбровными дугами.

Таким образом, негроидный, европеоидный и монголоидный расовые типы можно рассматривать сравнительно с протоавстралоидным как более поздние, сформировавшиеся в ходе последующей эволюции в различных географических ус-

ловиях и более специализированные.

Одним из первых такую точку зрения высказал К. Штратц. Он отмечал, что в антропологическом типе австралийцев прослеживаются черты всех трех, позднее дифференцировавшихся, основных рас человечества. Это не означает, что общие предки трех основных рас выглядели в точности как современные австралийцы; австралийцы сами продолжали разви-

ваться, но все же они сохранили особенности первоначального, исходного типа в большей чистоте, чем остальные расы. Австралийцев Штратц включил в группу рас, названных им

протоморфными [705, 189—200].

Г. Клаач считал, что три главные расы человечества — европеоиды, негроиды и монголоиды — развились и дифференцировались из общего австралоидного ствола [21, 360]. Э. Эйкштедт рассматривал австралийцев как древнейшую недифференцированную расу, сочетающую признаки, нашедшие обособленное и более яркое выражение в процессе дальнейшего развития [273, 231—254; 274].

Сходный взгляд разделяют и некоторые советские антропологи. Так, Г. Ф. Дебец допускал принадлежность протоавстралоидов к протоморфным, исходным, архаическим формам неоантропа [31, 77]. В. В. Бунак рассматривает человека позднего палеолита как представителя обобщенной, недифференцированной, архаической формы неоантропа, в строении которого преобладали негроидные и австралоидные краниологические особенности [11, 86—88]. И эта точка зрения дает основание рассматривать австралоидный тип как близкий

к ранним, исходным формам неоантропа.

Хауэллс считает, что австралийцы стоят ближе, чем какая-либо другая современная раса, к ранней, исходной стадии в развитии неоантропа. Сохранив благодаря изоляции свой древний антропологический тип, они в значительной степени представляют стадию морфологического развития, достигнутую неоантропами Азии в ту отдаленную эпоху, когда они начали заселение Океании. По ряду морфологических признаков австралийцы менее специализированы, чем любая другая современная раса. Поэтому их следует рассматривать как древнейшую из существующих ныне рас, как прямых потомков первых представителей неоантропа, а негроидов как следующую за ними по времени становления расу. Формирование современных рас происходило не одновременно, но было прогрессивным процессом, наиболее ранним этапом которого и была австралоидная стадия [385, 71, 74, 77].

Изложенная выше концепция выражена известным английским антропологом А. Кизсом в следующих словах: «Из всех ныне существующих человеческих рас только австралийцы, как мне кажется, могли бы быть общим предком для всех современных рас... Австралийские аборигены обладают как раз такими промежуточными и обобщенными чертами, какими и должен был обладать общий предок всех современных рас». В большей степени, чем какая-либо другая современная раса, аборигены Австралии и Тасмании сохранили особенности того ствола, из которого выросли и развились все остальные расы [407, т. 1, 375; т. 2, 457, 713]. Австралийский антрополог Э. Эбби, известный исследованиями по

антропологии современных аборигенов Австралии, также отмечает, что они представляют собой обобщенный расовый тип, из которого могли произойти и, по-видимому, произошли все другие человеческие расы [107, 91—100].

Необходимо отметить, что Кизс, Эбби и некоторые другие исследователи освещают проблему односторонне и неполно.

Мнение об архаическом положении австралийской расы основано на существовании у австралийцев ряда признаков, сближающих их либо с неандертальцами, либо с какими-то иными предками современных людей. К числу неандерталоидных признаков относится строение лба и надбровных дуг. Хотя сплошной надглазничный валик, характерный для неандертальцев, у австралийцев отсутствует, но все же надбровные дуги у них развиты сильнее, чем у многих других современных людей. Лоб у австралийцев более наклонный, зубы в среднем несколько крупнее, а подбородочный выступ в среднем развит несколько меньше, чем у других рас Ното sapiens. Все это в общем верно. Однако по другим особенностям строения черепа, эволюционно не менее важным, австралийцы, наоборот, отстоят от неандертальцев дальше, чем другие расы. Сюда относится, например, отношение высоты лица к высоте мозговой коробки; по этому признаку сибирские монголоиды гораздо ближе к неандертальцам, чем австралийцы. Пропорции тела у австралийцев (например, отношение длины ног к длине туловища) также ставят их далеко от неандертальцев. По этому признаку и европейцы, и монголы ближе к неандертальцам, чем австралийцы.

Польский антрополог Ева Кручкевич исследовала серию из 45 скелетов австралийских аборигенов, составляющих часть австралийской коллекции Клаача. Подобно советским антропологам В. В. Бунаку, Г. Ф. Дебецу, Я. Я. Рогинскому, она пришла к выводу, что никакой особой морфологической близости между скелетами австралийцев и неандертальцев не существует. Напротив, по многим признакам скелеты австралийцев резко отличаются от неандертальских и являются

их прямой противоположностью [431].

Лицевой скелет австралийцев характеризуется наличием прогнатизма. Лицевая линия (например, от корня носа до края верхней челюсти между резцами) занимает у них более наклонное положение, чем у европейцев или монголов, у которых она почти вертикальная. Основываясь на строении лицевого скелета обезьян, это можно считать примитивным признаком. Но нельзя не заметить, что у неандертальцев уже не было прогнатизма. Многие морфологи полагают, что между прогнатизмом негроидов и австралоидов и прогнатизмом обезьян существует лишь внешнее формальное сходство, что общая морфологическая структура здесь совершенно различна.

Из числа признаков, не относящихся к лицевому скелету, обращают внимание на волнистые волосы австралийцев. Действительно, это более нейтральная форма, чем прямые и жесткие волосы монголоидов или курчавые волосы негроидов. Вероятно, эта форма является более древней, хотя прямых доказательств этому нет. Далее, говорят о сильном развитии третичного волосяного покрова у австралийцев. Считается (и не без основания, конечно), что тело у наших предков было волосатое. Совсем не бесспорно, однако, что сильный волосяной покров на теле у австралийцев, айнов, южных европейцев представляет собой случай сохранения свойства животных предков. Ведь у всех этих рас волосяной покров сильно развит только у мужчин. А волосатость наших отдаленных предков была свойством обоих полов. Не исключено поэтому, что сильное развитие волосяного покрова у некоторых человеческих рас является скорее более поздним свойством. Возможно, наконец, что в одних случаях в процессе формирования человеческих рас имело место увеличение, а в других, наоборот, уменьшение волосяного покрова на теле.

В общем надо признать, что проблема расообразования — одна из сложнейших и далеких от окончательного решения проблем антропологии, что пути и факторы расообразования известны нам еще далеко не достаточно. В виде рабочей гинотезы можно сформулировать положение о том, что комплекс признаков австралоидной расы, в основном сформировавшийся, вероятно, еще за пределами Австралии, но все же условиях относительной изоляции, на окраине ойкумены, впоследствии испытал воздействие еще большей изоляции уже на территории Австралии. В этих условиях сочетание как сравнительно древних, архаических, так и более молодых физических признаков стабилизировалось. По-видимому, все же именно австралийская раса более, чем какая-либо другая, сохранила некоторые физические особенности, свойственные неоантропам эпохи позднего палеолита.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ ДРЕВНЕГО АВСТРАЛОИДНОГО ТИПА

П готоавстралоиды позднего палеолита

Итак, протоавстралоиды могут рассматриваться как стадиально один из наиболее ранних антропологических типов современного человека. Однако процесс расообразования, расовой дифференциации протекал на территории древней ойкумены неравномерно. Австралоидные или, в более широком смысле, экваториальные антропологические типы длительное время сохранялись в некоторых, наиболее изолированных и удаленных от зон интенсивного расового смешения областях Северной и особенно Южной Америки. То же самое и в силу тех же причин происходило и в Юго-Восточной Азии. Архаические экваториальные формы длительное время, вплоть до неолита, сохранялись в материковой и островной Юго-Восточной Азии, особенно в тех ее областях, которые были наиболее удалены и изолированы от соприкосновения с иными расовыми типами. А в отдельных районах Юго-Восточной Азии австралоидные и родственные им антропологические типы сохранялись очень долго, а местами представлены и сейчас. Из Юго-Восточной Азии началось заселение Австралии. Вот почему мы уделяем ей особое внимание.

Но прежде чем перейти к позднепалеолитическим протоавстралоидам Юго-Восточной Азии, необходимо коротко остановиться на теории полицентризма в той лишь части, которая имеет отношение к нашей теме (подробное изложение ее основных концепций и их критику читатель найдет в совет-

ской антропологической литературе).

Согласно теории полицентризма, один из независимых центров эволюции человека находился в Юго-Восточной Азии, где прямая линия развития шла от питекантропа через явантропа (нгандонгского человека) к ваджакскому человеку (о том и другом подробнее будет сказано дальше), а от последнего — к современным австралийцам. В число наиболее известных сторонников этой теории входят А. Кизс, К. Кун, Ф. Вейденрейх (в работах последнего теория полицентризма получила наиболее развернутое выражение). В России еще в начале 30-х годов ХХ в. И. И. Пузанов связывал австралийцев непосредственно с питекантропами [76, 57—66].

Австралийцев и питекантропов начали сравнивать уже в 1896 г., два года спустя после того, как Е. Дюбуа сообщил о своем открытии питекантропа. Позднее Г. Клаач, посетивший Австралию, отметил в своем отчете значительное, по его мнению, сходство между черепами австралийцев и тасманийцев, с одной стороны, и черепом питекантропа — с другой. Наконец, уже в наше время А. Кизс и К. Кун, подходя к проблеме осторожнее, все же усматривают в яванских питекантропах предков австралийцев, которые, по их мнению, ведут свое происхождение от питекантропов через ряд промежуточных форм — явантропов, ваджакцев и т. д. [408, 94; 409, 258—260; 219, 410—411]. Аналогичную концепцию мы находим и в работах Ф. Вейденрейха. Концепция эта, принятая многими зарубежными антропологами, исходит все из той же постулируемой специфической близости между всеми звеньями этого ряда, представляемого как единая генетическая цепь. Однако, как увидим дальше, есть основания полагать, что ряд этот обрывается на человеке из Нгандонга.

Фрагменты одиннадцати минерализованных черепов явантропов, обнаруженных в 1931—1932 гг. на Яве около селения Нгандонг, на р. Соло, недалеко от Триниля — места находки питекантропа, — это пока единственные в Юго-Восточной Азии находки палеоантропов. Они обитали здесь, повидимому, в раннем вюрме, в эпоху среднего палеолита. Геологический возраст явантропов (Homo soloensis) определяется как верхнеплейстоценовый. Их предки — архантропы (к которым принадлежали и питекантропы) — жили в эпоху древнего палеолита.

По одним морфологическим особенностям черепа явантропов чрезвычайно специализированы, по другим — они сближаются с черепами неандертальцев и даже людей современного типа. Но они обладают и комплексом очень примитивных черт, которые ставят их рядом с черепами питекантропов, особенно яванских. Это дало повод Ф. Вейденрейху, в соответствии с его концепцией, рассматривать явантропов и людей из Ваджака (Ява) как два последовательных звена в эволюции гоминид от питекантропов к современным австралийцам. Так, по мнению Вейденрейха, по форме лба современные австралийцы мало отличаются от явантропов и

даже питекантропов [777, 127—300; 779, 5—134].

Генетическая связь между питекантропами и явантропами вполне возможна. Однако Я. Я. Рогинский, доказывая необоснованность теории полицентризма в целом, показал отсутствие специфического сходства питекантропов с австралоидами и соответствия между локальными формами архантропов и палеоантропов, с одной стороны, и обитающими на тех же территориях современными расами — с другой [79]. Советский антрополог М. И. Урысон выражает обоснованное сомнение в возможности «выведения человека современного типа из столь специализированной в морфологическом отношении формы, какой является нгандонгский человек» [94, 133]. Человек из Нгандонга — это, говоря словами П. Тейяр де Шардена, «угасающий побег». Наряду с некоторыми специализированными неандертальцами, он входит в «группу законченных форм» [88, 196—197]. Магистральная линия развития человечества проходит не здесь.

Итак, возможность происхождения австралийцев от питекантропов и явантропов, населявших территорию современной Индонезии в древнем и среднем палеолите, отвергается многими авторитетными специалистами. Однако в позднем палеолите, когда на сцену выступает человек современного типа, мы имеем все основания искать в Юго-Восточной Азии тех, кого можно считать предками аборигенов

Австралии.

Начнем с находки, сделанной Т. Гаррисоном в 1958 г. в Ниа, на севере Калимантана (Саравак), в Большой Ниаской пещере. Пещера эта была населена людьми на протяжении многих тысяч лет, с глубокой древности до начала нашей эры.

Здесь, на глубине более двух метров, под многочисленными культурными слоями, содержавшими следы деятельности многих сменявших друг друга поколений, был обнаружен череп, принадлежавший либо девушке (по первым сообщениям), либо мальчику-подростку (по позднейшим сообщениям) в возрасте 15—17 лет. Череп этот отличается общим грацильным обликом, сравнительно небольшими абсолютными размерами мозговой коробки, слабо развитым надбровьем и прямым, даже несколько выпуклым, лбом (обе эти особенности, возможно, связаны с полом, если череп женский), низким лицом, заметно выраженным альвеолярным прогнатизмом, широким носом (носовой указатель 66, 3), низким переносьем, сравнительно небольшими зубами, долихокранией [172, 323—349].

Череп из Ниа несомненно принадлежал человеку современного типа. Многие особенности (широкий нос, низкое переносье, прогнатизм и др.) сближают его с черепами древних и современных австралоидов. По мнению Бросвелла и Куна, он очень напоминает черепа современных австралийцев и тасманийцев и отличается от других ископаемых протоавстралоидных черепов сравнительно большой грацильностью. В частности, нёбо и зубы ниаского черепа меньше, чем у черепов других ископаемых протоавстралоидов, но близки по своим размерам и форме к зубам и нёбу австра-

лийцев и тасманийцев [219, 412].

Возможно, что локальные различия внутри восточных протоавстралоидов начали складываться уже на ранней стадии позднего палеолита — в этом нет ничего невероятного, ведь то же самое происходило в ту эпоху и в других частях ойкумены — и люди из Ниа представляли один из таких локальных вариантов восточных протоавстралоидов позднего палеолита. Но единичной находки едва ли достаточно для того, чтобы такой вывод мог быть сделан с уверенностью. Она не исключает и другой возможности: отмеченные особенности ниаского черепа являются его индивидуальными свойствами.

Абсолютный возраст местонахождения, определенный в Гронингенской лаборатории с помощью радиоуглеродного метода, составляет 39600 ± 1000 лет [687, 83—90]. Следовательно, человек из Ниа—современник первых неоантропов Европы, а его культура синхронна наиболее древним европейским позднепалеолитическим культурам. Из этого можно сделать вывод, что Юго-Восточная Азия, по крайней мере частично, входила в зону формирования людей современного типа.

3 в. р. кабо

Согласно новейшим палеоантропологическим материалам, в зону сапиентации входила и материковая часть Восточной

Азии [93; 63, 47 и др.].

Итак, в лице человека из Ниа перед нами очевидный позднепалеолитический предок океанийских австрало-негроидов, в том числе и австралийцев. Более того, сопровождающая находку палеолитическая индустрия весьма архаического облика (чопперы и большие грубые отщепы) — предтеча раннеавстралийских культур. Об этом подробнее будет сказано в одной из глав, посвященных энтогенезу австралийнев по археологическим данным.

В том же слое, в котором находился ниаский череп, были найдены остатки ныне вымершего гигантского муравьеда, подтверждающие древность черепа [379, 350—355]. Несколько ниже, в слоях, содержавших палеолитическую индуст-

рию, найдены кости носорога.

Находка в Ниа еще раз убеждает, что явантропы из Нгандонга едва ли могли быть предками австралоидов. Ведь хронологический промежуток между явантропами и людьми из Ниа был, очевидно, сравнительно невелик. Явантропы жили, вероятно, не ранее 50-60 тыс. лет тому назад (в раннем вюрме). Сомнительно, чтобы за 10-20 тыс. лет из этой, очень архаичной и специализированной, неандерталоидной формы могли сформироваться такие вполне сапиентные австралоиды, каких мы имеем в Ниа и Ваджаке. Но, как уже сказано, та же ниаская находка говорит, что область сапиентации включала и Юго-Восточную Азию. По-видимому, предков протоавстралоидов Юго-Восточной Азии, включая Индонезию, следует искать среди каких-то более прогрессивных неандерталоидов материковой Азии. Отметим в этой связи Схул V, обладающий ярко выраженными протоавстралоидными чертами. В порядке рабочей гипотезы можно предположить постепенное расселение прогрессивных неандерталоидов с запада на восток, т. е. расширение географического ареала их обитания, в ходе которого и происходил процесс их дальнейшей сапиентации. Видимо, не случайно каменная индустрия, обнаруженная в том же слое, что и череп человека из Ниа, очень близка по своему типу к соанской индустрии Северо-Западной Индии.

К позднему палеолиту относится и черепная крышка, найденная Р. Фоксом в пещере Табон на о-ве Палаван (Филиппины). Абсолютный возраст этой находки 30500 ± 1100 лет [670, 5]. Насколько можно судить по крайне неполному ее описанию, крышка эта принадлежала неоантропу и обладает некоторыми австралоидными особенностями. Череп из Ниа и палаванская черепная крышка показывают, что неоантропы-протоавстралоиды населяли ныне островную часть Юго-Восточной Азии 30—40 тыс. лет тому назад. В плейстоцене

о-в Қалимантан и о-в Палаван составляли одно целое с ма-

териксм.

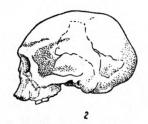
В то же или более позднее время, чем люди из Ниа, на Яве обитали неоантропы, от которых дошли до нас два минерализованных черепа, обнаруженных в 1889—1890 гг. на юге этого острова около Ваджака, у берега древнего озера. Геологический возраст людей из Ваджака (Homo sapiens wadjakensis) точно не установлен. Подобно людям из Ниа, они жили, вероятно, в эпоху последнего оледенения [716, 437—464; 573].

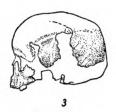
Один из ваджакских черепов — мужской, довольно плохой сохранности, другой — женский. Их описание было опубликовано Е. Дюбуа в 1920 г. [263, 1013-1051]. Уже Дюбуа отметил, что такие их особенности, как покатый лоб, сильно выраженные надбровные дуги, прогнатизм, широкий нос, долихокрания, являются несомненно протоавстралоидными. Эти и другие черты сближают черепа из Ваджака с ископаемыми черепами, найденными в Австралии, особенно с черепом из Кейлора (о котором будет сказано дальше), на что обратил внимание Ф. Вейденрейх [778, 21-32]. Те же морфологические особенности сближают ваджакские черепа с черепами современных австралийцев. Надо, впрочем, указать и на некоторые различия между ними: очень крупные абсолютные размеры ваджакских черепов (емкость мозговой полости черепа Ваджак I — 1550 куб. см, черепа Ваджак II — 1650 куб. см), слабое развитие у них клыковых ямок и др. Последний признак сближает черепа из Ваджака с айнскими [53, 332], что не удивительно, так как и австралийцы, и айны по многим антропологическим признакам очень близки между собой.

К примитивным особенностям ваджакских черепов относятся значительная толщина костей и большая величина поверхности нёба. Эти признаки также сближают ваджакские черепа с ископаемыми протоавстралоидными черепами. В то время как А. Кизс и Дж. Пинкли отрицали протоавстралоидный характер ваджакских черепов, Ф. Вейденрейх согласился с Е. Дюбуа и отнес их к протоавстралоидным [611, 183—200]. Ваджакские черепа, как и ниаский, принадлежали позднепалеолитическим протоавстралоидам, вероятным предкам австралийских аборигенов. Связь между теми и друними совершенно очевидна, что подтверждается и находками ископаемых протоавстралоидных черепов на территории симой Австралии. Возможно, люди из Ваджака и Ниа представляли собой различные локальные варианты океанийских протоавстралоидов эпохи плейстоцена.

Таковы главные находки позднепалеолитических неоантропов в нематериковой части Юго-Восточной Азии. В пределях Индокитайского п-ова остатки позднепалеолитических

Черепа из Кейлора (1), Ваджака (2) и Ниа (3)

неоантропов до сих пор обнаружены не были, но надо надеяться, что со временем такие находки будут сделаны. более что в Люцзяне (Юго-Западный Китай) в 1958 г. был найден череп, датируемый концом позднего плейстоцена [794, 109—118]. Череп этот массивный, узкий, умеренно высокий, удлиненной формы (черепной указатель 75,1), с несколько наклонным лбом и развитым надбровьем, лицо низкое, довольно широкое, уплощенное, нос очень широкий, с низким переносьем, носовые кости выступают слабо, хорошо выражен альвеолярный прогнатизм. Череп, видимо, принадлежал южному монголоиду на одном из первоначальных этапов становления монголоидного расового типа. По некоторым своим морфологическим особенностям он близок к черепам протоавстралоидов из Ниа и Ваджака. «Люцзянская находка является ценным свидетельством в пользу гипотезы о том, что уже в позднем палеолите на юге Китая существовали переходные расовые типы между монголоидами и негро-австралоидами» [63, 44].

Таким образом, в конце плейстоцена, в позднем палеолите, Индонезия, Филиппины и, вероятно, Индокитай были заселены протоавстралоидами, а севернее, в бассейне Сицзяна, в ту эпоху уже существовали расовые типы, занимающие промежуточное положение между протоавстралоидами и монголоидами, — типы, которые можно назвать протомонголоидными. По мнению Н. Н. Чебоксарова, они представляли древние недифференцированные формы, связывавшие обе большие расы Юго-Восточной и Восточной Азии в самом про-

цессе их образования.

Австрало-негроиды мезолита и неолита

В 1936 г. в Северном Лаосе, в Там-понге, был найден женский череп. Ж. Фромаже и Э. Сорен отнесли его к мезолиту и датировали приблизительно 5—4 тысячелетиями до н. э. [293]. По мнению Фромаже и Сорена, в тампонгском черепе сочетаются австралоидные, негроидные и даже евро-

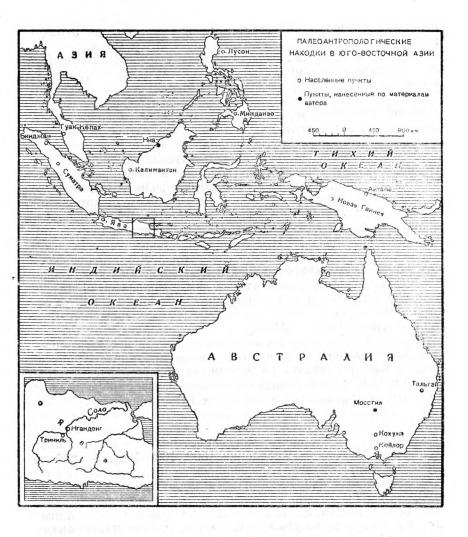
пеоидные признаки. Монголоидные особенности они отрица-

ют. Эйкштедт отнес его к веддоидному кругу форм.

Однако некоторые морфологические особенности тампонгского черепа (например, выступающие скулы) свидетельствуют о его вероятной принадлежности представителю монголоидного расового типа на той стадии развития, когда еще не все специфические черты этого типа успели сложиться [305, 229—253]. Такие черты, как сильная прогнатность, широконосость и некоторые другие, сближают его с люцзянским и другими черепами ранних представителей южноазиатской группы типов, которым были свойственны некоторые экваториальные черты. Возможно, что тампонгский череп, подобно люцзянскому, является промежуточным звеном между протоавстралоидами и монголоидами и свидетельствует о сохранении вплоть до эпохи мезолита древних переходных форм. Однако, как пишет Н. Н. Чебоксаров, более поздняя датировка тампонгского черепа и — главное — «дисгармоническое» сочетание у него монголоидных и австралоидных черт свидетельствуют, скорее, о том, что на нем отразилось смешение уже сложившихся монголоидов, продвигавшихся к югу, с австралоидами, составлявшими коренное население Юго-Восточной Азии [53, 332—334; 98].

К мезолитическому времени могут быть отнесены с большей или меньшей уверенностью также некоторые фрагментарные костные остатки из различных областей Юго-Восточной Азии. К таким находкам относится, например, нижняя челюсть, обнаруженная в 1935 г. в Гуак Кепах, на западе п-ова Малакка в раковинной («кухонной») куче. Согласно В. Мийсбергу, эта челюсть имеет некоторые австралоидные признаки и в то же время напоминает челюсти современных меланезийцев Новой Каледонии [550, 100—108]. В районе Пенанга (п-ов Малакка) был найден череп, который Т. Гексли сравнивал с папуасскими и австралийскими вариантами [393, 265—266]. Можно упомянуть и другие находки. Таковы фрагменты австралоидных черепов из древних раковинных куч на северном побережье Суматры, у Бинджаи-Тамианг. На о-ве Калимантан в Большой Ниаской пещере, в которой был найден череп протоавстралоида, выше, в мезолитических слоях, возраст которых, по радиокарбону, составляет около 7 тыс. лет, найдены скелеты, обладающие австрало-негроидными признаками. В поздненеолитических погребениях той же пещеры (ок. 2,5 тыс. лет тому назад) находятся скелеты монголоидов [688, 23—30]. На Яве, в мезолитических слоях одной из пещер около г. Боджонегоро, П. Стейн Калленфельс нашел несколько костных обломков и зубов. Коренные зубы из Боджонегоро оказались сходными с зубами из Ваджака.

До недавнего времени к находкам позднепалеолитического возраста относили неполную черепную крышку, найденную

в 1929 г. на северном побережье Новой Гвинеи, около Аитапе. Ф. Феннер и П. Хоссфелд определили геологический возраст этой находки как плейстоценовый [285, 335—356; 383, 201—207]. Никаких сопровождающих ее культурных остатков найдено не было. Крышка из Аитапе, принадлежавшая, по-видимому, черепу взрослой женщины, характеризуется сильно развитыми надбровными дугами, наклонным лбом и высоким положением височных линий на теменных костях, что указывает, вероятно, на сравнительно небольшую вместимость мозговой коробки. Морфологические особенности этой крышки, по мнению К. Куна, свидетельствуют о ее близости к черепам явантропов и в то же время о ее несомненной австра-

лоидности [219, 399]. На австралоидный ее характер указывал и Д. Мэхони [475, 23]. По мнению Феннера, крышка из Аитапе обладает значительно большим сходством с черепами австралийцев, особенно аборигенов Южной Австралии, чем с черепами современных представителей коренного населения Новой Гвинеи.

Несмотря на недостаточно четко определенный возраст находки и ее фрагментарность, можно было все же предполагать, что череп из Аитапе принадлежал человеку современного типа. одному из локальных вариантов океанийских про-

тоавстралоидов позднего плейстоцена.

В 1962 г. была сделана попытка определить возраст находки из Антапе более точно с помощью радиоуглеродного метода. Взятый на месте находки органический материал подвергался анализу в лабораториях Новой Зеландии и Японии. Было получено несколько дат в пределах от 4400 ± 85 до 5070 ± 140 лет до настоящего времени [419, 22]. Следовательно, возраст местонахождения составляет приблизительно пять тысяч лет. Одновременно К. Оукли, сотрудник Британского музея, определил содержание урана в черепной крышке из Антапе. Результаты показали, что ее следует относить к позднему плейстоцену или голоцену [384, 179]. Таким образом, в результате новых исследований возраст находки из Антапе можно определить как мезолитический. Это показывает, что в мезолите на далекой окраине Юго-Восточной Азии еще существовали группы австралоидов, обладавших весьма архаическими морфологическими особенностями. И если единичная находка позволяет сделать такой вывод, то, по-видимому, пять тысяч лет назад население Новой Гвинеи отличалось по своему антропологическому типу от современного населения этого острова и было ближе к коренному населению Австралии.

Таким образом, даже этот скудный материал показывает, что на протяжении всей эпохи мезолита Юго-Восточную Азию от Новой Гвинеи до Индокитая продолжали населять группы австралоидов. Лишь на севере они соприкасались с формирующимися или уже сформировавшимися монголоидами. На периферии Юго-Восточной Азии, насколько можно судить по фрагменту из Аитапе, сохранялись популяции австралоидов сравнительно архаического, примитивного

облика.

Почти то же наблюдается и в неолите. Датируемые началом неолита скелеты из Донг-тыок и Ланг Кыом в Северном Вьетнаме обладают хорошо выраженными австралоидными особенностями [479; 480]. Черепа этих скелетов отличаются значительной долихокранией, большой высотой мозгоной коробки, малыми размерами лица, широким носом, сильным альвеолярным прогнатизмом. То же относится и к не-

сколько более поздним находкам из северовьетнамских пещер Кео-фай и Кхак-кем и из стоянки Да-бут. А. Мансюи и М. Колани сближают эти черепа с черепами папуасов Новой Гвинеи и в то же время с ископаемыми черепами из Лагоа-Санта в Бразилии и справедливо отмечают распространение этого древнего антропологического типа от Индокитая до Америки. Правильнее было бы только называть этот тип не папуасским или протомеланезийским, как делают Мансюи и Колани, а австралоидным [593, 263—270].

Среди находок в Ланг Кыом выделяется несколько скелетов, обладающих наряду со значительной долихокранией низким ростом. Один из черепов, найденных в стоянке Ланг Кыом, квалифицируется А. Мансюи и М. Колани как протоавстралоидный и сближается с ваджакскими черепами.

Ранним неолитом датируются два мужских и два женских скелета из Там-ханга (Северный Лаос). Ж. Фромаже и Э. Сорен относят три из них к негритосскому расовому типу, сходному с андаманским, а четвертый, в черепе которого сочетаются монголоидные и австралоидные черты, сближают с

черепом, найденным в Там-понге.

В более поздних неолитических слоях Там-ханга найдены еще три черепа, один из которых сохранился лучше других. В нем, как и в черепе из Там-понга, австралоидные особенности сочетаются с монголоидными. Детский череп из пещеры Минь-кам (провинция Куанг-бинь, Вьетнам) Э. Патт считает негритосским [604; 605]. К неолитическому времени относятся также три черепа из пещеры Фо Бинь-зя (Северный Вьетнам), имеющие некоторые протоавстралоидные морфологические особенности. Р. Верно и Э. Патт сближали их с западноевропейскими кроманьонцами; по мнению Патта, черепа из Фо Бинь-зя сходны с черепами из Комб-Капелля и Кро-Маньона; по мнению Верно, они не имеют ничего общего с монголоидами [768]. Мансюи сближал их с австрало-негроидной расой Лагоа-Санта (Южная Америка) [478]. М. Г. Левин находил в черепах из Фо Бинь-зя сходство «с некоторыми вариантами австралоидного круга форм (полинезийцы)» [51, 295]. Черепа из той же пещеры, найденные позднее и описанные в 1925 г. А. Мансюи и М. Колани, напоминают черепа, ранее изученные Верно. Наиболее вероятно, что люди из Фо Бинь зя — монголоиды на одной из очень ранних стадий формирования из протоавстралоидного прототипа. К краниологической серии из Фо Бинь-зя по многим признакам близки пять черепов из Ка-мау (Южный Вьетнам). Черепа, открытые И. Эвансом в нескольких пещерах п-ова Малакка и датируемые поздним неолитом, по мнению У. Дакуорса, изучившего их, имеют ярко выраженные австралоидные черты и напоминают черепа ранненеолитического времени из Ланг Кыом [264].

К раннему неолиту Индонезии относится череп из Гува Лава у Сампунга на Яве. Он очень массивный, мезокранный (черепной указатель 78,2), с наклонным лбом и сильно развитыми надбровными дугами. Лицо у него низкое, нос очень широкий, зубы крупные. Морфологически череп из Гува Лава напоминает не только ваджакские, но также древние и современные австралийские черепа, а Мийсберг отмечает сходство и с папуасскими черепами [549]. Надо сказать, впрочем, что австралийские и папуасские черепа далеко не всегда различимы между собой, особенно если речь идет о единичных объектах. Отчетливая морфологическая близость прослеживается между черепом из Гува Лава и черепом из раковинной кучи у Сентиса на Северной Суматре. Последний также отличается мегалодонтностью, характерной для современных австралийцев, папуасов и меланезийцев. По-видимому, оба неолитических черепа Индонезии (из Гува Лава и

Сентиса) принадлежали австралоидам.

Палеоантропологические материалы, относящиеся к неолиту, свидетельствуют, прежде всего, о том, что в ту эпоху Юго-Восточную Азию населяли различные варианты австрало-негроидной расы и что австралоиды все еще составляли основной преобладающий расовый элемент этой области земного шара. Вместе с тем эти материалы показывают, что картина становилась все более сложной, в ряде случаев уже образовались весьма различные локальные варианты австралонегроидной расы. Начало их формирования относится, вероятно, еще к мезолиту, а может быть, и к позднему палеолиту. Но в неолите различия между ними, обусловленные и расселением по обширной территории материковой и островной Юго-Восточной Азии, и взаимной изоляцией отдельных групп, а в некоторых случаях и межрасовой метисацией, настолько углубились, что их иногда удается проследить на палеоантропологическом материале. Таковы, прежде всего, скелеты малорослых людей из Там-ханга и Ланг Кыом. Однако и в этом случае правильнее говорить, вероятно, не о негритосах вроде андаманцев, а о малорослых австрало-негроидах.

Наряду с этими антропологическими типами в неолите материковой Юго-Восточной Азии уже довольно широко представлены различные варианты южных монголоидов, многие из которых еще обладают характерными австрало-негроидными особенностями. Помимо названных можно упомянуть скелеты из Бан Као (Таиланд) [640, 234—235]. Сорен, Мансюи и Колани отмечают наличие в Индокитае в ту эпоху южномонголоидных «индонезийских» типов [648, 534—539].

ху южномонголоидных «индонезийских» типов [648, 534—539]. Итак, на протяжении многих тысячелетий Юго-Восточная Азия оставалась областью, населенной главным образом австрало-негроидами в процессе их морфологического разви-

тия из древних, позднепалеолитических протоавстралоидных форм и все усиливающейся расовой дифференциации. Вплоть до раннего неолита австрало-негроиды оставались, видимо, единственным населением Индонезии, в то время как в Индокитае они соприкасались с популяциями формирующихся монголоидов.

Многие зарубежные антропологи выделяют в составе древних австрало-негроидов Юго-Восточной Азии не только собственно австралоидные типы, но и меланезоидные, негритосские и веддоидные формы, а также всевозможные смешанные варианты. Эти антропологические типы входят в состав азиатско-океанийских австрало-негроидов. Их выделение в некоторых случаях может свидетельствовать о процессе расовой дифференциации. В мезолите и раннем неолите среди восточных австрало-негроидов, без сомнения, уже наметились географические варианты, от которых можно проследить линии развития к современным группам расовых типов. Однако из-за недостаточности краниологических материалов делать какие-либо определенные выводы в этом отношении преждевременно. Тем более нельзя считать обоснованной свойственную многим зарубежным ученым характеристику палеоантропологических типов, в том числе и неолитических, как уже сложившихся негритосских, папуасских, меланезийских или индонезийских. Прежде всего, как М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, диагностика локальных расовых типов по фрагментарным единичным находкам вообще очень затруднительна. Кроме того, отождествление поздне палеолитических, мезолитических и неолитических типов с современными без учета изменений антропологических признаков во времени методологически неправильно [53, 334]. Для таких ранних периодов выделение рас второго порядка должно быть крайне осторожным. Отождествление палеоантропологических типов с негритосским, меланезийским и т. д. современными типами является поспешным еще и потому, что это предполагает наличие у первых свойственных современным негроидам курчавых волос. А ни один из древних черепов, к сожалению, ничего не сообщает нам о форме его волос. Теоретически волнистоволосые типы являются более древними, чем курчавоволосые, и, следовательно, волнистоволосые австралоидные формы — более древними, чем курчавоволосые негроидные.

Приведенные выше палеоантропологические материалы показывают, что позднепалеолитическое, мезолитическое и неолитическое население Юго-Восточной Азии принадлежало к австрало-негроидному — в широком смысле слова — расовому стволу, древнейшей основой которого были протоавстралоиды позднего палеолита. Имеются все основания принять гипотезу, «согласно которой исходным для всех темнокожих

форм Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании является волнистоволосый протоавстралоидный тип». Гипотеза эта «согласуется как с фактическими данными по палеоантропологии Юго-Восточной Азии и смежных территорий, так и с нашими представлениями об основных закономерностях формирования больших рас и территориальных антропологиче-

ских типов» [53, 338].

Древний австралоидный расовый ствол дал с течением времени многочисленные побеги. Наиболее ранней его ветвью, расположенной всего ближе к исходному протоавстралоидному расовому типу, являются австралийские аборигены. В условиях относительной изоляции, наступившей после заселения ими Австралии, им удалось сохранить черты этого типа в наибольшей чистоте, хотя некоторые морфологические изменения имели место и здесь. Другие темнокожие группы Юго-Восточной Азии и Океании в результате различных географических и исторических причин отошли от исходного австралоидного типа в значительно большей степени и в разных направлениях.

В этой связи заслуживают внимания выводы К. Вагнера, к которым он пришел после изучения большой серии австралийских, тасманийских и меланезийских черепов. По его убеждению, все эти народы — ветви единого расового ствола, каждая из которых представляет собой локальный вариант, образовавшийся в результате взаимного географического разобщения [769]. Этот вывод подтверждает гипотезу Н. Н. Миклухо-Маклая об антропологической близости папуасов и ав-

стралийцев.

Данные геологии свидетельствуют, что вплоть до конца последнего, вюрмского оледенения между Австралией, Тасманией и Новой Гвинеей, составлявшими тогда одно целое, и материковой Азией простирались массивы суши, перерезаемые в некоторых местах лишь сравнительно неширокими проливами. Это обстоятельство, вероятно, способствовало сохранению известной антропологической близости между всеми группами существовавшего здесь в то время населения. Когда закончилось таяние ледников и уровень мирового океная поднялся, Тасмания и Новая Гвинея отделились от Австралии, а массивы суши между Австралией и материковой Азией превратились в многочисленные острова Индонезии. И это, несомненно, усилило расовую дифференциацию в этой области земного шара.

Формирование различных вариантов папуа-меланезийской и негритосской расовых групп, т. е. собственно негроидов, происходило на периферии материковой части Юго-Восточной Азии, в Восточной Индонезии, на Филиппинах и на Новой Гвинее, а позднее, главным образом в мезолите и неолите, и на некоторых островах Западной Океании. Этим и

объясняется тот факт, что на коренном населении Австралии этот процесс почти не отразился. Лишь небольшая часть австралийцев на севере Австралийского континента, там, где она соприкасается со своими негроидными соседями, обнаруживает некоторые следы воздействия папуа-меланезийского антропологического типа (курчавые волосы, более интенсивная пигментация кожи). В незначительном количестве сюда проникла и группа крови В, совершенно несвойственная остальным аборигенам Австралии.

На общую исходную антропологическую основу, на которой происходил процесс формирования и дифференциации современных австралийцев, папуасов и меланезийцев, указывает то обстоятельство, что морфологические различия между этими тремя группами сравнительно невелики и между ними

наблюдаются многочисленные переходы.

В Западной Индонезии, в некоторых районах Индокитая и п-ова Малакка, в Индии развитие исходного протоавстралоидного типа шло по линии общей грацилизации и уменьшения абсолютных размеров черепа при сохранении волнистоволосости. Результатом этого процесса явилось образование веддоидных антропологических типов, представленных в современном населении Юго-Восточной Азии рядом небольших групп. Это — тоала Сулавеси, частично кубу Суматры, пунаны Калимантана, сенои или сакаи Малакки и некоторые другие группы. К ним иногда причисляют маукен (селунов) архипелага Мергуи в Андаманском море. В Южной Азии к веддоидным антропологическим типам относятся, прежде всего, сами ведды Цейлона — характерные представители веддоидной, или цейлоно-зондской, расы, которую иногда называют также индо-австралоидной расой. Из всех народов Южной Азии именно ведды Цейлона, как и вообще представители веддоидной расы, наиболее близки к австралийнам.

Сохранив некоторую антропологическую близость к древнему исходному австралоидному типу, многие из упомянутых выше групп сохранили и древний образ жизни бродячих охотников и собирателей, а наряду с этим и некоторые архаические черты культуры. Это также сближает их с австралийцами.

В Индии австралоидные типы представлены довольно широко. Таковы мунда (санталы, мунда, хо и другие), бхилы, многие группы дравидийских народов (кадары, палийаны, ченчу, гонды, курумба, урали). Следы исходной, первичной австралоидности хорошо прослеживаются и у других дравидийских народов Южной Индии.

Индия, очевидно, с глубокой древности является областью расселения различных вариантов австрало-негроидной расы, широко распространенных на ее территории и в настоящее

время [28, 362—364]. Скелеты мезолитического времени из Лангнаджа — древнейшие из найденных на территории Индии костных останков человека — показывают, что население Западной Индии в мезолите имело негроидные черты [65, 60]. В Южной Индии веддоидный тип существовал во всяком случае уже в неолите. Об этом можно судить по черепам из Адитаналлура. В настоящее время Южная Индия является областью расселения южноиндийской (дравидийской) расы, а Центральная и Восточная Индия — веддоидной (цейлонозондской) расы. Обе они по своим расовым признакам близки к австралийцам. Древнейшие обитатели Южной Азии были, вероятно, еще ближе к ним [3, 71—86].

Антропологически близки к австралийцам и айны. Они сходны с австралийцами по многим признакам. Это — волнистые волосы, сильное развитие третичного волосяного покрова на теле и лице (у мужчин), широкий нос, толстые губы, смуглый цвет кожи, долихокефалия, наклонный лоб и сравнительно развитые надбровные дуги. Генетически айны, очевидно, восходят, подобно австралийцам, к людям из Ваджака. Предки айнов, вероятно, уже в позднем палеолите или мезолите расселились вплоть до Филиппинских островов, а затем, продолжая двигаться дальше на север, заселили Японию. Они пришли сюда из лежавшей к югу области древнего расселения австрало-негроидных антропологических типов.

Негритосы Юго-Восточной Азии и Океании — минкопи Андаманского архипелага, семанги п-ова Малакка, аэта Филиппинских островов, тапиро, айоме и другие малорослые группы Новой Гвинеи, негритосы Меланезии и Таиланда подобно папуасам, меланезийцам и веддоидам, вероятно, также образовались на древней австралоидной основе. Ни теория древнейшего пигмейского, или негритосского, пласта в генезисе Юго-Восточной Азии и Океании, ни распространенная за рубежом теория о том, что таким древнейшим пластом были курчавоволосые негроиды (меланезоиды или тасманоиды), не являются достаточно обоснованными. Рассмотренные нами палеоантропологические материалы не дают никаких оснований для гипотезы о смене древних меланезоидных форм более поздними австралоидными. Напротив, все свидетельствует о том, что древнейшим населением этой части света, включая Австралию, были протоавстралоиды и лишь с течением времени на этой основе образовались различные локальные варианты австрало-негроидов Юго-Восточной Азии и Океании.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ АВСТРАЛИИ. ДРЕВНОСТЬ ЗАСЕЛЕНИЯ АВСТРАЛИЙСКОГО КОНТИНЕНТА

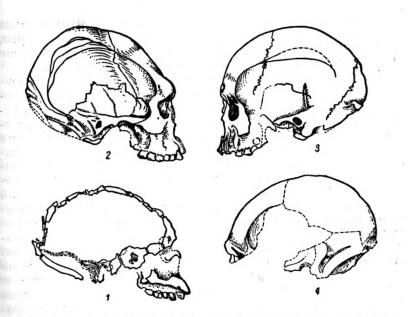
Итак, непосредственные предки австралийских аборигенов — восточные протоавстралоиды — сформировались в Южной и Юго-Восточной Азии в позднем плейстоцене, в эпоху позднего палеолита. Тогда же, в плейстоцене, задолго до того как в Юго-Восточной Азии и Океании оформились локальные варианты австрало-негроидной расы, протоавстралоиды заселили Австралию и в дальнейшем развивались уже на ее территории в условиях относительной изоляции. Эти выводы находят свое подтверждение в палеоантропологических открытиях, сделанных в самой Австралии.

Попытки установить древность человека в Австралии предпринимались еще в XIX и начале XX в. В 1870 г. в Веллингтонских пещерах (в Новом Южном Уэльсе) вместе с остатками вымерших гигантских сумчатых был найден зуб, который долгое время считался человеческим верхним моляром, пока в 1949 г. не было доказано, что это зуб гигантского сумчатого животного — Macropus (Protemnodon) anak [189, 200—206; 288, 164—170]. Не была доказана и принадлежность человеку так называемых следов, найденных в известняке близ Уорнамбула, в Виктории, и относящихся к эпохе плиоцена [127, 108—112; 349, 256—257].

В 1886 г. было сделано наконец первое в Австралии несомненное палеоантропологическое открытие. В Юго-Восточном Квинсленде, у стоянки Тальгай, близ г. Уорик, был найден минерализованный человеческий череп. Однако значение этой находки было оценено много позднее, научное описание

черепа появилось только в 1918 г. [683, 351—387].

Тальгайский череп залегал на глубине около трех метров. в непотревоженных пластах глины. Помимо сильной минерализации на древность черепа указывают и его сравнительно примитивные черты: низкий свод при большой длине черепа и значительная толщина костей свода, сильно развитые надбровные дуги, большая величина поверхности нёба, очень крупные зубы, резко выраженный и больший, чем у современных австралийцев, прогнатизм [466, 106-109]. Однако некоторые черты сближают его с современными австралий-цами, например: размер и вместимость черепной коробки, соответствующая средним показателям современного аборигена (емкость мозговой полости найденного 1300 куб. см), узкое и низкое лицо, очень широкий нос с низким переносьем. Череп, как полагают, принадлежал подростку 14—16 лет, что еще более подчеркивает его примитивный характер. Он массивнее черепа из Ниа, принадлежавшего подростку того же возраста, его зубы крупнее, чем зубы людей из Ваджака, он примитивнее и найденного позднее, тоже

Черепа из Тальгая (1), Кохуны (2), Кейлора (3) и Моссгила (4)

древнего, черепа из Кейлора. Если люди из Тальгая и Кейлора были современниками, это означает, что в Австралии в то время существовала значительная вариабельность в строении лицевого скелета.

До недавнего времени на основании геологических данных предполагали, что возраст тальгайского черепа от 10 тыс. до 20 тыс. лет. Подтверждали это тем, что череп был найден в том же слое, который в этом же районе содержит кости вымерших сумчатых животных, причем эти кости находятся в такой же степени фоссилизации, как и череп. Наконей, примитивный протоавстралоидный характер черепа сам по себе служил доказательством его значительной древности, бесспорным свидетельством того, что человек жил в Австралии достаточно долго, чтобы из такой примитивной формы могли развиться современные аборигены.

Недавно была сделана попытка определить абсолютный возраст тальгайского местонахождения. В 1964 г. радиоуг-перодное исследование ископаемых раковин из слоев, непосредственно прилегавших к тальгайскому черепу, показало, что возраст их находится в пределах от 6450 ± 230 до $11\,980 \pm 155$ лет. Произведенные на основании этого расчеты позволяют предполагать, что возраст местонахождения составляет 10-12 тыс. лет и, очевидно, является позднеплей-

стоценовым [472, 64].

В 1925 г. в Северной Виктории, к югу от р. Муррей, близ г. Кохуна, на глубине ок. 60 *см* также был найден череп, совершенно минерализованный. Он принадлежал мужчине 30—45 лет, убитому ударом в переднюю часть головы.

Кохунский череп напоминает тальгайский многими своими особенностями и, прежде всего, относительной примитивностью. Это хорошо видно в строении и величине зубов и нёба, более крупных, чем зубы и нёбо современных аборигенов [469, 95—105], в низком своде при большой длине черепа и значительной общей его массивности, в очень сильном наклоне лба, в мощных надбровных дугах, в сильно выраженном прогнатизме. Сходство между обоими черепами усиливает значительная ширина носа. Однако вместимость мозговой полости (ок. 1450 куб. см), как и в предыдущем случае, примерно соответствует среднему черепу современного австра-лийца [467, 307—329; 477, 1335—1342]. Оба древних австралийца из Тальгая и Кохуны — протоавстралоиды, значительно более примитивные по своему строению, чем современные аборигены. Тальгайский и кохунский черепа примитивнее и других ископаемых австралийских черепов. По Н. Макинтоша, череп из Кохуны, с точки зрения его морфологии, — один из самых примитивных черепов Homo sapiens.

Результаты химического анализа указывают на сравнительно большую древность кохунского черепа, возможно такую же, как древность тальгайского черепа [470, 277—296]. Однако предположение А. Кизса, исходившего из примитивных особенностей тальгайского и кохунского черепов, о заселении Австралии в раннем плейстоцене, как и предположение К. Фюрер-Хаймендорфа, связавшего эти палеоантропологические находки с палеолитическими культурами Австралии и Тасмании, по его мнению также раннеплейстоценового возраста [295, 448], в настоящее время уже не могут быть приняты.

Третий череп был найден в 1940 г. в Виктории, в 16 км северо-западнее Мельбурна, вблизи Кейлора, на глубине ок. 6 м, в верхней из трех террас р. Марибирнонг. Принадлежал он, вероятно, взрослому мужчине. Как и предыдущие два черепа — минерализован.

Кейлорский череп характерен значительными размерами и сравнительно большой емкостью мозговой полости (1593 куб. см). Он резко отличается от тальгайского, кохунского и от других ископаемых австралийских черепов своим более современным обликом, т. е. большим сходством с черепами современных аборигенов. Это не только увеличенная емкость мозгового отдела, но и меньшие размеры коренных зубов, нёба и ширины носа, не столь мощное надбровье, значительно меньший прогнатизм. Черепа современных аборигенов Австралии, как правило, отличаются от кейлорского

меньшей высотой свода, более коротким лицом, более высоким носовым указателем. Средняя емкость мозговой полости черепа современного взрослого австралийца примерно 1300 куб. см и варьирует от 1500 куб. см и выше до 1100—1000 куб. см и даже до 855 куб. см, но это — исключительный случай [796, 323—330; 219, 411].

По мнению Дж. Вундерли, в кейлорском черепе совмещены в одинаковой пропорции австралоидные и тасманоидные черты [807, 57—69; 123, 71—77]. Это мнение вызвало возражения других специалистов [798, 211—212]. Даже Дж. Бердселл, подобно Вундерли рассматривающий австралийцев как расово неоднородную по своему происхождению группу, в числе предков которой были и тасманийцы, считает человека из Кейлора классическим представителем иного, не тасманийского компонента, названного им «муррейским» [157, 110].

Неоднократно указывалось на большое сходство кейлорского черепа с черепами из Ваджака, особенно с черепом Ваджак І. Ф. Вейденрейх, отметив незначительную разницу между этими черепами («Люди из Кейлора и Ваджака, без сомнения, представители одной и той же расы», — пишет он), замечает все же, что череп из Ваджака несколько более примитивен [778, 28]. Возможно, что это характеризует человека из Кейлора как потомка людей из Ваджака, несколько более развитого. Однако емкость мозговой полости кейлорского и ваджакского черепов одинаково превышает 1500 куб. см, головной указатель соответственно 72,6 и 72,5. «У кейлорского черепа такое же сочетание крупных продольного, поперечного и высотного диаметров черепа, а ширина лба даже больше, чем у ваджакского. Лицо у черепа из Кейлора уже и ортогнатней, ширина носа меньше, а орбиты [25, 235]. Во всяком случае они принадлежат к одному и тому же антропологическому типу или, говоря словами Вейденрейха, к одной и той же расе. В свою очередь они имеют немало общего с черепами современных австралийцев. Это были, следовательно, далекие предки австралийских аборигенов. Предками австралийцев можно считать и людей из Тальгая и Кохуны, но предками морфологически еще более отдален-

Как мы помним, люди из Ваджака жили, вероятно, в эпоху последнего оледенения. Когда же жил человек из

Кейлора?

Вскоре после открытия кейлорского черепа развернулась оживленная дискуссия о его геологическом возрасте. По мнению некоторых австралийских геологов, речная терраса, в которой находился череп, относится к горизонту четвертичных отложений Тасмании, соответствующему третьему (рисснюрмскому) межледниковому периоду Европы [475, 1—56; 176, 79—81]. По расчетам Д. Мэхони, возраст кейлорского че-

репа составляет от 112 тыс. до 143 тыс. лет. Вывод этот был принят Ф. Цейнером и другими учеными [810, 622—623]. (Позднее Цейнер пересмотрел свою прежнюю точку зрения и принял результаты исследований Э. Гилла.) Наука оказалась перед парадоксальной ситуацией: в то время как Европу населяли неандертальцы, в Австралии уже жили люди современного физического типа, притом сравнительно развитые. Казалось, ожили теории прошлого века об Австралии прародине человечества. Этот вывод вызвал Ф. Вейденрейха, который, не оспаривая данных геологии посуществу, все же не мог принять предложенную геологами датировку черепа на основании морфологических соображений. По его мнению, третьему межледниковью не мог соответствовать такой тип черепа — Homo sapiens в то время еще не сформировался, — поэтому, вероятнее всего, он попал в террасу, где был найден, позже ее образования 29—30].

Кейлорскую контроверзу разрешили исследования австралийского геолога Э. Гилла. Ему удалось доказать, что, хотя возраст черепа соответствует возрасту террасы, в которой он был найден, сама эта терраса образовалась в самом конце плейстоцена, в последнем большом плювиале, благодаря деятельности реки, а не колебаниям уровня моря в плейстоцене, как считали его предшественники, которые поэтому и не смогли правильно определить возраст местонахождения [310, 25—92; 311, 229—231; 312, 409—411; 313, 110—113; 319,

106—125].

Радиоуглеродное исследование древесного угля из кострища, найденного в той же террасе, но на один метр выше черепа и на значительном расстоянии от него, показало возраст 8500 ± 250 лет. Согласно сделанным на основании этого расчетам, человек из Кейлора жил приблизительно от 9 тыс. до 10 тыс. лет тому назад [316, 49—52; 314, 417]. Это почти соответствовало сделанному Гиллом ранее геологическому определению возраста террасы.

Однако позднейшие исследования Гилла дали иной и, по мнению самого Гилла и других специалистов, более надежный результат. Радиоуглеродный анализ угля из кострища, находившегося примерно на $170\ cm$ ниже местонахождения черепа, показал возраст $18\ 000\pm500$ лет, а из другого кострища, которое находилось почти на уровне черепа, — $15\ 000\pm1000$ лет. По мнению Гилла, именно в этих пределах и на-

ходится истинный возраст черепа [326, 581—584].

В 1965 г. в Грин-Галли, в трех километрах от места, где в 1940 г. был найден череп из Кейлора, в отложениях той же террасы, на глубине ок. 120 см был обнаружен сравнительно хорошо сохранившийся человеческий скелет. Ниже скелета, в том же горизонте, где залегал кейлорский череп, найдены

каменные орудия, преимущественно скребки. Два образца древесного угля, взятые рядом с погребением, при анализе на радиокарбон дали один и тот же результат — 8155 ± 130 лет. Образец, взятый из горизонта, где находилось погребение, но в стороне от него, имеет возраст 8990 ± 150 лет. По имеющимся данным, возраст самих костей — 6460 ± 190 лет. Череп из Грин-Галли очень напоминает череп из Кейлора. Это, видимо, самые древние фрагменты посткраниального скелета Homo sapiens, когда-либо обнаруженные в Австралии [588, 6; 170, 152—154; 473, 86—98].

В 1960 г. на западе Нового Южного Уэльса вблизи г. Моссгил, на незначительной глубине был найден скелет взрослого мужчины [472, 51—52]. Он находился в земле, в вертикальном, скорченном положении. Выше левого плеча погребенного сохранился след от костра. Стратиграфия не прослеживается.

Скелет в общем сохранился довольно плохо. От черепа осталась лишь черепная крышка и фрагменты челюстей. Черепной крышке свойственны довольно примитивные черты (общая массивность, сильный наклон лба, мощные надбровные дуги), и в целом она близка к тальгайскому и кохунскому вариантам. Зубы и нёбо у черепа из Моссгила, однако, меньше, чем у тальгайского и кохунского. Н. Макинтош сближает череп из Моссгила с черепами явантропов, но, как представляется, для этого нет достаточных оснований.

Морфологически череп из Моссгила находится в том же ряду антропологических типов, к которому принадлежат черепа из Тальгая и Кохуны. Однако, если судить по строению

зубов и нёба, он несколько менее примитивен.

Исследование угля из очага на радиокарбон, к сожалению, не дало пока надежных результатов, будут произведены новые анализы, но все же установлено, что скелету из Моссгила не менее 4625 лет [472, 64].

В 1929 г. при археологических раскопках на о-ве Тартанга и под скальным навесом в Девон-Даунсе, на нижнем Муррее, в Южной Австралии, Г. Хейл и Н. Тиндейл обнаружили фрагменты нескольких детских скелетов [352, 145—218]. Это были первые в Австралии раскопки, основанные на тщатель-

ном изучении стратиграфии.

В Девон-Даунсе фрагменты скелетов находились во втором, третьем, четвертом, шестом и одиннадцатом слоях от поверхности. За исключением одного зуба из одиннадцатого слоя, остальные костные остатки относятся к сравнительно поздним периодам, получившим в австралийской археологии наименование Мудук и Мурунди. Древность их сравнительно невелика. Средняя дата, по радиокарбону, для предшествующего периода, получившего название Пирри, в той же стоянке (слои VIII—X) — 4290 ± 140 лет. Средняя дата для периода Мудук в стоянке Фроммс Лендинг, находящейся рядом

со стоянками Девон-Даунс и Тартанга, — 3756 ± 85 лет [581, 101]. Тем не менее отмечены крупные размеры и другие примитивные особенности в характере и расположении зубов из

третьего и четвертого слоев [352, 216].

В стоянке Тартанга остатки скелетов обнаружены в слоях E, D и C. Все это — погребения, из них древнейшее — в слое C. Анализ радиоактивного углерода, содержавшегося в раковинах из слоя C, показал возраст 6030 ± 120 лет [744, 1—49]. Скелеты из слоев D и E предположительно от 5700 до 4700-летней давности [472, 53]. Как и в Девон-Даунсе, все скелеты — детские: из слоя C — неопределенного возраста, из слоя D — 12 лет, из слоя E — 10—12 лет. Характерны крупные размеры зубов и нёба, более крупные, чем соответствующие средние размеры у современных аборигенов того же возраста (3600 κB . κM). Наклон лба у черепов из Тартанги не столь велик, как у черепов из Тальгая, Кохуны и Моссгила, и напоминает череп из Кейлора. C черепом из Кейлора их сближает и значительно меньший, чем у трех упомянутых черепов, прогнатизм.

В 1930 г. Хейл и Тиндейл писали в отчете о раскопках: «Этот скелетный материал, очевидно, представляет собой раннюю форму австралийской расы, связывающую проблематичную тальгайскую находку (вероятно, плейстоценового возраста) с современными аборигенами Южной Австралии» [352, 215]. Однако в 1939 г. была опубликована Ф. Феннера о трех типах австралийских черепов [286, 248— 306], а вскоре после этого Н. Тиндейл и Дж. Бердселл выступили со своей теорией о происхождении австралийцев от смешения трех различных рас, пришедших в Австралию в разное время, причем древнейшими были тасманийцы. В соответствии со своими новыми взглядами, Тиндейл в 1941 г. отказался от прежней точки зрения и заявил, что люди из Тартанги напоминают ему тасманийцев, а также аборигенов (тасманоидного) облика, сохранившихся на негроидного Эсертонском плато, недалеко от Кэрнса, в горных тропических лесах Северного Квинсленда. Он ассоциировал людей из Тартанги с постулируемым им древнейшим тасманоидным слоем, а человека из Кохуны — с «южными австралоидами», которые, согласно его теории, вытеснили или истребили первых [733, 144—147].

Пытаясь доказать тасманоидный характер черепов из Тартанги, Тиндейл сравнил их с тасманийскими черепами. Это сопоставление, однако, не было убедительным, и специалисты не поддержали выводы Тиндейла. И форма свода черепа, и меньший размер третьего моляра в сравнении с первым и вторым, т. е. те особенности одного из тартангских черепов, которые, по мнению Тиндейла, сближают этот череп с тасманийскими, — все это как раз характерно скорее для

австралийцев, чем для тасманийцев. По этим и другим признакам черепа из Тартанги, кроме того, очень близки к тальгайскому, кохунскому и кейлорскому черепам [472, 54—55]. Таким образом, противопоставление черепов из Тартанги черепу из Кохуны так же не оправдано, как и поиски в тартангских черепах каких-то тасманоидных особенностей. Тартангские находки хорошо вписываются в эволюционный ряд Тальгай — Кохуна — Моссгил — Кейлор и наряду с находками из Девон-Даунса должны, очевидно, занять место между тремя первыми черепами, как наиболее примитивными, и черепом из Кейлора, как наиболее современным из всех. Ни один из черепов этой серии не имеет каких-либо специфических тасманоидных признаков. Вся серия ископаемых австралийских черепов отражает морфологическое развитие протоавстралоидов и формирование современной австралийской расы.

Можно добавить, что Тиндейл в данном случае совершил ту же ошибку, какую совершали антропологи, выделявшие среди палеоантропологических типов Юго-Восточной Азии негритосские, меланезийские и папуасские типы. Его также можно упрекнуть в том, что он пытается отождествить очень небольшую групу черепов (всего три экземпляра) 6000-летней давности, к тому же детских, с одним из современных антропологических типов без учета изменений антропологических признаков во времении.

Таким образом, палеоантропология Австралии не дает достоверных свидетельств древнего тасманоидного субстрата, а именно палеоантропологии принадлежит решающее слово в этой проблеме.

Возрожденная Тиндейлом и Бердселлом теория, впервые высказанная еще в XIX в. и затем тяготевшая над многими исследователями XIX—XX вв. (см. Введение),— а именно, будто коренное население Австралии произошло от смешения различных расовых компонентов в результате поглощения или истребления светлокожим народом их темнокожих негроидных предшественников, — до сих пор не получила палеоантропологического подтверждения. Попытка Тиндейла подкрепить ее палеоантропологически была неудачной. В одной из последующих глав данной книги будет показано, что она не подтверждается и данными по антропологии современного коренного населения Австралии.

Тиндейл неправ еще и потому, что человек из Кейлора — очевидный протоавстралоид, с чем согласен и Бердселл, — хронологически предшественник людей из Тартанги. Их предшественниками были люди из Тальгая и, вероятно, из Кохуны. Все это также опровергает теорию древнейшего тасмано-идного пласта.

Таковы важнейшие палеоантропологические находки в Австралии. Можно упомянуть, кроме того, минерализованный череп неопределенного геологического возраста, найденный на о-ве Стрэдброк (Квинсленд), по основным антропологическим признакам современный австралийский, но отличающийся необычайной толщиной костей [669, 169—178].

В 1929 г. в Центральной Австралии был обнаружене череп, обладающий очень малой емкостью мозговой полости (855 куб. см). По этому признаку утверждали, что череп очень примитивен, пока Ф. Вуд Джонс не доказал, что по своим морфологическим признакам это нормальный череп

современной женщины-аборигенки [181, 6].

Все рассмотренные нами антропологические типы, несмотря на существующие между ними различия, имеют немало общего и между собой, и с современными австралийцами. Каждый из них в большей или меньшей мере приближается к типу современных аборигенов Австралии. Таким образом, палеоантропология Австралии хорошо согласуется с развиваемой в настоящей работе теорией о протоавстралоидном типе как древнейшем на Австралийском континенте и на соседних с ним территориях.

Итак, по степени своего морфологического развития и приближения к современному австралийскому расовому типу протоавстралоиды пятого континента располагаются следующим образом: Тальгай — Кохуна — Моссгил — Тартанга и

Девон-Даунс — Кейлор и Грин-Галли.

Датируются они так:

Тальгай — 10—12 тыс. лет тому назад;

Кохуна — предположительно так же, как и тальгайский череп, но может быть и древнее;

Моссгил — не менее 4625 лет;

Тартанга — от 6030 ± 120 до 4700 лет; стоянка Кейп-Мартин (Южная Австралия), характеризуемая той же археологической культурой, датируется 8700 ± 120 лет [743, 109-123].

Девон-Даунс — примерно 3756 ± 85 лет;

Кейлор — по последним данным, от $18\,000\pm500$ до $15\,000\pm1500$ лет;

Грин-Галли — от 8990 ± 150 до 6460 ± 190 лет.

Таким образом, хронологическое соотношение австралийских палеоантропологических материалов не совпадает с их морфологическим соотношением. Если мы будем опираться на результаты последних исследований кейлорского местонахождения—а у нас нет оснований не доверять им и предпочесть дату 1955 г. (9—10 тыс. лет),—это означает, что наиболее современный в морфологическом отношении череп оказывается в то же время самым древним, а человек из Тальгая, морфологически более примитивный, существовал несколькими тысячелетиями позже. Даже если мы примем

прежнюю радиоуглеродную датировку кейлорского черепа, то и в этом случае человек из Кейлора окажется современником, но не потомком человека из Тальгая.

Каким же было историческое и генетическое соотношение рассмотренных нами типов протоавстралоидов? Перед нами

четыре возможности:

1. Австралию в позднем плейстоцене населяли одновременно различные по своему морфологическому развитию группы протоавстралоидов — одни из них были более «продвинуты», подобно человеку из Кейлора, другие, как люди из Тальгая и Кохуны, отстали в своем развитии. Те и другие происходят от различных групп протоавстралоидов, населявших Юго-Восточную Азию в позднем палеолите. Примеры подобного одновременного существования различных по морфологическому развитию типов в позднем плейстоцене на других континентах палеоантропологии уже известны.

2. Протоавстралоиды тальгайского и кохунского типов, придя в Австралию позднее, сменили протоавстралоидов кейлорского типа, генетически связанных с людьми из Ваджака. К кому в этом случае генетически восходят первые — неясно, так как они примитивнее людей из Ваджака и Ниа, а соблазнительную возможность связать их непосредственно с явантропами следует отвергнуть на основании соображений, о которых говорилось выше. Очевидно, и они происходят от каких-то еще неизвестных нам групп протоавстралоидов, населявших Юго-Восточную Азию одновременно с людьми из Ваджака и Ниа.

3. Можно допустить, что тальгаец принадлежал к изолированной группе, пережиточно сохранившей древний антропологический тип, и что человек из Кейлора, стоявший на более высокой ступени морфологического развития, — результат эволюционного процесса, имевшего место на территории Австралии, т. е. потомок людей тальгайского и кохунского типов. Аналогичный сдвиг произошел, очевидно, и в Индонезии, вследствие чего там появились люди ваджакского типа.

4. Люди кейлорского типа были предками людей из Тальгая и Кохуны; и следовательно, за несколько тысячелетий обитания на территории Австралии в строении их черепа произошли изменения, которые не только уводили их от того типа, к которому они в конце концов должны были прийти, — от типа современных австралийцев, но и вели их назад от до-

стигнутого ими уровня морфологического развития.

Какую же из перечисленных возможностей следует при-

нять как наиболее приемлемую?

Последняя гипотеза представляется наименее вероятной. Трудно допустить, чтобы за 15—18 тыс. лет произошла сначала деградация физического типа, а затем возврат к прежнему, более высокому уровню морфологического развития.

Да и какие причины могли обусловить столь необычную трансформацию?

Из остальных трех гипотез рассмотрим сначала третью. Предположить, что человек кейлорского типа-морфологически более современный и стоящий ближе к типу современных австралийцев — является потомком людей тальгайского и кохунского типов, конечно, всего проще и логичнее. Можно допустить, что такой же процесс имел место и на остальной территории, примыкавшей к Австралии в плейстоцене, куда входила и Ява и где были найдены ваджакские черепа, морфологически очень близкие к кейлорскому. Допустив сохранение более древнего тальгайского типа в виде изолированной популяции, мы, казалось бы, преодолели затруднение, связанное с данными абсолютной хронологии, которые показывают, что человек из Кейлора был или предшественником человека из Тальгая, или современником его. Но ведь если древность ваджакских черепов точно не установлена, зато нам известно, что человек из Ниа, морфологически близкий и к людям из Ваджака, и к современным австралийцам (об этом уже говорилось), датируется временем гораздо более ранним, чем человек из Кейлора. Следовательно, правильнее видеть в людях из Кейлора и Ваджака не результат позднейшего развития, а одну из древних форм, восходящую к эпохе, когда еще жили люди из Ниа.

Для того чтобы принять вторую гипотезу — о более позднем приходе в Австралию людей тальгайского и кохунского типов и поглощения или истреблении ими людей кейлорского типа, — у нас слишком мало данных. Если даже первые и появились позднее, мы не можем утверждать, что люди кейлорского типа не сохранялись в Австралии и в дальнейшем. Именно их в первую очередь следует рассматривать с точки зрения морфологии в числе предков современной австралийской расы.

Таким образом, наиболее приемлемой в свете современных данных является первая гипотеза, согласно которой Австралию в позднем плейстоцене населяли одновременно генетически близкие, но различные по уровню морфологического развития группы протоавстралоидов. Австралия — большой материк, ее ландшафтные зоны очень разнообразны: здесь и горные цепи, и плоскогорья, и долины рек, и леса, и морские побережья, и сухие степи. В таких условиях ее сравнительно еще немногочисленное население было расселено, очевидно, небольшими изолированными группами, и локальные варианты протоавстралоидов вполне могли длительное время сохраняться. По мере увеличения населения, освоения материка и сближения различных человеческих коллективов происходило постепенное «выравнивание» этих антропологических различий и вместе с тем формирование современной австралий-

ской расы. Об этом процессе, вероятно, свидетельствуют палеоантропологические находки в Тартанге и Девон-Даунсе, хронологически более поздние, чем находки из Кейлора, Тальгая и Кохуны. Данные, которыми мы располагаем о скелете из Моссгила, говорят о том, что тальгайско-кохунский антропологический тип, возможно, еще длительное время сохранялся в отдельных районах Австралии, но и он испытывал некоторые изменения.

Итак, весь комплекс палеоантропологических данных, имеющихся в нашем распоряжении, говорит о том, что Австралия была впервые заселена в плейстоцене, точнее в позднем или даже среднем вюрме, археологически — в эпоху позднего палеолита. Произошло это, очевидно, не позднее 18 тыс. лет тому назад. Однако, согласно данным археологии, которые мы рассмотрим ниже, заселение Австралии началось значительно раньше — около 30 тыс. лет тому назад, следовательно, накануне интерстадиального времени, соответствующего паудорфскому. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Еще сравнительно недавно, в 1938 г., на Третьем конгрессе доисториков Дальнего Востока, Д. Кейзи говорил, что наука не располагает «сколько-нибудь достоверными доказательствами существования человека в Австралии в эпоху плейстоцена» [208, 25]. В то время этот вывод был совершенно обоснован. Однако с того дня, когда были произнесены эти слова, в знаниях о прошлом Австралии и ее коренного населения произошли значительные сдвиги, и тот факт, что Австралия была заселена в плейстоцене, теперь можно считать окончательно доказанным.

В первоначальном заселении Австралии участьовали группы (или группа) протоавстралоидов, по своему антропологическому типу близких к типу людей из Ваджака и Ниа, протоавстралоидов кейлорского типа. Одновременно с ними или позднее в Австралии появились популяции протоавстралоидов тальгайско-кохунского типа, отдаленно родственные протоавстралоидам кейлорского типа, но более примитивные. Я склонен видеть в тех и других различные локальные варианты протоавстралоидов, сосуществовавших и на территориях, примыкавших к Австралии в плейстоцене. Вспомним, что в мезолите на периферии Юго-Восточной Азии, на Новой Гвинее, насколько позволяет судить находка из Антапе, сохранялись группы австралоидов, обладавших сравнительно архаическими морфологическими особенностями. Когда и где сформировался этот вариант протоавстралоидов, пока неизвестно. Вероятно, люди этого типа существовали в Юго-Восточной Азии уже в среднем вюрме, наряду с людьми ниаского и ваджакского типов, которые, однако, обогнали их в развитии. Сохранению более отсталого типа протоавстралоидов на далекой окраине Юго-Восточной Азии способствовала, прежде всего, именно ее периферийность. Радиокарбон показывает, что человек из Аитапе жил, возможно, одновременно с человеком из Моссгила. Вероятно, и по типу он был близок к людям из Моссгила, из Тальгая и Кохуны. Не случайно Кун и Макинтош сравнивают с черепами явантропов: первый — черепную крышку из Аитапе, а второй — череп из Моссгила. Утверждать, что люди этого типа генетически восходят к явантропам, мы не можем на основании теоретических соображений, о которых уже говорилось. Следовательно, в плейстоцене и позднее в Юго-Восточной Азии и Австрадии одновременно существовали различные локальные варианты протоавстралоидов, предки которых пришли в нематериковую часть Азии с Азиатского континента. В свою очередь они дали начало современному коренному населению Австралии.

Но ничто не говорит о том, что негроидное — тасманоидное или меланезоидное — население предшествовало в Азии и Австралии австралоидам, как это допускается многими антропологами. Напротив, все свидетельствует о том, что и в Азии и в Австралии протоавстралоиды были древнейшим населением и предшествовали всем прочим расовым типам и что меланезоиды и тасманоиды сформировались на более

древней протоавстралоидной основе.

В Австралии физическое развитие палеоавстралийцев продолжалось, разумеется, и после ее заселения, вследствие чего ими были утрачены некоторые особенности протоавстралоидного типа, и постепенно сложился современный австралийский антропологический тип. Выше уже говорилось о том, что протоавстралоиды в отличие от современных австралийцев обладали более массивным лицевым скелетом, более массивными зубами, более крупными размерами нёба, большим наклоном лба, сильнее выраженным прогнатизмом, более мощными надбровными дугами.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ АВСТРАЛИИ ПО ДАННЫМ ГЕОЛОГИИ, ГЕОМОРФОЛОГИИ И ПАЛЕОГЕОГРАФИИ

Данные палеоантропологии в связи с абсолютной и относительной хронологией палеоантропологических материалов позволяют сказать еще с большей определенностью, что Австралия не только не была прародиной человека, но не входила и в область формирования Homo sapiens. Об этом свидетельствует, во-первых, отсутствие на ее территории не только приматов, но и вообще плацентарных млекопитающих (высшие млекопитающие появились здесь вместе с человеком), а во-вторых, тот факт, что наиболее древние палеоантропологические находки на ее территории относятся к человеку уже современного физического типа.

Рассмотренные нами материалы говорят о том, что заселение Австралии шло из Юго-Восточной Азии. Но они же показывают, что первоначальное заселение Австралии произошло еще в такое время, когда человечество не только в Юго-Восточной Азии, но и в других областях земного шара находилось на уровне позднего палеолита. Могли ли люди той эпохи проникнуть на австралийский материк и заселить его? Как это произошло и что этому способствовало?

Прежде всего этому способствовало наличие материковых мостов между Юго-Восточной Азией и Австралией в последнем ледниковом периоде. Об этом говорят данные современной геологии. Уровень мирового океана в плейстоцене был значительно ниже современного, что и обусловило существование материковых шельфов между Азией и Австралией. Так, исследования побережья, а также рельефа и геологии дна Зондского моря показали, что современные речные долины продолжаются на дне моря и образуют полностью затопленную речную систему, впадающую в Южно-Китайское море. Следовательно, Зондское море — погруженная или затопленная система рек [95, 353].

«В эпоху наибольшего похолодания Земли все материки, кроме Антарктиды, соприкасались друг с другом. Они образовали единую Евразиатско-Африкано-Американско-Австралийскую сушу... Все это сделалось возможным благодаря по-

нижению уровня океана всего на 100 м» [58, 29—30].

Материковые мосты, или шельфы, между Азией и Австралией, однако, не были и не могли быть сплошными, иначе представители азиатской и индонезийской фауны проникли бы в Австралию, чего, как известно, не произошло. С другой стороны, проливы, разрезающие их, были не настолько широки, чтобы люди эпохи позднего палеолита, располагавшие, очевидно, еще очень примитивными средствами навигации, не

смогли бы их преодолеть.

Данные геологии, палеозоологии и палеоботаники свидетельствуют, что сплошной мост между Австралией и Азией существовал не позже, чем в плиоцене, т. е. более одного миллиона лет тому назад, но он был разрезан проливами еще до того, как смог бы быть использован плацентарными азиатскими животными. Линия Уоллеса, проходящая между Калимантаном и Сулавеси и между о-вами Бали и Ломбок и отделяющая азиатскую фауну от австралийской, и была в плейстоцене восточной границей северного массива суши, которому геологи дали название Сунда (азиатский континентальный шельф). Он был продолжением азиатского материка и, простираясь вплоть до о-ва Бали, включал северные и западные острова Индонезии, в том числе Суматру, Яву, Калимантан, частично Филиппины и, возможно, Японию и Сахалин. Совершению очевидно, что это способствовало постепенному освое-

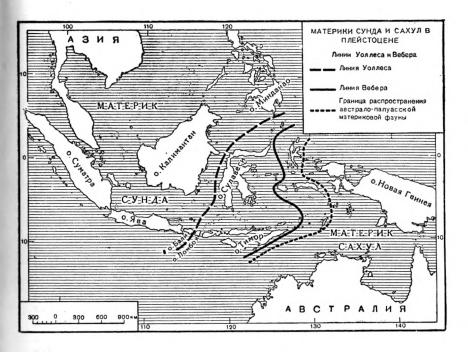
нию первобытными человеческими коллективами всей этой огромной территории и проникновению предков австралийских аборигенов на юго-восток, вплоть до линии Уоллеса.

Такое первобытное освоение территории еще не имело характера массовых миграций, как то было свойственно, например, кочевникам более поздних эпох. В эпоху позднего палеолита это было постепенное, стихийное, образно говоря, молекулярное расширение ареала обитания, вызываемое главным образом нарушением баланса между приростом населения и естественными ресурсами.

Известно, что даже народы, стоявшие на сравнительно низком уровне культурного развития (например, аборигены Австралии, не имевшие в недалеком прошлом правильного представления о причине деторождения), пытались искусственно контролировать и ограничивать естественный рост населения, восстанавливая равновесие между численностью группы и естественными ресурсами. Для первобытного человеческого коллектива с его охотничье-собирательским хозяйством такое равновесие имело особенно большое значение, и оно восстанавливалось, вероятно, контролем над рождаемостью. Тем не менее население постепенно увеличивалось и равновесие нарушалось. И тогда происходило расширение ареала первоначального обитания. Этому способствовали и другие причины как естественного, так и социального происхождения. Кроме того, в условиях относительно низкой плотности населения подвижность его вообще выше, чем в условиях противоположных. Из области высокой концентрации населения отдельные группы уходили в области, еще не освоенные человеком.

Материк Сунда (назовем его так условно), включая и сопредельные территории Юго-Восточной и Южной Азии, был в эпоху позднего плейстоцена зоной расселения и формирования непосредственных предков палеоавстралийцев.

К юго-востоку от покрыгого влажными лесами материка Сунда лежали Малые Зондские о-ва (Нуса Тенггара), проливы между которыми были тогда уже, чем теперь. Последний из этой группы островов, о-в Тимор, был расположен сравнительно недалеко от другого материка, простиравшегося далее к югу и востоку. Этот громадный материк — он вошел в специальную литературу под названием Сахул (австралийский континентальный шельф) — включал Австралию, Тасманию, Новую Гвинею, окружающие Австралию небольшие острова (такие, как Мелвилл, Батерст, Гроте Эйландт, Кенгуру) и часть Меланезии, в том числе, возможно, Новую Каледонию. Узкие проливы отделяли его от островов, лежащих к западу и северо-западу, вплоть до о-ва Сулавеси и Филиппинских о-вов. Пролив между Австралией и о-вом Тимор и между о-вами Сулавеси и Хальмахера носит название линия

Вебера (линия фаунистического равновесия), а пролив между о-вом Церам и Новой Гвинеей обозначает границу распространения австрало-папуасской материковой фауны.

Большая часть проливов была, вероятно, не шире 45 км. Наиболее широкие из них отделяли материк Сунда от Малых Зондских о-вов и от о-ва Сулавеси (линия Уоллеса) и о-в Тимор от материка Сахул. Предполагают, что этот последний пролив был самым широким, однако его ширина не превышала 150 км.

Небольшие группы протоавстралоидов, расселяясь по материку Сунда на протяжении последнего ледникового периода (закончившегося приблизительно 10 тыс. лет тому назад), достигли самых отдаленных, прибрежных его областей, которыми начиналась общирная островная область. Впрочем, каков был характер распределения воды и суши между материками Сунда и Сахул в эту эпоху, еще недостаточно ясно. Возможно, что в разное время вследствие гляциоэвстатических колебаний уровня мирового океана, поднятий и опусканий суши между группами островов возникали участки суши, по которым и могли пройти, не средствам навигации, палеоавстралийцы. Преимущественно сухопутному их расселению особенно благоприятствовала шоха максимального оледенения, когда уровень океана был наиболее низким. Для вюрмского оледенения характерно понижение уровня мирового океана на 90—100 м, но, согласно подсчетам некоторых ученых, в период максимального оледенения оно достигало 135—140 м [472, 37]. Самые глубокие из затопленных речных долин у берегов Австралии лежат на глубине 90 м [175, 267—270]. Недавние исследования показали, что примерно 16 тыс. лет назад уровень океана был все еще ниже современного уровня на 75 м [284, 70—79; 226, 250].

Для того чтобы Австралия и Тасмания стали единым материком, было достаточно, чтобы море опустилось на 54 м ниже современного уровня. Понижение на 45 м все еще связывало Австралию и Тасманию цепью близко расположенных островов. И если Юго-Восточная Австралия была заселена еще в плейстоцене, логично допустить, что тогда же, в плей-

стоцене, человек проник и в Тасманию.

Того же понижения на 45 м было достаточно, чтобы образовать сушу от п-ова Малакка до о-вов Бали и Палаван включительно. Глубина морей, лежащих между северным берегом Австралии, с одной стороны, и Новой Гвинеей и о-вом Тимор — с другой, не превышает 42 м. Но понижение только на 18 м ниже современного уровня все еще связывало Новую Гвинею и Австралию мостом суши в районе Торресова пролива. Этот мост исчез, вероятно, 7—8 тыс. лет назад [399, 49—72].

Последний максимум вюрмского оледенения в обоих полушариях, согласно Цейнеру, имел место от 27 тыс. до 20 тыс. лет назад [95, 452], следовательно, начало его почти совпадает с тем временем, когда, по нашим данным, произошло заселение Австралии. Но часть проливов все же не переставала существовать и в то время. И тогда, пользуясь примитивными средствами мореплавания, бывшими в их распоряжении, пересекая один пролив за другим, люди мало-помалу проникли на материк Сахул — через Яву, Малые Зондские о-ва и о-в Тимор в Северо-Западную и Северную Австралию или через Сулавеси, о-ва Танимбар, о-ва Ару, о-в Церам, о-в Хальмахера, Новую Гвинею в Северную и Северо-Восточную Австралию. Этот медленный, стихийный процесс мог продолжаться тысячелетия.

Какими же были эти средства? До сих пор аборигены западноавстралийского побережья пользуются плотом из связанных бревен или просто бревном. На таких плотах они совершают плавания вдоль берега или между материком и недалеко расположенными островами. Подобные плоты были распространены прежде и на северных берегах Австралии, пока их не вытеснили заимствованные из Индонезии и Новой Гвинеи долбленые лодки-однодеревки. Такие лодки, как свидетельствует археология, появились лишь в мезолите [47, 280—290], но им, несомненно, предшествовали более примитивные средства мореплавания. Лодки, сшитые из коры, еще

недавно были в употреблении не только в Восточной и Северной Австралии, но и кое-где в Индонезии. Самые примитивные средства мореплавания, которыми располагают современные аборигены Австралии, даже при всех опасностях такого плавания, все же были достаточны для того, чтобы преодолеть проливы, лежавшие перед палеоавстралийцами. Они тоже, вероятно, располагали подобными средствами, и с их помощью некоторым удалось пересечь проливы между материками Сунда и Сахул в эпоху последнего максимального оледенения, а, может быть, и раньше. Эти простейшие средства — а они, безусловно, уже имелись в распоряжении людей эпохи позднего палеолита [96, 123] — и сделали возможным открытие Австралии человеком.

Группы палеоавстралийцев, проникшие на материк Сахул, были, вероятно, численно невелики, и таких групп было очень немного. Далее мы рассмотрим результаты серологических исследований коренного населения Австралии, которые заставляют думать, что это было именно так. Да они и не могли быть велики. Не многим из тех, кто отваживался пересечь на своих плотах или примитивных лодках некоторые особенно опасные проливы, удавалось достичь противоположного берега. Аборигены о-ва Бентинк, расположенного в зал. Карпентария, у северных берегов Австралии, систематически посещают прибрежные островки и рифы на своих плотах. И в то время как плавания на небольшие расстояния безопасны, больше половины тех, кто пускается в плавание на расстояние более 15 км, погибают в открытом море [751, 16].

Несколько таких небольших групп, возможно в разное время и, может быть, даже разными путями, проникли все же на материк Австралии, принеся с собой в известной мере однородный протоавстралоидный антропологический тип. Однако, как мы уже говорили, некоторые из этих групп имели сходство с людьми из Ниа, Ваджака и Кейлора, другие — с людьми из Тальгая и Кохуны. Одни группы протоавстралоидов могли проникнуть в Астралию в районе Кимберли и п-ова Арнхемленд, другие — в районе зал. Карпентария и п-ова Кейп-Йорк. Находки протоавстралоидных палеоантропологических материалов в Индонезии и на Новой Гвинее отмечают движение этих групп.

Итак, расселение первых австралийцев по материку, ставшему их новой родиной, началось где-то на севере Австралии от Кимберли до п-ова Кейп-Йорк. В любом случае расселение палеоавстралийцев с северо-востока можно считать весьма вероятным, так как все ископаемые их остатки обнаружены до сих пор только в Восточной и Юго-Восточной Австралии. Большой Водораздельный хребет и его продолжение на юге — Австралийские Альпы протянулись вдоль всего восточного побережья Австралии от п-ова Кейп-Йорк вплоть до юго-восточной оконечности материка. Эта почти непрерывная горная цепь, отделив прибрежные области Восточной Австралии от ее внутренних областей, как бы указывает естественный путь для расселения, с одной стороны, вдоль восточного побережья, с другой — по системе рек, стекающих в южном и юго-западном направлениях с западных отрогов Большого Водораздельного хребта, — Дарлингу, Муррею и их многочисленным притокам. Вехами на первом пути являются тальгайский и кейлорский черепа, на втором — черепа из Қохуны, Моссгила и Тартанги. Это не исключает, конечно, того, что помимо п-ова Кейп-Йорк люди могли проникнуть в Австралию и в других местах ее северного побережья.

Проникновению в Австралию через Новую Гвинею способствовало и то, что проливы между Новой Гвинеей и Молуккскими о-вами в плейстоцене были сравнительно нешироки. Во всяком случае они были уже и доступнее, чем пролив между о-вом Тимор и ближайшим берегом материка Сахул. Способствовало этому и то, что Новая Гвинея в связи с регрессией моря была связана сухопутным мостом с п-овом Кейп-Йорк. Помимо геологических соображений этот факт подтверждается сходством фауны Северной Австралии и Новой Гвинеи [711, 52; 406, 101—119]. Новая Гвинея все отчетливее выступает как этап на пути расселения протоавстрало-

идов из Юго-Восточной Азии в Австралию.

Палеоавстралийцам не нужно было, однако, преодолевать горы Центральной Новой Гвинеи. Они могли обойти их и затем проникнуть в Австралию через поднявшиеся из воды долины нынешнего зал. Карпентария, а отсюда уже попасть на п-ов Кейп-Йорк или сразу направиться на юг, в центральные области материка. Тот и другой путь облегчался существовавшей в то время и сохранившейся частично и сегодня речной системой. В плейстоцене р. Флиндерс была главным стволом целой системы рек, впадающих теперь в зал. Карпентария. Она пересекала поднявшиеся из моря пространства зал. Карпентария и впадала в Арафурское море к юго-востоку от о-вов Ару [405, 28—81]. Палеоавстралийцы могли избрать и этот путь. Отсюда движению на юг, в глубь Австралии, способствовали долины рек Дайамантины и Куперс-Крик (Барку) — в Центральную и Южную Австралию, Дарлинга и его притоков — на юг и юго-восток.

Таким образом, заселение Австралии началось, по существу, с находящегося ныне под водой северного побережья материка Сахул. Это означает, что наиболее древние следы пребывания здесь человека погребены под толщей воды. Но следы расселения протоавстролоидов таит в себе и Новая Гвинея, и на этом огромном острове, где когда-то была найдена черепная крышка из Антапе, исследователя древнейшей истории Австралии и Океании, несомненно, ждут новые важ-

ные открытия. Кое-что здесь уже сделано археологами, и об

этом будет сказано ниже.

моря.

С окончанием последнего ледникового периода, т. е. приблизительно 10 тыс. лет назад, уровень мирового океана в результате тектонических движений и таяния ледников начал подниматься, море затопило низменные области материков Сунда и Сахул, и распределение суши и воды в этой части земного шара приняло наконец современный вид. 5 тыс. лет назад уровень мирового океана достиг примерно современного положения. К тому времени Австралия уже давно была заселена палеоавстралийцами.

Радиоуглеродный анализ пресноводного торфа, добытого в устье р. Суон (Западная Австралия) на глубине 20 м ниже уровня моря, показал, что возраст его — 11 800 ± 130 лет. Это был конец последнего ледникового периода, и уровень моря поднялся уже на значительную высоту по сравнению с тем, что было в периоде максимального оледенения. Исследования в том же районе показали, что о-ва Ротнест и Гарден отделнлись от материка примерно 7 тыс. лет назад, по мере того как уровень моря продолжал повышаться [210, 53—55]. Вероятно, приблизительно тогда же исчезла цепь близко расположенных островов между Австралией и Тасманией, образовался зал. Карпентария, а между Австралией и Новой Гвинеей образовался Торресов пролив. В районе Мельбурна море находилось на 18 м ниже современного уровня 8780 ± ± 200 лет назад [320, 133—138]. Такова радиоуглеродная датировка древесины красного эвкалипта, поднятого со дна

Какие же природные условия встретили первых австралийцев на их новой родине? Данные палеогеографии говорят о том, что это были совсем не те климатические и физикогеографические условия, которые свойственны современной Австралии. Страна была лишена природных контрастов, так характерных для нее теперь. Условия жизни в ней в целом благоприятствовали первобытным охотничьим общинам. Климат был холоднее: ведь это было время максимума оледенения. Во внутренних областях материка осадки выпадали в значительно большем количестве, чем теперь, и поэтому богатая растительность, свойственная в наше время только хорошо орошаемым областям материка, распространялась тогда гораздо шире. Напротив, в тропической Австралии осадков выпадало значительно меньше [209, 1358]. Это связано с перемещением пояса муссонов к экватору и с тем, что ветры не были в такой мере, как теперь, насыщены влагой они пересекали открытые пространства земель, а не воды. Поэтому на месте нынешней зоны влажных тропических лесов простирались саванны. Это значительно облегчало доступ в северные области Австралии.

5 В. Р. Кабо 65

Природные условия ныне аридных областей в позднем плейстоцене были близки к плювиальным [87, 117; 304, 465—501]. Так, в семиаридных районах Юго-Западного Квинсленда обнаружены следы существования гумидных ландшафтов в еще недавнем прошлом [785; 786, 1—28]. До сих пор в пустынях Центральной Австралии встречаются оазисы, где сохраняются реликты былого изобилия растительности. Такова, например, Долина пальм, островок роскошной субтропической растительности, расположенный к юго-западу от Алис-Спрингс и окруженный песчаными пустынями Центральной Австралии. Только здесь и в ущельях хребта Хамерсли, в Западной Австралии, сохранились веерные пальмы — Livistonia. В позднем плейстоцене рощи веерных пальм были разбросаны на равнинах всей внутренней Австралии.

В горах Тасмании и в Виктории, на южных склонах Грампианских гор, сохранились остатки болотной растительности, характерной для более холодного и влажного климата, а на северных склонах Грампианских гор — островки субтропической растительности, сохранившиеся от того времени, когда климат здесь был таким же, как сейчас в Юго-Восточном

Квинсленде.

Там, где сегодня простираются безводные, выжженные солнцем пустыни и полупустыни, в период первоначального заселения Австралии лежали озера и текли полноводные реки. В плювиальных интервалах плейстоцена в котловине соленого, в настоящее время обычно сухого, оз. Эйр существовало громадное глубоководное оз. Дьери, площадь которого превышала 100 000 кв. км [237, 616—617; 420, 93—103]. Эйр — остаток этого древнего озера, значительно сократившегося в размерах вследствие усыхания. Признаки плювиальных озер и рек прослеживаются и в других частях материка.

В стране водились ныне уже вымершие животные, в том числе гигантские сумчатые, которых аборигены еще застали и на которых они, несомненно, охотились. Среди этих, ныне исчезнувших, представителей австралийской фауны было гигантское сумчатое Diprotodon, длина которого достигала трех метров, — самое крупное из известных науке сумчатых животных, огромное, как носорог. Немного меньше его было другое гигантское сумчатое — Nototherium. Здесь обитали гигантские кенгуру, гигантские вомбаты, гигантские коала, гигантские нелетающие птицы, напоминающие эму, но гораздо крупнее его, — Genyornis и Dryomornis, — огромные, как новозеландский моа. Легенды аборигенов Виктории, возможно, сохранили воспоминание об охоте на этих птиц [739, 381—382].

В водоемах Центральной Австралии водились крокодилы, окаменелые остатки которых найдены в слоях плейстоценово-

го возраста. Изображения головы морского крокодила, морской черепахи и морской рыбы, вырезанные на скале, обнаружены в Панарамити, в 15 км к юго-востоку от г. Юнта, на востоке Южной Австралии [567, 97—99; 568, 131—146]. В настоящее время крокодилы и черепахи водятся в полутора тысячах километрах к северу от этого места. Но изображения нечеткие, поскольку подверглись сильному выветриванию; если же отождествление гравюр Панарамити, как изображений морских животных, соответствует действительности, можно предположить, что в плейстоцене или начале голоцена эти животные обитали в морях, омывающих Южную Австралию, и, может быть, населяли оз. Дьери (находившееся на месте нынешнего оз. Эйр), — как утверждают палеонтологи, оно тоже было соленым, — и что петроглифы были сделаны еще в то время. Говорят, что у этнических групп, населяющих район оз. Эйр, еще недавно существовали легенды о крокодиле [153, 6].

6570 ± 100 лет — таков возраст пресноводных моллюсков из слоя В оз. Менинди (Новый Южный Уэльс), содержащего и остатки гигантских, ныне исчезнувших сумчатых, и следы деятельности человека — каменные орудия [713, 299—305; 741, 269—298]. С помощью радиоуглеродного метода был установлен возраст 13 700±250 и 13 725±350 лет для озерных отложений оз. Колонгюлак (Юго-Западная Виктория), которые содержали и остатки ныне вымерших животных, и челюсть собаки динго, и кость гигантского сумчатого, отрезанную или, точнее, отпиленную человеческой рукой. Если сообщение соответствует действительности, то это пока самое раннее датированное местонахождение остатков собаки в Австралии. Оно относится, таким образом, еще к позднему плейстоцену. А собака появилась в Австралии вместе с человеком.

Недалеко отсюда, в Педжарк Марш, в том же или соседнем горизонте под слоем вулканического пепла была найдена каменная зернотерка. К западу от города Порт-Огаста (Южная Австралия) обнаружены кости дипротодона, некоторые из них были обожжены, а рядом следы кострища аборигенов. По данным радиоуглеродных исследований, дипротодоны населяли Южную Австралию еще 11 100 ± 130 и 6700 ± 250 лет назад [339, 118—162]. По радиокарбону, 538 ± 200 лет назад в Виктории еще водился так называемый тасманийский дьявол (Sarcophilus harrisii). Водился здесь и сумчатый волк, впоследствии сохранившийся только в Тасмании [307, 69—73; 308, 201; 309, 86—90; 310, 25—92; 315, 51—55; 324, 263—266]. Остатки тасманийского дьявола были обнаружены под скальным навесом Девон-Даунс рядом с остатками ископаемого человека.

Исчезновению всех этих животных, а особенно гигантских, ловольно безобидных и легко уязвимых для первобытного

охотника, наряду с другими причинами, вероятно, способствовал и человек. Помогла этому и спутница человека — собака динго [317, 87—92]. Но особенно большую роль сыграло нарастание аридности во время термического максимума, начавшегося примерно 7 тыс. лет назад. Приблизительно тогда же вымерли гигантские млекопитающие и в Северной Америке.

По мере того как население Австралии увеличивалось, ее сравнительно благоприятные природные условия способствовали постепенному освоению материка, включая и внутренние его области.

Следами древнейшего расселения человека в Австралии являются стоянки аборигенов, обнаруженные там, где когдато были пресноводные лагуны и полноводные реки, а сегодня — соленые озера или мертвые русла высохших рек. Во время раскопок вблизи бухты Ботани, в районе Сиднея, был обнаружен каменный топор, погребенный в толстом слое торфа, подстилавшего дно речного устья. Он относится к тому времени, когда уровень моря был ниже современного. Более поздние каменные орудия найдены в дюнах вдоль так называемой десятифутовой террасы, где примерно 5—6 тыс. лет назад, в период термического максимума, был берег моря. Вблизи устья р. Бердекин, в Квинсленде, раковинные кучи обнаружены вдоль полосы древнего берега моря приблизительно в 6 км от современного берега на высоте 20 футов (ок. 6 м) над высшей отметкой уровня воды. В устье р. Маклей, в Новом Южном Уэльсе, раковинные кучи найдены на высоте 10 футов (ок. 3 м) у основания утеса, нависавшего когда-то над берегом моря, а теперь находящегося в 15—16 км от берега. Вблизи Сиднея и вдоль южного побережья Нового Южного Уэльса раковинные кучи расположены на высоте 30 футов (ок. 9 M) над уровнем моря, а на западном берегу п-ова Кейп-Йорк, в Квинсленде, очень большие раковинные кучи находятся на высоте 20-30 футов и на расстоянии ок. 1 *км* от нынешнего берега моря [174, 67—68].

Десятифутовая терраса образовалась в период интенсивного таяния арктических и антарктических льдов 5—6 тыс. лет назад, вследствие чего уровень океана повысился на 10—15 футов (ок. 3—4,5 м) выше его современного уровня. Этот период получил название «сухого периода» или термического максимума. Террасы (или следы береговой линии), образовавшиеся в то время, все еще видны иногда в нескольких километрах от современного берега моря в глубь материка. Следующая морская трансгрессия произошла примерно 3700 лет назад. Затем теплый период термического максимума закончился, наступило новое похолодание (малый ледниковый период), и уровень моря понизился приблизительно до современного уровня.

Радиоуглеродные исследования террас, образовавшихся в период морских трансгрессий, в районах, по-видимому не подверженных тектоническим движениям, дали следующие результаты. Десятифутовая терраса в Пойнт-Перон (Западная Австралия) имеет возраст 5120 ± 130 лет. Такая же терраса на о-ве Ротнест, в том же штате, имеет возраст 3810 ± 90 лет. Это — даты двух морских трансгрессий, имевших место во время термического максимума. Аналогичны даты, полученные в Квинсленде, к югу от Кэрнса, — 6270 ± 120 и 3720 ± 85 лет [322, 73—79]. Близки к этому данные об эвстатических колебаниях уровня моря в Новой Зеландии, сопоставленные с результатами изучения древних береговых линий Скандинавии [657, 1191].

Одна из радиоуглеродных дат для термического максимума, или сухого периода, Австралии — 4820 ± 200 лет [318, 204—206] (Виктория). Во время послеледникового термического максимума морская трансгрессия затопила устья многих рек Виктории, и приведенная дата относится к древесине из кровли осадков этой трансгрессии у Мельбурна (на глуби-

не 3 м).

Максимальная интенсивность послеледникового эвстатического подъема моря, пишет Ф. Цейнер, относится к 14 тыс.— 6 тыс. лет назад. «Послеледниковый климатический максимум в этом случае, по-видимому, имел место 6000—5000 лет назад, что хорошо согласуется с астрономической датой (максимум солнечной радиации 10 000 лет назад)» [95, 452].

Оледенения в северном и южном полушариях, по-видимому, также происходили одновременно [4, 324]. Следы вюрмского оледенения обнаружены в Австралии, в Тасмании, на Новой Гвинее [793, 112—129]. В Австралии, кроме ледника в Новом Южном Уэльсе, на горе Косцюшко и вокруг нее, существовали небольшие оледенения в горах Северо-Восточной Виктории и на горе Вилльям, в Грампианских горах, в

Западной Виктории.

В Тасмании, как и в Австралии, максимум последнего, довольно интенсивного оледенения совпал с последним максимумом вюрмского оледенения. Радиоуглеродный анализ дерева из ледниковых морен вблизи Куинстауна (на западном побережье Тасмании) показал, что возраст морены составляет 26 480 ± 800 лет. В Австралии и Тасмании было, как полагают, не более трех периодов оледенения, причем последнее сравнительно поздно. Максимальный возраст торфяников, образовавшихся в ледниковых озерах плато Косцюшко в послеледниковое время, согласно радиоуглеродному анализу, составляет 8 тыс. лет. Эта дата фиксирует верхнюю границу 9 последнего периода оледенения [258, 97—110; 321, 80; 400, 298—303; 442, 168—183]. Таким образом, окончание последнего оледенения в Австралии несколько задержалось, так как

обычно конец последнего ледникового периода относят к 9—11 тыс. лет назад. В целом события истории плейстоцена и голоцена в Австралии, с одной стороны, в Европе и Северной Америке — с другой, вполне сравнимы и соотносимы друг

с другом [174, 60—64].

С окончанием последнего ледникового периода климат Австралии сделался жарче и суше, огромные озера исчезли и превратились в гигантские массы соли, многие реки высохли, от богатой когда-то растительности в центральных областях материка сохранились только самые жизнестойкие виды, и области эти стали огромными пустынями и полупустынями — «мертвым сердцем Австралии», как их называют теперь [230, 283—290]. По данным радиоуглеродных исследований, крупные плейстоценовые млекопитающие вымерли в Виктории около 8700 лет назад, а в засушливых внутренних районах Южной Австралии — 6700—6500 лет назад.

Л. С. Берг, полемизируя в свое время со сторонниками теории непрерывного усыхания Земли, утверждал, что «ни о беспрерывном усыхании Земли со времени окончания ледниковой эпохи, ни о беспрерывном усыхании в течение исторического времени не может быть и речи» [4, 87]. В послеледниковое время, по его мнению, имел место период климата более сухого и теплого в сравнении с современным. Основываясь на том, что климатические колебания в северном и южном полушариях происходили одновременно, можно предполагать, что именно в эту засушливую послеледниковую эпоху и произошло образование австралийских пустынь. Тогда же, вероятно, образовалась и величайшая пустыня мира — Сахара, большая часть которой, как показывает открытая в ней замечательная наскальная живопись, еще приблизительно 5—7 тыс. лет назад была саванной, орошаемой обильными реками, с влажным климатом и хорошими пастбищами, с довольно значительным населением.

Утверждение Л. С. Берга, что «высыхание Центральной Австралии произошло еще до появления человека на этом материке» [4, 86], объясняется, очевидно, тем, что в то время, когда это было написано, еще не существовало надежных доказательств заселения Австралии в плейстоцене или раннем голоцене. Но гипотеза о том, что в послеледниковое время наступил засушливый период (термический максимум или климатический оптимум), сменившийся затем более холодвлажным, получила теперь широкое [8, 328-348; 102, 200-205; 401]. Она подтверждается множеством фактов. Считают, что и в северном, и в южном полушариях засушливый послеледниковый период был в одно и то же время — примерно 4—7 тыс. лет назад — и сменился непродолжительным, холодным и влажным малым ледниковым периодом (3000—3500 лет назад), во время которого,

однако, ледников в Австралии уже не было. Затем мировые температуры снова несколько возросли, и 500 лет до н. э. климат был даже немного теплее, чем сейчас.

Современное представление об эпохе термического максимума имеет для нас большое значение; как мы увидим дальше, оно помогает понять очень многое в общественном и куль-

турном развитии австралийцев.

Когда закончился период термического максимума, а затем и малый ледниковый период, климат Австралии стал теплее и суше, но все же оставался более влажным и сравнительно менее засушливым, чем в период образования пустынь. Так, на равнине Риверайна (Новый Южный Уэльс) во время послеледникового термического максимума сильно сокращался, но по окончании его плювиальные условия, свойственные позднему плейстоцену, восстановились [439, 96—97]. И, хотя пустыни Центральной Австралии все еще существуют, имеются признаки того, что их границы теперь значительно сократились. С окончанием малого ледникового периода климат стал более устойчивым, резкие колебания температур и осадков прекратились. Однако многие реки Центральной Австралии по-прежнему лишь ски наполняются водой, а озера остаются преимущественно сухими. И сейчас еще в центральных областях Австралии нередки продолжительные засухи.

Высыхание Австралии в период термического максимума затронуло главным образом внутренние области материка, тогда как окраинные, прибрежные его области находились в условиях менее сухого и жаркого климата, и здесь сохранялись фауна и флора, почти исчезнувшие в центральных областях. Здесь же в более благоприятных условиях, чем во внутренних областях, продолжалось развитие культуры аборигенов, хотя на нем и отразилось культурное отставание внутренних областей континента. После малого ледникового периода многие растения и животные, пережившие термический максимум, начали мигрировать из менее засушливых прибрежных областей во внутренние области материка.

В плейстоцене и начале голоцена в Западной Виктории, Южной Австралии и Квинсленде продолжалась вулканическая деятельность. Извержения вулканов происходили еще 5 тыс. лет назад [442, 99—116], а может быть, и позднее. По некоторым данным, вулкан Тауэр-Хилл (в Западной Виктории) действовал около тысячи лет назад [310, 25—92].

Таким образом, со времени первоначального заселения Австралии человеком в истории этого континента произошли

следующие события:

От 27 тыс. до 20 тыс. лет назад — последний максимум вюрмского оледенения. Незадолго до этого (около 30 тыс. лет назад) люди впервые появились в Австралии.

От 10 тыс. до 8 тыс. лет назад — закончился последний ледниковый период. Австралия в основном уже была заселена человеком. К предшествующему периоду (концу плейстоцена) относится череп из Кейлора, к этому времени — тальгайский и кохунский черепа. В самом конце периода или начале следующего Новая Гвинея и Тасмания полностью отделились от Австралии.

От 7 тыс. до 4 тыс. лет назад — термический максимум. Распространение пустынь в Центральной Австралии. Образование десятифутовой террасы и концентрация раковинных куч вдоль морского побережья. Исчезновение многих видов животных. Черепа из Моссгила и Тартанги, несколько поз-

же — из Девон-Даунса.

 $O\tau~3500~\partial o~3000$ лет назад — малый ледниковый период, сопровождавшийся новым похолоданием и отступлением моря. Затем наступает более сухой и теплый период, продол-

жающийся до настоящего времени.

В разделах, посвященных истории археологических культур в Австралии, мы попытаемся координировать и ее с изложенной выше схемой основных событий плейстоцена и голоцена. История аборигенов Австралии будет рассмотрена на фоне этих событий и в связи с ними, ибо они оказали, несомненно, большое воздействие на коренное население Австралийского континента, которое вплоть до окончания малого ледникового периода вынуждено было постепенно свой образ жизни сообразно с новыми, все более трудными условиями. Процесс активного приспособления к меняющейся естественногеографической среде, предъявлявшей новому поколению аборигенов все более суровые требования, сильно повлиял на их культурное и социальное развитие. Отразился он, очевидно, и на их физическом типе, обусловив некоторые морфологические изменения, происшедшие уже на территории Австралии и сопровождавшие становление современного австралийского антропологического типа.

Все обнаруженные до сих пор в Австралии палеоантропологические находки сосредоточены, как известно, в восточной и юго-восточной частях материка. Это объясняется не только тем, что эти районы изучались наиболее интенсивно, но и тем, что в этой наиболее благоприятной в природно-климатическом отношении, наименее подверженной изменениям климатических условий области континента издавна сконцентрировалась значительная часть коренного населения, плотность которого была здесь к началу колонизации, вероятно, наиболее высокой в Австралии. Не случайно именно здесь впоследствии сосредоточилось и наиболее густое европейское население. В конце плейстоцена и начале голоцена климат Юго-Восточной и Юго-Западной Австралии был лишь немного более прохладным и влажным по сравнению с современным.

Сравнительно большое количество обнаруженных археологами древних стоянок, часть которых относится к древнейшим этапам в развитии культуры австралийских аборигенов, говорит о том, что довольно значительное население сосредоточилось в Восточной и Юго-Восточной Австралии уже в первые тысячелетия освоения континента.

Но ведь в Австралию проникло лишь несколько численно небольших групп палеоавстралийцев. Оказавшись в сравнительно благоприятных природных условиях Северной Австралии, они должны были расселяться очень медленно. Хорошо известно, как сильно привязаны аборигены Австралии к своей земле. Эта привязанность воспитывалась в них веками. Посягательство на чужую территорию, на ее ресурсы в условиях высокой плотности населения нередко сурово каралось.

Для того чтобы началось расселение на юг, нужны были особые причины. Одной из главных причин, уже отмеченной выше, было нарушение баланса между численностью населения и естественными ресурсами. Расселение шло из областей высокой концентрации населения в области, еще не освоенные человеком. Й все же, даже не делая точных расчетов. можно утверждать, что между появлением на севере Австралии небольших групп палеоавстралийцев и той эпохой, когда увеличившееся в несколько раз население расселилось вплоть до южного ее побережья, должно было пройти, может быть, не одно тысячелетие. Это означает, что заселение Австралии началось значительно раньше того времени, к которому относятся самые древние даты абсолютной хронологии. Ведь такие даты были до сих пор получены путем радиоуглеродного анализа материалов, добытых главным образом в Юго-Восточной и Южной Австралии.

Была, впрочем, сделана попытка произвести такие расчеты. Дж. Бердселл подсчитал, что группа в 25 человек достигнет численности в 300 тыс. за 2204 года. 300 тыс. человек — таким было, по приблизительным подсчетам, население Австралии к началу колонизации [621, 669—696]; такой же является, по мнению Бердселла, ее вероятная вместимость для охотничье-собирательского населения [160, 47—69]. Плотность коренного населения Австралии — производная от условий естественногеографической среды [159, 171—207]. Едва ли, однако, можно полагаться на расчеты Бердселла. Хорошо известно, что темпы прироста населения далеко не стабильны даже для первобытных обществ и зависят от многих условий,

как экологических, так и социально-исторических.

Способны ли легенды австралийцев донести до нас какието реальные сведения о далеком прошлом, даже если эти сведения и облачены в фантастическую оболочку? Было время, говорится в одной из легенд этнической группы буандик, крупнейшей из этнических групп юго-восточной части

Южной Австралии, — когда земля простиралась на юг от того места, где теперь расположен город Порт-Макдоннелл, так далеко, как только мог увидеть глаз, и была покрыта прекрасными лесами и лугами. Местностью этой владел огромный и страшный человек. Однажды он увидел, что на одну из его любимых акаций взобралась женщина, чтобы собрать сладкий древесный сок. Человек очень рассердился и велел морю утопить ее. Море хлынуло и вместе с женщиной навсегда затопило землю. Так образовался залив Макдоннелл [682, 22—23]. В плейстоцене этого залива, действительно, еще не было.

Итак, расселяясь по Австралии, аборигены прежде всего заселили восточные, юго-восточные и южные, а также, как увидим, и западные области материка. Но и его центральные области были освоены довольно рано, еще в плейстоцене, когда климат Центральной Австралии был значительно более влажным, чем теперь, т. е. до нарастания аридности в середине голоцена. В позднем плейстоцене разница между прибрежными и центральными областями в климатическом отношении не была еще так велика, как впоследствии. Центральная Австралия стала такой, как теперь, уже после освоения ее человеком. О раннем заселении внутренних областей Австралии говорят данные радиоуглеродного анализа археологического материала.

Резкое ухудшение условий жизни в среднем голоцене не повернуло вспять развитие аборигенов Австралии, не остановило их движения вперед, но наряду с изоляцией было одной из главных причин, серьезно замедливших его и обусловивших культурное отставание аборигенов.

ПРОШЛОЕ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

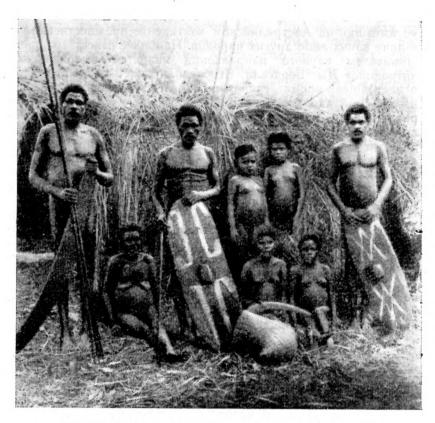
Результаты антропологического изучения народа являются одним из важнейших источников для познания его этногенеза. В то время как палеоантропологические материалы освещают процесс становления антропологических особенностей на различных, преимущественно ранних его этапах, результаты исследования современного населения выражают как бы итоги этого процесса.

В проблеме происхождения и становления современного австралийского антропологического типа сейчас, как и в прошлом, представлены две основные тенденции. Обе они имеют довольно большую историю. В общих чертах она изложена во Введении. Представители одного направления рассматривают австралийцев как народ смешанного происхождения, другие — как расово однородный, или гомогенный,

не имевший на Австралийском континенте предшественников в лице каких-либо других народов. Наиболее известным представителем первого направления является американский антрополог Дж. Бердселл. Второе направление представлено в настоящее время главным образом антропологами так называемой аделаидской школы во главе с Э. Эбби. В период, предшествовавший второй мировой войне, приверженцем этого направления был известный австралийский антрополог и палеонтолог Ф. Вуд Джонс, по мнению которого австралийцам (прадравидам, согласно его концепции) не предшествовал на континенте Австралии какой-либо иной народ, а тасманийцы к ним отношения не имеют: по своему происхождению они являются меланезийцами [797].

Дж. Бердселл различает в составе современных лийцев три антропологических типа различного, как он полагает, расового происхождения, пришедших из разных областей ойкумены в разное время, к тому же локально ренцированных, населяющих три различных географических ареала. Отсюда названия, данные им этим типам. Наиболее древними, по его мнению, являются «баринейцы», населяющие в настоящее время горные тропические леса Северного Квинсленда вокруг оз. Барин на Эсертонском плато, в районе Кэрнса. Выше уже говорилось об австралийцах негроидного (или тасманоидного) облика, сохранившихся в тех местах. Эта изолированная группа (всего около 600 человек), отличающаяся от других австралийцев преобладанием курчавых волос и некоторым сходством с тасманийцами, андаманцами и негритосами Океании, исследованная Бердселлом совместно с Н. Тиндейлом [750, 1—9], является, по их мнению, реликтом древнейшего антропологического типа Австралии, сохранявшегося до конца XIX в. и в Тасмании, где он был затем полностью уничтожен английскими колонизаторами. Имеются также сообщения о небольших группах австралийцев негроидного типа, прежде обитавших в восточной части сленда (Виктория) и на крайнем юго-западе Австралии [450, 34—35]. В самом Северном Квинсленде, в районе Кэрнса, аборигены негроидного типа живут также к северу от оз. Барин, у р. Блумфилд. [701, 48], и к югу от него, у станции Маунт-Гарнет [287, 48]. Наконец, курчавые волосы довольно часто наблюдаются у аборигенов других районов Северного Квинсленда, в Арнхемленде и на о-вах Мелвилл и Батерст. Нужно, однако, отметить, что курчавые волосы австралийцев и «шерстистые» волосы негроидов Африки и других стран — это совсем не одно и то же, поэтому «негроидность» всех этих групп — понятие довольно относительное.

Итак, этот негроидный элемент, как считает Бердселл, наиболее древний компонент населения Австралии. Следующими по времени являются «муррейцы», населяющие Юж-

Аборигены-«тасманоиды» Северо-Восточного Квинсленда

ную Австралию и родственные, по мнению Бердселла, айнам и другим «архаическим кавказоидам» (европеоидам). По Бердселлу, «муррейцы» близки населению, представленному черепами из Верхней пещеры Чжоукоудяня. «Муррейский элемент» представлен также черепами из Кейлора, Аитапе и Ваджака. «Муррейцы», придя в Австралию позже тасманоидов, постепенно поглотили их. Последние сохранились только в некоторых изолированных районах Австралии и в Тасмании.

Третий компонент — «карпентарианцы», или собственно «австралоиды», населяющие Северную Австралию к югу от зал. Карпентария и антропологически близкие к мунда Индии и веддам Цейлона.

В Центральной Австралии все эти антропологические типы— негроиды, архаические европеоиды и веддоиды— смешались и образовали четвертый, смешанный, промежуточный тип.

Все три основных расовых компонента проникли на материк Сахул и затем в Австралию на протяжении последнего ледникового периода как три отдельные, разновременные миграции различного расового состава. Тасманоиды появились в Австралии в начале последнего ледникового периода, «муррейцы» — в середине его, а «карпентарианцы» — в конце. Первые расселились главным образом на севере и юге Австралии, вторые — в южноавстралийской области умеренного климата, а третьи — на севере Австралии, в области тропического климата [155, 6; 156, 232; 157, 105—122; 158, 259—314; 161, 100—155].

Таким образом, местные, географические варианты современных австралийцев образовались, по мнению Бердселла, вследствие различного расового происхождения этих групп, причем, как считает Бердселл, расовые различия между ними существовали уже в плейстоцене, в эпоху позднего палеолита. Бердселл даже не допускает, что они могли образоваться вследствие длительного, продолжавшегося не одно тысячелетие обитания различных групп первоначально однородного протоавстралоидного населения в удаленных одна от другой, различных по своим природным условиям обла-

стях Австралии.

К взглядам Дж. Бердселла о расовом происхождении австралийцев примыкают взгляды Р. Гейтса. Обследовав в районе Кэрнса группу аборигенов, состоявшую из 16 человек, он пришел к выводу, что местное население действительно имеет в своей основе негроидный компонент [301, 150— 166]. По данным Гейтса, рост мужчин в среднем составляет здесь 155,8 *см.* а женщин — 145,5 *см.* Это — рост так называемых пигмеоидов, к которым в Азии принадлежат ведды и сенои. Заметим, что пигмеоидов не следует смешивать с пигмеями (азиатскими и африканскими), рост которых еще меньше — в среднем 145 c_M у мужчин и 135—140 c_M у женщин. Тасманийцы, с которыми Бердселл сближает население, живущие в районе Кэрнса, не были, однако, ни пигмеоидами, ни тем более пигмеями. Изучив их скелеты, Э. Эбби убедился, что они были людьми нормального роста [115, 49—62]. Следовательно, пигмеоидность «баринейцев» — их локальная особенность.

Головной указатель «баринейцев» — в среднем 74,48. Следовательно, и они, подобно всем австралийцам, являются долихокефалами. Однако надбровные дуги у них развиты менее сильно, чем у большинства австралийцев. Волосы у большинства «баринейцев» курчавые или выющиеся — значит, и им свойственны отнюдь не только курчавые волосы.

Взгляды Гейтса, поддержавшего концепцию Бердселла с позиций генетики, вызвали дискуссию между ним и Эбби, противником этой концепции и сторонником теории расовой

однородности аборигенов Австралии [302, 7—50; 303, 423; 111, 423]. Как мы увидим дальше, данные антропологии подтверждают правоту сторонников этой теории, а исследования в области генетики не только не противоречат этим данным, но, со своей стороны, также во многом подтверждают их.

Концепцию смешанного происхождения австралийцев, близкую к теории Бердселла, разделяет и польский антрополог А. Л. Годлевский [329]. Он считает, что Австралия и Океания заселены из Юго-Восточной Азии несколькими миграционными волнами. Первыми Австралию и Тасманию за-

селили негроиды, затем австралоиды.

Однако палеоантропология, которой в этом вопросе должно принадлежать решающее слово, как мы знаем, не дает никаких доказательств наличия в Австралии раннего негроидного слоя, предшествующего австралоидному. Данные палеоантропологии свидетельствуют о том, что Австралия заселялась сравнительно однородным протоавстралоидным населением, различия внутри которого были не очень основном — за счет большей или меньшей примитивности единого по существу протоавстралоидного типа. Следовательно, некоторые различия внутри современного коренного населения Австралии — как мы убедимся ниже, их не следует преувеличивать - могут быть достаточно убедительно объяснены процессами прогрессирующей дифференциации внутри различных групп населения огромного континента (площадь которого составляет 7631,5 тыс. кв. км). При глубоких природных различиях, существующих между отдельными областями Австралии и образовавшихся в течение последних тысячелетий, при очень слабой связи между этническими группами, населяющими отдаленные области континента. почти полной изоляции некоторых групп, населяющих тропические леса Северного Квинсленда, пустыни Центральной и Западной Австралии и некоторые острова, не удивительно, что антропологическая дифференциация между населением различных географических ареалов все более углублялась на протяжении голоцена. Этот процесс был диалектически связан с процессом «выравнивания», сглаживания между группами протоавстралоидов, который начался ранней стадии формирования австралийской расы, а полностью, вероятно, не завершился и до сих пор.

Так, антропологические особенности негроидной группы Северного Квинсленда могли образоваться с течением времени вследствие изоляции и длительного обитания в условиях влажных тропических лесов, подобно тому как во внутренних горных районах Новой Гвинеи и островов Меланезии, в тропических лесах Юго-Восточной Азии и Центральной Африки в аналогичных условиях образовался близкий к «баринейскому», хотя и не тождественный ему, своеобразный

малорослый негроидный тип. Механизмы образования этого типа еще недостаточно изучены, но несомненно, что в формировании этих групп известную роль сыграло длительное воздействие специфической географической среды и связанных с последней условий питания, на что указывал С. А. Семенов. Группы эти «представляют собой продукт адаптации древнего тропического населения нормального роста к спе-

цифическим условиям среды» [83, 334]. Возможно, что группы эти образовались вследствие параллельных генетико-автоматических процессов, т. е. такого изменения концентрации генов, которое обусловлено не отбором, а случайными (стохастическими) процессами. Это случайные сдвиги в генотипе популяции, оказывающие в свою очередь воздействие на отдельные черты ее фенотипа. В специальной литературе такие случайные отклонения от исходного соотношения частот генов называют также генетическим дрейфом. Особенно благоприятными факторами являются в данном случае малочисленность популяции и ее изолированное положение. В малой выборке очень велика степень вероятности, что она будет существенно отличаться от генеральной совокупности. Поэтому в небольших изолированных популяциях австралоидов гены курчавоволосости могли бы достичь, вероятно, и 100% концентрации, чего, однако, в действительности не наблюдается: процент курчавоволосости у

Наконец, в прибрежных областях Северного Квинсленда вполне допустима и более поздняя примесь курчавоволосых типов меланезийской расы. Во всяком случае курчавые волосы следует считать более поздним и специализированным признаком по сравнению с прямыми или волнистыми волосами большинства австралийцев. К этому можно добавить, что волнистые и прямые волосы наблюдаются также и у «баринейцев».

Сведения относительно аборигенов негроидного облика, обитавших прежде в некоторых других областях Австралии, нельзя признать достаточно надежными. Что касается аборигенов Гипсленда, то, если эти данные надежны, здесь можно допустить и некоторое воздействие со стороны аборигенов Тасмании, отрезанных от Виктории только Бассовым проливом. Имеются, правда очень немногочисленные и не вполне достоверные, указания на контакты между Австралией и Тасманией в отдаленном прошлом. Так, сообщалось о находке в Тасмании шлифованных каменных топоров, по-видимому, австралийского происхождения — шлифование каменных орудий тасманийцы не применяли.

Но и без этого аборигены Гипсленда были в значительной мере изолированы от населения окружавших областей, и поэтому фактор изоляции мог воздействовать на антропологи-

ческий тип местного населения в той же мере, как и на население тропических лесов Северного Квинсленда. / «Племена Гипсленда были благодаря физическим условиям страны отрезаны от остального мира, и поэтому эти чернокожие должны обнаруживать много специфических особенностей, — писал А. Хауитт. — Море с юга, густые, почти непроходимые джунгли с востока и запада, на севере — Большой Водораздельный хребет, покрытый месяцами снегом, - все это способствовало их изоляции» [19, 124]. Некоторые особенности физического типа, в том числе и преобладание курчавоволосости, могли образоваться у аборигенов Гипсленда совершенно независимо от влияния тасманийцев. Более того, контакты, даже очень незначительные, между Австралией и Тасманией действительно имели место, эти контакты могли со временем оказать воздействие и на антропологический тип тасманийнев.

Связывая негроидов Северного Квинсленда ственно с аборигенами Тасмании, как древнейшим населением материка Сахул, Бердселл в то же время вынужден признать преобладание «муррейского» («айноидного») элемента в самом тасманийском антропологическом типе. Антропологический тип тасманийцев, по его мнению, результат смешения древних гипотетических океанийских негроидов с «архаическими кавказоидами» — «муррейцами» [157]. Значительная антропологическая близость австралийцев и тасманийцев засвидетельствована и другими антропологами, например А. Грдличкой, который считал тасманийцев ветвью лийской расы. В таком случае теория древнейшего тасманоидного пласта становится еще менее доказательной. Не только палеоантропология, но и антропология современного коренного населения не дает, следовательно, никаких достоверных свидетельств существования в Австралии тасманоидного субстрата. Ведь следы его в Тасмании, где они, по признанию самого Бердселла, не являются ни единственными, ни преобладающими (то же относится и к негроидам Северного Квинсленда), могут быть объяснены различным Можно рассматривать этот факт как следствие австралийцев с меланезийцами, другими словами, рассматривать тасманийцев как группу смешанного австрало-меланезийского происхождения. Но можно предположить и другое: тасманийский антропологический тип образовался в результате генетико-автоматических процессов внутри большой группы палеоавстралийцев, попавших в Тасманию еще в плейстоцене и затем оказавшихся в условиях многовековой изоляции.

Курчавоволосые типы Северной Австралии (Арнхемленда и прилегающих островов) могут быть объяснены как аналогичными процессами внутригрупповой изменчивости, так и на-

личием некоторой папуа-меланезийской примеси. В целом у курчавоволосых типов Северной Австралии, за исключением, может быть, тасманоидов Северного Квинсленда, мало общего с тасманийцами. Для некоторых из них характерен, например, высокий рост, несвойственный тасманийцам. Не случайно Бердселл выделил северных австралийцев («карпентарианцев») как самостоятельную группу. Южные австралийцы («муррейцы») в целом несколько меньше ростом, может быть, более широконосы, хотя это и оспаривается некоторыми авторами, они имеют более развитый третичный волосяной покров и, по некоторым данным, более низкий череп. Возможно, эти различия связаны со сравнительно большим сохранением архаического антропологического типа на юге

Австралии. В этой связи большой интерес представляют исследования японского антрополога Б. Ямагути [809, 16—19]. Исследуя черепа австралийских аборигенов (всего 364 мужских женских черепа из разных мест Австралии), он обратил внимание на два различных типа строения лицевого Один из них характеризуется наклонным лбом, сильно развитыми надбровными дугами, глубокими клыковыми сильно выраженным альвеолярным прогнатизмом. Это — типичный австралоидный тип. Около 30% всех исследованных Ямагути черепов принадлежало к этому типу. Другой характеризуется сравнительно более высоким сводом, сравнительно менее развитыми надбровными дугами, слабо развитыми клыковыми ямками, умеренным альвеолярным прогнатизмом. Этот тип вследствие его сходства с айнским Ямагути называет «айноидным». К этому типу принадлежало около 20% исследованных им черепов. Остальные 50% черепов, за исключением немногих меланезоидных и европеоидных форм, имели промежуточный характер.

Географически эти три типа черепов распределяются следующим образом. Австралоидные и айноидные черепа распределены равномерно вдоль всего побережья австралийского континента и в прилегающих к побережью областях Австралии. Представлен здесь и промежуточный тип. Однако во внутренних областях континента представлены только австралоидный и промежуточный типы, айноидный тип здесь

не обнаружен.

Исследование Ямагути, основанное на большой и репрезентативной серии черепов, показывает, что айноидные антропологические особенности представлены не только в Южной Австралии, где Бердселл локализовал своих «муррейцев», но и во всех окраинных областях материка.

В связи с этим можно высказать следующую гипотезу. Не восходят ли австралоидный и айноидный краниологические типы, выделенные Ямагути на современном австралийском

81

материале, к двум типам протоавстралоидов, выделенных на австралийском палеоантропологическом материале, - один из них, как мы помним, был представлен черепом из Кейлора. другой, более примитивный, черепами из Тальгая и Кохуны? Ведь айноидный тип, судя по описанию Ямагути, ближе к кейлорскому, чем к тальгайско-кохунскому типу, тогда как австралоидный в свою очередь ближе к последнему. Уже в период первоначального заселения Австралии на ее территории были представлены и тот и другой типы, хотя кейлорский, возможно, был относительно более древним. По мере освоения материка, происходило как бы «выравнивание» антропологических различий, полностью не закончившееся, вероятно, и до настоящего времени, чем и объясняется равномерное распределение на окраинах континента айноидного и австралоидного типов и преобладание промежуточного типа. Отсутствие айноидного типа во внутренних областях Австралии, может быть, связано с тем, что в освоении этих областей приняли участие главным образом аборигены тальгайско-кохунского типа, пришедшие в Австралию одновременно или немного позднее аборигенов кейлорского типа.

Тасманоиды, айноиды и веддоиды — три расовые группы, от смешения которых в разных пропорциях и произошли, по мнению Бердселла, австралийцы, все они наряду с австралийцами генетически восходят к общей для них протоавстралоидной основе. Различия между ними объяснимы как расхождения в пределах первоначально единого, антропологического типа, отдельные группы которого в течение тысячелетий развивались в отдаленных одна от другой областях ойкумены. Этим исходным типом и был протоавстралоидный тип позднего палеолита, признаки которого в наибольшей степени сохранились у коренного населения Австралии.

В этом освещении теория Бердселла приобретает совершенно новый вид. Прежде всего, методологически неправильно проецировать современные антропологические типы в эпоху плейстоцена, когда — с чем согласен и Бердселл — произошло заселение Австралии. Если она и была заселена группами, морфологически различными, то это были расхождения в пределах единого протоавстралоидного типа. Антропологические различия в то время еще не могли быть очень велики, это были расхождения в пределах кейлорского и тальгайскокохунского типов. Специфические признаки современных тасманоидов, айноидов и веддоидов в то время еще не успели сформироваться.

Концепции, которая рассматривает австралийцев как расово неоднородную группу, противостоит другая концепция, которая исходит из предположения о расовой однородности австралийцев. Эта концепция находится в большем соответствии с фактами и потому кажется более убедительной. Антропологические данные не дают достаточных оснований для того, чтобы различать в генезисе австралийских аборигенов представителей разных рас, если только не принимать во внимание незначительные в масштабе всей Австралии влияния иных расовых типов. Эти данные скорее говорят об обратном. Рассмотрим их.

Лабораторное изучение австралийского антропологического материала началось в 1863 г. с исследований Т. Гексли в области сравнительной краниологии, о которых уже говорилось во Введении. Все последующие исследования были в 20-х годах ХХ в. обобщены Р. Мартином [482]. Из них можно отметить исследование Р. Пёха, изучившего серию черепов из Нового Южного Уэльса [612, 12—94]. На протяжении последующих тридцати лет антропологи имели делс тоже главным образом с краниологическими материалами [105, 233—258; 106, 1—12; 377, 115—130; 551; 591, 285—300;

601, 195—204].

Наряду с лабораторными имели место и немногочисленные полевые исследования [236, 73—94; 712, 268—294 и др.]. Интерес в этом отношении представляют наблюдения этнографов. К ним следует отнести, прежде всего, известных исследователей Центральной и Северной Австралии Б. Спенсера и Ф. Гиллена, которые не только собрали ценнейшие этнографические материалы, но и внесли свой вклад в антропологическое изучение австралийцев. Они отметили, в частности, что «наклонный лоб, сильно развитые надбровные дуги, низкое переносье и прогнатизм являются характерными чертами всех аборигенов Австралии» [698, 194], но что третичный волосяной покров на лице развит сравнительно сильнее у аборигенов Центральной Австралии (аранда, лоридья и др.), чем у живущих несколько севернее (вараманга и др.), что рост взрослых аборигенов Центральной Австралии колеблется в пределах от 158,2 см до 182 см [698, 193] и т. д. Они писали: «Об аборигенах обычно говорят как о "чернокожих", но в действительности они вовсе не черные: они темно-шоколадные. Кожа новорожденного ребенка цвета красной меди, но она быстро темнеет и через несколько дней становится такой же, как у взрослых» [698, 187].

Позднее Н. Макинтош, изучив группу аборигенов Юго-Западного Арнхемленда, обнаружил и здесь значительную вариабельность антропометрических признаков, главным об-

разом относящихся к росту [465, 208—215].

В начале нашего столетия Р. Берстон [182] опубликовал результаты тщательного исследования 102 аборигенов — мужчин и женщин разных возрастов — преимущественно из окрестностей Дарвина (западная часть Арнхемленда). Но особенно большое значение имела работа У. Хауэллса [385],

основанная на обширных полевых материалах, собранных в 1927 г. в Арнхемленде американским этнографом Л. Уорнером. Эти материалы, включавшие антропометрическое исследование 239 взрослых мужчин и 69 женщин, Хауэллс сравнил со всеми известными в то время антропологическими материалами по остальной Австралии и с данными по другим народам за ее пределами. До настоящего времени эта работа остается наиболее важным исследованием по антропологии

аборигенов Австралии. Сравнительная таблица антропометрических признаков по различным группам австралийских аборигенов, приведенная в работе Хауэллса, показывает, что, хотя население отдельных частей континента и различается до некоторой степени между собой, эти различия не слишком велики. Средний рост австралийцев повсюду примерно одинаков (165— 168 см), за исключением некоторых групп Северной Австралии, которые в среднем на несколько сантиметров выше, и Северного Квинсленда, данные по которым появились позже, чем была опубликована работа Хауэллса (средний рост мужчин здесь составляет 155,8 см, а женщин — 145,5 см). Длина головы в Северной и Центральной Австралии повсюду составляет в среднем 190 мм. На юге, особенно в Новом Южном Уэльсе, эта цифра немного выше. Ширина головы также несколько возрастает с севера на юг. Наблюдаются также некоторые колебания в высоте головы. Головной указатель колеблется между 72 и 74,7, за исключением северо-восточного Арнхемленда, население которого отличается повышенной долихокефалией. Существуют колебания и в отношении других признаков, например ширина носа несколько возрастает с севера на юг Австралии. Однако Хауэллс предупреждает, что приводимые им данные не всегда заслуживают доверия, так как техника измерений, по его мнению, в некоторых случаях была неправильной [385, 25]. В частности, другие антропологи позднее отмечали, что носовой указатель на севере и юге Австралии одинаков.

В своей совокупности, однако, все наблюдаемые здесь различия не настолько велики, чтобы их нельзя было объяснить продолжительной взаимной изоляцией различных этнических групп единого по своему происхождению народа, расселившегося на огромном пространстве. К такому выводу приходит и Хауэллс. Он подчеркивает, что австралийские аборигены антропологически однородны, что ничего «не-австралийского» тип австралийских аборигенов в целом не обнаруживает, хотя некоторая папуа-меланезийская и индонезийская примесь на севере Австралии весьма вероятна [385, 27, 39—40, 77].

Была, правда, попытка объяснить некоторую разницу между севером и югом Австралии в отношении длины и вы-

соты головы преобладанием на юге «протоавстралоидного» расового типа, а на севере «протонегроидного», т. е. постулировать на этом основании две различные расовые волны, последовательно принимавшие участие в заселении Австралии [259, 374—376]. Совершенно очевидно, что для такого далеко идущего вывода только двух этих признаков недостаточно.

Об антропологической однородности аборигенов Австралии свидетельствует и форма волос, почти повсюду преимущественно волнистых или прямых. Курчавые волосы местами наблюдаются в Арнхемленде, однако и здесь, как правило, преобладают волнистые или прямые волосы. В Центральной Австралии курчавые волосы встречаются редко. То же самое — в Южной Австралии, Новом Южном Уэльсе и других штатах. Только в Северном Квинсленде (на п-ове Кейп-Йорк) они особенно распространены, но и здесь они представлены наряду с волнистыми и прямыми волосами. Почти в любой большой этнической группе волосы аборигенов варьируют от совершенно прямых до курчавых. В целом волнистые или прямые волосы — типичная особенность аборигенов Австралии [385, 29—32].

Курчавые волосы австралийцев, как уже говорилось выше, могут быть и следствием некоторой негроидной примеси, идущей из Меланезии и Новой Гвинеи, и результатом процессов внутригрупповой изменчивости. Наконец, они могут быть унаследованы современными австралийцами от их предков — палеоавстралийцев, у которых в процессе морфологических изменений наряду с более древними волнистыми и прямыми волосами могли появиться и курчавые волосы. Может быть, именно этим объясняется, почему у австралийцев курчавые волосы распространены, хотя и в неодинаковой пропорции, так широко. На современном уровне науки трудно предпочесть какую-либо одну из этих возможностей. Вероятно,

здесь действовали все перечисленные факторы.

Американо-австралийская антропологическая экспедиция, изучавшая аборигенов Арнхемленда, установила, что волосы аборигенов здесь, как и в других областях Австралии, сильно варьируют по своей форме — от прямых до курчавых. Чаще всего встречаются, однако, волнистые волосы. Цвет их преимущественно коричнево-черный. Таким образом, по форме волосы австралийцев ближе всего к волосам европеоидов, а по цвету — к волосам монголоидов и негроидов (для сравнения были взяты серии волос европеоидов, монголоидов и негроидов). По другим признакам волосы аборигенов Австралии занимают промежуточное положение между волосами трех больших рас [756, 195—202]. Данные эти еще раз показывают, что по характеру волос, как и по многим другим антропологическим признакам, австралийцы занимают свое-

образное промежуточное положение между тремя большими расами человечества.

Исследование ранее опубликованного краниометрического материала по различным областям Австралии привело также и Дж. Моранта к выводу, что за некоторым исключением, относящимся к Северной Австралии, почти все черепа современных аборигенов принадлежат к одному расовому типу и обнаруживают лишь незначительную локальную вариабельность [558, 417—440; 385, 32—36]. Таким образом, и это исследование свидетельствует о расовой однородности австралийцев. Что же касается Северной Австралии, то ее географическое положение позволяет предполагать некоторое влияние извне.

Тот же вывод был сделан и А. Грдличкой, которому удалось лично изучить почти тысячу черепов из самых различных мест Австралии и Тасмании [390]. Его исследование является поэтому ценнейшим источником информации. Оно тоже показывает, что при всех локальных колебаниях признаков австралийцы в целом довольно однородны. В 1935 г. Л. Дадли Бакстон сообщил о результатах произведенного им статистического анализа серии черепов аборигенов Северной Территории, Квинсленда, Виктории и Нового Южного Уэльса. По его словам, они оказались настолько схожими, что их можно считать практически идентичными. Наконец, в 1964 г. Л. Фридман опубликовал результаты изучения большой серии мужских и женских черепов из Нового Южного Уэльса. Исследователь подразделил черепа по географическому принципу на три группы — северную, центральную и южную. Оказалось, что черепа южной группы имеют несколько большие размеры по сравнению с черепами северной группы. Других существенных различий между черепами этих трех групп не обнаружено [292, 309—325].

Таким образом, данные, полученные при исследовании живых представителей коренного населения Австралии, и итоги изучения современного краниологического материала находятся в согласии друг с другом. И те и другие говорят о том, что для предположения о заселении Австралии различными по своей расовой принадлежности группами нет достаточных оснований. В целом для краниологического типа австралийцев характерно сочетание массивного надбровья и узкой мозговой коробки с прогнатным лицом, длинным широким нёбом, широким носом и слабо выступающим подбородком [13, 501].

Правда, в 1939 г. Ф. Феннер попытался выделить в Австралии три различных краниологических типа (из них два основных — «южный» и «северный»), которые можно было истолковать и как свидетельство трех различных по своему

расовому происхождению миграций [286, 248—306]. Делал он это, однако, на основании материалов, полученных из нескольких географически ограниченных районов и потому недостаточно репрезентативных. Отмеченные Феннером географические варианты можно рассматривать в некоторых случаях как следствие генетико-автоматических процессов внутри однородной группы.

Еще в XIX в. некоторые исследователи Австралии отмечали антропологические различия между аборигенами разных областей континента (северных и южных, прибрежных и внутренних и т. д.), но эти наблюдения были поверхностными и не сопровождались точными, объективными методами ис-

следования.

Начиная с 20-х годов XX в. большая и разнообразная работа по антропологическому изучению аборигенов развернулась при Аделаидском университете. Работа эта продолжается и в настоящее время [799, 303—312; 193, 183—191; 120, 162—173; 173; 255, 443—445; 260, 469—488 и др.]. Она тесно связана с проблемой этногенеза австралийцев. В 1925 г., например, Кемпбелл показал, что зубы коренных жителей Австралии имеют более крупные размеры по сравнению с зубами представителей европеоидной и монголоидной рас [187]. Эта морфологическая особенность сближает современных аборигенов с их предками, представленными находками ископаемых черепов. Особенно большое значение имело обследование 480 мужчин и женщин различных возрастов из Центральной Австралии [191, 106—139, 246—261]. Оно еще раз с большой убедительностью продемонстрировало антропологическую однородность аборигенов Австралии.

Начиная с 1951 г. антропологи Аделаидского университета

проделали первое сплошное и всестороннее антропологическое обследование Австралийского континента в меридиональном направлении, с юга на север, — от Ялаты, находящейся южнее Улдеа, на южном побережье Австралии, до Манингриды, в устье р. Ливерпул, на севере Арнхемленда. Изучались рост и пропорции тела, размеры головы и лица, пигментация, кровяное давление, белковые и липидные фракции крови и т. п. Обследовались мужчины, женщины и дети. Некоторые результаты этого обследования уже опубликованы [119, 198-207; 108, 220—243; 109, 375—376; 110, 210—211; 114, 192—193 и др.]. Э. Эбби пишет об этих результатах так: «В нашем распоряжении находится теперь большое количество всевозможных данных по антропологии аборигенов Австралии. Мы охватили своими исследованиями около 2 тыс. человек, главным образом из Арнхемленда и из Центральной и Южной Австралии... В итоге мы установили несомненную физическую однородность аборигенов на протяжении всего континента

с севера на юг» [113, 100]. Исследование это не подтвердило

гипотезу Бердселла и других авторов о различном расовом

происхождении австралийцев.

Этнические группы, изученные экспедициями Аделаидского университета, находятся очень далеко одна от другой (на юге; в центре, 1300 км севернее южной группы; на севере Австралии, еще 1300 км севернее) и живут в различной географической среде. Все они, за исключением самой южной группы, оказались под европейским влиянием лишь незадолго до начала исследований.

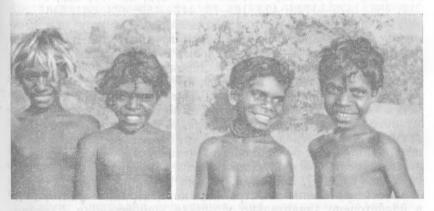
Существенных различий в росте, пропорциях тела, головных и лицевых указателях не обнаружено. Например, средний рост взрослых мужчин на юге Австралии (в Ялате) — 163,1 см; в Центральной Австралии в этнической группе пинтуби — 167,1 см, в этнической группе валбири — 170,3 см; на севере Австралии, в Арихемленде, в этнической группе бурера — 170 см. Если исключить низкорослого аборигена в Ялате (146 см), то разница еще незначительнее. Головной указатель (в среднем): Ялата — 73,3, пинтуби — 71,5, валбири — 73,5, бурера — 70,9. Средние величины лицевого указателя колеблются в пределах от 136,9 до 142,8. Очень близки между

собой и многие другие цифры.

Исследование не подтвердило и широко распространенного мнения, что южноавстралийские аборигены отличаются особенно низким сводом черепа. Кожа новорожденных аборигенов розовато-желтого цвета, взрослых — красновато-коричневая или шоколадная, но интенсивное солнечное облучение в пустынях и на крайнем севере делает ее более темной. «Монгольское пятно» у новорожденных никогда не наблюдалось. Волосы на голове у аборигенов обычно темно-коричневые или черные, однако у детей, особенно в Центральной и Южной Австралии, очень часто наблюдаются светлые волосы (от светло-желтых или льняных до красновато-коричневых). Волосы мальчиков начинают темнеть в 8-10 лет, девочекпозже, а иногда и у взрослых женщин остаются довольно светлыми. На севере тоже наблюдаются светлые волосы, хотя и реже. В больших этнических группах Севера, Центра и Юга обнаружены наряду с прямыми или волнистыми также курчавые волосы; наряду с развитыми надбровными дугами у отдельных взрослых мужчин иногда наблюдается почти полное их отсутствие. Таким образом, некоторые физические особенности, характерные для австралийских аборигенов в целом, не свойственны отдельным их представителям, происходящим из самых различных этнических групп Австралии. Отмечено относительно низкое кровяное давление у аборигенов: у мужчин 75/109 мм, у женщин — несколько ниже. Уровень белков в крови высокий, содержание холестерина относительно низкое и с возрастом не повышается [112. 393—395].

Девочки и мальчики со светлыми волосами из Южной (слева) и Центральной Австралии (справа)

Девочки из Центральной Австралии (слева), девочка и мальчик из Северо-Западной Австралии (справа)

Позднейшие экспедиции в юго-западный Арнхемленд (в 1961 г.) и в Северо-Западную Австралию, в Кимберли (в 1963 г.), т. е. в районы, находящиеся на расстоянии 800 км один от другого, обнаружили и здесь такую же высокую степень антропологической близости между различными группами аборигенов. Наконец, недавнее обследование аборигенов всего огромного штата Южная Австралия показало, что и они антропологически очень близки между собой и лишь очень незначительно отличаются от аборигенов остальной Австралии [116, 73—88; 117, 9—45]. По мнению Эбби, физическое сходство аборигенов, живущих в самых различных частях Австралии, в различной природной среде, указывает на то, что они произошли от небольшой первоначальной группы.

Такое же по масштабам антропологическое обследование аборигенов Австралии в направлении с востока на запад, какое проделано Э. Эбби и его сотрудниками в направлении с юга на север, еще не осуществлено, но его необходимость ощущается. Выводы такого обследования будут иметь большое значение для решения проблемы этногенеза австралийцев.

лиицев.

Веским аргументом в пользу гомогенности аборигенов являются результаты серологических исследований, которые ведутся в Австралии с 20-х годов, а особенно интенсивно с 1940 г. Сочетание и распределение групп крови у австралийцев чрезвычайно своеобразно и уникально, и в этом отношении — если брать для сравнения население больших территорий — аборигены Австралии сравнимы только с индейцами Северной и Южной Америки и с полинезийцами [213, 33—35; 800, 181—188; 619; 570, 131—135; 571; 675, 500—512; 676, 287—292; 677, 67—73; 678, 599—606; 679, 59—77; 428, 210—213; 483, 1575—1749; 422, 12—15, 447—455; 423; 661, 545].

Для аборигенов Австралии в целом, так же как для американских индейцев и полинезийцев, группа крови В, широко распространенная в настоящее время в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии, не характерна. Это, возможно, связано с тем, что австралийцы, полинезийцы и Америки отделились от народов Азии в глубокой древности, когда концентрация группы В еще не достигла здесь современного уровня. Кроме того, как было показано Я. Я. Рогинским, группа В вследствие своей относительно меньшей концентрации «имеет больше шансов исчезнуть в случае выборки и изолированного существования, чем группа А и нулевая группа» [78, 231]. Вероятно, уже на материке Сунда, откуда началось заселение Австралии, концентрация фактора В в плейстоцене значительно уступала концентрации фактора А. Частота фактора В обычно падает быстрее, чем А [81, 95-105].

В Австралии группа В незначительно встречается только на северном и восточном побережьях и на п-ове Кейп-Йорк, а также у метисов Западной Австралии. Она, несомненно, является следствием сравнительно поздних контактов аборигенов Австралии с другими народами — папуасами, меланезийцами, индонезийцами, китайцами: ведь у всех этих народов группа В широко распространена. Наличие группы В в Квинсленде, где частота ее наиболее высока, может быть связано также с тем, что между 1867 и 1901 гг. сюда было ввезено в качестве рабочей силы около 46 тыс. меланезийцев. У аборигенов остальной Австралии группа В отсут-

Интересно распределение группы А, процентное содержание которой в крови аборигенов постепенно увеличивается с севера на юг: от 14—23 % на п-ове Арнхемленд до 36—50 % в Южной Австралии. Постепенное увеличение частоты этой группы с севера на юг наблюдается и в Северо-Западной Австралии — от 15—23% в Кимберли до 32—46% в районе Порт-Хедленда. Однако в Восточной Австралии вплоть до Юго-Восточного Квинсленда частота этой группы не превышает 21%. Таким образом, увеличение процентного содержания группы A с севера на юг наблюдается преимущественно в центральных и западных областях Австралии. Этот факт заслуживает, как представляется, внимания на фоне других фактов, с которыми мы уже познакомились. Это относится, прежде всего, к краниометрическим исследованиям, показывающим некоторое увеличение длины и ширины головы, а также уменьшение ее высоты к югу Австралии. Анализ этих данных привел в свое время Чекановского и Климека, а затем Годлевского к убеждению, что в южной части Австралии наблюдается концентрация наиболее типичных австралоидных черт. Дело, очевидно, в том, что аборигены Северной Австралии в большей мере, чем на юге, находились в соприкосновении с другими народами. И хотя соприкосновение это в целом было незначительным по своим масштабам, оно продолжалось много столетий, и это не могло не повлиять в известной мере на антропологические особенности аборигенов Северной Австралии, в том числе и на соотношение групп крови в системе АВО. С другой стороны, население южных и западных областей материка, заселенных сравнительно рано, находилось в условиях наибольшей изоляции.

Дж. Бердселл, обратив внимание на резкий скачок в частоте группы крови А от очень высокой у бидьяндьяра до сравнительно низкой у аранда, высказал предположение о переселении аранда с севера на юг в относительно недалеком прошлом [158, 264].

Кроме Австралии существует еще несколько более или менее отчетливых центров высокой концентрации группы А —

в Европе, Передней Азии, в восточной части Полинезии, в Японии и Китае, Тибете, у бушменов Южной Африки, пигмеев Конго, негритосов Филиппинских о-вов и некоторых «горных племен» Южной Индии [461, 231—237]. «Имеется, по-видимому, два различных аллельных гена, обусловливающих группу А — ген A_1 и ген A_2 ...Ген A_2 , по-видимому, не встречается у коренных жителей Австралии, в Китае и в Японии, у американских индейцев, а также у коренных жителей островов Тихого океана. С другой стороны, частота гена A_2 среди населения Западной Европы составляет примерно 6—7%» [68, 267]. Из родственных австралийцам групп ген A_2 отсутствует также у айнов и у веддов Цейлона.

По системе крови MNS аборигены Австралии занимают такое же своеобразное положение среди остального человечества, как и индейцы Америки. В отличие от более или менее равномерного распределения факторов М и N в остальном мире, Австралия дает резко заниженное количество фактора М, тогда как Америка, напротив, завышенное его количество (особенно велика его частота у гренландских эскимосов), и наоборот, фактор N у австралийцев решительно преобладает, а у американских индейцев его содержание

очень незначительно.

В концентрации фактора N в Австралии наблюдается та же закономерность, какая была отмечена выше для группы A,— она возрастает с севера на юг: от 64-77% в Кимберли и 67% в Арнхемленде до 90-95% в Южной Австралии. Наиболее высокая (почти 100%) частота фактора N наблюдается в Западной пустыне, а наименьшая (62%) сравнительно недалеко от нее, у аранда, в районе Алис-Спрингс. Этот факт можно сравнить с аналогичным распределением у аборигенов Западной пустыни и у аранда группы A и фактора G^{Ab} , в котором наблюдается такой же резкий скачок [424, 215—223]. Сравнительно высокая частота фактора N обнаружена также в районе Кэрнса (Северный Квинсленд).

Кроме Австралии высокая частота фактора N свойственна коренному населению Новой Гвинеи, Меланезии и Микронезии. Сравнительно высока эта частота (хотя и несколько ниже, чем у названных групп) у полинезийцев и

айнов.

Однако фактор S, входящий в систему MNS, частота которого очень высока в горных районах Центральной Новой Гвинеи, у чистокровных аборигенов Австралии отсутствует и в очень небольшом количестве встречается только у метисов. Возможно, что фактор S проник в Австралию в незначительном количестве и впоследствии исчез в результате генетического дрейфа.

С другой стороны, для австралийцев характерна высокая (100%) частота позитивного гена Даффи (Fya), что также

сближает их с народами Восточной и Южной Азии и Океа-

нии [299, 44-45].

Группа аборигенов Западной пустыни (насчитывающая сейчас около 2 тыс.), в которой обнаружена наибольшая в Австралии частота группы крови А и фактора N, по мнению Р. Керка, является «центром распространения гена светловолосости» [422, 15]. Однако, несмотря на то что существуют указания на культурные связи между населением Западной пустыни и соседних областей Австралии, все изложенное свидетельствует, по-видимому, о биологической изоляции аборигенов Западной пустыни на протяжении длительного времени. Поэтому предположение Керка о распространении светловолосости из Западной пустыни едва ли может быть принято.

Возможно, что аборигены Западной пустыни населяют эту область Австралии на протяжении жизни многих поколений, может быть, с того времени, когда она еще не стала пустыней, иными словами, с конца плейстоцена. Тем более что юго-восточнее, на равнине Налларбор, сравнительно недалеко от Западной пустыни, в пещере Куналда обнаружено одно из древнейших в Австралии археологических

местонахождений.

Некоторые особенности этой группы, впрочем, могли образоваться относительно недавно; по данным Б. Лундмана и других исследователей, в небольших изолированных популяциях частота генов может измениться через несколько поколений.

Чем меньше изоляты, тем быстрее идет в них генетический дрейф. И напротив, в сравнительно больших популяциях соотношение генов групп крови является очень устойчивым признаком [462, 56; 463, 183—184]. Это относится и к распределению групп крови по Австралии в целом. Те особенности, которые являются общими у аборигенов Западной пустыни и других изолированных групп Австралии с прочими этническими группами этого континента (высокая частота фактора N, отсутствие группы В), следует считать наиболее древними. Такой особенностью, возможно, является и высокая частота группы А.

Известное единообразие, универсальность в составе и распределении групп крови у аборигенов почти на всем пространстве континента говорит о том, что общие черты генотипа аборигенов сложились, вероятно, до заселения Австралии, а локальные различия образовались уже после засе-

ления.

Можно, по-видимому, согласиться с Бердселлом и Бойдом в том, что особенности в концентрации системы MNS у аборигенов Австралии и у американских индейцев отражают ее концентрацию в Восточной Азии еще в плейстоцене, до засе-

ления Австралии и Америки, т. е. что фактор N постепенно возрастал к югу, в сторону Австралии, а М — к северу, откуда была заселена Америка [162, 86—87]. Позднейшие исследования, показавшие высокую частоту фактора N у коренного населения Новой Гвинеи, Меланезии и Микронезии,

видимо, подтверждают эту гипотезу.

групп крови, не имеющее Своеобразное распределение аналогий в других этнических группах австралийцев, обнаружено у аборигенов о-вов Уэлсли (зал. Карпентария), куда входят о-ва Бентинк, Морнингтон и Форсайт. На о-ве Бентинк, наиболее изолированном из всех островов этой группы, группа крови А, частота которой в Австралии, как говорилось выше, довольно высока, не обнаружена совсем, а на других островах ее частота достигает лишь 12%, т. е. меньше, чем на материке. Зато частота группы В на о-ве Бентинк приближается к 40%. На других островах она крайне незначительна и, как показывают генеалогии аборигенов, очевидно, недавнего происхождения. Авторы публикации считают -- таково же мнение и большинства исследователей, — что группа крови В появилась у аборигенов северного побережья Австралии в результате смешения с индонезийцами или папуасами Новой Гвинеи. Частота группы 0 на о-ве Бентинк составляет 60%, а на других островах — 87%. Система MNS распределена на о-вах Уэлсли равномерно, что также необычно для австралийцев (на о-ве Бентинк и о-ве Морнингтон соответственно: M - 28 и 30%, N - 28 и 28%) [680, 303—320; 681, 66-80]. Как мы помним, у аборигенов остальной Австралии частота N очень высока, особенно в Южной Австралии.

Такое своеобразное распределение групп крови в этих изолированных островных популяциях, по-видимому, сложилось уже после заселения о-вов Уэлсли и частично связано с тем. что в заселении каждого острова приняла участие очень группа людей, положившая начало небольшая автоматическому процессу, вследствие которого данная группа приобрела черты, резко отличающие ее от соседних групп. О-ва Уэлсли в этом отношении — модель всей Австралии в миниатюре. Контакты их с материком были незначительны. а систематические контакты с европейцами начались лишь с 40-х годов XX в. Зато индонезийские моряки издавна посещали о-в Бентинк, чем, вероятно, и объясняется сравнительно высокая концентрация группы В на этом острове. Кроме того, группа В могла проникнуть сюда и с материка (с п-ова Кейп-Йорк), куда она в свою очередь попала с островов Торресова пролива.

Население каждого из о-вов Уэлсли — типичный изолят, т. е. более или менее замкнутая группа людей, вступающая в брак с другими группами лишь в незначительной степени. Свойственное каждому из о-вов Уэлсли своеобразие групп

крови, очевидно, отражает этот факт. Однако, при всем своеобразии групп крови аборигены этих островов, подобно аборигенам Западной пустыни, по всем остальным антропологи-

ческим признакам — типичные австралийцы.

Таким же изолятом является и группа аборигенов Западной пустыни с ее своеобразным генотипом, вероятно тоже обязанным генетическому дрейфу, чему способствовала и сравнительно небольшая численность этой группы. Изолятом является и негроидное население района Кэрнса (Северный Квинсленд), сформировавшееся в условиях густого тропического леса. Антропологическое своеобразие всех этих групп обусловлено географической и биологической изоляцией их от остального населения Австралии, а не различным их происхождением, как полагают Бердселл и Тиндейл. Именно в условиях изоляции особенно велика роль случая через посредство генетико-автоматических процессов.

В условиях, подобных тем, в каких живут некоторые изолированные группы австралийских аборигенов, роль географической изоляции в изменчивости их наследственности и в углублении внутрирасовой дифференциации аналогична ее роли в эпоху палеолита [66, 57—59]. Столь характерные для человечества в прошлом изоляты, ныне исчезающие, представляют большой научный интерес: они помогают понять развитие человечества на протяжении многих тысяче-

летий.

Изоляция, какими бы причинами она ни была вызвана, ведет не только к антропологическому своеобразию изолятов, но также к социальному и культурному их своеобразию и в то же время отсталости. Но она не только углубляет различия между родственными прежде группами — она ведет к значительному увеличению процента родственных браков, который возрастает с каждым новым поколением. В изолятах вследствие стабильности и малочисленности населения вступающие в брак оказываются родственниками в 5—10-ом колене. А браки между родственниками увеличивают частоту появления гомозиготов по различным вредным генам, увеличивают число наследственных заболеваний, повышают заболеваемость и смертность в детском и юношеском возрасте и снижают прирост населения [104, 132—142]. Таким образом, изоляция ведет не только к социальной и культурной отсталости населения, но и ухудшает его общее физическое и психическое состояние. В условиях Австралии, огромного материка, населенного сравнительно небольшими группами охотников и собирателей, при очень низкой плотности населения (до европейской колонизации средняя плотность населения была меньше 1 человека на 1 кв. км, точнее, 0,04 человека, или 4 человека на 100 кв. км, иначе говоря, 25,4 кв. км площади приходилось на душу населения) относительная изоляция всего населения и взаимная изоляция отдельных его групп, несомненно, были главными факторами, тормозившими общественное и культурное развитие австралийских аборигенов.

Расселение небольшими, более или менее изолированными группами было характерно и для эпохи палеолита. Только с коренным переломом в развитии производительных сил, выразившемся в переходе от присваивающего хозяйства к производящему, с ростом численности населения, связанным с изменением в демографических процессах и со все возрастающим сближением отдельных его групп, открылись перспективы для социального и культурного прогресса человечества.

«Культурные факторы, разрушающие социальные и географические преграды, расширяют круг брачных связей и действуют таким образом на генетическую структуру популяций, уменьшая случайные колебания (генетический

дрейф)» [75, 10].

Говоря о роли генетического дрейфа, Дж. Ниль и У. Шэлл пишут: «Даже при отсутствии мутаций и отбора, трудно ожидать, что частота генов у потомков будет точно повторять их частоту у родителей» [68, 281]. Одна из причин этого внезапные катастрофы (войны, эпидемии и т. п.), которые значительно сокращают численность популяций. Соотношение генотипов после этих событий окажется иным, чем было ранее. Из этого следует, очевидно, что и после отделения небольшой части данной популяции соотношение генотипов всей популяции и отделившейся части тоже окажется иным. Здесь, вероятно, разгадка и тасманийской проблемы, и проблемы происхождения негроидного населения Квинсленда, и некоторых других своеобразных групп в составе австралийской расы. «Антропологи все больше и больше склоняются к мысли, что первобытные люди жили малыми сообществами, т. е. в таких условиях, в которых эффект дрейфа генов способен проявляться наиболее резко. В настоящее время у нас нет вполне убедительных примеров действия дрейфа генов у людей, так как, строго говоря, для этого необходимы наблюдения, далеко отстоящие друг от друга во времени. Все же по теоретическим соображениям представляется несомненным, что дрейф генов имеет место, и антропологические исследования обнаружили ряд явлений, делающих вероятным проявление его действия. Например, коренное население Австралии ко времени колонизации этого материка насчитывало 250-300 тыс. человек, подразделенных на 574 племени, численность которых колебалась от 100 до 1500 человек. Бердселл сообщил, что у племени бидьяндьяра частота гена группы крови А составляла 48,8%, тогда как у соседнего илемени нгададьяра, антропологически неотличимого от первого, ген A имел частоту 27,7%. Число исследованных в обоих случаях было ниже 100, и истинные цифры могут быть указаны лишь с оговоркой, но все же разница, очевидно, статистически значима. Лофлин описал такие же различия между племенами эскимосов» [68, 282].

Все сказанное относится в первую очередь к популяциям, ведущим свое происхождение от очень небольших групп и продолжительное время жившим в условиях изоляции. Поэтому представляется весьма вероятным, что локальные антропологические различия, наблюдаемые в небольших, более или менее замкнутых популяциях австралийских аборигенов, объясняются главным образом генетико-автоматическими процессами. И вопреки мнению сторонников первоначального тасманоидного субстрата в Австралии это относится не только к негроидам Квинсленда, но и к самим тасманийцам. Может быть, некоторые из этих локальных вариантов можно с известными оговорками назвать локальными расами, например «квинслендская локальная раса» и «тасманийская локальная раса». Но и они наряду с остальным коренным населением Австралии ведут свое происхождение от единого исходного ствола. Процесс, обусловивший их формирование, был во многом аналогичен процессу, обусловившему формирование самой австралийской расы и других человеческих рас [2, 3—26]. Следовательно, образование локальных рас внутри австралийской расы произошло уже на австралийской почве по мере освоения континента на протяжении последних тридцати тысяч лет.

Большое значение при этом имеет воздействие среды, находящейся в сложных взаимоотношениях с механизмом наследственности. Научно установлено, что внешние факторы (условия среды), взаимодействуя с внутренними факторами (генотипом), обусловливают особенности фенотипа популяций. К числу исследований, позволивших оценить относительную роль наследственности и среды, принадлежат исследования различных антропологических признаков у популяций, условия существования которых резко изменились. Одним из таких признаков является, например, форма черепа — признак, который оказался, следовательно, далеко не столь устойчивым к воздействию среды, как это предполагалось ранее. То же самое относится к росту, весу тела и некоторым другим признакам [169; 443, 273—300; 68, 26—27]. Подобное изучение было бы необходимо осуществить и в Австралии.

Приспособление к среде у австралийцев выразилось, повидимому, в сравнительно более темной окраске кожи у аборигенов, населяющих пустычи Центральной Австралии и тропические леса Северной Австралии, как следствие интенсивного солнечного облучения, так как обильное отложение пигмента служит защитой от вредного чрезмерного воздей-

ствия солнечных ультрафиолетовых лучей. В целом окраска кожи у аборигенов Австралии менее интенсивна, чем у большинства других темнокожих народов. Приспособление к среде выразилось и в физиологическом приспособлении к холоду у аборигенов, живущих в условиях пустыни. Эти особенности могли сложиться у австралийцев в итоге приспособления (адаптации) к среде уже в Австралии под воздействием местных природных условий, которые не были стабильны и менялись на протяжении последних тысячелетий. Возможно, что под воздействием среды сложился и ряд других особенностей австралийцев, например сравнительно менее интенсивное развитие третичного волосяного покрова на лице и теле у аборигенов, живущих в северных областях Австралии. Повышенная пигментация кожи вследствие интенсивной инсоляции, вероятно, одновременно сопровождалась редукцией волосяного покрова [84, 228].

Вернемся еще раз к группам крови австралийцев и под-

ведем некоторые итоги, связанные с этой проблемой.

В отношении групп крови Австралия в целом (если не принимать во внимание проникшую на север в незначительном количестве группу В) совершенно уникальна, и смешение с другим населением, отличавшимся от австралийцев сочетанием групп крови, должно было бы изменить эту картину. Р. Симмонс пишет: «Если, как постулирует Бердселл, Австралия была заселена тремя волнами переселенцев различного расового и этнического происхождения, каждая из них должна была бы характеризоваться отсутствием антигенсв A₂, B, S, rh, rh", Fyb, K, Lua» [676, 291]. А это трудно допустить. К этому списку можно добавить Dia и Jsa; из которых первый фактор (Диего) интересен тем, что он представлен, по-видимому, только в монголоидных или находившихся в соприкосновении с монголоидами популяциях, а второй фактор (Саттер) обнаружен только у африканских негров. Все эти факторы отсутствуют у чистокровных аборигенов. Вот почему, справедливо указывает Симмонс, предположение о неоднородности австралийских аборигенов не подтверждается анализом групп крови.

Вывод этот имеет важнейшее значение для решения вопроса о том, какую концепцию этногенеза австралийцев следует предпочесть как наиболее обоснованную. Совершенно очевидно, что иммиграция в Австралию народов различного расового происхождения лишила бы австралийцев (так же, как и американских индейцев) их уникального положения в отношении групп крови. Своеобразное сочетание групп крови у аборигенов Австралии является одним из аргументов, подтверждающих гипотезу о том, что в заселении Австралии принимали участие одна или несколько групп антропологически сравнительно однородного населения. Оно говорит

и о том, что это были численно небольшие группы и что после заселения ими Австралии они продолжительное вре-

мя развивались в условиях относительной изоляции.

Областью, из которой они пришли, была обращенная к Австралии территория материка Сунда. Между приходом в Австралию первой и следующей группы (или групп) палеоавстралийцев должно было пройти известное время, причем эти группы могли в морфологическом отношении отличаться одна от другой. Следовательно, одна из групп могла состоять из протоавстралоидов кейлорского типа, а другая — тальгайско-кохунского.

Р. Керк пишет: «Генетические исследования до настоящего времени еще не привели к установлению близкого родства
австралийских аборигенов с какой-либо другой расовой группой» [422, 14]. Это не удивительно — ведь в течение многих
поколений аборигены были в значительной мере изолированы
от остального мира. «Современные австралийские аборигены, — пишет он далее, — генетически уникальная группа, но
в пределах своей группы они обнаруживают значительную
вариабельность» [там же]. Однако в отличие от групп крови и других наследственных факторов во всем, что касается
физического облика аборигенов, между локальными вариантами их нигде не видно резких переходов — они везде постепенны.

Необычайной локальной особенностью является сильная волосатость аборигенов, населяющих низовья р. Муррей и Озерную область Южной Австралии. Сильное развитие волосяного покрова сближает эту группу аборигенов с айнами. К северу от указанной области волосатость населения постепенно уменьшается, но все еще остается довольно обильной в некоторых наиболее изолированных этнических группах,

например у биндибу Центральной Австралии.

У чистокровных представителей различных этнических групп, особенно часто у женщин и детей, как уже отмечалось, спорадически встречаются светлые волосы, красноватого или золотистого оттенка; с возрастом они темнеют. Светлые волосы никогда не характеризуют группу в целом, но лишь отдельных ее представителей. На это явление обращали внимание многие исследователи и в Арнхемленде, и в Квинсленде, и в Западной Австралии, и в Южной [142; 389, 137—139; 710, 2386—2389; 118, 339—359]. В некоторых группах Центральной Австралии 80% детей до восьмилетнего возраста имеют светлые волосы. Одно из первых сообщений о светловолосости у аборигенов относится еще к 1846 г. Такой цвет волос не связан ни с европейской примесью (иначе бы он неизбежно сочетался с рядом других признаков, чего, однако, не наблюдается), ни с искусственным окрашиванием, как в Меланезии, ни с какими-либо внешними факторами. Удовлетворительного объяснения светловолосости аборигенов до сих пор предложено не было; скорее всего, этот признак является наследственным.

В качестве аналогичного примера можно привести так называемых белых индейцев Панамы [704, 483—490]. В восточной Панаме, в провинции Сан Блаз, живут сотни альбиносов, принадлежащих к этнической группе куна. «Брачная жизнь, деторождение им запрещались целые столетия, и до последнего времени альбиносы этого племени почти не оставляли потомства. Таким образом, альбинизм на протяжении веков решительно отметался отбором. Ныне наблюдаемая частота альбинизма обусловлена тем, что много столетий назад гетерозиготные носители гена альбинизма очень сильно размножались» [104, 129].

Светловолосость австралийцев ничего общего с альбинизмом не имеет. Ни одного случая альбинизма у них до сих пор отмечено не было. Но и там и здесь, вероятно, действуют

одинаковые механизмы наследственности.

Однако предположение Керка и Бердселла о распространении светловолосости из одного центра, где этот признак, по их мнению, первоначально возник, — из Западной пустыни, где он, действительно, встречается особенно часто [158, 297—308], — нелегко примирить с фактом явной биологической изоляции этнических групп Западной пустыни [140, 59—65]. Вероятнее всего, этот признак был принесен в Австралию одной из групп палеоавстралийцев и затем распространился по всему континенту. Может быть, именно этим и объясняется его концентрация в Западной пустыне, где отмечена концентрация и ряда других архаических признаков.

Такое предположение подтверждается и тем фактом, что многие аборигены о-вов Уэлсли (зал. Карпентария) — с их чрезвычайно своеобразным сочетанием групп крови, свидетельствующим об изоляции от других этнических групп, — в детстве, а женщины и в юности имеют светлые волосы [680, 306]. В этом отношении эта группа очень напоминает изолированную группу аборигенов Западной пустыни.

Исследование групп крови и других наследственных факторов у аборигенов Австралии и других народов мира показывает, что за последние десятилетия к классическим методам этногенетических исследований прибавился новый, перс-

пективный метод — генетика популяций человека.

В настоящее время установлено существование различий между расовыми группами человечества в отношении дерматоглифических признаков (пальцевых узоров и линий ладони). Коренное население Австралии, Новой Гвинеи и Меланезии обладает одинаково высокой интенсивностью пальцевых узоров. Наиболее близки к ним по интенсивности монголоиды, затем следуют европеоиды, айны, австралоиды Южной

Индии и ведды. Наиболее далеки от них африканские пигмеи, у которых интенсивность пальцевых узоров очень низка

[231, 203—214; 614, 211—224; 615, 305—316].

Интересные результаты дает сравнительное изучение физиологического приспособления к холоду, свойственного охотникам и собирателям, населяющим различные части света, в том числе и Австралию. При этом было обнаружено, что австралийцы, живущие в пустыне, обладают значительной способностью менять температуру тела, приспосабливаясь к резким суточным изменениям температуры окружающего воздуха. Дело в том, что днем в пустыне жарко, а ночью температура воздуха резко падает, иногда ниже и у аборигенов, которые, не имея одежды, спят под открытым небом, голые на голой земле, согреваясь лишь теплом костра, затухающего к утру, температура конечностей и поверхности тела соответственно понижается, тогда как температура внутри тела остается почти нормальной. Утром, когда солнце встает и температура окружающего воздуха повышается, восстанавливается и нормальная температура всего тела. Налицо, таким образом, своеобразная перестройка терморегуляторных процессов, свидетельствующая о таком приспособлении к среде, которое могло образоваться у аборигенов Австралии в результате длительного обитания в пустыне, следовательно подтверждающая древность заселения ими Центральной и Западной Австралии. Такое же физиологическое приспособление к среде обнаружено и у индейцев-огнеземельцев (алакалуфов), живущих в сравнительно холодном климате [658, 211—218; 355, 605—615; 206, 110].

Итак, рассмотрев данные по антропологии современного коренного населения Австралии в той мере, в какой они содействуют исследованию его этногенеза, можно сделать сле-

дующие основные выводы.

Теория, согласно которой австралийцы являются народом смешанного происхождения, в составе которого прослеживаются представители различных рас, не находит достаточного подтверждения в данных антропологии. Напротив, эти данные убедительно свидетельствуют о расовой однородности, гомогенности аборигенов. Таким образом, вывод, который вытекает из этих сведений, находится в полном соответствии с тем, который мы сделали ранее, рассмотрев палеоантропологические материалы: Австралия была заселена протоавстралоидами, представленными двумя генетически близкими, но морфологически различными типами — кейлорским, сравнительно более развитым, и тальгайско-кохунским, более примитивным.

В ходе последующего развития и в результате метисации эти различия оказались в известной мере, но не полностью сглаженными. С другой стороны, по мере освоения континен-

та и расселения австралийцев по географически изолированным регионам возникли новые локальные различия внутри единой по своему происхождению австралийской расы. Некоторые материалы (в частности, исследования Ямагути) свидетельствуют о том, что морфологические различия, представленные двумя названными выше основными типами палеоавстралийских черепов, принадлежавших населению генетически близкому, но различному по своему морфологическому развитию, в известной мере прослеживаются и в настоящее время.

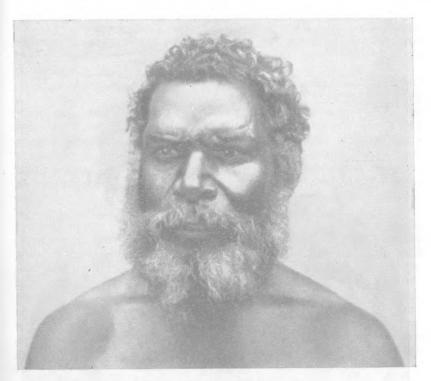
Теория Бердселла, нашедшая среди западных антропологов немало приверженцев, согласно которой древнейшим населением Австралии были курчавоволосые негроиды, данными антропологии, как и палеоантропологии, не подтверждается. Напротив, мнение многих советских антропологов, полагающих, что австралоидный тип является наиболее архаическим в сравнении с другими расовыми типами современного человечества, что он был древнейшим, исходным типом коренного населения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океа-

нии, находит в этих данных полное подтверждение.

В составе современного коренного населения Австралии действительно прослеживается некоторая антропологическая дифференциация. Между аборигенами Северной и Южной Австралии существуют различия в отношении некоторых антропологических признаков; и это не удивительно, если учесть, что австралийцы населяют огромный континент, что в течение многих тысяч лет аборигены Севера и Юга развивались, не смешиваясь между собой, и что на север материка, несмотря на относительную изоляцию его от окружающего мира, все же просачивались извне неавстралийские (папуамеланезийские и индонезийские) расовые элементы. Так, аборигены некоторых групп Северной Австралии в среднем немного выше ростом, чем аборигены других областей, кожа их темнее, длина и ширина головы немного меньше, у них сравнительно чаще, чем на юге, встречаются курчавые волосы. Однако почти все австралийцы долихокефалы, почти у всех развитые надбровные дуги, прогнатизм, очень широкие носы.

Здесь можно выделить и немногочисленные локальные группы антропологических типов. К их числу принадлежит и квинслендский «баринейский» тип, главное отличие которого от остальных австралийцев состоит в преобладании курчавых или вьющихся волос, в низком росте и некоторой общей грацильности.

Однако различия этих групп между собой и их отличие от остального коренного населения Австралии не настолько глубоки, чтобы дать основание для предположения о их различном расовом происхождении. Локальные варианты внутри

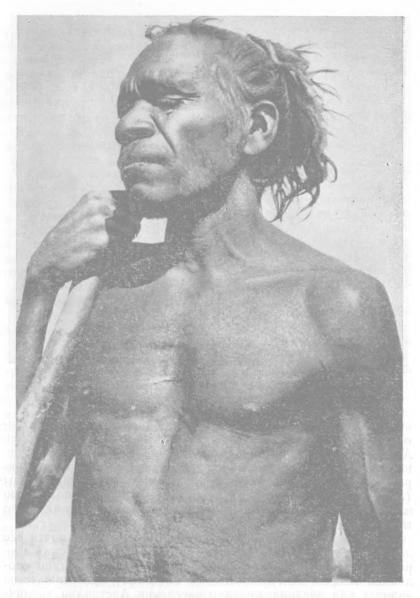

Мужчина из Южной Австралии

австралийской расы, довольно однородной, если рассматривать ее в целом, сложились в основном уже на территории Австралии в ходе и в результате расселения австралийцев на обширных пространствах разнообразного по своим природным условиям континента, где многие этнические группы (в том числе и квинслендская группа) оказались полностью или в значительной мере изолированными от окружающего населения.

Как показывают многочисленные исследования, почти все локальные различия, наблюдаемые среди австралийских аборигенов, вполне объяснимы продолжительной взаимной изоляцией этнических групп единого по своему происхождению народа; для предположения о заселении Австралии различными по своей расовой принадлежности компонентами нет достаточных оснований. Некоторые региональные антропологические особенности аборигенов образовались и под воздействием среды. Произошло все это на протяжении последних 30 тысяч лет.

Позднейшее проникновение в Австралию, главным образом на север континента, иных расовых элементов (индоне-

Мужчина из племени биндибу (Центральная Австралия)

эийских, папуасских и меланезийских) не повлияло в сколько-нибудь значительной степени на антропологический тип австралийцев, но обусловило некоторые антропологические

особенности части североавстралийского населения.

Наиболее древние особенности антропологического типа австралийцев сохранились в настоящее время (или существовали еще недавно) на юге, юго-востоке и до некоторой степени на западе Австралии. К этим особенностям относятся сравнительно менее темная, чем у аборигенов прочих областей Австралии, кожа, преимущественно волнистые или прямые, иногда светлые волосы, обильное развитие третичного волосяного покрова на теле и на лице (у мужчин), развитые надбровные дуги, очень широкий нос с низким переносьем, крупные зубы, прогнатизм, долихокефалия, высокая частота группы крови А и фактора N, отсутствие группы В и т. д.

Вариабельность антропологических особенностей, наблюдаемая почти в каждой популяции, делает относительной и приблизительной любую обобщающую характеристику австралийского антропологического типа. Такие обобщающие характеристики (как, например, та, что дается в начале первой части) отражают лишь наиболее характерные, часто встречающиеся особенности антропологического типа австралийцев, но они не отражают всех колебаний и вариантов отдельных признаков, наблюдаемых почти в каждой попу-

ляции.

Известное единообразие в сочетании групп крови у аборигенов Австралии свидетельствует о том, что общие черты генотипа аборигенов сложились до заселения Австралии, а локальные варианты образовались впоследствии. Особенно характерны они для некоторых изолятов (например, для аборигенов о-вов Уэлсли и Западной пустыни). Таким же изолятом являются и «баринейцы» Северного Квинсленда. Антропологическое своеобразие всех этих групп, отделившихся от единого ствола, обусловлено их геопрафической и биологической изоляцией, стимулирующей действие генетико-автоматических процессов. Относительная изоляция всего коренного населения Австралии и взаимная изоляция отдельных его групп наряду с ухудшением условий жизни вследствие изменений климата в голоцене — вот что главным образом тормозило его развитие, как физическое, так и социальнокультурное.

Своеобразное сочетание групп крови, свойственное аборигенам Австралии, характерно для народов, ведущих свое происхождение от одной или нескольких малочисленных групп населения, пришедшего из сравнительно ограниченного репиона и продолжительное время затем жившего в условиях относительной изоляции [78]. В этом отношении коренное население Австралии в целом уникально, и смешение его с населением, отличающимся сочетанием групп крови, должно было бы лишить его этой уникальности. А это неизбежно произошло бы, если бы в заселении Австралии участвовали различные по своему расовому и географическому происхождению группы населения. Следовательно, все еще широко распространенная точка зрения, что в заселении Австралии принимали участие группы, различные по своему расовому и географическому происхождению, не подтверждается и результатами серологических исследований. Данные эти также свидетельствуют о том, что Австралия была заселена одной или несколькими группами сравнительно однородного населения. Группы эти были численно невелики, и после заселения ими Австралии — а произошло это около 30 тыс. лет назад — они продолжительное время развивались в относительной изоляции от остального человечества.

Таким образом, данные антропологических и серологических исследований говорят о том, что Австралия была заселена антропологически однородным протоавстралоидным населением, принадлежавшим к одной из наиболее архаических форм неоантропа, и что вопреки распространенному мнению этому населению не предшествовало какое-либо другое, более древнее и расово отличное от него население. Наряду с современными теориями о гетерогенном происхождении австралийцев мало обоснованными представляются и аналогичные теории прошлого, в том числе и «конфликтная теория» Дж. Мэтью, подробно изложенная во Введении.

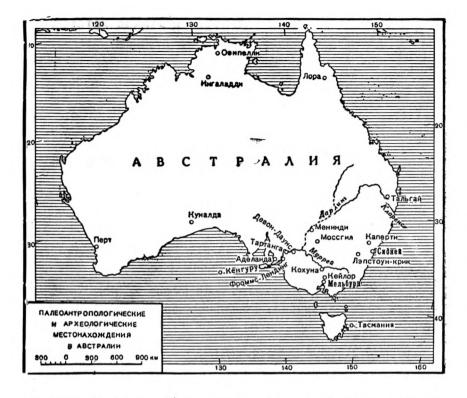
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ АВСТРАЛИЙЦЕВ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНЕЙШИЕ АВСТРАЛИЙСКИЕ Археологические культуры и их истоки

Археология дает исследователю основной материал для реконструкции этнической истории австралийских аборигенов. Это главным образом каменные орудия — важнейшее средство производства эпохи каменного века, а также орудия из кости, раковинные кучи, каменные выкладки и мегалиты, различные изделия (преимущественно ритуальные) и петроглифы (гравюры и живопись на скалах и стенах пещер). В археологическом материале отразилась, как в зеркале, вся история австралийцев доколониального периода. А отсутствие письменных источников выдвигает этот материал в ряд наиболее важных.

Систематическое археологическое изучение Австралии началось лишь в конце 20-х годов XX в. с раскопок на нижнем Муррее, где впервые была применена подлинно научная методика археологических исследований. Г. Хейл и Н. Тиндейл раскопали там многослойную стоянку глубиною свыше 6 м, которую люди населяли на протяжении многих тысячелетий [352, 145—218]. Это были первые в Австралии раскопки с геологически хорошо обоснованной стратиграфией. Позднее, в 1936 г., в работе К. Фюрер-Хаймендорфа были впервые подведены итоги достижениям австралийской археологии за прошедшее десятилетие и предшествовавшие годы [295, 1—36, 433—455]. Недостаток этой работы в том, что в ней была сделана попытка связать археологические культуры Австралии и Тасмании с так называемыми культурными кругами школы В. Шмидта, Ф. Гребнера и О. Менгина. Однако эта работа долгое время оставалась единственной систематизацией материалов по археологии Австралии, пока наконец не появилась новая, подводящая итоги и тому, что было сделано ранее, и исследованиям, развернувшимся на протяжении последних двадцати лет, - работа Дж. Малвени [581, 56-107].

К настоящему времени археологическое изучение Австралии продвинулось далеко вперед. Накоплен огромный материал. Публикации, рассеянные в многочисленных научных журналах и других периодических изданиях, выходящих

в Австралии и за ее пределами, уже исчисляются сотнями. Каждый год приносит все новые открытия, и многое из того, что еще вчера представлялось последним словом науки, сегодня кажется устаревшим. Новые открытия не только дополняют, но иногда и существенно меняют картину австралийского прошлого, уже сложившуюся в умах исследователей.

Попытаемся реконструировать по археологическим источникам основные этапы истории аборигенов Австралии начиная с древнейшего периода, характеризующего культуру аборигенов в эпоху первоначального заселения континента. В этой связи рассмотрим и проблему древних культурных взаимоотношений Австралии с Юго-Восточной Азией и Океанией и попытаемся восстановить в общих чертах тот археологический комплекс, с которым палеоавстралийцы пришли на их новую родину. А для этого нам снова придется совершить далекое путешествие в сопредельные с Австралией страны, иными словами, сделать то же, что мы уже делали, когда искали за пределами Австралии далеких предков австралийских аборигенов, привлекая с этой целью данные палеоантропологии.

На протяжении многих лет развитию австралийской археологии мешало широко распространенное убеждение, скорее предрассудок, что австралийские аборигены — это «неизменяющийся народ в неизменяющейся стране» [617, 310]. «До конца 20-х годов XX в. австралийские ученые считали бесспорным, что аборигены неспособны к развитию, что история Австралии началась лишь со дня начала ее колонизации и что археологии здесь делать нечего» [585, 39]. Исследования последних тридцати лет показали ошибочность этого мнения. Они опровергли концепцию Болдуина Спенсера и его последователей, согласно которой в Австралии нет и никогда не было стадий культурного развития, соответствующих палеолиту и неолиту других континентов. Сторонники этой концепции считали, что у аборигенов представлены одновременно все уровни развития техники обработки камня, а преобладание той или иной техники в той или иной области Австралии объясняется лишь местными геологическими условиями, наличием в распоряжении аборигенов пород камня, пригодных для изготовления или палеолитических, или неолитических типов орудий [697, 635; 700, 536—537; 694, 74, 78—79; 695, т. 2, 506; 411, 191—200; 412, 6, 13].

Теперь неопровержимо доказано, что каменная техника австралийцев развивалась на протяжении многих тысячелетий, постепенно все более и более совершенствуясь. Доказано, что австралийцы проходили те же стадии развития, начиная с палеолита и кончая ранним неолитом, которые были пройдены и другими народами, одними раньше, другими, как австралийцы, позже. Это лишь проявление неравномерности исторического развития, не имеющей существенного значения в масштабах всемирной истории. Такая неравномерность объясняется объективными историческими и географическими условиями и ни в коей мере не свидетельствует о большей или меньшей способности того или иного народа к развитию. Тот факт, что австралийцы, хотя и с запозданием, проходили те же самые стадии культурного развития, которые уже проходили другие народы, доказывает или способность к прогрессу. Взаимодействие, взаимообогащение культур всегда было мощным фактором прогресса. оказались изолированными от воз-Однако австралийцы действия извне в большей мере, чем какие-либо другие народы мира.

В наше время благодаря все возрастающему количеству археологических источников впервые открывается возможность внести в изучение культуры австралийских аборигенов принцип подлинного историзма и показать, что и они, подобно другим народам мира, имеют большую и сложную историю, хотя вследствие объективных условий их жизни вплоть до европейской колонизации они оставались, а многие этни-

ческие группы все еще остаются на стадии раннеродового

строя.

Обобщение результатов археологических исследований, проведенных в Австралии за последние тридцать лет, позволяет периодизировать историю австралийских аборигенов от заселения ими Австралийского континента до европейской колонизации, разделив ее на три периода — ранний, средний и поздний — и указав для каждого периода его приблизительные хронологические границы.

Теперь, несмотря на то что стоянки со стратиграфией еще очень немногочисленны, у нас все же есть возможность расположить археологические культуры Австралии в относительной хронологической последовательности. Радиоуглеродные исследования позволяют в свою очередь наметить для этого ряда последовательных культурных фаз и некоторые абсолютные вехи.

Говоря об археологических культурах, мы понимаем под этим комплексы однохарактерных памятников, распространенных на определенной территории и относящихся к опреде-

ленному времени.

Археологическая часть нашей работы тесно смыкается с последующей этнографической ее частью, так как археология дает возможность проследить генезис и развитие одного из важнейших элементов австралийской культуры — каменных орудий, а также орудий из кости. Каменные сооружения, петроглифы и некоторые предметы культа мы рассмотрим в этнографической части работы, так как многие из названных объектов еще являются (или были недавно) составной частью живой культуры австралийцев.

Культура Карта

В качестве наиболее древних археологических культур Австралии можно рассматривать в настоящее время культуры Карта, Каперти и Гамбир, а также культуры, открытые сравнительно недавно археологами Дж. Малвени, А. Макбрайд и А. Галлусом и еще не получившие общепризнанного названия, — все они будут рассмотрены ниже. Кроме того, существует несколько местонахождений, подробные сведения о которых до сих пор не опубликованы. Все они относятся к раннему периоду истории австралийских аборигенов и в своей совокупности характеризуют их культуру в эпоху первоначального заселения континента.

Сообщение об открытии первой из названных культур относится к 1931 г. [752, 275—289]. Позднее, в 1941 г., Н. Тиндейл предложил для нее термин Карта (Karta). Так аборигены материка называли о-в Кенгуру, расположенный у берегов Южной Австралии и видный им издалека, — тот остров,

где эта археологическая культура была впервые обнаружена [733, 145]. Впоследствии следы ее были найдены и во многих местах на материке. Обнаружены они были и на о-вах Бас-

сова пролива, между Австралией и Тасманией.

Когда в начале XIX в. европейцы впервые появились на о-ве Кенгуру, они уже не встретили здесь аборигенов. Найденная на этом острове каменная индустрия принадлежит населению, по неизвестным нам причинам полностью изчезнувшему к началу европейской колонизации, может быть задолго до нее. Никажих палеоантропологических находок ни на острове, ни на материке, где были обнаружены местонахождения той же культуры, до сих пор сделано не было. Поэтому предположение Тиндейла, что носители культуры Карта были негритосами, подобными современным негритосам Юго-Восточной Азии и Океании или тасманийцам [751,

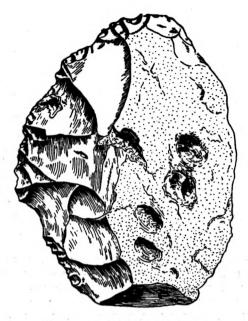
23—28], не имеет под собой никаких оснований.

Для культуры Карта особенно характерны крупные орудия, полностью или частично обработанные с одной поверхности. Это, прежде всего, чопперы — тяжелые нуклевидные орудия или орудия на отщепах, обитые с одной поверхности вдоль рабочего края, противоположного массивному необработанному краю. Характерны для культуры Карта также суматралиты — полностью или частично обработанные с одной поверхности овальные или округлые орудия уплощенного типа. Таковы классические суматралиты, распространенные на о-ве Суматра (откуда их название) и в других местах Юго-Восточной Азии, главным образом на п-ове Малакка [372, 129—167; 365, 67; 761, 1—90; 762]. Орудия с о-ва Кенгуру только в виде исключения соответствуют облику классических суматралитов, но последние встречаются и в других областях Австралии, главным образом на востоке и юговостоке континента. Тот факт, что австралийские суматралиты далеко не всегда соответствуют классическому типу, конечно, не может служить основанием для того, чтобы поставить под сомнение связи Австралии со странами Юго-Восточной Азии.

Третий тип орудий культуры Карта — это грубо обитые дисковидные орудия из расколотых надвое камней или галек, 8—9 *см* шириной и ок. 20 *см* длиной, ретушированные по рабочему краю. В археологическую литературу они вошли как

орудия типа карта.

Наиболее приемлемый собирательный термин для этих и аналогичных орудий — монофасы. Им мы и будем обозначать односторонне обработанные орудия в отличие от бифасов — орудий, обработанных с двух сторон. Монофасы были широко распространены в Юго-Восточной Азии уже с эпохи палеолита. Эта культурная традиция и была, вероятно, источником монофасов Австралии.

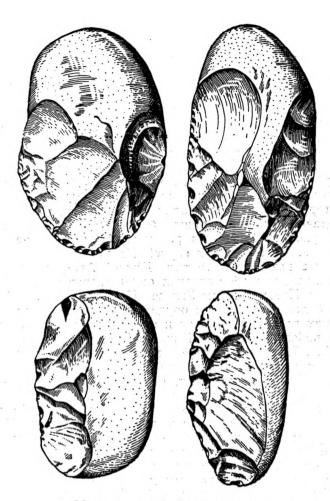

Чоппер из Южной Австралии

Четвертым характерным типом орудий культуры Қарта являются массивные, призматические, нуклевидные орудия, с овальным или круглым, плоским, ретушированным по краю основанием, получившие вследствие своей формы название «лошадиное копыто» (horsehoof). Вероятно, первоначально они были нуклеусами. В Австралии они обычно делались из кварцита.

Орудия этого типа, как показали экспериментальные исследования, пригодны для самых различных целей — рубки и обработки дерева, изготовления простейших деревянных предметов и т. д. [221, 343—369]. Подобно монофасам и многим другим палеолитическим и мезолитическим орудиям, они были, очевидно, полифункциональными. Они также долгое время сохранялись у австралийцев и найдены во многих более поздних культурах. Как подъемный материал орудия типа «лошадиное копыто» встречаются не только в Южной Австралии, но и северо-восточнее, по течению Дарлинга, в Центральной Австралии, на побережье Нового Южного Уэльса и даже в Северном Квинсленде, на речной системе, связывающей п-ов Кейп-Йорк и зал. Карпентария с системой Дарлинга — Муррея [344, 31, 120].

Большая часть монофасов о-ва Кенгуру обработана лишь частично. Аналогичные орудия найдены в Южной Австралии, на побережье Виктории, в Новом Южном Уэльсе, в Квинслен-

Односторонне обработанные гальки из Нового Южного Уэльса

де, в Тасмании, на о-вах Бассова пролива. Только немногие из них обработаны полностью. Такие орудия действительно иногда очень напоминают классические суматралиты. Суматралиты Юго-Восточной Азии, к которым до известной степени близки монофасы культуры Карта, тоже далеко не всегда обрабатывались так тщательно, как это показано на иллюстрациях ко многим археологическим работам.

В быту австралийских аборигенов монофасы дожили коегде почти до наших дней, и еще недавно такие орудия можно было увидеть в Квинсленде, в Центральной и Западной Австралии, на о-ве Батерст [742, 119]. О-в Мелвилл и находя-

щийся рядом с ним о-в Батерст населены в настоящее время. изолированной этнической группой тиви, сохраняющей в своей культуре немало глубоко архаических черт: ножи из острых раковин без рукояти; помимо долбленых однодеревок, распространенных на северных берегах материка, лодки, сшитые из эвкалиптовой коры. Культура тиви характеризуется также отсутствием бумеранга и копьеметалки. Не удивительно, что здесь еще недавно бытовали орудия, свойственные древнейшей каменной индустрии человечества — чоппер и чоппинг, каменные ядрища, грубо обитые с одной и с обеих поверхностей [219, 326]. Распространенные еще в нижнем палеолите от Африки до Дальнего Востока, они сохранялись в Юго-Восточной Азии на протяжении всего плейстоцена и дожили в некоторых районах Австралии до XX в. Так, в Квинсленде еще недавно гальки и ядрища, обработанные с одной поверхности, употреблялись для разрубания плодов пандануса и выкапывания съедобных корней. Их находят на покинутых стоянках в различных местах Южной Австралии [402, 70, 171]. Как подъемный материал они встречаются и в Квинсленде, и в Новом Южном Уэльсе [344, табл. Н, J]. Сравнительно более совершенные орудия этого типа обнаружены в древних раковинных кучах и на открытых стоянках на северном побережье Нового Южного Уэльса [501, 21—26; 503, 164—166]. Находки орудий, характерных ДЛЯ Карта, на открытых стоянках северного побережья Нового Южного Уэльса показывают, что эти орудия применялись здесь вплоть до колонизации, несмотря на TO что сюда давно уже проникла техника изготовления шлифованных топоров. В то же время раковинные кучи близ Кемпси, на северном побережье Нового Южного Уэльса, где тоже были найдены орудия, напоминающие орудия хоабиньской и родственных ей мезолитических культур Юго-Восточной Азии, по геологическим данным, датируются от 9—11 тыс. лет до 3—5 тыс. лет тому назад [135, 7]. Термин «хоабиньская культура» происходит от названия провинции Хоа-бинь в Северном Вьетнаме, где эта культура была впервые открыта.

В Южной Австралии, около Северного Брайтона, там, где в первые годы европейской колонизации обитала этническая группа каурна, на месте бывшей стоянки найдены чопперы на гальках. Такие же орудия обнаружены на восточном побережье Нового Южного Уэльса, ок. Шеллхарбора, в раковинной куче, возраст которой, по радиокарбону, составляет 140 ± 100 лет (1810 ± 100 г. н. э.). Следовательно, монофасы на гальках сохранялись в быту аборигенов вплоть до начала европейской колонизации Нового Южного Уэльса и, вероятно, Южной Австралии. Тиндейл, однако, пишет по этому поводу: «Некоторые из этих поздних чопперов на гальках внешне похожи на орудия культуры Карта, но когда их внимательно

изучаешь, то убеждаешься в том, что они сильно отличаются от последних и по технике изготовления, и, вероятно, по

способу применения» [749, 24].

Я думаю, что орудия такого типа, сохранявшиеся в быту аборигенов вплоть до XIX-XX вв., следует рассматривать как конкретный пример устойчивости древних технологических традиций, несмотря на технический прогресс. Это — не регенерация, не возврат к прошлому, а именно сохранение древних традиций наряду с новыми достижениями в области техники. За это время могли произойти некоторые изменения и в приемах изготовления самих этих орудий, и в их применении. Возражения некоторых австралийских археологов, ставящих под сомнение древность культуры Карта лишь на том основании, что орудия, характерные для этой культуры, являются, как правило, подъемным материалом [541, 204], представляются наивными. Ведь индустриальные традиции, возникшие в прошлом, могут сохраняться и обычно сохраняются очень долго и входят составной частью в новые культурные комплексы. Особенно характерно это для австралийкультуры, изолированной и периферийной, с очень традициями, идущими из далеустойчивыми культурными кого прошлого.

Тяжелыми, массивными орудиями, свойственными еще культуре Карта, аборигены могли и в последующие с успехом выполнять некоторые производственные функции, как, например, рубку деревьев для изготовления оружия или строительства жилищ. Орудия из галек в этих случаях были достаточно эффективны. «Опыты показывают, что галечными орудиями можно срубать стволы молодых деревьев, сучья с крупных деревьев, очищать их от коры, затесывать колья, производить грубое строгание древесины, раскалывать трубчатые кости, раковины, плоды с твердой оболочкой. Причем выяснилась сравнительная эффективность в такой даже гранитных или диабазовых галек, обитых лишь однимдвумя ударами отбойника. Лезвие, образованное подобным способом на гальке, несмотря на зернистую структуру материала, оказывается достаточным, чтобы затесать острие примитивной рогатины за 10—15 минут... Орудия из кварцитовых галек почти столь же эффективны в рубке древесины, как и кремневые шелльские ручные рубила, если их вес достаточен. Галька, расщепленная пополам, образует край под углом 80—90°, который можно использовать в рубке и отеске дерева» [86, 88].

Сама техника обработки дерева и изготовления деревянных предметов, сохранившаяся у австралийцев в то время, когда они уже были вооружены шлифованными топором и теслом на рукояти — вырубание заготовки копьеметалки. щита или корыта по намеченному контуру из ствола живого

дерева, — свидетельствует о том времени, когда ни топора, ни тесла у них еще не было, когда они работали только примитивными рубящими орудиями. Сама эта техника — свиде-

тельство устойчивости технологических традиций.

Крупные, дисковидные, ретушированные по краю орудия на отщепах центральноавстралийской этнической илиаура (название этих орудий — арапиа), аналогичные орудиям типа карта, еще недавно применялись обработки дерева, изготовления различных деревянных предметов, в качестве скребел и т. д. Пользовались ими без рукояти. Зачастую они отбивались от неподготовленной щадки, что свидетельствует о сохранении некоторых чрезвычайно архаических приемов в их изготовлении. напоминают орудия типа леваллуа. Отбивная сторона их гладкая, а спинка обработана ударами, сходящимися от окружности к центру. Иногда так обиты лишь края, а центральные участки поверхности остаются необработанными. Однако это чаще свойственно орудиям типа карта. Широкие стесы у края дополняются более тщательной ретушью. Длина арапиа — 10—15 см. Вследствие сходства орудий типа карта и типа арапиа первые иногда называют орудиями типа арапиа, однако отождествлять орудия этих двух типов не следует. В отличие от арапиа орудия типа карта делались не из отщепов, а из расколотых камней, они знаменуют собой более древний этап развития техники обработки В стоянках культуры Карта представлены и орудия типа карта, и орудия типа арапиа.

Наряду с перечисленными выше крупными орудиями на о-ве Кенгуру были найдены и небольшие орудия из отщепов. К сожалению, в публикациях внимание уделяется обычно только большим орудиям. Суммарная характеристика небольших орудий как «плохо обработанных отщепов» [744, 5], конечно, не может заменить ни их детального описания, ни статистического анализа. Сравнительно недавно Купер сообщил об открытии на о-ве Кенгуру микролитов. Малвени, изучив эти находки, пришел к выводу, что это не геометрические микролиты, а просто маленькие отщепы неопределенных очертаний [581, 66]. Это характерно, впрочем, и для многих (но не всех) микролитов, найденных в других частях Австралии. Геометрические микролиты появляются в более поздних культурах.

Небольшие орудия, найденные на о-ве Кенгуру, служили, вероятно, в качестве режущих инструментов. Большинство их имеет ударный бугорок, некоторые — следы вторич-

ной обработки.

В 1937 г. Н. Тиндейл предположил, что в плейстоцене вследствие гляциоэвстатических движений о-в Кенгуру был связан сушей и с материаком, и с Тасманией, и культура

Карта распространялась на всю юго-восточную область Австралии, включая и Тасманию, так как орудия, свойственные культуре Карта, найдены и там [730, 39—60]. В более поздних работах Тиндейл утверждал, на этот раз уже без достаточных оснований, что культура Карта распространялась чутьли не на весь континент [744, 1—49].

По мнению Ф. Маккарти, область распространения культуры Карта простиралась от о-ва Кенгуру до плодородной области Дарлинг-Даунс, находящейся в юго-восточной части Квинсленда, в предгорьях Большого Водораздельного хребта, и частично включала прибрежные и горные области, а также плоскогорья Восточной Австралии, но не ее внутренние

районы [518, 179].

Более правильным представляется включить в пределы распространения культуры Карта также и некоторые внутренние области Нового Южного Уэльса и Квинсленда, где часто находят монофасы тех или иных типов и орудия типа «лошадиное копыто». Кроме того, очевидно, что путем обмена или заимствования технических приемов орудия этих типов позднее распространились и западнее, в пределы Центральной Австралии. Наконец, находки этих орудий в Западной Австралии и на с-вах Мелвилл и Батерст, может быть, свидетельствуют о том времени, когда носители этой культуры, палеоавстралийцы, заселяли северо-западные и западные области Австралии вскоре после того, как ими была заселена Восточная Австралия.

Таким образом, если Тиндейл неправ, полагая, что культура Карта распространялась почти на весь континент, все же можно считать, что она была распространена шире, чем

полагает Маккарти.

Однако до сих пор границы распространения Карта в Австралии остаются довольно неопределенными. Местонахождения в подавляющем большинстве не стратиграфии, а находки часто ограничиваются несколькими случайными предметами. Вследствие этого и возраст культуры Карта не определен до настоящего времени достаточно надежно. Почти весь материал найден на поверхности земли, преимущественно на древних стоянках, обнаженных в результате выветривания или эрозии. Радиоуглеродные даты отсутствуют. Древность культуры определяется главным образом типологически: на основании аналогий с археологическими культурами Юго-Восточной Азии, возраст которых известен. Необходимо принять во внимание также то обстоятельство, что на о-ве Кенгуру отсутствуют более совершенные типы орудий, свойственные более поздним археологическим культурам Австралии и широко распространенные на материке. Это наряду с другими данными, о которых будет сказано дальше, по-видимому, свидетельствует о том, что культура Карта, имеющая чрезвычайно архаический облик, может рассматриваться как одна из древнейших археологических культур Австралии. Ее преимущественное распространение в районах Южной и Восточной Австралии не противоречит такому заключению — мы уже знаем, что эти районы были освоены палеоавстралийцами очень рано.

Тиндейл и некоторые другие археологи определяют возраст культуры Карта как позднеплейстоценовый (10 тыс. лет или ранее), что также совпадает с нашими представлениями о заселении Австралии. Это определение основывается на соображении, что сильные ветры, течения и приливные волны пролива Бакстэрс, отделяющего о-в Кенгуру от материка, делали этот пролив непреодолимым для хрупких и лодок из коры, которыми ограничивались средства мореплавания местных аборигенов, отчего последние и не рисковали отправиться в плавание на этот остров. Согласно поверьям аборигенов материка, о-в Кенгуру является местом успокоения душ усопших предков, «островом А легенда о культурном герое — демиурге Нурундери рассказывает о том, что при его жизни остров был соединен с материком, что в то время на остров можно было пройти пешком, и это именно он, Нурундери, отделил его от материка и сделал островом, приказав морю затопить пролив. Возможно, что легенда отражает действительное событие, происшедшее уже после заселения Южной Австралии, - отделение острова от материка в конце плейстоцена [223, 493; 153, 204].

Вероятно, о-в Кенгуру был заселен еще в то время, когда он, как и Тасмания, составлял с материком одно целое, т. е. в плейстоцене, не позже 7—8 тыс. лет назад. Именно в это время Тасмания полностью отделилась от Австралии. Тогда же, очевидно, от материка отделился и о-в Кенгуру. Тиндейл полагает, что в послеледниковое время жители острова, находившиеся в полной изоляции, постепенно вымерли [752, 285]. Во всяком случае к началу колонизации на о-ве Кенгуру их уже не было — от них остались только следы в виде архаической каменной индустрии. Английский моряк Мэтью Флиндерс, открывший о-в Кенгуру в 1802 г., уже не встретил на нем ни одного аборигена.

Некоторые особенности расположения археологических памятников на о-ве Кенгуру указывают на их относительную древность. Так, на побережье орудия обнаружены на высоте 5 м над современным уровнем моря, за линией десятифутовой террасы, отмечающей уровень моря в период термического максимума, от 7 тыс. до 4 тыс. лет назад. Но их никогда не находят на сравнительно молодых песчаных дюнах у берега моря [730, 42—43, 57; 225, 309—327]. Следовательно, они древнее последних и во всяком случае не моложе периода термического максимума, когда уровень моря был выше,

современного на несколько метров. Таким образом, каменная индустрия острова, вероятно, относится к периоду термического максимума, а возможно, и к более раннему времени. Необходимы, однако, дальнейшие исследования.

Купер обнаружил на о-ве Кенгуру свыше пятидесяти местонахождений. Кроме того, несколько местонахождений, содержащих следы культуры Карта, были обнаружены им и другими археологами на побережье Южной Австралии [223, 481—503; 224, 105—118; 272, 184—188]. Все они находятся на поверхности, и повсюду были найдены орудия одних и тех же типов — карта, «лошадиное копыто» и т. д. Уже упоминалось о том, что и на о-ве Кенгуру не найдено ни одного орудия из тех, что так характерны для материка,— шлифованных топоров, долот, геометрических микролитов, острий пирри или бонли.

Bice орудия появились несколько тысячелетий ЭТИ назад. Их отсутствие на острове, типологически однородный характер его каменной индустрии — все это указывает на весьма характер культуры Карта и наряду архаический с особенностями расположения памятников на о-ве Кенгуру подтверждает их древность, насчитывающую не одно тысячелетие. Из сказанного можно сделать вывод, что остров отделился от материка еще до того, как упомянутые типы орудий появились и получили распространение в Южной Австралии, и либо в дальнейшем остров был полностью изолирован от материка, либо его население исчезло до распространения на материке орудий этих типов.

В то же время характер каменной индустрии о-ва Кенгуру сближает ее с тасманийской. Обе они весьма архаичны, но типологически несколько различаются между собой. Аборигены этих островов могли быть близки в стадиальном и культурном отношениях, но это не означает, что они были, как считают Тиндейл и Купер, предшественниками австралоидов, курчавоволосыми негроидами, подобными тасманийцам позднейшего времени, развивавшимися несколько тысячелетий в относительной изоляции.

В свете всего, что нам уже известно об этногенезе австралийцев по данным антропологии, для такого допущения нет оснований. Тем более что, как сказано выше, никаких палеоантропологических находок, сопровождавших местонахождения культуры Карта, до сих пор не обнаружено. Среди посителей культуры Карта могли быть группы, осевшие в Тасмании и вошедшие в число предков ее аборигенов, но, как мы уже знаем, по своему антропологическому типу это население было еще австралоидным.

Необходимо отметить, кроме того, что орудия, характерные для культуры Карта, главным образом односторонне обработанные ядрища, в Тасмании встречаются значительно

реже, чем орудия на отщепах и пластинах. Тасманийская ка-

менная индустрия в основном индустрия отщепов.

Орудия культуры Карта сосредоточены в различных местах о-ва Кенгуру, включая небольшие лощины и впадины, где могла сохраняться вода. Обычно в одном месте их находят по нескольку экземпляров. Как считает Купер, эти находки являются следами передвижений и временных стоянок небольших групп или отдельных семей, переходивших с места на место в поисках пищи и воды [223, 485]. Такой образ жизни был до сравнительно недавнего времени характерен для очень многих групп аборигенов Австралии, сохранявших древний охотничье-собирательский кочевой уклад.

Для установления возраста культуры Карта наибольшее значение имеют три стоянки на материке. Одна из них обнаружена Купером в Холлит-Коув, в 15 км к югу от Аделаиды. Здесь на поверхности земли было найдено 270 крупных орудий, в том числе орудия типа «лошадиное копыто», типа карта, суматралиты, а также отбойники и зернотерки [222, 55-60]. Это позволяет отнести обнаруженный здесь культурный комплекс к культуре Карта. Техника обработки орудий включает и грубую первичную обивку и ретушь. Характерно, что ни одно из этих орудий не сделано из галек, состоящих из мелкозернистого кварцита и встречающихся в достаточном количестве на морском берегу у подножия утеса, вблизи которого была найдена стоянка. Отсюда можно заключить, что местонахождение относится ко времени термического максимума, когда уровень моря был выше, чем теперь, вследствие чего линия современного берега была затоплена. Таким образом, и это местонахождение, возможно, имеет возраст от 7 тыс. до 4 тыс. лет.

Второе местонахождение обнаружено в Фулхэме, тоже недалеко от Аделанды, в 1919 г., во время работ в котловане искусственного озера. Здесь на глубине ок. 3 м ниже современного уровня моря было найдено несколько орудий, имевших, по свидетельству геолога У. Хаучина, несомненную геологическую древность [784, 77-84]. Они залегали ниже постплейстоценовых морских отложений и дна современного озера. Среди них преобладают орудия знакомых нам типов карта и «лошадиное копыто». Очевидно, и эта небольшая серия орудий относится к культуре Карта. Позднее почти на поверхности, выше слоев, содержавших эти орудия, но в стороне от них, были найдены типичные односторонние острия пирри (о культуре Пирри см. ниже), характеризующие более поздний этап в развитии каменной австралийцев [744, 4]. Следовательно, культура Карта предшествовала культуре Пирри и в промежутке между ними произошли смещения в расположении моря и суши. Характер этих смещений недостаточно ясен. Можно допустить, как это сделал Хаучин, опускание суши, связанное с тектоникой, но возможно, что орудия, найденные ниже уровня моря, относятся к плейстоцену, когда этот уровень был ниже, чем теперь. И хотя некоторые геологи считают, что тектонические движения могли иметь место в Южной Австралии и после плейстоцена, последняя гипотеза, активным защитником которой является Тиндейл [736, 619—652], безусловно, также имеет право на существование.

Следует упомянуть также открытую Купером стоянку к западу от г. Порт-Огаста [222, 55—60], где массивные, обработанные с одной стороны гальки были найдены вместе с остатками очага, в котором находились зубы и кости дипротодона, сумчатого животного, вымершего в начале голоцена, вероятно в период термического максимума.

Местонахождения в Холлит-Коув, Фулхэме и Порт-Огасте— наиболее важные доказательства древности культуры Карта. Они подтверждают, что культура эта относится к плейстоцену или началу голоцена.

Итак, хотя окончательное установление возраста культуры Карта остается еще открытой проблемой и для ее решения необходимы дальнейшие исследования, все же можно сказать, что немногое известное о ней соответствует архаическому характеру этой культуры. Есть основания полагать. что культуру Карта принесли какие-то группы палеоавстралийцев, пришедших в плейстоцене в юго-восточную нынешнего штата Южная Австралия и на о-в Кенгуру, составлявший тогда одно целое с материком. Носители культуры Карта либо спустились к берегам Индийского океана по Дарлингу, Муррею и их притокам, либо пришли сюда по морскому побережью из Юго-Восточной Австралии. Следы этой культуры в Восточной и Юго-Восточной Австралии, в Тасмании показывают, что в древности она была широко распространена в этой части континента существовать в Южной Австралии в эпоху термического максимума. Как уже сказано, отдельные элементы этой культуры дожили почти до наших дней, сохранившись в сравнительно изолированных этнических группах Квинсленда, Центральной и Западной Австралии, на о-вах Мелвилл и Батерст, а накануне европейской колонизации они бытовали также в Южной Австралии и в Новом Южном Уэльсе. Наличие некоторых типов орудий, свойственных культуре Карта, несмотря на то что в материальной культуре и технике австралийцев произошли за это время значительные изменения, объясняется их эффективностью при выполнении некоторых производственных функций. Главное условие этого явления — устойчивость культурных и, в частности, технологических традиций, свойственная вообще каждой первобытной культуре [41, 83—85], а в особенности австралийской, изолированной и периферийной.

Одним из первых, кто связал древнейшие археологические культуры Австралии с хоабиньско-бакшонскими культурами Юго-Восточной Азии, был К. Фюрер-Хаймендорф. Годом позже, в 1937 г., мнение о связи культуры Карта с хоабиньскими культурами Юго-Восточной Азии высказал и Н. Тиндейл. Позднее Ф. Маккарти, сравнив орудия культуры Карта с орудиями хоабиньских культур, подобно своим предшественникам пришел к выводу о их морфологической близости [498, 30—50].

Проблема происхождения древнейших археологических культур Австралии более подробно будет рассмотрена ниже. Здесь же в связи с вопросом о древности культуры Карта необходимо сказать, что некоторые типичные орудия этой культуры известны в Юго-Восточной Азии уже с эпохи палеолита. Еще Маккарти отметил существование орудий, аналогичных орудиям типа карта и «лошадиное копыто», в палеолитической индустрии Явы. По новейшим данным, орудия этого типа были распространены в эпоху палеолита не только в Индонезии, но и в других странах Юго-Восточной [369, 63—67; 685, 217—232]. Широко были распространены в Юго-Восточной Азии и суматралиты. Монофасы типа карта обнаружены и в центральных областях Новой Гвинеи [176]. Наличие их здесь как бы указывает путь их распространения из Юго-Восточной Азии в Австралию. Несомненно, что оно сопровождало расселение самих носителей этой индустрии.

Таким образом, наиболее характерные орудия культуры Карта— монофасы различных типов, в том числе типичные суматралиты, орудия типа карта и «лошадиное копыто» ведут свою родословную из стран Юго-Восточной Азии, от

ее палеолитических и мезолитических культур.

Несомненно, что культура Карта была одной из культур, принесенных палеоавстралийцами из Юго-Восточной Азии.

Характерно, что в то время как Тиндейл и Маккарти, говоря о древних культурах Австралии, частично заимствуют терминологию из работ по археологии Юго-Восточной Азии (например, суматралиты), специалист по археологии Индонезии Хекерен переносит некоторые термины австралийских археологов (пирри, мудук) в свои работы по археологии Ипдонезии, обозначая ими орудия, аналогичные австралийских [365, 91—94].

Культура Каперти

Вторая древнейшая археологическая культура Австралии— культура Каперти (Capertee) была обнаружена в 50-х годах XX в. в восточной части Нового Южного Уэльса, в го-

рах Большого Водораздельного хребта, в долине р. Каперти, близ г. Глен-Дейвис (90 км северо-западнее Сиднея) [531, 197—246; 580, 151—153]. Раскопками руководил Ф. Маккарти.

Культура Каперти — одна из древнейших культур Нового

Южного Уэльса.

Раскопки в долине Каперти велись под несколькими скальными навесами, расположенными на берегу реки. Под каждым навесом было вскрыто несколько культурных слоев, показавших, что эти естественные укрытия были населены с глубокой древности. Это не удивительно: долина р. Каперти очень плодородна, она покрыта эвкалиптовым лесом, в котором прежде водилось много всевозможной дичи. Она была идеальным местом для охоты. Как показало специальное исследование, за время обитания аборигенов в долине р. Каперти резких изменений климата здесь не произошло [773, 247—264]. В XIX в. на этой территории обитала этническая группа вирадьюри.

Стратиграфия ясно показывает непрерывное и прогрессивкаменной индустрии на протяжении жизни ное развитие многих, сменявших друг друга поколений. Древнейшая культура этого района — культура Каперти. Характерный для нее инвентарь прослеживается на глубине от 3 до 1 м и содержит, прежде всего, большие, грубо обитые отщепы и пластины, зачастую лишенные ретуши (скребла и концевые скребки, ножи и др.). Они предназначены для использования рукояти, и некоторые характерные их особенности выступы, выемчатые рабочие края и др.) сближают их с орудиями тасманийцев. Однако на многих орудиях по краям имеется тщательно сделанная пильчатая ретушь — черта, совершенно неизвестная в Тасмании [532, 76]. Это — очень интересная особенность, заставляющая вспомнить наконечники из Кимберли (Северо-Западная Австралия). На этих наконечниках, искусство изготовления которых дожило до наших дней, пильчатая ретушь достигла высочайшего совершенства. Таким образом, техника изготовления ретуши была известна австралийцам с глубокой и продолжала совершенствоваться в Северо-Западной Австралии. Возможно, что сюда ее принесло непосредственно с материка Сунда население, этнически и культурно связанное с населением Юго-Востока. Выше уже говорилось о том, что группы палеоавстралийцев могли проникнуть в Австралию не только через п-ов Кейп-Йорк, но и через Кимберли. Дальше мы увидим, что в культуре Востока и Запада Австралии так много совпадений, что они не могут быть случайными и свидетельствуют о древних этнических и культурных связях между населением этих областей.

К числу специфических культурных черт, связывающих Восточную и Западную Австралию, относится и пильчатая

ретушь. Орудия с пильчатой ретушью встречаются, кроме того, на поверхности земли на западе Нового Южного Уэльса

и Квинсленда и в Центральной Австралии.

Далее, культура Каперти содержит и такие, уже знакомые нам, типы орудий, как монофасы на гальках (чопперы) и орудия типа «лошадиное копыто». Подобные орудия залегают главным образом в средних слоях культуры Каперти. Наличие этих орудий наряду с отсутствием более развитой индустрии связывает культуру Каперти с культурой Карта и свидетельствует о стадиальной, культурной и, возможно, этнической близости носителей этих двух культур. Оно, кроме того, является косвенным подтверждением древности культуры Карта, так как древность культуры Каперти подтверждена стратиграфией и радиоуглеродными исследованиями. В свою очередь обе они имеют ряд черт, сближающих их каменную индустрию с тасманийской. Это относится, всего, к орудиям на отщепах и пластинах культуры Каперти. В частности, здесь представлены орудия на пластинах, аналогичные ножам типа джуан из юго-восточной части Южной Австралии и из Тасмании (это орудие дожило у аборигенов до XIX в.) [528, 236].

Помимо орудий типа «лошадиное копыто» и чопперов в культуре Каперти представлена большая серия других

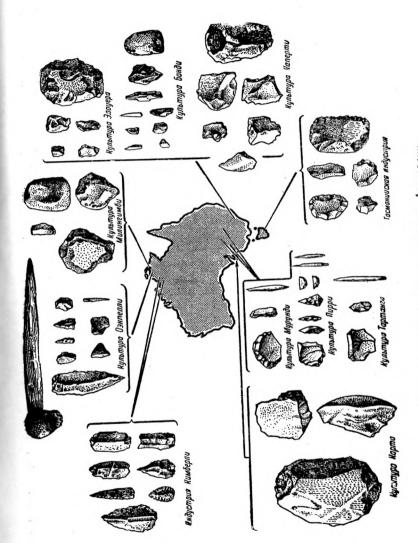
нуклевидных орудий и отбойников.

Были найдены здесь и крупные тяжелые орудия, некоторые из них напоминают килевидные колуны, получившие в австралийской археологической литературе наименование ворими. Оно происходит от названия одной из этнических групп северного побережья Нового Южного Уэльса (район Порт-Стефенса), на территории которого орудия этого типа были найдены впервые, притом в большом количестве [501, 21—26]. Ворими сделаны из больших, массивных отщепов и представляют собой треугольные в сечении клинья с острым, ретушированным со спинки рабочим краем. Ударная площадка иногда гладкая, иногда с фасетками. Брюшко не Максимальная длина этих орудий — 19 *см*. обработано. Орудия этого типа встречаются также на западе Нового Южного Уэльса, в Центральной Австралии и в Тасмании.

Согласно статистическим подсчетам, в культуре Каперти орудий из ядрищ всего 201, на отщепах и пластинах — 333 [531, табл. 3]. Большинство орудий изготовлено из кремни-

стого известняка. Все орудия покрыты патиной.

Индустрия капертианского типа распространена и в других районах Нового Южного Уэльса — к северу от р. Каперти, в долине р. Хантер, тоже несущей свои воды с Большого Водораздельного хребта в Тасманово море; к югу от нее, в районе Голубых гор; и к западу от Большого Водораздельного хребта [532, 77]. По-видимому, группы аборигенов,

Основные археологические культуры Австралии

расселявшиеся к востоку и западу от Большого Водораздельного хребта, были культурно близки друг другу, и эту близость они сохраняли с того времени, когда началось их расселение на юг. Контакты между ними едва ли были значительными: горы здесь достигают высоты более 1 тыс. м и тянутся с севера на юг почти непрерывной цепью. Выше уже сказано об антропологической близости населения, жившего к востоку и к западу от Большого Водораздельного хребта, о чем свидетельствуют палеоантропологические находки.

Таким образом, на северном побережье Нового Южного Уэльса и к западу от Большого Водораздельного хребта культуры Карта и Каперти соприкасаются друг с другом, а стоянки культуры Каперти содержат орудия, характерные для культуры Карта. Возникает вопрос: что же представляют собой эти две культуры и как они связаны между собой и с конкретными этническими общностями раннего австралийского населения? Возможно ли вообще их разграничить? Можно сказать, что исключительно типологический подход здесь неприменим, тем более что типологически эти две культуры очень близки. Скорее всего, культура Карта связана в основном с группами населения, расселявшегося к югу по системе рек, стекающих с западных отрогов Большого Водораздельного хребта — Дарлингу, Муррею и их притокам, но отчасти и с группами, расселявшимися вдоль восточного побережья Австралии, тогда как культура Каперти преимущественно связана с населением, расселявшимся вдоль восточного побережья. Вехами на первом пути являются черепа из Кохуны, Моссгила и Тартанги, на втором — черепа из Тальгая и Кейлора. Возможно, что культура Каперти связана с населением кейлорского антропологического типа, а культура Карта — талы айско-кохунского, может быть несколько более позднего. Вероятно, этим и объясняется тот факт, что орудия, характерные для культуры Карта, залегают преимущественно в средних слоях фазы Каперти. Очевидно, им предшествовала здесь иная культурная традиция, связанная главным образом с преобладающей в культуре Каперти индустрией на отщепах и пластинах. Она же преобладает и в Тасмании.

Пути дальнейшего развития этих двух культур, как увидим дальше, в еще большей степени различны. По мере их совершенствования и специализации, связанных с переменами, происходившими в жизни коренного населения, они еще более дифференцируются, все ярче очерчивая две культурные области — восточную и центральную. Но при этом между ними по-прежнему сохраняется и много общего.

Этому процессу посвящены последующие главы. В них будут рассмотрены культуры среднего периода центральной и восточной культурных областей Восточной Австралии. Здесь же необходимо лишь отметить, что стратиграфия стоя-

нок долины Каперти ясно показывает переход от древнейшей культурной фазы к более поздней — культуре Бонди, речь о которой и пойдет в одной из следующих глав. Для этой культуры характерны совершенно иные, более прогрессивные типы орудий, но сама она как бы вырастает из предыдущей культурной фазы, имеющей значительно более архаический облик, — из культуры Каперти. Люди населяли долину Каперти непрерывно в течение многих тысячелетий, продолжая развивать и совершенствовать свою культуру.

Радиоуглеродное исследование образцов из слоев, относящихся к культуре Каперти, дало следующие результаты. Древесный уголь из скального навеса 3, взятый из слоя на глубине ок. $105\ cm$, т. е. из одного из наиболее поздних слоев культуры Каперти, имеет возраст 3623 ± 69 лет. Уголь из того же навеса, но из одного из наиболее ранних слоев той же культуры, находящегося на глубине ок. $170-190\ cm$, имеет возраст 7360 ± 125 лет [627,24]. Таким образом, культура Каперти в этой стоянке появилась около 7,5 тыс. лет назад и продолжалась около 4 тыс. лет. Очевидно, что возраст одной из стоянок еще не свидетельствует о древности культуры в целом, π для культуры Каперти мы имеем осно-

вания предполагать более ранние даты.

Наше предположение подтверждается. В 30 км к северозападу от стоянок долины Каперти находится скальный навес Нула. Каменная индустрия этой стоянки имеет много общего с индустрией стоянок долины Каперти. Так, к ранней фазе стоянки Нула относятся монофасы на гальках и орудия, характерные для фазы Каперти, в частности орудия на отщепах с ударной площадкой, расположенной под углом ок. 120°. По данным радиоуглеродного анализа, аборигены населяли эту стоянку $11\,600\pm400$ лет назад, т. е. за 4 тыс. лет до того, как они заселили стоянку 3 в долине Каперти. Глубина горизонта, где находился очаг, давший уголь для анализа, ок. 3 м [746, 193—196; 749, 24]. Эта дата, которую можно рассматривать как наиболее раннюю дату из имеющихся в настоящее время для культуры Каперти, позволяет с еще большей уверенностью отнести культуру Каперти к числу древнейших археологических культур Австралии. В то же время очевидно, что и культура Карта с характерными для нее монофасами на гальках относится к числу древнейших культур Австралии и проникла сюда еще в плейстоцене.

Стоянки долины Каперти и скальный навес Нула— не единственные местонахождения культуры Каперти. В 1965—1966 гг. были опубликованы отчеты о раскопках под большим скальным навесом на берегу моря в Национальном парке, примерно в 38 км к югу от Сиднея, в местности, носящей название Курракьюранг [541, 202—207; 543, 4—15]. Нижние слои содержали большие скребла и отесанные с одной

и с двух сторон гальки, в том числе характерные для культуры Карта орудия типа карта и один суматралит. Была здесь найдена и пластина с рабочим краем, обработанным пильчатой ретушью, характерное орудие того же типа, что и аналогичные орудия, найденные в древнейших культурных слоях долины Каперти. Нижний слой стоянки Курракьюранг датирован с помощью радиоуглеродного метода; его возраст составляет 7450 ± 180 лет (глубина слоя — свыше $1\ m$), что почти совпадает с ранней датой стоянки 3 долины Каперти. Какую-либо связь обнаруженной им индустрии с тасманийской Дж. Мегоу отрицает.

Сравнивая культуру Каперти с тасманийской каменной индустрией, Ф. Маккарти отмечает, что сходство это состоит главным образом в наличии там и здесь отщепов и пластин клектонского типа, а также скребел с удлиненным рабочим краем. Но в целом культура Каперти, по его мнению, прими-

тивнее тасманийской [531, 239].

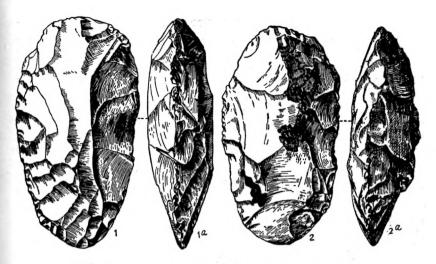
В изготовлении и обработке орудий культуры Каперти совмещены техника обивки и техника скалывания с дисковидных или призматических нуклеусов, а также техника отжимной ретуши, особенно ярко проявывшаяся в изготовлении орудий, обработанных пильчатой ретушью по краю. Техника отжимной ретуши была знакома и тасманийцам, однако пильчатая ретушь в Тасмании отсутствует. Характер культуры Каперти в целом — позднепалеолитический, но при этом она имеет немало очень архаических особенностей.

Заканчивая рассказ о культуре Каперти, отметим, что наличие в ней типичных монофасов на гальках, характерных и для культуры Карта, морфологически сближает культуру Каперти, как и культуру Карта, с хоабиньскими культурами Юго-Восточной Азии, как материковой, так и островной, вплоть до Новой Гвинеи включительно.

Нультура Гамбир

Стоянки, содержащие каменную индустрию третьей древнейшей культуры Австралии — культуры Гамбир (Gambier), были обнаружены впервые в прибрежной области Юго-Западной Виктории и Юго-Восточной Южной Австралии между Портлендом и Маунт-Гамбир. В XIX в. эту область населяла этническая группа буандик, одна из легенд которой рассказывает, возможно, о времени, когда гляциоэвстатические колебания уровня моря в этой части Австралии еще не закончились. Местность эта была заселена, вероятно, еще в плейстоцене.

Первое предварительное сообщение о культуре Гамбир сделал в 1938 г. Ф. Маккарти [498, 30—33], а более подробное ее описание опубликовал в 1945 г. П. Стейплтон [702,

Рубящие орудия типа буандик из Южной Австралии

281—287]. По предположению Н. Тиндейла, культура Гамбир — самая древняя культура Южной Австралии [733, 145—146]. Наиболее характерное ее орудие — двустороннее нуклевидное рубящее орудие. Т. Кемпбелл, а затем Маккарти назвали это орудие буандик, по имени этнической группы, прежде жившей здесь [188, 22—32; 535, 15]. Орудия этого типа обычно сделаны из кремня, собранного на взморье. Некоторые из них обработаны грубой обивкой, причем не заметно ни малейшей попытки придать орудию более или менее законченную форму. Они имеют округлый, покрытый желвачной коркой конец и волнистые края, образованные чередующейся обивкой. Зато другие сделаны более тщательно.

У орудий этого типа конец отбит, они имеют удлиненно-овальную форму и обработаны вдоль лезвия с обеих поверхностей. Иногда обе поверхности обиты целиком, иногда на них оставлены небольшие участки, покрытые коркой. Лучшие экземпляры, по мнению С. Митчелла и Ф. Маккарти, напоминают типичные шелльские ручные рубила [553, 72—74]. «Если бы эти орудия были найдены где-нибудь в Старом Свете, их несомненно классифицировали бы как нижнепалеолитические рубила», — пишет Дж. Малвени [581, 71].

Но, может быть, еще больше, чем рубила Европы, они напоминают древнепалеолитические патжитанские рубила Явы, шелльские рубила Индии и ручные рубила с горы До (Вьетнам) [7, 62—63]. Хотелось бы по этому поводу напомнить пророческие слова С. Н. Замятнина, выразившего еще

в 1951 г. «полную уверенность, что ручные рубила в их наиболее характерных формах, не отмеченные или почти не отмеченные в большинстве нижнепалеолитических местонахождений Юго-Восточной Азии, открытых за последние годы, при последующих систематических сборах будут обнаружены в достаточном числе» [35, 115].

Для культуры Гамбир характерны также большие кремневые отщепы и пластины с длинным ретушированным рабочим краем, напоминающие мустьерские скребла, и нуклевидные орудия неправильных очертаний. Эти формы тоже

напоминают шелльскую индустрию Явы.

Исследуя область распространения культуры Гамбир на территории Виктории, Дж. Малвени в 1957 г. собрал коллекцию из десяти хорошо оформленных бифасов и 138 скре-

бел разнообразной формы [576, 32—43].

Возраст культуры Гамбир сколько-нибудь точно еще не определен. Местонахождения со стратиграфией отсутствуют. Почти все орудия найдены на выветрившейся поверхности древних дюн, некоторые — на значительном расстоянии от современного берега моря. Но они никогда не встречаются на молодых дюнах, что, конечно, свидетельствует об их относительно древнем возрасте. О том же говорит типологический характер каменной индустрии. Большинство орудий покрыто патиной, а некоторые имеют железистые пятна. Имеются и не покрытые патиной орудия, что объясняется их использованием в более позднее время.

Как видим, культура Гамбир очень своеобразна и на фоне двух других культур, рассмотренных выше, занимает особое место. Монофасы, суматралиты и подобные им типы орудий ей не свойственны—это культура бифасов. Наряду с ними здесь широко представлены орудия на отщепах, тщательно ретушированные по краю и почти не отличимые от лучших тасманийских образцов. При отсутствии стратиграфии трудно, конечно, сказать, насколько эти орудия одновременны, но надо полагать, что люди не обходились только рубилами или только орудиями на отщепах — в производственной деятельности эти два типа орудий несомненно дополняли друг друга.

Сходство с тасманийской каменной индустрией, вероятно, не случайно. Подобно культурам Карта и Каперти, культура Гамбир имеет весьма архаический облик. Стадиально она сопоставима как с двумя другими древнейшими культурами Австралии, так и с каменной индустрией Тасмании. Наряду с культурами Карта и Каперти она могла быть одним из

источников тасманийской индустрии.

Ф. Маккарти, сравнив бифасы культуры Гамбир с яванскими палеолитическими ручными рубилами, пришел к заключению, что древность их подтверждается, во-первых, ти-

пологически, во-вторых, отсутствием суматралитов и, наконец, наличием покрывающей орудия патины [498, 31]. Отсутствие какого-либо одного типа орудий, конечно, еще не является достаточным аргументом в пользу древности культуры. Исследования показали, что патина тоже не во всех случаях является надежным критерием древности орудий [82, 15; 553, 99—104]. Но общий характер культуры Гамбир,

несомненно, очень архаичен. Двусторонне обработанные грубые рубящие орудия были широко распространены еще сравнительно недавно у аборигенов многих этнических групп Австралии [328, 191—193; 398, 289—295; 734, 37—41; 505, 411—4301. Вплоть до настоящего времени такие орудия сохранялись в быту изолированной группы аборигенов о-вов Уэлсли (зал. Карпентария). Это — грубо обитые бифасы, отдаленно напоминающие некоторые древнепалеолитические ручные рубила Европы, Африки и Азии, но более продолговатые и широкие в сечении. Н. Тиндейл называет их вслед за аборигенами о-вов Уэлсли марива. У. Рот называл их риамби, и под этим названием они вошли в археологическую литературу [535, 58-60]. С помощью этих орудий аборигены отбивали от скал и разбивали раковины устриц, рубили деревья для изготовления плотов, весел и палиц. Женщины применяли их в собирательстве, отесывали ими свои копательные палки и т. д. [737, 157—166; 747, 260]. Материальная культура аборигенов. населявших о-ва Уэлсли, вообще очень архаична. Для нее характерны сосуды и ножи из раковин, а вместо лодок-однодеревок и лодок, сшитых из коры, широко распространенных на северном побережье материка, — плоты ИЗ сучьев.

Такие же бифасы были найдены во время раскопок на о-вах Крокодайл, у северных берегов Арнхемленда [667]. Такое орудие было найдено и в Юго-Западной Австралии. В 1957 г. Д. Томсон наблюдал применение аналогичных орудий в изолированной группе биндибу, в районе оз. Маккай (Центральная Австралия). Некоторые из этих орудий были сделаны настолько тщательно, что Томсон называет их «руч-

ными рубилами» [725, 405].

Малвени, указывая на это, ставит под сомнение древность культуры Гамбир [581, 72]. На это можно возразить так же, как и археологам, сомневающимся в древности культуры Карта лишь на том основании, что аборигены еще недавно пользовались или даже продолжают пользоваться подобными орудиями. В этом проявляется характерная черта всякой первобытной культуры, а особенно австралийской — устойчивость технологических традиций, сохранение древних индустриальных форм и технических приемов, входящих составной частью в новые культурные комплексы.

Кроме того, обитые с обеих поверхностей грубые рубящис орудия — чоппинги — к этой категории принадлежит большинство упомянутых выше орудий современных аборигенов — и ручные рубила — это далеко не одно и то же. Рубила обычно обработаны тщательнее, форма их более законченная, более правильная, и я думаю, что Малвени, сравнивший орудия типа буандик с древнепалеолитическими ручными рубилами, не принял бы рубящие орудия современных австралийцев за древнепалеолитические рубила. Грубые рубящие орудия современных австралийцев, как правило, более примитивны и отличаются от ручных рубил менее правильными очертаниями, отсутствием выработанной формы.

Как правило, риамби и другие рубящие орудия австралийцев типологически отличаются от кремневых бифасов культуры Гамбир и составляют отдельную группу орудий [518, 178—179]. Однако в некоторых случаях границу между теми и другими провести нелегко, и среди первых встречаются такие орудия, которые можно классифицировать как ручные рубила. Но это обстоятельство само по себе еще не дает основания ставить под сомнение древность культуры Гамбир. Напротив, наличие этих орудий в такой изолированной группе, как биндибу, и в некоторых других этнических группах можно рассматривать как факт, говорящий о сохранении древней индустриальной традиции.

Поэтому все же есть основания включить культуру Гамбир в число древнейших археологических культур Австралии.

Грубые двусторонние рубящие орудия, или чоппинги, как сказано, выглядят примитивнее, чем многие орудия типа буандик, имеющие более совершенную и законченную, более правильную и симметричную форму. Но это не означает, что орудия типа буандик менее архаичны, чем первые. Как мы убедимся дальше, материальная культура австралийцев после продолжавшегося несколько тысячелетий прогрессивного развития испытала период некоторого застоя и даже частичного упадка, связанного с ухудшением экологических условий и другими причинами и выразившегося в утрате некоторых культурных достижений прошлого. Бифасы культуры Гамбир ближе к их древнему азиатскому прототипу — ручным рубилам Явы, Вьетнама, Индии, чем позднейшие австралийские двусторонние рубящие орудия. Но, будучи в известной мере продолжением древнепалеолитических традиций Азии, австралийские рубила относятся, разумеется, к иной, более поздней исторической эпохе. Они сохранились здесь, в Австралии, на окраине ойкумены как пережиток древней эпохи в истории культуры.

Культура Маунт-Моффат

В 1960 г. Дж. Малвени начал раскопки двух стоянок в Южном Квинсленде, в горах Большого Водораздельного хребта, точнее, на юго-западных отрогах хребта Карнарвон, близ станции Маунт-Моффат (Мt. Moffatt), примерно в 250 км к северо-востоку от г. Чарлвилл.

Раскопки велись в районе, который вследствие своего географического положения находится как бы на границе между восточными, прибрежными областями Австралии, расположенными к востоку от Большого Водораздельного хребта, и внутренними областями, лежащими к западу от него. Первое короткое сообщение о раскопках появилось в 1962 г., а подробный отчет — в 1965 г. [583, 135—138; 589, 147—212].

Оба местонахождения, удаленные одно от другого на расстояние ок. 30 км, находятся в пещерах, расположенных у речных русел, наполняемых водой в сезоны дождей. Каждая пещера представляет собой галерею рисунков, сделан-

ных аборигенами на ее стенах.

Из двух упомянутых местонахождений начнем с того, которое обнаружено в пещере Кенниф (Kenniff). Пещера эта находится в районе, где начинаются три большие реки — Уоррего, Мараноа и Досон. Из них две первые являются притоками Дарлинга, а третья — приток р. Фицрой — несет свои воды на северо-восток, в Тихий океан. По системе этих трех рек местное население было связано как с этническими группами, расселявшимися к югу по Дарлингу, Муррею и их многочисленным притокам, т. е. с группами центральной культурной области (см. выше), так и с группами, расселявшимися вдоль восточного побережья Австралии, т. е. с группами восточной культурной области.

Раскопками в пещере Кенниф было вскрыто несколько культурных слоев, изобилующих каменными орудиями (свыше 800 экземпляров). Самые нижние слои находятся на глубине ок. 3,5 м. В то время как для более поздних слоев, лежащих выше 1,5 м, характерны такие высоко специализированные, тонко ретушированные орудия, как острия пирри и бонди, геометрические микролиты и т. п., слои, залегающие ниже 1,5 м, характеризуются значительно более примитивной индустрией - массивными, тяжелыми, грубо обработанными нуклевидными орудиями, скреблами и концевыми скребками и т. д. Ни одного орудия, о котором можно было бы сказать, что оно приспособлено для рукояти, ни одного явного наконечника для копья. Каменная индустрия этих слоев напоминает тасманийскую. Такое же впечатление складывается и от других древнейших культур Австралии.

Так как эта культура еще не получила общепризнанного названия, назовем ее культурой Маунт-Моффат — по назва-

нию местности, т. е. так же, как названы и другие древней-

шие культуры Австралии.

Для пещеры Кенниф было получено 14 радиоуглеродных дат, из которых 7 относятся к слоям, залегающим ниже 1,5 м. Даты эти таковы (в скобках указана глубина слоя):

```
10 280±180 лет (ок. 160 см)
12 610±110 лет (ок. 170 см)
12 900±170 лет (от. 175 см до 200 см)
16 130±140 лет (ок. 230 см)
13 200±300 лет (ок. 270 см)
9 650±100 лет (ок. 315 см)
9 300±200 лет (ок. 320 см)
```

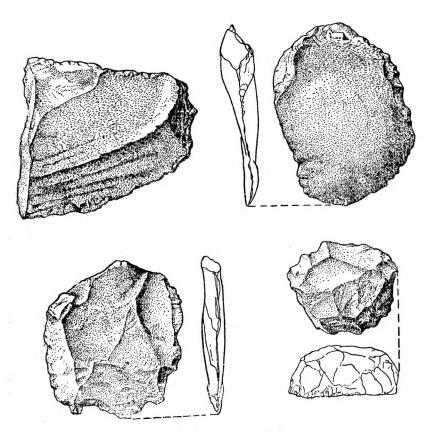
Последние две даты приводят в недоумение как читателя, так и самого Дж. Малвени. Он предлагает всевозможные объяснения несоответствия возраста образцов глубине их залегания, но сам все их отвергает. По его словам, работа по сбору материала производилась тщательно и все необходимые предосторожности были соблюдены [589, 168—171].

Некоторые из этих дат близки к наиболее ранней дате культуры Каперти (11 650 лет), но дата 16 130 ± 140 лет превосходит ее почти на 5 тыс. лет и является одной из наиболее ранних австралийских радиоуглеродных дат, связанных с археологическими материалами. Все даты культуры Маунт-Моффат и наиболее ранняя дата культуры Каперти относятся к плейстоцену, иными словами, к раннему периоду заселения Австралии.

Интересно сравнить эти данные с данными, относящимися к палеоантропологическим материалам. Как мы помним, черепа из Тальгая и Кохуны имеют возраст 10—12 тыс. лет, что близко к возрасту культуры Каперти и позднего слоя культуры Маунт-Моффат. Череп из Кейлора имеет возраст от 15 000 ± 1500 до 18 000 ± 500 лет, а это, в свою очередь, очень близко к наиболее ранней дате культуры Маунт-Моффат. Остальные палеоантропологические находки — черепа из Моссгила, Тартанги, Девон-Даунса и Грин-Галли — соотносимы с более поздними археологическими культурами.

Архаическая культура Маунт-Моффат просуществовала почти в неизменном виде свыше 10 тыс. лет, пока наконец после продолжительного перерыва ее не сменила совершенно иная, более развитая культура, о которой будет говориться ниже. Причем древние традиции в типах орудий и технических приемах долго еще сосуществовали с новыми орудиями и новой, более совершенной техникой. Следы этой новой культуры находятся в слоях, лежащих выше 1,5 м.

Резкие, порою катастрофические изменения климата Австралии — окончание ледникового периода, начало термического максимума, — по существу, почти не отразились на

Орудия культуры Маунт-Моффат

характере культуры Маунт-Моффат. Но следует отметить, что наступление следующей культурной фазы совпало с за-

ключительной фазой термического максимума.

Подавляющую часть орудий культуры Маунт-Моффат Малвени классифицирует как скребки, притом самые разнообразные как по форме, так и по способу изготовления. Среди них имеются экземпляры толстые, с высокой спинкой, с почти вертикальной ретушью, и плоские с ретушью, делающей край более острым. Малвени пишет: «Толстые скребки с крутой ретушью — характерная тасманийская форма. Существует распространенное мнение, которое прежде разделял и я, что орудия такого типа, может быть, указывают на "тасманоидное" влияние в Австралии. Отсюда мой интерес к скребкам этого типа в пещере Кенниф, большинство которых (двадцать одно орудие из двадцати восьми) были найдены в слоях, лежащих ниже 1,5 м» [589, 186], т. е. в слоях культуры Маунт-Моффат.

Отрицать сходство тасманийской каменной индустрии, с одной стороны, и культуры Маунт-Моффат — с другой, конечно, невозможно. Но это сходство определяется не «тасманоидным влиянием», а тем, что и тасманийская каменная индустрия в том виде, как она дошла до нас, и индустрия Маунт-Моффат, и индустрия других древнейших археологических культур Австралии, имеющих черты, сближающие их с культурой тасманийцев, особенно культуры Каперти, представляют собой один из ранних, может быть, самый ранний этап австралийской материальной культуры.

Скребки и другие орудия культуры Маунт-Моффат, по мнению Малвени, не укреплялись на рукояти. Во время работы их держали непосредственно в руке, и этим они коренным образом отличаются от орудий, предназначенных для использования на рукояти в составных инструментах. К этой категории орудий относятся микролиты, острия пирри, долота тула и многие другие орудия, характерные для более поздних австралийских археологических культур. В составных инструментах каменные орудия прикреплялись к рукоятям посредством смолы, воска, волос, сухожилий или растительных волокон. Появление составных орудий знаменует собой несравненно более высокий этап в развитии техники каменного века.

Культура Маунт-Моффат — это, по определению Малвени, своеобразная культура скребков. Они, бесспорно, определяют ее лицо, но все же не они одни представляют ее каменную индустрию. В употреблении Малвени, термин «скребок» приобретает очень широкое, может быть излишне широкое значение и становится собирательным термином для целой категории полифункциональных орудий.

За десять с лишним тысяч лет, на протяжении всей фазы Маунт-Моффат, эти орудия почти не изменились ни в технике

изготовления, ни в размерах.

Интересной находкой являются два дисковидных орудия на отщепах типа арапиа, о котором уже упоминалось в связи с культурой Карта. Одно из них найдено в одном из верхних слоев культуры Маунт-Моффат, другое — в слоях культуры, лежавшей выше. Возможно, что это — первые орудия типа арапиа, найденные при раскопках. Так же как монофасы на гальках и орудия типа «лошадиное копыто», обнаруженные в слоях культуры Каперти, находка орудия типа арапиа в одном из слоев культуры Маунт-Моффат — немаловажное обстоятельство для определения древности орудий этого типа и древности культуры Карта вообще.

Многие орудия имеют беспорядочные выемки по краю, всевозможные выступы и т. д., причем некоторые из этих выемок и выступов, насколько можно судить по иллюстрациям, типологически близки к пильчатой ретуши, обнаружен-

ной на орудиях культуры Каперти. Ее наличие и в культуре Маунт-Моффат подтверждает наше предположение, что пильчатая ретушь была известна австралийцам с глубокой древности, что техника ее изготовления еще в древности распространилась в Восточной Австралии, а вслед за этим на Севере и Западе континента, где она сохранилась до наших дней. Странно, что сам Малвени не отмечает эту особенность открытой им каменной индустрии. Может быть, это объясняется тем, что отмеченная мною черта здесь менее выразительна, чем в культуре Каперти.

Орудия с вогнутыми ретушированными краями и большими острыми выступами, по мнению Митчелла, предназначены для обработки дерева [553, 40]. Подобные орудия имеются и в культуре Каперти; в культуре Маунт-Моффат они пред-

ставлены большим разнообразием форм.

Согласно статистическим подсчетам, во всех горизонтах пещеры Кенниф орудий на отщепах насчитывается всего 263, в том числе в горизонте культуры Маунт-Моффат — 135; орудий, сделанных из ядрищ, всего 73, в том числе в горизонте культуры Маунт-Моффат — 31. Орудий, не предназначенных для укрепления на рукояти, всего 261, в том числе в культуре Маунт-Моффат, где они составляют 100% всех поддающихся классификации орудий, — 204 [589, табл. 3]. Большинство орудий сделано из кварцита. «По европейским стандартам, культура Маунт-Моффат по своему харажтеру скорее среднепалеолитическая, чем позднепалеолитическая», — пишет Малвени [584, 264].

Второе из двух упомянутых выше местонахождений открыто в пещере, носящей название Тумс (The Tombs). Оно не так богато и разнообразно, как первое, но тоже довольно четко делится на две культурные фазы, которые Малвени выделяет по технологическому принципу как фазу орудий, не укрепляемых на рукояти, и фазу орудий, укрепляемых на рукояти, я же соотношу с ранним (первая, или нижняя фаза), средним и поздним (вторая, или верхняя фаза) периодами истории австралийских аборигенов. Характер индустрии раннего периода в пещере Тумс — тот же, что и нижних слоев пещеры Кенниф. Ее возраст по радиокарбону — 9410 ± ± 100 лет. Глубина культурного слоя, для которого получена эта дата, — 210 см.

Раскопки Дж. Малвени в районе стоянки Маунт-Моффат, подобно раскопкам Ф. Маккарти в долине Каперти, очень важны для характеристики культуры палеоавстралийцев, для понимания одного из ранних периодов истории коренного населения Австралии. Обе культуры, подобно другим древнейшим культурам Австралии, имеют палеолитический характер. Культура Маунт-Моффат — одна из самых древних австралийских археологических культур, возраст которых

установлен с помощью радиоуглеродного метода. Судя по этим данным, она древнее культуры Каперти, но не древнее некоторых других археологических культур, о которых будет сказано дальше. Однако последние еще не освещены в литературе столь же подробным и исчерпывающим образом, как

культуры Каперти и Маунт-Моффат.

Как уже известно из изложенного выше, культура Маунт-Моффат географически занимает как бы пограничное положение между восточной и центральной культурными областями Австралии. И это ее положение будет особенно сильно ощущаться при рассмотрении культур среднего и позднего периодов, представленных этими же стоянками. В раннем периоде разница между этими двумя культурными регионами была еще невелика. Пильчатая ретушь в культуре Маунт-Моффат еще не выразительная, примитивная, в культуре Каперти достигнет большего совершенства. Эту черту можно было бы считать присущей только восточной культурной области, если бы мы не знали уже, что орудия с пильчатой ретушью были найдены, правда пока лишь на поверхности, и в западных областях Нового Южного Уэльса и Квинсленда, в Центральной Австралии. Большое число скребков всевозможных типов тоже сближает культуру Маунт-Моффат с культурой Каперти и отличает ее от культуры Карта. С другой стороны, находка орудия типа арапиа связывает культуру Маунт-Моффат с культурой Карта. Но и в культуре Каперти представлены орудия, характерные для культуры Карта и связывающие и ее в свою очередь с этой культурой. Отметим, что в культурах Каперти и Маунт-Моффат орудия, сближающие их с культурой Карта, залегают не в самых ранних слоях этих культур, а в сравнительно более поздних.

Таким образом, все три культуры, в известной мере своеобразные, имеют в то же время немало общего. И общее, что сближает их, несомненно, восходит к той, еще более ранней эпохе, когда заселение Австралии только начиналось, когда в нем участвовали еще небольшие группы палеоавстралийцев. Антропологически эти группы были близки между собой. Между ними существовала, вероятно, и значительная культурная близость. Однако по мере расселения по необъятным пространствам континента эта первоначальная культурная близость все более утрачивалась, и разошедшиеся группы австралийцев все более и более культурно дифференцировались. Несколько запоздавшее появление в культурах Каперти и Маунт-Моффат элементов культуры Карта, возможно, связано с более поздним распространением самой этой культуры, носители которой, палеоавстралийцы тальгайско-кохунского типа, расселялись — преимущественно во внутренних областях Австралии — позже палеоавстралийцев

кейлорского типа.

В культурах Карта, Каперти и Маунт-Моффат культурная дифференциация только наметилась, но не зашла еще далеко. Только культура Гамбир, самая южная из всех, является в то же время и самой своеобразной. О времени ее появления и распространения в Австралии почти ничего не В ожидании дальнейших исследований можно предположение, что она была связана с особой группой палеоавстралийцев, расселившихся вплоть до Южной Австралии очень рано и потому не оставивших заметного следа в других культурах раннего периода. Периферийное положение культуры Гамбир делает эту гипотезу довольно правдоподобной. Правда, сама эта периферийность наряду с изолированностью могла быть причиной постепенного развития своеобразных черт, свойственных культуре Гамбир. Но типологический характер этой культуры, как уже говорилось выше, заставляет предполагать ее древнее происхождение.

Еще несколько слов об отношении культуры Маунт-Моффат к тасманийской каменной индустрии. Подобно древним австралийцам, создавшим культуру Маунт-Моффат и другие австралийские культуры раннего периода, тасманийцы работали каменными орудиями, не прибегая к рукоятям. И те и другие применяли, главным образом для обработки дерева, выемчатые скребки, иногда комбинированные с острием. Имеется сходство и между другими типами орудий, и примеры этого уже были отмечены выше. Т. Кемп пишет, что каменная индустрия культуры Маунт-Моффат и ее собственные тасманийские коллекции, состоящие преимущественно из подъемного материала, типологически очень близки [410, 245].

Много общего в типах орудий и технике их изготовления имеется также между каменными индустриями Тасмании, Маунт-Моффат и Каперти, с одной стороны, и, с другой стороны, индустрией, которую Т. Кемпбелл и Г. Нун нашли на древних открытых стоянках юго-восточной части Южной Австралии, в районе хребта Воаквине, в зоне распространения культуры Карта и сравнительно недалеко от зоны распространения культуры Гамбир. Здесь было найдено большое количество типичных для Тасмании и двух упомянутых выше культур скребков с острием и выемчатых концевых скребков. Большинство орудий изготовлено той же техникой, какой сделаны и аналогичные тасманийские орудия [195, 371—395].

Говоря о сходстве каменных индустрий культуры Маунт-Моффат и Тасмании, Малвени пишет: «Морфологическое сходство не обязательно означает культурное, а тем более расовое родство носителей этих двух культур» [589, 207]. Это, конечно, правильно, и к этому хотелось бы добавить: сходство это объясняется, с одной стороны, тем, что обе культуры одинаково относятся к очень раннему этапу в развитии

материальной культуры австралийцев (включая и население Тасмании). Но, с другой стороны, типологическое сходство может свидетельствовать и о связях двух культур, тем более что имеются и другие данные, говорящие о таких связях. Сходство, определяемое, прежде всего, уровнем развития, в данном случае, как это часто бывает, сочетается с особенностями, объясняемыми взаимодействием культур и даже их генетическим родством. Тасманийская каменная индустрия в том виде, как она сохращилась ко времени европейской колонизации, и технологически, и типологически соотносима с древнейшими археологическими культурами Австралии.

Культура Клагенс

С начала 60-х годов XX в. на севере Нового Южного Уэльса на нескольких стоянках, расположенных в долине р. Кларенс (Clarence), близ г. Графтон, ведутся раскопки, которыми руководит А. Макбрайд. За это время ей удалось вскрыть несколько культурных горизонтов, в том числе и весьма архаичных, получить для них ряд радиоуглеродных дат и изучить серию не менее архаичных по содержанию и технике исполнения петрографов, речь о которых впереди.

Река Кларенс несет свои воды с Большого Водораздельного хребта на восток, в Тасманово море, и в этом отношении географическое положение местонахождений, обнаруженных в ее долине, аналогично положению местонахождений долины р. Каперти, находящейся в 450 км южнее. Поэтому можно предположить, что население долины Кларенс, подобно населению долины Каперти, тяготело к восточной культурной области. Но в отличие от стоянок на Каперти часть стоянок долины Кларенс находится не на плоскогорье, а ниже, в приморской области.

По данным А. Макбрайд и по другим сведениям [492, 12—17; 494, 201; 639], долина Кларенс вследствие свойственного ей субтропического климата, изобилия дичи и растительной пищи представляла собой вплоть до колонизации, т. е. до начала XIX в., идеальное место для первобытных охотников и собирателей. Вот почему она богата археологиче-

скими памятниками.

Так же как в долине Каперти и в районе Маунт-Моффат, стратиграфия стоянок на Кларенс выявляет смену более ранней, архаической каменной индустрии более поздней, характеризуемой наличием более совершенного и разнообразного каменного инвентаря. В районе Маунт-Моффат этот переход произошел примерно 4—5 тыс. лет назад, в долине Каперти — около 3 тыс., а в долине Кларенс — около 4 тыс. лет назад. Таким образом, насколько позволяют судить эти

данные, в Восточной Австралии он произошел повсюду поч-

ти одновременно.

Нижние культурные слои стоянок долины р. Кларенс характеризуются большими нуклевидными орудиями на гальках, обработанными с одной поверхности, и грубо обитыми отщепами, лишенными ретуши. Перечисленные орудия наиболее типичны для этой индустрии и позволяют рассматривать ее как особую локальную культуру, одну из древнейших археологических культур Австралии. Так как и она еще не получила общепризнанного названия, назовем ее культурой упомянутыми выше Кларенс. Характеризуемая в основном типами орудий, она занимает особое место ореди культур Восточной Австралии. Типологически она, безусловно, ближе к культуре Каперти и особенно к культуре Карта, чем к культуре Маунт-Моффат, заметно отличающейся от нее характером своего инвентаря, изготовленного преимущественно на отщепах. Однако в некоторых отношениях культура Кларенс выглядит архаичнее, примитивнее культуры Каперти. Так, орудия на пластинах появляются в ней сравнительно поздно. В то же время типологическая близость ее к культуре Карта, возможно, свидетельствует о том, что культура Кларенс является особым локальным вариантом последней, связанным с группами палеоавстралийцев, носителями этой культуры, расселявшимися вдоль восточного побережья Австралии.

Индустриальные традиции древнейшей культурной фазы долины р. Кларенс прочно удерживаются и в позднейших фазах. В них наряду с новыми типами орудий по-прежнему широко представлены монофасы на гальках. Мы уже знаем, что орудия этого типа найдены и на открытых стоянках на севере Нового Южного Уэльса и бытовали здесь вплоть до колонизации. И хотя сохранение древних традиций характерно для всех австралийских археологических культур, да и для всей австралийской материальной культуры в целом, на северном побережье Нового Южного Уэльса эта черта ощущается особенно сильно. Но нигде не выступает она так ярко,

как в Тасмании.

Одна из радиоуглеродных дат культуры Кларенс— 6445 ± 75 лет. Глубина слоя IV, для которого получена эта дата, — 45—60 см. Название стоянки, откуда взят материал для радиоуглеродного анализа,— Силендс (Seelands). Это—скальный навес, находящийся в излучине р. Кларенс, в 7,5 км севернее Графтона.

Другая дата — 4040 ± 65 лет (та же стоянка, слой V, глубина — 75 см). Она также относится к одному из самых ранних слоев местонахождения. Индустрия слоя IV и слоя V характеризуется главным образом односторонне обитыми орудиями на гальках. В слое V, кроме того, впервые появ-

ляются орудия на пластинах. Поэтому культуру этого слоя можно рассматривать как переходную к следующей куль-

турной фазе.

Расхождение между первой и второй датами, возможно, объясняется тем, что материал для второй даты получен из культурного слоя, находящегося непосредственно под скальным навесом, а для первой даты — вне навеса, в 6 м от него.

Третья дата — 3230 ± 100 лет относится к другому местонахождению, к культурному слою, находящемуся на глубине 55—65 см. Название местонахождения — Уомба (Wombah). Это раковинная куча, расположенная на северном берегу Кларенс, в $12 \ \kappa m$ от ее устья, северо-восточнее Графтона. Индустрия этого слоя также состоит из монофасов на гальках и орудий на пластинах [627, 20, 23].

Остальные радиоуглеродные даты этой и других стоянок долины Кларенс относятся к позднейшим культурным фазам,

которые мы рассмотрим в следующих главах.

В позднейших культурных фазах долины Кларенс имеются орудия из галек, обработанные полностью с одной стороны и очень напоминающие типичные суматралиты. Найдены здесь и другие типы орудий, свойственные хаобиньским куль-

турам Юго-Восточной Азии [496, 260—266].

К сожалению, в опубликованных до настоящего времени отчетах А. Макбрайд дает лишь описание и фотографии орудий из слоя III А стоянки Силендс и из слоя VI стоянки Уайтмен-Крик, находящейся в 6 κm от стоянки Силендс. Однако возраст слоя III А стоянки Силендс — 2850 ± 50 лет, а слоя VI стоянки Уайтмен-Крик (Whiteman Creek) — 1870 ± 140 лет (80 ± 140 г. н. э.) [495, 260—261]. Судя и по времени, и по инвентарю, типологически позднему, слой III А стоянки Силендс относится к более поздней культурной фазе, сменившей фазу Кларенс. Однако в слое VI стоянки Уайтмен-Крик по-прежнему представлена только индустрия на гальках и отшепах.

Австралийский ученый, специалист по археологии Юго-Восточной Азии Дж. Мэтьюс, изучив орудия из стоянки Силендс, стоянки Ямба (северное побережье Нового Южного Уэльса), с о-ва Кенгуру и еще одного местонахождения культуры Карта из Южной Австралии и сравнив их с орудиями одного из хоабиньских местонахождений Таиланда, пришел к заключению, что индустрия из Нового Южного Уэльса в некоторых отношениях ближе к хоабиньской индустрии на гальках, чем орудия из Южной Австралии. Исследованиями Мэтьюса были охвачены и орудия из нижних горизонтов стоянки Силендс [490, 5—22].

Не все культуры раннего периода изучены и опубликованы так тщательно и подробно, как культуры Каперти и Маунт-Моффат. Многие раскопки либо еще продолжаются, либо их материалы еще не изучены полностью, сведения о результатах лишь случайны и фрагментарны.

Наиболее интересными и перспективными представляются раскопки А. Галлуса. К сожалению, более или менее подробные сведения об этих раскопках в литературе отсутствуют.

В 1954 г. Галлус сообщил о геоморфологических и археологических исследованиях речной террасы, в которой находился череп из Кейлора, и примыкающих к ней других террас [296, 131—134]. Орудия, найденные в этом районе, он классифицировал как чопперы; как очень грубые отщепы с широким рабочим краем, изготовленные клектонской техникой (напомню, что отщепы и пластины, изготовленные клектонской техникой, Маккарти выявил в каменной индустрии долины Каперти и в Тасмании); как позднеашельские рубила и скребла, напоминающие соответствующие орудия из провинции Мадрас в Индии; наконец, как орудия, изготовленные леваллуазской техникой. Залегание некоторых из этих орудий позволяет соотнести их по времени с речными террасами, в которых они были найдены. Однако отсутствие подробного описания орудий и иллюстраций не позволяет оценить правильность классификации Галлуса, ни сравнить их с материалами других австралийских археологических культур. Неясна и относительная последовательность типов.

Спустя десять лет, в 1964 г., Галлус в короткой заметке рассказал о результатах своих раскопок, которые он вел в 1949—1963 гг. Раскопки эти включают как район речных террас вблизи Кейлора (о чем он уже писал раньше), так и совершенно новый объект — пещеру Куналда (Koonalda) [297, 127]. Пещера эта находится на равнине Налларбор, в Западной Австралии, у Большого Австралийского залива, на крайнем юге континента, иными словами, в одной из тех областей Австралии, где наблюдается концентрация наиболее древних особенностей австралийского антропологического типа.

Раскопки на Кейлорской равнине имеют стратиграфию, и Галлус определяет возраст находок, относящихся к наиболее позднему времени, как постплейстоценовый. В верхнем слое второй (кейлорской) террасы найдены примитивные орудия на гальках и отщепах, напоминающие «индустрию I» пещеры Куналда (см. дальше). Вероятно, архаическая индустрия наиболее верхних (и позднях) слоев свидетельствует об устойчивости технологических традиций, свойственных аборигенам крайнего Юго-Востока Австралии. Выше уже отмеча-

лась та же черта в связи с раскопками в долине Кларенс, на северном побережье Нового Южного Уэльса.

Ниже залегает «геометрическая индустрия» (по определению Галлуса), по-видимому микролиты, относящиеся к сред-

нему периоду истории австралийской культуры.

В той же террасе, но еще ниже, был найден кейлорский череп. В подстилающем гравии найдены орудия на пластинах. Немного ниже слоя, возраст которого — $18\,000\pm500$ лет, обнаружено нуклевидное орудие. Как мы помним, с помощью этой даты был определен возраст черепа из Кейлора. Следовательно, около 18 тыс. лет назад этот район действительно уже был населен людьми. Геометрическая индустрия, как и следовало ожидать, относится к более позднему времени, но орудия на пластинах в то время уже существовали.

Это все, что можно извлечь из короткого сообщения о находках в кейлорской террасе. Отсутствует даже схема, которая показала бы наглядно, в каком отношении к кейлорскому черепу находятся археологические объекты. Неясно, что представляют собой сами орудия. А ведь крайне важно было бы точно установить, какая именно каменная индустрия была свойственна человеку из Кейлора. Но делать какиелибо выводы на основании такого сжатого сообщения очень трудно.

В верхнем слое третьей (арундельской) террасы обнаружены проторубила и грубые отщепы. Проторубила отличаются от типичных рубил большей примитивностью. В подстилающем гравии той же террасы найдена, как сообщает Галлус, типичная культура чопперов, очень напоминающая пат-

житанскую.

Находки в нижних, наиболее древних слоях обеих террас, по мнению Галлуса, относятся к эпохе, начинающейся в конце плейстоцена и заканчивающейся в голоцене. Галлус даже допускает, что арундельская терраса могла образоваться в среднем вюрме, т. е. приблизительно от 40 тыс. до 25 тыс. лет назад. Это совпадает с новейшими данными о времени заселения Австралии и подтверждает наиболее раннюю датировку кейлорского черепа (от 18 тыс. до 15 тыс. лет назад). Во всяком случае обе террасы связаны с понижением уровня моря в плейстоцене [323, 202—205].

Перейдем к раскопкам в пещере Куналда. «Индустрия I», по терминологии Галлуса, наиболее поздняя, состоит из примитивных отщелов и скребков. Встречаются, однако, многогранные резцы. Возраст индустрии — постплейстоценовый. Она состоит только из подъемного материала. «Индустрия II» является, по словам Галлуса, индустрией патжитанского типа, с проторубилами, чопперами, чоппингами и большим числом скребел. «Индустрия III» состоит из нуклевидных скребел и нескольких ножей типа граветт. «Индустрия IV» —

наиболее древняя, состоит из очень больших, грубых, типич-

но патжитанских чопперов.

Для пещеры Куналда в настоящее время имеется несколько радиоуглеродных дат. Первая дата — 13 700 ± 270 лет. Глубина слоя — ок. 1 м. Индустрия этого слоя (по данным 1966 г.) включает такие орудия, как многогранные резцы, кривые ножи с высокой спинкой, большие скребла мустьерского типа, острия, маленькие бифасы «в форме лаврового листа». Как пишет Галлус, техника в основном леваллуазская, с подготовленным, одностеронне обработанным ядрищем, но лишь в исключительных случаях с фасетированной ударной площадкой.

Вторая дата — $18\,200\,\pm\,550\,$ лет. Глубина слоя — $270\,$ см. Непосредственно над этим слоем залегают большие чопперы — очевидно «индустрия IV» [627, 23—24]. Дно нижнего культурного слоя находится на глубине 6 м и более от поверхности земли. Для этого слоя получена дата $31\,000\,\pm\,1650\,$ лет. Культурный слой продолжается ниже датированного горизонта [298, 324—325]. Это — одна из самых ранних для Австралии радиоуглеродных дат, относящихся к археологическим местонахождениям, имеющим стратиграфию.

Исследования Галлуса — при всей неполноте и фрагментарности сообщаемых им сведений — представляют тем не

менее большой интерес.

Прежде всего, это касается проблемы культуры, возраст которой, по радиокарбону, превышает 13 тыс. лет. Характер этой индустрии, судя по описанию Галлуса, позволяет, казалось бы, отнести ее к среднему периоду. Острия, бифасы лавролистной формы (вероятно, предтечи двусторонних острий, в настоящее время распространенных на севере Австралии, от Кимберли до Северо-Западного Квинсленда), резцы — такие орудия — многие из них, вероятно, присоединялись к рукоятям — были характерны для культур среднего периода. Сохранение в более позднее время древних традиций (о чем свидетельствуют скребла мустьерского типа и леваллуазская техника) для Австралии не является чем-то необычным. Тем более этого следует ожидать в той области Австралии, которая характеризуется и сохранением наиболее древних особенностей антропологического типа.

Но возраст этей индустрии — 13 тыс. лет — свидетельствует в таком случае о поразительно раннем, по сравнению с Восточной Австралией, начале среднего периода в Южной Австралии. В частности, он говорит и о необычно раннем для Австралии появлении резцов. Вспомним, что в Восточной Австралии переход от археологических культур раннего периода к культурам среднего периода произошел от 3 тыс. до 5 тыс. лет назад. Возрастом 13 тыс. лет датируются слои культуры Маунт-Моффат — типичной культуры раннего пе-

риода. Близок к этому возраст фазы Каперти в стоянке Нула — свыше 11 тыс. лет.

Еще раз нельзя не пожалеть об отсутствии подробного отчета, снабженного иллюстрациями, на основании которого можно было бы составить достаточно адекватное суждение о характере данной индустрии. Пока можно лишь предположить, что древесный уголь, взятый для анализа, залегал несколько ниже того культурного комплекса, в котором находились резцы, и что индустрия слоя, откуда был получен образец, имеет в целом сравнительно архаический характер. Ранее (в 1964 г.) Галлус писал, что резцы найдены только в подъемном материале. Возможно, впрочем, что резцы вместе с остриями и бифасами лавролистной формы появились в Австралии еще в раннем периоде ее истории. В этом не было бы ничего удивительного — аналогичные типы орудий встречаются уже в позднем палеолите. А это означает, в свою очеред, что в Австралии уже в раннем периоде имелись орудия, вероятно укреплявшиеся на рукояти или древке, - копья или режущие инструменты, снабженные остриями.

Итак, скорее всего, перед нами одна из австралийских археологических культур раннего периода, но культура до-

статочно своеобразная.

Леваллуазская техника, сохранявшаяся австралийцами на протяжении многих тысячелетий (о чем свидетельствуют, в частности, дисковидные орудия арапиа центральноавстралийской этнической группы илиаура), была свойственна еще прогрессивным неандертальцам горы Кармел, среди которых был представлен и протоавстралоидный тип: вспомним череп Схул V.

Заслуживают внимания орудия, которые Галлус называет проторубилами. Они найдены им и в арундельской террасе кейлорской речной системы,— террасе, образовавшейся еще в плейстоцене, и в составе «индустрии II» пещеры Куналда,— индустрии, возраст которой древнее 13 тыс. лет, следовательно тоже относится к плейстоцену. Эта индустрия в целом имеет, по определению Галлуса, патжитанский характер и включает наряду с проторубилами чопперы и чоппинги. Тот же характер имеет и наиболее древняя индустрия этого местонахождения — «индустрия IV», состоящая в основном из типично патжитанских чопперов.

Проторубила, действительно, имеются среди патжитанских орудий наряду с типичными рубилами, чопперами и чоппингами. Таким образом, одна из древнейших культур Австралии — культура пещеры Куналда, судя по характеру ее каменного инвентаря, восходит к палеолитической патжитанской индустрии Явы. Вместе с тем наличие в этой культуре и в арундельской террасе близ Кейлора проторубил сближает оба местонахождения с культурой Гамбир, характеризуе-

мой ручными рубилами более выработанных и менее выработанных форм и в целом тоже очень близкой к патжитанской индустрии. Тем самым найдены аналоги культуре, которая на фоне остальных древнейших культур Восточной и Южной Австралии до сих пор выглядела почти уникальной. Более того, ее древность теперь подтверждается датировкой радиоуглеродным методом аналогичных находок в пещере Куналда.

Перед нами, таким образом, определенная культурная традиция, предшествовавшая другой культурной традиции, корни которой также уходят в Юго-Восточную Азию, но связанной с другим — хоабиньским — кругом индустриальных

форм, - культуре Карта.

Археологические раскопки в Австралии ведутся в настоящее время и во многих других местах. Судя по опубликованным сообщениям, обнаружены не менее древние комплексы, чем те, о которых говорилось выше. К сожалению, сведения о них столь же лаконичны, как и статьи Галлуса. Возможно, это объясняется тем, что полевые работы еще не завершены,

а материалы не обработаны.

Особый интерес представляют исследования Н. Тиндейла на берегу обычно сухого оз. Менинди. Озеро находится на западе Нового Южного Уэльса, близ р. Дарлинг, недалеко от места его слияния с Мурреем. Оно расположено, следовательно, на той великой водной магистрали, вдоль которой двигался с севера на юг один из человеческих потоков, положивших начало заселению Австралии и связанных с культурной областью, лежащей к западу от Большого Водораздельного хребта. Выше уже говорилось об остатках гигантских сумчатых, найденных у оз. Менинди, в горизонте, возраст которого, согласно радиокарбону, составляет 6570 ± ± 100 лет. Но здесь же были обнаружены и следы человеческой культуры, абсолютный возраст которой, установленный с помощью радиоуглеродного метода, оказался почти столь же древним, что и самая ранняя культурная фаза пещеры Куналда.

Даты местонахождения у оз. Менинди таковы: $18\,800\pm800$ лет [418, 206] и $26\,300\pm1500$ лет [391, 210—211; 266, 103—109]. Древесный уголь для первой даты взят из очага, ниже которого было найдено каменное орудие на отщепе. Вторая дата относится к тому же слою. По словам Тиндейла, в горизонте, откуда был взят образец для этой даты,— глубину его он не указывает — находилось несколько орудий на отщепах, «довольно неопределенного облика и потому не поддающихся классификации» [749, 24]. В том же слое были найдены

обожженные кости гигантского кенгуру.

Как ни скудны эти сведения, они все же очень важны. Первая дата почти совпадает с датой, относящейся к черепу

из Кейлора. Вторая дата подтверждает, что заселение Австралии началось около 30 тыс. лет назад. Ведь оз. Менинди находится в Юго-Восточной Австралии, а заселение ее шло с севера и, несомненно, было продолжительным процессом. связанным с постепенным ростом численности населения освоением огромного континента. Ниже будут приведены даполученные для стоянки Малангангер (Арихемленд), показывающие, что заселение Австралии около 30 тыс. лет назад, геологически — в плейстоцене, среднем вюрме, археологически — в эпоху позднего палеолита. Предположение о столь раннем заселении Австралии человеком подтверждается и другими датами. Так, возраст одного из археологических местонахождений в районе Кейлора составляет $31\,600\pm11\,000/1300$ лет. Другая дата для того же археологического комплекса — $24\,000\pm3300/5700$ лет 25 - 261.

В последнее время Р. Райт начал раскопки на п-ове Кейп-Йорк, в Северо-Восточном Квинсленде, около г. Лора (Laura). Значение района, избранного для археологического исследования, очевидно: отсюда, с п-ова Кейп-Йорк, началось заселение Австралии первыми группами палеоавстралийцев.

Местность, где начаты раскопки, находится у одного из самых северных отрогов Большого Водораздельного хребта, следовательно, движение двух разделившихся человеческих потоков — восточного и западного — началось здесь. П-ов Кейп-Йорк наряду с южным побережьем зал. Карпентария, п-овом Арнхемленд и плато Кимберли является одним из наиболее перспективных районов для археологических исследований, так как именно эти районы были заселены австралийцами прежде всего и отсюда началось их расселение по материку. К сожалению, систематические раскопки в этих районах начались только в самые последние годы. Отчет о раскопках близ Лоры еще не опубликован. По свидетельству Малвени, характер и стратиграфическая последовательность каменных орудий различных типов напоминают пещеру Кенниф [587, 90]. Среди орудий нижних слоев имеются, например, отщепы с крутой ретушью, свойственные культуре Маунт-Моффат и вместе с тем характерные для Тасмании.

Дж. Малвени и Дж. Голсон ведут раскопки на п-ове Арнхемленд, в районе р. Катерин, в другом перспективном для археологического изучения районе. Река Катерин является притоком р. Дейли, которая в свою очередь течет на запад, в Тиморское море. Это — одна из тех артерий, по которым в древности могло происходить заселение Австралии. Отчет об этих раскопках, которые ведутся на нескольких стоянках, также еще не опубликован. Известно, однако, что здесь, близ

станции Уиллеру, под скальным навесом у источника Ингаладди (Ingaladdi) была найдена индустрия весьма архаического облика. В то время как верхние слои этой стоянки содержали каменную индустрию, типичную для культур среднего и позднего периодов, в нижних слоях находилась индустрия совершенно иного характера, состоявшая из многочисленных нуклевидных орудий и орудий на отщепах, преимущественно скребков, не предназначенных для использования на руколти. Нуклевидные орудия также являются по своему назначению скреблами или рубящими орудиями. Индустрия эта типологически близка к индустрии пещеры Кенниф. Слой, содержащий ее (глубина слоя — 85—98 см), датирован по радиоуглеродному методу. Его возраст — 6255 ± 135 лет [627, 26].

Сравнительно с датами, полученными для других стоянок, где была найдена индустрия такого же архаического облика, эта дата не слишком глубока и свидетельствует о том, что древняя культура, которую принесли сюда палеоавстралийцы, сохранялась здесь длительное время. Мы уже знаем, что в Восточной Австралии она сохранялась еще дольше. Возможно, что в Ингаладди будут получены еще более ранние

даты, так как раскопки там продолжаются.

Одним из самых сенсационных открытий, сделанных Австралии за последние годы, являются результаты раскопок в Оэнпелли (Oenpelli), на севере Арнхемленда, примерно в 56 км от берега моря. Это — еще один из наиболее перспективных районов археологических исследований. Раскопки велись под тремя укрытиями под скалами: Малангангер (Malangangerr), Навамойн (Nawamovn) и Тайимиди II (Tyimede II). Первые две стоянки расположены на приморской равнине примерно в 7 км одна от другой, третья — на плоскогорье, в 22 км от Оэнпелли. Глубина культурных отложений достигает в первой стоянке 180 см, во второй — 130 см, в третьей — 135 см. Во всех трех стоянках обнаружены две индустрии, лежавшие одна над другой в различных по своему характеру геологических условиях. Для радиоуглеродного анализа послужили образцы древесного угля, взятые на значительном расстоянии один от другого, в слоях, идущих под уклон, -- отсюда несоответствия между их возрастом и глубиной.

Ранняя индустрия характеризуется нуклевидными орудиями, некоторые из них принадлежат к типу «лошадиное копыто», грубыми отщепами и топорами с подшлифованным лезвием. Некоторые топоры имеют на поверхности окружающий орудие желобок, предназначенный для более прочного крепления орудия в рукояти. Для этой культурной фазы в лабораториях Австралии и Японии получены следующие даты

[780, 149—151]:

Стоянка						Глубина от по- верхности	Возраст
Малангангер						104—114 см	18 000+ 400 лет
Малангангер						138 см	22 700∓ 700 лет
						150—154 см	19 600 + 550 лет
Малангангер						134—144 см	$24800 \overline{+}1600$ лет
Навамойн						80 см	21 450 + 600 лет
Тайимиди II .						60—70 см	$6650 \overline{\pm}500$ лет

Позднейшая культурная фаза относится к среднему периоду нашей периодизации, и мы рассмотрим ее в одной из нижеследующих глав.

Итак, древнейшая культурная фаза начинается в этом районе не менее чем 25 тыс. лет назад и продолжается вплоть до 7 тыс. лет назад. Самым поразительным фактом, характеризующим эту индустрию, в остальном вполне соответствующую прочим индустриям раннего периода, открытие топоров с подшлифованным краем, которые в других областях Австралии появляются в незначительном количестве лишь в культурах среднего периода и характерны главным образом для культур позднего периода. Ни в одной другой культуре раннего периода мы ничего подобного находим, да и в других археологических районах мира возникновение шлифования каменных орудий в столь раннее время является очень редким явлением. Нет оснований предполагать, что и в Южной и Юго-Восточной Азии шлифование каменных орудий началось уже в это время: все имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят о том, что оно появляется здесь лишь в мезолите. Следовательно, возникновение шлифования каменных орудий на севере Австралии 25 тыс. лет назад надо признать явлением конвергентным, независимым от воздействия иных культур. Но нелегко понять, почему это техническое достижение не распространилось в том же раннем периоде и на другие области Австралии и почему на востоке Австралии мы встречаем шлифованные орудия лишь 4 тыс. лет назад. Все это заставляет отнестись к открытию шлифованных топоров в комплексах столь раннего возраста с особой осторожностью. Напрашивается предположение, что орудия эти попали сюда из позднейших горизонтов, относящихся уже к среднему периоду, тем более что и там встречаются такие же топоры, сделанные из того же материала (порфира). Однако, как сообщает К. Уайт, которая вела эти раскопки, стоянки, расположенные на приморской равнине, изучались тремя геоморфологами из различных учреждений Австралии, и все они пришли к заключению, что отложения, содержавшие топоры, не потревожены и что орудия и древесный уголь найдены in situ. Кроме того, в тех же отложениях найдены многочисленные отходы порфира, некоторые со следами шлифования, а других орудий из этого материала не найдено [780, 151-152].

И все же я думаю, что в ожидании новых исследований и фактов следует воздержаться пока от окончательных и категорических выводов, которые могут оказаться поспешными.

Если же изложенные здесь факты подтвердятся, то это означает: 1) что шлифование каменных орудий было известно австралийцам уже 25 тыс. лет назад, 2) что оно на протяжении тысячелетий практиковалось только на севере Австралии и лишь 4 тыс. лет назад проникло и в Восточную Австралию, откуда затем распространилось по всему континенту, 3) что оно возникло в Австралии, видимо, независимо от влияний извне и 4) что наряду с умением изготовлять орудия с подшлифованным лезвием австралийцы умели уже в то время и укреплять их на рукояти. Как и во многих других районах мира, шлифование каменных орудий возникает в Австралии в условиях еще охотничье-собирательского хозяйства.

Объединяя все эти археологические культуры в единую группу культур раннего периода истории австралийских аборигенов, я руководствуюсь историческим и стадиальным критерием. Исторически культуры эти в своей совокупности характеризуют культуру коренного населения Австралии в эпоху ее первоначального заселения и освоения и в первые тысячелетия его истории. Стадиально все эти культуры едины в том отношении, что относятся к одной из ранних стадий техники изготовления каменных орудий. В них обобщены технические приемы, свойственные древнему, среднему и отчасти позднему палеолиту,— техника обивки и техника скалывания. Последняя, однако, еще не достигла того высокого уровня развития, того совершенства, которое будет свой-

ственно ей в следующем, среднем периоде.

Характеризуя в своей совокупности культуру коренных австралийцев на ранних этапах их истории, ни одна из археологических культур раннего периода не может претендовать на то, чтобы ее рассматривали как адекватное отражение культуры коренного населения всего континента в определенный исторический период. Так, Тиндейл рассматривал культуру Карта и более поздние культуры, открытые им на нижнем Муррее, как культурно-исторические этапы, единые и общие для всей Австралии. Исследования других археологов в разных частях континента показали, что уже в раннем периоде складываются или уже сложились региональные культурные комплексы, наметилась региональная специфика, и чем дальше развивалась культура аборигенов, тем эти различия все более углублялись. Стало очевидно, таким образом, что отдельные археологические культуры Австралии следует рассматривать как региональные варианты большого и сложного целого, внутри которого по мере освоения и различных в природном отношении: взаимно удаленных

районов намечаются, а затем все более усиливаются областные различия — образуются культурные области. Одновременно действует и противоположная тенденция, в известной мере стирающая эти различия,— развитие межгрупповых связей и контактов, обмен материальными и духовными ценностями, постепенно охватывающий своей сетью всю Австралию.

Истоки культур раннего периода

В 1944 г. Х. Мовнус в своей обобщающей работе по археологии и стратиграфии плейстоцена Южной и Восточной Азии сконструировал на территории Старого Света в древнепалеолитическое время две самостоятельные культурные области: область распространения культур ручного рубила и область распространения культур грубого рубящего орудия [573]. Первая область охватывала Южную и Западную Европу, Африку, Переднюю Азию и Индостан, вторая — Северо-Западную Индию, Тибет, Китай, Индокитай, Малакку

и Яву.

Построение Мовиуса, страдающее известным схематизмом, было подвергнуто критике со стороны С. Н. Замятнина [35, 115], а позднее — П. И. Борисковского [7, 36—38]. Оба советских археолога указывали, в частности, на то, что для патжитанской культуры Явы характерны наряду с чопперами и чоппингами также и типичные ручные рубила, ничем не отличающиеся от ручных рубил Южной и Центральной Индии. Ручные рубила имеются и в местонахождениях ранней соанской культуры Северо-Западной Индии и Пакистана, которую Мовиус отнес к культурам грубых рубящих орудий — чопперов и чоппингов. Ручные рубила найдены Китае, Таиланде, на п-ове Малакка. Типичные шелльские рубила обнаружены П. И. Борисковским и вьетнамскими археологами на горе До (Северный Вьетнам). Благодаря своему географическому положению местонахождения Вьетнама, Таиланда, п-ова Малакка как бы связывают между собой две другие этнокультурные области, где были найдены типичные шелльские ручные рубила, — Индию, с одной стороны, и Индонезию — с другой. Не удивительно, что ручные рубила древнепалеолитического облика найдены и в Австралии, первоначальное население которой по своему происхождению и культуре тяготело к древним этнокультурным областям Юго-Восточной и Южной Азии. Вспомним археологические местонахождения, сосредоточенные на периферии Австралии, в ее южных областях, -- местонахождения культуры Гамбир, орудиями, напоминающими типичные характеризуемые шелльские ручные рубила, находки в арундельской террасе кейлорской речной системы и в пещере Куналда, характеризуемые проторубилами патжитанского типа. Ручные рубила

и проторубила Австрални свидетельствуют о сохранении здесь несравненно более древних, чем самые ранние австралийские культуры, древнепалеолитических традиций. О том же говорят грубые рубящие орудия, входящие в комплексы культуры Карта и некоторых других культур Австралии.

Но вместе с тем следует сказать, что области Восточной и Юго-Восточной Азии действительно характеризовались каменном веке большим своеобразием культурных форм традиций, в том числе сохранением и широким распространением вплоть до мезолита таких возникших еще в древнем палеолите индустриальных форм, как монофасы из галек чоппинги. Но наряду с ними здесь сохранялась также традиция изготовления рубил и проторубил, вошедших и в австралийские археологические комплексы. «Особенностью позднего палеолита Юго-Восточной Азии является большое сходство его с древним палеолитом этой территории, отсутствие резких переломов в развитии здесь первобытной техники от древнего палеолита до мезолита и раннего неолита» [7, 71]. Это, однако, отнюдь не свидетельствует о консерватизме местного населения и о застойном характере его культуры. Қак показывают археологические материалы, на протяжении позднего палеолита и мезолита техника изготовления каменных орудий совершенствовалась.

Таким образом, можно говорить об одновременном существовании в Юго-Восточной и Южной Азии на протяжении многих тысячелетий двух индустриальных традиций, одна из которых характеризовалась монофасами (чопперами, позднее — суматралитами и т. д.), а другая бифасами (чоппингами и ручными рубилами). Носители некоторых локальных культур успешно развивали обе эти традиции. Такова, например, патжитанская культура Явы. Таково и местонахождение на горе До, в котором наряду с рубилами и грубыми двусторонними рубящими орудиями были найдены и чоппе-

ры, обработанные с одной поверхности.

Своеобразие каменных индустрий Юго-Восточной Азии объясняется не каким-то принципиально отличным от западного направлением развития. Оно связано главным образом с наличием в этой части света и на прилегающих к ней территориях Южной и Восточной Азии древнейших самобытных очагов человеческой культуры. Что же касается Австралии, то к этому присоединялся еще и такой фактор, как периферийность, а начиная с эпохи голоцена и изолированность. Наряду с катастрофическими изменениями природных условий и малочисленностью населения все это обусловило ее культурную отсталость.

Своеобразие материальной культуры Юго-Восточной Азии частично объясняется и особенностями естественногеографи-

ческой среды.

При всем своеобразии ведущие тенденции культурного развития на Востоке были в основном те же, что и на Западе. Вот почему мы находим в Юго-Восточной Азии, Океании и Австралии те же, что и в остальном мире, руководящие индустриальные формы. Не все они, однако, достигли здесь того же развития и получили такое же распространение, как в некоторых других частях света.

Основные, характерные типы орудий и технические приемы, свойственные древнейшим археологическим культурам Австралии, ведут свое происхождение от палеолитических культур Юго-Восточной Азии, а через них связаны и с прилегающими к ней территориями, подобно тому как антропологический тип протоавстралоидов связывал палеоавстралийцев с позднепалеолитическим населением Юго-Восточной и Южной Азии.

Носители древнепалеолитических и среднепалеолитических культур Юго-Восточной Азии, возможно, не были прямыми предками протоавстралоидов и австрало-негроидов, обитавших на этих территориях в позднем палеолите и позднее. Но устойчивость технологических традиций, типологическая близость позднепалеолитических и до некоторой степени мезолитических индустрий Юго-Восточной Азии к ее древнепалеолитических индустрий Юго-Восточной Азии к ее древнепалеолитическим культурам дает нам основание усматривать и в последних один из источников хронологически более поздних австралийских археологических культур. Без этого характеристика и анализ этих источников были бы неполными. То же относится и к древнепалеолитическим культурам Южной Азии.

Начнем, однако, с ближайшей к Австралии этнокультурной области— с Океании. Систематические археологические исследования начались здесь еще позже, чем в Австралии, но и то, что уже достигнуто, позволяет сделать некоторые обобщения. Особенно интересна и перспективна в археологическом отношении Новая Гвинея, лежавшая на пути палеовьстралийцев, двигавшихся в позднем плейстоцене из Юго-Восточной Азии в Австралию.

Начиная с 1959 г. С. Балмер ведет раскопки во внутренних горных районах Восточной Новой Гвинеи. Основанное на стратиграфии археологическое исследование двух стоянок, расположенных под скальными навесами, показало, что когда-то здесь обитало население, экономика которого покоилась на охоте и собирательстве, а материальная культура — на орудиях еще донеолитического облика [177, 246—268; 179, 39—76]. Экономика современного населения основывается на земледелии, а каменная индустрия имеет развитый неолитический характер.

Самый ранний культурный комплекс одной из раскопанных стоянок (Киова) содержит орудия из галек, обработан-

ных с одной и с двух поверхностей, от 5 до 15 *см* длиной, и орудия на отщепах, от 6 до 12 *см* длиной. Выше, в средних и поздних культурных горизонтах, наряду с прежними типами

орудий появляются и шлифованные орудия.

На иллюстрациях мы видим типичные монофасы на гальках, столь характерные для древних культур Юго-Восточной Азии, особенно хоабиньской, и для ранней австралийской культуры Карта. Орудия на отщепах представлены двумя типами: один из них имеет выемчатый рабочий край, другой обработан по краю ретушью, напоминающей еще недостаточно выработанную пильчатую ретушь [179, рис. 1 и 3]. Аналогичные типы орудий известны и в Восточной Австралии, в культурах Каперти и Маунт-Моффат.

Древнейшие горизонты другого местонахождения — скального навеса Юку — содержат те же типы орудий. Это позволяет нам рассматривать культуры Центрального нагорья Восточной Новой Гвинеи как одно целое, сравнивать их с культурами Восточной Австралии. Но кроме орудий на гальках (от 6 до 12,5 см длиной) и на отщепах с ретушью, напоминающей пильчатую ретушь, здесь имеются большие толстые скребла с высокой спинкой (от 10 до 15 см длиной), аналогичные скреблам культуры Маунт-Моффат, и характерные орудия на пластинах с перехватом, образованным двумя противоположными выемками по краям. В более поздних слоях те же орудия начинают шлифоваться. Аналогичные орудия в древнейших культурах Австралии отсутствуют, но для Восточной Австралии в позднем периоде характерны перехватом, предназначенным шлифованные топоры с для более надежного крепления орудия в рукояти. По-видимому, таково же назначение перехвата на орудиях из стоянки Юку, хотя назначение самих орудий было, возможно, иным.

Итак, древнейшие культурные горизонты стоянок Центрального нагорья Восточной Новой Гвинеи относятся к периоду, когда эту область населяли группы охотников и собирателей с донеолитической культурой. Представляется возможным связать типологически культуры Восточной Новой Гвинеи, с одной стороны, и две древнейшие культуры Восточной Австралии — Каперти и Маунт-Моффат — с другой. Типологически культуры Центрального нагорья близки и к культуре Кларенс.

Основываясь на данных этнолингвистики и этнографии, С. и Р. Балмер высказали предположение, что Новая Гвинея была заселена не позднее 10 тыс. лет назад. Радиоуглеродные исследования подгвердили правильность этого предположения. Недавно была опубликована первая серия радиоуглеродных дат для стоянки Киова. Даты эти таковы [178,

327—328]:

```
10 350 ± 140 лет (слой 12, глубина 435 см)
9 300 ± 200 лет (слой 10, глубина 360 см)
9 920 ± 200 лет (слой 10, глубина 300 см)
6 100 ± 160 лет (слой 6, глубина 150 см)
4 840 ± 140 лет (слой 3, глубина 90 см)
```

За исключением последней даты, относящейся к слою 3, в котором уже появляются шлифованные орудия, все остальные даты относятся к горизонтам, содержавшим следы древнейшей, донеолитической культуры. Из них слой 12 является наиболее древним в этой стоянке. Мы видим, таким образом, что этот слой и несколько вышележащих не только типологически близки к древнейшим культурам Восточной Австралии — они близки к последним и хронологически. Выше говорилось, что долина Кларенс была населена уже 6 тыс. лет назад, долина Каперти и стоянка Курракьюранг — свыше 7 тыс., стоянка Нула — свыше 11 тыс., а древнейшая культурная фаза пещеры Кенниф относится к периоду от 9 тыс. до 16 тыс. лет назад.

Налицо определенная типологическая и хронологическая близость между древнейшей культурной фазой стоянки Киова Центрального нагорья Восточной Новой Гвинеи (слои 6—12) и древнейшими культурами Восточной Австралии. Близость дает основание предполагать культурные и, возможно, генетические связи между населением этих двух взаимно удаленных областей. Это тем более вероятно, что связи относятся еще к плейстоцену, когда Австралия и Новая Гвинея составляли одно целое. Следовательно, высказанное нами предположение, согласно которому заселение Восточной Австралии шло через Новую Гвинею, получило еще одно археологическое подтверждение. Новая Гвинея была этапом на пути расселения протоавстралоидов из Юго-Восточной Азии в Австралию.

К несколько более позднему времени, чем самая ранняя культурная фаза Центрального нагорья,— к периоду времени от 4 тыс. до 5 тыс. лет назад,— относится и черепная крышка из Аитапе, морфологически австралоидная. По-видимому, 5—10 тыс. лет назад Новая Гвинея была населена австралоидами, обладавшими культурой, типологически близкой к самым ранним культурам Восточной Австралии, с одной стороны, и к древним культурам Юго-Восточной Азии— с другой. Индустрия на гальках из Новой Гвинеи содержит орудия, характерные для многих палеолитических и мезолитических культур Юго-Восточной Азии, причем важно то, что эти орудия найдены здесь in situ и датированы.

Эти выводы в известной мере подтверждаются и раскопками под скальным навесом Ниобе, недалеко от стоянки Киова. Среди найденных здесь материалов имеются орудия из галек, обработанные с одной поверхности, в том числе два экземпляра напоминают типичные австралийские орудия типа «лошадиное копыто» [783, 40—56]. Археологическое исследование Новой Гвинеи только начинается, но раскопки некоторых стоянок уже показали существование нескольких стадий в развитии каменной индустрии, из которых наиболее ранняя является в то же время типологически наиболее архаичной и занимает своеобразное промежуточное положение между культурами Юго-Восточной Азии, с одной стороны, и Австралии — с другой [782, 334—335].

Недавние радиоуглеродные исследования показали, что орудия с перехватом из Новой Гвинеи имеют значительную древность; эти новые данные подтвердили, что заселение острова относится еще к плейстоцену. Для стоянки Косипе (Папуа), для горизонтов, содержавших орудия с перехватом, были получены следующие даты: 19350±600 лет и 16300±

1200 лет [267, 162].

П. Уайт, автор публикации, считает, что обе даты слишком велики и потому требуют подтверждения. Но есть основания думать, что дальнейшие исследования подтвердят правильность нашего предположения о заселении Австралии и через Новую Гвинею, а следовательно, заселение последней началось не позже, чем заселение Австралии. Что же касается орудий с перехватом, то хотелось бы в связи с этим вспомнить недавнее открытие в Оэнпелли, на п-ове Арнхемленд, топоров с подшлифованным краем и желобком для крепления в рукояти в горизонтах, имеющих еще более глубокую древность. Если эти данные подтвердятся, то ничего удивительного не будет и в том, что орудия с перехватом существовали в Папуа 19 тыс. лет назад.

Сборы подъемного археологического материала в одном из районов юго-западной части о-ва Новая Британия, расположенного в Западной Меланезии рядом с Новой Гвинеей, увенчались находками большого количества донеолитических каменных орудий различных типов, среди которых имеются, в частности, большие орудия из ядрищ, грубо обитых с двух сторон. Найдены здесь и скребла с перехватом [330, 20—31]. Некоторые бифасы Новой Британии можно отнести. к категории грубых рубящих орудий, другие, насколько позволяют судить иллюстрации, напоминают орудия типа риамби (Квинсленд, зал. Карпентария; см.: «Культура Гамбир»). Многие орудия покрыты патиной. Попытки выяснить время их изготовления не дали положительных результатов. Современные меланезийцы уже не делают таких орудий и утверждают, что и их отцы и деды, насколько им известно, не делали их. Здесь давно в ходу шлифованные орудия, в настоя-

Традиция изготовления бифасов существовала и на Соломоновых островах. Там были найдены овальные и тре-

щее время вытесненные металлическими.

угольные рубила; некоторые из них очень напоминают тот тип орудий, которому в археологии присвоено название «транше» [397, 421—424; 356, 425—434].

Таким образом, к востоку от Новой Гвинеи существовала в прошлом традиция бифасов, родственная одной из древних технологических традиций Австралии. Обе они по своему происхождению восходят к еще более древней, палеолитической традиции Азии.

Перейдем к Индонезии. Естественно, что и там, на древнем пути протоавстралоидов, двигавшихся из Юго-Восточной Азии в Австралию, находят археологические культуры, которые можно считать предтечами древнейших культур Австралии. Такова, прежде всего, патжитанская культура Явы. Для нее характерны и массивные клектонские отщепы, составляющие основную часть ее каменного инвентаря, и отщепы и пластины типа леваллуа, и настоящие двусторонне обработанные рубила, сходные с европейскими шелльскими рубилами, и проторубила, и грубые рубящие орудия — чопперы и чоппинги, и нуклеусы [426, 52—60; 427, 28—53; 574, 355—364]. Орудия всех этих типов в той или иной пропорции представлены, как мы уже знаем, во многих древнейших культурах Австралии.

Патжитанскую культуру датируют концом среднего и началом позднего плейстоцена. «Такая датировка основана на том, что некоторые группы патжитанских каменных орудий залегают в довольно определенных геологических условиях, в отложениях древних речных террас» [7, 29]. Однако значительная часть типичных патжитанских орудий найдена на поверхности, и некоторые из них, вероятно, относятся к более позднему времени [347, 75]. Если это действительно так, то здесь наблюдается то же, что и в некоторых других частях Юго-Восточной Азии, Океании и Австралии, где древние индустриальные традиции, восходящие еще к древнему палеолиту, сохранялись на протяжении многих тысячелетий. Вот почему патжитанскую культуру можно рассматривать в качестве одного из наиболее вероятных источников древнейших археологических культур Австралии.

Местонахождения патжитанских орудий обнаружены также на Суматре, Калимантане и Бали [685].

Другая палеолитическая культура Явы, сангиранская, обычно связываемая с костными остатками явантропов (людей из Нгандонга), очень своеобразна и занимает особое место среди большинства других палеолитических культур Юго-Восточной Азии. В сангиранских комплексах отсугствуют ручные рубила и грубые рубящие орудия. Для них характерны удлиненные пластины, скребла, острия и сверла. Сближают ее с патжитанской и многими другими палеолити-

ческими культурами Юго-Восточной Азии лишь грубые клектонские отщепы [7, 30—31].

Палеолитическая индустрия плейстоценового возраста, напоминающая сангиранскую и состоящая главным образом из отщепов неправильных очертаний, обнаружена и на о-ве Сулавеси. Часть этих орудий находилась в совместном залегании с остатками плейстоценовой фауны [366, 77—81].

Каменные орудия среднепалеолитического (мустьеро-леваллуазского) облика — отщепы, пластины, остроконечники, скребла и нуклеусы из кремня и яшмы — были найдены в 1953 г. на о-ве Тимор, недалеко от северных берегов Австралии [547, 487—488]. Это свидетельствует об очень раннем заселении о-ва Тимор людьми и, может быть, указывает на один из путей проникновения в Австралию среднепалеолитических (леваллуазских) традиций, обнаруженных в Южной Австралии раскопками в пещере Куналда и в террасах кейлорской речной системы.

Тот факт, что изготовление орудий из односторонне обработанных галек восходит к очень древним, палеолитическим традициям Юго-Восточной Азии, включая Индонезию, подтверждается, в частности, находкой (в 1939 г.) в юго-восточной части Калимантана нескольких чопперов из галек, залегавших в отложениях террас плейстоценового возраста. Такие же орудия были найдены в разных местах Южной Суматры. Возможно, они относятся еще к древнему палеолиту

[365, 35].

Мезолитические (хоабиньские) местонахождения известны не только в Индокитае и Малакке, о чем будет сказано ниже, но и в Индонезии, прежде всего на Суматре, где они сосредоточены главным образом на побережьях (откуда происходят и фрагменты австралоидных черепов). На 90% они состоят из суматралитов. Возможно, Суматра была центром распространения этого типа орудий [445, 318—325].

В 1956 г. Д. и Э. Тагби нашли на севере Суматры орудие, не имевшее аналогий в культуре современного населения острова и, вероятно, древнее. Оно оказалось очень сходным с полифункциональными орудиями, применявшимися еще недавно австралийскими аборигенами в качестве зернотерок, отбойников и наковален для изготовления других орудий, для разбивания орехов и т. п. Эти орудия были широко распространены во внутренних областях Австралии [759, 166—170].

Уже говорилось о том, что орудия типа «лошадиное копыто», связываемые в Австралии с культурой Карта, были распространены в эпоху палеолита в Индонезии и в других странах Юго-Восточной Азии. И орудия этого типа, и галькимонофасы (в древнем и позднем палеолите — чопперы, в мезолите — различные односторонне обработанные орудия хоа-

биньских типов) составляют древнейшую особенность археологических культур области, охватывавшей в палеолите и мезолите значительную часть Юго-Восточной Азии и Ав-

стралии.

Особенно большое значение для нас имеют раскопки в Большой Ниаской пещере на севере Калимантана. Здесь была сделана одна из основных палеоантропологических находок на территории Юго-Восточной Азии— находка черепа неоантропа-протоавстралоида. Ее возраст— 39 600 ± 1000 лет. Приблизительно тем же временем (от 40 тыс. до 30 тыс. лет назад) датируются найденные в той же пещере отщепы соанского типа, грубые, односторонне обработанные орудия из галек (чопперы) и большие клектонские отщепы, а также орудия из кости, заостренные на одном конце. Чопперы из галек наряду с отщепами соанского типа очень напоминают орудия соанской индустрии Северо-Западной Индии. В то же время вместе с клектонскими отщепами они типологически близки к некоторым древнейшим орудиям Австралии, заселение которой началось около 30 тыс. лет назад.

Отщепы соанского типа залегают в тех же горизонтах, к которым относится находка ниаского черепа. Чопперы и большие клектонские отщепы находятся выше и примерно совпадают по времени с предполагаемым началом заселения

Австралии.

В еще более поздних горизонтах той же пещеры, возраст которых по радиокарбону от 30 тыс. до 25 тыс. лет, оказались менее крупные орудия на отщепах, свидетельствующие об усовершенствовании техники обработки камня. Еще выше, в слоях, относимых к 10 тыс. лет назад, встречаются еще более совершенные орудия на отщепах. Наконец, в мезолитических слоях (примерно 7 тыс. лет назад) появляются отшлифованные по рабочему краю орудия из галек.

Радиоуглеродные даты для нижней границы палеолитической индустрии Большой Ниаской пещеры — $39\,600\pm1000$ лет, $37\,500\pm1600$ лет и $32\,630\pm700$ лет, для верхней границы — $19\,570\pm190$ лет [$357,\,161-166;\,358,\,792;\,359,\,1-8;\,360;\,361,\,521-530;\,362,\,20;\,363,\,335-362;\,687,\,83-90;\,688,\,23-30$].

Развитие и преемственность антропологического австралонегроидного типа на пространствах Юго-Восточной Азии от позднего палеолита до неолита находит аналогию в преемственности культурных традиций на той же территории на протяжении всего этого времени. Это хорошо иллюстрируется раскопками в Ниа. Культурные горизонты, обнаженные здесь, показали непрерывное, продолжавшееся тысячелетия развитие культуры от позднего, может быть даже среднего, палеолита до неолита включительно. Они показали, в частности, что неоантропы, обитавшие на периферии Юго-Восточной Азии 30—40 тыс. лет назад, продолжали пользоваться

чопперами и клектонскими отщепами, как ими пользовались позднее и австралийцы. Можно согласиться с П. И. Борисковским, полагающим, что Большая Ниаская пещера «явится опорным памятником для понимания первобытной истории всей Юго-Восточной Азии» [7, 32].

Палеолит п-ова Малакка представлен тампанской культурой, основным памятником которой является открытое местонахождение Кота Тампан в долине р. Перак. Геологический возраст этой культуры недостаточно ясен. Преобладают массивные клектонские отщепы, грубые рубящие орудия, обитые с обеих поверхностей (чоппинги), и орудия, обитые с одной поверхности (чопперы). Найдено несколько проторубил и ручных рубил [573, 111—113; 574, 403—404; 760; 761; 762; 671, 91—102; 772, 103—139]. Характерная особенность этой культуры — большое количество монофасов, что лишний раз указывает на древние корни этой техники, позднейшим отголоском которой являются раннеавстралийские культуры. Таким образом, тампанская и патжитанская культуры типологически близки между собой. Следовательно, и тампанская культура наряду с рассмотренными выше палеолитическими индустриями Индонезии является одним из вероятных источников древнейших археологических культур Австралии.

К более позднему времени относятся обнаруженные на п-ове Малакка многочисленные местонахождения с орудиями, характерными для хоабиньских комплексов [437, 77]. Так называемая «пещерная культура» Малакки по типу близка к мезолитическим хоабиньским культурам (нижние горизонты) и ранненеолитическим бажшонским культурам Индокитая (верхние горизонты). Для наиболее древних горизонтов характерны монофасы-суматралиты [760]. Из местонахождений хоабиньской индустрии, широко распространенной в Малакке, происходят австралоидная челюсть, найденная в Гуак Кепах (о ней говорилось в обзоре палеоантропологических материалов), и другие аналогичные находки [270, 119—129;

365, 67—75].

Таиландско-датская археологическая экспедиция, работавшая в начале 60-х годов на западе Таиланда, обнаружила здесь типичные для других палеолитических местонахождений Южной и Юго-Восточной Азии (например, для соанской, патжитанской и тампанской культур) грубые рубящие орудия, обитые с обеих и с одной поверхности, а также единичные ручные рубила и отщепы [595, 21—27; 691, 28—45]. Ранее в этих же районах Таиланда (в Бан-Као и других местах) были сделаны находки суматралитов и других орудий из галек, напоминавших типичные мезолитические хоабиньские орудия Вьетнама. Орудия, найденные в одной из пещер близ Ван-По, принадлежат к одному из древнейших горизонтов мезолитических культур, для которого характерны главным

11 в. Р. Кабо

образом орудия из галек, трубо обитые с одной поверхности. Таиландские местонахождения являются ярким свидетельством древней традиции— изготовления монофасов и бифасов из галек,— продолжавшейся от древнего палеолита до мезолита [364, 24—32; 367, 99—108; 369; 646, 171—202; 668, 224—225; 689, 8—16].

Выше уже упоминалось об открытии вьетнамскими археологами при участии П. И. Борисковского первого единственного во Вьетнаме древнепалеолитического местонахождения на горе До. Подавляющую часть найденных здесь орудий составляют грубые массивные клектонские отщепы, характерные для патжитанской культуры Явы, для самых ранних горизонтов Большой Ниаской пещеры, для тампанской культуры п-ова Малакка и раннеаньятских местонахождений Бирмы (о которых я скажу дальше). Они встречаются и в древнейших местонахождениях Австралии. Примитивному характеру отщепов с горы До соответствуют и найденные там нуклеусы. Кроме того, здесь найдены типичные шелльские ручные рубила, грубые рубящие орудия, обработанные с обеих поверхностей, чопперы и, наконец, прямоугольные топоровидные орудия, встречавшиеся также в древнем палеолите Индии. Все орудия собраны на поверхности, что относится и ко многим другим палеолитическим местонахождениям Юго-Восточной Азии и Индии, ко многим древнейшим местонахождениям Австралии [7, 51-57].

Палеолитические традиции Юго-Восточной Азии продолжает и развивает мезолитическая хоабиньская культура, открытая впервые в Северном Вьетнаме, в провинции Хоабинь, но широко распространенная в мезолите и в других провинциях Вьетнама, на территориях других стран материковой Юго-Восточной Азии и в Индонезии, а также на юге Китая, в Японии, на Филиппинах, на Советском Дальнем

Востоке [216].

Столь широкое распространение хоабиньских индустрий на пространствах Юго-Восточной Азии, не говоря уже о других странах, показывает, что, может быть, правильнее в этом случае говорить не о единой хоабиньской культуре, а о собственно хоабиньской культуре Вьетнама и соседнего Лаоса (откуда происходит череп из Там-понга, характеризуемый сочетанием австралоидных и монголоидных особенностей) и о типологически близких к ней культурах Таиланда, п-ова Малакка, Индонезии и других стран Азии. Орудия, свойственные этим культурам, встречаются, как отмечалось выше, и в древнейших культурах Австралии.

П. И. Борисковский выделяет в составе хоабиньских каменных орудий следующие основные типы: 1) топоры типа Суматра (суматралиты), овальные или округлые уплощенные гальки, обработанные с одной поверхности ударами, идущими от краев к центру; 2) топоры типа Суматра, частично обитые с обеих поверхностей,— форма, переходная от монофаса к бифасу; 3) овальные и овальнозаостренные рубящие орудия, обитые с обеих поверхностей; 4) удлиненные, напоминающие кирку, топоры; 5) «короткие топоры»; 6) округлые или овальные дисковидные скребла с опоясывающим их лезвием; 7) скребла овальных или неправильных очертаний с выпуклым лезвием с одной стороны; этот и предыдущий типы напоминают позднепалеолитические скребла Сибири; 8) бакшонские топоры, уплощенные гальки овальных или приближающихся к прямоугольным очертаний, с подшлифованным с обеих поверхностей лезвием; эти орудия характерны главным образом для более поздней, ранненеолитической бакшонской культуры [7, 85—90].

Согласно М. Колани, развитие хоабиньской культуры прошло три основных этапа, или периода,— древнейший, промежуточный и поздний, соответственно названные хоабинь I, хоабинь II и хоабинь III. Термины эти были приняты делегатами Первого конгресса доисториков Дальнего Востока, состоявшегося в Ханое в 1932 г. Последний период (хоабинь III) является, по существу, ранненеолитической бакшонской культурой. Остальные два периода — мезолитические. Орудия периода хоабинь II отличаются от орудий периода хоабинь I меньшими размерами, более тщательной обивкой; наряду с орудиями, обработанными с одной поверхности, все чаще встречаются орудия с двусторонней обработкой (бифасы). В свою очередь и монофасы традиционных типов по технике обработки становятся все более совершенными.

Древность хоабиньской и родственных ей культур — примерно 10—8 тыс. лет [7, 100]. Таким образом, хоабиньская культура имеет тот же возраст, что и некоторые австралийские культуры раннего периода; однако для хоабиньской культуры нет радиоуглеродных дат. От 10 тыс. до 8 тыс. лет назад еще сохранялись условия, делавшие Австралию сравнительно более доступной для культурных влияний, идущих из Юго-Восточной Азии, чем впоследствии, когда в связи с окончанием последнего ледникового периода Австралия была почти полностью отрезана от остального мира. Однако первоначальное заселение Австралии относится, как мы уже знаем, к предшествующему периоду. Поэтому можно предположить, что наиболее архаичные элементы хоабиньской культуры, обнаруживаемые в Австралии, были принесены последними группами палеоавстралийцев и относятся еще ко времени сложения этой культуры на заключительной стадии позднего палеолита. Вероятно, расцвету хоабиньской культуры предшествовал более или менее длительный формирования. Но особенно широко распространены в Австралии (найдены и в Тасмании) те типы хоабиньских орудий, которые характерны для ее древнейшего периода. Приемы изготовления орудий этого и позднейших периодов проникли в Австралию уже не с группами палеоавстралийцев, как прежде, а в результате культурных связей с Юго-Восточной Азией в самом конце плейстоцена, примерно от 10 тыс. до 8 тыс. лет назад. Размерами, формой и способами изготовления эти орудия соответствуют хоабиньским.

Мезолитическая хоабиньская индустрия сложилась, разумеется, не сразу. Об этом, возможно, свидетельствуют орудия из стоянок, расположенных в районах Чунг-дой и Иен-лыонг (провинция Нинь-бинь, Северный Вьетнам). Это — гальки или ядрища, как правило, грубо обитые с одной поверхности и зачастую достигающие 17 см длины. Многие из них напоминают австралийские орудия типа карта или арапиа. Такие же орудия найдены и в провинции Хоа-бинь. Вероятно, в обоих случаях речь должна идти не о позднем палеолите, а о фазе хоабинь I (ранний мезолит). Позднепалеолитические памятники на территории Вьетнама пока неизвестны. Дальнейшие археологические исследования во Вьетнаме, возможно, приведут к открытию бесспорных позднепалеолитических культур и позволят проследить истоки хоабиньской и родственных ей культур и наряду с этим прольют новый свет и на формирование австралийских культур раннего периода.

Орудия, относящиеся к древнейшему периоду хоабиньской культуры, грубо обработанные и типологически близкие к палеолитическим орудиям Юго-Восточной Азии, найдены и на территории Японии. Среди них имеются, например, суматралиты сравнительно примитивной, еще недостаточно выработанной формы [481, 1—4]. Древнейшие мезолитические культуры Центральной Японии имеют, по-видимому, южное происхождение. Во всяком случае связи между хоабиньской и бакшонской культурами, с одной стороны, и японскими культурами Тадо и Мито — с другой, не вызывают сомнений

[20, 96].

Археологические исследования последних лет ознаменовались открытием в Японии и бесспорных палеолитических культур, ранее здесь неизвестных. В палеолитических местонахождениях на о-вах Кюсю и Хонсю найдены проторубила, грубые рубящие орудия, а также различные орудия на отщепах. Культуры эти имеют большое сходство с патжитанской культурой [666, 1—6].

Суматралиты примитивной, недостаточно выработанной формы найдены и на о-ве Лусон (Филиппины) [154]. Возможно, что орудия этого типа восходят еще к концу плейстоцена, когда Япония и Филиппины, подобно Австралии, были связаны с материковой Азией мостом суши. Филиппины были одним из этапов распространения мезолитических культур хоа-

биньского типа в Японию. Их носителями были, вероятно, предки айнов. Кроме суматралитов и чопперов из галек, на Филиппинских островах найдены и ручные рубила, возмож-

но еще более древние [281, 47].

Палеолит Бирмы представлен ранней аньятской культурой. относящейся геологически к среднему плейстоцену, и поздней аньятской культурой, относящейся к позднему плейстоцену. Все местонахождения этих культур расположены на берегу р. Иравади и геологически хорошо датированы. Для них характерно использование ископаемого дерева. Кроме прямоугольных тесел, сделанных из этого материала и обитых с одной поверхности, в местонахождениях ранней аньятской культуры найдены также грубые рубящие орудия. обитые с обеих и с одной поверхности, массивные клектонские отщепы и нуклеусы. Ручные рубила отсутствуют, но найдено одно проторубило, напоминающее патжитанские орудия того же типа. Для поздней аньятской культуры характерны те же типы орудий, что и для ранней аньятской культуры, но они меньших размеров и тщательнее обработаны [572, 341—393; 573, 33—44; 574, 364—376; 715, 271—339; 7, 34—35].

Палеолитические местонахождения Бирмы как бы связывают палеолитические культуры других стран Юго-Восточной Азии, к которым они типологически близки, с палеоли-

том Пакистана и Северо-Западной Индии.

Палеолитические местонахождения Пакистана и Северо-Западной Индии сосредоточены на севере Панджаба, главным образом в долине р. Соан (один из притоков Инда), и благодаря залеганию орудий в отложениях речных террас геологически хорошо датированы [603]. По характеру каменного инвентаря они близки к ранней и поздней аньятским культурам Бирмы. Близки они до некоторой степени и к палеолитическим культурам Таиланда, к тампанской культуре Малакки, к патжитанской культуре Явы и к наиболее ранним культурным фазам Большой Ниаской пещеры. Поздние отголоски этих древних культур мы находим и в самых ранних археологических культурах Австралии, и даже в более поздних ее местонахождениях, например в раковинных кучах на восточном побережье, где в большом количестве найдены грубые чопперы из галек, и в других районах. Культура австралийцев сохранила некоторые древние культурные традиции их предков, обитавших на территории Южной и Юго-Восточной Азии.

Индустрия, относящаяся к концу среднего плейстоцена, в Пакистане и Северо-Западной Индии состоит из типичных ручных рубил аббевильско-ашельского типа и грубых рубящих орудий на гальках — чопперов и чоппингов, а также клектонских отщепов и нуклеусов. Чопперы, чоппинги и клектонские отщепы X. Мовиус вслед за X. де Терра и в со-

ответствии со своей концепцией параллельного развития соанской культуры чопперов и мадрасской культуры ручных рубил — культур, по его мнению, глубоко различных — искусственно отделяет от аббевильско-ашельского комплекса ручных рубил, аналогичных мадрасским [717; 573, 24—27; 574, 376—380]. Действительно, чопперы и чоппинги здесь преобладают и не всегда находятся в тех же стоянках, где найдены ручные рубила. Лишь в очень немногих стоянках (например, на стоянке Чаунтра) ручные рубила залегают совместно с орудиями соанского типа. Но и те и другие орудия обнаружены в одном и том же археологическом районе и, что еще важнее, в одних и тех же горизонтах.

По мнению Мовиуса, археологический комплекс, содержащий ручные рубила, проник в Северо-Западную Индию из области классических древнепалеолитических рубил, простирающейся от Западной Европы и Южной Африки до Юж-

ной Индии [573, 104].

Однако залегание чопперов и ручных рубил в одних и тех же террасах, а иногда и в одних и тех же комплексах заставляет рассматривать их как единую культуру, подобно тому как и современная ей патжитанская культура Явы содержит

все перечисленные выше категории орудий.

Обе культуры не составляют в этом отношении какоголибо исключения. Тот же характер имеет древнепалеолитическая индустрия горы До (Вьетнам). Те же черты свойственны и палеолиту Западного Таиланда. Становится все очевиднее, что никакой принципиальной разницы между странами Южной и Юго-Восточной Азии, с одной стороны, и странами, лежащими к западу от этой культурной области, — с другой, в палеолите не существовало. Эти культурные традиции сохранялись здесь на протяжении всего палеолита, обогащаясь новыми культурными приобретениями, все более совершенствуясь в техническом отношении. Вот почему нет ничего удивительного в том, что и в древнейших археологических культурах Австралии, заселенной из Юго-Восточной Азии в конце позднего палеолита, мы находим то же сочетание древних, палеолитических традиций монофасов и бифасов (чопперов, ручных рубил и т. д.) с более поздними традициями, свойственными мезолиту Юго-Восточной Азии.

К позднему плейстоцену Северного Панджаба относится позднесоанская культура. Здесь традиция изготовления чопперов и чоппингов из галек продолжала сохраняться, выделывались и рубила. Совершенствование каменного инвентаря шло здесь, как и в позднеаньятской культуре Бирмы, главным образом по линии уменьшения размеров орудий и все более тщательной их обработки. Та же тенденция прослеживается и в Большой Ниаской пещере. Следовательно, соотношение между раннесоанской и позднесоанской культурами

такое же, как и между раннеаньятской и позднеаньятской

культурами.

Раннесоанская и позднесоанская культуры Панджаба не только типологически близки к раннеаньятской и познеаньятской культурам Бирмы, но и хронологически одновременны с ними. Разница между ними состоит в том, что в аньятских культурах не найдены ручные рубила, а в соанских отсутствуют прямоугольные тесла. В позднесоанской культуре, кроме того, появляются леваллуазские отщепы.

В основном те же типы орудий характеризуют и палеолитические местонахождения Северо-Восточной Индии, археологические комплексы которой содержат чопперы и чоппинги на гальках, ручные рубила и клектонские отщепы, т. е. те же орудия, что распространены и на северо-западе. Однако при движении к востоку соотношение этих орудий становится иным: удельный вес рубил увеличивается, а орудий соанского типа соответственно уменьшается. Аналогичные комплексы орудий найдены и в Южной Индии. Причем ручные рубила здесь типологически такие же, как и на севере. Как показывают новейшие исследования индийских археологов, ручные рубила, чопперы и чоппинги нередко входят в одни и те же археологические комплексы как Северной, так и Южной Индии. Разница между отдельными археологическими районами и комплексами состоит лишь в соотношении тех или иных типов: к югу, как и к востоку, удельный вес соанской индустрии уменьшается [125, 210—234; 234, 17—32; 235, 183—188; 306; 433, 58—92; 573, 27—29; 574, 381—386; 6441.

Ранняя и поздняя соанская индустрия наряду с индустрией мадрасских ручных рубил была обнаружена также в Центральной и Западной Индии, в долинах рек Нарбада и Годавари. В долине Нарбады индустрия на гальках соанского типа, относящаяся к среднему плейстоцену, местами залегает ниже горизонта, характеризуемого в основном индустрией шелльско-ашельского типа, однако содержит и очень грубые шелльские рубила. В других местонахождениях той же долины индустрия типичных ручных рубил и других орудий ашельского типа залегает совместно с раннесоанскими чопперами и чоппингами [33, 198; 403, 150—163; 415, 519—530; 416, 186—197; 641]. Имеются, однако, и такие данные, которые позволяют проследить постепенную эволюцию каменных орудий от чопперов и чоппингов на гальках к типичным ручным рубилам ашельского типа [417, 96—121].

Следовательно, индустрия соанского типа широко, хотя и неравномерно, распространена и на п-ове Индостан. Исследования индийских археологов свидетельствуют об отсутствии четкой границы между соанской индустрией чопперов и мадрасской индустрией ручных рубил и ставят под сомнение выводы Мовиуса, его предшественников и последователей

о существовании в Индии двух палеолитических провинций. Орудия мадрасского типа открыты на севере, а орудия соанского типа — на юге Индии. Современная археологическая карта Индии показывает распространение орудий соанского типа от Панджаба до Мадраса [643, 35]. Многие палеолитические местонахождения Индии содержат и ручные рубила. и чопперы из галек, хотя соотношение тех и других в разных местонахождениях различно, и в целом удельный вес орудий соанской индустрии к югу уменьшается [65, 51—59]. Схема, делящая Индию вместе с Пакистаном на две четко очерченные палеолитические провинции, - мадрасских ручных рубил и соанских чопперов из галек, - несмотря на открытие на севере Индии стоянок, в которых ручные рубила отсутствуют, не отвечает современному уровню знаний. Сочетание чопперов и ручных рубил свойственно, как мы уже знаем, и многим палеолитическим культурам Юго-Восточной Азии. Оно в целом свойственно и австралийским культурам раннего периода.

50-е годы XX в. ознаменовались открытием в Индии, сначала в долине р. Годавари, а затем и во многих других местах, палеолитической индустрии совершенно нового типа, отличающейся от древнепалеолитических индустрий ручных рубил и чопперов и состоящей главным образом из скребел, острий, выемчатых скребков, комбинированных с острием, сверл и других орудий на отщепах, нередко тщательно ретушированных по краю; резцы встречаются очень редко. Отжимная техника также редка. Большинство отщепов отбивалось от неподготовленной платформы. Культура эта получила название невазийской. Стратиграфически она моложе древнепалеолитических индустрий Индии, но старше мезолитических культур, содержащих микролиты. Древность невазийской культуры определяется примерно в 25 тыс. лет. Ее относят к среднему палеолиту [642; 643, 39—44; 645, 365—375].

Невазийская индустрия во многих отношениях напоминает индустрию пещеры Кенниф в Квиисленде (культура Маунт-Моффат), а в известной мере и тасманийскую. Принимая во внимание генетические связи австралийцев с народами Южной Азии, мы можем и в невазийской индустрии усматривать один из возможных источников древнейших австралийских археологических культур. Невазийская индустрия очень своеобразна и во многом отличается от средне- и позднепалеолитических индустрий Европы и других частей света. Но она своеобразна в той же мере, в какой своеобразны и древнейшие австралийские культуры, например Маунт-Моф-

фат и Каперти.

Большой интерес представляют и археологические открытия на Цейлоне, где до сих пор живут антропологически близкие к австралийцам ведды, древнейшие обитатели этого острова. Ф. Саразин нашел на Цейлоне культуру, сходную с хо-

абиньской, которую он отнес к позднему палеолиту. Грубо обитые каменные орудия, в том числе односторонне обработанные гальки, давно уже были известны на этом острове [664, табл. 8]. За некоторыми исключениями характер этих орудий палеолитический, однако геологический возраст их не установлен. Новейшие археологические исследования привели к открытию на Цейлоне так называемой ратнапурской индустрии, по-видимому, плейстоценового возраста. По своему характеру она очень близка к раннесоанской культуре Индии. Наряду с чопперами и чоппингами здесь найдены в небольшом количестве ручные рубила аббевильско-ашельского типа, а также орудия, изготовленные леваллуазской техникой. Все это показывает, что Цейлон был населен еще в палеолите [257, 189—192].

Выше, в связи с хоабиньской культурой, упоминалось о скреблах, напоминающих позднепалеолитические Сибири. Для позднего палеолита Сибири и Монголии характерны также чопперы из целых или расколотых пополам галек — еще один, притом очень характерный, элемент палеолитических культур Юго-Восточной и Восточной Азии. Так же как в Юго-Восточной Азии, в Сибири вплоть до неолита «не произошло столь крутого перелома в технике изготовления каменных орудий труда и образе жизни древнего человека, каким отмечено мезолитическое время в Средиземноморье и на юге Азии» [71, 217]. Возможно, что позднепалеолитическое и мезолитическое население Сибири и Дальнего Востока, как и население Юго-Восточной Азии, продолжало на более высоком техническом уровне древние традиции, идущие еще из древнего палеолита. Об этом свидетельствуют открытия в Горноалтайске и в Приморье, в долине р. Зеи и на Среднем Амуре. Здесь найдена и индустрия чопперов из галек индустрия соанского типа, здесь широко представлены и крупные монофасы из галек, напоминающие орудия хоабиньской культуры [74, 37—93; 70; 72, 32—41].

В основе мезолитических хоабиньских традиций Северной Азии находятся, как и на юго-востоке Азии, какие-то еще более древние, палеолитические традиции. Они отчетливо прослеживаются и в позднем палеолите Монголии. Куда же

они ведут?

Страны Южной Азии, лежащие к югу от Гималаев, были на протяжении всего палеолита одним из центров человеческой культуры, импульсы из которого шли в разных направлениях: на север, в Центральную и Северную Азию, на юговосток — в Юго-Восточную Азию и далее в Австралию. Вот почему исследователи древнейшего прошлого Центральной и Северной Азии, с одной стороны, Юго-Восточной Азии и Австралии — с другой, одинаково ощущают воздействие этого древнейшего очага человеческой культуры. С культурно-исто-

рическим миром Южной и Юго-Восточной Азии связаны и

древнейшие культуры Австралии.

Итак, истоки древнейших археологических культур Австралии — культур, относящихся к раннему периоду ее истории, — лежат в древнем и позднем палеолите, а затем и мезолите Южной и Юго-Восточной Азии. Палеоавстралийцы, генетически связанные с палеолитическим населением Южной и Юго-Восточной Азии, принесли в Австралию культурные традиции, воспринятые ими от их далеких предков, населявших Азию в палеолите. Древнепалеолитические традиции, видимо, сохранялись ими и в то время, когда они еще обитали на материке Сунда, и позднее, когда они приступили к освоению и заселению Австралии, хотя это происходило уже в позднем палеолите.

Об этом свидетельствует культура Гамбир с характерными для нее ручными рубилами шелльского типа, находки в арундельской террасе кейлорской речной системы и в пещере Куналда с проторубилами патжитанского облика, стоянки той же кейлорской системы с ашельскими рубилами мадрасского типа. Об этом говорят местонахождения (характеризуемые клектонскими отщепами, рубящими орудиями и грубыми клиновидными и асимметричными чопперами соанского и патжитанского типов) культур Карта и Каперти, каменная индустрия Тасмании, памятники кейлорской речной системы и пещеры Куналда. Индустрия этих местонахождений восходит к палеолитическим индустриям Юго-Восточной и Южной Азии, от Явы до Соана.

Но в то время как заселение Австралии относится еще к позднему палеолиту, непосредственные культурные контакты ее с Юго-Восточной Азией могли продолжаться вплоть до конца плейстоцена и начала следующей геологической эпохи. А это было время расцвета хоабиньской и родственных ей мезолитических культур. И тогда как последние группы палеоавстралийцев могли принести с собой традиции, свойственные формирующемуся архаическому хоабиню, позднейшим культурным связям с Юго-Восточной Азией Австралия обязана уже сложившимся и сравнительно более развитым, типично мезолитическим хоабиньским традициям. Местонахождения, свидетельствующие о воздействии хоабиньских культурных традиций, расположены преимущественно в Восточной, Юго-Восточной и Южной Австралии. Таковы, прежде всего, стоянки культуры Карта, найденные на о-ве Кенгуру, в Южной Австралии, на северном побережье Нового Южного Уэльса, на склонах Большого Водораздельного хребта, в Восточном Квинсленде, в Тасмании и в других местах. Орудия типа Суматра встречаются здесь наряду с орудиями типа «лошадиное копыто» и типа арапиа. Орудия этих типов свойственны и хоабиню I, причем суматралиты особенно характерны для этого периода. Для изготовления орудий носители культуры Карта предпочитали речные гальки, котя в их распоряжении были и другие материалы, — черта, характерная и для хоабиньской культуры, и для более древних, палеолитических культур Азии, особенно соанской. Состав культуры Карта, таким образом, довольно сложен, она продолжает традиции не только мезолитической, но и предшествующих эпох.

Наряду с хоабиньскими орудиями, свойственными главным образом периоду хоабинь I, она характеризуется и грубо обработанными чопперами соанско-ниаского типа, отличающимися от орудий хоабиньского типа сравнительно большей примитивностью и восходящими еще к древнепалеолити-

ческим традициям Южной и Юго-Восточной Азии.

В некоторых местах Юго-Восточной Австралии встречается более разнообразный комплекс орудий хоабиньского типа, но на о-ве Кенгуру, как и в Тасмании, представлен только вариант хоабинь І. Наличие здесь орудий только древнейшего периода хоабиньской культуры заставляет думать, что элементы, свойственные ее позднейшим периодам, распространялись по территории Австралии с запозданием и не успели проникнуть в Тасманию и на о-в Кенгуру до их отделения от материка. Но и эти элементы распространились преимущественно лишь в Восточной Австралии. Находки галечных орудий хоабиньского типа на Новой Гвинее в датированных с помощью радиоуглеродного метода горизонтах показывают один из путей проникновения хоабиньских традиций в Австралию и время, когда это происходило, — 10 тыс. лет назад и позднее.

В связи с этим следует отметить находки хоабиньской индустрии в других районах расположенного к северу от Австралии островного мира — на Суматре, Калимантане, Яве, Сулавеси и, наконец, на одном из ближайших к Австралии островов Индонезии, на о-ве Тимор. Путь через Яву и Тимор — это другой возможный путь распространения хоабиньской культуры в сторону Австралии. Однако достигла ли она Австралии и этим путем, сказать сейчас, до будущих археологических исследований в Северо-Западной и Северной Австралии, трудно, так как следы хоабиньских традиций сосредоточены главным образом в Восточной Австралии.

В 1938 г. известный американский исследователь истории материальной культуры австралийцев Д. С. Дэвидсон писал. что «вплоть до второй половины XVIII в. мы не обнаруживаем какого-либо заметного влияния на культуру австралийских аборигенов со стороны Индонезии» [249, 78]. Вывод этот ошибочен. Он не верен не только по отношению к аборигенам всей Австралии, но и по отношению к населению лишь северо-западной ее части. Однако здесь, на Северо-Западе, древ-

нее влияние Индонезии наиболее отчетливо ощущается пока лишь в сохранении вплоть до настоящего времени такой особенности в изготовлении каменных орудий, как пильчатая ретушь. Только археологические исследования, начатые в северо-западной части Австралии, помогут осветить проблему более полно. Но зато на востоке Австралии это влияние ощущается очень сильно с самой глубокой древности.

На это можно возразить, что такие изделия, как чопперы или чоппинги, — едва приспособленные к использованию в качестве орудий труда гальки или ядрища, обитые лишь вдоль рабочего края, — являются настолько примитивными, элементарными орудиями, что выводить их из какой-либо иной культурной области нет никакой необходимости: они могли появиться и в Австралии, и в других частях света совершенно независимо, конвергентно. И по отношению к таким элементарным типам орудий этот вывод можно было бы признать обоснованным.

Но ведь ни одна древнейшая культура Австралии не состоит только из подобных орудий. Каждая из них является целым археологическим комплексом, в котором наряду с элементарными типами орудий представлены и более совершенные, специфические типы, характерные для определенных культурных областей Азии. В культуре Карта это, например, суматралиты, орудия типа «лошадиное копыто», карта и арапиа и другие, характерные и для хоабиньских, и для более ранних культур. На фоне антропологических данных, свидетельствующих о заселении Австралии из Юго-Восточной Азии и о том, что предки австралийцев были генетически связаны и с древним населением Южной Азии, — данные эти уже были рассмотрены нами - едва ли можно отрицать многочисленные указания на глубокие связи с азиатским культурным миром, которые мы находим в австралийских археологических культурах раннего периода. Сложность проблемы состоит в том, что здесь сочетаются элементы, характерные для палеолитических и мезолитических культур Юго-Восточной и Южной Азии, — в древнейших австралийских культурах таких элементов подавляющее большинство — с элементами, получившими в Австралии дальнейшее развитие на первоначальной основе, принесенной сюда в уже сложившемся виде. Одним из конкретных примеров такого развития, прослеживаемого в австралийских культурах раннего периода, может служить пильчатая ретушь, которая в культуре Маунт-Моффат еще очень неразвита, а в культуре Каперти становится уже более совершенной. Другим примером является, возможно, развитие техники резцового скола, о чем свидетельствуют раскопки в пещере Куналда. В других культурах раннего периода эта техника пока не зафиксирована. Однако такие элементы наряду с явлениями, возникшими в Австралии заново

и независимо от внешних влияний, гораздо отчетливее прослеживаются в культурах среднего и позднего периодов.

Австралийские археолотические культуры раннего периода в своей совокупности являются региональным вариантом огромной культурной области, охватывавшей в палеолите всю Юго-Восточную и Южную Азию. Воздействие этой области распространилось далеко за ее пределы, не только в Австралию, но и в Центральную и Северную Азию, а возможно, и на территорию Нового Света, о чем свидетельствуют недавние археологические открытия в Северной, Центральной и Южной Америке.

Своеобразие культуры австралийцев уже в раннем периоде их истории объясняется сочетанием культурных традиций громадного диапазона — от древнего палеолита до мезолита, — повлиявших на нее в той или иной мере, прямо или опосредствованно, через культуры, века и расстояния, и обусловивших в конце концов своеобразное сочетание палеолитических и мезолитических черт в каждой локальной археологи-

ческой культуре.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПЕРИОДА

В то время как культуры раннего периода совпадают в основном с финальным, заключительным этапом вюрмского оледенения, культуры среднего периода относятся к эпохе, последовавшей непосредственно за последним ледниковым периодом, начавшейся 10—8 тыс. лет назад и включавшей время термического максимума (7-4 тыс. лет назад) и малый ледниковый период (3500-3000 лет назад). Это означает, что средний период доколониальной истории австралийских аборигенов приходится на время больших перемен в естественногеографической среде, несомненно оказавших воздействие на все развитие австралийцев — охотников и собирателей, образ жизни которых в значительной мере был обусловлен естественной средой. С этими событиями тесно связано и развитие австралийской культуры, выразившееся в тех заметных сдвигах, которые мы наблюдаем, изучая археологические памятники этого периода.

Культура Тартанга

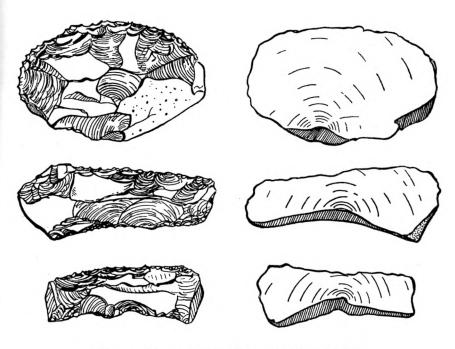
В 1929 г. Г. Хейл и Н. Тиндейл в ходе раскопок в низовьях Муррея — на одной из главных магистралей, по которым палеоавстралийцы двигались в Южную Австралию, — обнаружили на о-ве Тартанга (Tartanga) девять культурных слоев, от слоя A, самого нижнего, до слоя I, самого верхнего, гео-

логически хорошо фиксированных и содержавших орудия, погребения и остатки пищи, а также останки кенгуру с крупными зубами, не встречающимися уже у современных видов [352, 145—218].

Палеоантропологические материалы с о-ва Тартанга были рассмотрены в главе «Палеоантропология Австралии». Как уже отмечалось, по своему морфологическому развитию они располагаются между черепами из Тальгая, Кохуны и Моссгила, как наиболее примитивными, и черепом из Кейлора, как наиболее развитым из всех древнейших австралийских черепов. Остатки пищи состояли главным образом из раковин моллюсков, которые впоследствии были подвергнуты анализу на радиокарбон. Возраст раковин из слоя С составляет 6030±120 лет (по другим данным, 6020±150 лет) [744, 1—49]. Знаем мы и о том, что скелеты из слоев Д и Е предположительно датируются от 5700 до 4700 лет назад. По-видимому, тартангская стоянка была обитаема в течение нескольких тысячелетий.

К абсолютной дате, полученной для стоянки на о-ве Тартанга, очень близка дата, относящаяся к слою В стоянки у оз. Менинди (на западе Нового Южного Уэльса), содержавшему остатки гигантских, ныне вымерших сумчатых и много каменных орудий, — 6570 ± 100 лет назад [741, 269—298; 339, 127]. Однако, по мнению Тиндейла, наиболее ранней хронологической вехой для культуры Тартанга следует считать дату, полученную для стоянки Кейп-Мартин (Южная Австралия), характеризуемой, как считает Тиндейл, той же археологической культурой. Дата эта — 8800 ± 120 лет (по первоначальным данным — 8700 ± 120 лет) [743, 109—123; 339, 128].

Орудия, найденные в Тартанге, состоят из нескольких дисковидных нуклеусов (начиная со слоя В) и одного призматического нуклеуса с двумя противоположными площадками из слоя С, а также из удлиненных, килевидных, треугольных в сечении отщепов и пластин, ретушированных по краю, с плоским брюшком, иногда заостренных на конце, длиной от 3 до 8 см. Ф. Маккарти называет их баррен (burren) по названию местности в Новом Южном Уэльсе, где были найдены такие же орудия [535, 30]. Аналогичные орудия, укрепленные с помощью смолы на деревянном древке таким образом, чтобы из смолы торчал только острый конец, были еще в первой четверти нашего столетия обнаружены у аборигенов этнической группы вонкангуру (область оз. Эйр). Орудия типа баррен залегали в слоях С и Е и являются одним из наиболее специализированных орудий тартангского местонахождения. Кроме стоянок нижнего Муррея, орудия типа баррен были найдены на поверхности земли на п-ове Йорк, во многих других местах Южной Австралии и на западе Нового Южного Уэльса. Они встречаются также в Тасмании.

Долота тула в различной степени изношенности

Выше, в слоях G и H, найдено несколько специализированных орудий типа тула (tula) и острие пирри (pirri). Тула — это полудисковидное или удлиненно-овальное орудие на отщеле, ретушированное со спинки по краю, противоположному основанию, с выгнутым или плоским брюшком и широкой отбивной площадкой. Максимальная длина тула — около 10 см. Такие орудия бытовали у вонкангуру, диери и других этнических групп в районе оз. Эйр также еще в начале нашего столетия. Из языка аборигенов этой области было заимствовано и само слово «тула» — название этих орудий, — прочно вошедшее в археологическую литературу для обозначения ископаемых орудий того же типа. Тула, подобно типа баррен, обычно тоже прикреплялись с помощью смолы к деревянным палицам, служившим рукоятями, или к копьеметалкам. Они были полифункциональными орудиями, но особенно часто применялись в качестве долот [381, 89-90, 101—104, 106—108]. Вплоть до недавнего времени долота тула оставались важнейшим деревообделочным инструментом многих этнических групп Южной и Западной Австралии. Существовали они также в Новом Южном Уэльсе и на Северной Территории. Орудия типа тула встречаются и в Тасмании.

В большом количестве долота тула обнаружены на поверхности земли в Северо-Западном Квинсленде [344, 27—40].

Отсюда орудия этого типа могли распространиться по системе рек, стекающих с западных отрогов Большого Водораздельного хребта на юг, вплоть до нижнего Муррея. В прибрежных восточных районах Нового Южного Уэльса и Квинсленда долота тула крайне редки. Область их распространения тяготеет к внутренним районам Австралии. Наряду с другими орудиями, тула, сделанные из тонкозернистого кварцита и других ценных пород камня, часто находят очень далеко от источников сырья. Это говорит о том, что Австралия издавна покрылась сетью путей межплеменного обмена, по которым распространялись и готовые изделия, и сырье для них. Но тула обнаружены не только на покинутых стоянках — их еще продолжают выделывать и применять в некоторых отдаленных, изолированных местах континента.

Об остриях лирри речь пойдет в следующей главе, посвященной культуре Пирри, для которой орудия эти особенно

характерны.

Среди юрудий тартангской стоянки имеются неспециализированные скребки, отбойники, зернотерки и несколько заостренных на конце костяных орудий, напоминающих острия типа мудук, о которых будет сказано ниже [507, 307—308; 581, 72—73].

В целом археологические материалы тартангского местонахождения имеют маловыразительный характер. Специализированные орудия типа баррен, тула и пирри немногочисленны. Особенно это относится к орудиям двух последних типов, которые появляются лишь в поздних слоях. Тем не менее это все же новая страница в истории культуры коренного населения Австралии. Ее открывают орудия типа баррен и тула, которые в древности, как и в позднейшее время, были, по-видимому, преимущественно деревообделочными инструментами. В сравнении с орудиями предыдущего периода такие орудия — совершенно новое явление в развитии австралийской культуры. Их небольшие размеры и другие особенности делают очень вероятным предположение, что они и в древности крепились к рукоятям, скорее всего, посредством смолы, универсального скрепляющего материала, употреблявшегося австралийскими аборигенами. Ведь орудиями таких размеров нелегко, а подчас и невозможно работать, удерживая их непосредственно в руке. А применение орудий на рукоятях делало труд более эффективным и производительным.

В упомянутой выше стоянке Кейп-Мартин, находящейся на берегу Индийского океана, на крайнем юго-востоке штата Южная Австралия, южнее г. Бичпорт, было найдено лишь несколько отщепов довольно неопределенного облика и одно нуклевидное орудие. Они залегали на поверхности слоя красноземов, предшествовавшего образованию десятифутовой террасы, а выше находилась шестиметровая песчаная дюна, на

которой располагалась стоянка носителей позднейшей археологической культуры Мурунди. По словам Тиндейла, орудия, относимые им к слою В стоянки у оз. Менинди, также напоминают орудия из Тартанги [741, 269—298; 743, 109—123]. Дж. Малвени отмечает, однако, что выводы Тиндейла не могут быть приняты без оговорок. По мнению Малвени, термин «тартангская культура» вообще должен быть изъят из научного употребления как недостаточно обоснованный [581, 74—

С этим все же трудно согласиться. Понятие «культура Тартанга», как и соответствующий термин, давно и не без оснований вошли в научную литературу. Причина этого состоит прежде всего, в том, что при всей ограниченности обнаруженного здесь археологического материала тартангское местонахождение было одним из первых, показавших возникновение нового, сравнительно с предыдущим более высокого этапа в развитии австралийской культуры. Наличие палеоантропологических материалов позволяет связать этот сдвиг с шагом вперед и в морфологическом развитии палеоавстралийцев, а стратиграфия и с большей определенностью радиоуглеродный анализ свидетельствуют о том, что все это произошло в эпоху, последовавшую за последним ледниковым периодом, в начале голоцена, приблизительно от 9 тыс. до 5 тыс. лет назад. Фиксируемый здесь культурный сдвиг ознаменован появлением такого характерного для ряда культур среднего периода орудия, как долото тула, сохранявшегося в быту аборигенов вплоть до самого педавнего времени, на протяжении 6 тыс. лет, а местами сохраняемого и теперь. Орудие это настолько характерно для культуры Тартанга и некоторых других культур среднего и позднего периодов, которые будут рассмотрены нами ниже, что Ф. Маккарти даже обозначает весь последовательный ряд региональных культур, распространенных во Внутренней Австралии, единым термином «культура Тула» в отличие от восточных и северных культур тех же периодов. Культуру Тартанга Маккарти рассматривает как первую, раннюю фазу этой единой цепи сменяющих друг друга культур. Культура Пирри рассматривается им как средняя, а культура Мурунди— как поздняя фаза [522, 148; 527, 481; 528, 234—236; 533, 3—6].

Орудия этих трех культур, или культурных фаз, распространены на обширном пространстве от Большого Водораздельного хребта до Западной Австралии и от Южной Австралии до Северной Территории, но в комплексе не встречаются ни в восточных, ни в северных приморских областях Австралии, хотя некоторые из них обнаружены и там, например острия пирри в Арихемленде. Развитие этих культур продолжалось тысячелетия, причем позднейшая культурная фаза — Мурунди — относится уже к позднему периоду доколониаль-

ной истории австралийцев, с чем согласен и Маккарти 528, 237; 533, 7—8]. Да и по характеру инвентаря культуры Тартанга, Пирри и Мурунди во многом отличаются друг от друга. Вот почему я не считаю возможным рассматривать все эти культуры как единое целое, как это делает Маккарти, и предпочитаю выделять регионально и хронологически ограниченные комплексы как отдельные культуры, конечно не обязательно связанные с различными группами населения, как это постулирует Тиндейл. Невозможно, впрочем, не признать, что, если ограничиться областью нижнего Муррея, культуры эти представляются этапами единой культурной традиции. Выражением этой преемственности является долото тула.

Тем большую осторожность следует соблюдать при отнесении тех или иных археологических комплексов к культуре Тартанга, например ранней фазы стоянки Нула, находящейся на востоке Нового Южного Уэльса, которой совершенно не свойственны юрудия, характерные для культуры Тартанга. Поэтому отнесение ее Тиндейлом к культуре Тартанга [746, 193—196] нельзя признать обоснованным. Ранняя фаза стоянки Нула, без сомнения, входит в группу местонахождений

культуры Каперти.

В самой культуре Тартанга Тиндейл попытался выделить три фазы — раннюю, среднюю и позднюю — на основании трех приведенных выше абсолютных дат из расположенных далеко одна от другой стоянок Тартанга, Кейп-Мартин и Менинди [744, 11], однако и этот опыт нельзя признать достаточно обоснованным. Еще менее удачна его попытка отождествить тартангские скелеты с тасманийской расой (о чем уже говорилось в гл. «Палеоантропология Австралии»). По теории Тиндейла, носители культуры Тартанга были второй волной негроидов; первой волной были носители культуры

Карта. Наконец, недостаточно обосновано им и отождествление культуры Тартанга с каменной индустрией Тасмании. Верно, что отдельные элементы культуры Тартанга, такие, как орудия типа тула и баррен, встречаются и в Тасмании имеют более архаический характер и, как отмечалось выше, в значительной мере тяготеют к австралийским археологическим культурам раннего периода. По-видимому, отдельные элементы культуры Тартанга успели распространиться из Юго-Восточной Австралии в Тасманию еще до того, как Тасмания отделилась от Австралийского континента, что произошло 7—8 тыс. лет назад. Но не эти элементы определяют лицо тасманийской каменной индустрии.

Интересен вопрос об отношении культуры Тартанга к культуре Карта, которая предшествовала ей на той же территории

Южной Австралии в конце плейстоцена. Для культуры Карта в целом характерны и крупные орудия из галек (орудия типа карта и арапиа, чопперы, суматралиты и т. д.), хотя и ей свойственны небольшие орудия на отщепах, к сожалению слабо изученные. Некоторые из них, не будучи геометрическими микролитами по своим очертаниям, близки к ним своими размерами. Эта черта сближает культуру Карта с культурой Тартанга, для которой характерны как раз орудия небольших размеров. Другая черта, сближающая культуру Тартанга с культурой Карта, — это орудия типа тула, до известной степени напоминающие уменьшенные в несколько раз орудия типа арапиа. В остальном эти культуры не имеют почти ничего общего. Особенно важно то, что в культуре Тартанга все большее развитие получают орудия на рукоятях, культуре Карта, видимо, не свойственные.

Каких-либо данных, указывающих на то, что в постплейстоценовую эпоху в Южную Австралию вторгается новая этническая волна, принесшая с собой новую культуру, в нашем распоряжении нет. Вероятнее всего, в самой культуре аборигенов Южной Австралии произошли в эту эпоху сдвиги, отразившиеся на всем облике их материальной культуры.

Это событие совпало с наступлением новой эпохи в развитии естественногеографической среды. Сначала она еще не принесла с собой каких-либо значительных перемен. С окончанием ледниковой эпохи природные условия продолжительное время оставались по-прежнему благоприятными. Но уже примерно 7 тыс. лет назад надвигается термический максимум, аридность неудержимо нарастает, а это влечет за собой катастрофическое высыхание обширных пространств Внутренней Австралии и исчезновение многих видов животных. преимущественно гигантских, бывших вследствие своих размеров и уязвимости любимой добычей первобытных охотников. Именно к этой эпохе мы и относим возникновение новых тенденций, определяющих лицо культуры Тартанга. Чем же они обусловлены?

Высыхание внутренних областей континента, исчезновение водоемов и сокращение природных ресурсов, видимо, заставило какую-то часть населения внутренних областей двинуться по рекам на юг, к океану, в районы, природные условия которых оставались еще сравнительно благоприятными. В то же время распространение открытых сухих степей постепенно повлекло за собой перемены в условиях охоты и образе жизни всего населения Южной Австралии. Все больше стали применяться такие виды метательного оружия, приспособленного для охоты на открытых пространствах, как бумеранг, колье и дротик, снабженные небольшими каменными орудиями — ост-

риями и вкладышами *. Именно острия пирри получили в ту и последующие эпохи особенно большое распространение, вкладышами служили тогда, да и позднее, небольшие острые отщепы неправильных очертаний. Это и определило тенденцию в сторону все большего развития и совершенствования

микролитической техники.

Ухудшение природных условий заставило людей компенсировать это увеличением эффективности труда, что выразилось в совершенствовании инструментария, в том числе в создании и распространении новых орудий на рукоятях. Само развитие деревообделочных инструментов, таких, как долота тула и орудия типа баррен на рукоятях, было следствием новых хозяйственных потребностей. Ведь новые условия охоты требовали развития и совершенствования деревянного охотничьего оружия — не только бумерангов и копий, но и копьеметалок, благодаря которым дальность полета копья значительно увеличивалась. В то же время сокращение запасов животной и растительной пищи, источников воды заставило аборигенов систематически совершать большие переходы, а условия полукочевого охотничьего быта, в свою очередь, вынудили их ограничиваться необходимым минимумом орудий труда, которые можно было бы взять с собой. Такой образ жизни оставался характерным для них вплоть до самого недавнего времени. Именно в эпоху термического максимума копьеметалка стала универсальным оружием и орудием охотника-австралийца, ибо она совмещала в себе функции и охотничьего оружия и орудия труда благодаря укреплению на ее конце небольшого каменного долота тула, которое было в то же время и универсальным режущим инструментом.

Разнообразие форм режущего края долот позволяло пользоваться ими для разных видов работы по дереву. Каменным орудием с узким рабочим краем правильной формы поверхность деревянных изделий обрабатывалась нанесением на нее столь характерных для этих изделий узких правильных борозд, в то время как инструменты с более широким рабочим краем служили для черновой, предварительной обработки тех же предметов. Когда же рабочий край орудия затуплялся, орудие отделяли от древка, размягчив смолу на вновь ретушировали, затем снова присоединяли к пользовались орудием по-прежнему. Наличие древка позволяпроделывать это многократно, заостряя и тем самым уменьшая орудие снова и снова, пока наконец оно все же не стачивалось совершенно и его не приходилось менять. Наличие в культуре Тартанга таких изношенных в работе орудий

^{*} О том, что бумеранги и копьеметалки, вероятно, уже существовали в эту эпоху, свидетельствуют данные, о которых мы будем говорить дальше, в разделе «Исторический анализ этнографических источников».

подтверждает широкое применение в то время рукоятей, без чего уменьшать орудия труда до таких размеров было бы невозможно. Нередко совершенно изношенные долота с большим искусством превращались в удлиненные концевые скребки. Таково происхождение многих орудий типа баррен.

Долото, совмещенное с кольеметалкой, — одно из оригинальнейших изобретений австралийского охотника. Да и само орудие типа тула не имеет аналогий в Юго-Восточной Азии и Океании и, видимо, было изобретено самими австралийцами в процессе активного приспособления к естественногеографической среде. По мнению Д. С. Дэвидсона и Ф. Маккарти, размещение на континенте долот тула подтверждает независимое австралийское происхождение этих орудий, так как они, по их утверждению, отсутствуют на п-ове Кейп-Йорк и в Арнхемленде, но широко распространены в Центральной и Южной Австралии [254, 406]. В действительности же долота тула были найдены и на п-ове Кейп-Йорк и в Арнхемленде [581, 85]. Дело, очевидно, не столько в размещении этих орудий, сколько в отсутствии аналогий за пределами Австралии. Однако орудия типа тула, как уже отмечалось, существовали в Тасмании, и это указывает на связь австралийской и тасманийской каменных индустрий. Но только Б. Олчин отметила несколько каменных орудий из Южной Индии, по ее словам, очень напоминающих долота тула [126, 198].

Подобно австралийской копьеметалке, универсальным орудием было и долото на древке. Оно являлось не только деревообделочным инструментом, но и эффективным метательным оружием. Присоединив каменный инструмент к метательной палке или копьеметалке, австралийский охотник получил не только удобное для работы орудие на длинной рукояти, но и избавил себя от необходимости носить с собой во время длительных переходов несколько предметов вместо одного.

В эту же эпоху окончательно определился и основной инструментарий женщины-собирательницы, состоящий из палки для выкапывания растений и разрывания нор мелких животных и из корытца, изготовленного из дерева или коры, для

переноски запасов пищи и воды.

Все это в совокупности и обусловило развитие и совершенствование деревообделочных инструментов и создание новых форм универсальных орудий. Характер каменной индустрии в постплейстоценовую эпоху решительно изменился. Перемены охватили не только и не столько район нижнего Муррея, где найдена многослойная тартангская стоянка, но и обширные пространства всей Южной Австралии, и прежде всего ее внутренние области, на которых главным образом и отразились те перемены в естественногеографической среде, которые сказались в конечном счете на характере всех археологических культур среднего периода.

Меняющиеся природные условия оказали стимулирующее воздействие на развитие культуры аборигенов, главным образом в первом периоде термического максимума. Примерно 3—5 тыс. лет назад наступил кризис, снова отразившийся на всем направлении культурного развития аборигенов Австралии. Причиной этого было резкое ухудшение условий их жизни в среднем голоцене. Речь об этом пойдет дальше. Но уже здесь необходимо сказать о том, что кризис, замедливший культурное развитие австралийцев, не следует смешивать с «культурным упадком», как это делает, например, Дж. Малвени в различных своих работах. Развитие культуры австралийцев приняло иное направление, но оно продолжалось. Австралийская культура вышла из кризиса обновленной.

Итак, мы попытались выяснить некоторые аспекты активного приспособления аборигенов Австралии к меняющейся естественногеографической среде в первом периоде термического максимума. Нас интересовало, каким образом изменения в условиях жизни первобытных охотников и собирателей обусловили совершенствование метательного охотничьего оружия, развитие деревообделочных орудий, уменьшение их размеров, успешное применение их в универсальном, более эффективном, чем прежде, инструментарии кочевников. Все это — как раз те явления австралийской культуры, которые прослеживаются в археологических памятниках этого исторического периода, столь не похожих на им предшествующие.

Перед нами один из примеров взаимодействия природы и общества на одной из ранних стадий развития последнего, когда зависимость общества от природы была еще очень велика. По мере изменения естественногеографической среды как необходимого условия развития общества, по мере изменения условий производства и в процессе его изменяются, преобразуются человеком его орудия труда, а тем самым расширяется власть человека над природой и изменяется природа самого человека. Взаимодействие природы и общества, зависимость общества от природы на разных стадиях общественного развития выступают по-разному. «На низших ступенях развития, например у первобытных народов, цепь изменений в общественно-географической среде лежит как бы на поверхности и дает ясную и четкую картину внутренних связей и зависимостей... Вследствие низкого уровня производительных сил в обществах этого типа могут быть сравнительно легко выяснены географические влияния на явления человеческой жизни. Географическая основа здесь как бы просвечивает сквозь общественную ткань» [45, 31]. Вот почему изучение взаимодействия природы и общества, стоящего на одной из ранних ступеней развития, такого, например, как австралийское, имеет большое значение для понимания закономерностей этого процесса на этой и последующих стадиях

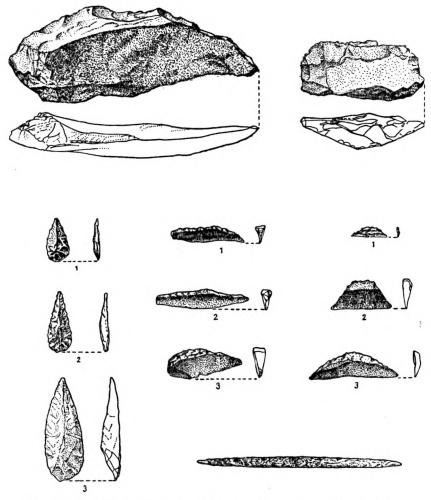
общественного развития.

Следует отметить, что в памятниках культуры Тартанга новые явления, которые позднее достигнут более полного и яркого развития, еще только намечаются, возникают. Но все же это уже начало нового этапа в развитии австралийской культуры, и вот почему анализ археологических культур среднего периода следует начинать именно с культуры Тартанга.

Культура Тартанга лишь открывает ряд культур, сосредоточенных в нижнем течении Муррея. Развитие культуры продолжалось здесь несколько тысячелетий. Со времени термического максимума область эта оставалась, пожалуй, наиболее благоприятной в природном отношении областью Южной Австралии. Полноводная река, не пересыхающая и в самое жаркое время года, стала для аборигенов подлинным источником жизни, убежищем от невзгод. Ее берега изобиловали богатой и разнообразной флорой и фауной, а воды — пресноводными моллюсками и рыбой. Рыболовство сделалось одним из главных занятий местного населения. Недаром все осстоянки этого района — Тартанга, Девон-Даунс, Фроммс-Лендинг — расположены на берегах реки. Костяные острия, которые обнаружены уже в Тартанге, были преимущественно орудиями для лова рыбы. Деревья на берегу давали кору для изготовления челнов и сосудов для пищи, древесину для оружия и орудий труда. В кроне деревьев водились птицы, в траве-змеи и ящерицы. Выше, на открытой равнине, обитали кенгуру и эму. Опоссумы, бандикуты, вомбаты и другие сумчатые также служили источником пищи для аборигенов. Севернее по течению реки находились скалы, дававшие каменное сырье для изготовления орудий. В эпоху термического максимума и в последующее время жизнь в этих краях по сравнению с жизнью в пустынях на севере была менее трудной. Не удивительно, что ко времени европейской колонизации самые многочисленные этнические группы Южной Австралии обитали именно здесь, на бергах Муррея. Поколения за поколениями жили и умирали, сменяя друг друга, на стоянках под открытым небом, таких, как Тартанга, и в убежищах под скалами, таких, как Девон-Даунс и Фроммс-Лендинг.

Культура Пирри

Основным памятником следующей по времени культуры среднего периода — культуры Пирри — является стоянка Девон-Даунс (Devon Downs), расположенная недалеко от стоянки Тартанга на берегу Муррея, под скальным навесом, и раскопанная Г. Хейлом и Н. Тиндейлом в том же 1929 г. Ве-

Орудия среднего периода (нож, долото, острия пирри и бонди, геометрические микролиты, острие мудук)

дущее орудие, определяющее лицо этой культуры, — острие

пирри.

Пирри — это симметричные листовидные острия, треугольные в сечении, с плоским брюшком, обработанные только со спинки плоской отжимной ретушью. Отбивная площадка их в большинстве случаев устранена ретушью, иногда снят и ударный бугорок. Максимальная длина — 8 см, минимальная — ок. 1 см *. Таким образом, многие экземпляры являют-

^{*} См. острия пирри в коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР [42, 134—137].

Острия пирри (из коллекций Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде)

ся, по существу, микролитами. Их находят и в Южной Австралии (в районе Аделаиды), и в Южном Квинсленде (Маунт-Моффат). Название этих орудий тоже заимствовано из языка вонкангуру, которые в первой четверти XX в. уже не изготовляли их, но все еще применяли (по-видимому, древние орудия) как режущие инструменты или сверла, прикрепленные с помощью смолы к изогнутой рукояти [381, 90—91, 103, 107—109]. В прошлом пирри были широко распространены во внутренних областях материка, а также в Кимберли и на п-ове Арнхемленд. Совершенство обработки, сочетаемое с красотой формы при небольших размерах, делает острие пирри одним из самых замечательных орудий австралийских аборигенов, искусство изготовления которых было со временем ими утрачено.

Если в стоянке Тартанга было найдено только одно орудие этого типа, да и то в одном из наиболее поздних слоев, то в Девон-Даунсе хорошо оформленные острия пирри залегают уже на глубине свыше 360 см, а общая глубина культурных отложений превышает здесь 6 м. Тридцать четыре острия пирри стоянки Девон-Даунс найдены в слоях с восьмого по десятый от поверхности. Эти горизонты и были отнесены к культуре Пирри. Ниже найдены только остатки пищи и случайное каменное орудие. Выше горизонтов жультуры Пирри залегают слои иных культур, которым авторами отчета о раскопках были даны названия Мудук и Мурунди. Абсолютная дата для слоя IX стоянки Девон-Даунс — 4290±140 лет

(по другим данным, $4250\pm180\,$ лет) [744, 1—49]. Дата эта моложе самой поздней даты культуры Тартанга (6030 \pm

±120 лет) на 1740 лет.

Другой стоянкой культуры Пирри является скальный навес 2 в местности Фроммс-Лендинг (Fromm's Landing), расположенный в 16 км от Девон-Даунса вниз по течению Муррея и раскопанный Дж. Малвени в 1956—1958 гг. [578, 918; 579, 53—85]. Это — такая же многослойная стоянка, что и Девон-Даунс, и раскопки обнаружили здесь 11 культурных слоев, считая от поверхности. Слои 8 и 10 содержали четыре острия пирри; в слое 6 было найдено сломанное острие того же типа. Раковины моллюсков, обнаруженные в нескольких слоях, дали возможность получить для стоянки Фроммс-Лендинг ряд последовательных абсолютных дат (в скобках указана глубина слоя) [581, 76, 101]:

```
Слой 4-3240\pm 80 лет (ок. 180 см) 6-3756\pm 85 лет (ок. 240 см) 8-3881\pm 85 лет (ок. 300 см) 9-4055\pm 85 лет (ок. 330 см) 10-4850\pm 100 лет (ок. 360 см)
```

Следовательно, нижняя граница острий пирри в этой стоянке имеет возраст 4850 ± 100 лет, а верхняя граница— 3756 ± 85 лет. Примерно в этих границах, совпадающих с заключительным периодом термического максимума, очевидно, и находится время существования культуры Пирри. Дата, полученная для среднего слоя (слоя IX) этой культуры в Девон-Даунсе, близка к датам, полученным для наиболее ранних слоев (9 и 10) той же культуры в стоянке Фроммс-Лендинг. Верхние четыре слоя стоянки Фроммс-Лендинг характеризуются грубыми орудиями, так непохожими на великолепные изделия более глубоких слоев. Таким образом, дата 3240 ± 80 лет отмечает начало технического упадка (по мнению Малвени) или, скорее, культурного кризиса, отразившегося на технике изготовления орудий труда.

Многие типичные орудия культуры Пирри в Южной Австралии залегают на слое вулканического пепла, выброшенного ныне бездействующим вулканом Маунт-Гамбир, последнее извержение которого произошло 4700 лет назад [751, 38].

Кроме острий пирри в стоянках Фроммс-Лендинг и Девон-Даунс найдены долота тула (слой VIII стоянки Девон-Даунс и слой 9 стоянки Фроммс-Лендинг), а в стоянке Фроммс-Лендинг в отличие от стоянки Девон-Даунс в слоях культуры Пирри появляются и геометрические микролиты, что свидетельствует, очевидно, о дальнейшем развитии вкладышевой техники.

Австралийские геометрические микролиты, как и в других частях света, обладают правильными геометрическими фор-

мами (треугольников, трапеций, сегментов и т. д.) и не превышают в длину 3 см. Они имеют тонко ретушированные острые края, иногда острия, и встречаются почти во всех вариантах, характерных, например, для тарденуазских индустрий Европы и капсийских индустрий Северной Африки [597, 111—114].

Среди орудий стоянки Девон-Даунс имеются, как и в тартангской стоянке, костяные орудия, заостренные с одного или обоих концов. Костяные острия имеются и в стоянке Фроммс-Лендинг (слои 7—4). Обильное применение кости вообще ха-

рактерно для культур нижнего Муррея.

Останки животных, найденные в слоях стоянки Фроммс-Лендинг, представляют такие исчезнувшие теперь виды сумчатых, как тасманийский дьявол (Sarcophilus harrisii), найденный на глубине ок. 270 см, и тасманийский тигр (Thylacinus), а также полный скелет собаки динго, найденный на глубине ок. 180 см.

Столь характерные для культуры Пирри острия пирри и геометрические микролиты не только составляют ее специфику и отличают ее от культуры Тартанга — они знаменуют собой дальнейший шаг на пути технического прогресса, новый

этап в развитии австралийской культуры.

Острия пирри, найденные при раскопках, не имеют характерной для долот тула изношенности, поэтому в древности они, вероятно, не служили в качестве режущих инструментов и сверл, предназначенных для обработки дерева, как это бывало впоследствии, например, у вонкангуру. Вероятнее всего, пирри были первоначально наконечниками копий, а копье — один из основных видов австралийского охотничьего оружия, приспособленный для охоты на открытых пространствах, и появление острий пирри в эпоху термического максимума хорошо согласуется с нашим предположением, что в то время именно такие виды оружия получили наибольшее развитие. Это же определило и развитие микролитической техники

Одна из характерных особенностей острий пирри — снятие ретушью отбивной площадки и ударного бугорка. По данным Т. Кемпбелла, из 650 изученных им орудий этого типа, основание не было ретушировано лишь в 84 случаях, частично ретушировано у 193 и полностью ретушировано у 373 экземпляров [190, 519]. Эта особенность делает их очень удобными для укрепления на древке копья путем вставления в паз на его конце, как это делается в Кимберли с каменными наконечниками, существующими там и до сих пор. По мнению Кемпбелла, для наконечников копий острия пирри слишком малы. Большинство острий пирри, однако, имеют длину, вполне достаточную для того, чтобы они могли быть эффективными наконечниками копий, да и орудия меньших размет

ров могли служить для этой цели. В Кимберли, где каменные наконечники все еще в ходу, длинные экземпляры легко ломаются, но отломанные острия опять прикрепляются к древку и снова идут в дело. В конце концов длина наконечника доходит иногда до 2 см, но и с такими наконечниками, по свидетельству этнографа Х. Петри, аборигены ходят на охоту [609, 51]. Еще более мелкие наконечники могли использоваться в качестве вкладышей.

Острия пирри могли быть и наконечниками стрел, если только аборигены имели лук и стрелы. Мы вернемся к этому вопросу ниже.

В то же время иногда и свежевальные ножи почти не отличаются по форме от наконечников. Как отмечает Т. Уилсон, многие орудия, которые рассматривались археологами как наконечники копий и стрел, в действительности могли использоваться как ножи [789, 298—324]. Судя по материалам из штата Невада, каменные ножи индейцев-охотников имели листовидную форму и вставлялись основанием в торцовую прорезь короткой деревянной рукояти, которая обвязывалась растительными волокнами и заливалась смолой.

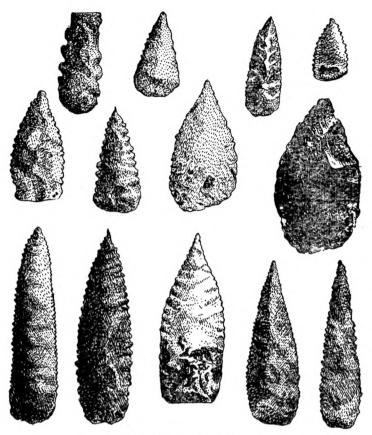
Постепенно острия пирри распространились на обширных пространствах Внутренней Австралии, достигнув на северозападе — Кимберли, а на севере — п-ова Арнхемленд. Культура Пирри — культура центральной культурной области. На востоке Нового Южного Уэльса, в Виктории, в Восточном Квинсленде и на п-ове Кейп-Йорк пирри не встречаются. Центром их распространения, видимо, следует считать Южную Австралию от побережья Большого Австралийского залива до оз. Эйр, нижнее течение Муррея и бассейн Дарлинга. Это видно из того, что преимущественно в этих и прилегающих областях Австралии найдено, главным образом на поверхности земли, наибольшее число острий пирри, хорошо сопоставимых с образцами, найденными при раскопках [58]. 78—79]. Однако кроме Южной Австралии пирри и близкие им типы орудий были обнаружены при археологических раскопках также в Арнхемленде и Южном Квинсленде [464, 178—213; 538, 215—295].

Все это не исключает того, что исходные формы острий пирри первоначально могли распространиться в Южную Австралию по течению Дарлинга и его притокам с севера, а в конечном счете из Индонезии. Возможно, об этом говорят находки острий пирри в пещере Кенниф, хотя, конечно, здесь нельзя исключить и возможности их распространения в обратном направлении. Пещера Кенниф находится в Южном Квинсленде, в районе, где начинаются два притока Дарлинга, по которым местное население было связано с этническими группами, расселявшимися к югу по Дарлингу и его притокам вплоть до низовьев Муррея. Здесь, над слоями культуры

Маунт-Моффат, на глубине ок. 1 m , было найдено семь острий пирри. Возраст этих орудий, по радиокарбону, примерно 4130 ± 90 лет. Четыре острия пирри были найдены в находящейся в том же районе пещере Тумс, причем два из них, найденные на глубине ок. 117 cm , имеют возраст 3600 ± 93 г. В обеих пещерах были найдены, кроме того, геометрические микролиты и долота тула (в пещере Тумс — в том же и более поздних горизонтах, в том числе в горизонте, имеющем возраст 3400 ± 97 лет, в пещере Кенниф — в более поздних) [589, 188-189, 198-199, табл. 3]. Возраст находок из обеих пещер совпадает с периодом существования культуры Пирри. В стоянке Фроммс-Лендинг на нижнем Муррее пирри тоже залегают совместно с микролитами.

Со временем, однако, изготовление этих орудий на большей части Австралии постепенно прекращается. Об этом говорят данные и археологии и этнографии. В стоянках Девон-Даунс и Фроммс-Лендинг над слоями культуры Пирри залегают слои, содержащие на первый взгляд следы более примитивных культур. Мастерски сделанные острия пирри исчезают. В Южной Австралии копий с каменными наконечниками не было уже в конце XVIII в., когда здесь впервые появились европейцы, хотя копье как охотничье и боевое оружие попрежнему оставалось одним из основных видов оружия аборигенов. Этническая группа вонкангуру, живущая в бассейне оз. Эйр, в начале XX в. пользовалась, видимо, только древними орудиями этого типа. Все это связано с культурным кризисом, наступившим в связи с тем, что продолжавшееся изменение экологических условий во время термического максимума повлекло за собой резкое ухудшение условий жизни аборигенов на обширных пространствах Внутренней Австралии.

Как пережиток, однако, острия пирри и геометрические микролиты еще очень долго сохранялись в быту некоторых этнических групп, например обитавших на западе Нового Южного Уэльса. Одно из местонахождений, свидетельствующих об этом, обнаружено близ Мутуинджи (Mootwingee), западнее Дарлинга, а еще два — в районе г. Кобар, восточнее Дарлинга. В первой стоянке были найдены долота тула, орудия типа баррен, геометрические микролиты, сломанное острие пирри, несколько скребков и обломки зернотерок. В двух других обнаружены долота тула, орудия типа баррен и другие, а в одной из них — острие пирри [537, 249—298; 532, 76]. Все три местонахождения являются, видимо, очень поздними. Это видно из того, что абсолютный возраст стоянки близ Мутуинджи составляет 285 ± 80 лет, или 1665 ± 80 г. н. э. [341, 163], а в стоянках близ г. Кобар найдены фрагменты шлифованных топоров. Острие пирри найдено и в стоянке Вуттагуна (Wuttagoona), на западе Нового Южного Уэль-

Острия типа Кимберли

са, его можно отнести к 1640 ± 75 г. н.э. [627, 25-26]. Долгое время сохранялись острия пирри и в Юго-Западном Арнхемленде, где, например, местонахождение в пещере Тандандьял (Tandandjal) содержит острия пирри и наряду с ними ножи леилира, появившиеся, видимо, лишь в позднем периоде, а также острия типа Кимберли и долота тула [508, 205-213]. То же сочетание острий пирри, ножей леилира, наконечников типа Кимберли и долот тула характеризует индустрию, найденную в районе соленых озер Грегори, в Большой песчаной пустыне на севере Западной Австралии [515, 163-168].

Но только на северо-западе Австралии, в Кимберли, техника изготовления острий тонкой отжимной ретушью постепенно становилась все более совершенной, пока наконец не привела к изготовлению орудий совершенно нового типа — острий типа Кимберли. Это — симметричные острия, отли-

чающиеся от острий пирри прежде всего тем, что у них ретушированы обе стороны. Таковы острия типа Кимберли 1 типа, переходного от острий пирри к остриям типа Кимберли 2. Последние отличаются от пирри еще и тем, что края их тщательно обработаны пильчатой ретушью с помощью заостренной кости кенгуру *. Впервые эти замечательные из-делия видел здесь в 1821 г. капитан Ф. Кинг, который описал и зарисовал их [421, т. 2, 67—68]. Таким образом, техника изготовления наконечников этого типа достигла высокого развития уже к началу XIX в. Тщательно сделанная пильчатая ретушь по краям некоторых орудий культуры Каперти, как уже говорилось, сближает наконечники из Кимберли с этой древней культурой Нового Южного Уэльса. Любопытно также, что некоторые редкие экземпляры острий пирри из Южной и Центральной Австралии имеют по краям зубчики, что делает и их похожими на наконечники из Кимберли [190, 520]. Поэтому можно предположить, что в Северо-Западной Австралии эта особенность не нововведение, как полагали некоторые исследователи, а дальнейшее усовершенствование более древней традиции, истоки которой, возможно, находились где-то на территории современной Индонезии, на древнем пути расселения палеоавстралийцев. Наконечники типа Кимберли 1 — это как бы один из этапов в развитии этой техники. Им предшествовали наконечники типа пирри, которые и были исходной формой наконечников типа Кимберли. Соединение техники изготовления двусторонних наконечников, развившихся из односторонних острий пирри, с древней техникой пильчатой ретуши и дало наконечники типа Кимберли 2. Мнение Д. С. Дэвидсона о сравнительно недавнем и совершенно независимом происхождении каменных наконечников Австралии [247, 232—233] в настоящее время уже не может быть принято.

Еще и теперь кое-где в Кимберли, на северо-востоке и юге этой области, выделываются наконечники, которые выглядят как пережиток более древней техники. Этнические группы ванман и ньянгамада (Западная Австралия) оснащают ими свои копья. В отличие от наконечников типа Кимберли орудия эти обработаны только со спинки, у некоторых частично у основания ретушировано также брюшко. Такие наконечники очень напоминают острия пирри и являются, повидимому, тем звеном, которое связывает эти орудия с наконечниками типа Кимберли. Такой постепенный переход от пирри к наконечникам типа Кимберли наблюдается и в археологических местонахождениях на территории этнической группы вардаман (Юго-Западный Арнхемленд) [240, 145—

^{*} См. острия типа Кимберли в коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР [42, 138—144].

184]. Все это говорит о том, что техника изготовления наконечников из Кимберли не была принесена в Австралию в готовом виде, но развилась на австралийской почве на базе

более древних традиций.

В стоянке под скальным навесом Тайимиди, на севере п-ова Арнхемленд, были обнаружены двусторонние острия, залегавшие в слоях, возраст которых, по радиокарбону, составляет 10 790 ± 200 лет и 1900 ± 90 лет. Наиболее древний горизонт находится на глубине 61 см. Дата, полученная для него, по мнению автора публикации, К. Уайт, слишком высока для двусторонних острий и требует подтверждения [267, 162]. Вторая дата более вероятна, но и она свидетельствует о древности двусторонних острий Северной Австралии. Если же в ходе дальнейших исследований окажется, что можно доверять и первой дате, это послужит подтверждением того, что исходные формы острий типа Кимберли имеют еще более глубокую древность и что они развивались на территории Австралии.

К более поздней дате, полученной для стоянки Тайимиди, близка дата, относящаяся к скальному навесу у источника Ингаладди, в Западном Арихемленде. Об этой стоянке, как и о предыдущей, уже говорилось в связи с найденной здесь, в более глубоких горизонтах, индустрией раннего периода. В горизонте, возраст которого составляет 1545 ± 75 лет, или 405 ± 75 г. н.э., на глубине 37-48 см были найдены односторонние и двусторонние ретушированные острия, включая пирри и острия, обработанные по краям пильчатой ретушью, подобно наконечникам из Кимберли. Здесь же были обнару-

жены многочисленные долота тула [627, 26].

Древняя техника изготовления каменных наконечников, в том числе и обработанных пильчатой ретушью, продолжала совершенствоваться не только в Австралии, но и на территории Индонезии. Острия, близкие по своему типу к остриям пирри и Кимберли, встречаются в неолитических и недатированных местонахождениях Явы, в мезолитических и неолитических культурах Тоала на Сулавеси, на о-ве Тимор [139, 137, 161; 365, 39, 93—94, 133]. Так, в пещерах Юго-Западного Сулавеси обнаружены односторонне ретушированные наконечники с зубчиками по краям. Надо надеяться, что со временем на территории Индонезии будут найдены и более древние, исходные формы этой техники. Во всяком случае пирри, появившиеся в Южной Австралии впервые около 5 тыс. лет назад, вероятно, старше многих аналогичных орудий и Индонезии, и Северной Австралии. Трудно допустить и влияние Австралии на Индонезию, хотя полностью исключить такую возможность, конечно, нельзя. Скорее всего, в основе каменной техники обоих регионов лежали общие, более древние традиции.

Техникой изготовления и формой наконечники типа Кимберли напоминают листовидные наконечники европейского позднего палеолита и особенно неолита — европейского, азиатского и американского; при их изготовлении иногда применялась и техника пильчатой ретуши.

На островах Океании наконечники, обработанные пильчатой ретушью, в настоящее время не встречаются, но в прошлом они существовали и здесь, например на о-ве Питкерн

[374, табл. 1].

Кроме наконечников типа Кимберли имеется еще один тип орудий, который мог развиться из более древних пирри. Это — ножи леилира, распространенные в настоящее время в Центральной и Северной Австралии. Они сделаны из длинных и узких призматических пластин, треугольные или трапециевидные в сечении и напоминают острия пирри, но длиннее последних: длина их достигает 30 см *. В охотничьем быту австралийцев орудия эти находят самое разнообразное применение. Применяются они и как наконечники копий. В Барранди, на п-ове Арнхемленд, в 150 км юго-восточнее Дарвина, Ф. Маккарти нашел острия пирри, которые по форме своей приближались к ножам леилира [515, 163—168]. Их можно рассматривать как тип орудий, переходный от пирри к леилира.

Развитие ножей леилира и наконечников типа Кимберли из острий пирри, а возможно, долот тула из орудий типа арапиа и некоторые другие аналогичные примеры — закономерное явление, обусловленное развитием хозяйства и техники в целом, одно из проявлений прогрессивного развития австралийской культуры. Любопытно, что орудия более совершенных типов связаны с теми же регионами, где были распространены орудия предшествующих типов, из которых они развились. Иногда считают, что отсутствие в Австралии высококачественного кремня лишало аборигенов возможности получать техникой расщепления правильные призматические пластины, характерные для позднего палеолита и мезолита Европы и Африки. Развитие техники изготовления ножей леилира на основе более древних традиций показывает, что техническая отсталость аборигенов Австралии в изготовлении правильных призматических пластин была ими постепенно преодолена, причем материал этому не препятствовал: ножи леилира, как правило, делались из кварцита, материала, уступающего по своим качествам кремню.

В слоях культуры Пирри стоянки Фроммс-Лендинг (слои 8—10 навеса 2) было найдено восемь классических геометрических микролитов. Даже экземпляры, сделанные из кварцита, были тщательно ретушированы. Подобно остриям пирри,

193

^{*} См. ножи леилира в коллекциях Музея антропологии и этнографни Академии наук СССР [42, 131—134].

их нижняя граница имеет возраст 4850 ± 100 лет. Это самое раннее в Австралии датированное местонахождение геометрических микролитов, пришедших на смену неретушированным аморфным микролитам неправильных, случайных форм, которые имелись и в более древних австралийских культурах. В стоянке Девон-Даунс геометрических микролитов нет, хотя негеометрические, аморфные микролиты встречаются.

Выше восьмого слоя стоянки Фроммс-Лендинг, возраст которого 3881 ± 85 лет, геометрические микролиты отсутствуют. Очевидно, в конце термического максимума они здесь исчезают. Однако негеометрические микролиты найдены и в более поздних слоях. Под скальным навесом 6 стоянки Фроммс-Лендинг несколько геометрических микролитов найдено в слоях, абсолютный возраст которых составляет 3450 ± 90 лет и 2950 ± 91 год [584, 265; 590, 479-516]. Возраст одного из местонахождений Виктории, содержащего микролиты, составляет 2760 ± 100 лет [627, 24]. Абсолютный возраст местонахождения в Порт-Кэмпбелл (Виктория), также содержащего микролиты, составляет 3880 ± 250 лет [325, 300-301]. В отличие от предыдущих дат, несколько более поздних, эта дата относится еще к концу термического максимума и совпадает с датой восьмого слоя стоянки Фроммс-Лендинг.

На юге Австралии геометрические микролиты распространены значительно шире, чем пирри, и кроме бассейна Дарлинга — Муррея и района от Большого Австралийского залива до оз. Эйр область их распространения включает также обширные пространства Юго-Восточной Австралии [581, 80— 81; 194, 281-307]. На некоторых стоянках Виктории, где пирри отсутствуют, микролиты насчитываются тысячами. Кроме того, они встречаются и на западе континента [327, 415—425], а отдельные экземпляры находят и в других частях Австралии. По-видимому, центр их распространения находился гдето на юге -- скорее всего, это был бассейн Дарлинга, нижнее течение Муррея и Виктория, - а отсюда они распространились затем в разных направлениях, и постепенно область их распространения охватила всю южную часть континента от восточного до западного побережья, хотя в пределах этой области они размещены далеко не равномерно.

Развитие и совершенствование микролитической техники, подобно остриям пирри и долотам тула, было связано с изменением естественногеографических условий на протяжении

термического максимума.

Несовпадение в ряде случаев зон распространения пирри и микролитов, а главное — очень широкое распространение культуры Пирри заставляет думать, что носители этой культуры не представляли собой какого-либо этнического единства, что «культура Пирри» — по существу, условное наиме-

нование для комплекса родственных культур, носителей которых вследствие общности хозяйственного и культурного развития связывала лишь некоторая этническая и культурная близость, но отнюдь не тождество. Так же как в случае с культурой Карта, мы и здесь имеем дело скорее с культурной провинцией или историко-этнографической областью. Понятие историко-этнографической области, разработанное советскими учеными, имеет большое теоретическое значение для понимания этнических и культурных процессов в Австралии. Под общностью хозяйственного и культурного развития в данном случае не следует понимать наличие непосредственных контактов между всеми этническими группами, населяющими культурную провинцию. В Австралии всегда играл большую роль обмен материальными и духовными ценностями, в результате чего достижения материальной и духовной культуры переходили из одной этнической другую, непрерывно циркулируя внутри определенной географической области, а нередко выходя и за ее пределы и распространяясь на огромные расстояния [721 и др.]. Эти традиционные пути обмена во многих случаях повторяли направления древних миграций и с этой точки зрения заслуживают специального изучения. Интенсивная циркуляция материальных и духовных ценностей в пределах определенной географической зоны объединяла этнические группы, часто связанные общностью происхождения, и усиливала их хозяйственную и культурную близость.

В то время как для восточной культурной области острия пирри не свойственны, хотя микролиты широко распространены и здесь, в Центральной и Южной Австралии пирри и геометрические микролиты часто встречаются совместно наряду с долотами тула. Об этом говорят многочисленные находки подъемного материала в районе Вумеры (севернее Порт-Огасты) и далее к северу, на молодых песчаных дюнах Центральной Австралии. Совместно встречаются эти орудия также на западе Нового Южного Уэльса и Квинсленда [344; 402; 555, 466—470]. В северной части Северной Территории пирри и тула представлены, но микролиты отсутствуют; то же са-

мое, по-видимому, и в Кимберли.

Относительно происхождения австралийских геометрических микролитов существуют различные взгляды. Есть мнение, что техника их изготовления была австралийцами заимствована. И действительно, они очень напоминают орудия, широко распространившиеся в эпоху мезолита от Средиземноморья до Индонезии. Находки культур, содержавших геометрические микролиты, в Индии, на Цейлоне и особенно в Индонезии, где они иногда, как, например, на Сулавеси, залегают совместно с остриями, напоминающими пирри [365, 92—108], указывают на возможность проникновения техники

геометрических микролитов в Австралию из Индонезии, а в конечном счете, может быть, из Индии. Однако, как считает Г. Нун, австралийская микролитическая техника развилась независимо от влияний извне [596, 280; 598, 2].

В то время как в плейстоцене Австралия была широко открыта для влияний, идущих из Азии, воздействие на Австралию позднемезолитических культур Юго-Восточной Азии, относящихся уже к голоцену, как об этом говорилось выше, не представляется во многих случаях бесспорным. Микролитическая техника могла развиваться в Европе и Африке, в Азии и Австралии конвергентно, под воздействием сходных изме-

нений в естественногеографической среде.

Проблема, очевидно, состоит в том, чтобы установить древность микролитических индустрий Индии и Индонезии. К этому вопросу мы еще вернемся. Пока лишь выскажем предположение, что некоторое воздействие микролитических индустрий Юго-Восточной Азии культура аборигенов Австралии все же испытала. Возможно, что техника изготовления геометрических микролитов в эпоху термического максимума распространилась по течению Дарлинга на юг и юго-восток, где была воспринята населением, давно практиковавшим изготовление негеометрических микролитов. Это и привело к расцвету техники изготовления геометрических микролитов на территории Южной и Юго-Восточной Австралии. Распространение этой техники на юг совпало с расселением в том же направлении части населения внутренних областей континента, что было вызвано резким ухудшением природных условий. Развитию этой техники на юге Австралии способствовало, прежде всего, то, что для населения этой части континента, которое и раньше занималось изготовлением микролитов, это было лишь дальнейшим совершенствованием традиционных технических приемов и навыков. Во всяком случае мнение Д. Кейзи о том, что геометрические микролиты являются ранним, если не исконным, элементом австралийской культуры [208], в настоящее время бесспорно устарело.

По мнению Ф. Маккарти, техника изготовления односторонних острий и геометрических микролитов распространилась с северо-западного побережья Австралии в юго-восточном направлении через Западную и Южную Австралию вплоть до Нового Южного Уэльса, Виктории и Квинсленда [518, 183; 533, 6]. Однако само размещение этих орудий указывает на то, что они, скорее всего, распространились с севера на юг по системе Дарлинга — Муррея и здесь, на юге, образовались вторичные центры их распространения в разных направлениях. Все это произошло уже после того, как Тасмания отделилась от Австралии, так как Тасмании эти

типы орудий не свойственны.

Распространение острий пирри и геометрических микролитов не следует обязательно связывать с приходом новой этнической волны, как это делает Н. Тиндейл, считающий, что носителями культуры Пирри были австралоиды-«муррейцы» — следующая этническая волна после тасманоидов-«баринейцев» [742, 115—120; 744, 17—23]. Сопоставление времени существования культуры Пирри с черепом из Кейлора, возраст которого старше первой не менее чем на 10 тыс. лет, показывает, на каких шатких основаниях держится теория Тиндейла, полагающего, что люди из Кейлора принадлежали к носителям культуры Пирри. Хотя передвижение некоторой части населения Внутренней Австралии на периферию, в прибрежные ее области в эпоху термического максимума вполне возможно, орудия и технические приемы распространяются в Австралии и без миграций населения, благодаря лишь широко развитому традиционному межгрупповому обмену материальными ценностями и идеями. Переход от культуры Тартанга к культуре Пирри на нижнем Муррее связан был не столько с приходом нового населения, сколько с дальнейшим развитием и углублением тех культурных сдвигов, которые произошли здесь в эпоху термического максимума. Вот почему традиция изготовления односторонних острий и микролитов дала новую вспышку на юге Австралии именно в эту эпоху.

Впоследствии изготовление геометрических микролитов совершенно прекратилось, и техника их изготовления забылась. Вероятно, это произошло не везде в одно и то же время, и существует предположение, что в Виктории геометрические микролиты выделывались еще сравнительно недавно, хотя в эпоху колонизации этого уже не наблюдалось [194, 303]. Раскопки Дж. Малвени в Глен-Эйр, на мысе Отуэй, в Виктории, в районе, где ранее были произведены сборы многочисленных геометрических микролитов, не дали ни одного микролита, несмотря на большое количество всевозможных отщепов. Из 2278 отщепов и ядрищ только 8 экземпляров было ретушировано, что и послужило поводом для Малвени говорить о наступившем здесь техническом упадке. Возраст местонахождения под скальным навесом 2—370±45 лет, или 1580 ± 45 г. н. э. (глубина ок. 180 см) [582, 1—15]. Аналогичная индустрия в другом местонахождении Виктории, близ Уорнамбула (Коройт, в 120 км к западу от Глен-Эйр), имеет возраст 538 ± 200 лет [315, 51—55; 554, 194—199]. Микролиты не обнаружены и здесь. Очевидно, их изготовление прекратилось за несколько столетий до колонизации. Однако оба местонахождения характеризуются изобилием костяных орудий, и это говорит не столько об упадке, сколько о хозяйственной и технической специализации местного населения в позднем периоде его доколониальной истории.

Во всяком случае в эпоху колонизации аборигены уже не изготовляли геометрических микролитов и, как правило, не пользовались ими, как они это делали с остриями пирри. Одним из очень редких исключений является орудие, обнаруженное в конце XIX в. в Юго-Западном Квинсленде. Это — геометрический микролит в форме равностороннего треугольника, прикрепленный к концу прямой деревянной рукояти с помощью затвердевшей смолы. Аборигены обрабатывали им поверхность деревянных изделий [735, 83—84].

Видимо, и в данном случае, как это было с остриями пирри, аборигены XIX в. пользовались микролитами не так, как это делали их предки. По свидетельству Малвени, ни один из австралийских микролитов, исследованных им, не имел следов изношенности, свойственной орудиям, которыми работали по дереву, к тому же большинство микролитов настолько тонки и хрупки, что они и не пригодны для этой цели [581, 82]. Поэтому, вероятнее всего, микролитами пользовались главным образом как вкладышами в составных орудиях. Еще в 60-х годах XIX в. бушмены Южной Африки, например, использовали геометрические микролиты для оснащения копий [555, 466]. Так же могли поступать и австралийцы.

Уже после того как изготовление геометрических микролитов прекратилось, аборигены продолжали широко использовать небольшие острые отщепы неправильных очертаний для оснащения своего охотничьего и боевого оружия — так называемых «копий смерти» и ножей таап. Копье с острыми неретушированными отщепами, вставленными в один или два продольных паза на его древке и залитыми смолой, было опасным оружием. Его почти невозможно вытащить из раны. Австралийские «копья смерти» напоминают аналогичное оружие европейского мезолита. Еще в XIX в. такие копья были широко распространены на окраинах Австралийского континента, преимущественно на юго-западном, южном и юго-восточном побережьях, что само по себе может указывать на древность этого оружия. Ножи таап с такими же острыми отщепами, вставленными в паз на рукояти ножа, находили разнообразное применение в охотничьем быту аборигенов Южной и Юго-Западной Австралии, где капитан Кинг видел их еще в начале XIX в. [41, 18-20].

Пользуясь микролитами как вкладышами, аборигены могли использовать их и в качестве наконечников стрел, как это делалось в Европе и Африке. И здесь снова возникает вопрос о том, имели ли аборигены когда-нибудь лук и стрелы. Теоретически рассуждая, они могли обладать этим оружием. Как известно, лук и стрелы появились еще в позднем палеолите. Тогда же появилась и копьеметалка [85, 159—160]. К началу колонизации Австралии лука и стрел там уже не было, если не считать северной оконечности п-ова Кейп-Йорк,

куда они проникли из Новой Гвинеи через острова Торресова пролива. Быть может, у аборигенов Австралии и было когда-то это оружие. Исчезновение полезных технических изобретений под влиянием тех или иных причин известно этнографии и в других случаях. Так, на островах Полинезии исчезло гончарство, хотя археология показывает, что в прошлом оно здесь существовало. Рассматривая эту проблему на океанийском материале, У. Риверс высказал предположение, что исчезновение такого оружия, как лук, объясняется тем, что оно плохо приспособлено для безлесных, не защищенных от ветра пространств [633]. На это можно возразить, что лук тем не менее широко распространился в степях Центральной Азии. Если же в некоторых случаях гипотеза Риверса все же справедлива, можно допустить, что исчезновение лука и стрел само по себе не снижает ценности копья и копьефической среде в эпоху термического максимума, прежде всего с распространением степей на обширных, ранее лесистых территориях Внутренней Австралии. Но и в этом случае трудно объяснить, почему лук исчез не только на открытых пространствах пустынь и саванн, но и в джунглях севера и в лесах умеренной зоны. Вот почему существование лука у аборигенов Австралии в прошлом представляется маловероятным. Но если все же лук у них был — уж очень похожи на наконечники стрел острия пирри и некоторые геометрические микролиты, — то исчезновение его, скорее, следует связывать с общим культурным кризисом. Процесс этот, подобно цепной реакции, распространился и на те области Австралии, природные условия которых оставались еще сравнительно благоприятными.

Д. С. Дэвидсон считает, что сохранение в Австралии такого более древнего оружия, как копьеметалка, объясняется именно тем, что лука здесь не было. В Меланезии, как он полагает, копьеметалка была вытеснена луком, как оружием более эффективным [243, 447]. С этим трудно полностью сотласиться. Как лук, так и копьеметалка появились еще в позднем палеолите. В Меланезии копьеметалка исчезла не везде, на Новой Гвинее она уживается с луком. Наличие лука в Австралии связано с изменениями в природно-геограметалки как охотничьего и боевого оружия. В разных условиях достоинства то одного, то другого из них выступают поразному. И все же сохранение в Австралии копьеметалки при отсутствии убедительных доказательств того, что здесь когда-либо существовали лук и стрелы, заставляет думать, что копьеметалка и в самом деле имеет большую древность и была принесена палеоавстралийцами с их азиатской прародины, чего относительно лука и стрел утверждать нельзя.

Если австралийцы и заимствовали технику изготовления геометрических микролитов, это совсем не означает, что они заимствовали и способ их применения в качестве наконечников стрел. Исследователями культуры аборигенов Австралии давно обращено внимание на то, что, попадая из одной этнической группы в другую, орудия часто испытывают своего рода функциональное превращение и начинают использоваться совсем по-иному.

Нижеследующий раздел можно было бы назвать «Проблема культуры Мудук». По существу, речь идет еще об одном

аспекте культуры Пирри.

По мнению Тиндейла, культуру Пирри на нижнем Муррее и в других областях Австралии, от Перта до Сиднея и от Аделаиды до тропика Козерога, сменила иная культура, которую он назвал «культурой Мудук». Культура эта характеризуется в основном заостренными с обоих концов костяными орудиями мудук и геометрическими микролитами. Время ее существования продолжалось примерно от 3 тыс. или 4 тыс. лет до 1 тыс. лет назад, после чего ее сменила культура Мурунди, просуществовавшая вплоть до европейской колонизации [733, 144—147; 742, 115—120; 744, 1—49]. Для обоих периодов характерны также и долота тула, тогда как острия пирри продолжали выделываться лишь в очень немногих местах.

(muduk) — это двужальное веретенообразное острие из кости или дерева (деревянные острия того же типа. что и костяные, выделывались позднее, в период культуры Мурунди). Орудие это можно рассматривать как исходную, древнейшую форму рыболовного крючка. Оно было известно еще в мадленское время; образцы таких костяных орудий найдены в Мезинской стоянке (где они служили, вероятно, наконечниками дротиков) и в пещерах Гримальди [34, 464; 47, 42 и рис. 10]. А свойственные этой эпохе элементы культуры сохранялись и в культуре аборигенов Австралии. Таковы копьеметалка, бумеранг, орнамент в виде лабиринта, состоящего из меандров, и в виде спирали, многие приемы изготовления и обработки каменных орудий и т. д. [44, 263—266]. К этому списку следует добавить и двужальное костяное острие, точно соответствующее австралийскому орудию типа мудук и применявшееся для ловли рыбы или в качестве наконечника копья. Очевидно, и это орудие сохранялось австралийцами как один из элементов древней культуры их позднепалеолитических предков. Еще чаще такие острия встречаются в памятниках эпохи мезолита, например в северноевропейской культуре Маглемозе. У многих народов это орудие сохранялось и позднее наряду с рыболовным крючком. До сих пор, например, оно применяется рыболовами некоторых стран Западной Европы.

Двужальные острия типа мудук употреблялись аборигенами Южной и Юго-Восточной Австралии вплоть до европей-

ской колонизации. На них ловили рыбу, как на крючок, или применяли их как наконечники и зубцы копий и острог. Из языка современных аборигенов нижнего Муррея заимствовано и само слово «мудук», которым они и называли подобные приспособления для рыбной ловли. Однако в период колонизации такие орудия делались из дерева. Костяные орудия. заостренные с одного или обоих концов, употреблялись аборигенами приморских областей Австралии также для извлечения содержимого из раковин моллюсков. Такие орудия нередко находят в раковинных кучах сравнительно позднего возраста на побережье Виктории [554, 194-199]. Возраст одной из таких раковинных куч (близ Гусиной лагуны, недалеко от Порт-Фэри), по радиокарбону, составляет от 1855 ± 85 лет до 1177 ± 175 лет, а возраст другого местонахождения (Коройт, близ Уорнамбула) — 538 ± 200 лет [315, 51—55; 266, 103—109]. Коройт — классическое местонахождение орудий типа мудук. Кроме того, здесь много других орудий из кости — проколок, орудий с лопатообразным концом и т. д. Найдены здесь и отшлифованные каменные орудия. Некоторые двужальные и одножальные костяные острия, применявшиеся как зубцы и наконечники копий и острог, имеют следы смолы, которой их прикрепляли к древку. Такие орудия были обнаружены во время раскопок в Дьюрас-Норс, на южном берегу Нового Южного Уэльса. Стоянку, где они были найдены, аборигены населяли вплоть до европейской колонизации. Абсолютный возраст самого нижнего культурного слоя составляет 480 ± 80 лет, или 1470 ± 80 г. н. э. Кроме большого числа костяных острий здесь найдено также несколько рыболовных крючков из раковин. Каменная индустрия состоит главным образом из неспециализированных отщепов, но включает и два орудия типа элоуера [438, 83—118].

Рыболовные крючки появились еще в среднем периоде (об этом говорят находки в некоторых других местонахождениях Восточной Австралии), но, как показывают материалы из Дьюрас-Норс, на протяжении всего позднего периода, вплоть до европейской колонизации, наряду с ними сохранялись и костяные острия типа мудук. Авторы конца XVIII начала XIX в. сообщают, что аборигены-мужчины ловили рыбу на острогу или копье, а женщины — на крючок и леску (ссылки на источники — в работе Ламперта). Некоторые группы аборигенов, обитавших на побережье Нового Южного Уэльса, ко времени колонизации все еще пользовались для ловли рыбы вместо крючков двужальными остриями этого типа [484, 1-16]. Копья с подобными наконечниками и зубцами имеются в музеях. Костяные острия, применяемые как приспособления для рыбной ловли или как зубцы и наконечники для копий и острог, продолжительное время были широко распространены и в Океании [129, 500, 313—319].

Большинство мест, где найдены эти орудия, находятся на берегу моря, и их применение связано главным образом с рыболовством и собиранием моллюсков. Но заостренные на конце кости вплоть до недавнего времени применялись аборигенами Северо-Западной Австралии и как отжимники для обработки каменных орудий ретушью. Такими орудиями обрабатывались наконечники типа Кимберли [42, 144—145].

На северо-востоке Австралии костяные острия мудук распространены вплоть до п-ова Кейп-Йорк, где они найдены в раковинных кучах в устьях рек [137, 7]. Возможно, что и распространение этих орудий началось именно отсюда, а в конечном счете — из Индонезии.

Фроммс-Лендинг, как известно, В стоянке острия мудук появляются впервые в 7-м слое, абсолютный возраст которого составляет примерно 3756 ± 85 лет. Это самое раннее датированное местонахождение острий мудук в этой стоянке. Костяные шилья и острия мудук найдены и в 4-м слое, возраст которого — 3240 ± 80 лет. Однако орудия из кости, напоминающие острия типа мудук, встречаются и в стоянке Тартанга. Они относятся, очевидно, к более раннему времени. Таким образом, острия мудук или близких к ним типов появляются еще в культуре Тартанга, продолжают выделываться в эпоху культуры Пирри и доживают до европейской колонизации. Первоначально крайне ограниченный набор костяных орудий со временем обогащается новыми, все более разнообразными формами. Культурный кризис конца термического максимума своеобразно отразился на индустрии из кости, связанной главным образом с приморскими культурами. В то время как на нижнем Муррее использование кости почти прекратилось, в некоторых других районах оно продолжало развиваться.

Схема Тиндейла, выделившего «культуру Мудук» в качестве самостоятельной культурной фазы, следующей за культурой Пирри и предшествующей культуре Мурунди, вызвала возражения некоторых археологов. И в самом деле, уже один тот факт, что острия типа мудук и аналогичные типы орудий встречаются в значительном количестве как в предшествующих, так и в последующих культурах, заставляет отнестись с большой осторожностью к выделению культуры по орудию этого типа как якобы ведущему, наиболее характерному для нее. Правда, другим ведущим типом орудий «культуры Мудук» Тиндейл, как он это подчеркивает во многих своих работах, считает геометрические микролиты. Однако в стоянке Девон-Даунс, в слоях с пятого по седьмой, отнесенных им к периоду «культуры Мудук», где было найдено несколько костяных орудий этого типа, не нашлось в то же время ни одного геометрического микролита. А в стоянке Фроммс-Лендинг, где тоже было найдено несколько орудий типа мудук, все они залегали выше слоев, содержавших геометрические микролиты, которым, в свою очередь, сопутствуют острия пирри. И мы с полным правом рассматриваем геометрические микролиты как одно из характерных орудий культуры Пирри. «На всех стоянках, находящихся на поверхности и относимых Тиндейлом и другими к культуре Мудук, — пишет Малвени, — классификация основывалась на наличии микролитов; острия мудук отсутствовали во всех случаях» [581, 84]. Иными словами, оба руководящих типа орудий «культуры Мудук» почти нигде не были найдены вместе.

Таким образом, в то время как один из ведущих типов орудий «культуры Мудук» вследствие своего всеобъемлющего характера сам по себе едва ли может быть надежным признаком определенной культурной фазы, другой — геометрические микролиты — с большим основанием должен быть отнесен к культуре Пирри и другим современным ей культурам Австралии. Вообще выделение культуры по одному или двум культурным элементам, а не по целому культурному комплексу нельзя признать правильным. В целом между каменными и костяными орудиями культуры Пирри, с одной стороны, и «культуры Мудук» — с другой, нет значительных различий. Такое, например, орудие, как долото тула, сохраняет свое значение и там и здесь. Вот почему так называемую «культуру Мудук» правильнее рассматривать как поздний период культуры Пирри.

Культуга Бонди и другие культуры Восточной и Севегной Австралии

Одновременно с культурой Пирри на востоке Нового Южного Уэльса и на прилегающих территориях Восточной Австралии, расположенных между Тихим океаном и Большим Водораздельным хребтом, существовала другая культура, получившая наименование «культура Бонди». Наименование это, данное ей Ф. Маккарти, происходит от названия орудия, характерного для нее и крайне редко встречающегося в местонахождениях культуры Пирри. Бонди (bondi) — искусно и тонко обработанные отжимной ретушью треугольные в сечении асимметричные острия с притупленным краем, названные так по местности на побережье Нового Южного Уэльса близ Сиднея, где они были найдены впервые. Асимметричные острия — это острия, у которых ретуширован лишь один край; симметричные острия бонди, т. е. такие, у которых ретушированы оба края, очень редки. Некоторые острия бонди достигают 8 см длины и 3 см ширины, но большинство их не превышает в длину 3 см, следовательно, не длиннее микролитов. Так, в одной из стоянок долины Каперти 166 острий бонди имело длину от 1 до 3 см и 38 экземпляров — от 3,1 до 5,2 см, в другой стоянке 41 острие — от 1,5 до 3 см и 16 — от 3,1 до 3,8 см, в третьей 56 орудий — от 1,5 до 3 см и 12 — от 3,1 до 4,6 см. Всего острий бонди во всех горизонтах культуры Бонди долины Каперти найдено 490 экземпляров. Только пять орудий этого типа было обнаружено в горизонтах культуры Каперти (стоянка 1) [531, 208, 214, 221 и табл. 3]. Распространены острия бонди главным образом на во-

стоке Юго-Восточной Австралии.

Многие из них, по-видимому, служили наконечниками или зубцами копий и в этой функции сходны с остриями пирри. Вероятно поэтому острия бонди распространились преимущественно там, где пирри отсутствовали. В свою очередь, острия пирри почти не встречаются в области распространения культуры Бонди и были обнаружены совместно с остриями бонди и долотами тула лишь в пещерах Кенниф и Тумс, расположенных на границе между восточной и центральной культурными областями. Характер каменного инвентаря этих пещер отражает пограничный характер местной индустрии. Далее к востоку острия пирри уже не встречаются. Крайне редки там и долота тула.

Культуры центральной и восточной культурных областей в эту эпоху, по существу, связывают лишь геометрические микролиты и острия мудук, которые в значительном количестве представлены в местонахождениях культур Пирри и Бонди.

Тиндейл полагает, что острия бонди применялись как сверла или шилья для изготовления накидок из шкур, распространенных в Юго-Восточной Австралии вплоть до колонизации. Однако орудия, не превышающие в длину 1,5 см. — а таких среди острий бонди немало, — едва ли пригодны для этой цели. Для прокалывания шкур аборигены обычно пользовались костяными шильями.

Культура Бонди — это культура восточной культурной области, и связана она главным образом с этническими группами, заселившими побережье Тихого океана и область к востоку от Большого Водораздельного хребта. Контакт между восточной и центральной культурными областями был, повидимому, не слишком велик, хотя наличие и там и здесь геометрических микролитов и острий мудук показывает, что эти области не были полностью изолированы одна от другой.

Культура Бонди — преемница, прежде всего, культуры Каперти, а в известной мере также и культур Маунт-Моффат и Кларенс. Тогда как культуры восточной и центральной областей с течением времени все более дифференцируются, в самих культурах восточной области все еще сохраняется немало общего. Культура Бонди как бы вырастает из куль-

туры Каперти и других культур Восточной Австралии в процессе непрерывного прогрессивного культурного развития.

Появление культуры Бонди в долине Каперти имело место около 3 тыс. лет назад. В местонахождениях культуры Маунт-Моффат следы культуры среднего периода начинаются в слоях, лежащих выше 1,5 м, и время их появления (4— 5 тыс. лет назад) совпадает с заключительной фазой термического максимума. В долине р. Кларенс переход к культурной фазе среднего периода произошел около 4 тыс. лет назад. Следовательно, повсюду в Восточной Австралии средний период начинается почти одновременно, около 4 тыс. лет назад. Южная Австралия обогнала в этом отношении Восточную Австралию на несколько тысячелетий — там начало среднего периода относится к появлению культуры Тартанга, а это произошло, как мы знаем, 6—8 тыс. лет назад. Объясняется это, видимо, тем, что в Южной Австралии и в областях, расположенных к западу от Большого Водораздельного хребта, где с глубокой древности сосредоточилось значительное население и где найдены следы древнейших археологических культур, куда в период термического максимума продолжали устремляться с севера, из внутренних областей континента, новые волны переселенцев, обогащая культуру южан, культурная жизнь протекала интенсивнее, чем на востоке, в области, отделенной от остальной Австралии Большим Водораздельным хребтом. Примечательно, что в районе Маунт-Моффат, связанном системой рек с Южной Австралией, переход к культурам среднего периода произошел раньше, чем в сравнительно более изолированной области, лежащей к востоку от Большого Водораздельного хребта.

Начало исследованию культуры Бонди было положено в 1936 г. раскопками Ф. Маккарти близ Лэпстоун-Крик (Lapstone Creek), в местности, находящейся на востоке Нового Южного Уэльса, западнее Сиднея, на восточных склонах Голубых гор, составляющих часть Большого Водораздельного хребта. Здесь под одним из скальных навесов было обнаружено шесть слоев культурных отложений. Материал раскопок четко делится на два культурных периода. Верхние слои содержат орудия культуры Элоуера, относящейся к позднему периоду доколониальной истории аборигенов и дожившей на востоке Австралии вплоть до колонизации. Здесь преобладают отшлифованные топоры и ножи, а также орудия типа элоуера, о которых я скажу дальше. Нижние слои характеризуются индустрией иного типа, среди которой особенно много острий бонди. Из 44 орудий типа элоуера, давших свое имя обнаруженной в поздних слоях культуре, в слоях культуры Бонди было найдено только 5 экземпляров, остальные 39 орудий этого типа залегали выше. В слоях культуры Бонди не было найдено ни одного отшлифованного орудия. В то же время, несмотря на различия в инвентаре, техника обработки каменных орудий оставалась на протяжении обоих периодов в основном одинаковой [506, 1—34].

Орудия типа элоуера характерны главным образом для позднего периода, но их появление в среднем периоде заставляет остановиться несколько подробнее на этом орудии уже здесь. Элоуера (elouera) — это треугольные в сечении сегментовидные орудия с ретушью по краям с притупленным выгнутым краем, достигающие 10 см длины [502, 127—153]. Слово «элоуера» происходит от названия местности на южном побережье Нового Южного Уэльса — Илавара, — где эти орудия были найдены. Элоуера распространены преимущественно на востоке Нового Южного Уэльса, но встречаются и на западе этого штата, в Южной Австралии, вдоль побережья Квинсленда. Элоуера, вероятно, были полифункциональными орудиями и использовались как скребки, ножи, легкие топоры, долота. В последней функции они могли с успехом замещать долота тула в тех районах Восточной

Австралии, куда последние почти не проникли.

В Северном Арнхемленде (Оэнпелли), где долота на рукояти отсутствуют, во время археологических раскопок под одним из скальных наресов было обнаружено необычное не только для Арнхемленда, но и для остальной Австралии орудие типа элоуера, укрепленное посредством смолы на деревянной рукояти. В отличие от обычных долот рабочий край его расположен не поперек линии рукояти, а параллельно ей, как это свойственно топорам. Этим найденное орудие напоминает топор кодья — архаичный тип австралийского топора на рукояти. Сближает его с последним и то, что, как показало рентгеноскопическое фотографирование, орудие не соприкасается с рукоятью, отделяясь от нее массой смолы. Находка интересна тем, что показывает один из возможных способов применения орудия типа элоуера. Авторы публикации полагают, что имеют дело с одним из типов австралийского топора [667, 1—5; 538, 269, 279—280]. Представляется более вероятным, что речь идет об архаичном полифункциональном орудии, которое могло выступать и в качестве топора. Местные жители, даже старики, уже не смогли объяснить назначение этого орудия. Можно полагать, что в некоторых случаях элоуера применялись и без рукояти.

Как мы уже знаем, раскопки в долине Каперти, на западных склонах Голубых гор, показали, что аборигены обитали и здесь в течение многих поколений и что в их истории тоже было несколько культурных периодов, но культура Бонди сменяет здесь более древнюю и более архаичную культуру Каперти. В одной из стоянок долины Каперти острия бонди и геометрические микролиты, столь же характерные для

культуры Бонди, как и для культуры Пирри, не встречаются ниже 90 *см* от поверхности — ниже залегают слои культуры Каперти, — а орудий типа элоуера нет ниже 54 *см*. В другой стоянке острия бонди, геометрические микролиты и орудия типа элоуера не найдены ниже 90 см, но на глубине от 54 до 72 см от поверхности найдены отшлифованные топоры. Таким образом, граница между культурами Бонди и Каперти проходит в этих двух стоянках примерно на глубине 90 см, причем в слоях культуры Бонди наряду с остриями бонди и геометрическими микролитами появляются пока еще в незначительном количестве орудия типа элоуера (как и в Лэпстоун-Крик), а позже и отшлифованные топоры. Всего орудий типа элоуера во всех стоянках долины Каперти найдено 12. Неизмеримо возрастает количество резцов: в горизонтах культуры Каперти они насчитывались единицами, тогда как в горизонтах культуры Бонди их выявлено 89. Это крупнейшая серия резцов из открытых до сих Австралии. Маккарти полагает, что резцы применялись для орнаментации деревянных изделий. Один из микролитов (негеометрического типа) был вставлен в ком смолы, с которой он и был найден; противоположная сторона куска смолы сохранила след торцовой части деревянной рукояти. Крепление орудий на рукояти — характерная черта культур среднего периода. Одно долото тула и одно орудие типа баррен были найдены лишь в наиболее поздних слоях. С другой стороны, несколько острий бонди было обнаружено в позднейших слоях стоянки Фроммс-Лендинг на нижнем Муррее. Возраст одного из этих слоев (скальный навес 6) — 2950 ± 600 ± 91 год. Оба эти факта, очевидно, отражают развитие межгрупповых и межобластных связей в это сравнительно позднее время. В то же время, как считает Маккарти, постепенный и непрерывный переход от культуры Каперти к культуре Бонди едва ли совместим с представлением о приходе сюда новой этнической волны [531, 199—201, 222, 234—237, табл. 3].

Возникновение культуры Бонди знаменует собой новый этап в прогрессивном развитии культуры местного населения. В отличие от Южной Австралии к востоку от Большого Водораздельного хребта этот сдвиг совпал лишь с заключительной фазой термического максимума. Широкое распространение здесь, в отличие от более западных областей, острий бонди и отсутствие острий пирри показывает, что области к востоку от Большого Водораздельного хребта развивались в значительной мере самостоятельно. Что же касается техники изготовления геометрических микролитов, то можно допустить ее проникновение в приморские области Восточной Австралии в результате межгрупповых связей не только по течению Дарлинга и затем через Викторию, но и непосредственно с севера, по древнему пути расселения этнических

групп, двигавшихся на юг вдоль восточного побережья Австралии.

Отшлифованные топоры (всего 3 экземпляра), найденные в верхних горизонтах стоянки 3 долины Каперти, характерны для более поздней культуры Элоуера, и отнесение этих горизонтов к культуре Бонди может возбудить сомнения. Однако шлифование каменных орудий началось еще в среднем периоде, а может быть и ранее. К этому вопросу мы еще вернемся.

Кроме названных выше, в горизонтах культуры Бонди долины Каперти были найдены орудия, которые Маккарти определяет как нуклеусы (в том числе призматические), нуклевидные орудия, отбойники и ретушеры, скребки, ножи, килевидные колуны ворими, уже знакомые нам по культуре Каперти, орудия с пильчатой ретушью и другие типы. Ворими имеют некоторое сходство с орудиями типа элоуера. Разница состоит в том, что ворими — это тяжелые орудия, напоминающие чопперы, а элоуера — небольшие легкие орудия, подобные долотам тула.

Костяных орудий в горизонтах культуры Бонди долины Каперти найдено ничтожно мало: всего два — шило и широкий заостренный инструмент неопределенного назначения.

Элементы культуры Бонди (острия бонди, геометрический микролит) наряду с отшлифованными орудиями и орудиями из кости свойственны наиболее поздним горизонтам пещеры

Нула (см.: «Культура Каперти»).

Одна из стоянок долины Каперти (стоянка 4) представляет собой своеобразную смесь характерных особенностей двух культур — Каперти и Бонди, что служит хорошей иллюстрацией непрерывного развития, постепенного перерастания культуры Каперти в культуру Бонди с сохранением во второй некоторых традиций первой. Наличие острий бонди во всех горизонтах этого местонахождения заставляет отнести

его все же к культуре Бонди [531, 225—227].

Сравнение материалов из горизонтов Каперти и Бонди показывает, что набор орудий по типам в последних стал значительно более разнообразным. Большие, грубо обработанные отщепы и пластины, столь характерные для культуры Каперти, все еще сохраняются и в культуре Бонди, но уже не составляют основной массы орудий, как прежде, а уступают свое место другим, более совершенным типам орудий, значительная часть которых — это небольшие, тонко обработанные острия бонди и геометрические микролиты. Монофасы на гальках в культуре Бонди исчезают, но ворими сохраняются. Некоторые орудия по прежнему обработаны пильчатой ретушью. Резцов становится неизмеримо больше. В отличие от основной массы орудий культуры Каперти значительная часть орудий культуры Бонди предназначена для использования на

рукояти. Развитие техники резцового скола, укрепление орудий на рукояти, долото тула и орудие типа баррен в поздних горизонтах культуры Бонди — все это показывает, что обработка дерева развивается здесь, на Востоке, точно так же, как и в Южной Австралии. Наряду с развитием и совершенствованием деревообделочных инструментов появляются, как и в Южной Австралии, новые формы универсальных орудий — таковы, например, орудия типа элоуера. Геометрические микролиты залегают на Востоке совместно с остриями бонди, подобно тому как в Южной Австралии они залегают

совместно с остриями пирри. Итак, несмотря на то что культурное развитие приморской области Восточной Австралии шло своим обычным путем, наступление нового культурного этапа — культуры Бонди ознаменовалось здесь явлениями того же характера, что и в Южной Австралии, в культурах Тартанга и Пирри: размеры орудий уменьшаются, развивается микролитическая техника, появляются орудия на рукоятях, начинается обработка дерева, появляются новые универсальные орудия. Причина этих изменений в обеих частях Австралии была одна и та же — прогрессивное развитие культуры, связанное на Востоке, как и в Южной Австралии, с изменениями в естественногеографической среде и проникновением новых технических идей. Однако в отличие от Южной Австралии приход в Восточную Австралию новых групп населения в эпоху термического максимума представляется маловероятным. Новые идеи распространялись здесь главным образом в результате межгруппового общения.

В изготовлении орудий культуры Каперти архаичная клектонская техника обивки отщепов и пластин своеобразно сочеталась с техникой отжимной ретуши. В культуре Бонди к этим техническим приемам прибавилась леваллуазская техника подготовки нуклеуса для изготовления острий бонди и скребков. Отжимной ретушью обрабатывались те же острия

бонди и геометрические микролиты.

Возраст одного из наиболее поздних горизонтов фазы Каперти (стоянка 3) составляет 3623 ± 69 лет (глубина ок. $105 \, cm$). Уголь из той же стоянки, взятый на глубине $20-25 \, cm$, имеет возраст 2865 ± 57 лет. Образец получен из второго слоя — одного из наиболее поздних слоев фазы Бонди [627, 24]. Здесь найдены такие орудия, как отшлифованный топор,— важная веха для выяснения вопроса о том, когда началось шлифование каменных орудий в Восточной Австралии,— микролит со следами прикрепления к рукояти посредством смолы, орудие типа элоуера, скребки, ножи, резцы, отбойники, ретушеры, орудия, обработанные пильчатой ретушью, острия бонди и геометрические микролиты. Фаза Бонди продолжалась в долине Каперти около 800 лет. В конце

14 в. Р. Кабо

ее, как полагает Маккарти, стоянки долины Каперти были по неизвестной причине покинуты ее обитателями [627, 25].

Картина, аналогичная открытой в слоях культуры Бонди в долине Каперти, обнаружена в одной из раковинных куч к северу от Сиднея, где острия бонди залегали совместно с геометрическими микролитами, отшлифованными топорами и резцами [136, 8].

Смена культуры Каперти культурой Бонди хорошо прослеживается и в стоянке Курракьюранг, расположенной в районе Сиднея и уже знакомой нам в связи с культурой Каперти. Серия радиоуглеродных дат, полученных для этой стоянки, выглядит следующим образом. Кроме уже известной нам даты 7450 ± 180 лет, относящейся к нижнему слою, содержавшему следы культуры Каперти, имеются следующие даты (в скобках указана глубина слоя) [541, 203]:

```
Современная <200 и <230 (ок. 23 см) 1580\pm130 лет, или 370\pm130 г. н. э. (ок. 68 см) 2150\pm180 лет (ок. 75 см) 2500\pm400 лет (ок. 98 см) 3880\pm150 лет (ок. 68 см) 3000+120 лет (ок. 68 см)
```

Несоответствие глубин возрасту слоев Дж. Мегоу объясняет наклонным положением последних.

Средние слои стоянки Курракьюранг характеризуются классическим материалом культуры Бонди: здесь и геометрические микролиты, и острия бонди, и отшлифованные топоры. Все эти орудия сосредоточены преимущественно в двух слоях, имеющих возраст 1580 ± 130 лет и 2150 ± 180 лет. Предшествующие слои носят, скорее, переходный характер: острия бонди и геометрические микролиты найдены там в ничтожном количестве, и в целом индустрия этих слоев имеет еще архаический облик: здесь представлены и орудия на отщепах, и чопперы. Острия пирри в стоянке отсутствуют.

Приведенная выше серия дат позднее дополнена еще несколькими датами от 840 ± 90 лет, или 1110 ± 90 г. н. э., до 2360 ± 90 лет. Первая дата относится, как считает Мегоу, к позднейшему горизонту фазы Бонди, а вторая — к одному из ранних горизонтов той же фазы [543, 12; 544, 26—30].

Недавно в районе Сиднея раскопана еще одна стоянка, которая, по мнению автора отчета, служила временным обиталищем маленькой группы аборигенов, состоявшей из одной или двух семей, занятых главным образом рыболовством и собиранием моллюсков. Инвентарь стоянки четко делится на две культурные фазы, приуроченные к двум различным слоям. Ранняя фаза характеризуется геометрическими микролитами, орудиями типа бонди и элоуера, скребками, отбойниками и ретушерами, нуклеусами. В поздней фазе микролиты, бонди и элоуера исчезают, но в остальном характер

индустрии не меняется и новые типы орудий не появляются [770, 35—40]. Отсутствие микролитов и орудий типа бонди характеризует, как мы знаем, и другие местонахождения Во-

сточной Австралии в позднем периоде.

Заключительный этап фазы Бонди и в то же время переход к следующему, позднему периоду прослеживается в стоянке под скальным навесом в заливе Порт-Хэкинг, южнее Сиднея. Абсолютный возраст местонахождения—1220 ± 55 лет, или 730 ± 55 г. н. э. Каменные орудия включают такие типы, как острие бонди, орудия типа элоуера и баррен, резцы, отбойники и ретушеры, нуклеусы и несколько неспециализированных отщепов, а также впервые появляются каменные стержни от сложных рыболовных крючков. Итак, в среднем периоде уже появились рыболовные крючки. До XIX в. они распространились вдоль восточного побережья Австралии, на п-ове Кейп-Йорк и в Арнхемленде. Кроме того, найдены топор с подшлифованным лезвием, обломок другого топора и отщепы с подшлифованным краем. Автор отчета полагает, что зашлифованная поверхность на отщепах образовалась от употребления, а не произведена намеренно. Подобные находки были сделаны и в некоторых других местонахождениях Восточной Австралии, относящихся к среднему периоду, а также в Арнхемленде. В стоянке Порт-Хэкинг найдены также костяные острия типа мудук. В верхней части культурного слоя находился скелет женщины примерно 27-летнего возраста, лежавшей на боку, с сильно согнутыми ногами; следов намеренного погребения не обнаружено. У входа в пещеру сохранились следы от ветрового заслона. В целом местонахождение дает представление о сезонном обиталище полукочевой группы, занимавшейся охотой и рыболовством в устье реки более тысячи лет назад [542, 23—50].

Раскопки в долине р. Хантер, в восточной части Нового Южного Уэльса, недавно ознаменовались открытием новых местонахождений культуры Бонди. Возраст одного из этих местонахождений — 1300 ± 100 лет [557, 34—41]. Более ранние исследования в этом районе привели к открытию культу-

ры Элоуера [536, 210—230].

Переход от очень архаичной культуры раннего периода — культуры Маунт-Моффат — к более развитой культуре среднего периода прослеживается и в местонахождениях Южного Квинсленда — в пещерах Кенниф и Тумс. Как мы помним, население этой области было связано, с одной стороны, с этническими группами, расселявшимися к югу по Дарлингу, Муррею и их притокам, с другой — с группами, расселявшимися вдоль восточного побережья Австралии. Вот почему в культурном отношении район этот занимал промежуточное положение между центральной и восточной культурными областями. Это со всей очевидностью показывают археологи-

ческие материалы указанных местонахождений. Поздние культурные слои этих пещер, залегающие выше 1,5 м, характеризуются не только остриями бонди и геометрическими микролитами — здесь найдены и острия пирри. В отличие от стоянок долины Каперти смена архаической культурной фазы более развитой фазой среднего периода произошла здесь не постепенно и непрерывно, как в долине Каперти, а после перерыва, продолжавшегося несколько тысячелетий. Очевидно, все это время стоянки были покинуты, а затем заселены этническими группами, культура которых характеризовалась, с одной стороны, чертами, свойственными культуре Бонди, с другой — некоторыми элементами культуры Пирри, распространенной в Южной Австралии и Дарлинга. Но, как и в долине Каперти, древние традиции еще долгое время сохранялись в этой новой, в целом значительно более развитой культуре.

Подавляющее большинство орудий, найденных в горизонтах среднего периода пещер Кенниф и Тумс, предназначено

для использования на рукояти.

В то время как культурные различия между Южной и Восточной Австралией, между центральной и восточной культурными областями в среднем периоде стали заметнее посравнению с ранним периодом, культурная близость между этническими группами, населявшими восточную культурную область, как и Южную Австралию, продолжала в известной мере сохраняться, а в некоторых отношениях даже усилилась. В этом сказалось действие тенденций, сглаживающих культурные различия, неизбежно образующиеся в процессе расселения, — развитие межгрупповых и межобластных свя-. зей и контактов, обмен материальными ценностями и идеями. В пределах каждой культурной области этот обмен облегчался исконной этнической и культурной близостью вовлеченных в него групп и отсутствием географических преград.

Из 14 радиоуглеродных дат, полученных для пещеры Кенниф, 7 дат относятся к слоям, лежавшим выше 1.5 м.

Даты эти таковы (в скобках — глубина слоя):

```
1600+100 лет, или 350+100 г. н. э. (ок. 40 см)
2 550 ± 90 лет (ок. 70 см)
3 830 ± 90 лет (ок. 80 см)
4 130 ± 90 лет (ок. 110 см)
5 020 ± 90 лет (ок. 125 см)
5370 \pm 140 лет (ок. 135 см)
4 650+100 лет (ок. 140 см)
```

Для средней культурной фазы пещеры Тумс получены следующие даты: 3400 ± 97 лет (ок. 60 см) и 3600 ± 93 года (ок. 100 см) [589, 169].

Как мы уже знаем, наиболее поздней датой фазы Маунт-Моффат в пещере Кенниф была 9300 ± 200 лет, а соответствующая дата, полученная для пещеры Тумс, — 9410 ± 100 лет. Налицо, таким образом, упомянутый уже хронологический разрыв в несколько тысячелетий между культурными фазами раннего и среднего периодов. Типологические различия между обеими фазами тоже значительны. В то время как в раннем периоде преобладали скребки всевозможных форм, в среднем периоде они встречаются очень редко и уступают место тонко ретушированным микролитам и остриям бонди, использование которых возможно только в составных оруди-

ях и предполагает употребление рукояти. Таблицы в работах Дж. Малвени, посвященных раскопкам в пещерах Кенниф и Тумс, дают наглядное представление о соотношении орудий, предназначенных и не предназначенных для использования на рукояти, в разные периоды на протяжении последних 5 тыс. лет [589, 173, рис. 6 и 7; 587, 88]. На глубине ок. 120 см количество орудий, предназначенных для рукояти, достигало 40%. В дальнейшем, на глубине от 90 до 60 *см*, оно возросло до 70—75%. Но затем вдруг резко сократилось, снова начали господствовать архаические орудия, не предназначенные для рукояти. На глубине от 60 до 45 см тех и других было еще примерно поровну, но уже на глубине от 45 до 30 см количество орудий, не предназначенных для рукояти, достигло 100%. И только на глубине менее 30 см от поверхности вновь появляется некоторое количество орудий, предназначенных для рукояти, однако не более 25%. Резкое сокращение орудий, знаменующих собой технический прогресс, и даже их исчезновение на глубине от 45 до 30 *см* произошло примерно 1600 лет назад, а их преобладание на глубине от 90 до 60 *см* приходится на период времени приблизительно от 4000 до 2000 лет и совпадает с окончанием термического максимума и с первыми двумя тысячелетиями, последовавшими за этим. Вначале это примерно соответствует фазе Пирри, но культурный кризис на Востоке начался позже, чем на Западе. Но ведь и средний период начался здесь, на Востоке, позже. Резкое ухудшение условий жизни, наступившее в конце термического максимума, особенно сильно затронуло население внутренних областей континента и в первую очередь отразилось на их непосредственных соседях — аборигенах Южной Австралии. Культурный кризис, как бы цепной реакцией распространившийся из внутренних областей материка на остальную Австралию, на аборигенах Восточной Австралии отразился в самую последнюю очередь.

Орудия, которые характеризовали культуру раннего периода,— в основном скребки — мало изменились и в культуре среднего периода, хотя количество их сократилось. Встречаются здесь также нуклеусы и нуклевидные орудия, отбойники, орудия, которые Малвени называет «чопперами-скреб-

лами» (5 таких орудий найдены в наиболее поздних горизонтах); на глубине ок. 45 см обнаружено дисковидное орудие на отщепе типа арапиа, знакомое нам уже по культуре Карта. Арапиа, «чопперы-скребла», скребки — все это показывает, что древние технологические традиции удерживались здесь, видимо, на протяжении всего того времени, пока пещеры оставались обитаемыми.

Но наряду с этим в культуре среднего периода пещер Кенниф и Тумс появляются совершенно новые орудия, которых здесь прежде не было. Рассмотрим находки в пещере Кенниф. Это — долота тула (они встречаются во всех поздних горизонтах, начиная с глубины 90 см), орудия типа элоуера (всего 5 орудий этого типа найдены на глубине 120 до 94 см), резец (на глубине ок. 77 см), геометрические микролиты (на глубине от 80 до 60 см), острия бонди (на глубине ок. 80 см), острия пирри (на глубине ок. 107 см), большие ножи типа джуан, аналогичные найденным в культуре Каперти и европейским позднепалеолитическим остриям типа оди и шательперрон, с характерно изогнутой и притупленной спинкой (в пещере Кенниф они обнаружены лишь в самых поздних горизонтах, и их древность не превышает 600 лет), и, наконец, отшлифованный топор (на глубине ок. 60 см найдены два фрагмента, видимо, одного и того же орудия); кроме того, на глубине ок. 107 см обнаружена галька со следами шлифования [589, табл. 3]. В среднем периоде появляются несомненные призматические нуклеусы.

Таким образом, долота тула распространились в этом переходном в культурном отношении районе около 4 тыс. лет назад, т. е. значительно раньше, чем в долине Каперти, но почти в то же время, что и в стоянке Тартанга на нижнем Муррее. Острия бонди появляются 3800 лет назад. Геометрические микролиты здесь, как и в долине Каперти, залегают совместно с остриями бонди и появляются около 3800 лет назад. Шлифование каменных орудий, как и в долине Каперти, начинается еще в среднем периоде, но в отличие от долины Каперти здесь оно отмечено более ранней датой около 4 тыс. лет назад. Однако несомненный отшлифованный топор из пещеры Кенниф имеет примерно тот же возраст, что и в долине Каперти, — около 2500 лет. Еще раньше, около 5 тыс. лет назад, появляются орудия типа элоуера. Острий пирри в долине Каперти нет совсем, здесь же они появляются около 4 тыс. лет назад. Вспомним, что на нижнем Муррее острия пирри и геометрические микролиты появились около 4800 лет назад. В район Маунт-Моффат геометрические микролиты проникают позже, то острия пирри появляются здесь по сравнению с нижним Мурреем лишь с относительно небольшим опозданием. Зато отшлифованных орудий в культуре Пирри на нижнем Муррее нет совсем.

Все это говорит о том, что элементы культуры Пирри проникли на юг Квинсленда сравнительно рано. Как указывалось выше, они могли распространиться сюда, как и в Южную Австралию, с севера, а в конечном счете — из Индонезии, но возможно их проникновение сюда и в обратном направлении — из Южной Австралии, по Дарлингу и его притокам. С севера или с восточного побережья Австралии сюда сравнительно рано распространилась и техника шлифования камня, которая Южной Австралии в эту эпоху еще не достигла.

Так же как и на нижнем Муррее, острия пирри и геометрические микролиты в районе Маунт-Моффат со временем исчезают и в позднейших горизонтах уже не встречаются. Та же судьба постигает здесь и острия бонди. Все это связано с культурным кризисом, разразившимся здесь уже после термического максимума. Так, геометрические микролиты не встречаются в пещере Кенниф позже 2 тыс. лет назад. Острия пирри залегают здесь только в одном горизонте, а бонди — в двух смежных горизонтах. Острия пирри пещер Кенниф и Тумс отличаются необычно малыми размерами.

Интересной находкой являются в пещере Кенниф односторонние, тонко ретушированные, асимметричные острия, которые Малвени выделяет в своей классификации в отдельную группу, хотя они имеют некоторое сходство с остриями бонди, им, впрочем, не отмеченное. Они появляются здесь впервые на глубине 120 см, следовательно, раньше, чем острия пирри и типичные острия бонди [589, 188 и табл. 3]. Их можно рассматривать как исходную форму острий бонди. Кроме того, они имеют некоторое сходство с остриями типа воаквине, найденными на юго-востоке Южной Австралии в районе хребта Воаквине. Как мы помним (см.: «Культура Маунт-Моффат»), там была найдена индустрия, имеющая известное сходство с каменными индустриями культур Маунт-Моффат и Каперти, а также Тасмании. Ножи типа джуан, обнаруженные в пещере Кенниф и в долине Каперти, тоже были найдены в юго-восточной части Южной Австралии и в Тасмании. Все это — еще одно свидетельство культурных связей, существовавших в ту отдаленную эпоху между Южным Квинслендом, с одной стороны, и Южной Австралией — с другой. Связи эти, как уже отмечалось, могли осуществляться по Дарлингу, Муррею и их притокам. О связях культурами Каперти и Маунт-Моффат, с одной стороны, и Тасмании — с другой, мы уже говорили.

Судя по этнографическим данным, относящимся к XIX в., ножи типа джуан имели рукояти из куска шкуры, которой обертывалось основание орудия [589, 190—191]. Такие же рукояти могли иметь европейские острия типа оди и шатель-

перрон.

Следует отметить, что в пещере Кенниф орудия типа элоуера залегают ниже острий бонди, тогда как в классическом местонахождении Лэпстоун-Крик, позволившем Маккарти выделить два культурных периода — Бонди и Элоуера, большинство орудий элоуера залегает выше острий бонди. Для пещеры Кенниф характерно также то, что и отшлифованный топор найден здесь ниже острий бонди, тогда как в Лэпстоун-Крик, в слоях культуры Бонди, ни одного отшлифованного орудия найдено не было.

Наиболее поздние горизонты пещеры Кенниф относятся уже ко времени культуры Элоуера, хотя материалы пещеры не дают возможности сказать, распространилась ли эта культура и в данном археологическом районе и когда это произошло. Однако период, когда исчезли геометрические микролиты и острия бонди и из орудий, используемых на рукояти, остались только долота тула, ножи джуан и, возможно, отшлифованные топоры, можно рассматривать наступления позднейшей культурной фазы, хронологически соответствующей культуре Элоуера. Типологически эта фаза характеризуется не только наличием орудий, свойственных культуре Элоуера, таких, как орудия типа элоуера и отшлифованные топоры, но и отсутствием орудий, свойственных преимущественно культурам среднего периода, — геометрических микролитов и острий пирри и бонди. Таким образом, граница между культурой среднего периода и более поздней культурной фазой проходит здесь примерно на глубине $50 \, c$ м, или около $2 \, \text{тыс.}$ лет назад.

Между культурой Бонди восточной части Нового Южного Уэльса (Лэпстоун-Крик, долина Каперти) и культурой среднего периода пещер Кенниф и Тумс, конечно, есть различия. Но, как мы видели, между ними имеется и немало общего. Вот почему находки в пещерах Кенниф и Тумс можно рассматривать как особый локальный вариант культуры Бонди, обладающий вследствие своего географического положения некоторыми элементами культуры Пирри, а вследствие удаленности от местонахождений области Голубых гор — и вполне понятным своеобразием.

Приблизительно в 32 км от пещеры Кенниф, на противоположном, восточном склоне Большого Водораздельного хребта ведутся раскопки в пещере Кэсидрел (Cathedral Cave), замечательной галерее первобытного австралийского искусства. По предварительным сведениям, здесь найдены геометрические микролиты, элоуера, резцы, скребки, долота тула и отшлифованные топоры. Однако — и это очень характерно для стоянок, расположенных к востоку от Большого Водораздельного хребта,— в отличие от пещер Кенниф и Тумс острий пирри здесь обнаружено не было [211; 212, 237]. Местонахождение в пещере Кэсидрел, в котором не найдены и острия бонди, занимает особое место в ряду культур восточной области. Здесь выделены три культурные фазы, в

поздней микролиты отсутствуют.

Как мы помним, среди древнейших археологических культур Восточной Австралии совершенно особое место занимала культура, местонахождения которой открыты в долине р. Кларенс на севере Нового Южного Уэльса. Как же изменился культурный облик местного населения в среднем периоде? Археологические материалы показывают, что, как и повсюду в это время, каменный инвентарь стал и здесь совершеннее и разнообразнее. Однако монофасы на гальках по-прежнему сохраняют все свое значение. Мы уже знаем, что орудия на пластинах появились в стоянке Силендс только в V слое, возраст которого составляет 4040 ± 65 лет, и культуру этого слоя можно поэтому рассматривать как переходную к культурной фазе среднего периода. Орудия на пластинах представлены и в местонахождении Уомба, в слое, возраст которого — 3230 ± 100 лет. Но индустрия и этого слоя по своему характеру не относится еще всецело к культурной фазе среднего периода.

Индустрия слоя IIIA стоянки Силендс в целом уже иная — наряду с гальками-монофасами (чопперами, суматралитами и т. д.), разнообразными орудиями на отщепах и пластинах знакомых уже типов, здесь впервые появляются острия бонди и геометрические микролиты. Первоначально для слоя IIIA была получена дата 3870 ± 120 лет [491, 312—313], затем 2850 ± 50 лет и, наконец, 1210 ± 30 лет, или 740 ± 30 г. н.э. [496, 265]. Все три даты относятся к различным глубинам и расположенным в стороне один от другого

квадратам.

Дата 3870 ± 120 лет стоянки Силендс совпадает с датой 3880 ± 150 лет стоянки Курракьюранг. Культурные остатки соответствующих слоев также близки. Даты 2850 ± 50 лет и 1210 ± 30 лет стоянки Силендс также довольно хорошо сопоставляются с датами 2150 ± 180 лет и 1580 ± 130 лет, полученными для основных слоев культуры Бонди в стоянке Курракьюранг. Еще лучше дата 2850 ± 50 лет согласуется с датой одного из слоев культуры Бонди в долине Каперти — 2865 ± 57 лет. Наконец, последние две даты и дата 2150 ± 180 лет (стоянка Курракьюранг) близки к дате 2550 ± 90 лет для одного из слоев фазы Бонди в пещере Кенниф.

Ниже слоя IIIA стоянки Силендс найден отшлифованный топор, что, впрочем, вполне соответствует другим данным о времени возникновения шлифования каменных орудий в Восточной Австралии. В долину Кларенс техника шлифования проникла задолго до того, как здесь исчезли архаиче-

ские орудия из галек и чопперы.

Абсолютный возраст слоя III стоянки Силендс — 870 ± 80 лет, или 1080 ± 80 г. н.э. Глубина слоя — 30 см. В горизонте много костей животных и костяных орудий, а также орудий на пластинах и галек-монофасов. Верхние два слоя этой стоянки изобилуют законченными ретушированными орудиями на отщепах и пластинах, включая геометрические микролиты; встречаются также гальки-монофасы, элоуера и орудия из кости. Для слоя II получены следующие даты: 910 ± 80 лет, или 1040 ± 80 г. н. э. (глубина 23-30 см), и 350 ± 60 лет, или 1600 ± 60 г. н. э. (глубина 15-23 см) [627, 20].

Большим сходством с находками из пещеры Силендс обладают материалы из скального навеса Чэмбинь (Chambigne) на р. Кларенс: геометрические микролиты как преобладающий тип орудий залегают здесь совместно с гальками-монофасами. Для горизонта, находящегося на глубине 8 см и содержащего геометрические микролиты и микролитические орудия из раковин, получена дата 1350 ± 75 лет, или 600 ± 75 г. н. э. Возраст горизонта, находящегося на глубине ок. 75 см и содержащего очень большое количество геометрических микролитов и орудия из галек, составляет 1640 ± 80 лет, или 310 ± 80 г. н. э. Рядом, в Джэкис-Крик (Jacky's Creek), гальки-монофасы все еще залегают с орудиями на пластинах и обломками отшлифованных топоров в слое, возраст которого составляет 1225 ± 70 лет, или 725 ± 70 г. н. э. (глубина — ок. 20 см) [627, 21-22].

Некоторые из приведенных выше дат хронологически относятся уже к позднему периоду доколониальной истории австралийцев, хотя типологически соответствующие материалы почти не отличаются от типичных местонахождений среднего периода. Вот почему нам поневоле приходится упоминать и об этих, более поздних материалах. Для Австралии это вообще характерно: то, что является типичным для какого-либо периода, возникает еще в недрах предшествующего и исчезает тоже не сразу, а постепенно, иногда — на протяжении всего последующего периода. Хронологические границы периодов в одних областях Австралии лежат глубже, в других — сдвинуты в значительно более позднее время. О причинах этого мы уже не раз говорили.

Для местонахождения Уомба тоже было получено несколько более поздних дат, от 3040 ± 120 лет до 1530 ± 90 лет, или 420 ± 90 г. н. э. [627, 22—23]. В соответствующих горизонтах наряду с односторонне обработанными орудиями из галек найдены острия бонди. Для последних наиболее ранняя дата $3 \, {\rm дес} - 2930\pm100$ лет (слой IIA, глубина $63 \, {\it см}$). В том же слое на глубине $45 \, {\it cm}$, в другом квадрате, найден обломок отшлифованного топора. Возраст этой на-

ходки — 3040 ± 120 лет.

Однако в слое VI стоянки Уайтмен-Крик найдены только орудия на отщепах и гальках, обработанных с одной сточисле чопперы, суматралиты и другие типы, свойственные хоабиньским культурам Юго-Восточной Азии. Для местонахождения Уайтмен-Крик получены следующие даты: для слоя $VI - 1870 \pm 140$ лет, или 80 ± 140 г. н.э., и 1640 ± 120 лет, или 310 ± 120 г. н.э., для слоя $I - 310 \pm$ \pm 100 лет, или 1640 \pm 100 г. н.э. [496, 260—261]. Слой I, самый верхний и поздний культурный слой пещеры, содержит большое количество сломанных костей, но очень мало законченных, ретушированных орудий, к числу которых относятся четыре небольших отщепа с ретушью вдоль одного края и галька, обработанная с одной стороны. Такая архаичность индустрии в столь позднее время — еще один пример, подтверждающий сделанное выше обобщение. Бедность культурного инвентаря слоя I поразительно напоминает местонахождение Глен-Эйр (Виктория), возраст которого — 370 ± ± 45 лет (см.: «Культура Пирри»). Таким образом, последствия культурного кризиса еще очень долго сказывались на периферии континента и захватили не только Викторию, но и Новый Южный Уэльс. Правда, связанный с этим технический регресс был лишь частичным и относительным: в это время существовали уже отшлифованные топоры и продолжали выделываться разнообразные орудия из дерева.

К несколько более раннему времени относятся находки под скальным навесом Бендимир (Bendemeer), интересным своими петроглифами, выполненными красной охрой. Для пещеры получена серия дат, сравнительно поздних, от 740 ± 40 лет назад, или 1210 ± 40 г. н. э. (глубина 17~cм), до 410 ± 40 лет, или 1540 ± 40 г. н. э. (глубина 10-13~cм) [627, 23]. Все эти даты относятся к двум верхним слоям, по-видимому небогатым находками, — сообщается только, что здесь найдены орудия на пластинах. Однако ниже залегают культурные слои, содержащие богатый и разнообразный инвентарь, включающий острия бонди, геометрические микролиты, резцы и два отшлифованных топора. Возраст этих на-

ходок не указывается.

Две радиоуглеродные даты — 1090 ± 60 лет, или 860 ± 60 г. н.э., и 1230 ± 50 лет, или 720 ± 50 г. н.э., — получены для погребения под небольшим скальным навесом Блэкслендс-Флэт (Blaxland's Flat), содержащего останки более семи человек, завернутых в кору и прикрытых сверху глыбами песчаника [495, 260—261]. Погребение характеризует один из локальных вариантов погребальных обычаев при переходе от среднего к позднему периоду.

Итак, культурная фаза среднего периода в долине р. Кларенс характеризуется следующими особенностями: необычайной стойкостью древних технологических традиций, явным воздействием хоабиньских культур Юго-Восточной Азии (эта черта была характерна и для раннего периода) и наряду с этим вторжением новых индустриальных форм, свойственных в то время и другим культурам Восточной Австралии,— отшлифованных орудий, острий бонди и геометрических микролитов. Все большее развитие получают и орудия из кости. Следовательно, хотя этот археологический район и в среднем периоде продолжает занимать особое место среди других культур Восточной Австралии, элементы культуры Бонди

проникли и сюда.

Существование культуры Бонди и других культур среднего периода продолжалось в Восточной Австралии в среднем от 4 тыс. до 1 тыс. лет назад. Около 4 тыс. лет назад впервые в Восточной Австралии появляются отшлифованные орудия, которым суждено будет стать одним из ведущих типов орудий позднего периода, распространившихся в этом периоде далеко за пределами Восточной и Северной Австралии. Между тем характерные орудия среднего периода острия бонди и геометрические микролиты - в позднем периоде исчезают, местами раньше, местами позже. Культура Бонди и другие родственные ей культуры среднего периода связаны с этническими группами Восточной Австралии, расселившимися преимущественно на плоскогорьях Большого Водораздельного хребта и к востоку от него. Культурное развитие этих групп, отрезанных от остальной Австралии географическими барьерами, протекало в известной мере независимо от центральной культурной области, население которой обогнало их в своем развитии, несмотря на то что многое сближало их как в отношении общих тенденций культурного развития, так и в конкретных формах их проявления. Немалую роль при этом сыграл обмен материальными и духовными ценностями, преодолевавший и географические рубежи, и расстояния.

Провести границы культуры Бонди и родственных ей культур Восточной Австралии на современном уровне археологических исследований еще нелегко. На западе такой границей в основном является Большой Водораздельный хребет, на западных склонах которого, как это видно из раскопок в Маунт-Моффат, культуры восточной культурной области постепенно сливаются с культурами центральной области. Острия бонди вместе с геометрическими микролитами в большом количестве были найдены на поверхности земли, там, где когда-то были стоянки аборигенов: в районе г. Кондоболин, т. е. в центральной части Нового Южного Уэльса, на западных склонах Большого Водораздельного хребта, в долине р. Лаклан — одного из притоков Муррея. Очень много здесь также долот тула и орудий типа баррен и элоуера, встречаются острия пирри [344]. Район этот находится запад-

нее Голубых гор и долины р. Каперти. Влияние восточной культурной области распространилось сюда по течению р. Лаклан, и долина этой реки запяла в культурном отношении такое же промежуточное положение, что и район Маунт-

Моффат.

По течению этой реки элементы культуры Бонди проникли и в низовья Муррея. В небольшом количестве острия бонди наряду с геометрическими микролитами, остриями пирри и долотами тула встречаются на западе Нового Южного Уэльса — в районе г. Брокен-Хилл [402] и на севере Нового Южного Уэльса — в долине Дарлинга [344], куда они могли распространиться из района Маунт-Моффат и прилегающих районов Южного Квинсленда.

Северные и южные границы культуры Бонди и родственных культур еще менее ясны. Необходимы дальнейшие исследования и в Квинсленде, и в Виктории. Сборы материала на побережье Виктории показали, что острия бонди и геометрические микролиты в изобилии встречаются и здесь, тогда как элоуера, пирри и тула отсутствуют [555, 466—470]. Если исключить элоуера, такое размещение типов орудий характерно, как мы знаем, и для восточной части Нового Южного Уэльса. Раскопки дюн на побережье п-ова Вильсонс-Промонтори, на крайнем юго-востоке Виктории, привели к открытию элементов культуры Бонди сравнительно раннего возраста. Для культурных горизонтов исследованных дюн получены следующие даты: 6550 ± 100 лет, $3920 \pm$ \pm 90 лет, 3480 ± 90 лет и 3060 ± 100 лет. Орудия на пластинах, относимые автором отчета к культуре Бонди, найдены в горизонтах, возраст которых — 3480 ± 90 лет и 3920 ± 90 лет [228, 28—29].

Далее на запад острия бонди распространились вплоть до юго-восточной части Южной Австралии и нижнего Муррея [137, 6]. Происходило это, очевидно, на протяжении нескольких тысячелетий. Острия бонди наряду с долотами тула, пирри и микролитами встречаются как подъемный материал на стоянках других частей Южной Австралии и в прилегающих районах Западной Австралии [402]. Здесь их, однако, очень немного, и они, очевидно, распространились сюда сравнитель-

но поздно из Восточной Австралии.

Сборы подъемного материала в Северо-Западном Квинсленде показали, что преобладают здесь долота тула, встречаются также острия пирри и геометрические микролиты; острия бонди и элоуера здесь редки [344]. По-видимому, и эта зона, подобно западным отрогам Большого Водораздельного хребта, имеет переходный характер с преобладанием, однако, особенностей центральной культурной области, что и отличает ее от района Маунт-Моффат. Мы знаем, что орудие типа элоуера на рукояти найдено и в Арнхемленде, на севере конти-

нента. Орудия этого типа обнаружены вместе с микролитами

и в Западной Австралии [184, 133—136].

На вершине одной из дюн на берегу океана, на юге Нового Южного Уэльса, было найдено 50 прекрасно сделанных из кварцита острий бонди, от 2 до 5 см длиной. С. Митчелл высказывает правдоподобное предположение, что эти изделия принадлежали одному мастеру [555, 469]. Возникновение индивидуальной специализации, хорошо прослеживаемое у аборигенов XIX—XX вв. [41, 73—74], восходит, вероятно, еще к среднему периоду их доколониальной истории.

Мы уже говорили о неожиданном открытии в Оэнпелли, на севере п-ова Арнхемленд, в горизонтах, имеющих позднепалеолитический возраст и относящихся к раннему периоду истории австралийцев, топоров с подшлифованным лезвием. Такие топоры из порфира найдены и в более поздних слоях тех же местонахождений, слои эти имеют следующий возраст:

Стоянка											Глубина от по- верхности	Возраст
Малангангер											8—10 см	370+ 80 лет
Малангангер											85—90 см	5980 ± 140 лет
Навамойн .											42—48 см	7110 ± 160 лет
Тайимиди II											29—34 см	4770 ± 150 лет

Кроме топоров здесь найдены двусторонние острия и прямоугольные скребки [780, 151].

Как бы ни относиться к данным о возникновении шлифования каменных орудий в Австралии 25 тыс. лет назад, данным, безусловно требующим дальнейшего подтверждения, — все же очевидно, что на крайнем севере Австралии шлифование орудий началось раньше, чем на востоке, по крайней мере на три тысячелетия—около 7 тыс. лет назад. Но лишь после того как это техническое достижение появляется в Восточной Австралии 4 тыс. лет назад, оно начинает постепенно распространяться по остальному континенту.

Связи нультур сгеднего периода с нультугами Юго-Восточной и Южной Азии

Австралийские археологические культуры среднего периода отражают воздействие культур других частей света в значительно меньшей степени, чем это было свойственно культурам раннего периода. Ведь в эту послеледниковую эпоху Австралия была уже отрезана от остального мира трудно преодолимыми в то время географическими барьерами, и контакты ее с окружающим миром ослабли. Но все же они не прекратились полностью, и культуры среднего периода в ка-

кой-то мере все еще отражают влияния, идущие из Азии че-

рез Индонезию и Новую Гвинею.

В целом культуры среднего периода возникали конвергентно, в значительной мере под воздействием коренных сдвигов, совершавшихся в естественногеографической среде. Сдвиги эти не могли не оказать воздействия на культуру первобытных охотников и собирателей, вся жизнь которых в огромной степени зависела от этой среды. Орудиями, изобретенными австралийцами независимо от влияний извне, по-видимому, были долота тула, широко распространившиеся в среднем периоде во внутренних областях Австралии. Возможно независимое происхождение и многих других явлений культуры. Но, исследуя явления эндогенного происхождения, не следует не обращать внимания и на другую сторону сложного процесса становления австралийской культуры. Изучение территориально удаленных типологических параллелей, широкий культурно-исторический фон — необходимые условия любых исследований в области истории региональных культур, тем более культуры целого континента.

Австралийские геометрические микролиты, как уже отмечалось, известны почти во всех вариантах, характерных для тарденуазских и каспийских культур Европы и Северной Африки. Однако едва ли есть основания искать истоки австралийской микролитической индустрии в столь удаленной от Австралии части ойкумены, как Средиземноморье, как это делал в свое время Ф. Маккарти [507, 317]. Правдоподобнее связывать ее с микролитическими индустриями Юго-Восточной и Южной Азии. Нужно отметить, впрочем, что типологическое сходство индийских и африканских (капсийских) микролитических культур настолько велико, что не раз приводило исследователей к выводу об их генетическом родстве и даже общем происхождении. Однако развитие австралийской микролитической техники было обусловлено не только и не столько влияниями извне, сколько изменениями естественногеографической среды в эпоху термического максимума, и в основе его лежали древние традиции изготовления негеометрических микролитов.

Наряду с геометрическими микролитами из Юго-Восточной Азии могли проникнуть в Австралию и исходные формы острий пирри, которыми, вероятно, оснащались охотничьи и боевые копья. С другой стороны, как я стремился показать, техника изготовления наконечников из Кимберли развилась в самой Австралии на основе древних традиций, корни кото-

рых уходят в культуры раннего и среднего периодов.

Мы уже знаем, что орудия, аналогичные остриям пирри и Кимберли, обнаружены в некоторых мезолитических и неолитических культурах Индонезии. Однако многие из этих местонахождений, по-видимому, моложе датированных стоя-

нок Южной Австралии, в которых были найдены острия пирри. Поэтому мы и полагаем, что в основе каменной индустрии и Индонезии, и Австралии находятся более древние исходные традиции, общие для этих двух регионов.

Мнение Ф. Маккарти и Р. Гейне-Гельдерна о том, что техника изготовления острий пирри и Кимберли в готовом, сложившемся виде проникла в Северо-Западную Австралию из Индонезии и что произошло это лишь в позднем неолите [499, 309; 372, 129—167], в настоящее время уже не может быть принято полностью. В оправдание авторов этого утверждения следует сказать, что в 40-х годах XX в., когда оно было высказано, абсолютный возраст южноавстралийских острий пирри и австралийской техники пильчатой ретуши еще не был известен.

Рассматривая проблему культурных связей между Австралией и остальным миром в среднем периоде, мы должны еще раз коснуться и вопроса о происхождении шлифования каменных орудий в Австралии. Хотя шлифование камня получит особенное развитие в позднем периоде и станет одной из характерных особенностей позднейших австралийских археологических культур, оно появляется задолго до этого. Вот почему и вопрос о его возникновении в Австралии не может быть обойден в этой главе.

Как и в главе об истоках культур раннего периода, начнем с ближайшей к Австралии области — Океании. Мы уже говорили о раскопках в горных районах Восточной Новой Гвинеи под скальными навесами Киова и Юку. Если наиболее ранние слои стоянки Киова содержали архаичные орудия из галек и отщепов, то в средних слоях той же стоянки (слои 3-5) появляются наряду с прежними два новых типа орудий — отшлифованные овальные и чечевицеобразные в поперечном сечении тесла и орудия с перехватом, образованным двумя противоположными выемками по краям [179, 59]. Оба типа орудий не свойственны Австралии, хотя, как уже отмечалось, для Восточной Австралии в позднем периоде характерны шлифованные топоры с перехватом, облегчающим крепление орудия в рукояти. Топоры с желобком, развившимся из перехвата, найдены в Оэнпелли (Арнхемленд). Возможно, что этот технологический принцип проник в Австралию из Новой Гвинеи, распространившись в конечном счете из Юго-Восточной Азии. Каменные топоры с желобком для укрепления в расщепленной рукояти имелись на Соломоновых о-вах, в Меланезии. Отшлифованные по рабочему краю топоры из овальных галек с перехватом, очень напоминающие и новогвинейские орудия, и упомянутые выше австралийские топоры, известны в бакшонской культуре Индокитая [214, 261—272; 234, табл. 41].

Топоры и молоты с желобками для рукояти из Юго-Восточной и Восточной Австралии очень напоминают неолитические топоры из Северной Африки; правда в отличие от первых последние, как правило, шлифовались полностью [290, табл. 4). Такие же топоры известны и в Северной Америке [61, 86, 97—98]. Все это можно рассматривать как примеры независимого, конвергентного развития. Сложнее обстоит дело, когда мы рассматриваем сходные явления в культурах Австралии, Океании и Юго-Восточной Азии, — здесь можно предполагать и культурные связи.

Овальные, круглые и чечевицеобразные в сечении тесла и топоры (по терминологии Р. Гейне-Гельдерна, валиковые топоры, Walzenbeile) — более ранняя форма, чем четырехгранные в сечении и другие формы топоров и тесел. Они распространены и в Австралии и представлены там в наиболее архаичных, исходных формах. Австралийские топоры — исходная, первичная форма валиковых топоров Юго-Восточной Азии и Океании. Стратиграфически это раннее положение валиковых топоров и тесел относительно других форм доказано не только раскопками в стоянках Кнова и Юку, где четырехгранные тесла появляются лишь в наиболее поздних горизонтах, позже овальных в сечении тесел, но и раскопками в Большой Ниаской пещере на Калимантане. Сначала в более глубоких слоях здесь появляются примитивные орудия с подшлифованным лезвием. Приблизительный возраст этого слоя, который Т. Гаррисон считает мезолитическим, 9 тыс. лет. Затем идет неолитический слой, содержащий круглые и овальные в поперечном сечении топоры и тесла. Возраст этого слоя — около 6 тыс. лет [359, 5; 361, 528].

То же самое наблюдается и на Филиппинах. Ранненеолитические культуры Филиппинских островов (возраст этих культур — около 4 тыс. лет) характеризуются сначала примитивными теслами, у которых подшлифовано только лезвие, затем более совершенными овальными и круглыми в сечении теслами. В поздненеолитических культурах (их возраст около 1500 лет) появляются хорошо отшлифованные каменные орудия, главным образом четырехгранные тесла. близительно тогда же появляется и первая керамика

[281, 47].

Интересной находкой в одном из средних слоев стоянки Киова (слой 4) является отшлифованное двужальное веретенообразное острие из кости длиной около 6 см, напоминающее австралийские острия мудук [179, 60]. Такое же костяное острие было найдено в стоянке Ниобе [783, 53].

Возраст одного из средних слоев стоянки Киова — слоя $3-4840\pm140$ лет [178, 327]. Таким образом, шлифование орудий начинается здесь примерно 5 тыс. лет назад, т. е. несколько раньше, чем в Восточной Австралии, где оно появи-

15 в. Р. Кабо 225 лось, как мы знаем, около 4 тыс. лет назад. Если допустить, что шлифование каменных орудий распространилось в Австралию извне, то такое совпадение в датах хорошо согласуется с предположением, что оно проникло в Восточную Австралию через Новую Гвинею. Восточная Австралия — область, расположенная сравнительно близко от Новой Гвинеи, и радиоуглеродные даты говорят нам о том, когда это могло произойти. Еще в 1953 г. Ф. Маккарти писал, что «история австралийского топора — не локальная проблема, а составная часть истории орудий этого типа в Океанийском регионе» [511, 246].

Однако отмеченное совпадение в датах может быть просто случайным. Шлифование каменных орудий могло возникнуть в Австралии конвергентно, независимо от внешних влияний. Об этом, в частности, говорят различия в формах австралийских и океанийско-индонезийских топоров — как правило, в Австралии они более архаичны. В Австралии техника шлифования могла развиться на основе широкого применения зернотерок — двух кусков камня, которыми австралийцы издавна растирали зерна, семена, охру и т. д. Поверхность этих камней иногда стерта до блеска, и их повсеместное и постоянное употребление могло подсказать австралийцам шлифования каменных орудий. Недаром эти камни служили позднее и для затачивания топоров; они же употреблялись для шлифования деревянного оружия. Как бы там ни было, на севере Австралии, как показали раскопки в Оэнпелли, шлифование орудий началось раньше, чем в Восточной Австралии, и раньше, чем в стоянке Киова.

Поздние горизонты стоянки Юку также содержат отшлифованные орудия — обломки тесел и отшлифованные по краю орудия с перехватом (в более ранних горизонтах такие ору-

дия еще не шлифовались).

Итак, валиковые топоры и тесла, как теперь доказано, — древнейшая форма орудий этого типа, все еще широко распространенная в Меланезии, от Новой Гвинеи до о-вов Фиджи. В прошлом область их распространения включала также Восточную Индонезию вплоть до Сулавеси, Калимантан, Восточную Суматру, Филиппины, Тайвань, Японию, Индонезию и Северо-Западную Бирму, а возможно, и другие территории Юго-Восточной, Восточной и Южной Азии, где они восходят примерно к 4—3 тысячелетиям до н. э. [370, 543—619]. Несколько еще более примитивных орудий с подшлифованным лезвием было найдено на Яве и других островах Индонезии, на Филиппинах и на побережье Южного Китая. В Австралии, как сказано, валиковые топоры представлены также в их наиболее примитивной и архаичной форме топоров с наточенным краем, которую и следует рассматривать как исходную форму неолитического топора. При изготовлении этих орудий

точечно-ударная обработка поверхности, свойственная, начиная с раннего неолита, и топорам Юго-Восточной Азии и Океании, сочеталась лишь с подшлифовкой рабочего края. Как правильно отмечает Н. Н. Чебоксаров, «это наиболее простая и мало специфичная форма шлифованного каменного топора, которую трудно связать с какой-либо определенной культурой... Можно только утверждать с большой долей вероятности, что то древнее население, которое оставило валиковые топоры в Индонезии и на Филиппинах, в антропологическом отношении принадлежало к негро-австралоидам, известным нам по палеоантропологическим данным» [64, 41]. О том же писал и М. Г. Левин [51, 267].

Архаичная форма валиковых топоров — топоры с подшлифованным лезвием были распространены и в ранненеолитической бакшонской культуре Индокитая, на территории, которая была исключена Гейне-Гельдерном из очерченной им области распространения валиковых топоров. Вероятно, объясняется тем, что валиковые тесла и топоры рассматриваемых Гейне-Гельдерном форм являются сравнительно более развитыми и совершенными орудиями, чем бакшоно-австралийские топоры с подшлифованным лезвием. Валиковые тесла и топоры развитых, выработанных форм лучше обработаны и часто отличаются от архаичных форм специфической суженной формой обуха. Под именем валиковых топоров в действительности в большинстве случаев имеются в виду тесла, которые отличаются от топоров формой лезвия (у топоров оно симметрично в продольном сечении, у тесел асимметрично) и способом прикрепления к рукояти. Для Австралии и бакшонской культуры Индокитая характерны главным образом топоры.

Как мы видим, проблема происхождения шлифовки каменных орудий в Австралии представляется довольно сложной. С одной стороны, условия для ее возникновения существовали и в самой Австралии. «Шлифовка и сверление камня, подобно добыванию огня трением и изготовлению глиняной посуды, принадлежит к элементарным достижениям первобытной техники, возникающим на определенной ступени развития у самых разных племен, в самых отдаленных уголках земли» [7, 161—162]. Мы отметили, в частности, что в Австралии шлифовка орудий могла быть подготовлена широким применением каменных зернотерок. Однако зернотерки применялись повсюду, а техника шлифовки, как показывают данные археологии, возникла и длительное время была локализована лишь на севере Австралии и только спустя несколько тысячелетий появилась и на востоке континента. Не исключено, что она могла проникнуть в Австралию извне, изокеанийско-индонезийского мира. Однако именно для этой, культурной области были (а местами и остаются) характер-

ны валиковые тесла и топоры более совершенных форм, нежели австралийские. Формы топоров, аналогичные австралийским, известны главным образом лишь в Индокитае в Индонезии опи редки. Однако известны они и здесь. Таков, например, каменный топор с Северной Суматры, поразительно напоминающий частично отшлифованные австралийские топоры не только собственной своей формой, но и формой, охватывающей его рукояти из расщепленного тростника [69, 11, рис. 5]. Впрочем, культурные влияния из Индокитая распространялись в Австралию и в предшествующую, хоабиньскую эпоху. Зато точечно-ударная обивка неолитических тесел и топоров и образованные ею перехваты, превратившиеся на многих австралийских топорах в окружающий все орудие желобок, — эти явления были свойственны в неолите всей Юго-Восточной Азии и Океании, включая и Новую Гвинею. Через Новую Гвинею эти технические приемы могли проникнуть и в Австралию, обогатив технику изготовления местных примитивных ранненеолитических топоров. Шлифовка орудий по рабочему краю исторически предшествовала точечно-ударной их обработке. Однако сенсационное открытие на севере Австралии отшлифованных топоров, имеющих 25-тысячелетнюю древность, — если только оно подтвердится — заставляет сомневаться во внеавстралийском их происхождении.

Согласно Хекерену, геометрические микролиты о-ва Сулавеси, подобные микролитам Южной Австралии, наряду с оруднями, напоминающими острия пирри, впервые появляются в мезолитической культуре Тоала II, которая следует культурой грубых орудий из отщепов и пластин Тоала I и предшествует поздненеолитической культуре Тоала III, содержащей наконечники, обработанные пильчатой ретушью, аналогичные орудиям типа Кимберли, острия типа мудук, скребки из раковин, керамику и обломки бронзовых браслетов [365, 86—94, 140—141]. К культуре Тоала II, как полагает Хекерен, относятся и отпечатки рук на стенах пещер — мотив, широко распространенный в Австралии, например в пещерах Кенниф и Тумс. Черепки китайской фарфоровой посуды, найденные в верхних горизонтах, показывают, что обитатели пещер Юго-Западного Сулавеси населяли их вплоть до средних веков нашей эры, продолжая вести традиционный

образ жизни примитивных охотников и рыболовов.

В 1950 г. в одной из пещер Южного Сулавеси Хекерен обнаружил искусно ретушированные микролитические острия, напоминающие, по его словам, орудия капсийских культур Средиземноморья и в то же время австралийские острия типа бонди. В глубине пещеры на стенах сохранилось большое количество отпечатков рук на красном фоне. Некоторые руки имели только четыре или даже три пальца [365, 94—96]. Такие отпечатки изуродованных рук нередко можно увидеть и в пе-

щерах Австралии, как на востоке, так и на западе континента, в Кимберли. Во многих пещерах Восточной Австралии острия бонди тоже сочетаются с отпечатками рук и оружия,

с рисунками красной охрой.

В пещерах Южного Сулавеси было обнаружено много костных останков людей, главным образом фрагменты черепов, челюсти и т. д. Ни одного целого скелета или черепа найдено не было. По-видимому, обитатели пещер хоронили своих покойников за пределами пещер, но родственники умерших сохраняли и, может быть, носили с собой части их скелетов, как это делают или делали в прошлом андаманцы, меланезийцы и некоторые этнические группы австралийцев. Так, у курнаев Юго-Восточной Австралии существовал обычай носить на груди нижнюю челюсть умершего родича.

Расовая принадлежность древних обитателей пещер Южного Сулавеси недостаточно ясна [378]. С некоторым основанием можно лишь предполагать, что они обладали антропологической близостью к современным тоала Сулавеси, одной

из веддоидных групп Индонезии.

Индустрия на отщепах и пластинах, близкая по типу к индустрии пещер Южного Сулавеси, найдена на Яве, Суматре и Калимантане, на островах Тимор, Флорес и Роти. Местонахождение Гува Лава на Южной Яве, где, как мы помним, был найден череп австралоидного антропологического типа, характеризуется каменными остриями, напоминающими пирри, и обилием орудий из кости, что также сближает его с местонахождениями нижнего Муррея. Здесь было найдено и костяное острие типа мудук. Таким образом, австралоидные по своему антропологическому типу ранненеолитические охотники из Гува Лава ходили на охоту с копьями и стрелами, оснащенными каменными листовидными наконечниками, напоминающими острия пирри. Признаков земледелия и животноводства, как и керамики, их культура еще не имела [185, 16—32].

В районе Бандунга на Яве найдены типичные геометрические микролиты. Сходная микролитическая культура обнаружена на Суматре и на о-ве Лусон. В пещерах некоторых островов Индонезии (на Малых Зондских о-вах, на о-ве Церам) были найдены и характерные отрицательные отпечатки рук, о которых мы уже упоминали в связи с открытиями в пещерах Сулавеси [365, 102—108; 371]. Следы этих культур

ведут нас в конце концов в Индию.

Некоторые из отмеченных выше культурных явлений, связывающих древнюю Индонезию и Андаманские о-ва с Австралией, возможно, имеют лишь стадиальный характер и не обязательно свидетельствуют об этнической и культурной близости населения указанных областей. Таковы, например, отрицательные отпечатки рук на стенах пещер или обычай

ношения с собой частей скелета умерших родственников. Оба явления были широко распространены еще со времен палеолита. Так, отрицательные отпечатки рук, совершенно аналогичные австралийским и индонезийским, покрывают стены многих позднепалеолитических и мезолитических пещер Европы. Отрицательными такие отпечатки называются потому, что к стене пещеры прижималась сухая ладонь, а краской покрывался окружающий ее участок стены. Точно такие же отпечатки рук, а иногда стоп или каких-либо предметов (топоров, бумерангов) покрывают стены и многих австралийских пещер.

Но если рассматривать сходные явления в культуре различных территорий и этнических групп не изолированно, а в комплексе, то сходство иногда становится настолько поразительным, что невольно заставляет думать об этнической и культурной близости обитавшего на этих территориях населения. Это относится и к общирной географической области, простиравшейся в конце мезолита и в неолите от Индии и Цейлона до островов Восточной Индонезии и Австралии. Такую близость мы уже установили для предшествующего исторического периода. Ее мы устанавливаем и теперь, и вывод основывается не на отдельных, изолированных явлениях культуры, а на сравнении целых культурных комплексов, на сходстве в многочисленных орудиях труда, в некоторых обычаях, в самом образе жизни. А если прибавить к этому то, что и самый антропологический тип местного населения в то время все еще сохранял австралоидный (см.: «Юго-Восточная Азия и ее роль в сохранении древнего австралоидного типа. Австрало-негроиды мезолита и неолита»), то этническая и культурная близость населения этой обширной территории в конце мезолита и неолита станет еще более очевидной. Австралия в то время была уже в значительной мере изолирована от окружающего мира, но близость, о которой мы говорим, еще сохранялась, ибо в основе ее лежали глубокие традиции, уходящие в прошлое и общие для всего этого культурно-исторического региона.

Если некоторые явления культуры (такие, например, как пильчатая ретушь) пришли в Австралию еще в раннем периоде и в обеих областях — в Австралии и Индонезии, — постепенно и независимо развиваясь, привели, в свою очередь, к образованию новых сходных явлений (наконечников из Кимберли и наконечников культуры Тоала), то некоторые другие явления, вероятно, проникали в Австралию из Юго-Восточной Азии через Новую Гвинею или ближайшие к Австралии острова Индонезии на протяжении всего среднего периода. Это может относиться к микролитам, остриям пирри, бонди и мудук. Изоляция Австралии в послеледниковую

эпоху не была абсолютной, и отдельные явления культуры продолжали проникать сюда и в это время, и позднее, вплоть до европейской колонизации. Контакты прибрежного австралийского населения с внешним миром в какой-то, пусть незначительной мере все еще сохранялись, а от населения приморских областей новые культурные приобретения постепенно распространялись по континенту путем межгруппового обмена культурными ценностями или вместе с этническими группами, перемещавшимися в поисках более благоприятных условий жизни.

Значительным сходством с культурами Тоала I и II обладает каменная индустрия, найденная в недатированных местонахождениях на Андаманских о-вах, в раковинных Индустрия эта состоит в основном из небольших орудий на отщепах и пластинах, среди имеются них односторонние (в том числе асимметричные) и двусторонние метрические микролиты — трапециевидные, треугольные и в форме полумесяца. Техника обработки орудий сравнительно примитивная, и индустрия в целом имеет, по мнению автора публикации, мезолитический характер. Однако она найдена совместно с керамикой местного изготовления. Кроме того, найдено двужальное костяное острие, напоминающее австралийские острия типа мудук [268, 175—186; 269, 179—194].

Переходим к Индокитаю. П. И. Борисковский выделяет в неолите Вьетнама три фазы: ранний, средний и поздний неолит. Ранний неолит представлен бакшонской открытой в свое время французскими археологами [479]. Основные местонахождения бакшонской культуры сосредоточены в области известнякового массива Бак-шон берегу р. Хонг-ха (Красной реки), но многие стоянки открыты и в других районах Вьетнама, и за его пределами. Находки топоров бакшонского типа были сделаны в Лаосе (Тамханг), на западе Таиланда, на п-ове Малакка (Перак - так называемая пещерная культура), в Бирме. Каменные молоты, подобные бакшонским и австралийским, круглые и овальные в сечении, с окружающим орудие желобком, встречаются в Ассаме [234, 54—55, 105—221, табл. 16]. Топоры с желобками найдены в Гуак Кепах, на западе п-ова Малакка, там, откуда происходит нижняя челюсть, имеющая австрало-негроидные признаки. Топоры и тесла со слегка тронутым шлифовкой лезвием, характерные для бакшонской культуры, найдены в Японии, на Сахалине и Курильских о-вах [20, 96].

Бакшонские топоры с подшлифованным с обеих поверхностей лезвием, совсем не обитые или обитые очень незначительно, появляются еще в составе хоабиньской каменной индустрии. М. Колани называет их «протонеолитами». По ее мнению, такая рудиментарная подшлифовка лезвия имеет мало общего с неолитической шлифовкой каменных орудий

[215, 299—422]. Однако в хоабиньских комплексах эти орудия насчитываются единицами, а характерны они главным обра-

зом для бакшонской культуры [7, 89-90].

Между мезолитической хоабиньской и ранненеолитической бакшонской культурами нет резкого разрыва, переход постепенен, и для бакшонских комплексов все еще характерны некоторые типы орудий, бытовавших и в мезолите. Но все более значительное место занимают здесь топоры с подшлифованным лезвием, очень напоминающие австралийские топоры и часто неотличимые от последних. В свое время на это сходство указывала еще М. Колани в ряде своих работ [217 и др.]. Возможно, что сходство это имеет конвергентное происхождение.

Сближает бакшонскую культуру с хоабиньской и в то же время отличает ее от неолитических культур Индонезии и культур среднего периода Австралии такой негативный признак, как отсутствие каменных или костяных наконечников и геометрических микролитов. Возможно, что стрелы хоабиньцев и бакшонцев делались из дерева или бамбука. Такие стрелы бытуют во Вьетнаме и до сих пор. Встречаются в бак-

шонских пещерах и обломки керамики.

Наиболее известные бакшонские пещеры — Фо Бинь-зя и Кео-фай. В обеих пещерах, как мы уже знаем, найдены черепа, обладающие австралоидными особенностями. Тем интереснее для нас археологические находки, сделанные в этих пещерах. В ранненеолитическом культурном слое пещеры Фо Бинь-зя найдены топоры бакшонского типа, для которых отбирались окатанные гальки подходящей формы. У них, как и у большинства австралийских топоров, подшлифовывалось только лезвие. Найдены здесь рубящие орудия и скребла, костяные острия, обломки керамики и так называемые «бакшонские знаки» из сланца. Орудия из грота Кео-фай, расположенного в 30 км от пещеры Фо Бинь-зя, напоминают хоабиньские в еще большей мере. В основном это рубящие орудия и скребла; найдено только три топора бакшонского типа с подшлифованным лезвием. Много «бакшонских знаков», но керамика отсутствует [7, 105—107]. Видимо, местонахождение в гроте Кео-фай является более древним, чем в пещере Фо Бинь-зя.

К северовьетнамским стоянкам, содержавшим характерные бакшонские топоры из кусков камня или галек подходящей формы, вся обработка которых зачастую выражаласьлишь в подшлифованном лезвии, относится и ранненеолитическая стоянка Ланг Кыом, где также найдены скелеты, характеризуемые австралоидными особенностями [480]. Орудия, слегка тронутые шлифовкой у лезвия, сопровождали и австралоидный череп из Донг-тыок.

При всех различиях, наблюдаемых между австралийскимы культурами среднего периода и находками в типичных бак-

шонских пещерах, — глиняной посуды, например, австралийцы не изготовляли никогда — есть здесь и нечто общее. Это — ранненеолитические топоры с подшлифованным лезвием, поразительно схожие. Это не обязательно означает, конечно, что австралийцы заимствовали технику изготовления таких топоров из Индокитая, но и полностью исключить такую возможность тоже нельзя. Во всяком случае можно утверждать, что помимо антропологической близости, все еще сохранявшейся в это время, между населением Индокитайского полуострова и Австралией продолжала существовать и некоторая культурная близость. Ранее, в хоабине, она была еще значительней.

Если для раннего неолита Вьетнама характерны лишь топоры бакшонского типа со слегка подшлифованным лезвием,
то в среднем неолите появляются уже целиком отшлифованные каменные топоры и тесла с плечиками, имеющие обычно отшлифованный черешок, скреплявшийся с рукоятью.
К среднему неолиту относится, в частности, стоянка Да-бут,
а к позднему — пещера Минь-кам, где были найдены черепа,
обладающие австрало-негроидными признаками. В стоянке
Да-бут найдены костные остатки буйвола и собаки из породы
динго. Возможно, собака была уже приручена для употребления в пищу и для охоты. В позднем неолите Вьетнама, как
и в поздненеолитической культуре Тоала III на Сулавеси,

появляются изделия из бронзы и меди.

Среди хоабиньских и бакшонских топоров с подшлифованным лезвием встречаются прототипы поздненеолитических топоров с плечиками, из которых последние, вероятно, и развились. По мнению П. И. Борисковского, это свидетельствует о местном происхождении поздненеолитической Вьетнама [7, 128, рис. 19 (2)]. Речь идет об орудиях с перехватом, аналогичных орудиям, найденным на востоке Новой Гвинеи в пещерах Киова и Юку. Такие прототипы топоров с плечиками известны и в Австралии. Известны они и в мезолите и раннем неолите Индонезии и Филиппинских о-вов, а также в Ассаме. Из этого, между прочим, видно, что связывать появление в Юго-Восточной Азии плечиковых топоров с расселением с севера народов, говоривших на аустро-азиатских языках, как это делал Р. Гейне-Гельдерн, ошибочно. Впрочем, в одной из своих более поздних работ он сам отказался от этой теории и признал возможность развития ранней культуры плечиковых топоров и тесел непосредственно из бакшоно-хоабиньских культур [371].

Наличие родственных форм орудий с таким специфическим признаком, как перехват или желобок, от Северо-Западной Индии и Северного Вьетнама до Новой Гвинеи и Австралии, возможно, говорит о древних связях, существовавших между Северо-Западной Индией и Индокитаем, с од-

ной стороны, и Австралией— с другой. Если, однако, будет доказана 25-тысячелетняя древность топоров из Оэнпелли, это может свидетельствовать о конвергентном происхождении этого признака в Австралии или даже о его распространении отсюда.

Период неолита, как считается обычно, продолжался в Юго-Восточной Азии примерно от IV тысячелетия до середины I тысячелетия до н. э. Но можно допустить, что возникновение ранненеолитической бакшонской культуры Индокитая, по существу еще очень архаичной и сохраняющей немало общего с предшествующей мезолитической хоабиньской куль-

турой, относится к более раннему времени.

В свое время Ф. Маккарти и некоторые другие археологи отмечали, что индустрия на коротких пластинах, свойственная местонахождениям культур Бонди и Элоуера в Батерсте, Синглтоне и других районах Нового Южного Уэльса, характеризуется той же техникой скола и теми же типами нуклеусов, что и некоторые мезолитические индустрии Индии и Европы [504, 199—209; 507, 317]. Связи австралийских культур раннего периода с археологическими культурами Индии уже были нами установлены. Но связи эти прослеживаются и позднее.

К одному из наиболее характерных явлений индийских археологических культур эпохи мезолита принадлежат геометрические микролиты. Микролитические индустрии Индии и были, возможно, одним из источников австралийских микролитических индустрий среднего периода. Техника изготовления геометрических микролитов могла распространиться в Австралию из Индии и Цейлона через Андаманские о-ва и Индонезию. Мы уже указывали на некоторое сходство микролитических индустрий Андаманских о-вов и о-ва Сулавеси. Микролитические культуры, Индокитаю не свойственные, были в то время широко распространены в Индонезии и на Филиппинах. Как уже отмечалось, местонахождения, содержащие микролиты, помимо Сулавеси обнаружены на Суматре, Яве, о-ве Лусон.

В Индии геометрические микролиты найдены на территории Гуджарата, Западного Бенгала, Майсура, Ориссы, штата Уттар-Прадеш и во многих других местах, вплоть до Южной Индии и Цейлона [33, 200—205; 643, 44—46]. По мнению исследователей, их распространение в Индии совпадает с сухим периодом, соответствующим термическому максимуму Австралии, когда геометрические микролиты появляются и на этом континенте. Население Индии, оставившее микролиты, жило охотой и собирательством. Кроме копий у них были, вероятно, луки и стрелы с каменными наконечниками, имелись резцы, скребки различных типов. В конце этого периода появляется керамика, начинается шлифовка орудий. Но мик-

ролитическая техника сохраняется в Индии на протяжении всего неолита, вплоть до эпохи меди и бронзы. С другой стороны, часть микролитов найдена на речных и морских террасах, где залегают еще палеолитические орудия, и керамикой не сопровождается. Эти находки относятся еще к позднему палеолиту. В большинстве случаев, однако, это еще негеометрические микролиты [234, 33—40; 434, 4—48; 435, 144—159]. Местонахождения микролитической индустрии известны и в Пакистане, причем и здесь в ряде случаев это негеометрические микролиты [331; 235, 185—186]. Такие орудия существовали и в Австралии задолго до появления микролитов правильных геометрических форм. Как и в Австралии, индустрия геометрических микролитов возникла в Индии не сразу она развивалась на основе палеолитических традиций изготовления негеометрических, аморфных микролитов.

Среди мезолитических местонахождений Индии наибольший интерес представляет поселение Лангнадж в Гуджарате, раскопками которого руководил Х. Санкалия. «Особенностью каменной индустрии Лангнаджа является почти полное отсутствие массивных орудий и употребление главным образом геометрических микролитов. Наиболее распространенными типами являются микролиты в форме полумесяца, а также трапециевидные и треугольные экземпляры» [65, 60]. В Лангнадже обнаружены костные останки людей, имевших негроидные черты. Это был один из вариантов древ-

него австрало-негроидного населения Индии.

Богатую микролитическую индустрию дали раскопки в долине р. Годавари, где стратиграфическое положение мезолитических комплексов позволяет проследить их развитие из комплексов невазийских, палеолитических [642, 114—149]. В основном это индустрия орудий на пластинах. Но здесь уже появляются и шлифованные топоры — признак неолита, так что бесспорно отнести эту индустрию к мезолиту трудно, хотя, как мы знаем, топоры с подшлифованным лезвием в небольшом числе встречаются и в мезолитической хоабиньской культуре. Да и культуру австралийских аборигенов с ее шлифованными топорами все же нельзя признать неолитической. Среди прочих орудий, найденных в долине Годавари, интересны орудия на пластинах, обработанные пильчатой ретушью, — аналог знакомых нам орудий с о-ва Сулавеси и из Кимберли. Древность этой культурной фазы, по определению индийских археологов, приблизительно 3000—3500 лет.

Смена палеолитической культуры на отщепах и пластинах развивающейся из нее мезолитической культурой геометрических микролитов хорошо прослеживается в долине р. Субарнарекха, в Южном Бихаре. К выводу о развитии микролитической индустрии из предшествующей ей палеолитической индустрии на отщепах и пластинах приводят исследова-

телей и раскопки К. Банерджи в Южной Индии, где последовательность этих двух культурных фаз также прослеживается стратиграфически. Согласно Б. Лалу, мезолит Индии за-

кончился примерно 4 тыс. лет до н. э. [436, 76-77].

Все эти факты заставляют с осторожностью относиться к распространенному представлению об общем происхождении или генетическом родстве индийских и североафриканских микролитических культур. Но связи и взаимовлияния культур, расположенных на периферии Индийского океана и в Средиземноморье, могли иметь место, так же как могли существовать связи и взаимовлияния культур Индии, Индонезии и Австралии. Во всяком случае древность индийских микролитических культур, как она выясняется в итоге последних исследований, и древность соответствующих культур Австралии не противоречат допущению, что индийские мезолитические традиции могли быть одним из источников микролитических культур среднего периода Австралии. Вспомним, что приблизительный возраст нижней границы геометрических микролитов Австралии — 5 тыс. лет.

С микролитической индустрией связана в Индии и отжимная ретушь — явление здесь редкое. Таковы местонахождения в Тинневелли, на юго-восточном побережье Индии, и на Цейлоне. И там и здесь найдены тонко ретушированные двусторонние острия [125, 224—225]. Предположительный возраст индустрии из Тинневелли — около 6 тыс. лет [812, 4—20].

В главе, посвященной истокам культур раннего периода, мы говорили о новейших археологических открытиях на Цейлоне, представляющих для нас большой интерес в связи с тем, что на этом острове и до настоящего времени живут антропологически близкие к австралийцам ведды. Мы говорили, в частности, о палеолитической ратнапурской индустрии. Следующую культурную фазу представляет так называемая балангодская индустрия, связанная с фаунистическими остатками постплейстоценового возраста [257, 189—192]. Среди орудий этой индустрии имеются микролиты в форме полумесяца, отбойники и наковальни из окатанных галек с углублениями в середине, напоминающие австралийские орудия, служащие для той же цели. Появляется здесь и шлифование каменных орудий, а также керамика, и в целом индустрия эта имеет мезолитический или ранненеолитический характер. Но здесь сохраняются и палеолитические традиции. Сочетание палеолитических, мезолитических и протонеолитических черт характерно и для Австралии. По-видимому, люди, оставившие балангодскую индустрию, населяли Цейлон со времен палеолита. Скелетные остатки показывают, что это были длинноголовые люди с развитыми надбровными дугами, вероятно представители одного из вариантов австралоидной расы.

Аналогии между древними культурами Цейлона и Австралии идут еще дальше. Так, Б. Олчин отмечает большое сходство между ретушированными сегментовидными орудиями с Цейлона (из Бандаравела) и австралийскими орудиями типа элоуера и высказывает предположение, что и функции этих орудий были аналогичны. Сходство некоторых орудий из Бандаравела и из Австралии действительно очень велико, особенно это относится к геометрическим микролитам с ретушью. Найдены на Цейлоне и аналогичные австралийским топоры с подшлифованным лезвием и желобком для укрепления в рукояти [124, 179—201].

Сегментовидные орудия с притупленным выгнутым краем, напоминающие орудия типа элоуера, найдены и в районе Бомбея. В некоторых мезолитических местонахождениях Индии обнаружены асимметричные острия, подобные австра-

лийским бонди [125, рис. 3 и 4].

К востоку от Индии, в материковой части Юго-Восточной Азии, находки микролитов немногочисленны. Лишь в нескольких местонахождениях Бирмы и на п-ове Малакка обнаружены негеометрические микролиты. Многочисленнее они в Индонезии, включая и орудия геометрических форм.

Отмеченные нами аналогии в характере культур обширного культурно-исторического мира, включающего Индию, страны Юго-Восточной Азии и Австралию, объясняются в значительной мере общностью или близостью уровня общественно-экономического и культурного развития и однородностью процессов, происходивших в географической среде. Но многочисленные случаи специфического сходства в формах и типах орудий труда не могут объясняться только этим — они свидетельствуют также и о наличии культурных связей, все еще существовавших в очерченном нами ареалев эпоху мезолита и неолита. Однако в отличие от предшествующего исторического периода передвижения населения из сопредельных стран в Австралию уже не играли никакой роли в распространении культур. Речь идет теперь лишь о аборигенами Австралии взаимовлияниях и заимствовании некоторых культурных достижений их соседей, а через них и более отдаленных культурных миров.

Культурные контакты между Австралией и Азией, несмотря на то что Австралия была теперь отрезана от остального мира, в какой-то мере еще продолжались. По-прежнему связи Австралии с внешним миром прослеживаются вплоть до Индокитая и Индии. Культурные импульсы, теперь уже значительно ослабленные, все же шли в Австралию из этих далеких культурных миров. Однако отличительной чертой австралийских культур среднего периода является то, что процесс эндогенного развития, стимулируемый в основном воздействием меняющейся естественногографической среды,

выступает в них гораздо определеннее, чем в предыдущих. Даже те специфические типы и формы орудий, которые, как можно полагать, были австралийцами заимствованы (таковы, быть может, геометрические микролиты, острия пирри, бонди и мудук, орудия типа элоуера), были заимствованы именно потому, что культура австралийских аборигенов оказалась в ходе эндогенного развития и активного приспособления к естественногеографической среде подготовленной к этому и испытывала потребность в этих новых культурных приобретениях. История культуры показывает, что заимствуется то, в чем культура народа ощущает настоятельную потребность и к чему в иных условиях она могла прийти и сама.

Существуют две распространенные концепции. Сторонники одной из них стремятся представить развитие культуры в целом и возникновение отдельных культурных достижений как процесс, происходящий у каждого народа совершенно независимо от внешних влияний. Другие, напротив, объясняют культурное развитие тех или иных народов почти исключительно диффузией отдельных явлений культуры и целых культурных комплексов или миграциями населения. Обе точки зрения являются крайними и односторонними. В действительности процесс культурного развития гораздо сложнее и многостороннее, и в древности он был, вероятно, не менее сложным, чем в позднейшее время. Его нельзя объяснять однозначно. В процессе развития культуры в целом, в происхождении отдельных ее достижений всегда действовали различные факторы и тенденции; эндогенное, независимое развитие культуры на основе выработанного самим народом многовекового опыта всегда сочеталось с воздействиями, стимулами, идущими извне, от других народов. Развитие культуры — сложный, многосторонний процесс. Вот почему мы пытаемся раскрыть по возможности все стороны этого процесса, выявляя тенденции внутреннего, автохтонного развития, обогащаемого в то же время воздействием ушедших вперед в своем развитии культур.

Независимо от все еще открытого вопроса о том, была ли техника шлифовки заимствована австралийцами, как утверждали Фюрер-Хаймендорф и многие другие исследователи, или же возникла в Австралии конвергентно (лично я склоняюсь к последнему, хотя некоторые особенности австралийских топоров, возможно, связывают их через Новую Гвинею с аналогичными орудиями Индокитая и Северо-Западной Индии), возникает проблема: является ли само по себе наличие этих орудий признаком неолита? Нет, говорить об австралийской культуре как о неолитической на основании только этого признака еще нельзя. Самое большее, его можно рассматривать как элемент неолита в культуре, ко-

торая в целом носит еще частью мезолитический, частью палеолитический характер. Поэтому недалеко от истины был советский исследователь В. К. Никольский, который охарактеризовал культуру австралийцев как «протонеолитическую» [67, 360—372]. Как мы знаем, этот термин употребляла и Колани, говоря об архаических топорах бакшонского типа, появляющихся еще в мезолитической хоабиньской культуре. Следует лишь уточнить, что термин этот применим только к австралийским культурам среднего и позднего периодов как к новому этапу, во многом существенно отличному от предыдущего. Впрочем, если подтвердятся открытия в Оэнпелли, это покажет, что элементы протонеолита возникли в Австралии очень рано, когда австралийская культура в целом имела еще палеолитический облик.

В среднем и особенно позднем периодах австралийская культура в техническом отношении стояла накануне неолита, но еще не перешла эту грань, подобно тому как усложненное австралийское собирательство, по высказыванию А. Н. Максимова, находилось накануне земледелия, но еще не перешло к нему [57, 21—34]. Характеризуя австралийскую культуру среднего и позднего периодов как образец «протонеолита», не следует, однако, забывать о необычайном своеобразии этой культуры, в которой на протяжении тысячелетий, в условиях технического прогресса и все новых культурных достижений, сохранялись и древнейшие, палеолитические традиции. Это, однако, объясняется не отсутствием подходящего сырья для изготовления орудий в распоряжении той или иной группы, как полагали Б. Спенсер и некоторые другие ученые, а историческими причинами, раскрытию которых и посвящена наша работа.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА

Наш анализ культур позднего периода начнем с локализованной на нижнем Муррее культуры Мурунди. Термин «культура Мурунди» был предложен Хейлом и Тиндейлом для наиболее поздней фазы раскопанной ими на нижнем Муррее стоянки Девон-Даунс — для горизонтов, содержавших культуру, возникшую, по мнению Тиндейла, примерно тысячу лет назад и дожившую вплоть до европейской колонизации. Мурунди — так называли себя уже в наше время аборигены одной из местных этнических групп. Необходимо признать, однако, что позднейшие горизонты стоянки Девон-Даунс не содержали каких-либо специализированных орудий, уже не встречавшихся в более ранних горизонтах. Напротив, эти позднейшие горизонты скорее характеризуются исчезновением некоторых орудий, типичных для среднего периода, таких, как острия пирри и геометрические микролиты. Даже

отшлифованные топоры, которые, по Хейлу и Тиндейлу, являются необходимым компонентом культуры Мурунди, в соответствующих слоях стоянки Девон-Даунс не встречаются. Не обнаружены они и в стоянке Фроммс-Лендинг. В эпоху, когда аборигены населяли эти стоянки, отшлифованные топоры все еще не достигли области нижнего Муррея. Для культуры Мурунди характерны долота тула, орудия типа баррен, различные типы скребков и ножей, орудия из кости. В стоянке Девон-Даунс, в слоях, относимых к фазе Мурунди, найден, кроме того, экземпляр орудия типа элоуера.

К культуре Мурунди была отнесена и стоянка в пещере Конгарати в Южной Австралии, характеризуемая несколькими неспециализированными каменными орудиями, деревянными остриями типа мудук для ловли рыбы, костяными шильями, отбойниками и ретушерами. Здесь же были найдены: женский скелет в накидке из шкуры животного, палочки для добывания огня, обломок копья и фрагменты плетения [753, 487—502]. Местонахождение это явно позднее и интересно тем, что в какой-то мере характеризует культуру або-

ригенов Южной Австралии к началу колонизации.

По мнению Тиндейла, к культуре Мурунди относится и стоянка Порт-Фэри (Гусиная лагуна) в Виктории, где в раковинной куче наряду с орудиями из кости был найден топор с подшлифованным лезвием и желобком. Возраст этой находки — 1177 ± 175 лет (по другим данным — 1777 ± 175 лет) [745, 37—38]. Дата эта может сигнализировать о времени появления отшлифованных топоров в Виктории. Севернее, как мы знаем, они появились значительно раньше.

Еще одна радиоуглеродная дата, относящаяся к культуре Мурунди,— 1470±120 лет (Кейп-Нортамберленд, Южная Австралия). Образец древесного угля для анализа взят из нижнего горизонта кухонной кучи, содержавшей кремневые

орудия на глубине ок. 120 см [749, 24; 267, 159].

Исчезновение таких характерных для культур среднего периода орудий, как острия пирри и геометрические микролиты, является важным признаком культуры Мурунди. Мы знаем, однако, что орудия эти исчезли не везде одновременно, и в других районах Австралии они сохранялись довольно поздно. Поэтому хронологическая граница между культурами среднего и позднего периодов проходит в одних археологических районах, как на нижнем Муррее, раньше, в других, как к востоку от Большого Водораздельного хребта, позже. Согласно новейшим исследованиям, на нижнем Муррее она проходит примерно 2—3 тыс. лет назад, а к востоку от Большого Водораздельного хребта — примерно 1 тыс.

Более того, граница эта вообще условна. Местонахождения, которые и хронологически, и типологически должны

быть отнесены к среднему или позднему периодам, нередко все еще характеризуются наличием орудий, сохранившихся от прошлых времен. Поэтому, говоря о культурах среднего периода, нам уже не раз приходилось упоминать о стоянках, относящихся к позднему периоду, но сохраняющих еще многие признаки среднего периода, постепенно уступающие свое место новым явлениям, новым типам орудий, которых становится все больше,— отшлифованным орудиям, ножам леилира, орудиям типа элоуера и т. д. Таковы местонахождения Мутуинджи, Кобар и Вуттагуна на западе Нового Южного Уэльса и поздние горизонты стоянки Силендс на северо-востоке того же штата; такова стоянка Тандандьял в Юго-Западном Арнхемленде.

С другой стороны, некоторые местонахождения, о которых мы уже говорили, подобно поздним горизонтам стоянок нижнего Муррея, характеризуются отсутствием орудий, типичных для среднего периода, деградацией техники изготовления и обработки каменных орудий в результате наступившего в конце термического максимума культурного кризиса. Это событие, затронувшее различные области Австралии в разное время,— внутренние области континента раньше, окраинные, особенно восточные, позже,— следует рассматривать как важную веху, как одну из причин культурного сдвига, ознаменовавшего собой наступление позднего периода. Таковы упомянутые выше стоянки Глен-Эйр и Коройт в Виктории. Таковы поздние горизонты пещеры Кенниф в Квинсленде и Уайтмен-Крик в Новом Южном Уэльсе.

В то же время некоторые из этих местонахождений свидетельствуют о развитии орудий из кости, связанном с хозяйственной специализацией местного населения— с рыболовством. Таковы в Виктории— Гусиная лагуна и те же стоянки Глен-Эйр и Коройт, где найдено много орудий типа мудук и других орудий из кости, в Новом Южном Уэльсе—

стоянка Дьюрас-Норс.

Таким образом, культурный сдвиг, ознаменовавший наступление позднего периода, был явлением сложным и противоречивым. С одной стороны, он отразил последствия культурного кризиса, замедлившие темпы культурного развития, а в некоторых отношениях даже отбросившие культуру аборигенов назад и приведшие к утрате ряда достижений среднего периода. С другой стороны, развитие культуры аборигенов продолжалось, все шире распространялась шлифовка каменных орудий, значительно возросло количество орудий типа элоуера, появились новые специализированные типы орудий, такие, как ножи леилира. Некоторые стоянки, расположенные на берегах морей, рек и озер, отражают развитие хозяйственной специализации, связанной с рыболовством. Развивалось изготовление орудий труда и других предметов

241

из дерева и иных органических материалов. Это видно из

возросшего количества долот тула и элоуера.

Объяснять деградацию техники приходом новой этнической волны или, наоборот, приписывать этому фактору технический прогресс, не имея явных доказательств, как это делает Тиндейл [744, 40, 43—44], одинаково беспочвенно. Тем болеечто многие технологические традиции среднего периода сохранялись и в позднейшее время, в чем нельзя не видеть культурной преемственности при переходе от среднего периода к позднему. Столь же мало оснований распространять, как пытается делать Тиндейл, культуру Мурунди на всю Восточную Австралию, культуры которой и в позднем периоде характеризовались большим своеобразием и во многом отличались от культур Южной Австралии.

Такова, прежде всего, культура Элоуера, локализованная главным образом к востоку от Большого Водораздельного хребта. Она как бы вырастает из культуры Бонди в процессе постепенного и непрерывного развития, подобно тому культура Бонди в свою очередь развивалась из культуры Каперти и других древнейших культур Восточной Австралии. Исследование культуры Элоуера впервые было Ф. Маккарти во время раскопок близ Лэпстоун-Крик, о которых мы говорили в связи с культурой Бонди и другими культурами среднего периода Восточной и Северной Австралии. Он же ввел само название «культура Элоуера». Выше уже упоминалось, что из 44 орудий элоуера 39 были найдены в горизонтах культуры Элоуера. В тех же горизонтах были найдены отшлифованные топоры и ножи. В то время как для среднего периода было характерно широкое применение отжимной ретуши, которой обрабатывались острия и геометрические микролиты, в позднем периоде снова преобладает более примитивная ударная ретушь, но теперь она нередко сочетается с применением шлифовки орудий по рабочему краю.

Как один из преобладающих специализированных типов орудий позднего периода, элоуера распространены в прибрежных раковинных кучах, в укрытиях под скалами и на поверхности земли на востоке Нового Южного Уэльса, от побережья до западных отрогов Большого Водораздельного хребта. Но изредка они встречаются и во внутренних областях континента. Элоуера обнаружены в поздних горизонтах стоянок Северо-Восточного Нового Южного Уэльса, например в слое II стоянки Силендс, абсолютный возраст которого — 910 ± 80 лет, или 1040 ± 80 г. н. э. Еще севернее, в Квинсленде, орудия типа элоуера найдены в пещере Кэсидрел и в нескольких местах на побережье.

К позднему периоду относятся и наиболее поздние горизонты пещеры Кенниф, в Южном Квинсленде, хотя 5 орудий элоуера обнаружены лишь в горизонтах среднего периода. Позднейшие слои пещеры Кенниф, подобно многим другим местонахождениям позднего периода, характеризуются исчезновением геометрических микролитов и острий бонди и пирри — типичных орудий среднего периода — при сохранении долот тула, ножей джуан и, возможно, орудий с подшлифованным краем. Граница между культурными фазами среднего и позднего периодов проходит здесь примерно 2 тыс. лет назад, тогда как к востоку от Большого Водораздельного хребта она сдвинута в более позднее время. Такое сравнительно более ранее, чем на Востоке, наступление позднего периода, приближающегося ко времени его наступления в Южной Австралии, характерно для этой промежуточной в культурном отношении области, на территории которой расположена пещера Кенниф.

Немало стоянок, относящихся к среднему периоду, было открыто на севере Австралии, в Арнхемленде — очень важном для выяснения древних этнокультурных связей районе. К ним относятся 12 укрытий под скалами, исследованных Ф. Маккарти и Ф. Зетцлером в Оэнпелли, на севере Арнхемленда, в 1948 г. [538, 215—295]. В среднем глубина культурного слоя достигает в этих пещерах 90 см. найдены односторонние острия пирри и двусторонние острия типа Кимберли I (без зубчатой ретуши), ножи орудия типа элоуера (одно из них, как мы помним, на деревянной рукояти), отбойники, ретушеры и костяные острия мудук. Из нескольких топоров с подшлифованным лезвием только один был найден на небольшой глубине, остальные на поверхности. В отличие от острий пирри, распространившихся с юга, долота тула сюда не проникли, следовательно, элоуера были здесь единственным типом долот на рукояти. Нет здесь и геометрических микролитов.

Ножи леилира характеризуют культуры позднего периода не только Арнхемленда, но также Центральной Австралии и Западного Квинсленда, где встречаются обычно на поверх-

ности земли.

Острия пирри были найдены и в Йиркалла (Yirrkalla) на

северо-восточном берегу Арнхемленда.

Такое сочетание орудий представляется нам чрезвычайно своеобразным: с одной стороны, орудия, характерные для Северо-Западной Австралии (острия типа Кимберли), с другой — для Южной и Центральной Австралии (пирри), с третьей — для Восточной Австралии (элоуера, острия мудук), причем элоуера — один из преобладающих, наиболее многочисленных здесь типов орудий. Как если бы Северный Арнхемленд оказался в сравнительно позднее время (ножи и железные гвозди индонезийского или европейского происхождения!) местом встречи и слияния трех культурных традиций —

16*

северо-западных, южных и восточных. Здесь надо вспомнить об огромных расстояниях, отделяющих п-ов Арихемленд от стоянок Девон-Даунс или Лэпстоун-Крик и превышающих расстояние между Москвой и Лондоном. Более того, острия пирри, которые все еще сохранялись здесь в это сравнительно позднее время, на юге Австралии к тому времени уже исчезли. И может быть, самое любопытное — это отсутствие в культурных горизонтах топоров с подшлифованным краем, которые, как показывают раскопки К. Уайт в том же районе (мы уже говорили о них), сохранялись здесь 370 ± 80 лет назад. Возможно, что топоры продолжали выделываться на протяжении всего позднего периода и отсутствие их в культурных горизонтах исследованных Маккарти и Зетцлером пещер является просто случайностью, тем более что в пещерах, раскопанных К. Уайт, топоры залегали на глубине от 8 до 90 см от поверхности. Найдены они и в Милингимби (см. ниже).

Орудия типа элоуера распространились — видимо, вдоль побережья — вплоть до Юго-Западной Австралии. Мы уже говорили о находке орудий этого типа близ Перта. Древние связи между этническими группами Востока и Запада в какой-то мере все еще поддерживались и в это сравнительно позднее время, и Арнхемленд был, очевидно, узловым пунктом этих связей, куда тянулись нити и с Запада, и с Востока.

По словам Маккарти и Зетцлера, им удалось обпаружить в Оэнпелли «смешанную, но единую индустрию, состоящую из элементов культур Бонди, Элоуера, Кимберли, Пирри, Мудук и Мурунди» [538, 286]. Культуры Мурунди, Элоуера, Оэнпелли и Милингимби Маккарти с полным основанием рассматривает как одновременные, дожившие вплоть до европейской колонизации.

Раскопки Маккарти и Зетцлера в Арнхемленде выявили культуры, как правило, сравнительно поздние; находки в некоторых стоянках указывают на контакты с индонезийцами и европейцами, имевшие место сто-двести лет назад. Особенно это относится к о-ву Гроте-Эйландт (зал. Карпентария). Однако даже старики в Йиркалла уже ничего не смогли рассказать об остриях пирри, когда им показали их, и заявили, что предметы эти сделаны в давно минувшие «времена сновидений». Только раковинные кучи на о-ве Милингимби, вероятно, относятся к тому времени, когда посещения острова индонезийцами еще не начались, так как в них не найдено ни обломков керамики, ни других признаков таких посещений, в изобилии находимых в других местах побережья [538, 218, 224, 250].

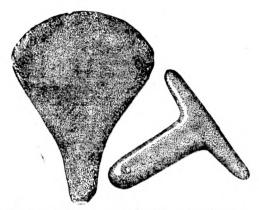
Керамика, обильно представленная на побережьях Арнхемленда и относимая специалистами к периоду от 206 г. до н. э. до 1800 г. н. э. [538, 294] (среди этой керамики встречается и старинный китайский фарфор, восходящий еще к эпохе Минской династии, т. е. к XIV—XVII вв.), в основном принадлежала индонезийским морякам, промышлявшим здесь трепанг вплоть до 1910 г., когда эти посещения были запрещены правительством Австралии. Охотники-австралийцы, несмотря на продолжавшееся столетия общение с индонезийцами, так и не восприняли от них искусства изготовления глиняной посуды, очевидно не испытывая в ней необходимости при их полукочевом образе жизни, при котором она показалась бы им только обременительной.

В исследованных Д. С. Дэвидсоном стоянках в районе г. Деламир (Delamere) на Северной Территории, южнее Арнхемленда, были найдены двусторонние острия и острия пирри, ножи леилира и долота тула. И хотя стратиграфия была неясной, Дэвидсон высказал предположение, что двусторонние острия и ножи леилира залегают здесь над остриями пирри [240, 145—184]. Но о стоянках Оэнпелли, как и о пещере Тандандьял в Юго-Западном Арнхемленде, этого сказать

нельзя.

На о-ве Милингимби (Milingimbi), одном из о-вов Крокодайл, у северного побережья Арнхемленда, Маккарти и Зетцлер обнаружили в раковинных кучах немало топоров с подшлифованным краем наряду с орудием типа йодда, двусторонне обработанными рубящими орудиями типа риамби, которые встречаются и на о-вах Уэлсли в зал. Карпентария (см.: «Культура Гамбир»), каменными наковальнями, нуклевидными орудиями и скребками [538, 230—250]. По мнению Маккарти, эта своеобразная культура типологически близка к культуре Элоуера; мне же она представляется более обособленной, хотя и несомненно поздней. Об этом говорят не топоры с подшлифованным лезвием, которые, как мы знаем, в Арнхемленде появились довольно рано. Об этом говорит, прежде всего, орудие типа йодда.

Йодда (yodda) — орудие правильной формы, напоминающее мотыгу, плоское, чечевицеобразное в сечении, длиной от 20 до 36 см с черешком, с помощью которого оно, вероятно, прилаживалось к рукояти. Обрабатывалось точечно-ударной техникой, иногда шлифовалось. Сравнительно острый выгнутый край ретушировался или затачивался. Название йодда было предложено Маккарти по названию одной из долин в Папуа (Новая Гвинея), где было найдено, по его словам, первое орудие этого типа [535, 76—78]. В действительности первое сообщение об орудии из долины Йодда появилось лишь в XX в. [662, 325—328, табл. 8; 663, 161—162], а первая публикация аналогичных австралийских орудий относится еще к концу XIX в. [271, табл. 142, рис. 8—9]. Помимо Арнхемленда орудия этого типа найдены в Новом Южном Уэльсе

Орудия йодда и мена (из Нового Южного Уэльса и Квинсленда)

(Оберон и бассейн Дарлинга), на северо-востоке Виктории, на р. Кондамайн в Квинсленде и в Южной Австралии (Майпонга). Всего в Австралии найдено 15 йодда, и все они сосредоточены в восточной половине материка [207, 94—97, табл. 9—11; 509, 361—364]. Орудие из Майпонги найдено в земле

[282, 367, табл. 22, рис. 10].

Насчитывающиеся единицами, орудия эти попали в Новый Южный Уэльс, Квинсленд, Викторию и Южную Австралию, вероятно, с севера по Дарлингу и его притокам. Так, например, г. Оберон находится на р. Макуори, одном из притоков Дарлинга. Притоком Дарлинга является и р. Кондамайн. Мы уже не раз убеждались в том, что система Дарлинга была важной артерией, по которой распространялись, главным образом путем обмена и преимущественно с севера, орудия труда и другие материальные ценности и технологические идеи.

В отличие от австралийских новогвинейский экземпляр сделан из обсидиана. Аналогичные обсидиановые орудия найдены в Полинезии, на о-ве Пасхи [16, 316, 322—323, рис. 8]. Правда, они оформлены значительно грубее австралийских, лишены точечно-ударной обработки и шлифовки да к обсидиану все это и неприменимо — и их отличается от орудий типа йодда. На о-ве Пасхи сколько они назывались матаа, служили в качестве наконечников копий и были значительно короче йодда. Аналогия между теми и другими, конечно, очень отдаленная, но генетическая связь возможна. Функции йодда неизвестны, о происхождении их можно только догадываться. Каменные орудия типа йодда могли быть имитациями бронзовых кельтов Индонезии, а если это так, они появились, вероятно, не ранее середины I тысячелетия до н. э., когда в Индокитае возникла

бронзовая донгшонская культура, оказавшая влияние и на

соседнюю Индонезию [64, 52-53, 56-58].

Это предположение хорошо подтверждается радиоуглеродной датой, полученной недавно для крупнейшей на о-ве Милингимби раковинной кучи, в которой были найдены и орудия типа йодда, и топоры с подшлифованным краем. Дата — 2445±80 лет, или 495±80 г. до н. э. [138, 10]. Это пока единственная абсолютная дата для упомянутых выше стоянок на п-ове Арнхемленд. Высказывать на основании одной только даты те или иные суждения о начале позднего периода в этом археологическом районе преждевременно, но можно предполагать, что поздний период наступил здесь, на крайнем севере Австралии, раньше, чем на востоке, и примерно тогда же, что и на юге континента. Это еще раз указывает на культурную обособленность Восточной Австралии.

На о-вах Мелвилл и Батерст, расположенных у северозападных берегов Арнхемленда и населенных в настоящее время этнической группой тиви, материальная культура которой вследствие изоляции очень примитивна и архаична, как универсальными орудиями они пользовались до недавнего времени лишь грубыми рубящими орудиями, острыми раковинами и отщепами [563, 180]— на берегу моря были найдены топоры, обработанные точечно-ударной обивкой и отшлифованные по краю. Возраст их неизвестен. Возможно, они были привезены когда-то с материка. Есть сообщения о таких находках и в Тасмании, хотя нет никаких оснований полагать, что такие топоры делались когда-либо на этом острове.

Характерно, что ни в Арнхемленде, ни в Кимберли геометрические микролиты не обнаружены. Это заставляет с осторожностью относиться к предположению о их распространении с севера и является аргументом в пользу гипотезы

о их конвергентном, австралийском происхождении.

Поздний период ознаменован дальнейшим распространением по территории Австралии топоров с наточенным лезвием. Распространение этих орудий продолжалось вплоть до европейской колонизации на протяжении всего XIX в. При этом характерно, что эволюционный ряд, который так соблазнительно было бы построить на австралийском материале и который действительно строили некоторые авторы (от галек подходящей формы с чуть подшлифованным краем, как наиболее ранней формы, через топоры, обработанные точечноударной техникой, к орудиям наиболее совершенных форм с одним, двумя или тремя параллельными желобками, идеально приспособленными к форме рукояти), — ряд этот в свете новейших исследований явно не выдерживает критики. Мы уже убедились в том, что наиболее примитивные австралийские орудия не всегда оказываются наиболее древними,

Топоры с подшлифованным лезвием и желобком

а наиболее совершенные — самыми поздними. Мы знаем, что древнейшие из найденных до сих пор в Австралии топоров, возраст которых определен с помощью радиоуглеродного анализа, — они обнаружены в Оэнпелли — относятся к одной из наиболее развитых форм. А, с другой стороны, классический экземпляр одной из самых примитивных форм — топоров типа винданг из расколотой пополам гальки, одна поверхность которой сохраняет нетронутой естественную сглаженность, а другая обита и слегка подшлифована, — был найден в Глен-Эйр, в сравнительно позднем местонахождении под навесом 2, возраст которого 370±45 лет. По типу своему топоры винданг восходят к монофасам типа Суматра,

с которыми, вероятно, они и связаны генетически. Такая находка гармонирует с общим характером местной индустрии, испытавшей явную деградацию вследствие термического максимума и культурного кризиса. Топоры с подшлифованным краем, обработанные точечно-ударной техникой, с опоясывающими их желобками, были когда-то широко распространены в Виктории и соседних областях Австралии, но их изготовление прекратилось задолго до колонизации. Курнаи Гипсленда (Юго-Восточная Виктория), по словам Хауитта, для изготовления своих примитивных топоров с подшлифованным лезвием употребляли преимущественно окатанные водой гальки [387, 312]. Ни одно орудие с окружающим его желобком из Виктории или Нового Южного Уэльса уже не было найдено на топорище. Все они покрыты патиной. Напротив, более примитивные топоры выглядят гораздо новее. Многие восточноавстралийские топоры с желобками были найдены в земле [581, 94].

В поперечном сечении австралийские топоры с подшлифованным краем бывают и овальные, и круглые, и чечевицеобразные, причем последние распространены главным образом в Квинсленде и на Северной Территории вплоть до Восточного Кимберли. В этом, может быть, сказалось воздействие Новой Гвиней и Меланезии. Длина австралийских топоров колеблется в пределах от 5 до 30 см. Укрепляются они обычно с помощью смолы в перегнутой вдвое тонкой деревянной рукояти, петлей охватывающей топор, два конца

рукояти связываются вместе.

Имеется несколько региональных типов топоров. Таковы уже упомянутые топоры винданг из целых или расколотых галек, обитых с одной стороны. Названы они так по местности на южном берегу Нового Южного Уэльса, где были найдены в сравнительно большом количестве. Распространены они в Восточной Австралии. Остальные типы топоров — двусторонне обработанные гальки или куски камня. Интересны топоры с примитивными плечиками с двух сторон для более прочного прикрепления к топорищу — прототип плечиковых

топоров Юго-Восточной Азии, отличавшихся более совершенными и выработанными формами. Австралийские топоры с плечиками были распространены в Северной Австралии и Западном Квинсленде, откуда посредством обмена проникали на юг. в Центральную Австралию и Новый Южный Уэльс. В восточной половине континента широко распространены топоры, предварительно обработанные точечно-ударной техникой. Среди них особое место занимают топоры или несколькими опоясывающими их поперечными желобками, сделанными той же техникой. Такие орудия были распространены преимущественно в Восточной и Юго-Восточной Австралии, из них особенно интересны и редки большие массивные топоры с несколькими желобками из Виктории. Столь же редки полностью отшлифованные топоры, на севере они встречаются чаще, чем на юге. Топор был многосторонним по своим функциям, универсальным орудием труда, одним из важнейших орудий аборигенов Австралии [535, 45—53; 41, 57—61]. Недаром топоры принадлежали к важнейшим предметам межгруппового обмена. Так, многие этнические группы Центральной Австралии получали свои топоры из Квинсленда.

Зона распространения неолитической точечно-ударной техники была менее обширной, чем зона распространения техники шлифовки, возможно потому, что первая распространилась в Австралии позже второй. И та и другая двигались с севера и востока на юг и запад, но в отличие от точечно-ударной техники, распространенной лишь в восточной половине континента, техника шлифовки успела к началу колонизации глубоко проникнуть в северные области Западной Австралии. Если двигаться с юга на север континента, техника изготовления и обработки топоров становится

все совершеннее.

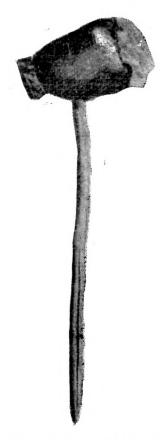
Еще в XIX в. топоры были очень редки к югу от г. Макдонелл, а у многих этнических групп Южной и Западной Австралии их не было вовсе. Этнографические материалы позволяют проследить постепенное распространение техники шлифования камня к югу и юго-западу на протяжении всего прошлого века. Впрочем, сравнительно недавно было высказано предположение, что топоры с подшлифованным лезвием некогда производились и на юго-западе [629, 162—179]. Они были обнаружены в районе Перта, правда только на поверхности земли. Возраст их неизвестен [184, 133—136]. Здесь же были найдены элоуера, геометрические микролиты и ретушеры, т. е. орудия, типичные для Восточной Австралии, а частично и для Арнхемленда.

Мы не знаем точно, когда техника шлифовки проникла в область нижнего Муррея и сопредельные районы Южной Австралии. Возможно, это произошло незадолго до европей-

ской колонизации, а может быть, уже в XIX в. В середине прошлого века многие корреспонденты Тэплина, перечисляя орудия различных этнических групп Южной Австралии, о топорах не упоминают [708]. Позднее, уже в конце XIX в., Стирлинг отмечает, что единственными инструментами, которые он встретил во время его экспедиции по Южной и Центральной Австралии, были долота на копьеметалках и каменные ножи, топоров он не называет [703, 90]. До сих пореще в быту некоторых этнических групп Центральной и Западной Австралии сохранились грубые неотшлифованные топоры, применяемые без рукояти. Отшлифованные топоры

здесь очень редки или совсем отсутствуют. К концу XIX в. топоры еще не достигли многих областей Западной Австралии. Кёрр пишет, что этнические группы Западной Австралии, от устья р. Де-Грей на севере до Олбани на юге, топоров не имеют [233, т. 1, 287]. В то время как на северо-западе, в Кимберли, капитан Кипг видел типичный австралийский овальный топор с отшлифованным лезвием и рукоятью еще в 1821 г., на юго-западе, в районе Перта, все еще сохранялся топор кодья (kodja) [421, т. 2,67—68,139,329, 337], архаическое орудие, которое по праву можно считать палеолитическим предшественником мезо- и неолитических топоров на рукояти. Название «кодья» дано этому топору одной из этнических групп, живущих вблизи Перта. Типичный топор кодья имеет деревянную рукоять, круглую в сечении, заостренную на одном конце, с толстым комом очень твердой смолы на другом; в смоле с противоположных сторон утоплены два камня, причем из смолы выглядывают только их рабочие края. Один из них обычно больше и шире другого. Как правило, камни не обработаны, с естественными острыми краями, изредка лишь грубо обиты. Конструкция топоров кодья, иными словами — способ соединения камней с рукоятью, выяснен с помощью рентгеноскопического фотографирования впервые Дэвидсоном и Маккарти [254, 408-416], а затем мною, для чего был использован топор кодья, хранящийся в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР [42, 122—124, рис. 3]. Выяснилось, что камни свободно погружались в разогретую смолу, при этом часто даже не прикасались к рукояти. Существует более редкая разновидность топоров кодья, у которых в смолу вставлен лишь один камень.

Камни, выпавшие из топора кодья, даже опытный археолог далеко не всегда признал бы за орудия труда; трудно также предположить, что они составляют часть топора подобной конструкции. Вот почему вопрос о том, существовали ли такие орудия в палеолите Европы и других частей света, кроме Австралии, едва ли может быть решен археологией. Между тем, теоретически говоря, такие примитивные топоры

Топор кодья из Юго-Западной Австралии (из коллекций Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде)

на рукояти вполне могли появиться уже в палеолите, и, может быть, австралийские кодья — реликт этой далекой эпохи. Но наличие таких орудий в палеолите возможно было лишь в том случае, если имелся скрепляющий материал, подобный австралийской смоле. Использование последней помогало австралийцам в решении многих технологических проблем. Во всяком случае, нигде, кроме Австралии, подобные орудия не засвидетельствованы.

Кодья, бесспорно, самый примитивный из всех известных тип топора на рукояти, эффективность его в работе невелика, и он вполне мог быть прототипом более совершенных топоров, долот и тесел. Он и сохранялся только в самом дальнем, изолированном юго-западном углу Австралии. Здесь да еще в некоторых районах Центральной и Западной Австралии только и могли удержаться до XIX в. древнейшие элементы австралийской культуры, сближающие, в свою очередь, эти области с Тасманией.

В этом отношении интересно сравнить, например, биндибу, обитающих в районе оз. Маккай, в Большой Песчаной пустыне, и мирнинг, живущих близ Юклы, у берегов Большого Австралийского залива. И те и другие — представители наиболее архаичных и прими-

тивных в культурном отношении этнических групп Австралии, хотя между ними более тысячи километров. Биндибу не шлифуют свои топоры и даже не прикрепляют их к рукоятям, а держат их просто в руке. Мирнинг живут в 700 км от мест, куда топоры с подшлифованным краем проникают путем обмена, а делаются они еще дальше. Как биндибу, так и мирнинг порою используют без предварительной обработки любой камень подходящей формы с острым краем. Отжимная ретушь им незнакома, а, обрабатывая небольшое каменное орудие, и мирнинг, и биндибу прибегают иногда к совершенно одинаковому способу — они откусывают зубами

Рентгенограмма топора кодья (из коллекций Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде)

чешуйки камня по его краю [754, 116—122; 725, 400—422]. Любопытно, что точно так же поступают представители еще одной архаичной и примитивной в культурном отношении группы, обитающей на крайнем севере Австралии, — жители о-вов Уэлсли в зал. Карпентария: они ретушируют зубами раковинные ножи [680, 307].

В прошлом кодья были распространены вплоть до г. Роборн на севере Западной Австралии и до южных границ Ким-

берли [486, 87—92; 738, 257—274, 371—374].

Можно полагать, что до европейской колонизации кодья были распространены вплоть до Арнхемленда, а возможно, и шире. Но к концу XIX в. кодья исчезли и на юго-западе. В настоящее время в музеях мира насчитывается, вероятно, не более 60 этих топоров. Дэвидсон и Маккарти высказывают предположение, что идея укрепления долота тула с помощью смолы на метательной палице возникла из более древнего аналогичного укрепления камней на древке топора кодья [254, 405—406]. Следует отметить, что орудие элоуера на древке из Оэнпелли (Арнхемленд) по способу соединения с древком совершенно аналогично топору кодья.

Кроме топоров с подшлифованным лезвием имелись и другие, менее распространенные типы отшлифованных орудий. К ним относятся тесла, долота и ножи, найденные в разных местах Австралии. Редкий экземпляр отшлифованного долота на рукояти из Нового Южного Уэльса имеет, как по-

лагают, 150-летний возраст [742, 120, рис. 8].

Найдены в Австралии в небольшом количестве и такие орудия, которые, подобно йодда, не имеют с подавляющим

большинством австралийских орудий ничего общего. Некоторые из них обнаружены на поверхности, другие в земле, но стратиграфическое положение и возраст их остаются неясными. Таковы орудия типа мена (тепа, другое название — ооуигка) — плоские, овальные в сечении орудия с черешком, напоминающие формой букву «Т». Поверхность их бывает отесанной, обработанной точечно-ударной техникой или полностью отшлифованной. Длина и ширина — ок. 15 см. Название происходит от р. Мена в Северо-Восточном Квинсленде, в районе Кэрнса, где найдена большая часть этих орудий

(13 экземпляров). Назначение их неизвестно. Такова и уникальная находка в Западной Австралии трех прекрасно отшлифованных тесел, напоминающих восточноиндонезийские, новогвинейские или меланезийские поздненеолитические тесла и резко отличающихся от типичных австралийских изделий [240, 145—184, табл. 9, рис. 1—3]. Внеавстралийское происхождение их очевидно. Первоначально они могли попасть в распоряжение этнических групп северного побережья Австралии от индонезийских моряков или папуасов Новой Гвинеи. Такие же находки были сделаны и на восточном побережье Австралии. Так, в Дарк-Пойнт, на побережье Нового Южного Уэльса, было найдено четырехгранное в сечении тесло, которое могло попасть сюда из . Полинезии [727, 123—126, 252; 294, 629—631]. Такие же тесла были найдены и на берегах зал. Порт-Джексон. Но свидетельствует ли это о контактах с коренным населением Полинезии, о посещении Австралии полинезийцами в далеком прошлом — сказать трудно, так как древность тесел неизвестна, а никаких иных достоверных указаний на такие посещения в нашем распоряжении нет.

Следует отметить в этой связи, что в Австралии широко применялось шлифование разнообразных ритуальных каменных изделий. Возможно, что оно распространилось независимо от шлифования орудий труда, а в некоторых районах Австралии даже предшествовало ему. Тасманийцы, например, не шлифовани орудий труда, но у них, как сообщают, были шлифованные культовые изделия из камня (а может быть, это окатанные гальки?) типа австралийских чуринг или так называемых «цилиндроконических» камней, широко распространенных в восточной половине Австралии. Назначение последних до сих пор не разгадано, хотя есть основания полагать, что оно было ритуально-магическим [164]. Подобные орудия были найдены на Яве, Калимантане и Новой Гвинее, где их функция, впрочем, могла быть иной.

Раннее возникновение техники шлифования камня, по-видимому не связанное с производством, засвидетельствовано и в позднем палеолите, в стоянке Костенки IV. Здесь были найдены тонко выточенные и отшлифованные изделия из камня в виде дисков с правильным круглым отверстием в центре [34, 485]. Их можно сравнить, по крайней мере с точки зрения техники изготовления, с австралийскими каменными чурингами, плоскими и хорошо отшлифованными; последние изредка имеют и правильное круглое отверстие на конце.

На общем фоне австралийской каменной индустрии, где очень редки, особенно в позднейшее время, орудия, так тщательно и искусно обработанные, высокий уровень неолитической обработки камня, достигнутый при изготовлении предметов ритуально-магического назначения, представляет инте-

ресную, по особую проблему.

К числу каменных изделий ритуально-магического назначения, отличающихся совершенством обработки, следует отнести и фаллические изображения. Они очень немногочисленны: до 1957 г., как пишут Дэвидсон и Маккарти, было опубликовано всего 9 экземпляров из различных музеев мира [254, 451—452]. Тем больший интерес представляет фаллическое каменное изображение из Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР № 2159—206, оставшееся им неизвестным. Это уникальное произведение из отшлифованного песчаника происходит из Кимберли.
В позднем периоде на севере Австралии появились и ши-

В позднем периоде на севере Австралии появились и широко распространились в северных и центральных областях континента ножи леилира из удлиненных призматических пластин. Они же применялись как клевцы на рукояти и наконечники копий. Существует большое сходство между австралийскими леилира, сделанными, как правило, из кварцита, и меланезийскими ножами и наконечниками копий из обсидиана. Но все же говорить о заимствовании астралийцами техники изготовления удлиненных призматических

пластин из Меланезии нет достаточных оснований.

Систематическое изучение стоянок под открытым небом, сохранившихся во многих частях Австралии, в том числе и там, где аборигены давно уже исчезли, помогает восстановить образ жизни, который аборигены вели вплоть до прихода европейцев. Особенно хорошо изучены стоянки Юго-Восточной Австралии [553]. Они показывают, что образ жизни аборигенов в предколониальный период почти ничем не отличался от жизни их собратьев, сохранивших традиционные общественные отношения и культуру к XIX—XX вв. Это были сравнительно небольшие группы охотников и собирателей, кочевавших в поисках пищи в пределах своих территорий и периодически, в определенные сезоны года останавливавшихся на излюбленных ими местах стоянок, особенно часто вблизи источников воды, пищи, топлива и сырья для орудий. Их материальное производство по-прежнему основывалось на каменных орудиях труда.

Многие стоянки, особенно это относится к укрытиям в

пещерах, посещались аборигенами в течение столетий и даже тысячелетий, а в некоторых из них, вероятно, люди жили постоянно. Это относится к стоянкам, расположенным вблизи постоянных и надежных источников пищи и воды, главным

образом по берегам рек, озер и морей.

Верный себе, Тиндейл связывает возникновение культуры Мурунди и других культур позднего периода с приходом в Южную Австралию новой этнической волны — переселенцевномадов из пустынь Внутренней Австралии, вооруженных ножами леилира, долотами на копьеметалках и отшлифованными топорами. Их движение на юг и юго-восток, обусловленное дальнейшим высыханием Внутренней Австралии и сокращением источников пищи, продолжалось, по его мнению, вплоть до европейской колонизации [742].

Мне уже не раз приходилось возражать против необоснованных попыток связывать каждый новый шаг в развитии культуры с миграциями населения. Вполне допуская переселения отдельных этнических групп в эпоху первоначального освоения континента и в период термического максимума, я все же принципиально возражаю против того, чтобы непременно усматривать за каждой новой культурной фазой приход нового этноса. Для культурных сдвигов было много других, тесно связанных между собой причин: прогрессивное развитие самой культуры, связанное с развитием социально-экономических отношений, резкое изменение естественногеографических условий, культурные связи и контакты, широкое развитие межгруппового обмена и распространение материальных ценностей и идей порою на огромные расстояния.

Итак, закончим рассмотрение археологических позднего периода, а вместе с ними и исследование археологических источников по ранней истории аборигенов Австралии. Эта последняя глава археологической части настоящей работы уже непосредственно смыкается с этнографической частью, основанной на матерналах колониального периода, бросающих ретроспективный свет на прошлое. Археологические источники, анализу которых посвящена значительная часть работы, дают основной материал для реконструкции ранней истории австралийцев. Без них эта история никогда не была бы написана. С их помощью в предлагаемой книге предпринята первая в научной литературе попытка создать такую историю. К тому же археологические материалы характеризуют развитие важнейшего фактора социального и культурного прогресса — средств производства. Из всего этого вытекает особая роль археологических источников для нашей темы, все это объясняет, почему здесь уделяется столь значительное место.

С окончанием позднего периода завершается огромный, растянувшийся на тридцать тысячелетий доколониальный

период истории австралийских аборигенов. В конце XVIII в., когда Австралия была превращена в английскую колонию, период этот закончился. Отныне история коренного населения Австралии тесно связана с историей всего ее многонационального населения. Но эта трагическая страница истории аборигенов уже не является предметом нашего исследования.

К началу европейской колонизации австралийский материк был почти полностью заселен многочисленными этническими группами аборигенов, переживших за прошедшие тысячелетия немало потрясений, связанных главным образом с естественногеографических условий. Групп этих к концу XIX в. насчитывалось свыше семисот. Но, несмотря на вызванный этими потрясениями культурный кризис, развитие культуры коренного населения продолжалось. Несмотря на утрату некоторых культурных достижений среднего периода, в позднем периоде появились новые замечательные орудия, например ножи леилира, или широко распространились орудия, возникшие в среднем периоде, отшлифованные топоры и орудия типа элоуера. И только отдельные изолированные группы в глубине материка или на окружающих его островах сохранили древнейшие особенности австралийской материальной культуры. К ним относится, например, кодья — палеолитический топор на рукояти.

В то время как анализ археологических культур раннего периода помог нам реконструировать древнейший слой австралийской материальной культуры, то, с чем палеоавстралийцы пришли в Австралию и что они развивали в первые тысячелетия своего пребывания здесь, культуры позднего периода показывают, с каким культурным достоянием аборигены вошли в новый период своей истории, начавшийся в XVIII в., на каком уровне развития материальной культуры

они в этот момент находились.

Анализ археологических материалов, относящихся к позднему периоду, обнаруживает достаточно определенную преемственность в развитии материальной культуры внутри обеих очерченных выше обширных областей — восточной, расположенной к востоку от Большого Водораздельного хребта, и центральной, к которой относится и район нижнего Муррея. В первом случае это подтверждается сохранением и все более широким применением орудий типа элоуера и отшлифованных топоров, во втором — долот тула.

Изучение археологических культур Арнхемленда показывает, что Арнхемленд был своеобразным местом встречи во-

сточных, южных и западных культурных традиций.

Данные радиоуглеродного анализа дают возможность установить, что поздний период начинается на Востоке позже, чем на Западе, — в восточной области примерно 1 тыс. лет назад, а в центральной — 2—3 тыс. лет.

17 B. P. Kaőo 257

На протяжении всего позднего периода восточная и центральная культурные области оставались двумя крупнейшими в Австралии историко-этнографическими областями, границей между которыми был Большой Водораздельный хребет. Центральная культурная область включала Муррея и Центральную Австралию, а западными ее границами служили пустыни Западной Австралии. К северу от нее находилась еще одна историко-этнографическая область на п-ове Арнхемленд, к северо-западу — такая же область на территории Кимберли, а к западу и юго-западу — на граничащей с Индийским океаном территории Западной Австралии. Всем этим областям были присущи свои исторического и культурного развития. Внутри двух крупнейших историко-этнографических областей более или менее отчетливо выделялись менее обширные культурные провинции, также обладающие некоторым культурным своеобразием и самобытностью. Таковы в восточной культурной области территория современной Виктории, северо-восточная часть Нового Южного Уэльса с долиной р. Кларенс, южная и югозападная часть Квинсленда; в центральной культурной области — нижнее течение Муррея и юго-восточная Южной Австралии. Границы культурных провинций, как правило, совпадали не с границами отдельных этнических групп, а с большими этническими совокупностями, включавшими несколько групп, нередко говоривших на различных языках, но связанных общностью происхождения или хозяйственного и культурного развития, а также отношениями обмена.

Размещение по континенту Австралии различных типов орудий, локальные различия между ними отражают целый комплекс различных факторов: историю заселения Австралии, характер складывавшихся при этом этнических и культурных связей, традиционные отношения обмена, в свою очеотражавшие древние пути заселения континента и последующие миграции населения или же географическое разделение труда, связанное с экологическими условиями и специализацией общин, а как следствие обмена — и распространение (диффузию) элементов материальной и духовной культур, часто на сотни и даже тысячи километров. Таким образом, далеко не все различия в материальной культуре имеют этнический характер, как это нередко представляется археологам, склонным связывать археологические культуры с отдельными этническими общностями. В действительности элементы материальной культуры очень часто распространяются далеко за границы расселения отдельных этносов и охватывают целые этнические области, заселенные многочисленными и часто различными по языку этническими группами. Различные типы орудий и целые комплексы их редко связаны с отдельными этническими общностями, чаще - в силу отмеченных выше исторических причин — с целыми этническими

территориями и культурными провинциями.

Крупнейшим достижением позднего периода было распространение по континенту с севера и востока в южном и западном направлениях топоров с подшлифованным лезвием. Оно подготавливало наступление «неолитической революции». В Австралии, однако, она не произошла в отличие от многих других частей света, в том числе и соседней Океании. Объясняется это сложным, противоречивым характером развития австралийской культуры в позднем периоде, сочетанием прогрессивных тенденций в одних областях культуры и деградацией, как следствием культурного кризиса, - в других. И все же распространение шлифованных каменных орудий, даже более примитивных, чем прежде, было большим шагом вперед в развитии австралийской культуры. Шлифованные орудия были значительно производительнее нешлифованных в рубке деревьев и обработке древесины для изготовления всевозможных деревянных орудий, жилищ, лодок и т. д. «Техника шлифования позволила изготовлять эти орудия из горных пород, которые в прежние эпохи, когда господствовала техника скалывания, не играли и не могли играть роли в хозяйстве, так как не могли быть обработаны техникой скалывания, расщепления и ретуши» [82, 235]. Это достижение неизмеримо расширило возможности освоения аборигенами окружающей природной среды. Вот почему топор распространился так широко, как ин одно другое каменное орудие австралийцев.

Недостатком многих прежних исследований является то, что они рассматривали культуру аборигенов Австралии как нечто статичное, неподвижное, видели ее как бы в горизонтальном разрезе. Между тем культуру австралийцев следует рассматривать как явление динамичное, развивающееся, надо изучать ее в вертикальном разрезе, во времени, а не только в пространстве, различать в ней пласты различных исторических эпох. Доказательству того, что австралийская культура в том виде, в каком она дошла до нас, — сложное сочетание культурных пластов, восходящих к различным историческим эпохам, — этому и посвящена настоящая работа, прежде все-

го ее археологическая часть.

Отмечая сложный характер австралийской каменной индустрии, многие исследователи (Б. Спенсер, Г. Клаач, С. Митчелл и другие) находили в ней черты, характерные для всех стадий развития каменной техники, от древнего палеолита до неолита [697, 635; 425, 407—428; 553, 22, и др.]. Но они не смогли объяснить это, так поразившее их явление. Оно может быть понято и объяснено только с учетом новейших достижений археологии, раскрывающих перед нами сложную, драматическую историю коренного населения Австралии.

Глава 3

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ АВСТРАЛИЙЦЕВ ПО ДАННЫМ ЭТНОГРАФИИ И ЛИНГВИСТИКИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Данные этнографии имеют большое значение для изучения происхождения и ранней истории аборигенов Австралии и их культуры, как и для решения любых этногенетических проблем. Однако в отличие от археологии, которая предлагает нам материалы, непосредственно относящиеся к прошлому, составляющему предмет нашего исследования, этнографические источники относятся к хронологически ограниченному, притом позднему отрезку времени — к XVIII— XX вв., иными словами — уже к колониальному периоду. Поэтому реконструкция прошлого по этим источникам является особенно сложной задачей, а результаты такой реконструкции далеко не всегда бесспорны. К тому же археологические материалы можно датировать абсолютно (хотя и очень приблизительно), с их помощью мы построили абсолютную хронологическую шкалу основных этапов доколониальной истории аборигенов Австралии и их культуры. Такая шкала является необходимой опорной базой для любых построений в области истории австралийской культуры. Опираясь на результаты археологических исследований, мы в состоянии сказать более или менее точно, когда в Австралии появились найденные при раскопках орудия и другие предметы материальной культуры. Более того, эти исследования впервые позволили увидеть в общих чертах самый исторический процесс, которого формировалась ходе австралийская культура.

Этнографические материалы можно датировать только относительно, да и то не всегда. Предположения о возрасте тех элементов материальной культуры, возраст которых не может быть установлен археологическими методами, а также о возрасте различных явлений духовной культуры и социальных институтов всегда будут лишь гипотезами, более или

менее обоснованными.

В прошлом все попытки восстановить в основных чертах историю австралийцев и их культуры опирались главным образом на данные этнографии, и в большинстве случаев эти попытки нельзя признать удачными. Отчасти в этом винова-

та порочная методология—это относится, прежде всего, к школе культурных кругов,— но отчасти и недостаточность самих этнографических материалов. Критический обзор этих исследований уже сделан во Введении к данной работе.

Наиболее надежным и ценным источником сведений о прошлом, которым располагает этнография, являются предметы материальной культуры и искусства. Это — оружие и орудия труда из дерева и других материалов органического происхождения, которые плохо сохраняются, а поэтому предметы, сделанные из них, представлены, да и то не часто, лишь в сравнительно поздних археологических местонахождениях. Далее, это петроглифы, т. е. гравюры и живопись на скалах и в пещерах, дендроглифы и геоглифы, т. е. изображения на стволах деревьев и на земле, гравюры и рисунки на всевозможных предметах бытового или ритуально-магического назначения. Это, наконец, каменные выкладки и мегалиты.

До известной степени перечисленные выше объекты смыкаются с археологическими источниками — таковы многие петроглифы и каменные сооружения, сделанные в далеком прошлом. Однако немало и таких, которые были сделаны сравнительно недавно или же периодически обновлялись, как, например, многие произведения наскальной живописи. Поэтому целесообразнее рассматривать всю эту группу явлений австралийской культуры в этнографической части работы.

С этнографической частью работы в свою очередь тесно связана археологическая часть, в которой прослежен генезис и развитие одного из ведущих элементов австралийской культуры — каменных орудий труда, являющихся основой всей материальной культуры австралийцев. Результаты этого исследования, подкрепленные данными радиоуглеродного анализа, необходимы для понимания генезиса и развития австралийской культуры в целом. Более того, изучение археологических памятников позволило нам проследить формирование историко-этнографических областей и менее обширных культурных провинций, в границах которых происходило развитие и становление австралийской культуры в ее региональных вариантах. С этим тесно смыкается проблема соотношения категорий этноса и культуры в Австралии, проблема этнических и культурных связей.

Предметы материальной культуры и искусства дают возможность проследить происхождение и распространение по континенту Австралии не только отдельных элементов культуры, но и целых культурных комплексов, подобно тому как мы использовали и археологические источники, с той лишь разницей, что этнографические материалы в отличие от археологических почти одновременны и нуждаются во внутренней дифференциации, в относительной их датировке. Результаты такой исторической реконструкции, конечно, гипотетич-

ны, но зато они позволяют с большей полнотой, чем данные только археологии, восстановить культурный облик палеоавстралийцев и их потомков, их культурные взаимоотноше-

ния и связи с окружающими народами.

Известный интерес представляет для нас и духовная культура австралийцев, тесно связанная с их искусством. Так, мифы и обряды австралийцев помогают интерпретировать некоторые произведения искусства и места культа. О культурно-этнических связях в далеком прошлом говорит порою и самый характер географического распространения этих элементов. Однако, сравнивая между собой явления культуры, происходящие из отдаленных областей Австралии или из других стран, надо быть очень осторожными, так как сходство здесь не всегда свидетельствует об этнических и культурных связях — иногда оно может объясняться и одинаковым уровнем общественного и культурного развития.

К материалам, которые могут восстановить картину далекого прошлого австралийцев, относятся также этногонические легенды и предания. Устные предания народа о своем происхождении являются во многих случаях ценным историческим источником. Полагаться некритически на эти материалы, конечно, нельзя, но строго научный критический анализ, включающий их проверку с помощью других источников, дает возможность выявить и в них более или менее достоверные сведения о прошлом. Ценность этого приема в применении к австралийцам снижается, однако, тем обстоятельством, что сведений такого рода здесь очень немного, а к тому же все они облечены в сложнейшую мифологическую и тотемистическую оболочку. Это и неизбежно на том уровне общественного и культурного развития, с которым мы имеем дело в данном случае. Мы не встретим здесь, например, генеалогических преданий, подобных полинезийским. Однако и под такой мифологической оболочкой можно выявить иногда смутные воспоминания о переселениях этнических групп, о распространении культурных достижений, об общественных отношениях в прошлом.

Особую задачу представляет выяснение тех элементов культуры австралийцев, которые не были принесены с собой их предками и не возникли на Австралийском континенте, но были заимствованы у окружающих народов. Выяснив это, мы полнее и глубже поймем характер и размеры культурных контактов и связей австралийцев на протяжении многих тысячелетий.

Наконец, коснемся проблемы происхождения культурных различий между австралийскими этническими группами. В связи с этим попытаемся выяснить, в какой мере эти различия связаны с процессом культурной дифференциации, с расселением и взаимной изоляцией этнических групп, с ре-

лигиозно-магическими представлениями, разобщающими человеческие коллективы, а в какой мере они отражают воздействие естественногеографических условий на процесс активного приспособления человеческих коллективов к меняю-

шейся природной среде.

Материалы этнографии поистине необъятны и охватывают все стороны культуры и общественного бытия австралийских аборигенов. Проследить развитие и становление всей австралийской культуры в целом в одной работе невозможно. Поэтому в отборе этнографических материалов и в постановке связанных с этими материалами проблем мы вынужлены строго ограничивать себя тем, что имеет самое непосредственное отношение к нашей теме. Это полностью относится и к проблеме формирования социальных институтов у аборигенов Австралии — тема эта настолько общирна, что может должна быть предметом самостоятельной монографии. В прошлом делались попытки связать социальные отношения австралийцев с проблемой их этногенеза, например объяснить относительную сложность их социальной системы, с одной стороны, и видимую отсталость в других областях культуры — с другой, культурным упадком, деградаций. Но такие попытки не были удачными. Проблема формирования социальных отношений у австралийцев — особая, большая проблема, которую автор не считает возможным рассматривать

в настоящей работе.

Данный во Введении обзор многочисленных священных происхождению австралийской культуры, показал, что в этой проблеме существуют две крайние точки зрения. Представители одной из них рассматривали культуру австралийцев как единую и однородную, другие видели в ней продукт смешения различных по своему происхождению культур. К наиболее известным защитникам второй концепции принадлежат Дж. Мэтью, Ф. Гребнер, В. Шмидт, У. Риверс, Ф. Шпейзер, Н. Тиндейл. Наш анализ антропологических и археологических материалов показал, что представление об австралийцах как о народе смешанного происхождения, а об их культуре в целом как разнородной по своему происхождению нельзя признать обоснованным. С другой стороны, и взгляд на австралийскую культуру как на нечто совершенно однородное тоже нельзя признать правильным. Однородность австралийцев как народа, как расового типа еще не предполагает абсолютной однородности их культуры. Австралийская культура — сложное явление, в котором наряду с элементами, принесенными палеоавстралийцами в эпоху первоначального заселения континента или возникшими в Австралии конвергентно, имеются и такие, которые проникли сюда от окружающих народов в различные исторические эпохи. Археологическая часть работы уже познакомила нас

с некоторыми из таких элементов. Конечно, нельзя во всех случаях настаивать на их чужеземном происхождении, и нам нередко в целях возможно большей научной объективности приходилось воздерживаться от окончательного суждения и ограничиваться предположениями в пользу как одного, так и другого, противоположного решения вопроса.

Бесспорно, что австралийцы, подобно другим народам, заимствовали лишь то, в чем они испытывали определенную общественную и экономическую потребность, к чему они были подготовлены всем своим социальным и культурным развитием. В основе культурных заимствований находятся те же социально-исторические процессы, которыми определяется и самостоятельное культурное творчество народа.

Точно так же обстоит дело и с теми этнографическими явлениями, которые будут рассмотрены ниже. Они показывают сложный характер австралийской культуры, многие элементы которой были принесены еще палеоавстралийцами, другие возникли в Австралии в результате исторических процессов и имеют автохтонное происхождение, а третьи проникли сюда из окружающего мира, несмотря на то что австралийцы были изолированы от соприкосновения с ним более других народов. Как это в общем убедительно показано Д. С. Дэвидсоном, Ф. Маккарти и некоторыми другими исследователями, австралийская культура не сложилась совершенно независимо от внешних влияний, как это представлялось Б. Спенсеру и его последователям. Но проникшие в Австралию извне и в разное время культурные явления не составляют цельных культурных комплексов и не имеют ничего общего с культурными кругами Гребнера и других диффузионистов.

Но и Маккарти прав далеко не во всех случаях. Как мы увидим дальше, некоторые его гипотезы представляются довольно спорными. Таково, например, его предположение о заимствовании мотива спирали, широко распространенного в

искусстве австралийцев, из культур бронзового века.

Ни Маккарти, ни Дэвидсон не искали в культуре австралийцев только заимствований. Например, Дэвидсон пытался доказать независимое, автохтонное развитие многих элементов австралийской культуры, например лодок, сшитых из нескольких кусков коры [242, 1—16, 69—84, 137—152, 193—207], метательных палиц и копьеметалок с рукоятью из смолы и вделанным в нее каменным долотом [254, 390—458], многообразного применения копьеметалок в Центральной Австралии [243, 445—483] и т. д.

Все же с некоторыми гипотезами Дэвидсона трудно согласиться, например с его предположением, что сандалии аборигенов некоторых районов Австралии, сделанные из лыка, кожи опоссума или кенгуру, развились из ритуально-магической обуви курдайча (kurdaitja), которая делалась из человеческих волос и перьев эму, склеенных человеческой кровью, и предназначалась только для обрядов, связанных с актом мщения [250, 114—123]. Упомянутые выше сандалии австралийцы носили там, где им приходилось ходить по острым камням, раскаленному солнцем гравию и песку или по так называемой дикобразовой траве. Достаточно изобретательные, чтобы самостоятельно создать многие другие полезные в быту и хозяйстве предметы, они изобрели и обувь, необходимую им, чтобы сохранить ноги, и сделали это независимо от какого-либо внешнего воздействия, в том числе и со стороны ритуально-магической сферы их собственной культуры. А независимое от влияний извне изобретение сандалий видно из того, что они распространены преимущественно во внутренних областях континента с их специфическими природными условиями, например у биндибу Центральной Австралии [723, 177—179]. Такие сандалии видел в этой, тогда еще почти не исследованной европейцами части континента Д. Карнеги в 1896 г. [204, 234]. В Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР имеются такие же сандалии из Кимберли [39, 162—163]. Это изобретение — поучительный пример активного приспособления к естественной среде, к жизни в пустынях и на каменистых плато.

После этих предварительных замечаний рассмотрим этнографические материалы в той последовательности, которую

мы наметили выше.

ЭЛЕМЕНТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Начнем с анализа некоторых элементов материальной культуры, еще не рассмотренных нами в археологической части работы. Из них наибольшее значение в общественно-экономической жизни австралийцев имело деревянное охотничье сружие — бумеранги, палицы, копья и копьеметалки.

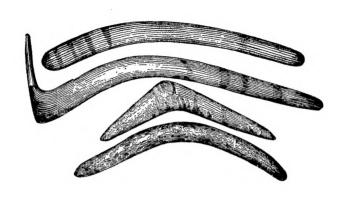
Мы уже говорили об отсутствии в Австралии в период европейской колонизации лука и стрел. Это оружие имелось лишь на крайнем севере п-ова Кейп-Йорк, куда оно, вероятно, проникло сравнительно поздно из Новой Гвинеи через острова Торресова пролива. Капитан Дж. Кук в своем дневнике о плавании вдоль восточного берега Австралии в 1770 г. отмечает, что луки и стрелы он встретил только здесь [49, 361]. И те аборигены п-ова Кейп-Йорк, у которых не было этого оружия, рассматривали луки и стрелы воинственных островитян Торресова пролива как оружие, значительно уступающее по качеству их боевым копьям.

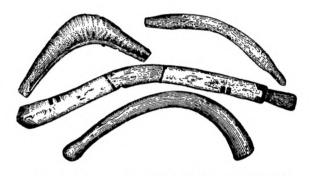
Отсутствие у австралийцев лука и стрел, широко распространенных в других частях света, представляется довольно неожиданным, если вспомнить, что лук и стрелы появились

еще в позднем палеолите. Выше мы уже обсудили эту проблему в связи с остриями пирри и геометрическими микролитами, которые вполне могли быть наконечниками стрел. Если австралийцы и имели когда-либо лук и стрелы, а затем в силу не совсем ясных для нас причин, возможно в результате культурного кризиса, наступившего в конце термического максимума, утратили их, эта утрата компенсировалась развитием других элементов культуры и появлением новых культурных достижений, в данном случае дальнейшим усовершенствованием или изобретением новых видов деревянного охотничьего и боевого оружия.

Набор предметов вооружения и орудий труда у австралийцев ограничен, и в этом отношении они близки к пигмеям, бушменам, андаманцам и другим культурно отсталым народам. Такая ограниченность культурного инвентаря, близость к «естественному состоянию» казались В. Шмидту, одному из крупнейших представителей культурно-исторической школы, надежным доказательством «этнологической» древности пигмеев. А так как пигмеи располагали по крайней мере луком и стрелами, В. Шмидт считал лук и стрелы древнейшим оружием человечества [651; 654, т. 3, 22 и далее]. У австралийцев, однако, не было и этого оружия. Логически рассуждая. можно прийти к выводу, что если австралийцы утратили его, то и пигмеи могли утратить в силу тех или иных причин некоторые элементы культуры, отсутствие которых у пигмеев в настоящее время кажется Шмидту убедительным доказательством древности последних. Таким образом белность культурного инвентаря еще не является доказательством древности того или иного народа. Наиболее убедительными аргументами против концепции Шмидта являются данные антропологии, о которых мы уже говорили выше. С другой стороны, данные антропологии, археологии и этнографии — последние нам еще предстоит рассмотреть — наряду с результатами радиоуглеродного анализа говорят о том, что Австралия была заселена еще в эпоху позднего палеолита и что австралийские аборигены являются прямыми потомками древнейшего населения Австралийского континента, сохранившими немало антропологических и культурных особенностей, сближающих их с палеоавстралийцами. В вопросе о древности того или иного народа аргументация, опирающаяся на данные этнографии, имеет значение лишь в сочетании с другими данными, так как культура каждого народа, даже наиболее изолированного, в ходе многовековой истории неизбежно меняется: исчезают одни культурные достижения, на смену приходят другие. Австралийская археология дала нам немало подобных примеров.

Наиболее интересной представляется в этой связи проблема бумеранга. Сущность ее состоит в следующем: унаследо-

Австралийские бумеранги (невозвращающиеся и возвращающиеся) и бумеранги с Новых Гебрид, из Египта, из Аризоны и из Южной Индии

ван ли бумеранг австралийцами у их позднепалеолитических предков, заимствован ли он ими позднее или изобретен ими самостоятельно, уже в Австралии, в то время когда Центральная Австралия все более превращалась в открытую степь, лишенную лесного покрова? Как мы увидим дальше, имеются данные в пользу любой из перечисленных возможностей.

Словом «бумеранг» (boumarang, как называли возвращающийся бумеранг турували, жившие близ Сиднея) обычно называют орудия двух различных типов, сходных по внешнему виду и, вероятно, родственных генетически, — изогнутую, плоскую, сравнительно тяжелую метательную палицу и легкий возвращающийся бумеранг, обладающий благодаря своей форме аэродинамическими свойствами, стихийно найденными первобытным конструктором [77]. В отличие от бумерангов первого типа, боевого и охотничьего оружия, сфера применения возвращающихся бумерангов довольно ограничена: они применяются только при охоте на птиц или в спортивных целях. Всего в Австралии известно около восемнадцати локальных вариантов оружия того и другого типа, причем из общего числа бумерангов возвращающиеся бумеранги составляют лишь небольшой процент.

Любопытно, что многие этнические группы, говорящие на разных языках, называли бумеранг одним и тем же словом или его вариантом. Так, на берегу зал. Мортон, в Квинсленде, бумеранг назывался birgan, а от р. Брисбен, в Квинсленде, до р. Хантер, в Новом Южном Уэльсе,— barragadan [523, 343]. В некоторых случаях это может объясняться распространением самого бумеранга и его названия от группы к группе, но может свидетельствовать и о древности этого оружия, восходящего к эпохе первоначального расселения данных этнических групп.

Бумеранг — одно из характернейших явлений австралийской культуры. Но оно отнюдь не является исключительной принадлежностью Австралийского континента, хотя, возможно, оно нигде не имело такого широкого распространения. Изображения людей, вооруженных бумерангами, сохранились в позднепалеолитических и мезолитических пещерах Южной Франции, в Испании и Северной Африке, наконец, в Индии, на древнем пути расселения протоавстралоидов [56, табл. 21; 602, табл. 10; 448; 432, табл. 46; 457, 158—163, рис. 69—70]. В самой Австралии изображения бумерангов очень многочисленны, по важно отметить, что некоторые из них помещены рядом с древними изображениями Вонджина — героя мифологии аборигенов Кимберли (Северо-Западная Австралия), где бумеранги в настоящее время уже не изготовляются [457, рис. 10].

На территории Воронежской области, среди позднепалеолитических стоянок Костенковско-Боршевского района (где было найдено погребение человека, обладавшего негроидными антропологическими признаками), в стоянке Костенки I П. П. Ефименко нашел предмет, сделанный из ребра мамонта и формой напоминающий австралийский бумеранг. Длина его достигает 50—55 см, края тщательно заострены строганием. Этот аналог австралийского бумеранга «благодаря твердости, весу, остроте края... представлял эффективное орудие охоты на мелких животных и птиц» [86, 287]. К более позднему времени относятся находки бумерангов в одном из мезолитических местонахождений Дании (относящихся примерно к III тысячелетию до н. э.) и в Египте (к 2200 гг. до н. э. и др.) [163, табл. 20]. Египтяне охотились на водоплавающих птиц при помощи метательных палиц, вращающихся в полете и своей изогнутой формой напоминающих бумеранги [9, 98, рис. 156]. В селении Бени Гасан, где в древности был один из номов Египта, в некрополе, относящемся к Среднему царству (2000—1750 гг. до н.э.), в гробнице номарха Хнумхотепа есть изображение его самого на охоте. В правой руке его — бумеранг, которым он замахнулся, чтобы поразить птицу. Невольно возникает вопрос: не был ли этот египетский бумеранг аналогом австралийского возвращающегося бумеранга, с которым аборигены охотятся на птиц? Даже на рисунке заметен его характерный пропеллерообразный изгиб, свойственный австралийским возвращающимся бумерангам, и только им: тяжелые невозвращающиеся бумеранги такого изгиба не имеют. С этой винтообразной изогнутостью возвращающегося бумеранга и связаны особенности его полета. Правда, древнеегипетские бумеранги, найденные при раскопках, — невозвращающегося типа [441, 454—463].

В СССР петроглифы, изображающие охоту с бумерангом, обнаружены в Чумышских горах, в 25 км к северо-восто-

ку от г. Фрунзе [101, 125—137].

К концу III — началу II тысячелетия до н.э. относятся неолитические поселения на Горбуновском торфянике в Зауралье, близ Нижнего Тагила, где также было найдено орудие, напоминающее бумеранг [10, 146]. Еще одна археологическая находка бумеранга на территории СССР сделана чукотским отрядом Северной экспедиции Института этнографии Академии наук СССР в Северо-Восточной Сибири, на Чукотском п-ове, в Уэленском могильнике, относящемся к концу I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. Это уникальное орудие можно видеть теперь среди археологических коллекций Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде.

В XVIII—XX вв. оружие, родственное бумерангу, все еще существовало в разных частях света — в Восточной Сибири и Монголии, в Африке, в Северной, Центральной и Южной Америке, в Индии, Индонезии и Океании. В Нижне-Колымском р-не Якутской АССР пастухи — чукчи, эвены, юкагиры, — охраняя стада оленей, употребляли плоские, короткие, дугообразные метательные посохи, напоминающие австралийские бумеранги. С их помощью отбившихся оленей возвращали к стаду. Пастухи бросали их расстояние на 20—30 м, придавая им при броске круговращательное движение, как делают и австралийцы, бросая бумеранг. Иногда это орудие употреблялось при охоте на птиц [26, 47—49]. Индейцы Северной Америки (навахи, индейцы Калифорнии) охотились на кроликов с изогнутой палицей, вращающейся в полете, подобно австралийскому бумерангу, но не возвращающейся. Значительная древность этого оружия и его более широкое распространение в прошлом подтверждаются тем, что оно было обнаружено в одном из археологических местонахождений Техаса [606, 44]. Оружие, напоминающее бумеранг, существовало еще в XIX в. в Южной и Центральной Индии, на плоскогорье Декан, там, где вплоть до настоящего времени сохраняются австралоидные племена [592, 121—132]. Не является ли это оружие реликтом того древнего предшественника, изображения которого сохранили петроглифы Индии, в том числе и Северо-Западного Декана?

В конце прошлого века Питт-Риверс обнаружил у некоторых этнических групп в районе Мадуры, в Южной Индии, оружие, напоминающее австралийский возвращающийся бумеранг не только формой, но и способностью возвращаться при полете [382, 338]. Возможно, что и индийские, и австралийские бумеранги восходят к общему древнему прототипу, который находился в руках еще протоавстралоидных позднепалеолитических предков народов Индии и Австралии.

Наконец, бумеранг невозвращающегося типа известен и в Меланезии — на Новых Гебридах, на о-ве Эспириту-Санто. Он имеет здесь ритуальное назначение и употребляется в обрядах мужского союза Сукве [631, 106—108]. Вполне возможно, что в древности меланезийцы пользовались бумерангом и как охотничьим оружием. Превращение полезного в священное, древних орудий, имевших утилитарное назначение, в предметы культа — нередкое явление в истории культуры. Связанные с австралийцами отдаленным родством, а возможно, и общим происхождением, меланезийцы могли сохранить и это древнее оружие, общее и для их предков, и для палеоавстралийцев, но на о-вах Меланезии, покрытых тропическим лесом, оно постепенно утратило свое первоначальное значение как охотничье оружие и превратилось в орудие ритуальное, культовое.

В прошлом, возможно, бумеранги существовали и на Новой Гвинее. На одном из петроглифов этого острова изображен человек, держащий в руках бумеранг и щит [635, рис. 3]. Изображения, напоминающие бумеранги, встречаются и на других петроглифах Новой Гвинеи [787, табл. 13, рис. 1 и 3].

Как же распространены бумеранги в самой Австралии? Не имея возможности установить древность этого оружия с помощью археологии, мы можем сделать это хотя бы приблизительно, проследив его распространение. Ведь распространение элементов материальной и духовной культуры может служить указанием, хотя и не всегда бесспорным, на их происхождение и древность. Другой прием — относительное датирование с помощью памятников искусства, на которых эти элементы изображены, — подобно тем изображениям бумерангов в пещерах Кимберли, о которых говорилось выше, — применимо далеко не всегда, так как часто необходимо установить сначала возраст самих петроглифов, а это не всегда возможно.

Картографируя распространение бумерангов различных типов, мы обнаруживаем прежде всего, что многие этниче-

ские группы совсем не выделывают бумерангов, а некоторым он и вовсе неизвестен. Так, бумеранги не делают на западе Южной Австралии и в соседней, восточной части Западной Австрални, на севере Кимберли, в северной и северо-восточной части п-ова Кейп-Йорк и на северо-востоке Квинсленда, на о-вах Мелвилл и Батерст: не было их и в Тасмании [647, 7—8: 244, 89: 523, 3441.

Легенды аборигенов Восточного Арнхемленда указывают на р. Ропер как рубеж между этническими группами, расселенными к югу и обладавшими бумерангами, и группами, не имевшими их и жившими к северу. Вместо бумерангов они сражались копьями. Традиционное разделение труда между этническими группами, изготовлявшими бумеранги, и группами, выделывавшими копья, сохранялось веками. Многие бумеранги, которые встречаются к северу от р. Ропер, были сделаны аборигенами, жившими в сотнях и даже тысячах километров к югу и юго-западу, и попали на север в обмен на копья и охру. На северном побережье Арнхемленда можно было встретить бумеранги с юга континента, с равнины Налларбор [451, 97—98].

Как это часто наблюдается, предметы, пришедшие из чужой, далекой страны, меняют свои функции и из утилитарных превращаются в ритуальные, иногда в предметы культа. Происходит превращение полезного в священное. Так произошло и с бумерангами в Арнхемленде. Их ценят здесь уже не как охотничье или боевое оружие, а как примитивный музыкальный инструмент — палки для отбивания ритма при исполнении священных песнопений, и аборигены верят, что они наделены магической силой — марр, аналогом океанийской маны [721, 63-64]. А с тех пор как с юга по всему Арнхемленду распространились обряды, связанные с культом «Старой Женщины», или «Великой Матери» — Гунабиби (Кунапипи), вместе с ними распространился и особый ритуальный бумеранг галивали, употребляемый для дефлорации девушек.

В этом превращении оружия в ритуальное орудие, в предмет культа и магии главную роль сыграло то обстоятельство, что бумеранги как оружие почти бесполезны в относительно густых лесах севера, поэтому аборигены Арнхемленда и не

делают их.

То же наблюдается и в Кимберли. И здесь этнические группы Центрального и Северного Кимберли (унгариньин, ворора, унамбаль и др.) сами бумерангов не изготовляют, но знакомы с ними и умеют с ними обращаться. Почти все бумеранги — центральноавстралийских типов и приобретены ими посредством традиционного обмена от этнических групп, живущих к востоку. Подобно аборигенам Восточного Арнхемленда, унгариньин не употребляют бумеранги как оружие. Они видят в бумерангах, попавших к ним из далекой, чужой страны, носителей таинственной, разрушительной силы и используют их в магии или в обрядах, связанных с культом Гурангара (Курангара). Бумеранги, в их представлении, орудия древних мифологических героев, которые с их помощью создавали мир [609, 60—62]. В этнической группе бад бумеранг употребляется в обрядах инициации. Его бросают в посвящаемого и магически «убивают» его. Изображения бумерангов наряду с человеческими фигурами можно иногда видеть на чурингах и гуделках — ритуальных и культовых предметах австралийцев [121, 15, рис. 2—5].

Не выделывают бумерангов и некоторые этнические группы Центральной Австралии, например биндибу, которых мы уже упоминала не раз как пример группы, сохранившей очень арушиеские особенности австралийской культуры. Бумеранги, находящиеся в распоряжении биндибу, по-видимому, попадают к изм с востока, от валбири. У этнических групп к югу и западу от оз. Маккай бумеранги крайне редки, применяются только как боевое оружие и зачастую являются предметами культа [725, 410]. Одной из этих групп являются пинтуби (биндуби), судя по названию — группа, родственная биндибу. Один из авторов сообщает, что он не встретил у

них ни одного бумеранга [452, 21].

Из всего этого можно сделать следующие выводы. Прежде всего, бумеранги отсутствуют в северных прибрежных областях Австралии, обращенных к внешнему миру, откуда в Австралию на протяжении тысячелетий проникло немало различных элементов культуры. Их изображения на петроглифах Кимберли говорят о том, что когда-то они были распространены здесь, но это еще не доказывает, что они изготовлялись в самом Кимберли — их могли выменивать у соседей, как это делается и сейчас. Легенды Арнхемленда указывают на глубокую традиционность такого разделения труда, при котором бумеранги выделывались только к югу от р. Ропер. Таким образом, бумеранги тяготеют преимущественно к южным областям Австралии, заселенным сравнительно рано и, как показывает археология, сохранявшим на протяжении веков древнейшие элементы австралийской культуры. Это может свидетельствовать о том, что и бумеранг принадлежит к таким древнейшим элементам. По-видимому, он распространился из центральных или южных областей Австралии еще в глубокой древности. Традиционные пути обмена, по которым бумеранги двигались с юга на север, из центра на север и запад и в других направлениях, указывают на пути их распространения в далеком прошлом.

С другой стороны, отсутствие бумерангов у некоторых этнических групп, сохранивших наиболее архаические черты австралийской культуры, — у тиви о-вов Мелвилл и Батерст, у пинтуби, биндибу и некоторых других групп Центральной

Австралии, наконец, в Тасмании,— не противоречит ли все это только что сделанному выводу и не говорит ли о том, что бумеранг не принадлежит к числу древнейших элементов австралийской культуры и распространился здесь сравнительно поздно?

По мнению некоторых ученых, бумеранг был изобретен австралийцами совершенно самостоятельно. Так, Д. С. Дэвидсон считал австралийский бумеранг автохтонным изобретением аборигенов Австралии, а его сходство с так называемыми бумерангами в других частях света — чистой случайностью. По его мнению, тот факт, что бумеранги не распространены в Австралии повсюду, что они не изготовляются ни в Кимберли, ни в Арнхемленде, ни на п-ове Кейп-Йорк, откуда заселялась Австралия, и, видимо, никогда не изготовлялись здесь, потому что в настоящее время они проникают сюда с юга путем обмена, свидетельствует в пользу его предположения [241, 163—181; 244, 97—98; 247, 232].

С этим, однако, трудно согласиться. Не существует ни одного элемента австралийской культуры, включая и такие, глубочайшая древность которых доказана археологией, которые были бы распространены по всей Австралии без исключения. Отсутствие бумеранга на севере еще не доказывает автохтонное происхождение австралийского бумеранга. Напротив, именно в южной части континента как раз и сосредоточены древнейшие элементы австралийской культуры. Кроме того, в тропических лесах севера бумеранг как метательное оружие, рассчитанное на открытые пространства, вообще малоэффективен.

На крайнем севере Австралии древнейшие элементы австралийской культуры следует искать не столько в быту,

сколько в земле, с помощью лопаты археолога.

Согласно одной оригинальной теории, возвращающийся бумеранг был подсказан австралийцам наблюдением над листьями одного из видов эвкалипта — эти листья обладают свойством возвращаться к бросившему их [684, 316; 447,

23-24].

Прежде чем прийти к какому-то окончательному выводу, рассмотрим сначала размещение различных типов бумерангов. Оказывается, возвращающиеся бумеранги распространены в восточных и западных областях Австралии, но неизвестны аборигенам Центральной Австралии и Северной Территории. Здесь распространены только невозвращающиеся бумеранги, которые, в свою очередь, распространены также на востоке и на западе континента.

Кроме того, существует еще несколько типов деревянных орудий, которые обычно рассматриваются как варианты бумеранга. Таковы, например, боевые клювовидные бумеранги типа «лебединая шея», распространенные лишь на Северной

Территории и в Северо-Западном Квинсленде, откуда распространяются путем обмена в разных направлениях. По-видимому, эта область и является центром их происхождения. Другой тип — так называемые крестовидные бумеранги, имеющие мало общего с настоящими бумерангами. Они делаются из двух связанных крестообразно дощечек, слегка расширяющихся к середине и суживающихся к концам. При полете возвращаются обратно, что и сближает их с возвращающимися бумерангами. Назначение их — чисто спортивное. Распространены только в Северо-Восточном Квинсленде, в районе Кэрнса, в сравнительно небольшой прибрежной области между Кардвеллом и Мосменом, где отсутствуют настоящие бумеранги. В том же районе распространены слегка изогнутые деревянные мечи, более метра длиной, с рукоятью, которую держат двумя руками.

Эта прибрежная область Квинсленда характеризуется и другими особенностями материальной культуры, которые не встречаются (или почти не встречаются) в остальной Австралин. Такова, например, материя из коры чайного дерева (Меlaleuca leucodendron) или подкоркового (камбиального) слоя деревьев семейства фикусовых, материалом и способом изготовления напоминающая океанийскую тапу. Но не следует во всех случаях видеть здесь заимствования извне, как это иногда делают. Этнографические особенности этого района сложились в основном вследствие его этнографической изоляции от остальной Австралии. Вспомним, что здесь, на Эсертонском плато, сохранилась негроидная (или тасманоидная) группа аборигенов, само происхождение которой, вероятно, тоже связано с длительной географической и биологической ее изоляцией от остального населения Австралии. Таким образом, термин «изолят» может иметь не только биологическое, но и этнографическое значение в тех случаях, когда мы имеем дело с этнической группой, культурное развитие которой длительное время протекало в изоляции от родственного ей населения, а потому и в ее культуре сложились особенности, свойственные только этой группе.

Впрочем, крестовидный бумеранг известен и за пределами Австралии, на востоке Сулавеси, где тоже применяется в спортивных играх [404, 237]. Возможно, что бумеранги из Сулавеси и из Северо-Восточного Квинсленда связаны между собой отдаленным родством. На Сулавеси известно, кроме того, метательное оружие для охоты на птиц, напоминающее обычный австралийский бумеранг [183, 861].

Размещение возвращающихся бумерангов в пределах лишь Восточной и Западной Австралии является еще одним свидетельством древних этнокультурных связей между населением Восточной и Западной Австралии, восходящих еще ко времени первоначального заселения континента. Этот

факт говорит о том, что возвращающиеся бумеранги относятся, по-видимому, к числу самых ранних элементов австралийской культуры, а невозвращающиеся распространились позднее. Очень возможно, что первые распространились еще в эпоху первоначального заселения континента, до освоения

Центральной Австралии.

Широкое распространение бумерангов и родственных типов метательного оружия на всех континентах, казалось бы, говорит о том, что бумеранг принадлежит к таким изобретениям, которые могли делаться конвергентно и неоднократно. Однако позднепалеолитическая древность бумеранга, находки бумерангов и их древних изображений в Индии, на пути расселения протоавстралоидов, наконец, сохранение бумеранга в виде своеобразного пережитка в Меланезии — все это позволяет предполагать, что бумеранг был заимствован палеоавстралийцами у их позднепалеолитических предков, принесен ими в Австралию и затем постепенно распространился по континенту, за исключением лишь некоторых северных районов. Причем сначала распространились возвращающиеся бумеранги, а затем и невозвращающиеся. Еще позже появились локальные типы бумерангов и родственные бумерангу орудия.

Но как же в этом случае объяснить отсутствие бумеранга в Тасмании и у некоторых австралийских этнических групп, сохранивших наиболее архаический культурный

облик?

Объяснение, как мне кажется, может быть только одно. Позволю себе опять обратиться к аналогии, заимствованной * из биологических наук, - к изолятам. Это вовсе не означает, что я биологизирую социальное явление, - это лишь аналогия, позволяющая глубже понять его. Подобно тому как в биологических изолятах вследствие изменения в соотношении генотипов всей популяции и отделившейся части, с одной стороны, развиваются новые качества, с другой — исчезают некоторые особенности, свойственные популяции, от которой изолят отделился, так и в культуре изолированных этнических групп происходит нечто аналогичное. Здесь не только формируются своеобразные явления, несвойственные всей этнической совокупности, от которой данный изолят отделился, но и исчезают некоторые явления, свойственные этой совокупности. Причины такого исчезновения могут быть различными. Так, культурное явление может исчезнуть потому, что в отделившейся группе исчезают условия, делавшие его необходимым или возможным, или же явление могло не достичь еще достаточной концентрации или достаточно широкого распространения в той большой этнической совокупности, от которой изолят отделился, или, наконец, население отделившейся группы может состоять из людей, лишь знакомых с самим

культурным явлением, но не умеющих или избегающих его изготовлять. Ведь мы знаем, что и до сих пор, несмотря на древность бумеранга в Австралии, здесь существуют этнические группы, которые лишь заимствуют бумеранги у своих соседей, но сами их не изготовляют. С этим глубоко укоренившимся, традиционным разделением труда хорошо знаком любой исследователь австралийской культуры. Порой это разделение труда, сложившееся исторически, в процессе объективного развития, получает и субъективную мифологическую санкцию, связывающую сверхъестественными узами определенные культурные явления с определенными этническими группами и не допускающую их изготовление другими группами.

Отсутствие бумеранга в Тасмании и на о-вах Мелвилл и Батерст связано, вероятно, и с тем, что до отделения этих островов от Австралийского континента, т. е. до конца плейстоцена, распространение бумерангов в Австралии было еще сравнительно ограниченным. В большинстве это были, вероятно, возвращающиеся бумеранги, хозяйственное значение которых вообще невелико. Однако в эпоху термического максимума, уже после отделения этих островов от Австралии, в связи с распространением открытых пространств на обширных площадях Внутренней Австралии бумеранги, на этот раз тяжелые, невозвращающиеся, охотничьи и боевые, широко распространились, в первую очередь во Внутренней Австралии. Может быть, сыграло свою роль и исчезновение лука и стрел, если только они имелись у австралийцев в прошлом. Не проникли бумеранги лишь в некоторые изолированные области Внутренней Австралии и в тропические леса Севера, где их применение малоэффективно. Таким образом, широкое распространение невозвращающихся бумерангов является следствием активного приспособления австралийцев к меняющейся естественногеографической среде, ярким проявлением их творческого дарования и способности к поддержанию жизни в самых трудных условиях.

Существование в Австралии бумерангов особого типа, совмещающих свойства возвращающихся и невозвращающихся бумерангов — они крупнее и тяжелее первых, — позволяет думать, что развитие невозвращающихся бумерангов произошло на основе бумерангов этого переходного типа. Распространение бумерангов этого типа, подобно возвращающимся бумерангам, с одной стороны, в Западной, с другой — в Восточной Австралии также указывает на древность этого оружия. Допуская, что возвращающиеся бумеранги постепенно развились из невозвращающихся, как обычно думают, трудно объяснить, почему возвращающиеся бумеранги распространились только на Западе и Востоке, но отсутствуют в Центральной Австралии и на Северной Территории.

Ведь невозвращающиеся бумеранги распространены и в этих областях.

На древние культурные связи Востока и Запада указывает также то обстоятельство, что как на Востоке, так и на Северо-Западе бумеранги одинаково украшаются резьбой, тогда как в Центральной Австралии они лишь покрываются параллельными желобками — характерным для австралийцев

способом обработки деревянного оружия.

Значение невозвращающегося бумеранга для охотников Центральной Австралии очень велико. Подобно копьеметалке (об универсальном использовании которой говорилось в связи с культурой Тартанга), бумеранг является полифункциональным орудием, выполняющим помимо своего прямого назначения много других функций: с его помощью охотник может освежевать добычу, выкопать колодец или земляную печь для зажаривания кенгуру или эму в горячей золе, разрыть нору животного, отретушировать каменное орудие, добыть огонь трением бумеранга о щит и т. д. Таким образом. бумеранг, подобно копьеметалке, освобождает австралийца от необходимости изготовлять и носить с собой во время постоянных и длительных переходов несколько орудий вместо одного. Полифункциональное применение орудий аборигенами Австралии — одно из важнейших достижений их культуры, способствовавшее активному их приспособлению к жизни в суровых условиях пустынь и степей Внутренней Австралии.

На древность и значение бумерангов указывают их изображения, которые мы часто встречаем на петроглифах Нового Южного Уэльса, Северо-Западной Австралии и других мест. Животные, включая кенгуру и эму, часто изображены поражаемыми бумерангами. Люди на петроглифах чаще вооружены бумерангами, чем копьями. Великие культурные герои древности — демиурги, создатели культурных благ Нового Южного Уэльса, Виктории и Северо-Западной Австралии, — вооружены бумерангами [523, 349], и в этом вновь ярко выступает древняя культурная близость Востока и

Запада.

Тасманийцы, тиви о-вов Мелвилл и Батерст, аборигены о-вов Уэлсли в зал. Карпентария и немногочисленные этнические группы, обитающие во внутренних областях Австралии и не знакомые с бумерангом или его изготовлением, как раз и принадлежат к таким этнографическим изолятам, о которых говорилось выше. И думается, что разработка и применение в этнографии понятий «этнографическая изоляция», «этнографические изоляты» будет способствовать более глубокому пониманию некоторых важных аспектов истории культуры, прежде всего в тех случаях, когда мы имеем дело с ранними стадиями общественно-экономического развития.

Биологическая и этнографическая изоляция — две стороны одного и того же явления. Особенно они свойственны ранним стадиям общественного и культурного развития, и действие их одинаково отрицательно отражается на развитии человеческих коллективов, ставших их жертвами. Напомню лишь то, что уже говорилось в антропологической части настоящей работы. Изоляция — явление многостороннее по своим последствиям и сказывается как в сфере биологической, так и социально-исторической.

Бывают, правда, счастливые исключения. Таковы этнические группы, населяющие район Кэрнса, в Северо-Восточном Квинсленде, благодаря своему географическому положению обогатившие традиционную австралийскую культуру за счет заимствований из океанийского мира. Таковы тиви о-вов Мелвилл и Батерст, культурные потери которых были в какойто мере компенсированы необычайным развитием изобразительно-прикладного искусства. Но такие исключения редки.

Как правило, изоляция имеет резко отрицательное действие, и пример тасманийцев, биндибу, пинтуби и некоторых других групп Внутренней Австралии, а также аборигенов

о-вов Уэлсли в этом отношении очень характерен.

Кроме бумерангов в Австралии существуют и другие виды деревянного метательного оружия. К ним принадлежат метательные палки и палицы, отличающиеся от палок всевозможными утолщениями на конце, вырезапными вместе с

палицей из одного куска дерева.

Метательные палки — наиболее архаичный и примитивный вид деревянного метательного оружия. Показательно их распространение — они очень широко представлены в западной половине Австралии, на о-вах Мелвилл и Батерст и спорадически встречаются на юго-востоке, где преобладают палицы. Кроме того, они характеризовали культуру тасманийцев [244, рис. 2]. Из этого размещения метательных видно, что и они, подобно возвращающимся бумерангам, принадлежат к древнейшим элементам австралийской культуры. Их размещение указывает на связи между Востоком и Западом, восходящие еще к эпохе первоначального заселения Австралийского континента. Однако в отличие от возвращающихся бумерангов метательные палки были распространены значительно шире, очевидно как полезное охотничье оружие, а потому сохранились и в Тасмании. С тех пор как появились метательные палицы, они начали постепенно вытеснять более примитивные палки, как это и случилось на юго-востоке. Палицы появились, очевидно, сравнительно поздно. Это видно из того, что они отсутствуют не только в Тасмании, но и в западной половине континента. Они распространены лишь на востоке, от Виктории и Южной Австралии до о-вов Торресова

пролива, где существуют сходные, но неидентичные формы,

проникшие из Новой Гвинеи.

Позднее, уже после того как Тасмания отделилась от Австралии, произошло дальнейшее усовершенствование метательных палок. На одном или обоих концах их появились утолщения из смолы, в которые вставлялись каменные долота. Произошло это в эпоху термического максимума, в период культуры Тартанга, и было связано с дальнейшим развитием деревообделочных инструментов и с тенденцией аборигенов той эпохи, переживавших трудный период борьбы за существование, делать свои орудия все более универсальными, комбинируя в одном орудии принципы нескольких. Распространение этого усовершенствования почти так же широко, как и самих метательных палок.

Одним из самых важных орудий австралийских аборигенов является копьеметалка, распространенная почти по всему Австралийскому континенту. Копьеметалка увеличивает силу удара и дальность полета копья. Копье, брошенное копьеметалкой, летит на 100—150 м, а брошенное рукой—не дальше 25—30 м. Ценность этого орудия особенно возрастает в связи с отсутствием у австралийцев лука. А с тех пор как в период культуры Тартанга копьеметалка превратилась в универсальное орудие охотника, с тех пор как ее начали комбинировать с долотом, ценность ее еще более возросла.

Подобно бумерангу, копьеметалка появилась еще в позднем палеолите, в мадленское время. В позднепалеолитических стоянках Южной Франции сохранились копьеметалки из рога северного оленя, с характерным для этого орудия упором для копья [34, 295, рис. 122; 449, 49—51]. Вероятно, были и деревянные копьеметалки, которые до нас не дошли. Обнаружены копьеметалки и в Швейцарии. Кроме того, один из авторов рассматривает и загадочные палеолитические орудия, известные как «жезлы начальников» (назначение их все еще вызывает разногласия среди специалистов), как копьеметал-

ки [766, 140—143].

Данные археологии позволяют высказать предположение, что копьеметалка существовала в раннем неолите Урала, Средней Азии и Украины. По мнению А. П. Окладникова, на ранних этапах, особенно в условиях степей, копьеметалки могли иметь большее значение, чем лук [73, 124—126]. Позднее они распространились вплоть до Северо-Восточной Азии, Северной, Центральной и Южной Америки, где в прошлом они были распространены очень широко, в Австралии и Океании, где они сохранились в некоторых районах Новой Гвинеи и Микронезии. В Тасмании в эпоху колонизации копьеметалок не было, но в прошлом их существование здесь возможно, как и у многих племен Северной Америки, у которых позднее они исчезли.

В Австралии существует большое количество различных типов копьеметалок, некоторые из них широко распространены, тогда как другие являются локальными вариантами, распространение которых ограничено определенными территориями [336, 82—86, 140—145; 243, 463—483; 24, 98—118]. В основе всех этих типов находится, очевидно, простейшая, наиболее архаичная форма — обыкновенная палка с упором для копья на конце, встречающаяся в Виктории, Южной Австралии (по берегам Большого Австралийского залива), а также на севере, в том числе и на о-вах Уэлсли.

Не случайно копьеметалки этого архаичного типа распространены лишь на периферии континента— на юге, юго-востоке и севере. В отличие от копьеметалок других типов, очевидно более поздних, функции этих копьеметалок ограничены. Иное дело типы, широко распространенные во Внутрен-

ней Австралии.

Комбинация копьеметалки и каменного долота — достижение этнических групп, населявших внутренние области Австралии в эпоху термического максимума. Это видно из того, что копьеметалки, лишенные долота, преобладают на юговостоке Южной Австралии, в Виктории, в восточных районах Нового Южного Уэльса и Квинсленда, на севере Кимберли и в Юго-Западной Австралии. Впрочем, капитан Кинг видел копьеметалку, снабженную долотом, на юго-западном побережье Австралии еще в начале XIX в. [421, т. 2, 138].

Помимо использования таких копьеметалок по их прямому назначению и в качестве долот или универсальных режущих инструментов копьеметалкой добывали огонь трением ее ребра по щиту или расщепленной палке или вращением острия копьеметалок на куске дерева. Центральноавстралийские копьеметалки вогнутой формы использовались как сосуды или вместилища. Копьеметалками пользовались для защиты от копья, как щитом, и для отражения ударов бумеранга, а иногда как ударными музыкальными инструментами. Полифункциональность австралийских орудий — явление, связанное с изменением природных условий в конце термического максимума, отразившимся на всем образе жизни полукочевых охотников, — ярко выступает и здесь, в этих более поздних и широко распространенных во Внутренней Австралии типах копьеметалок.

Значение копьеметалок отразилось в искусстве. Так, на скалах Арнхемленда нередки изображения людей с копьеме-

талками в руках [623].

По мнению Д. С. Дэвидсона, древнейшее население Австралии копьеметалок не имело. Они проникли в Австралию из Новой Гвинеи несколько тысячелетий назад. Как полагает Дэвидсон, это доказывается отсутствием копьеметалок в Тасмании и тем, что даже в настоящее время в самой Австралии

существуют этнические группы, у которых копьеметалки отсутствуют. Копьеметалки достаточно эффективны лишь в сочетании с легкими копьями, и, прежде чем копьеметалки были австралийцами заимствованы, в Австралии должно было появиться несколько типов легких копий, сменивших старые

тяжелые копья, бросаемые рукой.

Со всем этим трудно согласиться. Австралийские и новогвинейские копьеметалки сильно различаются между собой. Но если даже австралийцы и заимствовали копьеметалку у аборигенов Новой Гвинеи, откуда ее получили последние? Копьеметалка едва ли принадлежит к тем элементарным достижениям первобытной культуры, которые могли делаться независимо и многократно на протяжении всей истории первобытного человечества. Дэвидсон сам отмечает, что внедрение в обиход копьеметалки требует коренной перестройки всех двигательных привычек охотника [243, 449]. Самое вероятное, что и австралийские, и новогвинейские копьеметалки восходят к древнейшему прототипу, которым были вооружены еще позднепалеолитические протоавстралоидные предки обоих народов, что один или несколько типов легких копий они все же имели и что в глубокой древности копьеметалки были распространены в Юго-Восточной Азии и прилегающих странах, а затем по разным причинам исчезли, сохранившись лишь в Австралии, на Новой Гвинее и в Микронезии. Игрушечные копьеметалки, сохранившиеся кое-где в Полинезии и Южной Азии как реликт настоящих копьеметалок, по-видимому, свидетельствуют об этом. Такие игрушечные копьеметалки существуют и в Европе. Любопытно, что на о-ве Мелвилл копьеметалка также сохранилась в виде пережитка как игрушка для мальчиков [338, рис. 11].

Причины исчезновения копьеметалок, как сказано, могли быть различными. В Тасмании, на о-вах Мелвилл и Батерст, в восточных прибрежных районах Квинсленда и в некоторых других местах Австралии, населенных изолированными группами, исчезновение копьеметалок было, вероятно, тем же следствием этнографической изоляции, каким было в изолированных группах и отсутствие бумеранга. Вероятно, в древности распространение копьеметалок в Австралии было значительно менее широким. Надо сказать, впрочем, что в настоящее время в Центральной Австралии копьеметалки более употребительны, чем бумеранги. Это видно из того, что некоторые изолированные этнические группы Центральной Австралии, не имеющие бумерангов, группы, материальная культура которых крайне примитивна и архаична — таковы, например, пинтуби, - все же имеют копьеметалки, сами изготовляют их и широко пользуются ими. Это связано, конечно, с тем, что копьеметалки являются здесь полезнейшими, неза-

менимыми орудиями труда.

Происхождение копьеметалки, этого древнейшего и широко распространенного орудия, приписывается великим культурным героям древности, жившим во «времена сновидений» — алтыра. Так, аборигены Кимберли считают, что впервые ее изготовил один из Вонджина. По другой версии, копьеметалку и копье с каменным наконечником изобрели культурные герои Водои и Дьюнгун [609, 56]. Западноавстралийские копьеметалки украшаются резным орнаментом в виде зигзагов и меандров — стилизованным изображением лабиринта, — который встречается здесь также на щитах, чурингах, гуделках, фаллокриптах и имеет (или имел в прошлом) магическое значение.

Если общее число типов легких копий было у палеоавстралийцев, возможно, крайне ограниченным, а потому и копьеметалки были распространены менее широко, чем сейчас, в дальнейшем в связи с переменами в естественных условиях, с превращением копьеметалок в универсальное, незаменимое для австралийских охотников орудие, в связи с его все более широким распространением возникла потребность и в развитии и совершенствовании легких копий, и вот тогда-то в Австралии появилось все то разнообразие копий различных типов, с которым мы знакомы по этнографическим материалам.

Далеко не все сообщения об отсутствии копьеметалок у тех или иных этнических групп заслуживают доверия. Это относится в первую очередь к Восточной Австралии. Сам Дэвидсон указывает, что хотя о некоторых этнических группах Восточной Австралии и сообщают, что они не имеют копьеметалок, однако слово «копьеметалка» в их словарях существует [243, 452]. Области Юго-Восточной и Западной Австралии, где копьеметалки и легкие копья имеются, но копья, бросаемые рукой, относительно многочисленны или даже преобладают, видимо, сохраняют известную близость к тому соотношению этих орудий, которое существовало в древности.

Копье — самый употребительный и распространенный вид оружия австралийцев. Если есть основания сомневаться в существовании в Австралии в прошлом лука и стрел, то можно не сомневаться в том, что копье является исконным оружием австралийцев, что их предки уже обладали этим незамени-

мым оружием первобытного человека.

К древнейшим австралийским копьям, по-видимому, относятся копья следующих трех типов: простые, цельные, сделанные из одного куска дерева, заостренные и обожженные на конце; «копья смерти», цельные, оснащенные острыми осколками камня, вставленными в смолу на верхнем конце; цельные копья с вырезанными на конце зубцами. То, что эти копья являются древнейшими, видно из их размещения. Первые, насколько известно, единственный тип копий, который имелся и у тасманийцев, а в Австралии он сохранился лишь

на южном и западном побережьях, т. е. там, где в течение веков удерживались и другие древнейшие элементы австралийской культуры, да и вообще это наиболее архаичный и примитивный тип копья. Вторые и третьи размещены преимущественно на периферии континента, причем «копья смерти»— главным образом в южных, юго-западных и юго-восточных областях, а также в Восточном Квинсленде, в Арнхемленде и на северо-западе (еще один пример древних этнокультурных связей Востока и Запада), а копья с вырезанными на конце зубцами— на о-вах Мелвилл, Батерст и Уэлсли, на юго-западе и северо-западе континента [239, 41—72, 143—162, рис. 28; 233, т. 1, 269].

Все эти копья относительно тяжелы, и, как правило, их бросают только рукой (известны, впрочем, исключения). Копьеметалкой бросают обычно легкие составные копья, они широко распространены, но, вероятно, и среди них имеется несколько древних типов. Впрочем, по словам самого Дэвидсона, не существует таких копий, которые нельзя было бы метать любым способом, как копьеметалкой, так и без ее помощи [239, 44]. В настоящее время в Австралии насчитывается уже несколько десятков различных типов копий, различающихся конструкцией древка и материалов, из которого оно сделано, формой наконечника и т. д. Многие из них возникли в самой Австралии, а некоторые были заимствованы с Новой Гвинеи.

Применение австралийских копий многообразно: они употребляются и для охоты, и для рыбной ловли, и на войне, и во время обрядов; и нередко для тех или иных функций употребляются разные виды копий, например: для рыбной ловли — острога, оснащенная зубцами, а во время обрядов — специальные копья, предназначенные только для этой цели.

По мнению Дэвидсона, копья с каменными наконечниками, распространенные в настоящее время лишь на севере континента, появились сравнительно поздно [239, 152]. Однако широкое распространение острий пирри и геометрических микролитов в среднем периоде указывает на то, что копья с каменными наконечниками, вероятно, существовали уже в то время, а может быть, и раньше (ср. раскопки в пещере Куналда на юге Австралии) и что они были распространены гораздо шире, чем ко времени колонизации, когда на большей части Австралии они были вытеснены новыми видами копий. Археологические исследования дают основание полагать, что копья с каменными наконечниками появились на юге Австралии еще в раннем периоде (возможно, они были принесены сюда палеоавстралийцами), широко распространились в среднем периоде, а позже зона их распространения вследствие культурного кризиса, с одной стороны, и появления новых типов копий — с другой, сократилась и ограничилась лишь Северной Австралией. К тому времени появились уже новые типы каменных наконечников — наконечники типа Кимберли и леилира.

Из этого видно, что недостаточно оперировать только данными о современном распространении тех или иных культурных элементов, как это делал Дэвидсон, пытавшийся лишь на этом основании установить относительную хронологию этих элементов, и что данные археологии вносят существенные поправки в выводы, сделанные только на современном материале.

Из многих других элементов материальной культуры австралийцев, значение которых в жизни австралийских аборигенов особенно велико, остановимся еще на одном — щите. Австралийские щиты двух типов. Узкие массивные предназначенные для отражения ударов палиц и бумерангов, распространены в Юго-Восточной Австралии, в Кимберли и на крайнем юго-западе, а широкие щиты — для прикрытия тела и защиты от копий — широко распространены как в этих, так и во многих других областях Австралии, за исключением лишь крайнего севера (Арнхемленд и п-ов Кейп-Йорк) и крайнего юга (побережье Большого Австралийского залива) [246, 33]. Таким образом, отражательные щиты являются одним из древнейших элементов австралийской культуры и подобно многим другим ее элементам свидетельствуют о древних этнокультурных связях Востока и Запада. Более того, совпадают даже названия этих щитов. Имеется тип щитов, которые в Кимберли называются марка. Аналогичные щиты из Юго-Восточной Австралии называются малка, мургон, марр-ага [39, 137]. Сравнительно большая древность отражательных щитов говорит и о том, что такое оружие, как метательные палки и бумеранги, имели и в далеком прошлом большое значение. Широкие щиты распространились, вероятно, несколько позже, в связи со все большим распространением различных типов боевых копий. Те и другие щиты включают много разновидностей, из которых следует отметить один вид, характерный только для северо-восточного побережья Квинсленда,— с умбоном в центре [39, 136]. Такие щиты иногда делались в рост человека. Наряду с некоторыми другими элементами материальной культуры, отмеченными выше, они также характеризуют культурное своеобразие этой географической области.

Остановимся еще на одном элементе австралийской культуры — на морских и речных средствах передвижения, представляющих для нас особый интерес в связи с тем, что их распространение позволяет установить, какие из них уже имелись в распоряжении палеоавстралийцев, а какие появились позднее.

Для австралийцев их средства навигации не были только видом транспорта — единственным, которым они располагали вплоть до европейской колонизации. Они широко использовались ими для ловли рыбы, для охоты на черепах и дюгоней в открытом море, в заливах и реках. Распространение средств навигации почти исключительно на побережьях и лишь как исключение на озерах и больших реках и отсутствие других видов транспорта — одна из причин того, почему австралийцы стремились сократить свой культурный инвентарь до необходимого минимума и объединить, насколько возможно, принципы нескольких орудий в одном.

Те или иные средства навигации были широко распространены на северном и восточном побережьях Австралии, но отсутствовали почти на всем южном и западном побережьях и почти повсюду во внутренних областях материка, за исключением лишь бассейна Муррея и Дарлинга, где имелись крайне примитивные лодки, сделанные из цельного куска коры и не приспособленные для более или менее продолжительного плавания [242; 248, 175—205; 718, т. 35, 56—79; т. 36, 409—412; 719, 759—767; 227]. Имеются, правда, сообщения о существовании у этнических групп, живших в бассейне Муррея и Дарлинга, деревянных выдолбленных лодок, но эти сообщения не представляются достаточно достоверными.

Огромное по протяжению побережье Австралии, от устья Муррея на юге до зал. Шарк на западе, было совсем лишено средств навигации. То же относится и к рекам, протекающим в этой части материка, если не считать того, что аборигены Юго-Западной Австралии в районе Олбани-Эсперанс, чтобы переплывать реки, пользовались бревнами. Так же поступали и аборигены, жившие в устье р. Гаскойн, впадающей в зал. Шарк. Между тем побережье Австралии в этих районах изобилует островами и бухтами и удобно для судоходства.

Для такого поразительного отсутствия средств навигации на протяжении 2560 км морского побережья существует на первый взгляд только два объяснения. Либо аборигены Южной и Западной Австралии, расселяясь в течение тысячелетий через внутренние области континента, основательно позабыли те средства передвижения по воде, которые знали их предки, либо они и не знали других средств, кроме самого примитивного — простого бревна. Это последнее предположение теоретически допустимо; мы знаем, что заселение Австралии происходило еще в плейстоцене, следовательно, палеоавстралийцы двигались преимущественно по суще, которая связывала в то время Австралию с Юго-Восточной Азией и лишь в нескольких местах разрезалась не очень широкими проливами и мелями, которые к тому же вследствие колеба-

ний уровня океана, поднятий и опусканий суши временами исчезали, а затем вновь возникали. Отметим, однако, что у тасманийцев, отрезанных от аборигенов остальной Австралии в конце плейстоцена, имелись и такие средства мореплавания, как обычный плот из бревен и плот из трех связок коры, соединенных вместе.

Прежде чем попытаться решить эту проблему, рассмотрим сначала те виды водного транспорта, которые имелись у аборигенов, населявших другие части австралийского побережья.

Самым примитивным средством навигации было и здесь бревно. Им пользовались почти повсюду, особенно там, где нужно было пересекать широкие или опасные реки. Но в некоторых районах бревно оставалось единственным способом передвижения не только по рекам, но и в открытом море; и там его значение было очень велико. На простых бревнах австралийцы уверенно пускались в плавание за несколько миль от берега, чтобы посетить острова в открытом океане, а с приливом возвращались обратно [242, 195]. Значение бревна как средства передвижения по морю в Западной Австралии было засвидетельствовано капитаном Кингом еще в 1818 г. [421, т. 1, 38, 40, 43—44]. Тасманийцы, несмотря на то что у них имелись плоты, тоже нередко пользовались бревнами, чтобы преодолевать реки и неширокие проливы.

На островах Уэлсли в зал. Карпентария и на побережье Кимберли существовали уникальные плоты треугольной формы. На западном побережье Кимберли имелись, кроме того, еще более своеобразные двойные плоты из двух треугольных плотов, наложенных узкими концами один на другой. Наконец, аборигены, обитавшие на побережье Кимберли, на о-вах Мелвилл и Батерст, на восточном побережье Квинсленда и в устье Муррея, пользовались и обычными четырехугольными плотами. Наличие этих плотов на северо-западе, востоке и юге, а также в изолированных островных группах говорит об их глубокой древности. В прошлом они, несомненно, были распространены гораздо шпре, по их вытеснили более разви-

тые средства мореплавания.

Первое описание треугольных плотов принадлежит капитану М. Флиндерсу. Он видел их на о-вах Уэлсли в начале XIX в. [289, 37]. Они были сделаны из сучьев, связанных в форме цифры V. Точно такие же плоты сохраняются на этих островах и до сих пор. Почти не отличаются от них и простые треугольные плоты из Кимберли. А если учесть, что между побережьем Кимберли и о-вами Уэлсли большое расстояние, для таких плотов, конечно, непреодолимое, остается допустить, что в прошлом область их распространения была значительно более обширной и сплошной. Конвергентное изобретение таких необычных плотов очень сомнительно. Позднее опи были вытеснены лодками, сшитыми из коры, и долб-

леными однодеревками и сохранились лишь в двух местах

северного побережья.

Двойные плоты ранними авторами не упоминаются, и Дэвидсон полагает, что они были изобретены сравнительно недавно, вероятно как усовершенствование простых треугольных плотов [242, 145—147].

В Западной Виктории, на юго-востоке Южной Австралии и в бассейне Муррея — Дарлинга в Новом Южном Уэльсе существовал простейший и, видимо, древнейший вид лодок из коры. С дерева просто снимали пласт коры, затем сгибали его, придавая ему форму корыта. Еще сейчас по берегам рек этой области можно увидеть сотни деревьев со снятой с них корой. Другой, более совершенный вид лодок тоже из коры, но собранной и связанной на концах; внутри такие лодки имеют деревянные распорки. Они были распространены в Юго-Восточной Австралии от северного побережья Нового Южного Уэльса до Гипсленда. Мореходные качества этих лодок выше предыдущих. Такие лодки видел на восточном побережье Австралии капитан Дж. Кук еще в 1770 г. [49, 298, 368]. Лодки эти достигали в длину 12-14 футов (ок. 4 м). Они использовались для рыбной ловли и собирания моллюсков и могли выдержать двух человек. Аборигены легко добирались на них по мелководью до отмелей. Могли они преодолеть и проливы, лежавшие перед палеоавстралийцами, когда они двигались из Юго-Восточной Азии в Австралию.

На севере Австралии, между западным побережьем Северной Территории и южным побережьем Квинсленда, были распространены лодки, сшитые из одного, двух или трех кусков коры (последние — главным образом на восточном побережье Квинсленда). Самое раннее сообщение о лодках, сшитых из коры, на северном побережье Австралии принадлежит Флиндерсу [289, 171, 198]. По его словам, в них могли раз-

меститься шесть человек.

Лодки, выдолбленные из цельного ствола дерева, распространены на п-ове Кейп-Йорк и на побережье Арнхемленда и Кимберли. Еще в XIX в. можно было наблюдать, как они постепенно вытесняли лодки, сшитые из коры. Так, капитан Кинг видел лодку из коры в Порт-Эссингтоне, на севере Арнхемленда, в 1818 г., а в середине XIX в. здесь существовали только долбленки [421, т. 1, 90; 242, 139]. На протяжении XIX в. продолжалось их распространение и на запад вдоль северного побережья Кимберли. Но только на п-ове Кейп-Йорк лодки-долбленки снабжались одним или двумя аутригерами (балансирами), заимствованными из соседней Новой Гвинеи. Полуостров Кейп-Йорк находится лишь в сотне миль от Новой Гвинеи, а между ними расположены мноточисленные острова Торресова пролива — открытый путь для взаимного культурного обмена и заимствований.

О высоких мореходных качествах австралийских долбленых лодок-однодеревок можно сделать заключение из сообщений капитана Дж. Кука, относящихся еще к 1770 г. Во время плавания вдоль восточных берегов п-ова Кейп-Йорк, Кук обнаружил на о-ве Лизард, в 5—6 лигах (15—18 морских милях, чли 30 км) от материка, хижины и груды раковин — признаки того, что аборигены не раз доплывали до острова на своих лодках [49, 350, 369]. «Какими бы плохими ни были каноэ, но в определенное время года туземцы совершают на них плавания к самым отдаленным островам побережья», — пишет Кук [49, 368].

Если аутригер был заимствован из Новой Гвинеи, то распространение простых долбленых лодок, лишенных аутригера, только вдоль побережья Арнхемленда и Кимберли заставляет предполагать индонезийское влияние, поскольку именно эта часть австралийского побережья на протяжении нескольких столетий посещалась индонезийскими моряками. Правда, имеются сообщения— не очень достоверные, основанные скорее на слухах, — о долбленых лодках на востоке Нового Южного Уэльса и в Юго-Восточном Квинсленде [242, 73—75], но если это и так, здесь можно предполагать влияние этнических групп, населяющих побережье п-ова Кейп-Йорк.

До того как аборигены Арнхемленда научились у индонезийцев делать лодки-долбленки, у них были лодки, сшитые из коры, и плоты из бревен или связанных сучьев. Эти более примитивные виды водного транспорта сохранялись здесь и позднее наряду с долбленками, а на о-вах Уэлсли до настоящего времени существуют только треугольные плоты. У индонезийцев кроме лодок-долбленок были заимствованы мачта и парус из пандануса, которыми снабжались как долбленки,

так и лодки, сшитые из коры.

Итак, самые примитивные и несомненно древнейшие средства навигации сохранились лишь в наиболее удаленных от общения с внешним миром областях Австралии, а долбленые однодеревки, с аутригерами и без них, распространенные на крайнем севере, являются сравнительно поздними культурными приобретениями, заимствованными австралийцами у их северных соседей. Древнейшими австралийскими видами водного транспорта следует считать простые бревна и плоты. обычные и треугольные. Столь же древними являются, вероятно, и простые лодки из одного куска коры, сохранившиеся лишь на юго-востоке Австралии, а возможно, и лодки, занные на носу и корме. Правда, у тасманийцев таких лодок не было, но последние имели своеобразные плоты из связок коры. Лодки, сшитые из одного, двух и трех кусков по-видимому, являются позднейшим усовершенствованием лодок из коры предыдущих типов. Отсутствие лодок из коры на южном и западном побережьях Австралии, вероятно, объясняется тем, что в эпоху первоначального заселения Австралийского континента они не были распространенным средством передвижения по воде и существовали лишь у этнических групп, расселявшихся вдоль восточного побережья Австралии и по системе Дарлинга — Муррея. Отсутствие средств мореплавания на всем побережье от устья Муррея на юге до зал. Шарк на западе и использование здесь бревен только для плавания по рекам, да и то не везде, является следствием глубокой культурной переориентации, перестройки всех унаследованных навыков по мере преодоления огромных пространств континента, преимущественно его внутренних областей, по мере освоения и заселения всей этой обширной и отдаленной части Австралии, а продолжалось это много тысячелетий.

ИСКУССТВО АВСТРАЛИЙЦЕВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Памятники монументального искусства, рисунки и орнаменты на священных предметах, коре или изделиях утилитарного назначения, рельефная резьба и рисунки на деревьях, объемная резьба и скульптура являются ценным источником для изучения далекого прошлого австралийцев и формирования их культуры. Главная трудность в использовании этого материала как исторического источника состоит в несовершенстве приемов его датирования. До сих пор памятники искусства австралийцев датировались главным образом лишь относительно, и результаты зачастую оказывались приблизительными и гипотетичными. Что же до попыток датировать памятники искусства методом радиоуглеродного анализа, путем увязки с археологическими комплексами или иным способом, то такие опыты находятся еще в стадии эксперимента. Перекрывание петроглифов культурными слоями — явление в Австралии очень редкое.

Одно из самых ранних европейских сообщений о петроглифах восточного побережья Австралии принадлежит губернатору А. Филлипу, основателю английской колонии в Порт-Джексоне. Еще в 1789 г. он писал о многочисленных изображениях людей, животных, оружия на скалах в окрестностях Порт-Джексона и зал. Ботани [610, 106]. Позднее появились другие сообщения о наскальных изображениях в Новом Южном Уэльсе [714, 79; 781, 141; 218, 381]. В 1847 г. Дж. Энгас вновь описал петроглифы в районе Сиднея (Порт-Джексона) — изображения животных и рыб, щитов и бумерангов, людей, «танцующих корробори». Сопровождавшая Энгаса женщина-аборигенка сказала ему, что «места эти священные и запретные для нее» [130, 201—204].

В 1803 г. М. Флиндерсом были сткрыты замечательные

рисунки, сделанные черной и красной красками на скалах о-ва Кэзм (Chasm) в зал. Карпентария. Здесь были изображены дельфины, черепахи, человеческие руки и преследующие кенгуру охотники с бумерангами [289, 188—189]. Спутники капитана Кинга обнаружили более 150 рисунков на одном из островов зал. Принцессы Шарлотты у восточного побережья п-ова Кейп-Йорк [421, т. 2, 26]. Петроглифы Юго-Западной Австралии были открыты в 1830 г. Но одно из самых замечательных открытий было сделано Дж. Греем в 1838 г. в Северо-Западной Австралии, в Кимберли [345, т. 1]. Здесь, в глубине пещер, он обнаружил изображения странных существ с белыми, мертвыми лицами и черными глаз. Головы их окружали красные и желтые сияния, а тела покрывали длинные вертикальные полосы. Существа эти не имели ртов, и это как бы символизировало их вечное безмолвие. Тут же были изображены огромные змеи.

Открытие этих загадочных рисунков, воспроизведенных Греем в его книге, произвело настоящую сенсацию. Их происхождение стало предметом многочисленных, порой самых невероятных гипотез. Не очень точные копии Грея дали повод для предположений о том, что существа эти одеты в какие-то фантастические одеяния, а таинственные знаки на них - не что иное, как письмена, и делались даже попытки их расшифровать. Кому-то они напомнили древневавилонскую клинопись, и тогда заговорили о мореплавателях из стран Древнего Востока, побывавших у берегов Австралии и оставивших здесь свои надписи и изображения своих богов, а может быть, самих себя. Волей воображения многочисленных любителей романтических гипотез кто только не побывал у берегов Австралии: и древние эллины, и африканские негры, и жители таинственной Лемурии, погрузившейся, подобно Атлантиде, в

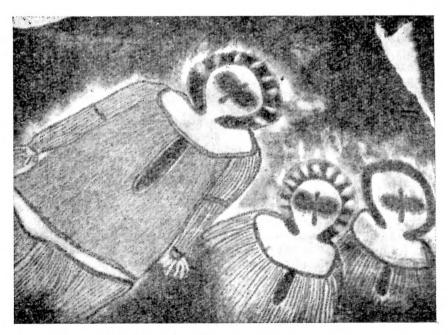
пучину Индийского океана.

Однако уже в первой половине XIX в. было замечено, что аборигены Северо-Западной Австралии периодически, в определенное время года, обновляют рисунки в своих пещерах свежими красками. Впоследствии это не раз подтверждалось. Лишь в XX в. тайна пещерной живописи из Кимберли была раскрыта. Оказалось, что странные безротые существа аборигены называли их Вонджина — изображают их мифических предков и культурных героев, являющихся в то же время хозяевами воды и дождя. Сияния вокруг их голов изображают радугу, а красные полосы на теле — струи дождя. С водой и дождем связан и образ гигантской змеи-радуги Унгуд. В засушливое время года аборигены приходят в пещеры, чтобы обновить эти древние рисунки. Это действие является магическим обрядом. Только он, как верят аборигены, способен вернуть на небо тяжелые дождевые тучи, несущие земле влагу и возрождение к новой жизни.

Изображения Вонджина в пещерах Кимберли (по рисункам Дж. Грея, 1-я половина XIX в.)

Изображения Вонджина в пещерах Кимберли (по современной фотографии)

Итак, наиболее известные памятники монументального искусства аборигенов Австралии, по-видимому, уже были созданы к началу европейской колонизации. К этому времени сложились и некоторые другие виды австралийского искусства. Так, рисование на коре, достигшее в последние десятилетия особенного развития, существовало на территории Арнхемленда уже к началу колонизации. Копия с листа коры, с символическими изображениями на нем, была издана еще в 1807 г. [607, табл. 15]. Подобно современным Арихемленда, тасманийцы покрывали рисунками навесы из коры, под которыми они укрывались от непогоды [180, 49—50]. Такое рисование было развито и в Виктории [684, 292, рис. 40; 485, 124—128]. На восточном побережье Австралии рисунки на коре широко связаны с обрядом инициации — бора. Это наблюдается и в современном Арнхемленде. Аборигены, жившие по берегам Дарлинга, рисовали прямо на стволах деревьев, окружающих места, где происходили обряды инициации [265, 146]. Первое сообщение о рисовании на коре в Северной Австралии, на о-ве Мелвилл, относится [186, 151], а серия рисунков на коре из Порт-Эссингтона была опубликована в 1878 г. [229, 155—160].

Наиболее серьезные попытки реконструировать историю развития монументального искусства австралийцев, установить последовательность его стилей и технических приемов связаны с именами Н. Тиндейла, Д. С. Дэвидсона, Ч. Маунтфорда, А. Ломмеля и, прежде всего, Ф. Маккарти, наметившего в развитии наскальных гравюр Австралии четыре последовательные фазы, абсолютный возраст которых—за исключением одного случая, о котором будет сказано ниже,—еще не был установлен [517; 529, 33—37; 530, 75—76;

Первая, самая ранняя фаза — вышлифованные или прорезанные в скале борозды (the abraded grooves), либо беспорядочно разбросанные по поверхности скалы, либо организованные в простые рисунки или узоры (параллельные линии, лучи, арки, вписанные одна в другую, птичьи следы, кресты и пр.). Иногда здесь же можно увидеть выдолбленные острым камнем круглые углубления в скале. Такие гравюры широко распространены на Австралийском континенте; есть они и в Тасмании. Особенно многочисленны они в горах Центрального Квинсленда, через который в древности шло заселение Восточной Австралии. Здесь они покрывают вертикальные скалы высотой в десятки метров [521, 400-404]. Типологически к ним очень близки гравюры Южной Австралии в районе хребта Флиндерса и в пещерах в низовьях Муррея, в том числе и в известных нам по археологическим культурам среднего периода пещерах Фроммс-Лендинг и Девон-Даунс, Хейл и Тиндейл даже попытались установить связь петрогли-

532, 84—881.

фов с культурными слоями. Здесь мы видим те же углубления, птичьи следы, кресты и вышлифованные борозды [351, 30—34; 245, 46—49; 564, 405—407]. Эта близость, возможно, обусловлена тем, что гравюры Центрального Квинсленда и Южной Австралии создавались еще в эпоху первоначального заселения континента и что в основе их лежала единая культурная традиция, носители которой расселялись из Центрального Квинсленда по системе Дарлинга — Муррея на

крайний юг Австралии. На северном побережье Нового Южного Уэльса, в долине р. Кларенс, где вследствие изолированного и периферийного положения этой области длительное время удерживались древние традиции в изготовлении и обработке каменных орудий, стены пещер покрыты архаичными петроглифами — вышлифованными бороздами и выгравированными арками, вписанными одна в другую. Этот древний знак мы встретим потом в условно-геометрическом искусстве Центральной Австралии, где он дожил вплоть до нашего времени в рисунках на скалах и на священных предметах современных аборигенов — чурингах. Для гравюр долины р. Кларенс характерен и другой древний знак — знак змеи. Петроглифы этой культурной провинции, расположенной к востоку Большого Водораздельного хребта, по своему стилю и технике отличаются от петроглифов, расположенных к западу от него и находящихся на территории центральной культурной области [492, 14; 494, 201—210]. Но зато точно такие же концентрические арки встречаются в наскальных гравюрах Западной Австралии [252, 96, рис. 23], что указывает древность этого символа, известного, видимо, еще в эпоху первоначального заселения Австралии.

В Южной и Центральной Австралии древность таких петроглифов, по мнению Ч. Маунтфорда, подтверждается тем, что аборигены, все еще ведущие традиционный образ жизни, рассматривают их как произведения тотемических и культурных героев, создавших их в мифические времена. В этих районах Австрални поверхность скал и вырезанных на них гравюр покрывает одинаково интенсивная патина. О древности гравюр говорят и многочисленные следы эрозии. По мнению некоторых исследователей, на многих гравюрах изображены следы вымерших животных, что также подтверждает их древность [141, 195—210].

Но лишь в одном случае гравюры первой фазы удалось датировать точнее. В пещере Ингаладди на п-ове Арнхемленд вышлифованные борозды и гравированные изображения следов эму перекрываются культурным слоем, абсолют-

ный возраст которого — 4500 лет [138, 10].

И до сих пор аборигены Центральной Австралии местами все еще делают подобные гравюры. В засушливых областях

континента, где скалы покрыты красновато-коричневым загаром, который разрушается при ударе твердым предметом, аборигены с помощью небольшой гальки выбивают на них простые изображения [561, 345—352; 566, 157—158].

В Виктории гравюры на скалах долгое время не были известны, и лишь несколько лет назад здесь были обнаружены гравированные изображения так называемых следов

кенгуру [487, 66-69].

Вторая фаза характеризуется контурами, прорезанными, прополированными или выдолбленными в скале точечными ударами (the outline phase). Углубления, сделанные подобным образом и обозначающие контуры предметов, либо расположены отдельно, либо перекрывают друг друга, образуя сплошную линию. Такие гравюры распространены в Южной Австралии, в районе Сиднея и р. Хоксбери (Hawkesbury) и в других местах Восточного Нового Южного Уэльса [674], а также в районе Порт-Хедленда и в других местах Северо-Западной Австралии. Большое сходство в стиле и технике гравюр, сближающее памятники искусства далеких друг от друга областей — Восточной и Западной Австралии, — еще одно свидетельство древних этнокультурных связей между ними.

Петроглифы района Сиднея -- выдающийся памятник искусства аборигенов Австралии [513, 37—58, 191—202]. Здесь, на пространстве почти 10 тыс. кв. км горных хребтов и ущелий, находится свыше 700 групп петроглифов, содержащих более 5 тыс. отдельных изображений. Сюжетным и идейным центром композиций является, по мнению Маккарти, фигура Байаме — героя и демиурга Юго-Восточной Австралии, создателя мира, человеческого общества и культуры, патрона инициаций и небожителя [387, 488—508]. Обитая на небе, Байаме посылает на землю одноногого героя по имени Дарамулун с поручением посетить места инициаций, увести с собой посвящаемых и затем вернуть их как готовых, инициированных мужчин. Оба героя изображены на гравюрах — Байаме как гигантская антропоморфная фигура, смотрящая прямо на зрителя, а Дарамулун, изображаемый в профиль, как существо, сочетающее в своем облике признаки человека и животного. Так, иногда он выглядит как птица эму, но с человеческой ногой. Голова его то человеческая, то птичья, то змеиная, то какого-либо другого животного. Это свидетельствует о сложном тотемическом характере этого мифологического образа, о его двойственной природе тотемического животного и антропоморфного духа — пожирателя мальчиков. В наскальных изображениях образ Дарамулуна преобладает на побережье Восточной Австралии, а Байаме — к западу от Большого Водораздельного хребта. На гравюрах оба героя вооружены палицами, топорами или бумерангами.

которые они часто держат в левой руке. Леворукость характеризует многих героев австралийской мифологии и, вероятно, более, чем праворукость, соответствует их сверхчелове-

ческой природе.

Иногда рядом с ними изображены их жены, но в общем женские образы здесь редки, тогда как мужские преобладают. Это говорит о том, что петроглифы Восточной Австралии были связаны главным образом с мужскими культами, запретными для женщин и всех непосвященных. Вспомним рассказ Энгаса, которому сопровождавшая его женщина сказала, что «места эти священные и запретные для нее». K середине XIX в. пиетет перед этими древними изображениями еще не исчез окончательно. Известно, что некоторые комплексы гравированных наскальных изображений были местами, где вплоть до европейской колонизации происходили обряды бора. Даже еще сравнительно аборигены Нового Южного Уэльса, прошедшие инициацию. помнили о том, что петроглифы эти имеют тотемическое и мифологическое значение, и даже могли их интерпретировать. Помнили они и о том, что места, где находились петроглифы, были священными, что здесь происходили религиозные обряды, в которых принимали участие только старшие мужчины [279, 119—157].

На петроглифах часто изображены следы людей или животных, идущие от одной группы фигур к другой и как бы связывающие их в единый цикл сказаний, повествующий о деяниях героев мифических времен. Таким образом, отдельные группы изображений — лишь эпизоды цикла, от которо-

го, к сожалению, до нас дошло очень мало.

Другим сюжетом петроглифов в районе Сиднея являются тотемические животные или животные — объекты охоты и рыболовства, изображения которых должны были магически обеспечить их изобилие в природе. Четвертую часть всех гравюр этого типа, обнаруженных в прибрежных составляют рыбы. Много изображений кенгуру и валлаби, эму, гигантских ящериц-гуана, а также бумерангов и щитов. Растения и предметы, связанные с хозяйственной деятельностью женщин, в рисунках крайне редки. Как правило, композиции изображают охотничьи и обрядовые сцены. Среди первых можно нередко увидеть кенгуру или эму, поражаемых копьями или бумерангами; иногда охотники и преследуемые ими животные изображены только их следами. Группы рыболовов несут лодки или пойманных рыб; люди танцуют. Жизнь аборигенов, круг их интересов и верований, хозяйственная и обрядовая деятельность мужчин — вот что составляет главное содержание этих петроглифов.

Как уже сказано, такие же петроглифы найдены и в Северо-Западной Австралии, в районе Порт-Хедленда [526, 1—73]. Здесь обнаружено свыше 15 тыс. отдельных изображений. Среди них преобладают рыбы и бумеранги; по-видимому, в прошлом бумеранги в этом районе были значительно более распространены, чем теперь. Человеческих фигур немного. Одна из них — антропоморфное существо Минджибуру. Люди на петроглифах показаны в движении, в танце. Поверхность некоторых изображений покрыта точечными ударами почти целиком. Гравюры в той же технике найдены и в других местах Западной Австралии [525, 121—148].

Один из интереснейших петроглифов второй фазы — изображения головы морского крокодила, черепахи и рыбы в Панарамити (Южная Австралия), возможно относящиеся еще к концу плейстоцена или началу голоцена. Подробнее об этих гравюрах говорилось в главе «Первоначальное заселение Австралии по данным геологии, геоморфологии и палеогеографии». Гравюры эти находятся далеко от моря, но этот случай — не единственный. Рисунки морских животных нередки и в других местах, расположенных на значительном расстоянии от моря, например в Юго-Западном Арнхемленде и в районах Сиднея-Хоксбери и Порт-Хедленда. Наряду с патиной и изображениями других неизвестных уже в этих местах животных это может свидетельствовать

о древности петроглифов.

Третья фаза отличается от второй не техникой петроглифов, а резким переломом в стиле. Если на гравюрах второй фазы объекты передавались в реалистической манере, то в третьей преобладают схематичные, условные, символические изображения — концентрические окружности и полуокружности, параллельные волнистые змеевидные линии, лабиринт и меандр, наконечник копья с зубцами, солярные знаки, следы животных. Наблюдается стилистическая перекличка с первой фазой. Все эти мотивы представлены в Северо-Западной Австрални, и Маккарти полагает, что они появились здесь под влиянием культур бронзового века, распространившихся около двух тысяч лет назад из материковой Юго-Восточной Азии в Индонезию и Океанию. Однако кроме Северо-Западной Австралии эти мотивы распространены также в Центральной и Южной Австралии, в Новом Южном Уэльсе и Квинсленде в области Большого Водораздельного хребта.

Одним из самых замечательных мест Австралийского континента является огромная куполообразная скала-монолит, возвышающаяся над равнинами Центральной Австралии, — Айэрс-Рок. С каждым квадратным метром этой скалы связаны рассказы о деяниях мифических героев этнической группы бидьяндьяра, а петроглифы, изображенные на скале, делают ее и одной из самых интересных галерей австралийского искусства, мифологического по содержанию и символического по способу художественного выражения. Среди этих

петроглифов имеются и древние гразюры — геометризованные символы, свойственные третьей фазе, в числе которых встречается и мотив бумеранга — оружия, в настоящее время бидьяндьяра не свойственного [566].

Такие мотивы, как концентрические окружности и полуокружности, параллельные линии, следы животных и некоторые другие, сохраняются вплоть до нашего времени в религиозно-магическом искусстве аборигенов Центральной Австралии.

Для четвертой фазы характерны гравированные изображения, вся поверхность которых покрыта точечными ударами (the pecked intaglios). Большинство рисунков выбито на покрытой патиной поверхности скалы. Техника выбивания поверхности изображения острым камнем аналогична неолитической точечно-ударной обработке камня, однако она могла развиться независимо от техники обработки каменных орудий. В Тасмании выбивание всей поверхности изображения не применялось, но вышлифованные борозды и выдолбленные точечными ударами контуры обнаружены. Между тем тасманийцы не применяли для обработки каменных орудий ни шлифовку, ни точечно-ударную технику.

С эстетической точки зрения четвертая фаза наиболее интересна. Она, в свою очередь, тоже ознаменовалась резким переломом в стиле — возвращением от условной схематической манеры к реалистической. Памятники этой фазы распространены преимущественно от Западного Нового Южного Уэльса и хребта Флиндерса на юго-востоке до р. Мерчисон на западе. Интересны гравюры в Мутуинджи, на западе Нового Южного Уэльса, где, как мы знаем, было найдено сравнительно позднее археологическое местонахождение элементов культуры пирри [537, 249—298]. Это, впрочем, не обязательно означает, что и петроглифы относятся к тому же времени. Однако аборигены еще помнят, что место это было священным. связанным с магией дождя и широко распространенным на востоке Австралии мифом о Клинохвостом орле и Вороне. Среди гравюр встречаются солнечные символы и изображения мифической змеи, ассоциируемой аборигенами с водой, дождем и плодородием; здесь и во многих других местах изображались животные, птицы, рыбы, змеи, ящерицы, оружие и орудия труда. Охотники, пронзающие копьями кенгуру или черепах, воины, вооруженные копьями и бумерангами, сражающиеся или исполняющие обрядовые пляски, мифические существа в облике рыб, огромные человеческие фигуры в головных уборах с расходящимися в стороны лучами, следы людей и животных — таковы сюжеты этого искусства. Современные аборигены в большинстве случаев уже не имеют представления о первоначальном смысле и значении этих рисунков и обычно проецируют их в мифические «времена»

сновидений», времена творения.

К позднейшему периоду последней фазы относятся изображения необычных антропоморфных существ обоего пола на скалах Северо-Западной Австралии, связанные с культом Гурангара. Культ Гурангара имеет много общего с культом «Великой матери» Гунабиби, распространенным в Арнхемленде и на Северной Территории [804, 1067—1088].

Концепция Маккарти отвечает обычному, распространенному представлению об эволюции первобытной техники гравировки на камне, но само по себе это еще не означает, что выделенные им четыре фазы в действительности сменяли друг друга в намеченной им последовательности. Австралийцы начинали не с самых азов. В Австралию пришли люди, культура которых стояла на позднепалеолитическом уровне, а поздний палеолит был временем расцвета первобытного искусства. Именно памятники второй фазы, распространенпреимущественно в Восточной, Западной и Южной Австралии, по причине их географического размещения на периферии континента и вследствие особенно большого сходмежду памятниками Востока и Запада, связанных с древнейших времен культурной близостью, следует, по нашему мнению, рассматривать как древнейшую фазу в развитии австралийского монументального искусства. Наряду с ними к древнейшему периоду австралийского искусства можно отнести и памятники первой фазы, прежде всего те из них, которые расположены на окраинах континента в Квинсленде и низовьях Муррея. Памятники той же фазы из Центральной Австралии, вероятно, относятся к несколькоболее позднему времени. Впрочем, и некоторые памятники Восточной Австралии могут быть лишь реликтом далекого прошлого, сохранившимся в позднейшее время, подобно тому как на севере Нового Южного Уэльса, в долине р. Кларенс, длительное время удерживались архаические традиции в развитии каменной индустрии. Кроме того, не все памятники первой фазы являются в действительности произведениями искусства — некоторые вышлифованные борозды могут быть следами шлифования каменных орудий, костяных острий или деревянных наконечников копий.

Не нужно думать, что развитие техники петроглифов непосредственно связано с развитием техники обработки каменных орудий, что вышлифованные борозды и контуры и долбление скал точечными ударами появились лишь тогда, когда этими приемами начали обрабатываться каменные орудия. Так, Маккарти, например, пытался связать гравюры второй фазы с культурой Элоуера, когда на востоке Австралии все шире начали распространяться топоры с подшлифованным лезвием, обработанные точечно-ударной техникой.

Мнение это трудно признать обоснованным. Выше мы уже сослались на пример тасманийцев: петроглифы, относящиеся к первой и отчасти второй фазе, обнаружены и в Тасмании, хотя соответствующие приемы в обработке каменных ору-

дий тасманийцам свойственны не были.

Отнесение петроглифов второй фазы к древнейшему периоду в развитии австралийского искусства проливает свет на мифологию и религиозно-магические представления ранних австралийцев. По-видимому, уже в то время на востоке Австралии сложился религиозно-мифологический комплекс, связанный с культом великих героев-демиургов Байаме и Дарамулуна. В трактовке этих сравнительно сложных, синтетических образов мы не считаем возможным следовать за В. Шмидтом и другими авторами, которые видят в этих образах воплощение первобытного монотеизма. Здесь перед нами свойственные идеологии раннеродового общества образы культурных героев, создателей вселенной, человеческого общества и культуры, тотемов фратрий и патронов инициаций [90, 347—357].

Подобно тому как петроглифы второй фазы из Западной Австралии вследствие древней культурной близости Востока и Запада близки к петроглифам Восточной Австралии, в мифологии некоторых групп Западной Австралии сложился образ демиурга, аналогичного образам Юго-Восточной Австралии [802, 641—658; 803, 539—560]. Даже имена религиозно-мифологических образов Востока и Запада до известной степени близки между собой. Таковы, например, Бунджил у курнаев и других этнических групп Восточной Викто-

рии и Бундулмири Северного Кимберли [197, 385].

Петроглифы в районах Сиднея и Порт-Хедленда, расположенные на огромных площадях и включающие тысячи отдельных изображений, как и в других местах Австралии создавались на протяжении тысячелетий. Если самые ранние изображения были сделаны еще в период первоначального заселения континента, то другие могли появиться спустя тысячелетия. Вот почему мы встречаем здесь изображения каменных топоров, которые появились в Восточной Австра-

лии около четырех тысяч лет тому назад.

Сложнее обстоит дело с вопросом о том, какая фаза — третья или четвертая — последовала за первыми двумя фазами. Логичнее допустить, что это была не третья фаза, как полагает Маккарти, а четвертая как дальнейшее развитие художественных традиций, заложенных предыдущими фазами. В техническом отношении это был шаг вперед, а в стиле и содержании искусства — дальнейшее развитие первобытного реализма, свойственного второй фазе. К этому времени Австралийский континент был уже в основном заселен, поэтому и памятники этой фазы, сосредоточенные преимущест-

венно во Внутренней Австралии, распространены в то же время достаточно широко. О древности этой фазы свидетельствует тот факт, что современные аборигены, как правило, уже не помнят ни создателей памятников этого времени, ни смысла изображений и приписывают их создание мифическим героям давно минувших времен. Очень возможно, впрочем, что памятники этой фазы были созданы уже после отделения от австралийского материка Тасмании, где аналогичные гравюры не найдены, следовательно, древность их не превышает 8—10 тыс. лет.

Если это так, то за этой фазой последовала та, которую Маккарти считает третьей и памятники которой распространены еще шире, чем памятники четвертой фазы. На востоке их границей является Большой Водораздельный хребет, и это указывает на то, что историко-этнографической области, расположенной к востоку от него, эта фаза не свойственна. Она тяготеет преимущественно к Центральной и Западной

Австралии.

Главное отличие между этой и остальными фазами, за исключением, может быть, первой, — в стиле изображений и, возможно, в связанных с ними религиозно-магических представлениях. Если образы Байаме и Дарамулуна родились на почве Восточной Австралии, то для Центральной и Западной Австралии были характерны в основном иные религиозно-мифологические образы. Связывать эту фазу с культурами бронзового века, как делает Маккарти, нет достаточных оснований. Такие мотивы, как меандр и концентрическая окружность, появились задолго до бронзового века, еще в палеолите, откуда и ведут свое происхождение эти же мотивы в австралийском искусстве. Поэтому и первоначальное распространение этой фазы может относиться к значительно более раннему времени, чем полагает Маккарти.

Перелом в стиле изображений, свойственный этому периоду, преобладание условно-символических и геометрических мотивов, многие из которых были знакомы австралийцам и раньше, — могли быть вызваны резким переломом в самом образе жизни австралийцев, глубоко отразившемся на их восприятии мира, а в конечном счете — и на средствах его художественного выражения. Такой перелом мог быть связан с коренным изменением условий жизни в период термического максимума, он мог быть отражением культурного кризиса, затронувшего в первую очередь население Центральной и Западной Австралии. С культурным кризисом был связан, как мы знаем, упадок во многих областях австралийской культуры, с ним могла быть связана и деградация в технике петроглифов. Ведь в техническом отношении памятники этой фазы стоят ниже, чем памятники четвертой фазы.

Именно эта фаза, ознаменованная резким переломом в стиле и технике изображений (последнее в том случае, если она следовала за четвертой фазой), хорошо отвечает нашему представлению о развитии австралийской культуры в последние тысячелетия, последовавшие за периодом термического максимума. А в пользу того, что эта фаза могла быть последней, говорит то обстоятельство, что свойственные ей геометрические и иные мотивы сохранились до нашего времени как живой элемент искусства аборигенов Центральной Австралии.

Наше предположение о связи третьей фазы с последствиями термического максимума и культурным кризисом, думается, достаточно обосновано. Вопрос же о том, предшествовала ли четвертая фаза третьей или, напротив, следовала за ней, как полагает Маккарти, остается открытым, и факты, на которых Маккарти основывает свою периодизацию, говорят в ее пользу. Дело в том, что многие петроглифы третьей фазы перекрыты петроглифами четвертой фазы, сделанными непосредственно на них. Это свидетельствует о возрождении традиций примитивно-реалистического искусства, свойственных второй фазе. Традиции эти никогда не умирали, не исчезли они полностью и в период господства условно-геометрического искусства.

В Северо-Западной Австралии гравюры в технике четвертой фазы делались вплоть до XIX в. Об этом пишет Дж. Уитнелл: «Аборигены предпочитают для своих гравюр не мягкие породы камня, а базальт и гранит. Сначала они рисуют контуры мелом или охрой, а затем твердым и острым камнем выбивают поверхность изображений внутри контуров»

[792, 29].

Таким образом, первая и вторая фазы развития наскальных гравюр Австралии были, по нашему мнению, одновременными и, строго говоря, фазами не являются. Это, скорее, региональные стили, свойственные древнейшему периоду в развитии австралийского искусства. Начало этого периода первым тысячелетиям соответствует истории заселения Австралии, но развитие его продолжалось и долгое время спустя, особенно на периферии континента, в том числе и к востоку от Большого Водораздельного хребта, куда воздействие последующих фаз почти не распространялось. Четвертая фаза была либо непосредственным продолжением и развитием второй, либо возрождением ее традиций в позднейшее время. Перелом, свойственный третьей разрыв с реалистическими традициями предшествовавшего периода, ее распространение преимущественно в Центральной и Западной Австралии говорят о том, что корни этого периода в развитии австралийского наскального искусства следует искать в связанных с термическим максимумом резко изменившихся условиях жизни аборигенов Внутренней Австралии.

В отличие от гравюр, которые делаются теперь в очень редких случаях, живопись на скалах практикуется все еще сравнительно широко. Наскальные росписи известны теперь во всех штатах Австралии, не исключая и Тасмании. Рисование на скалах и в пещерах имело, а местами еще сохраняет большое общественное и религиозно-магическое значение. Места залежи охры были важными общественными и религиозными центрами, охра расходилась отсюда путем обмена на сотни километров. Одно из самых удивительных впечатляющих явлений культуры аборигенов — залежи красной охры в Вильгамиа (Западная Австралия). Охра добывалась здесь ручным способом, примитивными орудиями, и, несмотря на это, образовалась глубокая и широкая шахта. из которой было извлечено несколько тысяч тони породы, на что были затрачены десятки тысяч человеко-часов. По самым приблизительным подсчетам, добыча охры продолжалась здесь несколько тысячелетий [252, 82-84].

Подобно гравюрам на скалах, Маккарти попытался выделить последовательные фазы и в развитии наскальной живописи, правда не всей Австралии в целом, а отдельных

обширных ареалов [517; 529, 37—43; 532, 88—90].

Ранняя фаза — отпечатки рук или каких-либо предметов на скале. Чаще всего это так называемые отрицательные отпечатки. Они были характерны и для европейского палеолита. Рука или какой-либо предмет прижимались к скале, и окружающее пространство покрывалось краской — черной, красной или белой. Позитивные отпечатки в Австралии встречаются гораздо реже. Отпечатки рук и различных предметов известны в Индонезии и на Новой Гвинее. Человеческие руки — наиболее распространенный сюжет в австралийских петроглифах этого типа. Наряду с ним делались отпечатки бумерангов, копьеметалок, щитов, палиц, топоров на рукояти, стоп человека и животных.

Отпечатки рук часто встречаются и на западе Австралии, и в других частях континента, но особенно много их в Квинсленде. В Центральном и Юго-Восточном Квинсленде наскальные фризы длиной в несколько десятков метров покрыты вышлифованными бороздами и другими простейшими гравюрами первой фазы, а наряду с ними—сотнями отпечатков рук, стоп человека, животных и птицы эму, различных предметов—топоров, бумерангов и т. д. [277, 114—115]. В районе Маунт-Моффат, в Южном Квинсленде, большое количество отпечатков—преимущественно рук и стоп человека, а также топоров на рукояти, бумерангов, копьеметалок и щитов—обнаружено на скалах и в пещерах Кенниф, Тумс и др. Названные пещеры нам уже хорошо известны по

археологической части работы. На скале у входа в пещеру Тумс на красном фоне выполнен уникальный отпечаток взрослого мужчины во весь рост с распростертыми руками. Здесь же 175 отпечатков рук. Отпечатки рук видны и внутри пещеры, но в отличие от наружных отпечатки большинства рук внутри пещеры не имеют какого-либо одного пальца или сустава [589, 201—205, табл. 23—31].

Немало отпечатков и в пещерах Юго-Западной Австралии. В Северной и Центральной Австралии они сделаны преимущественно на красном фоне, а на востоке Нового Южного Уэльса — на белом. Ворора, обитающие на севере Кимберли, верят в то, что отпечатки рук связывают живых с миром духов, а на юге Арнхемленда считают, что этим

изображается сам человек.

На побережье Нового Южного Уэльса за этой фазой пещерной живописи последовала вторая фаза — изображения антропоморфных существ, людей, животных, оружия красной и белой красками. Рисунки выполнены в примитивно-реалистической манере. Затем наступает третья фаза — рисунки черной и белой красками, изображающие различных животных, особенно китов и динго, а также птиц. Много охотничьих сцен с участием людей и кенгуру или эму. Величина часто больше натуральной. Творцы рисунков животных обенх фаз изображали преимущественно то, что давало им пищу: промысловых животных, птиц и рыб и способы их добывания. Рисунки делались под скальными навесами, где люди либо жили длительное время, либо не жили совсем, они иногда находятся в труднодоступных местах, а их состояние указывает на значительную древность [672, 58-65]. Такие росписи могли быть связаны с охотничьей магией или с обрядами инициации, они могли иметь тотемическое значение или же служить средством выражения эстетических потребностей первобытных художников. Перечисленные функции нередко выступали совместно. Многое, вероятно, зависело от того, где делались эти рисунки. В пещерах, обитаемых людьми, их значение могло быть иным, чем там, куда люди приходили лишь для совершения обрядов. Однако изображения самих религиозно-мифических обрядов найдены в очень немногих местах.

К четвертой фазе Нового Южного Уэльса Маккарти относит петроглифы в долине р. Хоксбери [524, 115—120]. Это — антропоморфные существа высотой до 2,5 м. с головами сумчатого медведя коала или других животных, в левой руке их — огромные искривленные палицы или бумеранги. Росписи сделаны красной, желтой, черной и белой красками. Некоторые особенности сближают их с изображениями Вонджина из Кимберли. Как и в Кимберли, здесь, рядом с фигурами антропоморфных существ, изображены красной крас-

кой огромные змеи. Это — широко известный в Австралии образ мифической змеи-радуги, распространенный с глубокой древности. Об этом говорит сходство изображений из Юго-Восточной и Северо-Западной Австралии, обусловленное древними культурными связями между этими регионами. Росписи из округа Хоксбери, подобно росписям из Кимберли, имели, очевидно, религиозно-магическое значение и были связаны с обрядами посвящения. Они изображали культурных героев мифологии, имеющих двойственную тотемическую

природу, творцов и грозных патронов инициаций.

Изучая перекрывание одних рисунков другими, Маккарти выявил в некоторых пещерах Нового Южного Уэльса четыре последовательных периода, названных им периодом отпечатков, красным, черным и бихромным периодами [519, 191—202]. В долине р. Хоксбери таким же способом было выявлено пять фаз — отпечатки, красные и белые изображения, черные и белые изображения, полихромные рисунки четырьмя красками и снова отпечатки. В различных работах Маккарти связывает отпечатки рук и предметов и рисунки красной охрой с культурой Бонди. Действительно, в некоторых пещерах обнаружены следы этой культуры. Думается, однако, что древнейшие отпечатки да и некоторые рисунки

охрой могли быть сделаны гораздо раньше.

В пещерах Виктории преобладают рисунки красной охрой, изображающие животных, людей или сверхъестественные существа. Они имеют много общего с росписями в пещерах Западного Нового Южного Уэльса, где распространены очень небольшие по размерам рисунки людей, выполненные в особой манере — тонкими штрихами (stick-man style). Люди танцуют или охотятся на кенгуру и эму. В охотничью композицию нередко включено изображение колдуна или шамана, ударяющего одной о другую музыкальными палками, - вероятно, это обряд охотничьей магии, способствующий успеху охоты. Каждая композиция обычно выполнена одной краской. Иногда люди и животные соединены линиями, как бы магически связывающими их. Порою рисунки перемежаются концентрическими окружностями или другими мотивами, свойственными гравировкам в условно-геометрическом стиле.

Квинсленд изобилует прекрасными многоцветными росписями в примитивно-реалистической манере. Их много и на п-ове Кейп-Йорк, и южнее. Особенно интересны петроглифы близ Лоры — антропоморфные существа, кенгуру, эму и другие животные. Искусство, тяготеющее к реалистическому изображению животного мира — источника жизни, характерно и для ранней фазы пещерной живописи Арнхемленда и окружающих его островов. Искусство это, как и в других местах, развивалось от монохромной живописи к живописи

четырьмя цветами. На о-вах Гроте-Эйландт и Кэзм в зал. Карпентария, где было изучено 45 пещер с рисунками, наиболее ранней фазой были выполненные темно-красной краской монохромные силуэты различных предметов, например возвращающихся бумерангов, которые в настоящее время здесь уже не встречаются, но наличие которых на рисунках указывает на их существование здесь в прошлом, а также каменных топоров и палиц неизвестных ныне типов. С появлением индонезийцев материальная культура аборигенов обогатилась за счет таких культурных достижений, как выдолбленные лодки, гарпуны, металлические топоры, и в глубине пещер появились их изображения, сделанные светло-красной краской поверх старых темно-красных рисунков. И не только отдельные изображения, но и целые сцены рыбной ловли или охоты на дельфинов, дюгоней и черепах. Появились и многоцветные рисунки индонезийских парусных судов — прау. Рисунки эти изображают виды деятельности, в которых принимают участие только мужчины, и почти исключительно орудия мужчин [520, 297—414].

По мнению Ф. Роуза, рисунки о-ва Гроте-Эйландт принадлежат двум этническим волнам и сделаны в разное время: ранние рисунки — людьми, которые приезжали с материка, более поздние — жителями островов. Около двух столетий назад, когда широко распространились введенные индонезийцами выдолбленные лодки, этническая группа, ранее посещавшая остров периодически, переселилась на него

окончательно [637, 170—176; 638, 524—531].

На западе Арнхемленда древнее примитивно-реалистическое искусство позднее сменилось динамичными, полными жизни и движения рисунками, изображающими то доброжелательных, то злобных духов — мими, мормо и др. Некоторые из этих существ изображены с каменными топорами на рукоятях [699; 562]. До недавних открытий в Оэнпелли, о которых говорилось в археологической части, это можно было считать признаком сравнительно поздним, но отныне древность топоров на рукоятях — вопрос дискуссионный. Одно из доказательств древности этих рисунков — полное отсутствие сведений о том, кто их сделал. Аборигены приписывают их выполнение самим духам-мими. Древность некоторых петроглифов подтверждается и тем, что они покрыты слоем натеков минерального происхождения, образованным стекающей по скале водой [133, 60-61]. Мими, изображаемые тонкими штрихами, удивительно похожи на рисунки в позднепалеолитических пещерах Испании. Подобно европейской палеолитической живописи, живопись Австралии выполнена минеральными красками в глубине пещер и под скальными навесами.

Еще позднее в пещерах Западного Арнхемленда появляются двухцветные рисунки в так называемом рентгенов-

ском стиле, когда изображаемый объект виден как бы насквозь, с внутренними органами, если это животное, а изображались в этом стиле чаще всего животные, птицы и рыбы, реже антропоморфные духи. Такие рисунки имеют вид примитивных анатомических схем. Фризы длиною в несколько десятков метров, состоящие из многоцветных рисунков в рентгеновском стиле, покрывают стены и потолки многих пещер Оэнпелли и других мест. Происхождение некоторых из этих рисунков еще на памяти аборигенов. Одни из них делались с магической целью умножения соответствующих видов животных и были связаны с обрядами плодородия, известными под названием «интичиума», с обрядами охотничьей и рыболовной магии, другие как бы иллюстрировали рассказы мифологического содержания, излагаемые аборигенами.

Последовательность трех фаз наскальной живописи Западного Арнхемленда — примитивно-реалистическое искусство, динамические изображения мими и мормо и рисунки в рентгеновском стиле — выявлена путем изучения петроглифов в пещерах Оэнпелли, где рисунки этих трех стилей перекры-

вают друг друга.

В Кимберли наскальная живопись представлена двумя основными разновидностями. Первая и наиболее ранняя—изящные человеческие фигуры в натуральную величину, с необычными прическами, вооруженные копьями и бумерангами. Они похожи на изображения духов мормо из Западного Арихемленда. Аборигены убеждены, что эти изображения сделаны народом карликов гиро-гиро, который населял эти места в прошлом. По мнению Э. Вормса, рисунки принадлежат исчезнувшей расе, может быть негро-тасманоидам, которые предшествовали австралоидам [805, 546—566]. Мы знаем, однако, что для такого предположения нет никаких оснований. Легенды о карликах, которым приписывается создание различных произведений монументального искусства или архитектурных сооружений, широко распространены и за пределами Австралии, например в Полинезии.

К более поздней фазе, по мнению Маккарти и Ломмеля, относятся Вонджина, о которых мы уже говорили. Некоторые из этих фигур имеют до 5 м длины. Вонджина — создатели земли, животного и растительного мира. Они были первыми людьми, чьи странствия по земле отмечены водоемами, скалами, деревьями, каменными сооружениями. В конце своего жизненного пути каждый из них удалился в пещеру, где и умер, и душа его вошла в священный водоем змеи-радуги Унгуд. С Вонджина связана не только магия дождя, но и обряды плодородия в самом широком смысле слова, обряды, способствующие размножению тотемических животных и растений, увеличению количества детей [275, 257—279; 278, 1—15; 458, 1—24; 659, 7—57, рис. 1—52, табл. 1—36].

306

Схема Маккарти, относящаяся к развитию наскальной живописи, также вызывает некоторые возражения. Так, изображения отпечатков рук и предметов на стенах пещер и поверхности скал едва ли следует рассматривать как самостоятельную фазу в развитии наскальной живописи. Такие отпечатки, несомненно, делались еще в глубокой древности, но аборигены продолжали эту традицию вплоть до недавнего времени. Их много, например, на о-вах Гроте-Эйландт и Кэзм среди рисунков сравнительно позднего происхождения. Среди очень немногих петроглифов Австралии, которые удалось датировать с помощью радиоуглеродного метода, имеются и отпечатки рук. Они находятся севернее Сиднея, в двух пещерах. В одной изображены два рогатых антропоморфных существа мужского и женского пола, две ехидны и два динго, выполненные красной охрой. Они относятся приблизительно к 1400 г. н. э. В другой пещере среди рисунков красной, черной и белой красками, изображающих различных представителей местной фауны, имеются отпечатки рук. Их датируют от 1750 г. н. э. до 1830 г. н. э. [471, 85—101]. В полу пещер были обнаружены древесный уголь и остатки охры, которой были сделаны рисунки, благодаря чему и удалось установить их возраст.

Первая пещера — наименее удобная из всех, находящихся в этом районе. Это напоминает условия, в которых найдены петроглифы палеолитического времени. По-видимому, пещера была местом эзотерического культа, возможно культа плодородия. Никаких орудий здесь найдено не было. В другой пещере были обнаружены острия бонди. Характерно, что изображение рогатого антропоморфного существа найдено и на другом конце континента, в Северо-Западной Австралии, связанной с Восточной Австралией многими общими особенно-

стями культуры [533, 7].

Очень спорно и отнесение Ломмелем и Маккарти изображений Вонджина к сравнительно позднему периоду в развитии живописи Северо-Западной Австралии, и их предположение о заимствовании этого мотива из Индонезии. Аналогичные изображения, обнаруженные в Восточной Австралии, в районе Сиднея-Хоксбери, за тысячи километров к востоку от области распространения Вонджина, указывают на глубокую древность тех и других петроглифов. Поэтому же спорно и отнесение росписей из района Сиднея-Хоксбери к сравнительно позднему времени. Безротые существа, напоминающие Вонджина, в головных уборах, подобных лучам солнца, с вертикальными полосами на теле, изображены здесь на многих гравюрах [245, рис. 10; 516, 203, 207, 386, 395]. Связь между теми и другими не только формальная. И те и другие выражают художественными средствами один из глубочайших пластов австралийской мифологии и религии — веру

20*

в великих культурных героев-демиургов. И на Востоке, и на Западе с этими образами связан образ змеи-радуги, олицетворяющей производящие силы природы. Мы видим его и на петроглифах, и в позднейших произведениях искусства многих областей Австралии. Изображения змеи имеются среди гравюр в районе Сиднея [673, 286—287]. Известен этот образ и в Западном Арнхемленде [624, 510]. Древность и универсальность культа змеи-радуги выразились в широком распространении в орнаментальном искусстве австралийцев змеевидного орнамента — стилизованного изображения змеи. То же происхождение, возможно, имеет мотив зигзага, распространенного как на западе, так и на востоке Австралии в Западной Австралии, в Западном Квинсленде и по течению Муррея [512, 56]. Образ небесной змеи, змеи-радуги с древнейших времен был распространен и в Восточной Азии [373, 258-266]. Возможно поэтому, что у аборигенов Юго-Восточной и Западной Австралии сохранялись древние религиозные верования Азии, откуда когда-то вышли их предки [618, 7—10].

Древность мифов о Вонджина, восходящих к первоначальному заселению Австралии, подчеркивается верой аборигенов в то, что Вонджина «вышли из моря», пришли с запада или с севера, как об этом и повествуется во многих мифах.

По мнению А. Ломмеля, рентгеновский стиль Арнхемленда имеет своим источником позднемадленскую живопись Южной Франции (13 тыс.— 6 тыс. лет до н. э.), откуда позднее распространяется на север Европы, где встречается в наскальных изображениях Норвегии (6 тыс.— 2 тыс. лет до н. э.), в Восточную Сибирь и на Дальний Восток (ок. 1 тыс. лет до н. э.), в Северную и Центральную Америку, в Индию, Новую Гвинею, Меланезию и Австралию [453, 267—283; 454, 9—13; 455, 360—363; 456, 149—170; 457, 159—163; 205, 8—13; 348, 34—35; 375, 126—127; 693, 3—15; 790, 107; 38, 81]. Однако сравнительно поздний возраст изображений в рентгеновском стиле из Оэнпелли и отсутствие признаков его в других местах Австралии свидетельствуют против предположения о его глубокой древности и в пользу его независимого происхождения.

Австралийское искусство, как и первобытное искусство вообще, тяготеет к целостному отображению окружающего мира, к выявлению его главных, существенных особенностей. Австралийский художник берет из многообразной действительности то, что жизненно важно для него, для прошлых и грядущих поколений. Если это животное, он стремится выразить в рисунке все самое существенное в нем — не только его внешний вид, но и его внутреннюю структуру в той мере, конечно, в какой она ему известна. Изображения в рентгеновском стиле находятся на грани примитивного искусства и примитивной науки. В этом стиле нарисованы главным обра-

зом животные, употребляемые в пищу, анатомическая структура которых была достаточно хорошо известна. В рисунках крокодилов, которые в пищу не употребляются, а также людей и мифических существ изображение внутренних оргаограничивается лишь некоторыми частями скелета. С человеческим скелетом аборигены Арнхемленда знакомы по погребальному ритуалу (они практикуют так называемое вторичное погребение), а мифические существа изображаются по аналогии с человеческими. Если это беременная женто рисуется видный как бы сквозь ее кожу плод. Рентгеновский стиль — один из приемов так называемого интеллектуального реализма, характерного для искусства первобытных народов, а также детского творчества. Последнему свойственно изображать объект не таким, каким его видят глаза художника, а таким, каким его знает или представляет художник [18, 196]. Другим приемом интеллектуального реализма является, например, изображение людей или животных посредством воспроизведения только их следов или рук (часть вместо целого). Рисуя или созерцая след ноги или отпечаток руки, примитивный художник видит мысленным взором весь объект в целостности, с его индивидуальными чертами конкретного человека или животного определенного вида.

Помимо наскальной живописи и рисунков на коре аборигенам Арнхемленда свойственна также круглая скульптура. Наиболее древним ее видом являются, вероятно, так называемые марайин (maraiin) — священные предметы, имеющие тотемическое и мифологическое значение и представляющие собой вырезанные из дерева стилизованные изображения животных, птиц, рыб, растений. Б. Спенсеру, одному из первых собирателей и исследователей этих изделий, принадлежал в числе прочих предмет, которым, по утверждению аборигенов, последовательно владели представители 18 поколений. Принимая среднюю продолжительность жизни одного поколения за 20 лет, можно предполагать, что предмету около 400 лет [699, 150—152, 183—192, 210—227; 167, 105—106].

Очень интересным примером, указывающим на связь искусства австралийцев с позднепалеолитическим искусством, является мотив лабиринта. Он известен как на западе, так и на востоке Австралии наряду с рядом других элементов культуры, которые свидетельствуют о древних этнических связях между населением Востока и Запада, относящихся еще к эпохе первоначального заселения Австралии [44, 254—267].

Мотив лабиринта в его различных вариантах, порою сильно стилизованных, в том числе в одном из наиболее характерных и древних — в виде меандра, известного и в Австралии, восходит еще к позднему палеолиту, о чем сви-

детельствуют его изображения на загадочных изделиях из Мезина [1, табл. 31—35]. Возраст этих изделий примерно 20— 30 тыс. лет. Подобные формы орнамента известны и в мадленскую эпоху, а затем в неолите, энеолите и позднее, когда они широко распространяются на территории великих культурноисторических миров древности — в Средиземноморье и Кавказе, в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии, в Центральной и Южной Америке. В орнаментике тувинцев мотив меандра относится к архаическому комплексу, элементы которого восходят к сибирскому неолиту [17, 54]. Вариантом мотива лабиринта является и клетчатое переплетение, получившее у монголов название «улзий» («нить счастья») и ставшее одним из элементов буддийской символики. Улзий «уходит своими корнями в очень древние времена, связанные с охотничьим бытом; возможно также, что и сам термин является наименованием тотемного животного» Изображается улзий всегда в центре украшаемого предмета и «приносит человеку, по понятию монголов, счастье, благополучие, долголетие» [48, 97]. То же сакральное значение имеет и другой орнамент — алхан хээ (монгольская разновидность античного меандра, широко распространенная и на смежных территориях Восточной Азии). Священное значение меандра и родственных мотивов у монголов и народов Азии проливает свет на значение этих античного Средиземноморья и Южной Америки. Несомненно, сакральное значение этих стилизованных форм лабиринта связано с тем, что в глубокой древности с ними ассоциировались какие-то магические представления. И представления эти мы можем, хотя бы приблизительно, расшифровать, опираясь на известные нам австралийские раллели.

На востоке Австралии изображения в виде лабиринта вырезались на стволах деревьев, окружавших могилы или запретные для непосвященных места, где совершались обряды инициации. Обычай совершать обряды посвящения среди деревьев с вырезанными на них знаками был засвидетельствован европейцами еще в начале XIX в. Очевидно, изображения эти были священными символами, связанными с обрядами инициации и погребальным ритуалом. И действительно, известно, что в условных символических изображениях на деревьях было зашифровано содержание мифов, относящихся к обрядам посвящения. Аналогичные символы, связанные с обрядами инициации, делались и на земле. На сохранившихся фотографиях видно, как посвящаемых подростков с закрытыми глазами ведут вдоль тропы, на которой начертаны фигуры, напоминающие изображение лабиринта. Так представлялся аборигенам путь великих культурных героев и тотемических предков по земле и по «стране сновидений».

Иногда рядом с изображением лабиринта можно было видеть и контуры животного, которое аборигены во время обрядов поражали копьями [565, 11]. Такие изображения тоже были неотъемлемой принадлежностью сложного религиозно-магического ритуала. И до сих пор люди из этнической группы валбири в Центральной Австралии делают на земле кровью и окрашенным пухом обрядовые рисунки, схематически изображающие «страну сновидений», священную страну предков, где развертывались события мифологии, откуда некогда явились и куда вновь ушли, завершив свой земной путь, предки нынешних поколений [545, 223].

Известны и наскальные изображения лабиринта, например на западе Нового Южного Уэльса. Лабиринт сочетается здесь с изображением следов животных и сцен охоты и об-

рядовой пляски [457, 115, рис. 40; 532, 94—95].

Наскальные изображения лабиринта встречаются и в Южной Австралии. Один из таких петроглифов найден под скальным навесом Девон-Даунс на нижнем Муррее. Приблизительный возраст его, согласно данным радиоуглеродного анализа,— 2200 лет. Такие же петроглифы известны в Центральной и Западной Австралии [252, рис. 3, 12, 457, 124—

125, 127—129, рис. 47].

На крайнем западе Австралии в обрядах посвящения применялись перламутровые раковины, орнаментированные изображением лабиринта. Посредством межплеменного обмена раковины эти распространялись на тысячи километров от места их изготовления, чуть ли не по всей Австралии. И везде к ним относились как к чему-то священному. Их разрешалось надевать только мужчинам, прошедшим обряды посвящения. С их помощью вызывали дождь, их применяли в любовной магии.

Таинственные изображения, начертанные на раковинах, увеличивали в глазах аборигенов их магическую силу. В Северо-Западной Австралии чуринги со стилизованным изображением лабиринта употреблялись только во время обрядов инициации. Древность, глубокая традиционность, сакральный, эзотерический смысл изображений лабиринта на раковинах подтверждается и тем, что изготовление их сопровождалось исполнением особой песни-заклинания мифологического содержания и проходило как обряд. Рисунок мог делать только тот, кто знал песню [251, 93; 253, 194—213; 569, 119]. Перед нами — один из примеров свойственного первобытной культуре синкретизма, синтеза изобразительного искусства, пения-заклинания, священного обряда и связанной с ним эзотерической философии.

Упомянутые выше дендроглифы, геоглифы и петроглифы Восточной Австралии настолько близки по характеру к орнаментам на фаллокриптах, чурингах и других предметах

Западной Австралии, что трудно допустить их независимое происхождение. А если и те и другие возникли из одного источника, это относится, по-видимому, к такой глубокой древности, когда еще существовали культурные связи между населением этих столь удаленных друг от друга областей, другими словами — ко времени первоначального заселения Австралии.

Связь изображения лабиринта с обрядами посвящения и с погребальным ритуалом не случайна, пов то же время скольку и сам обряд посвящения понимается как смерть посвящаемого и его возвращение к новой жизни. Представление о том, что инициация (и, в частности, обрезание) символизирует смерть и новое рождение посвящаемого, в Австралии широко распространено [151, 124; 546, 127; 776, 282, 332]. Дендроглифы, связанные с погребальным ритуалом и обрядами посвящения, изображения лабиринта на фаллокриптах и чурингах, вероятно, символизировали странствия тотемических предков и душ умерших и посвящаемых в стране мертвых. Аналогичную символику лабиринта дают и этнографические материалы по некоторым другим народам. Так, чукчи изображали обитель мертвых в виде лабиринта [6, 44, рис. 36]. Религиозно-культовое значение имели и сооружения в виде лабиринта, иногда подземные, в древнем Египте, в античной Греции и Италии.

Связь лабиринта с представлениями о мире мертвых и обрядами инициации проливает свет на происхождение загадочных каменных сооружений в виде лабиринта, распространенных на севере Европы — от Англии до Беломорья. Аналогичные сооружения известны и у австралийцев. Они служили для обрядов посвящения, совершавшихся здесь еще на памяти нынешнего поколения [396, 57, 63].

На одной из скал в Норвегии (в Ромсдале) виден рисунок лабиринта, а выше — оленей в рентгеновском «линией жизни», схематически изображающей Петроглиф относится примерно к VI—II тысячелетиям до н.э. и, видимо, является изображением «нижнего мира», посредством магических обрядов возвращаются к новой жизни убитые на охоте животные [455, 362—363, рис. 17]. Значительно раньше, в пещере Альтамира и других пещерах мадвремени изображались сложные переплетения двойных и тройных линий, так называемые значение которых до сих пор не разгадано. В одном случае в этот сложный узор вплетена голова быка. Не являются ли и эти рисунки лабиринтами, аналогичными по значению лабиринту с оленями из Ромсдаля, иными словами, изображениями подземного мира, куда уходят и откуда вновь возвращаются возрождаемые магической силой обрядов животные, убитые первобытными охотниками? Ведь источники пищи, от

которых зависела сама жизнь людей, нужно было систематически пополнять, и этой цели служили продуцирующие обряды, обряды плодородия, необходимой принадлежностью которых были соответствующие рисунки. Обряды плодородия предназначались не только для умножения охотничьей добычи, но и для умножения самого человеческого общества, и здесь они соприкасались с обрядами посвящения. Поэтому и наскальные изображения лабиринта из Нового Южного Уэльса с как бы вплетенными в них следами животных и человеческими фигурами могли быть наглядным изображением убитых на охоте животных и самих охотников, возвращающихся из «нижнего мира» к новой жизни.

Лабиринты палеолитических и неолитических охотников, состоящие из меандров, концентрических ромбов или сложного переплетения линий, а также изображения животных в рентгеновском стиле до сих пор встречаются в искусстве австралийцев. Можно предположить, что в основе этих мотивов лежат сходные представления и идеи. Возможно, и северные лабиринты служили как бы моделями «нижнего мира», где совершались магические обряды умножения промысловых рыб. Не случайно почти все эти сооружения расположены по берегам морей или в устьях рек. Их связь с обрядами, совершавшимися с целью обеспечить успех рыболовного промысла, допускает и исследовательница сооружений Н. Н. Гурина, хотя она интерпретирует иначе [27, 125—142].

Высказанные нами гипотезы не противоречат друг другу. Этнографии известны примеры, когда обряды умножения животных или растений совершаются одновременно с обрядами посвящения, как бы переплетаясь с ними. Таковы, например, обряды кулама у тиви о-вов Мелвилл и Батерст, хориому, могуру, мимиа у папуасов киваи, харейха у байнингов Новой Британии [563; 695, 661; 440, 236—237, 327 и далее; 43, 58—66]. Во всех этих обрядах инициация сочетается с магией плодородия. В представлении первобытных людей продуцирующие обряды, посредством которых возвращаются к новой жизни животные и растения, и обряды посвящения, посредством которых возрождаются после временной смерти инициируемые, связаны глубоким внутренним смыслом.

Итак, мотив лабиринта, порою стилизованный, возник еще в позднем палеолите. Пещеры, на стенах которых сохранилась палеолитическая живопись, как правило, труднодоступны, благодаря чему они были хорошо приспособлены для совершения обрядов, требовавших уединения и тайны, видеть которые непосвященным, как и в Австралии, было запрещено. Иногда путь в глубину этих пещер — настоящий подземный лабиринт, созданный самой природой [46, 161]. И может быть, мотив лабиринта в искусстве палеолита первона-

чально и был схематическим изображением таких подземных лабиринтов, уводящих в подземное святилище, а одновременно символом «нижнего мира», «страны сновидений», с которой и ассоциировались таинственные, уходящие в глубину гроты. Пещеры палеолитического человека были прототипом этого мира, а в глубине их совершались обряды умножения животных,— об этом говорят изображения на стенах — и обряды инициации. Большая роль продуцирующих обрядов в жизни австралийцев, связь их с изображениями животных позволяют думать, что и в жизни людей эпохи позднего палеолита их роль была не менее велика.

Чем же объясняется устойчивость мотива лабиринта на протяжении многих тысячелетий? Тем, что с древнейших времен в него вкладывалось религиозно-магическое смыслосодержание, которое, подобно всему, что связано областью религиозных верований и магии, обладает значительной степенью устойчивости и консерватизма. Вот почему и изображение лабиринта в его стилизованных, но нередко поразительно аналогичных формах могло быть унаследовано народами Средиземноморья, Восточной Азии и Австралии, а через Восточную Азию и народами Америки у их далеких палеолитических предков. Для многих народов этих стран оно на протяжении тысячелетий оставалось священным символом, хотя первоначальный смысл его и был забыт. Стоит сравнить, например, мотив меандра, изображенный на позднепалеолитических изделиях из Мезина, на дендроглифах, чурингах и раковинах-фаллокриптах из Австралии и ритуальных барабанах из области Ориноко в Южной Америке [128, 42, рис. 48], чтобы убедиться в том, насколько они близки между собой.

Мотив меандра был широко распространен и в Юго-Восточной Азии. Так, он часто встречается на керамике из Индокитая, Индонезии и Филиппин, датируемой, согласно данным радиоуглеродного анализа, от 750 г. до н.э. до 200 г. н.э. [686, 187, табл. 1]. На Сулавеси меандр известен еще на керамике эпохи неолита [365, табл. 38]. К неолитическому времени относится и керамика с меандровым узором из поселения Сомрон-Сен в Камбодже [7, рис. 42].

Но все эти факты еще не обязательно означают (как полагал Дэвидсон), что мотив меандра был заимствован австралийцами довольно поздно из Индонезии. Распространение этого мотива только на востоке и западе Австралии указывает на его значительную древность, восходящую еще к эпохе первоначального заселения Австралии.

Наряду с меандром древними стилизованными изображениями лабиринта были, возможно, концентрический ромб и квадрат. Древность этих мотивов также подтверждается их распространением лишь на востоке и западе Австралии, на

что в свое время указывал еще Ф. Маккарти [512, 56;

246, 119].

Древним аналогом орнамента, состоящего из меандров, являются спираль и концентрическая окружность, также хорошо известные уже с эпохи позднего палеолита — они встречаются в мадленских орнаментах на кости и роге, — широко распространенные на Дальнем Востоке и в Океании и характерные для искусства австралийцев, но преимущественно лишь для Центральной и частично Западной Австралии, где изображались главным образом на чурингах. Кроме того, этот мотив спорадически встречается в резьбе на деревьях в Новом Южном Уэльсе [246, 114]. Хотя размещение этого мотива на континенте Австралии и не свидетельствует о его столь же глубокой древности, какую можно допустить для меандра, все же, учитывая его палеолитическое происхождение, нет никаких оснований вслед за Гейне-Гельдерном и Маккарти связывать его появление в Австралии лишь с эпохой бронзы и распространением донгшонской культуры [499, 309]. Ломмель, тоже связывая распространение мотива спирали в Океании с бронзовым веком и влиянием Китая, все же допускает и значительно более древнее его происхождение, восходящее еще к мадленскому времени [454, 9, 14-27]. Подобно стилизованному лабиринту, спираль и орнамент в виде концентрических окружностей появляются значительно раньше эпохи бронзы, еще в позднем палеолите [449, 440, рис. 38—44, 219, 762]. Позднее спираль изображалась на египетской керамике неолитического времени [61, 215]. О древности этого мотива в Австралин свидетельствует тот факт, что он встречается на гравюрах Порт-Хедленда.

Религиозно-магическое значение мотива спирали у австралийцев подтверждается тем, что они изображали се на чурингах — священных предметах из камня или дерева. Чуринги глубоко почитались австралийцами, с ними ассоциировались души предков и живых соплеменников, чуринги были как бы их двейниками, вторым телом, на них изображались посредством спиралей, концентрических окружностей и других абстрактных символов деяния мифических героев и тотемических предков, их хранили в тайниках и показывали лишь юношам, прошедшим обряды посвящения, а их утрата рассматривалась как величайшее несчастье.

Особым типом чуринг были раскрашенные гальки, напоминающие широко известные гальки из пещеры Мас д'Азиль, памятника, относящегося к заключительной стадии позднего палеолита. Рисунки на этих священных камнях аборигенов Арнхемленда (название этих камней — марайин) изображали тотемических животных, птиц, рыб, ямс [534, 61—62,

рис. 53]. Камни эти широко применялись в магии. Напоминали азильские гальки и плоские овальные камни, раскрашенные в красный и черный цвета, распространенные в Центральной Австралии. Аборигены верили, что с их помощью можно магически умертвить человека [282, 216, табл. 32(4)]. Такие гальки известны не только на Австралийском континенте, но и в Тасмании. Помимо азильских галек аналоги австралийских чуринг и гуделок с условными скими изображениями на них найдены в департаменте Дордонь, в Истюрице и других палеолитических местонахождениях [340, табл. 96]. Поразительно похожи украшенные резьбой кости из Пршедмости — та же овальная форма, те же концентрические окружности Вероятно, в основе палеолитических и австрало-тасманийских изделий лежал сходный комплекс идей. С другой стороны, предметы, подобные австралийским чурингам и имеющие аналогичные функции, известны у папуасов мбовамб и некоторых других этнических групп Новой Гвинеи, а также на о-ве Флорес в Восточной Индонезии.

Большой сравнительно-этнографический интерес имеют австралийские инкульта — заструженные палочки и палки с пучком стружек на конце. Распространены они были преимущественно в Центральной Австралии. У некоторых локальных групп аранда они служили головным украшением, у других применялись во вредоносной магии. Так, мститель, убив человека, брал инкульта, которую он вставил в волосы, отправляясь мстить, ломал ее и бросал куски на труп врага. Перед сражением инкульта прикреплялись к концу копья [696, 573—574; 697, 638; 700, т. 2, 539—540].

Частица «ин», стоящая в начале слова «инкульта», по-видимому, связана с представлением о священном, так как она фигурирует во многих соответствующих терминах языка аранда, будучи первым слогом этих терминов («инката» и др.) [700, т. 2, Словарь]. Стоит она и в начале айнского слова «инау», которым айны обозначали аналогичные австралийским палочки и палки со стружками на конце, тоже игравшие большую роль в их религиозно-обрядовой жизни *. Фонетическое совпадение, конечно, может быть случайным. Инау бывали разного размера — от небольших палочек до палок и шестов более метра длиной. Но то же самое можно сказать и об австралийских инкульта. Так, в Центральной Австралии, на участках, где происходили обряды инициации, можно было увидеть столбы, вертикально врытые в землю,

^{*} Сходство инкульта австралийцев с инау айнов видно на всех иллюстрациях; см., например: 271, табл. 135, рис. 3. Экземпляр австралийской инкульта (из этнической группы аранда) имеется в коллекциях Музея антропологии и этнографии в Ленинграде (колл. № 1336—25).

со стружками на верхнем конце, как у типичных инау или

инкульта [396, 57].

лийцев.

Инау изготовлялись и устанавлибались в честь различных духов-божеств «камуи» — в честь камуи огня-очага и камуи солнца, по случаю болезни или плохой погоды и т. д. [50, 23]. мнению Л. Я. Штернберга, инау, в представлении айнов, — живой посредник между человеком и божествами. хозяевами различных явлений природы и стихий, а стружки — его языки, ассоциируемые и с языком человека, и с языками пламени [103, 611—634]. Современный исследователь этой проблемы Т. Обаяси также признает, что главная функция инау — посредничество между человеком и божеством. Говоря о происхождении инау, он указывает на Северную Евразию и Северную Америку, в охотничьих культурах которых культовые шесты и палки как вместилища божества или посредники между людьми и сверхъестественными силами было широко распространены [599, 1—30]. Думается, однако, что более прав был Штернберг, который связывал инау, как и многие другие явления материальной и духовной культуры айнов, с южным тихоокеанским культурно-историческим миром. И действительно, ближайшие аналоги инау находят именно здесь. Помимо австралийских инкульта можно указать еще на палки со стружками, употреблявшиеся в магических целях на Малых Зондских островах. У маори Новой Зеландии словом «ниу», близким по звучанию к слову «инау», обозначались короткие деревянные палочки, употреблявшиеся жрецами во время различных обрядов, большей частью перед сражением, подобно австралийским инкульта [5, 58].

Мы уже говорили об антропологической близости айнов и австралийцев и о том, что эта близость, вероятно, указывает на их отдаленное родство. С древними австралоидными типами Юго-Восточной Азии генетически связаны и полинезийцы, чем и объясняется их антропологическая близость к айнам. Нет ничего удивительного в том, что и в культуре всех этих народов имеются общие черты. Это относится не только к сфере культа, о чем писал и Л. Адам [122, 9—13], но и к другим аспектам их культуры. Достаточно, например, указать на орнамент в виде спирали, концентрической окружности, волнистой линии, зигзага, который связывает культуру айнов и других народов Дальнего Востока с океанийским культурным миром, и с Австралией в частности. В основе своей некоторые из отмеченных элементов орнамента айнов восходят к изображению змеи, игравшей значительную роль в их культе, и это тоже сближает культуру айнов и австра-

Нам остается еще сказать несколько слов о каменных сооружениях и выкладках из камней, встречающихся во многих

местах Австрални и напоминающих мегалиты других частей света, особенно Меланезии, Новой Гвинеи и Восточной Индо-

незии, где они широко распространены [630].

Простейшие сооружения из камней в Австралии представляют собой выкладки в форме кругов, овалов или линий [165, 44—45; 166; 757, 40—45; 758, 200—209]. В Восточной Австралии древность и функции их неизвестны, но на п-ове Кейп-Йорк, в Арнхемленде и Кимберли они все еще сохраняют свое значение как святилища местных этнических групп, тесно связанные с их обрядовой жизнью и мифологией. Круги из камней обнаружены и в Южной Австралии, в области, где сохранилось большое число стоянок, однако последние находятся вдали от каменных сооружений, и это, по-видимому, объясняется тем, что аборигены старались сохранять в тайне те обряды, с которыми эти сооружения были связаны [192, 181—183].

Другим характерным типом каменных сооружений являются груды камней (керны) и большие каменные блоки, расположенные группами или порознь, чаще всего вертикально врытые в землю. Как правило, они находятся на востоке (в Новом Южном Уэльсе и Квинсленде) и на западе Австралии (в Кимберли), и это, возможно, указывает на их древность. Существуют они и на юге Австралии, там, где сохранились и другие древнейшие явления австралийской культуры, в том числе в Большой пустыне Виктория [143,

116]. Известны они и на о-ве Гроте-Эйландт.

Особенно распространены керны на западе Нового Южного Уэльса и в сопредельных областях Южной Австралин [261, 30—36; 559, 169—172; 560, 279 и след; 795, 125 и далее]. Сохранились они и на северо-востоке Нового Южного Уэльса [493, 137—146]. Большие вертикально поставленные каменные блоки, находящиеся здесь же, необычны для этой части Австралии, но они встречаются на северо-западном побережье Западной Австралии, на п-ове Кейп-Иорк и на о-ве Гроте-Эйландт [510, 97—103; 539, 292—295]. Такие блоки напоминают мегалиты Меланезии. В Австралин они обычно отмечают места расположения тотемических святилищ, места, где совершались продуцирующие обряды. Некоторые каменные сооружения являются памятниками по умершим.

К каменным сооружениям северо-восточной части Нового Южного Уэльса наиболее близки по своему характеру сооружения Северо-Западной Австралии (Кимберли). Это еще одна черта, связывающая ранние культурные пласты этих двух отдаленных областей континента. Создание монументальных сооружений из каменных глыб и блоков здесь, в Кимберли, приписывалось мифическим героям древности — Вонджина. Кроме монолитов, поставленных порознь или

труппами, здесь, как и в Новом Южном Уэльсе, существуют керны, круги, овалы и параллельные линии [459, 137—142]. Один из авторов, имевший возможность выяснить их назначение непосредственно у самих аборигенов, пишет об использовании этих сооружений в обрядах умножения «детей, птиц, животных, насекомых, пресмыкающихся, рыб, растений» [792, 5]. То же назначение имели и каменные сооружения п-ова Кейп-Йорк.

Происхождение мегалитов Австралии явилось предметом всевозможных гипотез [413, 469—470; 726, 484 и далее]. Одна из них, наиболее яркая и увлекательная, но и наиболее фантастическая, связывает австралийские мегалиты с мегалитическими культурами не только Океании и Юго-Восточной Азии, но и с аналогичными культурами других континентов, а распространение этих культур по всему миру приписывает выходцам из Египта, 'солнцепоклонникам, «детям солнца» [608]. В духе миграционизма объясняет распространение мегалитических культур и А. Ризенфельд.

Происхождение мегалитических культур — большая и сложная проблема. В ней еще очень многое остается неясным. Наличие сооружений мегалитического характера в Австралии позволяет, в частности, поставить вопрос о том, не восходят ли некоторые мегалитические сооружения и дру-

гих стран к эпохе мезолита.

Возвращаясь к проблеме происхождения мегалитических сооружений Австралии, отметим, что наиболее вероятными представляются две возможности. Первая указывает мегалитические культуры Юго-Восточной Азии и Океании, в частности Меланезии и Восточной Индонезии, как источник культурных влияний, отразившихся на развитии австралийских мегалитических сооружений и связанных с ними концепций. Но возможно, что создание таких сооружений австралийцы практиковали с глубокой древности, независимо от влияний извне. Географическое размещение некоторых типов сооружений, прежде всего кернов и вертикально поставленных блоков, говорит в пользу второго предположения, да и связанные с ними продуцирующие обряды и тотемические представления не являются чем-то заимствованным, это — исконное достояние австралийской культуры.

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ АВСТРАЛИЙЦЕВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Этногонические легенды и предания австралийцев повествуют о том, как сами аборигены представляют свое происхождение. В них за мифологической и тотемистической оболочкой нередко скрываются смутные воспоминания о реальных событиях далекого прошлого. Чаще всего эти

легенды австралийцев (и других народов, стоящих на том же или близком уровне общественного и культурного развития) повествуют о происхождении различных этнических групп от тотемических зоо-антропоморфных предков, об их скитаниях по земле, о создании ими гор, водоемов и других явлений природы, а также элементов материальной и духовной культуры, обычаев и установлений, которыми люди руководствуются из поколения в поколение в своей общественной жизни.

Под некоторыми из этих преданий и мифов, при должном к ним, при проверке их другими критическом отношении данными можно, говоря словами С. А. Токарева, «прощупать историческую основу». Так, пути скитаний тотемических предков указывают иногда на «те направления, по которым шло некогда заселение материка Австралии или по которым происходило — а частью и происходит — культурное ние» [89, 26]. Так, у аранда мир душ находится на севере, а у нарриньери — на западе. «Есть основания думать, что это направление указывается не случайно: оно, видимо, соответствует тому направлению, откуда в прошлом шло либо переселение племени, либо какое-то культурное влияние» [90. 200]. Культурные достижения, согласно мифам, часто приносятся с севера. Оттуда же приходят и сами тотемические предки и культурные герои. Так, с севера приходят в землю аранда культурные герои-ястребы, научившие людей пользоваться каменными ножами леилира и разделившие четыре брачных класса, а за ними следуют люди — дикие коты, научившие людей делать подрезание и испытывать посвящаемых огнем, и, наконец, люди-эму, внедрившие систему из восьми брачных классов.

Мифы и легенды этнических групп, живущих в приморских областях Австралии, сохраняют воспоминания о приходе их предков откуда-то из-за моря. Так, миф о черноголовом пифоне по имени Кунукбан, зооморфном предке и культурном герое некоторых групп, населяющих Северо-Западную Австралию, повествует о приходе его с острова, находящегося в Тиморском море, и далее о движении его на юго-восток по течению р. Виктория [132, 241—259]. Многие другие факты, рассмотренные выше, показывают, что это и в самом деле было одним из направлений, которыми в прошлом шло заселение Австралии, а позднее распространялись и некоторые культурные влияния.

Воспоминания о древних миграциях содержатся и в мифах о Вонджина — великих культурных героях и предках аборигенов Кимберли. В мифах говорится о приходе Вонджина из-за моря и о заселении ими и их потомками земель, на которых ныне живут этнические группы унгариньин, ворора и унамбаль [135, 49]. В мифе о творении, принадлежащем группе унгариньин, большую роль играет бумеранг, который

был, вероятно, одним из древнейших элементов австралийской культуры, оружием, с которым издревле связывались представления о магических его свойствах. Вначале, рассказывается в мифе, была только большая соленая вода. Из нее вышла змея-радуга Унгуд. Она поднялась вверх, взяла свой бумеранг и швырнула его над мировым океаном. Бумеранг описал дугу и многократно коснулся воды, и повсюду в этих местах появлялась земля. Унгуд ходила по этим сотворенным ею землям и везде откладывала яйца. Из них вылупились Вонджина, которые и разошлись во всех направлениях. И другой миф о начале всего рассказывает о покорении мирового океана с помощью бумеранга, но в этом мифе бумеранг выступает как оружие. Около одной из пещерных галерей Кимберли в расщелине скалы находится загадочный отполированный каменный предмет, который аборигены считают сломанным бумерангом Вонджина Манггудна. Другая половина бумеранга осталась далеко на востоке, близ устья р. Виктория. До того как он сломался, Вонджина пользовался им как охотничьим оружием [609, 62-65]. В настоящее время сами унгариньин бумерангов не изготовляют, а чужие, импортированные бумеранги превращаются в их руках в предметы культа, но в прошлом они, вероятно, делали бумеранги сами и пользовались ими как оружием.

Рассмотренные нами мифы аборигенов Северо-Западной Австралии содержат как древнейшее, общее для них ядро рассказы о приходе их предков и культурных героев из-за моря, об островах в океане, о священной змее, выступающей в разных местах под различными именами. Миф о гигантской змее-радуге, обитающей в водоемах, распространен по всей Австрални [620, 19—25; 622, 342—354], и это свидетельствует

о его древности.

Этногонические мифы, записанные на другом конце континента, в Новом Южном Уэльсе, рассказывают о трех братьях — культурных героях, которые первые обнаружили неведомую дотоле землю, населенную ныне австралийцами. Братья приплыли в лодке и сошли на берег в устье р. Кларенс — той самой реки, на берегах которой, как мы знаем, обнаружены многочисленные следы архаической культуры. И позднее аборигены, жившие на побережье, часто в лодках доплывали до островов, находящихся в море, и вступали в брак с тамошними женщинами [634, 40—44].

Не следует понимать этот рассказ буквально и думать, что предки аборигенов Нового Южного Уэльса впервые сошли на землю Австралии в устье р. Кларенс. Вероятно, миф сохраняет память об этнокультурных связях аборигенов с какими-то группами, жившими на прибрежных островах, о связях, может быть относящихся к тому отдаленному пе-

риоду начала голоцена, когда эти острова еще не скрылись пол водой.

Во всех мифах и преданиях австралийцев выступают образы культурных героев и творцов, создателей человеческого общества и культуры, земли, воды и других источников жизни там, где прежде не было ничего. И то, что «создано» этими мифическими существами, было открыто или создано самими аборигенами. Процесс открытия и освоения австралийских пространств в эпоху первоначального заселения континента претворен в мифе в процесс «творения» земли и ее ресурсов. Миф является отражением великой героической эпохи открытия и освоения пятого континента.

Хотя представления аборигенов о создании мира имеют много общего по всей Австралии, - и это не удивительно, ибо они очень древнего происхождения, — в деталях они варьируют от одной этнической группы к другой. В классической форме мифы о странствиях тотемических предков представлены в фольклоре аборигенов Центральной Австралии [706; 700, т. I, 301—390; 59, 3—241.

Вначале земля была плоской и безжизненной, говорится в одном из типичных мифов Центральной Австралии, на ней не видно было ни гор, ни рек, ни животных, ни птиц, ее не оглашали человеческие голоса. Затем, в далекую которую аборигены поэтически называют «временем сновидений», в эпоху, когда началась мифическая история человеческого общества и были заложены основы культуры и человеческого общежития, гигантские антропо-зооморфные существа, ведущие себя как люди, поднялись из бесформенных, неодушевленных пространств, где они дремали на протяжении бесчисленных веков, и начались их странствия по земле. И, переходя с одного места на другое, эти герои, подобно современным аборигенам, охотились и собирали пищу, искали воду, воевали друг с другом или сходились для совместных обрядов, а с наступлением вечера устраивали стойбища и разводили огонь. Странствуя по земле, они создавали горные хребты и скалы, долины, реки и озера, животных и птиц и еще многое другое, что теперь отличает одну местность от другой. Они создали все, с чем соприкасаются аборигены в своей повседневной жизни, все, чем они располагают, — огонь, орудия и оружие, законы, обычаи и обряды.

И вот многочисленные мифы о странствиях культурных героев и тотемических предков и отражают, видимо, древние миграции, восходящие еще к эпохе первоначального заселения Австралии, а сами тропы героев мифа указывают направление этих миграций. Не случайно полные циклы таких сказаний повествуют о странствиях на огромные расстояния, населенные многочисленными этническими группами, через земли которых проходил путь героев, и каждая группа оказывается хранительницей части цикла. То, что произошло с героями сказаний в одной местности, лишь звено в длинной цепи событий, которые, если их проследить, растянутся на сотни километров. Так, миф об Орионе и Плеядах был прослежен Маунтфордом от хребта Уорбертон в Запалной Австралии до гор Макдоннелл в Центральной Австралии, что составляет свыше 600 км по прямой линии, и это был еще не полный цикл — миф продолжался к востоку и западу от указанных районов. На северо-западе Центральной Австралии миф о змее Ярапи был прослежен на протяжении 500 км, но и это была лишь часть мифа [566, 20]. Эти и другие мифы и легенды отражают пути древних переселений [147, 164—185; 148, 1—20; 153, 201—210; 729, 169—185; 731, 149—153]. В отличие от них имеются мифы локальные, созданные в одной какой-либо местности и ею ограниченные, - герои их эту местность не покидают.

Легенда этнической группы буандик — крупнейшей на юго-востоке Южной Австралии — отражает древнее переселение ее предков в область ее нынешнего обитания, возможно, под давлением враждебных племен. Гиганта-предка буандик, его жену и двух сыновей — их единственным орудием была большая копательная палка — преследовали злые духи, и, стараясь скрыться от них, они переходили с одного места на другое, меняя стойбища, пока наконец не обосновались в

районе Маунт-Гамбир [682, 14-15].

Еще Альфред Хауитт указывал на одну из самых вероятных, по его мнению, причин расселения австралийцев по материку. «Когда группа аборигенов, населяющих какуюлибо благоприятную для жизни местность, становится слишком многочисленной для ее естественных ресурсов, более молодые члены группы вынуждены расселяться в поисках новых мест обитания, а оттуда со временем могут последовать новые миграции, подобные пчелиному рою, покидающему родительский улей» [386, 410].

Нам уже приходилось говорить о том, что давление избыточного населения на естественные ресурсы и было одной из главных причин растянувшегося на тысячелетия расселения австралийцев к югу вдоль восточного и западного побережий Австралии, вдоль Большого Водораздельного хребта и по системе больших рек, впадающих в зал. Карпентария и Тиморское море или несущих свои воды на юг, в сторону

Большого Австралийского залива.

Давление избыточного населения на производительные силы было главной причиной и враждебных отношений между этническими группами австралийцев, приводивших к столкновениям, о которых пишут многие наблюдатели, к борьбе за охотничьи угодья и к давлению одних групп на другие, а это тоже влекло за собой переселения на новые,

еще не обжитые места. Этот процесс и мог отразиться в легенде буандик.

Миграции аборигенов продолжались вплоть до европейской колонизации. Старик абориген рассказывал одному из первых переселенцев-колонистов в Южном Гипсленде, в районе п-ова Вильсонс-Промонтори, что предки его пришли с запада, и земля к востоку от мест, где они жили, была в то время еще не заселенной. Легенды курнаев тоже говорят о переселении их предков в Гипсленд с запада или северо-запада, может быть, даже не об одной, а о двух или более миграциях. По-видимому, курнаи — ответвление этнической волны, обошедшей Австралийские Альпы с севера и запада, откуда они и проникли в Гипсленд. По мнению Хауитта, соседи курнаев, этническая группа бидуелли (а люди этой группы тоже помнили о времени, когда их предки переселились в нынешнюю область их обитания) образовалась из представителей ряда племен, которые в разное время спасались бегством от мщения соплеменников за нарушение племенных законов [386, 409—422].

Одной из главных причин переселений, в конечном счете также связанных с нарушением равновесия между естественными ресурсами и численностью населения, было и резкое сокращение естественных ресурсов вследствие ухудшения природных условий и превращения Внутренней Австралии в область пустынь и полупустынь. О переселениях на юг через пустыню помнят многие племена. Об этом говорится, например, в одной из легенд этнической группы нарриньери, обитавшей в низовьях Муррея. Легенда рассказывает о том, как два охотника с их женами и детьми направились в юго-восточном направлении через пустыню, и странствия их продолжались много лет. Другая легенда нарриньери повествует о том, как великий герой древности Нурундери повел их предков на юг по течению Дарлинга и Муррея к оз. Александрина. В низовьях Муррея они встретили другие племена, смешались с ними, и так образовалась группа нарриньери. Дж. Тэплин, который воспроизвел эту легенду, полагал, что люди, пришедшие с Нурундери, были полинезийцы, приплыв-шие в своих лодках на северо-восточный берег Австралии и оттуда двинувшиеся на юг, а те, кого они встретили на юге, в низовьях Муррея, были папуасы [708, 13, 38—39, 60]. Все это, конечно, ни на чем не основанные домыслы, очень напоминающие построения Дж. Мэтью о происхождении австралийцев от смешения двух различных рас (см.: Введение). Но во всем этом есть и реальное историческое зерно. Оно заключается в том, что некоторые этнические группы австралийцев, в том числе и нарриньери, могли образоваться от смешения двух или более этнических компонентов (не обязательно представителей различных рас) и что, расселяясь на

юг по течению Дарлинга и Муррея, одна из таких групп нашла область нижнего Муррея уже заселенной, а данные археологии говорят о том, что область эта была заселена с конца плейстоцена. Видимо, встречи двух этносов не всегда кончались уничтожением или изгнанием одного из них, а иногда и их смешением.

Предания о предшественниках, населявших места, где позднее поселились предки нынешнего населения, в Австралии, как и в других частях света, вообще широко распространены. И, подобно многим другим народам, австралийцы иногда рассказывают о том, что этими существами были карлики, пигмеи. Такие легенды можно услышать, например, в Кимберли и Арнхемленде. В Кимберли — это гиро-гиро, а в Западном Арнхемленде — мими, которым приписываются наскальные рисунки, выполненные тонкими штрихами. Но мими в то же время и духи, живущие в скалах и зарослях. В Восточном Арнхемленде это — бурджинджин, существа менее метра ростом, но очень сильные, все еще скрывающиеся в горах к югу от р. Ропер и далее востоку вплоть до Квинсленда. Едва ли следует придавать этим легендам серьезное значение и строить на них какиелибо теории, связывая, например, загадочных карликов с пигмеями Новой Гвинеи, как это делает Д. Локвуд [451, 39]. В то время когда Новая Гвинея составляла с Австралией одно целое, т. е. в плейстоцене, пигмеи там, видимо, еще не сформировались. С тем же успехом можно предположить, что легенды распространились из Квинсленда и отражают какие-то представления о тамошних «тасманоидах», но и для такого предположения мало оснований. Едва ли вообще следует искать под легендами этого рода какую-то реальную основу. Правильнее видеть в них попытку современных австралийцев (а равно полинезийцев и других объяснить происхождение загадочных для них произведений монументального искусства, архитектурных сооружений и т. д., подлинные творцы которых уже забыты.

На земле этнической группы вардаман, к югу от п-ова Арнхемленд, находится святилище, связанное с магией дождя. Здесь изображены братья-молнии, мифические существа, вооруженные каменным топором, способным одним ударом расколоть дерево. Топор этот так прочен потому, что рукоять, петлей охватывающая его, укреплена в опоясывающем топор желобке [131, 166]. В Арнхемленде топоры с желобками были только в среднем, может быть, раннем периодах (ср. археологические находки в Оэнпелли) — позднее их здесь уже не было, — но легенда донесла сведения об этом древнем элементе местной культуры. Как видим, легенды австралийцев способны иногда сохранять и передавать из поколения в поколение сведения об их древней культуре.

И это уже не первый, известный нам пример такого рода; выше мы говорили о легендах унгариньин, сохранивших сведения о пользовании в древности бумерангами как охот-

ничьим оружием.

По мнению У. Арндта, географически ограниченное распространение «темы топора» в легендах аборигенов Центрального Арнхемленда, Оэнпелли, Деламира объясняется сравнительно поздним возникновением или диффузией этой темы [131, 175—176]. Но не связано ли это в действительности с продолжительной локализацией топора в указанных районах? Археологические открытия в Оэнпелли позволяют высказать именно такое предположение.

Большой интерес представляют мифы и легенды, освещающие положение в прошлом австралийской женщины, ее место и роль в развитии австралийской культуры. Известно, что в настоящее время положение женщин в обществе аборигенов Австралии нельзя признать вполне равноправным, преобладающее место в общественно-экономической и религиозной жизни принадлежит мужчинам. Однако мифы и легенды австралийцев заставляют думать, что так было не всегда. И здесь, как и в других случаях, необходима строгая критическая проверка, нельзя любое устное предание принимать на веру. Но сообщений такого рода слишком много для того, чтобы с ними не считаться.

Преобладающее положение мужчин в религиозной сфере еще не означает, что женщины исключены из нее. Они принимают участие во многих обрядах, руководимых мужчинами, и даже имеют свои собственные обряды и свою религиозную «секретную жизнь». А на о-ве Мелвилл и в настоящее время не существует запретных для женщин мужских обрядов, женщины участвуют в обрядах наравне с мужчинами [145, 238— 282; 625, 319—327; 636, 207—265]. Кроме того, во многих областях Австралии можно услышать, что в прежние времена женщины были руководительницами и участницами самых священных обрядов, к участию в которых они теперь не допускаются, и хранительницами самых священных эмблем, которые позднее были похищены у них мужчинами. Мифы аранда рассказывают о том, что в прошлом женщины и мужчины были равноправны и что женщины обладали чурингами и другими священными предметами [696, 195—196]. В этих мифах женщины выступают часто более могущественными, чем мужчины [707, 94]. В Большой пустыне Виктория существует миф о том, как женщина-эму научила мужчин производить обрезание каменным ножом вместо горящей головни, которой они пользовались раньше. Мифы Западной Австралии рассказывают о том, что в прошлом женщины обладали правом совершать все священные обряды, правом, которое позднее было отобрано у них мужчинами. Такие же мифы

существуют и в Арнхемленде. Они рассказывают о том, как мужчины отобрали у женщин их священные эмблемы, песни, обряды [153, 214—216]. Можно интерпретировать такие мифы как своего рода аллегории, как попытку объяснить нынешнее неравноправное положение женщин. Но они могут быть и отражением реального исторического процесса постепенной утраты женщинами их прежних прав и прерогатив в социаль-

ной и религиозной сферах. На севере Австралии широко распространены религиозные культы, в центре которых стоят мифологические женские образы. Такова, например, Гунабиби. Путь Гунабиби, Великой Матери, Старой Женщины, героини одного из самых распространенных мифологических циклов Арнхемленда, стоящей в центре особого, посвященного ей культа, мифической прародительницы людей и учредительницы священных обрядов, языка, культуры, источника самой жизни, шел от р. Ропер на северо-запад, к Йиркалла и Милингимби, затем на запад, к Оэнпелли и рекам Ливерпул и Катерин, а оттуда снова на северо-запад, к р. Дейли, и на юг, к Теннантс-Крик, через земли тридцати пяти различных этнических групп. Переходя с одного места на другое, она нередко имя, а ее миф обогащается новыми подробностями, но в основе своей это все тот же миф [149; 153, 201]. Из этого видно, что миф о Гунабиби и связанный с нею культ, достигший на западе пределов Кимберли, а на юге — земли центральноавстралийской этнической группы варраманга, происходит откуда-то с восточного побережья Арнхемленда, с зал. Карпентария, откуда в древности двигался один из потоков, заселивших Северную и Центральную Австралию, а позднее распространялись и некоторые культурные явления чужеземного или же собственно австралийского происхождения. А в едином цикле обрядов плодородия образ Гунабиби тесно, неразрывно связан с древним образом змеи-радуги, и это может указывать на его архаичность.

То же можно сказать и о некоторых других культах и связанных с ними мифах. Так, сестры Вавалаг, подобно Гунабиби, впервые появились в Арнхемленде где-то в окрестностях р. Ропер. Они принесли с собой каменные наконечники и копье с каменным наконечником, которое было их собственностью. В мифологическом цикле Джанггавул говорится о том, как герои мифа, две сестры и их брат, вышли из моря где-то на северо-востоке Арнхемленда. Некоторое время они пребывали на о-ве Бралгу в зал. Карпентария, где теперь находится обитель душ аборигенов материка, а затем в лодке из коры перебрались на материк. Аборигены Северо-Восточного Арнхемленда считают сестер Джанггавул своими прародительницами, которые не только дали им жизнь, но и снабдили их животными и растениями, орудиями и оружием,

научили их обрядам. «Вначале у нас не было ничего, — говорят мужчины, — все было у женщин». Но потом мужчины похитили все, что некогда принадлежало женщинам. Однако женщины и поныне принимают участие в некоторых важных обрядах [150, 230—241; 151; 153, 211—214; 446, 335, 343—348;

776, 251].

Эти и подобные культы Северной Австралии, вероятно, распространились с востока или с северо-востока Арихемленда. Невольно возникает мысль о каком-то влиянии Индонезии, Меланезии или Новой Гвинеи, до конца еще не выясненном, лежавшем в основе этого процесса. Но это предположение снимается географическим распространением аналогичных культов, не ограниченным лишь Северной Австралией и свидетельствующим о том, что это, возможно, одно из древнейших достояний австралийской культуры. Так, у некоторых этнических групп Центральной Австралии, Западной пустыни, Кимберли, Юго-Восточной Австралии в обрядах, мифах и наскальном искусстве сохранились отголоски культов, в которых важную роль играли женские мифологические образы. Например, на северо-востоке Нового Южного Уэльса, в долине р. Кларенс, где, как показывает археология, длительное время сохранялась весьма архаичная культура, зафиксирован связанный с культом плодородия миф о прародительнице Диррангун, напоминающей Гунабиби [634, 6, 79—88]. А в другой, еще более изолированной области — в пустынях Центральной Австралии, к востоку от оз. Маккай, на земле этнической группы валбири находится связанное с женским культом древнее святилище и неподалеку от него группа скал, которую валбири считают местом, где женщины-прародительницы собирались во «времена сновидений» [724, 146]. Такое же святилище, все еще глубоко почитаемое, существует и юго-западнее оз. Маккай, на территории этнической группы пинтуби. И здесь с фантастическим нагромождением скал связан миф о Праматери и обнаружены следы древнего ее культа [452, 66].

Основываясь на лингвистическом анализе, Э. Вормс даже утверждал, что религиозно-обрядовый и мифологический комплекс Гунабиби-Гурангара возник в пустынях Центральной Австралии и отсюда распространился в Кимберли и Арихемленд [803, 557—560]. М. Меджит указывает на поразительные совпадения в обрядах Юго-Восточной Австралии, с одной стороны, и Северной Территории и Кимберли— с другой, совпадения, которые не могут быть случайными и свидетельствуют о глубокой древности этих обрядов. На этом основании М. Меджит полагает, что рассматриваемые им религиозно-обрядовые комплексы, в том числе и Гунабиби, являются локальными вариантами единого древнего комплекса, лежавшего в их основе [546, 22—37]. А широчайшее распростране-

ние мифов, говорящих о высоком положении женщин в далеком прошлом, можно рассматривать как указание на возможность того, что в основе их находятся реальные факты.

Среди наскальных рисунков Западного Арнхемленда, которые приписываются мими, имеется изображение бегущих женщин; у первой из них в руках бумеранг и колье (быть может, лук и стрела?) — оружие, которое теперь в руках женщины уже не увидишь [565, 8]. Не указывает ли и этот рисунок на такие явления в жизни австралийского общества, которые позднее исчезли?

На Северной Территории известна пещера, где совершались обряды, в которых активную роль играли женщины, и самые старые рисунки в этой пещере связаны с женскими культами [468, 256—274]. К сожалению, абсолютный возраст рисунков, который осветил бы древность самих жультов, не установлен. Однако мифы Восточного Арнхемленда о приходе женщин-прародительниц из-за моря, аналогичные мифы Западного Арихемленда о Старой Матери, пришедшей с островов, расположенных где-то на севере, может быть, отражают древние миграции. А связанные с культом плодородия мифы о прародительницах, создательницах мира, праматерях, возможно, были наряду с мифами о великих культурных героях-демиургах одним из древнейших явлений австралийской культуры.

Вот почему и широко распространенное в Австралии представление о том, что в мифические времена женщины были могущественны и обладали познаниями, правами, орудиями труда, предметами культа, которых они теперь лишены, что они были хранительницами священных обрядов, возможно, указывает на то, что их общественное положение в прошлом

отличалось от того, каким оно стало впоследствии.

Если общественное положение женщин и в самом деле изменилось, это, конечно, требует объяснения, но объяснения хорошо обоснованного, с привлечением этнографических, фольклорных, лингвистических, историко-археологических материалов; это — тема для самостоятельного исследования. Мы попытались лишь поставить эту проблему, обнаружив в ходе нашего исследования, что мифы и легенды австралийцев говорят о возможности в прошлом иных общественных отношений, нежели те, какими они стали к моменту европейской колонизации, может быть, — задолго до нее.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ С НОВОЙ ГВИНЕЕЙ И ИНДОНЕЗИЕЙ

В ходе нашего исследования мы уже не раз обращались, в частности при анализе археологических материалов, к проблеме взаимоотношений и связей культур аборигенов

Австралии и их ближайших соседей — народов Новой Гвиней и Индонезии. Рассмотрим некоторые аспекты этой проблемы

и в связи с данными этнографии.

Ф. Маккарти, основываясь на собственных исследованиях и на работах других авторов, попытался выявить те элементы материальной культуры, которые в разное время проникли в Австралию из Новой Гвинеи и Индонезии [499, 241— 269, 294—320; 511, 243—261]. К элементам культуры, проникшим из Индонезии, Маккарти относит, в частности, лодкудолбленку с парусом из пандануса. К числу заимствований из Новой Гвинеи — остроги для рыбной ловли, снабженные несколькими зубцами, гарпун, составные копья, лук и стрелы (на п-ове Кейп-Йорк), ножи из зубов акулы, рыболовные крючки, сосуды для воды из тыквы или кокосового ореха, материю из луба, лодку-долбленку с одним или двумя аутригерами, гуделки с орнаментом в виде концентрических ромбов, добывание огня высверливанием, охоту с поджиганием травы и кустарника, круглую скульптуру, распространенную в Арихемленде, способ погребения на платформе и многое другое. Из Австралии, по его мнению, распространилась копьеметалка. Заимствования из Новой Гвинеи в материальной культуре Квинсленда пытался обнаружить и Ф. Гребнер [337, 15-24].

Элементы новогвинейской культуры проникали не только на п-ов Кейп-Йорк через острова Торресова пролива, но и в Арнхемленд через о-ва Ару, Кай и Танимбар, население которых родственно папуасам Новой Гвинеи и располагало лодками, хорошо приспособленными для морских путешест-

вий.

Свидетельством влияния Новой Гвинеи на культуру Арнхемленда, возможно, являются копья с разнообразными раскрашенными деревянными наконечниками и пояса из коры, напоминающие папуасские, но с рисунком, характерным для Арнхемленда. О том же влиянии говорит распространенный на северо-востоке Арнхемленда обычай сохранять черепа сородичей, украшая их условными рисунками, показывающими их принадлежность к тому или иному тотемическому роду. На крайнем севере Арнхемленда (Порт-Эссингтон) найдена носовая флейта новогвинейского типа [771, 752]. П. Вирц обнаружил сходство между австралийскими чурингами и «камнями душ», которые, по его словам, встречаются в Центральной Новой Гвинее. Подобно чурингам, «камни душ» мистически связаны с каким-либо человеком на протяжении всей его жизни и являются неисчерпаемым источником его силы [791, 64-66, табл. 1]. Очень близок и по существу, и по внешним формам культ гуделок. На Новой Гвинее, как и в Австралии, они считаются вместилищами опасной магической силы, окружены почитанием, хранятся в особых священных хранилищах, и непосвященные не должны видеть их.

Все это, казалось бы, еще раз говорит о том, что Австралия не была полностью отрезана от внешнего мира и многие элементы ее культуры имеют чужеземное происхождение. Однако в длинном списке явлений культуры, которые были, по мнению Маккарти, заимствованы австралийцами у их соседей, кое-что явно не выдерживает строгой научной критики. Некоторые явления имеют очень древнее происхождение и были восприняты одинаково аборигенами Австралии и Новой Гвинен у их протоавстралоидных предков. К числу таких явлений можно отнести копьеметалку, составные копья, орнамент в виде концентрических четырехугольников. Такое заключение не голословно --- мы уже попытались обосновать его в предыдущих главах. К числу древнейших явлений, связывающих культуру аборигенов Австралии и Новой Гвинеи, следует, вероятно, отнести также австралийские чуринги и новогвинейские «камни душ».

То же можно сказать об австралийских и новогвинейских гуделках. Гуделки, широко распространенные в Австралии, бесспорно принадлежат к общим особенностям древней австрало-новогвинейской культурной области [121, 39-48]. Но здесь можно обнаружить и более поздние влияния. Интересным примером, указывающим на влияние искусства Новой Гвинеи, возможно, является гуделка с о-ва Гроте-Эйландт из коллекций Музея антропологии и этнографии в Ленинграде с изображенной на ней человеческой личиной (колл. № 6254—3) [40, 166—171, табл. 2, рис. 1]. Если отвлечься от особенностей орнамента этой гуделки, характерного Восточного Арнхемленда и о-ва Гроте Эйландт, то сходство антропоморфных изображений на ней и на ритуальных предметах из Новой Гвинен представляется очевидным. Особенно обилен сравнительный материал из южных прибрежных областей Новой Гвинеи, обращенных к Австралии. Стилизованное лицо, сходное с изображенным на нашей гуделке, — обычная принадлежность многочисленных предметов зал. Папуа, где оно встречается на гуделках, обрядовых щитах, которые хранятся в мужских домах, а также на оружии, украшениях для лодок, музыкальных инструментах и на многочисленных предметах мужского обихода. Мотив этот пронизывает все декоративное искусство зал. Папуа. На предметах культа он является апотропеем, предназначенным устрашать женщин, детей и всех не посвященных в тайную религиозную жизнь взрослых мужчин. Это соответствует и функциям австралийских гуделок.

Добывание огня высверливанием и охота с поджиганием травы и кустарника, заимствованные, по мнению Маккарти, из Новой Гвинеи, несомненно относятся к таким элементарным и широко распространенным явлениям культуры, которые также были свойственны далеким предкам папуасов, австралийцев и многих других народов. Но среди перечисляемых Маккарти явлений есть и бесспорно заимствованные австралийцами у соседних народов. Это — лодки-долблен-

ки, гарпун, материя из луба.

В то время как посещения берегов Арнхемленда аборигенами Новой Гвинеи и расположенных между нею и Австралией островов были случайными и нерегулярными, посещения Арнхемленда индонезийцами издавна приобрели постоянный, систематический характер. В свою очередь многие австралийцы побывали на Сулавеси, а затем вернулись на родину. Для XIX в. такие факты хорошо известны. По мнению некоторых исследователей, плавания индонезийцев к берегам Австралии начались не позднее XV в. Выше, в другой связи, мы говорили о найденном в Арнхемленде китайском фарфоре XV—XVI вв. и о керамике, относящейся к еще более раннему времени. В 1879 г. в Дарвине была китайская статуэтка из мыльного камня, относящаяся, по мнению специалистов, к IX—XV вв. Сами австралийцы рассказывают, что первые чужеземцы, которых они баджини (bajini), приплыли к ним с островов, лежащих на западе, где-то за Арафурским и Тиморским морями, и было это в далекие, почти мифические времена. В песнях Восточного Арихемленда все еще поется о кораблях чужеземцев, о их золотисто-коричневой коже, о женщинах, которых они привозили с собой, об их одежде, о каменных жилищах, которые они возводили на берегу, об их маленьких садиках. Аборигены отличают их от макассаров, жителей Сулавеси, которые пришли позднее. Макассары строили не каменные дома, а деревянные на сваях, женщин они с собой не привозили, цвет кожи их отличался от цвета кожи баджини. Некоторые авторы считают, что баджини — это баджау, так называемые морские кочевники, странствующие рыболовы, рассеянные небольшими группами по всей Индонезии. Безмолвными свидетелями этих ранних плаваний к берегам Австралии являются старые могилы, тамариндовые деревья и многочисленные обломки глиняной посуды.

Макассары регулярно приплывали к берегам Австралии в своих прау, пользуясь северо-западным муссоном, в течение нескольких месяцев промышляли трепанг и перламутровые раковины, а затем с юго-восточным ветром возвращались на родину, иногда оставляя небольшие группы людей до следующего года. Они использовали аборигенов как рабочую силу, вступали с ними в обменные отношения. Индонезийцы снабжали аборигенов глиняной посудой, железными орудиями, одеждой, долблеными лодками и парусами. В отличие от глиняной посуды, которую аборигены Арнхем-

ленда так и не научились изготовлять сами, их долбленые лодки «липпа-липпа» делаются теперь ими самими по образцу индонезийских лодок «лепа-лепа». Индонезийское влияние прослеживается и в языке аборигенов Арнхемленда, в их изобразительном искусстве, даже в музыке [152; 153, 20—22; 586, 449—457].

Вопрос о том, насколько глубоким было воздействие таких влияний извне на развитие австралийской культуры, все еще остается открытым. По мнению Л. Уорнера. Д. С. Дэвидсона и Х. Хейрена, влияние индонезийцев на культуру аборигенов Австралии было крайне незначительным и ограничивалось только этническими группами побережья [775, 476—495; 249, 61—80; 368, 149—159]. Однако общение аборигенов Арихемленда и п-ова Кейп-Йорк с навещавшими их на протяжении многих столетий индонезийцами, папуасами и жителями островов Торресова пролива не могло не оказать и оказало несомненное воздействие на их культурное развитие. Научившись пользоваться гарпуном, изготовлять деревянные лодки, которые значительно лучше прежних лодок из коры, австралийцы приобрели неоценимый для жителей морского побережья хозяйственный опыт. Благодаря этим нововведениям они получили возможность успешно охотиться на дюгоней и черепах и ловить рыбу далеко от берега, и это оказало влияние на всю их экономику и из охотников на наземных животных сделало их по преимуществу охотниками на морских животных и рыболовами [638, 524—531].

Задолго до европейской колонизации начали попадать на север Австралии и завезенные индонезийцами металлические орудия — ножи, топоры, рыболовные крючки, — сделавшие труд австралийцев значительно более производительным. Железные орудия (в том числе наконечники) стали предметом межгруппового обмена, в который были втянуты многие этнические группы Северной Австралии, что оказало воздействие и на экономику аборигенов, обитавших вдали от морского побережья [721, 58, 71—72, 82—94; 41,

98—104].

Но всего этого было, конечно, недостаточно, чтобы коренным образом изменить образ жизни австралийцев и оказать значительное влияние на развитие культуры аборигенов Внутренней Австралии, а особенно наиболее удаленных от общения с внешним миром южных, юго-западных и юго-восточных областей континента.

Если не всегда бесспорны предполагаемые заимствования в области материальной культуры, то влияния в области духовной культуры или социальных институтов еще более проблематичны. Выше уже говорилось о том, что попытки связать, например, распространение на севере Австралии культов героинь-прародительниц с Новой Гвинеей и Индоне-

зией (такую связь постулировали А. Элькин и Р. Берндт) нельзя признать окончательными и вполне возможно иное решение проблемы. Столь же спорны и другие аналогичные попытки [552, 211—226; 720, 453—538]. Доказать заимствования в области духовной культуры (например, тотемических верований и обрядов или культа героев-демиургов) гораздо труднее, чем сделать то же самое в отношении некоторых конкретных и специфических явлений материальной культуры, тем более что нередко сходные явления в культуре разных народов объясняются близостью уровней культурного развития.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РАЗВИТИИ АВСТРАЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Заканчивая наш анализ этнографических материалов, подведем некоторые итоги.

В XIX в. в Австралии, по приблизительным данным, насчитывалось более 700 отдельных этнических общностей, или, как их обычно называют, племен [732, 140—231]. Последние, в свою очередь, состояли из общин, или локальных групп.

Читатель, вероятно, заметил, что автор настоящей работы предпочитает вместо термина «племя» употреблять термины «этническая группа», «этническая общность». В применении к австралийскому материалу понятие «этническая группа» (или, что то же самое, «этническая общность»), по его мнению, наилучшим образом выражает то, что обычно называют «племенем», т. е. объединение общин, отличающееся от других этнических общностей, или групп, территорией своего расселения, культурными особенностями, языком [ср.: 99, 94—109]. Территория расселения является основой социально-экономических связей входящих в этническую группу общин, или локальных групп. Представители одной этнической общности обладают племенным самосознанием, выражающимся в самоназвании. В отличие от народов, в социально-экономическом отношении более развитых, австралийцы еще не создали внутри этнических групп племенную политическую организацию в виде племенных советов и вожлей

Образование австралийских этнических общностей происходило на протяжении сотен и тысяч лет в самом процессе заселения континента. Отделяясь от более крупных этнических образований, уходя все дальше и дальше, отдельные этнические группы, как правило, сохраняли жультурные и экономические связи с группами, частью которых они были в прошлом. Отражением расселения австралийцев являются пути экономического и культурного обмена, издавна покрывшие густой сетью всю Австралию [497, т. 9, 405—438;

т. 10, 80—104, 171—195], а в сфере мифологии — тропы культурных героев и тотемических предков, демиургов и прародительниц.

Расселение аборигенов Австралии по континенту на протяжении всей их истории свидетельствует о том, что, несмотря на огромную привязанность к своей земле, к территории расселения группы (о чем пишут многие исследователи и просто люди, хорошо знающие жизнь аборигенов), привязанность, усиленную религиозно-тотемической связью с землей предков, были и другие, еще более мощные факторы, заставлявшие аборигенов покидать свою землю. Интенсивные экономические и культурные связи между далеко расселившимися этническими группами отражают привязанность аборигенов к древней земле предков, покинутую много поколений тому назад.

Помимо этнических общностей в Австралии складывались крупные историко-этнографические области и намеча-

лись различные хозяйственно-культурные типы.

О том, что мы понимаем под историко-этнографической областью, говорилось в археологической части работы. Напомним, что речь идет о территории, на которой вследствие общего происхождения или длительного взаимного общения обитающих здесь народов и этнических групп складывается и определенная культурная общность. Под хозяйственно-культурными типами советские этнографы понимают исторически сложившиеся комплексы взаимно связанных особенностей хозяйства и культуры, характерные для этнических общностей, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных естественногеографических условиях [54, 3—17; 55, 41—56].

Применение этих понятий к австралийскому археологоэтнографическому материалу способствует более глубокому пониманию этногенетических процессов в Австралии. Анализ археологических материалов показал, что к концу позднего периода здесь сложились следующие историко-этнографические области: восточная и центральная области, границей между которыми был Большой Водораздельный хребет, причем центральная область включала низовья Муррея и Центральную Австралию и простиралась до пустынь Западной Австралии; Арнхемленд, Кимберли и Западная Австралия. Внутри этих историко-этнографических областей мы можем выделить несколько менее обширных культурных провинций, обладающих известным культурным своеобразием. Обобщая данные археологии и этнографии, хорошо дополняющие друг друга, мы приходим к выводу, что такими провинциями были следующие территории. В восточной области — земли нынешнего штата Виктория, внутри которой можно еще выделить Гипсленд, отрезанный от остальной Виктории Австралийскими Альпами, северо-восточная часть Нового Южного Уэльса с долиной р. Кларенс и Квинсленд, внутри которого следует выделить как самостоятельные культурные провинции юго-западную и северо-восточную области штата (об этнографическом своеобразии последней, связанном с ее изоляцией и с культурными влияниями из Океании, мы уже говорили). В центральной области — нижнее течение Муррея (этническая группа нарриньери и др.), юго-восточная часть Южной Австралии (буандик и др.), область оз. Эйр, заселенная этническими группами диери, арабана, вонкангуру и другими, близкими культурно и, вероятно, общего происхождения, и часть Центральной Австралии. заселенная культурно родственными этническими группами аранда, ильпирра, илиаура, каитиш и др. В Арнхемленде — северо-восточная область полуострова, затронутая особенно интенсивным культурным воздействием со стороны Новой Гвинеи и Индонезии. В Западной Австралии-юго-западная часть этого штата и Западная пустыня — две наиболее изолированные области, в культуре которых сохранилось немало глубоко архаических черт. Самостоятельной культурной провинцией являются также о-ва Мелвилл и Батерст, где обитает этническая группа тиви, как мы знаем, тоже сохраняющая в своей культуре много архаических особенностей. То же самое относилось и к Тасмании, население которой в конце XIX в. было уничтожено английскими колонизаторами.

Как правило, границы культурных провинций не совпадают с границами расселения этнических общностей, первые значительно шире вторых, и это достаточно ясно показывает, что в Австралии такие понятия, как этнос и культура, за редкими исключениями, не идентичны. Объясняется это главным образом распространением элементов материальной культуры далеко за этнические границы вследствие интенсивного экономического и культурного обмена, в который была вовлечена значительная часть продуктов труда.

Распространение бумерангов, щитов, каменных топоров, ножей леилира, орнаментированных перламутровых раковин и многих других изделий на огромные расстояния, через земли многочисленных этнических групп, из одного или нескольких центров производства свидетельствует о сложении в Австралии развитого межгруппового разделения труда. Такое разделение труда возникает в тех случаях, первобытные общины заняты разнородными видами производственной деятельности. В основе этого явления лежит ряд причин. Во-первых, различие географических условий, в которых оказываются различные общины в процессе расселения, почему мы и можем назвать такое разделение географическим. Во-вторых, это традиционная производственная специализация общин, нередко, как

лии, закрепляемая религиозными санкциями, вследствие чего одни общины стремятся продолжать то, что издревле установлено предками, а другие общины из опасения нарушить табу отказываются производить те же изделия даже в тех случаях, когда необходимые для этого сырые материалы и производственные навыки имеются в их распоряжении. Мы уже отмечали это явление для объяснения того, почему изготовление тех или иных изделий (например, бумерангов, копьеметалок) отсутствует в отделившихся и изолированных этнических труппах. Наконец, вопреки религиозным санкциям новое все же пробивает себе дорогу, изобретаются новые изделия или совершенствуются старые; первоначально это составляет достояние лишь отдельных общин, но через обменные отношения новые явления проникают и в другие общины.

Помимо историко-этнографических областей и культурных провинций, образование которых было неизбежным следствием расселения по территории огромного континента, отделения и взаимоизоляции этнических общностей и целых территорий, населенных различными группами, а в ряде случаев и следствием воздействия чужеземных культур, в Австралии имело место и формирование отдельных хозяйственнокультурных типов. Процесс этот был вызван главным образом различиями в природно-географических условиях, а также более быстрым экономическим и культурным развитием общин, оказавшихся в наиболее благоприятных условиях. Показательным примером могут служить группы морских охотников и рыболовов на побережье Арнхемленда, хозяйственная специализация которых объясняется не только тем, что они населяют морское побережье, но и наличием в их распоряжении деревянных долбленых лодок с парусом и гарпуна, заимствованных ими у индонезийцев. Тот же тип морских охотников и рыболовов сложился и на побережье п-ова Кейп-Йорк. И здесь это произошло благодаря наличию в распоряжении местного населения заимствованных из Новой Гвинеи лодок с одним или двумя аутригерами. Своеобразный хозяйственно-культурный тип рыболовов и собирателей моллюсков издавна сложился на морском побережье и в низовьях больших рек Восточной, Южной и Северо-Западной Австралии, например население, на протяжении нескольких тысячелетий обитавшее в низовьях Муррея. Этот хозяйственно-культурный тип следует отличать от предыдущего типа морских рыболовов и охотников, прежде всего, тем, что он был основан на более примитивных орудиях труда, гарпуна у них не было, а вместо долбленок в их распоряжении имелись, да и то не везде, лишь лодки из коры и плоты. Поэтому этот хозяйственно-культурный тип исторически предшествовал типу морских рыболовов и охотников.

22 в. Р. Кабо 337

Можно полагать, что на севере Австралии на протяжении нескольких последних столетий произошла смена хозяйственно-культурных типов. Кроме того, в хозяйстве примитивных рыболовов охота на наземных животных и собирательство растений сохраняли гораздо большее значение, чем в хозяйстве позднейших морских рыболовов и охотников. Хозяйственная деятельность последних имела более специализированный характер. Для некоторых представителей того и другого типов была характерна относительная оседлость.

Среди населения Внутренней Австралии вследствие различия природных условий сложились еще два особых хозяйственно-культурных типа — тип охотников и собирателей тропических и субтропических лесов Севера и тип охотников и собирателей степей, пустынь и полупустынь Центральной и Западной Австралии. Последний тип, свидетельствующий о поразительном хозяйственно-культурном приспособлении к труднейшим условиям жизни в специфической природной среде, сложился на протяжении нескольких последних тысячелетий как последствие термического максимума.

Для этого хозяйственно-культурного типа характерны кочевой образ жизни, очень большие размеры охотничье-собирательских территорий при сравнительно небольших размерах локальных групп, широкое применение невозвращающихся бумерангов как охотничьего оружия, многообразное употребление копьеметалок и бумерангов как универсальных орудий, причем копьеметалки снабжаются также и каменными инструментами, обувь из лыка или других материалов для сохранения ног, ветровой заслон как главный тип жилища.

В отличие от жителей степей, пустынь и полупустынь для охотников и собирателей тропических и субтропических лесов характерны менее подвижный образ жизни, который можно назвать полукочевым, сравнительно меньшие размеры охотничье-собирательских территорий при сравнительно больших размерах локальных групп, более совершенные типы жилищ (например, шалаш из коры на деревянных опорах), копья с каменными наконечниками, ограниченное применение бумеранга.

Как мы видим, в Австралии один и тот же хозяйственнокультурный тип, как это часто и бывает, представлен в различных историко-этнографических областях, а историко-этнографические области складываются чаще всего на основе нескольких хозяйственно-культурных типов. Причем как историко-этнографические области, так и хозяйственно-культурные типы, как правило, не совпадают с границами расселения отдельных этнических общностей и включают в свой состав многочисленные этнические группы, говорящие на различных языках. Итак, на протяжении многих тысячелетий, последовавших за первым появлением на материке Сахул небольшой группы или, скорее, нескольких небольших групп палеоавстралийцев, в процессе расселения и культурной дифференциации, как следствия географических различий и активного приспособления человеческих коллективов к меняющейся природной среде, традиционной специализации общин, совершенствования и изобретения новых элементов культуры, на основе первоначально единой культуры (или нескольких родственных культур) образовались многообразные локальные и областные культурные различия [например: 354, 1—15].

Существуют различные попытки наметить на территории Австралии ареалы, обладающие культурным своеобразием. Ф. Маккарти, например, выделяет одиннадцать таких ареалов, причем и в этом случае, как это было с культурными провинциями, выделенными нами, его культурные ареалы очень редко совпадают с границами этнических общностей и языков [499, 241—269, 294—320]. Число таких ареалов может быть большим или меньшим, но важно подчеркнуть, что единая основа (как основа ткани, на которой создается узор) хорощо прослеживается под любыми локальными культурными вариантами, образовавшимися на ней. Высказанное еще в прошлом веке мнение таких знатоков австралийской культуры, как Э. Эйр и Э. Кёрр, о том, что культура аборигенов Австралии в основе своей однородна и едина, а локальные различия в ней сложились в результате расселения (см.: Введение), в целом следует признать правильным. Однако единство и однородность культуры палеоавстралийцев объясняются не тем, что они расселялись на материке Австралии из какого-то одного центра, как думали Эйр и Кёрр, считавшие, что расселение австралийцев началось гдето на северо-западе Австралии, а тем, что первоначально это были небольшие культурно-родственные группы, расселение которых началось еще на материке Сахул; на Австралии они вступили в различных местах ее северного побережья.

Эйр отмечал, в частности, что различия между этническими группами относятся в значительно большей мере к языкам, обычаям и обрядам, чем к физическому типу австралийцев и материальной культуре [283, т. 2, 152]. Значительные различия в духовной культуре между этническими группами и внутри них отмечал и Т. Стрелов [707, 1]. Но есть и другая, противоположная тенденция, которая стремится как бы устранить разобщенность, культурное своеобразие локальных и этнических групп. Это — общественное разделение труда, межгрупповой обмен продуктами творческой деятельности в области как материальной, так и духовной культуры. Так, по наблюдениям Д. Томсона, тенденция к

расчленению на небольшие, обособленные, нередко враждующие между собой группы смягчается и устраняется системой интенсивного обрядового обмена [721, 13—14].

Таким образом, австралийская культура — это, если позволено употребить музыкальный термин, тема с вариациями. И варианты эти не имеют ничего общего с культурными «слоями» или «кругами», постулируемыми Ф. Гребнером и В. Шмидтом.

Само размещение культурных комплексов говорит много о прошлом аборигенов Австралии. Поразительно большое количество аналогичных явлений, которые нам удалось выявить, сравнивая культуры Восточной и Западной Австралии, позволяют выяснить, каким был культурный облик раннеавстралийского населения, какие элементы австралийской культуры можно считать наиболее древними, как расселялись

австралийцы по материку.

К древнейшим элементам австралийской культуры, по нашему мнению, относятся бумеранг (прежде всего, возвращающийся, а также бумеранг, занимающий промежуточное положение между возвращающимся и невозвращающимся типами), метательная палка, копьеметалка, цельные копья простые, с острыми осколками камня и с вырезанными на конце зубцами, один или несколько типов легких составных копий, возможно — копья с каменными наконечниками, отражательный щит. В качестве средства передвижения по воде применялись простые бревна и плоты, обычные и треугольные, а возможно также простые лодки из одного куска коры. К таким древним элементам относятся наскальные гравюры, выполненные в том стиле и той техникой, какие характерны одинаково для Восточной и Западной Австралии, и некоторые другие типы петроглифов (подробнее об этом говорилось выше); мотив лабиринта в его различных формах (в том числе в виде меандра), а также, возможно, спираль и концентрическая окружность; культы героев-демиургов и женщинпрародительниц, а также культ змея (или змеи)-радуги; продуцирующие обряды и обряды инициации с применением священных гуделок; к древним элементам австралийской культуры могут быть отнесены также инкульта, чуринги и обычай делать выкладки из камней, керны и сооружения из вертикальных каменных блоков.

Эти древнейшие элементы австралийской культуры, выявленные нами на основе изучения этнографических явлений и географического их размещения, дополняют собой тот комплекс явлений культуры, который был выявлен анализом древнейших австралийских археологических культур. Этот комплекс состоит из чопперов и орудий типа «лошадиное копыто», орудий типа карта и клектонских и леваллуазских отщепов, чоппингов, проторубил и ручных рубил шелльского

и ашельского типов, отщепов и пластин невазийского типа, т. е. из орудий, несущих на себе печать древнейших, палеолитических традиций, а также из орудий, представляющих более поздние, мезолитические традиции, — суматралитов, монофасов типа арапиа и других типов орудий, характерных для хоабиньской и типологически близких культур.

В таких чертах вырисовывается перед нами культура древнейшего населения Австралии. Комплексное изучение данных археологии и этнографии позволило нам проследить постепенное развитие австралийской культуры в целом и выяснить, в какой последовательности, в каких областях Австралии и под влиянием каких факторов возникали те или иные новые явления в ее историческом движении вперед.

Выше, в разных главах нашей работы, мы привели немало примеров культурных аналогий между Восточной и Западной Австралией, свидетельствующих о том, что в заселении обеих частей континента приняли участие культурно близкие этнические группы и что это могло произойти лишь в эпоху первоначального заселения Австралии. К сказанному можно добавить еще и другие факты, например наличие в Восточной и Западной Австралии мифов, главные действующие лица которых выступают в образе двух птиц, соперничающих между собой. В Восточной Австралии это чаще всего клинохвостый орел и ворон; но такие же мифы обнаружены в Западной и Южной Австралии, причем в первом случае это те же клинохвостый орел и ворон, а во втором — кроншнеп и сова [489, 150; 146, 456—462]. Такие «конфликтные», по терминологии Дж. Мэтью, мифы — это не отражение в аллегорической форме столкновения двух враждующих между собой рас, как предполагал Мэтью; такого столкновения, как мы теперь знаем, в Австралии до прихода европейцев не было. Скорее всего, они отражают фратриальную структуру палеоавстралийского общества, само происхождение которой не имеет ничего общего с борьбой и примирением двух рас, а коренится в социальных отношениях, свойственных раннеродовому общественному строю [37]. Можно указать, далее, на сходство в обрядах инициации Западной и Восточной Австралии и, в частности, на то, что на Западе в местах, где происходили обряды, деревья, как и на Востоке, покрывались символической резьбой [233, т. 1, 369].

Наконец, замечательно то, что термины, которыми аборигены Восточной и Южной Австралии называли отшлифованный топор, очень близки по звучанию к слову «кодья», широко распространенному на Западе; как мы помним, так назывался чрезвычайно примитивный тип топора, сохранившегося только здесь. В то же время в Центральной Австралии топор называется иначе. Приведем примеры. К востоку от оз. Эйр, на р. Уилсон, топор называется «кутья» (kootja),

на р. Буллу — «гудга» (gudga) или «кутча» (kootcha), на верхнем Флиндерсе и на р. Даттон в Западном Квинсленде — «кудья» (coodja) и «куга» (kooga), восточнее, на р. Кейп в Центральном Квинсленде, — «куча» (koocha), на п-ове Эйр в Южной Австралии — «кунди» (kundi), в бухте Стрики — «конде» (konde). В Новом Южном Уэльсе, однако, это совпадение не наблюдается. Зато в Западной Австралии кроме слова «кодья» и близких по звучанию слов, обозначающих топор, мы встречаем и слово «куга» (kooga), звучащее совершенно так же, как в Западном Квинсленде [233, т. 2, 35, 41, 43, 131, 461, 463, 467; т. 4, Словарь].

По-видимому, на востоке и юге Австралии, по мере того как распространялись отшлифованные топоры, термин переносился на них, но в древности здесь были распространены такие же примитивные, палеолитические топоры, которые сохранились позднее лишь в Западной Австралии, и они назы-

вались тем же словом.

Немало слов, звучащих одинаково, в языках Виктории, с одной стороны, и Западной Австралии — с другой (в противоположность языкам Центральной Австралии), а также сходных по звучанию слов в языках Западной и Южной Австралии, Квинсленда и даже Новой Гвинеи мы находим у Дж. Мэтью [488, 62, 72]. В связи с этим вспомним, что в Южной Австралии, подобно Восточной и Западной, сохранялось немало архаических явлений культуры.

Таким образом, хотя заселение Центральной Австралии относится к очень раннему времени, оно все же произошло после заселения Восточной и Западной Австралии, а Центральная Австралия была заселена группами, принесшими

с севера несколько иные культурные традиции.

Пути расселения австралийцев по континенту, выяснение которых также составляет одну из задач настоящей работы, в основных чертах уже были нами намечены. К сказанному можно добавить, что в процессе расселения аборигены тяготели преимущественно к долинам больших рек, озерам и морским побережьям. Здесь и сложились еще в глубокой древности наиболее крупные этнические образования и оформились более или менее четко очерченные этнические территории. Чем многочисленнее были такие группы, тем плотность населения была выше, а границы этнических территорий более определенными. Такие этнические образования издавна сложились в бассейне Муррея и Дарлинга и на побережьях Виктории и Нового Южного Уэльса. Об относительно густом населении по Дарлингу пишет один из первых исследователей этой части Австралии, Т. Митчел [556, 20—21]. На протяжении тысячелетий Дарлинг оставался одной из главных артерий, по которой происходило передвижение избыточного населения с севера на юг и заселение Южной Австралии. За

немногими исключениями (сюда относятся такие, например, большие этнические группы Юго-Восточной Австралии, как камиларои и вирадьюри) численность австралийских этнических групп, как правило, находилась в пределах от 150 до 600 человек. Входящие в их состав общины обычно насчиты-

вали от 15 до 50 человек [748, 365—375].

Бассейны больших рек Внутренней Австралии, таких, как Дарлинг и Муррей, издавна были важнейшими артериями коммуникаций; здесь от одной этнической группы к другой распространялись культурные достижения, материальные и духовные ценности, происходил обмен продуктами труда, опытом и идеями. Этнические группы, расселенные к востоку от Большого Водораздельного хребта, оказались в стороне от этого интенсивного культурного общения. По мнению Дж. Мэтью, этнические группы Центральной и Северной Австралии были во многих отношениях более развитыми, чем группы восточного побережья Квинсленда, отрезанные от первых горными барьерами [489, 123].

Крупные этнические общности Центральной Австралии (валбири, варраманга, аранда и некоторые другие) образовались, по-видимому, еще до превращения этой географической области в зону пустынь и полупустынь. Многочисленные группы аборигенов, обнаруженные здесь еще в 1861 г. одним из первых исследователей Центральной Австралии, Дж. Стюартом, свидетельствуют о давности заселения этой

части континента [545, 17—18].

Мнение о том, что Центральная Австралия была заселена до превращения ее в пустыню, высказывали еще Б. Спенсер и Ф. Гиллен [697, 18—19]. Этногонические предания, пути традиционного обмена, направленные с севера на юг в Центральную Австралию и по течению рек в бассейн оз. Эйр, восходят еще к тому времени, удаленному от нашего на несколько тысячелетий, когда в эти области, значительно более благоприятные в природно-климатическом отношении, чем теперь, с севера, северо-востока и северо-запада двигались волны переселенцев. Наиболее изолированные группы, все еще рассеянные в пустынях Центральной и Западной Австралии (такие, например, как биндибу, пинтуби, бидьяндьяра), являются реликтами этого раннего населения Центральной Австралии, а в их культуре еще сохраняются некоторые особенности древней культуры предков.

Территории расселения этнических групп в этой части Австралии были много обширнее, чем в более благоприятных частях континента, а плотность населения соответственно ниже. Так, по расчетам Меджита и Уорнера, на территории этнической группы валбири один человек приходился примерно на 35 кв. миль, а в Северо-Восточном Арнхемленде —

на 8—9 кв. миль [545, 32; 776, 16].

Архаичным был и культурный облик аборигенов, живших вдоль побережья Западной Австралии, куда, как мы знаем, такое важнейшее культурное приобретение, как отшлифованный топор, проникло очень поздно, а местами не проникло совсем и где примитивный топор кодья оставался главным орудием до XIX в. включительно. В культуре этих групп тоже сказалась их оторванность от интенсивного культурного общения, свойственного другим областям Австралии. По данным Кёрра, культурная и языковая близость, связывающая этнические группы, расселенные от устья р. Де-Грей до Олбани, была значительно большей, чем это можно было бы сказать о любой другой, столь же обширной области Австралии [233, т. 1, 287, 329, 337].

По-видимому, в первоначальном заселении этой части Австралии участвовала одна или несколько близких по языку и культуре групп, постепенно расселившихся на огромном протяжении западноавстралийского побережья, причем в их культуре сохранялось еще много особенностей древнейшего австралийского культурного пласта. Последнее особенно относится к Северо-Западной Австралии, где, как мы знаем, сохранилось много черт, сближающих культуру ее населения с культурой аборигенов Восточной и особенно Юго-Восточной Австралии. Все еще остается открытым вопрос о том, пришли ли группы, заселившие побережье Западной Австралии, с севера, из Кимберли, как думали Эйр и Кёрр, или, как полагал Мэтью, с востока, через центр или юг континента, что до наступления термического максимума было бы вполне возможно.

Немало архаических особенностей, восходящих к очерченному выше первоначальному, древнейшему культурному комплексу, сохранилось и в культуре этнических групп Южной и Юго-Восточной Австралии. Но, правильно отмечая сохранение древнейших культурных особенностей на периферии континента, Ф. Гребнер и В. Шмидт все же были неправы в главном, ибо, если они и различали в рассматриваемых ими культурных комплексах элементы, восходящие к более поздним историческим эпохам, в их представлении это были элементы, механически наслоившиеся друг на друга по мере проникновения сюда новых «культур», а не органически выросшие в процессе исторического развития на почве более ранних культурных традиций или распространившиеся как отдельные явления культуры, а не как целые культурные комплексы. Между тем Юго-Восточной Австралии с ее сравнительно многочисленным населением и издавна установившимися внутри-(и вне-) региональными экономическими и культурными связями самостоятельное культурное развитие и заимствование новых культурных достижений были в равной мере свойственны. Поэтому рассматривать ее чуть ли не как своего рода

этнографический заповедник— неправильно. Ошибочно и само понимание В. Шмидтом и другими представителями культурно-исторической школы [например: 350, 66—85] некоторых культурных явлений, свойственных этой части Австралии, прежде всего культа великих культурных героев-демиургов, как проявления первобытного монотеизма.

ЯЗЫК КАК КЛЮЧ К ПРОШЛОМУ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ

До недавнего времени в Австралии насчитывали до 500 различных языков, большинство их было изучено слабо или не изучено совсем. Новые исследования показали, что здесь широко распространено явление, которое лингвисты называют «диалектной цепью»: из языков А, Б, В, Г и Д — А и Б взаимопонятны и являются, следовательно, только диалектами одного языка; то же самое относится и к парам Б-В, В—ГиГ—Д. Однако ни АиВ, ни АиГ, ни АиД, ни БиГ, ни БиД, ни ВиД не взаимопонятны. Другими словами, цепь взаимопонимаемости движется шаг за шагом от языка А до языка Д, что делает их всех диалектами одного языка; однако несоприкасающиеся звенья цепи, если их сравнить друг с другом, не взаимопонятны и являются, следовательно, различными языками. Таким образом, количество австралийских языков значительно меньше, чем думают, и, по мнению С. Вурма, может быть сведено до ста пятидесяти [808, 130]. Практически все австралийские языки до некоторой степени взаимосвязаны. По существу, это — то же, что советские ученые называют «первобытной лингвистической непрерывностью» [14, 179—181].

Все австралийские языки, за небольшим исключением, однородны в фонетическом отношении. Большинство из них по морфологической структуре являются агглютинативными языками. В то же время на севере Австралии большую роль играют префиксы, а на остальной части континента — суффиксы. Одним из наиболее интересных и труднообъяснимых фактов является особое положение языка этнической группы ворора и других групп Северо-Западной Австралии. По грамматической структуре эти языки близки к языкам с «классовыми» префиксами, служащими для классификации существительных. Примером таких языков являются языки банту в Африке. Свойственное этим языкам объектное спряжение (при котором личные формы переходного глагола включают в себя обозначение не только субъекта, но и объекта действия) известно в языках палеоазиатских народов Сибири и индейцев Америки. Однако в некоторых языках Северо-Западной Австралии классификация существительных строится с помощью суффиксов, а К. Хейл нашел такие же языки и на

плоскогорье Баркли, к югу от зал. Карпентария. К этому можно добавить, что, по наблюдению С. А. Токарева, особое положение занимает и язык этнической группы курнаи (Виктория), в котором преобладает необычный для Австралии

аналитический строй [62, 92].

Как мы знаем (см.: Введение), Дж. Мэтью обнаружил в языках Восточной и Западной Австралии в отличие от языков Центральной Австралии немало одинаковых слов. Одни и те же слова встречаются на северо-западе и юго-востоке континента, на западном и восточном его побережьях, но отсутствуют в его центральных областях. Особенно часто в языках Восточной и Западной Австралии совпадают слова, обозначающие культурные понятия. Некоторые примеры мы приводили в этнографической части нашей работы, это, например, названия щитов, топоров. Э. Вормс отмечает совпадения в словах, обозначающих огонь и орудия для добывания огня в языках Северо-Западной и Юго-Восточной Австралии, а также Тасмании [801, 161]. Такие же совпадения в терминах, связанных с мифологией, приводят его к выводу об «интенсивных культурных и лингвистических связях между отдаленными частями континента, особенно между Юго-Восточной и Северо-Западной Австралией» [806, 762]. Все это подтверждает нашу концепцию заселения Австралии, согласно которой первоначально были заселены восточная и западная окраины континента и в заселении этих областей участвовали группы общего происхождения, а Центральная Австралия была заселена позже, однако и ее заселение произошло несколько тысяч лет тому назад, еще до ее превращения в пустыню.

О «замечательной близости фонетических систем всех австралийских языков» пишет наряду с другими исследователями и Н. Хольмер [376, 29 и далее]. Помимо этого, Хольмер отмечает ряд совпадений в грамматическом строе и лексике большинства австралийских языков. Среди отмеченных им явлений, указывающих, по его мнению, на первоначальное единство всех австралийских языков, такое, например, как употребление в большинстве языков носового звука η-(или ηа) в местоимении первого лица единственного числа. И подобных примеров очень много. Такие же совпадения в словарном составе связывают между собой языки самых отдаленных групп континента [376, 94—96].

В то время как языки Западной, Южной и Восточной Австралии близки друг к другу не только по структуре, но отчасти и по словарному составу, языки Северной Австралии очень разнообразны. Однако говорить на этом основании о смешанном происхождении населения Северной Австралии едва ли правильно. Это противоречило бы всему, что мы знаем о происхождении австралийцев на основании других ис-

точников. По-видимому, языки Западной, Южной и Восточной Австралии в значительно большей степени, чем языки Северной Австралии, сохраняют близость к палеоавстралийским языкам, и такой вывод находится в полном соответствии с выводом, к которому мы пришли на основе данных археологии и этнографии, о сохранении на западе, востоке и юге континента наиболее древних особенностей австралийской культуры, а также с выводом, основанным на данных антропологии, о сохранении здесь и наиболее древних особенностей австралийского антропологического типа. Как мы знаем, центральные области Северной Австралии заселены были позже этническими группами, которые отличались не только по культуре, но, вероятно, и по языку; к тому же Северная Австралия была подвержена некоторым влияниям извне.

С нашим взглядом на тасманийцев как на ответвление древнего населения Австралии согласуются данные о лексических параллелях между австралийскими и тасманийскими языками. «Связь здесь не подлежит сомнению, а отсюда становится более ощутимой и историческая общность австралийцев и тасманийцев» [62, 98].

Фонетическая, а в известной мере и морфологическая близость австралийских языков, широкое распространение одинаково звучащих терминов родства, местоимений и других слов — все это заставляет многих лингвистов говорить о генетическом единстве австралийских языков. И хотя серьезные исследования в данной области языкознания еще отсутствуют, предположение о том, что австралийские языки представляют единую семью языков, имеющую общее происхождение, высказывается все чаще.

До 30-х годов XX в. в области изучения австралийских языков наибольшее значение имело фундаментальное исследование В. Шмидта [653]. Шмидт выделил две главные группы австралийских языков — южную, охватывающую приблизительно две трети континента, и северную. В отличие от южной семьи языков, связанной общим происхождением, северная группа, согласно Шмидту, состоит из многочисленных, не связанных между собой языков. Шмидт отрицал существование генетической близости между северными и южными языками, и в этом позднейшие исследователи с ним решительно не согласны.

Уже А. Кребер критиковал построения Шмидта, показав многочисленные совпадения в словарном составе (включая местоимения) между северными и южными языками [429, 101—117]. Позднейшие исследования А. Капелла и других лингвистов подтвердили, что австралийские языки, несмотря на различия между ними, в основе своей едины. Вывод этих исследователей можно сформулировать следующим образом:

языки Австралии составляют единую семью языков, распадающуюся на многочисленные подгруппы, причем южная, распространенная на большей части континента,— лишь одна из этих подгрупп [342, 279—280]. В последние десятилетия австралийский лингвист Капелл и другие исследователи предлексико-статистическое исследование австралийских языков. Лексико-статистический метод стремится определить относительную близость данных языковых групп, не пытаясь установить их абсолютную древность, как это делает глоттохронология. Капелл взял за основу около 50 слов. сохранившихся от предполагаемого «общеавстралийского» языка (Common Australian) и обнаруженных почти во всех австралийских языках. Однако этот список представлен не во всех языках полностью. Карта австралийских языков, на которой показана частота наличия этих слов (в процентах), указывает, по мнению Капелла, на процессы языковой и вместе с тем этнической дифференциации. Наибольшая концентрация слов «общеавстралийского» языка обнаружена в пустынях Западной Австралии. Это может показаться странным, ведь этнические группы — одни из наиболее изолированных. Но в действительности ничего удивительного в этом нет. Именно эти группы сохранили, как мы знаем, и некоторые древние черты австралийской культуры, и древние особенности австралийского антропологического типа. Более того, оказалось, что языки всей Западной пустыни настолько близки между собой, что их можно рассматривать как диалекты одного языка [262].

Помимо «общеавстралийского» языка А. Капелл допускает существование и более древнего языка, который он называет «первоначальным» (Original Australian). Следы этого языка он находит в различных областях континента, по преимуществу на его окраинах. Такой ранний слой австралийского языка сохранился, например, в Арнхемленде. Интересно, что следы этого «первоначального» языка сохранились преимущественно на востоке и западе Австралии; в Центральной Австралии они редки. Это может указывать на очень раннюю языковую общность, восходящую еще ко времени первоначального заселения континента. По мнению Капелла, этот «первоначальный» язык был языком древнейшего населения Австралии; он был оттеснен на окраины континента позднейшей этнической волной носителей «общеавстралийского» языка. Все это осложняется еще тем, что в отдельных частях Австралии— в Арнхемленде, Северном Квинсленде, на востоке Нового Южного Уэльса— существуют языки, которые имеют очень мало общего и с «общеавстралийским», и с «первоначальным» языками: слова «общеавстралийского» языка занимают в них не более 10%. Образование этих особых форм Капелл объясняет культурной изоляцией на протяжении очень длительного времени [196, 27-61; 198; 199;

201; 202, 84; 203, 101—118].

По мнению Капелла, для дифференциации австралийских языков потребовалось около 20 тыс. лет. В данном случае он опирается на глоттохронологию. Вывод этот, конечно, очень гадателен, но он в какой-то мере близок к данным других наук о времени заселения Австралии. С другой стороны, данные смежных наук, показывающие, что автохтонное развитие австралийцев продолжалось много тысячелетий, говорят о том, что и австралийские языки имели время развиваться и дифференцироваться в пределах Австралии в значительной мере независимо от влияний извне. Для их нынешнего состояния не нужны были вторжения в Австралию новых этнических волн или «культур», которые постулировал Шмидт.

Тасманийские языки, отличающиеся от австралийских по своей структуре, в то же время имеют некоторые лексические соответствия в языках Виктории, причем значительная часть совпадений относится к словам «общеавстралийского» языка. Согласно Капеллу, языки Виктории вообще представляют собой очень древний пласт австралийских языков. Мы знаем, что здесь сохранился и древний пласт австралийской культуры. Сохранился он и в Юго-Западной Австралии. И в этой связи интересно то, что и языки Юго-Западной Австра-

лии близки к языкам Виктории [808, 135].

Но какими бы ни были различия в грамматической структуре и лексике, фонетические системы большинства австралийских языков, как уже отмечено, очень близки. Единственное исключение — звуки, необычные для остальных австралийских языков и обнаруженные лишь на п-ове Кейп-Йорк,—вероятно результат влияния новогвинейских языков. По мнению Капелла и других лингвистов, фонетическая близость австралийских языков отражает их первоначальную единую основу. Австралийские языки во многих отношениях, а особенно в фонетической структуре, настолько однородны, что «поневоле приходишь к выводу о том, что они ведут свое происхождение от единого исходного ствола» [200, 2].

К выводу о генетическом родстве всех австралийских языков пришел в результате своих лексико-статистических исследований и К. Хейл [353, 248—264]. По его мнению, 85% всех австралийских языков тесно связаны между собой и составляют единую большую группу, а остальные 15% образуют большое количество мелких групп (расположенных главным образом на севере континента), каждая из которых в каком-либо отношении близка к большой группе

[600, N_2 1, 19—20; N_2 2, 59].

О единстве и общем происхождении австралийских языков писали еще в прошлом веке Р. Латам и Ф. Мюллер

[575, 90]. К выводу о том, что все австралийские языки являются, по выражению Капелла, лишь «вариантами некоего исходного единого типа», приходят, как мы видим, и современные лингвисты, Очевидно, процесс дифференциации австралийских языков был аналогичен процессу дифференциации австралийской культуры и австралийского антропологического типа, в основе своей также единых. По-видимому, внутри древнего праязыка образовались сначала диалектные различия, на основе которых в процессе расселения и первоначального освоения территории оформились родственные, но самостоятельные языки. «Языковой общности, связанной с расселением группы в условиях первоначального освоения территории, соответствует обычно и близость антропологического типа» [32, 29]. Это и наблюдается в

Австралии.

Наряду с дифференциацией как непрерывным, многовековым процессом, связанным с историей заселения Австралии. с этнической историей австралийцев, значительную роль в образовании австралийских языков играло и их взаимодействие как следствие главным образом межгрупповых связей и экзогамии. Значение последней на данном уровне развития очень велико. Ведь браки за пределами своей этнической группы — явление в Австралии распространенное, а этническая группа более или менее эквивалентна лингвистической группе. По подсчетам Тиндейла, браки за пределами своей этнической группы составляют в среднем по Австралии 15% [740, 169—190]. Это означает, что матери и отцы нередко принадлежат к группам, говорящим на разных языках, а следствием этого является процесс нивелирования различий. С этим же связано двуязычие и многоязычие в австралийских общинах, о чем часто пишут лингвисты. Многие аборигены владеют двумя или несколькими языками. Помимо экзогамии большую роль здесь играет и культурное общение между разноязычными группами, а также обычай отдавать мальчиков на воспитание в другие группы.

В генеалогической классификации языков мира (в которой языки группируются по признаку общности происхождения) австралийские языки занимают изолированное положение. Обособленное положение австралийских языков, свидетельствующее о том, что их формирование шло в значительной мере самостоятельно, было отмечено А. Капеллом, Дж. Гринбергом и другими лингвистами. Однако известное сходство между австралийскими языками и некоторыми другими языками мира все же имеется. Будучи агглютинативными, австралийские языки в этом отношении близки к дравидийским языкам Южной Индии. Это было отмечено еще в прошлом веке У. Бликом [168, 89—104], а задолого до него Дж. Причард высказал гипотезу о родстве австралий-

ских и тамильских языков (см.: Введение). В наше время Хольмер отметил ряд совпадений не только в грамматической структуре, но и фонетике австралийских языков, с одной стороны, и дравидийских—с другой [376, 97—98]. Конечно, «сходство» и «родство» языков—вещи глубоко различные, как различны морфологическая и генеалогическая классификация языков. И все же эти наблюдения очень интересны для нас в связи с обнаруженными нами древними антропологическими и культурно-историческими связями между Австралией и Индией.

Вместе с тем языки Северной Австралии, в которых большую роль играют префиксы, типологически близки к языкам Новой Гвинеи и, по мнению Хольмера, вместе с последними составляют один из очень ранних «лингвистических пластов». А. К. Бранденштейн обнаружил морфологическое сходство австралийских языков с урало-алтайскими языками [171,

646—662].

Размещение основных групп австралийских языков совпадает с размещением крупных культурных областей, выделенных нами на основе данных археологии и этнографии и отражающих историю заселения Австралийского континента. Группы эти — восточная, центральная и западная, причем между Восточной и Западной Австралией наблюдаются, как мы знаем, многочисленные случаи сходства в самых различных явлениях культуры, тогда как Центральная Австралия во многом отличается и от восточной, и от западной областей. До некоторой степени то же самое наблюдается и в отношении языков. Не случайно Т. Милевский выделил в Центральной Австралии обширную зону языков, отличающихся от языков Восточной и Западной Австралии, между которыми, в свою очередь, наблюдается определенное сходство [62, 81]. Так, в центральноавстралийских языках аранда и диери в отличие от языков Восточной и Западной Австралии нет слов, оканчивающихся на согласные. «В Австралии, — пишет Н. А. Бутинов, — полоса языков с исходным гласным, перерезающая континент с севера на юг, охватывает большую группу племен, которая резко выделяется и по другим языковым признакам, а также по культуре, обычаям и социальной организации от племен запада и востока этого континента» [15, 131]. Возможно, что этот признак, сближающий языки Центральной и Северной Австралии с языками побережья залива Папуа и некоторых других районов Новой Гвинеи, отражает древние этнические связи между населением Австралии и Новой Гвинеи.

Однако отношения между языками Центральной Австралии и соседних областей все еще не совсем ясны. В антропологической части нашей работы мы отметили, что у аранда, с одной стороны, и сравнительно недалеко от них, у жи-

телей Западной пустыни— с другой, наблюдается резкий скачок в распределении групп крови, что привело антропологов к предположению о сравнительно недавнем переселении аранда с севера. Однако лингвистические исследования это, по-видимому, не подтверждают. С. А. Токарев уже писал о необоснованности концепции В. Шмидта относительно принадлежности языка аранда к языкам северной группы и сравнительно поздней миграции аранда в Центральную Австралию [62, 79—82]. Новейшие исследования показывают более близкие отношения между языком аранда и языками Западной пустыни, чем это предполаталось прежде [808, 133—134].

В целом мы имеем, по-видимому, некоторые основания говорить о первоначальном единстве австралийских языков и о формировании различий в них на территории самой Австралии на протяжении многих тысячелетий, подобно тому как у нас есть основания говорить об исходном единстве антропологического типа и культуры австралийцев. Дихотомия северных и южных языков, вероятно, объясняется главным образом их дифференциацией на протяжении длительного времени, а не миграциями или влияниями извне. Однако вопрос этот требует дальнейшего изучения, так как особое положение языков Северо-Западной Австралии все же с трудом укладывается в представление о таком первоначальном единстве.

Выше мы говорили о гипотезе некоторых авторов, согласно которой аборигены, населяющие тропические леса Северо-Восточного Квинсленда, являются реликтом древнего «тасманоидного» субстрата. Мы отвергли эту гипотезу по разным причинам. Любопытно, что и в языках этих этнических групп нет ничего тасманийского. В них много элементов «общеавстралийского» языка, и это сближает их с языками аборигенов Западной пустыни. Много общего в них также с языком диери (Центральная Австралия) [198, 92; 594; 808, 154]. Все это, возможно, указывает на то, что в языках этих изолированных групп сохранились следы древней австралийской лингвистической общности.

Мы ограничились изложением концепций ведущих современных лингвистов с тем, чтобы выяснить, что дают данные языкознания в их освещении для понимания этногенеза австралийцев. И, коротко резюмируя, мы можем сказать, что выводы современной лингвистики во многом совпадают с выводами, к которым пришли и мы, анализируя материалы смежных дисциплин.

Итак, нами изучены и проанализированы данные антропологии, геологии, палеогеографии, археологии, этнографии и лингвистики; и, подводя итоги, попытаемся теперь взглянуть на этногенез аборигенов Австралии как на единый процесс. Последовательное, систематическое изучение данных перечисленных выше дисциплин было необходимым условием раскрытия этого сложного, во многом еще неясного процесса. Каждая рассматриваемая нами группа источников освещала один из аспектов этногенеза австралийцев, давала возможность исследовать определенный круг проблем, из которых как единое целое слагается большая проблема этногенеза аборигенов Австралии. Теперь мы можем обрисовать основные этапы этого процесса на основе всех источников в совокупности, сопоставляя и коррелируя их. По необходимости мы это делали, впрочем, на протяжении всей нашей работы. Такой синтез возможен только после проделанного аналитического и критического изучения отдельных групп источников, как результат анализа, который обязательно должен был предшествовать синтезу, обобщению рассмотренных выше материалов. Тем более что в предлагаемом объеме такой синтез предпринимается впервые *.

Австралия была заселена современными людьми, неоантропами. Ведь на этом континенте отсутствуют какие-либо следы архантропов и палеоантропов — древнейших и древних людей. Ареал формирования современного человека уже в начале позднего палеолита простирался от Западной Европы и Северной Африки до Юго-Восточной Азии. Абсолютный возраст древнейших позднепалеолитических культур Европы, Северной Африки и Передней Азии — 38—40 тыс. лет. К этому времени относится и появление сформировавшегося неоантропа. Одна из находок, свидетельствующих об этом, — череп неоантропа-протоавстралоида из пещеры Ниа на севере Калимантана. Человек из Ниа — современник наиболее

^{*} В рамках небольшой статьи опыт такого синтеза уже имел место; см.: 548, 317—342.

ранних неоантропов Европы и в то же время очевидный позднепалеолитический предок позднейших австрало-негрои-

дов Австралии и Океании.

Данные радиоуглеродного анализа материалов, связанных с археологическими местонахождениями, дают основание для предположения, что первоначальное заселение Австралии человеком произошло около 30 тыс. лет назад. Так. одна из дат, полученных для местонахождения у оз. Менинди (Новый Южный Уэльс), — $26\,300\pm1500$ лет. Возраст археологических памятников, исследованных недавно в районе Кейлора, составляет $31\,600\pm11\,000/1300$ и $24\,000\pm3300/5700$ лет. Для стоянок Малангангер и Навамойн (Арнхемленд) в числе прочих получены следующие даты: $24\,800\pm1600$ лет, $22\,700\pm700$ лет и $21\,450\pm600$ лет. Раскопки в пещере Куналда, на юге Австралийского континента, дали для одного из культурных горизонтов дату $31\,000\pm1650$ лет.

Таким образом, заселение Австралии началось еще в плейстоцене, в среднем вюрме, археологически— в эпоху позднего палеолита. В это время между Юго-Восточной Азией и Австралией существовали материковые мосты— азиатский и австралийский континентальные шельфы, или материки Сунда и Сахул. Остававшиеся между ними проливы не были непреодолимым препятствием для людей, обладавших

даже крайне примитивными средствами навигации.

Протоавстралоидный антропологический тип палеоавстралийцев был близок к типу многих других неоантропов эпохи позднего палеолита, а особенно неоантропов Юго-Восточной Азии — людей из Ниа, с о-ва Палаван (Филиппины), из Ваджака (Ява). Все они населяли ныне островную часть Юго-Восточной Азии в конце плейстоцена, от 30 тыс. до 40 тыс. лет назад, и были в числе вероятных предков аборигенов Австралии. Тогда же, в плейстоцене, задолго до того как в Юго-Восточной Азии и Океании оформились локальные варианты австрало-негроидной расы, протоавстралоиды заселили Австралию.

И в дальнейшем, в мезолите и неолите, на протяжении многих тысячелетий Юго-Восточная Азия и Западная Океания оставались областями, населенными главным образом австрало-негроидами в процессе их морфологического развития из древних, позднепалеолитических протоавстралоидных форм и все углубляющейся расовой дифференциации.

Наиболее ранней палеоантропологической находкой из обнаруженных до сих пор на пятом континенте является череп из Кейлора (Юго-Восточная Австралия). Согласно последним данным, его возраст от $15\,000\pm1500$ до $18\,000\pm1500$ лет. Это череп протоавстралоида, морфологически близкого к людям из Ваджака и Ниа.

Группы палеоавстралийцев, проникшие в плейстоцене на материк Сахул, были численно невелики, и таких групп было очень немного. Об этом говорят, прежде всего, результаты исследования групп крови современного коренного населения Австралии. Их связывала антропологическая и культурная близость. Постепенно они проникали в Австралию в разных местах ее нынешнего северного побережья, от Кимберли до пова Кейп-Йорк, откуда и началось их расселение по Австралийскому континенту.

Результаты серологических исследований являются веским аргументом в пользу гомогенности австралийцев. Своеобразное, уникальное сочетание групп крови, наблюдаемое в Австралии, характерно для народов, ведущих свое происхождение от одной или нескольких малочисленных групп населения, пришедшего из сравнительно ограниченного региона и продолжительное время затем жившего в условиях относительной изоляции. Антропологическая однородность аборигенов Австралии подтверждается и капитальными антропометрическими исследованиями У. Хауэллса, Дж. Мо-

ранта, А. Грдлички, Э. Эбби и других антропологов.

Выше мы подробно охарактеризовали естественногеографическую среду, в которой протекал этногенез австралийцев в этот ранний период их истории. Мы уже знаем, что условия эти благоприятствовали постепенному освоению и заселению людьми Австралийского континента, включая и его внутренние области, ныне превратившиеся в пустыни и полупустыни. Расселяясь в южном направлении вдоль Большого Водораздельного хребта, с одной стороны — по системе Дарлинга, Муррея и их притоков, с другой—вдоль восточного побережья Австралии, аборигены прежде всего заселили восточные, юговосточные и южные области материка. Сравнительно рано были освоены и западные области континента, прежде всего побережье Индийского океана от р. Де-Грей до Олбани, заселенное единой в культурном и языковом отношениях группой племен. Но и центральные области Австралии, доступ в которые облегчали сравнительно благоприятные в то время природные условия, были заселены также еще в плейстоцене, хотя и позже восточных и западных ее областей. О том, что заселение внутренней Австралии началось еще в плейстоцене. в первые тысячелетия освоения материка, свидетельствуют упомянутые выше даты, относящиеся к местонахождениям в пещере Куналда и у оз. Менинди. Движению этнических волн непосредственно в глубь материка способствовали, прежде всего, существовавшая в то время и частично еще сохранившаяся система р. Флиндерс с ее притоками, а затем реки Дайамантина и Куперс-Крик, ведущие к оз. Эйр, где издавна сконцентрировалась группа племен, связанных культурной близостью. Со стороны зал. Карпентария, п-ова Арнхемленд и

Кимберли шло заселение Центральной Австралии. Едва ли расселение этнической группы аранда произошло сравнительно поздно, как это предполагают некоторые антропологи, опирающиеся на результаты изучения групп крови и других наследственных факторов. Скорее всего, эти явления связаны с длительной биологической изоляцией аборигенов Западной пустыни, с которыми аранда сравнивались. Этой изоляцией, вероятно, и объясняются различия между ними.

Движение этнических волн по континенту Австралии в процессе его первоначального заселения преимущественно с севера на юг, а также с северо-востока в юго-западном и с северо-запада в юго-восточном направлениях отражено в густой сети путей межгруппового обмена материальными и духовными ценностями, в распространении мифов, обрядов,

обычаев и верований.

От 10 тыс. до 8 тыс. лет назад ледниковый период закончился и вследствие повышения уровня мирового океана от Австралии отделились Новая Гвинея, Тасмания и другие острова, ныне окружающие ее и частично еще населенные группами аборигенов. Отныне развитие австралийцев протекало в условиях относительной изоляции от остального мира, относительной, но не абсолютной. Но то обстоятельство, что в плейстоцене Новая Гвинея и Тасмания составляли с Австралией одно целое, способствовало ее заселению через Новую Гвинею и заселению Тасмании через Австралию. И действительно, данные радиоуглеродного анализа, связанные с археологическими местонахождениями Тасмании, показывают, что этот остров был населен уже 9 тыс. лет назад, в то время когда Тасмания еще составляла с Австралией одно целое или была связана с ней цепью близко расположенных островов [626, 264—268]. В Тасмании палеоантропологические материалы, к сожалению, до сих пор не обнаружены, если не считать одного зуба [474]. Существует мнение о меланезийском, притом сравнительно позднем происхождении тасманийцев. Такая точка зрения высказывалась и в советской литературе [62, 70—71]. Едва ли, однако, меланезийский расовый тип, который многие советские антропологи считают обособившимся в условиях тропических лесов ответвлением австралоидной расы, сформировался уже 9 тыс. лет назад, на грани плейстоцена и голоцена. По нашему мнению, разгадка такманийской проблемы с точки зрения антропологии — в изучении роли генетико-автоматических процессов, а с точки зрения этнографии — в изучении роли социальной и культурной изоляции, о которой в применении к аборигенам Австралии мы говорили.

Процессы внутрирасовой дифференциации, весьма вероятную возможность которых мы допускаем для населения Австралийского континента, в еще большей степени должны

были коснуться населения Тасмании — острова, почти изолированого от материка на протяжении нескольких тысячелетий. По-видимому, своеобразный тасманийский антропологический тип образовался в результате генетико-автоматических процессов внутри небольшой группы палеоавстралийцев, полавших в Тасманию еще в плейстоцене и затем оказавших-

ся в условиях многовековой изоляции. Изоляция ведет не только к антропологическому своеобраявляется причиной социальной и культурной отсталости изолятов. В культуре отделившихся популяций не только формируются своеобразные явления, не свойственные всей этнической совокупности, от которой данный изолят отделился, но и исчезают некоторые явления, свойственные этой совокупности. Этнографии известно немало подобных примеров исчезновения культурных достижений в отделившихся и относительно изолированных популяциях. Одним из таких примеров является, по нашему мнению, культура тасманийцев, которая не только своеобразна, но и примитивиа сравнительно с общеавстралийской. Отсутствие у тасманийцев бумеранга, копьеметалки и некоторых других культурных достижений, свойственных австралийцам с самого начала. унаследованных ими еще у их позднепалеолитических предков, является следствием изоляции первоначально небольшой этнической группы. Подробнее механизм этого процесса был рассмотрен нами в предыдущих главах.

Изоляция — явление многостороннее по своим последствиям и сказывается как в сфере биологической, так и социально-исторической. Биологическая и этнографическая изоляция — две стороны одного явления, свойственные преимущественно ранним стадиям общественного развития.

Отсутствие в Тасмании собаки динго, спутника австралийского охотника, - одна из причин того, почему многие ученые отказываются допустить, что человек проник в Тасманию из Австралии, что тасманийцы — ветвь австралийцев. пришел в Австралию вместе с человеком; самое раннее датированное местонахождение остатков собаки в Австралии, обнаруженное в озерных отложениях оз. Колонгюлак (Юго-Западная Виктория), имеет возраст 13700 ± 250 лет и относится, следовательно, к позднему плейстоцену. Однако и до сих пор остатки динго не обнаружены ни в Тасмании, ни на о-вах Бассова пролива, ни на о-ве Кенгуру, где найдены следы культуры Карта — одной из древнейших в Австралии археологических культур. Чем же это объясняется? теперь уже совершенно очевидно, что динго достиг Юго-Восточной Австралии еще до образования Бассова пролива, отделившего Тасманию от Австралии, и до образования пролива Бакстэрс, отделившего от Австралии о-в Кенгуру. Мы знаем, что полное отделение Тасмании от Австралии произошло в начале голоцена, приблизительно 7—8 тыс. лет назад. Остается предположить, что собака не проникла в Тасманию (а также на острова Бассова пролива и на о-в Кенгуру) просто потому, что в период первоначального освоения этих островов численность динго на континенте Австралии была еще очень невелика, и группы аборигенов, принимавших участие в заселении этих территорий, пришли сюда без собаки. Ведь динго не приручен полностью еще и до сих пор. Он был и остается по преимуществу диким животным, хотя аборигены и пытаются его приручить. В этом и содержится ответ на вопрос о том, почему динго не проник в Тасманию. Как правило, аборигены использовали охотничьи способности диких, неприрученных собак, которые могли и не последовать за ними, когда они переселялись на новые места.

Ко времени окончания плейстоцена относятся тальгайский и кохунский черепа (их возраст — 10—12 тыс. лет), а также найденный в 1965 г. скелет из Грин-Галли (его возраст около 8 тыс. лет). Эти находки сделаны в Восточной и Юго-Восточной Австралии. Если человек из Грин-Галли морфологически близок к человеку из Кейлора и как бы связывает его с современными аборигенами Австралии, черепа из Тальгая и Кохуны, будучи также протоавстралоидными, являются в то же время значительно более примитивными по своему строению. Это может означать, что вслед за протоавстралоидами кейлорского типа в Австралии появились популяции протоавстралоидов тальгайско-кохунского типа. Те и другие происходили от различных локальных вариантов протоавстралондов, сосуществовавших в плейстоцене на периферии Юго-Восточной Азии. Тогда еще сравнительно немногочисленное население Австралии было расселено небольшими изолированными группами, и локальные варианты протоавстралондов в этих условиях могли сохраняться длительное время.

Результаты антропологического изучения современного коренного населения, как мы знаем, свидетельствуют о его расовой однородности. Вместе с тем данные палеоантропологии говорят о том, что Австралия была заселена протоавстралоидами, представленными двумя генетически близкими, но морфологически различными типами — кейлорским. сравнительно более развитым, и тальгайско-кохунским, более примитивным. В известной мере эти морфологические различия прослеживаются еще и в настоящее время. Однако различия между локальными вариантами аборигенов Австралии не настолько глубоки, чтобы дать основание для предположения об их различном расовом происхождении. Варианты эти, подобно региональным вариантам в области культуры, сложились в основном уже на территории Австралии, в ходе и в результате заселения континента и продолжительной взаимоизоляции отдельных этнических групп.

Позднейшее проникновение в Австралию, главным образом на север континента, иных расовых элементов — индонезийских, меланезийских и новогвинейских — не повлияло в значительной степени на антропологический тип австралийцев в целом, но обусловило некоторое антропологическое своеобразие населения Северной Австралии. Аналогичные процессы имели место и в области культуры.

Ко времени окончания ледникового периода Австралия в основном была уже заселена человеком, включая, как ска-

зано выше, и центральные ее области.

Культуру австралийцев в этот древнейший период их истории характеризуют археологические культуры Карта, Каперти, Маунт-Моффат, Кларенс и некоторые другие. Носители культуры Карта еще в плейстоцене заселили Южную Австралию и о-в Кенгуру, составлявший тогда одно целое с материком. Для этой культуры характерны монофасы --чопперы, суматралиты и т. п. Культура Каперти, заметно отличающаяся от культуры Карта характером каменного инвентаря, распространилась главным образом на востоке Нового Южного Уэльса. Наиболее ранняя абсолютная дата для культуры Каперти — $11\,600\pm400$ лет, а одна из наиболее поздних — 3623 ± 69 лет. Местонахождения культуры Маунт-Моффат расположены в Южном Квинсленде, на пути расселения австралийцев с севера на юг. Наиболее ранняя дата для этой культуры $16\,130\pm140$ лет, а одна из наиболее поздних — 9300 ± 200 лет. Культура Кларенс, открытая на севере Нового Южного Уэльса, возможно, является локальным вариантом культуры Карта. Одна из наиболее ранних дат для культуры Кларентс — 6445 ± 75 лет, а наиболее поздняя — 3230 ± 100 лет. Особое место занимает культура Гамбир, самая южная и одна из самых архаичных культур раннего периода. Она характеризуется главным образом бифасами чоппингами и ручными рубилами шелльского типа.

Австралийские археологические культуры раннего периода в значительной мере еще отражают воздействие палеолитических и мезолитических культур Южной и Юго-Восточной Азии, с древним населением которых генетически и культурно связано и раннее население Австралии. Часть этих древних культурных традиций, преимущественно домезолитических, палеоавстралийцы принесли с собой, часть проникла к ним в результате непосредственных культурных контактов, продолжавшихся вплоть до начала голоцена. Географические связи древнейших, а затем и последующих австралийских культур с азиатским культурно-историческим миром простирались через Новую Гвинею и Индокитай с его хоабиньской, а затем бакшонской культурами вплоть до Соана и невазий-

ских местонахождений Индии.

Уже в раннем периоде в Австралии наметились некоторые

культурные провинции или историко-этнографические обланаселенные этническими группами, связанными общностью происхождения и последующего хозяйственного и культурного развития. Одной из них была область расселения этнических групп — носителей культуры Карта, которая была, по существу, группой родственных культур. Она тяготела преимущественно к внутренним областям материка, культуры Каперти и Кларенс — к восточным, прибрежным. а культура Маунт-Моффат была связана с этническими группами, расселявшимися к югу вдоль Большого Водораздельного хребта. Культуры Маунт-Моффат и Каперти — два последовательных этапа расселения и развития одной и той же этнической волны. Уже в раннем периоде на территории Австралии наметились три крупные историко-этнографические области — восточная, центральная и западная.

Древнейшие индустриальные традиции Австралии сосредоточились на крайнем юге Австралии; мы находим их в пещере Куналда, в районе Кейлора, в местонахождениях культуры Гамбир, на некоторых стоянках культуры Карта. Здесь позднее сконцентрировались и наиболее древние особенно-

сти австралийского антропологического типа.

Сравнительное исследование этнографических явлений и их географического размещения помогло нам представить себе культурный облик древнейшего населения Австралии значительно полнее, чем это позволяют сделать данные только археологии. Можно сделать вывод, что в распоряжении палеоавстралийцев уже имелись такие орудия, как бумеранг и копьеметалка, унаследованные ими у их позднепалеолитических предков. Нам удалось выяснить, какими именно типами копий были они вооружены, что, кроме того, у них были метательные палки и отражательные щиты. Установили, какими были их средства мореплавания, которые и помогли им преодолеть сравнительно неширокие проливы по мере их расселения в сторону пятого континента. Эта были плоты, бревна и, возможно, лодки из куска коры. Мы знаем, на каком уровне развития находилось их изобразительное искусство об этом говорят петроглифы Восточной и Западной Австралии — и какие религиозно-мифологические представления стояли за этим искусством. Можно предположить, что в эту эпоху уже складывались культы великих культурных героев-демиургов и Великих Матерей — прародительниц, основателей и основательниц человеческого общества и культуры. В эту эпоху уже существовали, вероятно, «конфликтные мифы», отражающие дуально-фратриальную организацию палеоавстралийцев, а отнюдь не столкновение и синтез двух рас, как полагал Дж. Мэтыо. Мы знаем, что глубокое религиозномагическое значение, придаваемое стилизованным изображениям лабиринта и образу змеи, связанным с обрядами инициации и плодородия, палеоавстралийцы принесли с их азиатской прародины; что, видимо, уже в то время существовал культ гуделок и чуринг и обычай делать сооружения из камней. Сравнительное изучение австралийских языков

говорит о глубокой древности топора кодья.

Таким образом, исторический анализ данных этнографии позволяет установить происхождение различных явлений австралийской культуры и их относительный возраст. Перечисленные нами явления восходят еще к периоду первоначального заселения Австралии, и многие из них, вероятно, были принесены палеоавстралийцами из Азии, тогда как другие, более поздние элементы австралийской культуры сформировались на Австралийском континенте совершенно независимо, а третьи — под культурным воздействием окружающих народов. С учетом этнографических материалов полнее и глубже, чем это возможно на базе только археологических источников, раскрывается формирование культурных провинций и историко-этнографических областей и характер культурно-этнических связей между ними. Большой интерес представляет анализ этногонических мифов и легенд, в которых порой содержатся указания на передвижения этнических групп в далеком прошлом, может быть еще в эпоху первоначального заселения Австралийского континента. Эти источники дают некоторое представление и об общественном положении австралийской женщины в прошлом, когда оно, было, очевидно, выше, чем стало впоследствии.

Анализ лингвистических материалов позволяет высказать осторожное предположение, что австралийские языки, возможно имеют единое происхождение, что они формировались на основе единой лингвистической общности и что происходило это в течение многих тысячелетий, прошедших со вре-

мени первоначального заселения Австралии.

От 7 тыс. до 4 тыс. лет назад в Австралии, как и во многих других областях земного шара, произошло событие, оказавшее глубокое воздействие на все последующее развитие австралийцев — охотников и собирателей, образ жизни которых в значительной мере был обусловлен естественной средой. Мы имеем в виду термический максимум и распространение пустынь на обширных пространствах Центральной и Западной Австралии. Событие это сыграло огромную роль в развитии культуры коренного населения Австралии и 5 тыс.— 3 тыс. лет назад привело к культурному кризису, наступление которого хорошо прослеживается на археологических материалах, относящихся ко времени, последовавшему за периодом термического максимума. С этим периодом, точнее, с его заключительным этапом связаны явления, свидетельствующие об упадке в некоторых важных областях австралийской культуры, например в изготовлении каменных орудий. С другой стороны, с ним же связаны такие явления, как развитие и совершенствование деревянного охотничьего оружия, приспособленного для охоты на обширных открытых пространствах степей и лустынь, развитие деревообделочных инструментов и уменьшение их размеров, распространение орудий на рукоятях; некоторые орудия становятся универсальнее.

Во Введении к нашей работе была изложена среди многих других концепция С. Портьеса. Придавая большое значение географической среде в формировании австралийской культуры, мы все же не склонны, подобно Портьесу, преувеличивать ее роль и рассматривать Центральную Австралию, как делал Портьес, культурным центром, определившим облик австралийской культуры в целом. Чисто географической концепции Портьеса мы противопоставляем историческую

концепцию развития австралийской культуры.

К периоду термического максимума относится череп из Моссгила (его возраст — не менее 4625 лет) и костные останки из Тартанги (от 6 тыс. до 4700 лет) и Девон-Даунса (около 4 тыс. лет). Первая из этих находок была сделана на западе Нового Южного Уэльса, остальные — в низовьях Муррея. Череп из Моссгила морфологически находится еще в ряду антропологических типов, к которому принадлежат черепа из Тальгая и Кохуны, и это свидетельствует о том, что тальгайско-кохунский тип еще долго сохранялся в отдельных районах Австралии, но и он претерпевал изменения.

С эпохой, последовавшей непосредственно за последним ледниковым периодом и включающей время термического максимума и так называемый малый ледниковый период (3500—3000 лет назад), связан тот этап австралийской культуры, который мы называем средним периодом. Археологические культуры среднего периода являются ярким свидетельством дальнейшего развития культуры австралийцев. В это время появились долота тула, острия пирри и бонди геометрические микролиты. Долото тула на рукояти было

изобретено, вероятно, самими австралийцами.

К этому или предыдущему периоду относится появление топоров с подшлифованным лезвием. На многих культурах этого времени лежит печать успешного активного приспособления к меняющейся естественногеографической среде. Наиболее ранняя культура среднего периода—культура Тартанга (Южная Австралия). Хронологические ее границы — от 8700 ± 120 лет до 6030 ± 120 лет назад. Следующей по времени культурой внутренней Австралии была культура Пирри. Нижняя траница острий пирри в стоянке Фроммс-Лендинг имеет возраст 4850 ± 100 лет, а верхняя 3756 ± 85 лет. Одновременно на востоке Австралии развивалась культура Бонди. Обитая на периферии континента, отрезанные от населения остальной Австралии Большим Водораздельным хребтом, но-

сители этой культуры несколько отстали в темпах культурного развития, отчего и средний период начался здесь позже, чем в Южной Австралии, — около 4 тыс. лет назад. В известной мере культуры среднего периода все еще отражают культурные влияния, идущие из Азии через Индонезию и Новую Гвинею. Однако процесс эндогенного развития высту-

пает теперь гораздо определеннее, чем прежде.

На заключительной фазе среднего периода уже отразилось наступление культурного кризиса. На протяжении этой фазы и всего позднего периода постепенно прекратилось изготовление острий пирри и геометрических микролитов, местами возобновилось массовое изготовление грубых архаичных орудий. Но наряду с этим продолжалось и распространялось изго товление шлифованных топоров, разнообразных орудий из кости и дерева. Сочетание техники изготовления острий пирри с древней техникой пильчатой ретуши привело не позднее 1500—2000 лет назад на севере Австралии к изготовлению замечательных наконечников типа Кимберли. Техника эта развилась на австралийской почве, а не была заимствована.

Культура Пирри, подобно культуре Карта, является обширной историко-этнографической областью, связанной главным образом с Центральной Австралией. Культура Бонди и другие культуры Восточной Австралии были связаны с восточной культурной областью, ограниченной Большим Водораздельным хребтом и Тихим океаном. Но и там и здесь наблюдались общие тенденции культурного развития. Большую роль в этом играл межгрупповой обмен материальными и духовными ценностями, развитие этнокультурных связей.

Поздний период, продолжавшийся вплоть до начала европейской колонизации, представлен многочисленными местонахождениями культур Мурунди, Элоуера, Оэнпелли и многих других. Культурный сдвиг, связанный с наступлением позднего периода, был явлением сложным и противоречивым. С одной стороны, на нем отразились последствия культурного кризиса, замедлившие темпы культурного развития и даже приведшие к утрате ряда достижений среднего периода. С другой стороны, развитие культуры аборигенов продолжалось, все шире распространялась шлифовка каменных орудий, значительно возросло количество орудий типа элоуера, появились новые специализированные типы орудий, такие, например, как ножи леилира на удлиненных призматических пластинах. Местами развивалась хозяйственная специализация, связанная с рыболовством и собиранием моллюсков.

На нижнем Муррее хронологическая граница между культурами среднего и позднего периодов проходит примерно 2—3 тыс. лет назад, а к востоку от Большого Водораз-

дельного хребта — примерно 1 тыс. лет.

Изучение археологических материалов обнаруживает

определенную преемственность в развитии материальной культуры внутри восточной и центральной культурных областей на протяжении всего среднего и позднего периодов. Внутри этих больших культурных ареалов все определеннее выступает своеобразие отдельных жультурных провинций. Складываются историко-этнографические области на территории Арнхемленда и Кимберли.

По уровню своего развития культура аборигенов Австралин в позднем периоде характеризуется сочетанием палеолитических и мезолитических тенденций с некоторыми элементами раннего неолита, к которым относится, прежде всего, топор, отшлифованный по рабочему краю. К концу позднего периода австралийская культура в техническом отношеним стояла накануне неолита, но еще не преодолела эту грань.

На протяжении среднего и позднего периодов в Австралии помимо упомянутых выше каменных орудий появился ряд новых культурных достижений. Одни из них имели автохтонное происхождение, другие проникли из окружающего мира. По-видимому, независимо от влияний извне в Австралии появились лодки, сшитые из нескольких кусков коры, метательные палки и копьеметалки с рукоятью из смолы и вставленным в нее каменным долотом — достижение этнических групп, населявших внутренние области Австралии в эпоху термического максимума. В связи с резким изменением природных условий находится появление обуви в некоторых районах Австралии. В среднем периоде, по мере того как Центральная Австралия все более превращалась в открытую степь, лишенную лесного покрова, все шире распространялись невозвращающиеся бумеранги, которые, вероятно, существовали и раньше, но были распространены менее широко. Сравнительно поздно появились палицы. В среднем периоде в связи со все более широким распространением кольеметалок возникают новые типы копий и распространяются широкие щиты для защиты от них.

К наиболее важным культурным заимствованиям от других народов, распространившимся на побережье Северной Австралии на протяжении нескольких последних столетий, относятся лодки-долбленки с аутригером (на п-ове Кейп-Йорк) и с парусом (в Арнхемленде и Кимберли), а также гарпуны. Кроме того, на северную оконечность п-ова Кейп-Йорк проникли лук и стрелы, а в Северо-Восточный Квинсленд — материя из луба (тапа). Но все это не отразилось на развитии австралийской культуры в целом.

Мы знаем теперь, что к началу колонизации преобладающим типом этнической общности у австралийцев была этническая группа, а важнейшими структурными единицами австралийского раннеродового общества — локальные группы или общины, из которых и состояли этнические группы. К этому можно добавить, что общности более высокого порядка, как, например, союзы племен ыли этнических групп,

в Австралии — явление крайне редкое.

Наша работа является первой попыткой исследовать этногенез австралийцев и историю их самобытной культуры комплексно, на основе широкого привлечения разнообразных источников. И мы убедились в том, что, несмотря на крайне неблагоприятные условия, в которых протекал процесс этногенеза австралийцев, — относительную изоляцию, резкое ухудшение природных условий в голоцене, обусловленный им культурный кризис, — все же развитие культуры австралийцев продолжалось на протяжении всей их истории. Изучить этот противоречивый процесс, проследить постепенное формирование австралийской культуры и было одной из наших главных задач. Не менее важным результатом нашего исследования было и то, что мы убедились в единстве австралийской культуры, в том, что она не формировалась из различных «культурных кругов», как предполагали представители культурно-исторической школы. Об этом говорят данные и

археологии, и этнографии, и лингвистики.

Становление австралийского общества и его культуры это не только становление конкретного этноса, но вместе с тем и одна из страниц всемирно-исторического процесса становления человеческого общества и общечеловеческой культуры. В этом большое познавательное и теоретическое значеэтногенеза проблемы аборигенов Австралии. Австралийцы, как мы уже знаем, в значительной степени унаследовали антропологические особенности своих позднепалеолитических предков — протоавстралоидов. В этом смысле они составляют уникальную расу. Но они интересны не только этим. Относительная изоляция, которая способствовала сохранению их антропологического типа, способствовала также сохранению некоторых древнейших явлений человеческой культуры. В большей мере, чем какой-либо другой народ, австралийцы донесли до наших дней некоторые элементы культуры человечества на одном из ранних этапов ее формирования — на стадии позднего палеолита и мезолита. В первую очередь именно австралийцы дают нам материал для реконструкции человеческой культуры этапе. И, проследив теперь формирование австралийской культуры, главным образом материальной, расчленив явления австралийской культуры на те, которые имеют наибольшую древность, и те, которые возникли позднее, реконструировав древний культурный пласт, принесенный в Австралию еще палеоавстралийцами много тысячелетий назад, нам легче судить о том, каким был культурный облик человечества в ту далекую эпоху.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

- Абрамова З. А., Палеолитическое искусство на территории СССР, М.— Л., 1962.
- 2. Алексеев В. П., Модусы расообразования и географическое распространение генов расовых признаков,— «Советская этнография», 1967, № 1.
- 3. Алексеев В. П., Расы человека в современной науке,— «Вопросы истории», 1967, № 7.

4. Берг Л. С., Климат и жизнь, М., 1947.

5. Блинов А. И., Маорийские войны,— в кн.: «Океанийский этнографический сборник. Труды Института этнографии», М., 1957, т. 38.

6. Богораз В. Г., Чукчи, Л., 1939, т. 2.

7. Борисковский П. И., Первобытное прошлое Вьетнама. М.— Л., 1966.

8. Брукс В., Климаты прошлого, М., 1952.

9. Брэстед Д. Г., История Егинга. М., 1915. т. 2. 10. Брюсов А. Я., Предки народов Зауралья,— в кн.: «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана», М., 1954.

11. Бунак В. В., Человеческие расы и пути их образования,— «Советская этнография», 1956, № 1.

12. Бунак В. В., Об очередных задачах в изучении расообразования у человека,— «Советская этнография», 1958, № 3.

13. Бунак В. В. и Токарев С. А., Проблемы заселения Австралии и Океании, - в кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества. Труды Института этнографии», М., 1951, т. 16.

14. Бутинов Н. А., О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии,— «Советская этнография», 1951, № 2.

15. Бутинов Н. А., Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи,— в кн.: «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинен и Гавайских островов. Труды Института этнографии», М.— Л., 1962, т. 80.

16. Бутинов Н. А. и Розина Л. Г., Коллекции с о. Пасхи в собраниях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР,-«Сборник Музея антропологии и этнографии», М.— Л., 1958, т. 18.

17. Вайнштейн С. И., Орнамент в народном искусстве тувинцев,--«Советская этнография», 1967, № 2.

18. В аллон А., От действия к мысли, М., 1956. 19. Винников И. Н., Из архива Л. Г. Моргана.— «Труды Института антронологии и этнографии», М.— Л., 1935, т. 2.

20. Воробьев М. В., Древняя Япония, М., 1958. 21. «Вселенная и человечество», СПб., 1904, т. 2.

22. «Всемирная история», М., 1955, т. I.

В список включены лишь те работы, на которые в книге делаются ссылки.

23. Вяткина К. В., Монголы Монгольской Народной Республики. Труды Института этнографии, М.— Л., 1960, т. 60.

24. Гиршфельд О. В., Копьеметалки по материалам этнографических музеев Ленинграда и Москвы, - «Сборник Музея антропологии и эт-

нографии», М.— Л., 1953, т. 14.

25. Гохман И. И., Ископаемые неоантропы, — в кн.: «Ископаемые гоминиды и происхождение человека. Труды Института этнографии», М., 1966, т. 92.

26. Гурвич И. С., Метательное орудие на Колыме,— «Краткие сооб-

щения Института этнографии», 1953, вып. 18.

27. Гурина Н. Н., Каменные лабиринты Беломорья,— «Советская ар-

хеология», 1948, т. 10.

28. Дебец Г. Ф., Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии, -- в кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества. Труды Института этнографии», М., 1951, т. 16.

29. Дебец Г. Ф., О принципах классификации человеческих рас,— «Со-

ветская этнография», 1956, № 4.

30. Дебец Г. Ф., Опыт графического изображения генеалогической человеческих рас, — «Советская классификации этнография», 1958, № 4.

31. Дебец Г. Ф., Человеческие расы мира,— в кн.: «Атлас народов

мира», М., 1964. 32. Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А., Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза, - «Советская этнография», 1952, № 1.

33. Дикшит С. К., Введение в археологию, М., 1960.

34. Ефименко П. П., Первобытное общество, Киев, 1953.

35. Замятнин С. Н., О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, — в кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества. Труды Института этнографии», М., 1951, т. 16.

36. Золотарев А. М., Проблема австралийской культуры (к библио-

графии вопроса), — Сообщения ГАИМК, 1931, № 2.

37. Золотарев А. М., Родовой строй и первобытная мифология, M., 1964.

38. Иванов С. В., Материалы по изобразительному искусству народов

Сибири XIX — начала XX вв., М.— Л., 1954.

- 39. Кабо В. Р., Описание австралийской коллекции А. Л. Ященко в Музее антропологии и этнографии, - «Сборник Музея антропологии и этнографии», М.— Л., 1960, т. 19.
- 40. Кабо В. Р., Коллекция с о. Гроте-Эйландт (Северная Австралня),— «Сборник Музея антропологии и этнографии», М.— Л., 1961, т. 20.
- 41. Қабо В. Р., Қаменные орудия австралийцев,— в кн.: «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов. Труды Института этнографии», М.— Л., 1962, т. 80.

42. Қабо В. Р., Қаменные орудия труда австралийцев в собраниях МАЭ,— «Сборник Музея антропологии и этнографии», М.— Л., 1963,

- 43. Қабо В. Р., Байнинги примитивные земледельцы Океании (этнографический очерк),— в кн.: «Страны и народы Востока», М., 1964, вып. 3.
- 44. Кабо В. Р., Мотив лабиринта в австралийском искусстве и проблема этногенеза австралницев,-- «Сборник Музея антропологии и этнографии», М.— Л., 1966, т. 23.

45. Кабо Р. М., Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии,— «Вопросы географии»,

1947, сб. 5.

46. Кастере Н., Десять лет под землей, М., 1956.

47. Кларк Дж. Г. Д., Доисторическая Европа, М., 1953.

48. Кочешков Н. В., Монгольская орнаментика и ее характерные особенности, - «Географическое о-во СССР. Доклады по этнографии», Л., 1966, вып. 4.

49. Кук Дж., Плавание на «Индевре» в 1768—1771 гг., М., 1960.

- 50. Левин М. Г., Амуро-сахалинская антрополого-этнографическая экспедиция,— «Краткие сообщения Института этнографии», 1949, № 5.
- 51. Левин М. Г., Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока, — «Труды Института этнографии», М., 1958,

52. Левин М. Г., Этнографические и антропологические материалы как исторический источник,— «Советская этнография», 1961, № 1.

53. Левин М. Г. и Чебоксаров Н. Н., Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии, — в кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества. Труды Института этнографии», М., 1951, т. 16.

54. Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н., Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области,— «Советская этнография»,

1955, № 4.

55. Левин М. Г. и Чебоксаров Н. Н., Понятие о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях, - в кн.: «Очерки общей этнографии. Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка», М., 1957.

56. Лот А., В поисках фресок Тассили, М., 1962.

57. Максимов А. Н., Накануне земледелия,— «Ученые записки Института истории», т. 3, М., 1929.

58. Марков К. К., Новейшие страницы истории Земли,— «Природа», 1966, № 5.

59. Мелетинский Е. М., Фольклор австралийцев, — в кн.: К. Лангло-Паркер, Мифы и сказки Австралии, М., 1965.

60. Миклухо - Маклай Н. Н., Сочинения, т. 2, М.— Л., 1950.

61. Морган Ж. де, Доисторическое человечество, М.— Л., 1926.

62. «Народы Австралии и Океании», М., 1956. 63. «Народы Восточной Азии», М.— Л., 1965.

64. «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966.

65. «Народы Южной Азин», М., 1963.

66. Нестурх М. Ф., Человеческие расы, М., 1965.

67. Никольский В., Протонеолит, — «Труды первой всесоюзной конференции историков-марксистов», М., 1930, т. 2.

68. Ниль Дж. и Шэлл У., Наследственность человека, М., 1958.

69. Обермайер Г., Доисторический человек, СПб., 1913.

- 70. Окладников А. П., О первоначальном заселении человеком Сибири и новых находках палеолита на р. Зее,— «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964.
- 71. Окладников А. П., К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР (Сибирь и Средняя Азия),— в кн.: «У истоков древних культур (эпоха мезолита)»,— Материалы и исследования по археологин СССР. № 126, М.—Л., 1966. 72. Окладников А. П., Археология долины р. Зеи и Среднего Аму-

ра,— «Советская археология», 1966, № 1.

- 73. Окладников А. П., К истории культурно-этнических связей населения Евразии в III—II тысячелетии до н. э.,— «Советская этнография», 1966, № 1.
- 74. Окладников А. П., Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита, — в кн.: «История Сибири», Л., 1968, т. 1.
- 75. «Предложения по биологическим аспектам расовой проблемы»,— «Вопросы антропологии», М., 1965, вып. 20.

76. Пузанов И. И., Новые находки ископаемого человека в Азии,— «Природа», 1931, № 1.

77. Раевский А., Бумеранг, его полет, секреты конструкции, Л., 1928. 78. Рогинский Я. Я., Закономерности пространственного распределения групп крови у человека (К проблеме антропологии «окраинных народов»), — «Труды Института этнографии», т. 1, М., 1947.

79. Рогинский Я. Я., Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас, М., 1949.

80. Рогинский Я. Я., Левин М. Г., Антропология, М., 1963.

81. Рычков Ю. Г., Некоторые аспекты серологических исследований в антропологии,— «Вопросы антропологии», 1965, вып. 19. 82. Семенов С. А., Первобытная техника,— «Материалы и исследова-

ния по археологии СССР», № 54, М.— Л., 1957.

83. Семенов С. А., К вопросу о происхождении малорослого населения тропического пояса,— «Известия Всесоюзного Географического общества», 1959, т. 91, N2 4. 84. Семенов С. А., Проблема происхождения волосяного покрова со-

временного человека, — «Антропологический сборник», т. 2, «Труды Института этнографии», М., 1960, т. 50.

85. Семенов С. А., Очерк развития материальной культуры и хозяйст-

ва палеолита, — в кн.: «У истоков человечества», М., 1964. 86. Семенов С. А., Развитие техники в каменном веке, Л., 1968. 87. Серебрянный Л. Р., Применение радиоуглеродного метода в четвертичной геологии, М., 1965.

88. Тейяр де Шарден П., Феномен человека, М., 1965.

89. Токарев С. А., К постановке проблем этногенеза, — «Советская этнография», 1949, № 3.

90. Токарев С. А., Ранние формы религии и их развитие, М., 1964. 92. Толстов С. П., Основные теоретические проблемы современной со-

ветской этнографии,— «Советская этнография», 1960, № 6.

93. У Жу-кан и Чебоксаров Н. Н., О непрерывности развития физического типа, хозяйственной деятельности и культуры людей древнего каменного века на территории Китая,— «Советская этнография», 1959, № 4.

94. Урысон М. И., Начальные этапы становления человека,— в кн.: «У

истоков человечества», М., 1964.

95. Цейнер Ф., Плейстоцен, М., 1963.

96. Чайлд Г., Прогресс и археология, М., 1949.

97. Чебоксаров Н. Н., Основные принципы антропологических классификаций, — в кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества. Труды Института этнографии», М., 1951, т. 16.

98. Чебоксаров Н. Н., Основные проблемы этнической антропологии Китая,— «XXV Международный конгресс востоковедов», М., 1960.

Чебоксаров Н. Н., Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых,— «Советская этнография», 1967, № 4.

101. Черкасов Н. Д., Бумеранг в наскальных рисунках древнего Киргизстана,— «Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук», 1960, т. 2, вып. 3.

102. Шварцбах М., Климаты прошлого, М., 1955.

103. Штернберг Л. Я., Культ инау у племени айну, — в кн.: Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933.

104. Эфроимсон В. П. Введение в медицинскую генетику, М., 1964.

- 105. Abbie A. A., Headform and Human Evolution,— «Journal of Anatomy», London, 1947, vol. 81.
- 106. Abbie A. A., Closure of Cranial Articulations in the Skull of the Australian Aborigine,— «Journal of Anatomy», London, 1950, vol. 84.
- 107. Abbie A. A., The Australian Aborigine,— «Oceania», Sydney, 1951, vol. 22, № 2.
- 108. Abbie A. A., Metrical Characters of a Central Australian Tribe,— «Oceania», 1957, vol. 27.
- 109. Abbie A. A., Doctor Ruggles Gates and the Aboriginal Australian,— «Nature», 1960, vol. 187.

369

- 110. Abbie A. A., Recent Field Work on the Physical Anthropology of Australian Aborigines,— «The Australian Journal of Science», 1961, vol. 23, № 7.
- A b b i e A. A., Australian Aborigines and Genetics,—«Nature», 1961. vol. 189.
- 112. Abbie A. A., Recent Field Work on the Physical Anthropology of Australian Aborigines,- «VI Congrès International des Sciences Anthropologiques et Ethnologiques», Paris, 1962, t. I.
- 113. Abbie A. A., Physical Characteristics of Australian Aborigines,—in: «Australian Aboriginal Studies», by H. Sheiles (ed.), Melbourne, 1963.
- 114. Abbie A. A., Comments on «Geographic and Microgeographic Races» by M. T. Newman,— «Current Anthropology», 1963, vol. 4, № 2.
- 115. Abbie A. A., A Survey of the Tasmanian Aboriginal Collection in the Tasmanian Museum,— «Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», Hobart, 1964, vol. 98.
- 116. Abbie A. A., The Anthropological Status of Australian Aborigines,— «Homo», 1966, B. 17, № 2.
- 117. Abbie A. A., Physical Characteristics,—in: «Aboriginial Man in South and Central Australia» by B. C. Cotton (ed.), pt I, Adelaide,
- 118. Abbie A. A. and Adey W. R., Pigmentation in a Central Australian Tribe, with Special Reference to Fair-Headedness, - «American Journal of Physical Anthroology», 1953, vol. 11.
 119. Abbie A. A. and Adey W. R., The Non-Metrical Characters of a
- Central Australian Tribe,— «Oceania», 1955, vol. 25.
- 120. Abbie A. A. and Prasada Rao P. D., Hairy Pinna in Australian Aborigines,— «Human Biology», 1965, vol. 37, № 2.
- 121. Ad am L., Anthropomorphe Darstellungen auf australischen Ritualgeräten,— «Anthropos», 1958, B. 53, № 1—2.
- 122. Adam L., A Parallel Between Certain Ritual Objects of the Ainu and of Australian Aborigines, «VI Congrès International des Sciences Anth-
- ropologiques et Ethnologiques», Paris, 1963, t. 2. 123. Adam W., The Keilor Fossil Skull: Palate and Upper Dental Arch,— «Memoirs of the National Museum of Victoria», Melbourne, 1943, № 13.
- 124. Allchin B., The Late Stone Age of Ceylon,— «The Journal of the Royal Anthropological Institute», 1958, vol. 88, pt 2.
- 125. Allchin B., The Indian Stone Age Sequence,— «The Journal of the Royal Anthropological Institute», 1963, vol. 93, pt 2. 126. Allchin B. and Satyanaran, A Late Stone Age Site Near
- Kondapur Museum, Andhra Pradesh,— «Man», 1959, vol. 59.
- 127. Alsberg M., Die ältesten Spuren des Menschen in Australien,—
 «Globus», 1904, B. 85, № 7.
 128. Amerika und Südsee. Náprstkovo Museum, Praha, 1967.
- 129. An ell B., Contribution to the History of Fishing in the Southern Seas. Upsala, 1955.
- 130. Angas G. F., Savage Life and Scenes in Australia and New Zealand, London, vol. 2, 1847.
- 131. Arndt W., The Interpretation of the Delamere Lightning Painting and Rock Engravings,— «Oceania», 1962, vol. 32, № 3.
- 132. Arndt W., The Dreaming of Kunukban,— «Oceania», 1965, vol. 35, No 4.
- 133. Attenborough D., Quest under Capricorn, London, 1963.
- 134. «Australasian Anthropological Journal», Sydney, 1896—1897.
- 135. «Australian Encyclopaedia», Sydney, 1958, vol. 1.
- 136. «Australian Institute of Aboriginal Studies», Newsletter, Canberra, 1963, vol. 1, № 2.
- 137. «Australian Institute of Aboriginal Studies». Newsletter, Canberra, 1964, vol. 1, № 3.

138. «Australian Institute of Aboriginal Studies», Newsletter, Canberra, 1966, vol. 2, № 4.

139. Bandi H. G., Die Obsidianindustrie der Umgebung von Bandung in West Java, - in: Südseestudien, Basel, 1951.

140. Banerjee A. R., A Study of the Head Hair Characters of the Abori-

gines of Western Australia,—«Oceania», 1963, vol. 34, № 1. 141. Basedow H., Aboriginal Rock Engravings of Great Antiquity in South Australia, -- «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1914, vol. 44.

142. Basedow H., The Australian Aboriginal, Adelaide, 1925.

143. Batement W. A. S. and Pither A. G., Native Monuments in Central Australia,— «Antiquity», 1956, vol. 30, № 118.

144. Beaglehole J. C. (ed), The Journals of Captain James Cook, I,

The Voyage of the Endeavour 1768—1771, Cambridge, 1955. 145. Berndt C. H., Women and the «Secret Life»,— in: R. M. and C. H. Berndt (ed), Aboriginal Man in Australia, Sydney, 1965.

146. Berndt R. M., A Curlew and Owl Legend from the Narunga Tribe, South Australia,— «Oceania», 1940, vol. 10, № 4. 147. Berndt R. M., Some Aspects of Jaralde Culture, South Australia,—

«Oceania», 1940, vol. 11, № 2.

148. Berndt R. M., Tribal Migrations and Myths Centering on Ooldea, South Australia,— «Oceania», 1941, vol. 12, № 1.

149. Berndt R. M., Kunapipi, Melbourne, 1951.

150. Berndt R. M., Aboriginal Religion in Arnhem Land,— «Mankind», 1951, vol. 4, № 6.

151. Berndt R. M., Djanggawul, London, 1952.

152. Berndt R. M. and C. H., Arnhem Land. Its History and its People,

Melbourne, 1954. 153. Berndt R. M. and C. H., The World of the First Australians, Lon-

don, 1964.

154. Beyer H. O., Philippine and East Asian Archaeology, and its Relation to the Origin of the Pacific Islands Population,— «Bulletin of the National Research Council of the Philippines», Manila, 1948, № 29. 155. Birdsell J. B., A Preliminary Report on the Trihybrid Origin of the

Australian Aborigines,— «American Journal of Physical Anthropology»,

1941, vol. 28, № 3, suppl. 156. Birdsell J. B., New Data on Racial Stratification in Australasia,—

«American Journal of Physical Anthropology», 1947, n. s., vol. 5, No 2. 157. Birdsell J. B., The Racial Origin of the Extinct Tasmanians,— «Records of the Queen Victoria Museum», Launceston, 1949, vol. 2, № 3. 158. Birdsell J. B., Some Implications of the Genetical Concept of Race

in Terms of Spatial Analysis, - «Cold Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology», Baltimore, 1950, vol. 15.

159. Birdsell J. B., Some Environmental and Cultural Factors Influencing the Structuring of Australian Aboriginal Populations,— «The American Naturalist», Lancaster, 1953, vol. 87, № 834.

160. Birdsell J. B., Some Population Problems Involving Pleistocene Man,- «Cold Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology», Baltimore, 1957, vol. 22.

161. Birdsell J. B., Preliminary Data on the Trihybrid Origin of the Australian Aborigines,— «Archaeology and Physical Anthropology in Oceania», 1967, vol. 2, № 2.

162. Birdsell J. B. and Boyd W. G., Blood Groups in the Australian Aborigines,— «American Journal of Physical Anthropology», vol. 27, № 1.

163. Birket-Smith K., The Paths of Culture, Madison, 1965.

164. Black L., Cylcons: Mystery Stones of the Darling River, New South Wales, Leeton, 1942.

165. Black L., An Aboriginal Ceremonial Ground,— «Victorian Naturalist», 1943, vol. 60, № 3.

24*

166. Black L., Stone Arrangements, Perth, 1950.

167. Black R., Old and New Australian Aboriginal Art, Sydney, 1964. 168. Bleek W. H., On the Position of the Australian Languages,- «Journal of the Anthropological Institute», 1872, vol. 1.

169. Boas F., Race, Language and Culture, New York, 1940. 170. Bowler J., Mulvaney D. J., Casey D. A., Darragh T. A., Green Gully Burial,— «Nature», 1967, vol. 213, № 5072.

171. Brandenstein C.—G. v., Ein Abessiv im Gemein-Australischen,— «Anthropos», 1965, B. 60.

172. Brothwell D. R., Upper Pleistocene Human Skull from Niah Caves, Sarawak,— «The Sarawak Museum Journal», 1960, vol. 9, № 15—16.

173. Brown T., Craniofacial Variations in a Central Australian Tribe, Adelaide, 1965.

174. Browne W. R., Some Problems of Dating the Past. Quaternary Geochronology, - in: H. Sheils (ed.), Australian Aboriginal Studies, Mel-

bourne, 1963. 175. Browne W. R. Pleistocene and Recent Climates of Australia,— «Australian Natural History», 1963, vol. 14, № 8.

176. Bulmer S., Prehistoric Stone Industries of the Central Highlands of Australian New Guinea, Brisbane, 1961.

177. Bulmer S., Prehistoric Stone Implements from the New Guinea Highlands,— «Oceania», 1964, vol. 34, № 4.

178. Bulmer S., Radiocarbon Dates from New Guinea, - «The Journal of

the Polynesian Society», 1964, vol. 73, № 3.

179. Bulmer S. and R., The Prehistory of the Australian New Guinea Highlands,— in: J. B. Watson (ed.), New Guinea. The Central Highlands,— «American Anthropologist», 1964, vol. 66, № 4.

180. Bunce D., Australasiatic Reminiscences, London, 1857.

181. Burkitt A. N. and Macintosh N. W. G., Australian Aborigines: Early Man,— «The Australian Encyclopaedia», Sydney, 1958, vol. 1.

182. Burston R. S., Records of the Anthropometric Measurements of 102 Australian Aboriginals,— «Bulletin of the Northern Territory of Australia», Melbourne, 1913, № 7a.

183. Buschan G., Illustrierte Völkerkunde, Stuttgart, 1923, Pt 2.
184. Butler W. H., Some Previously Unrecorded Aboriginal Artifact Sites Near Perth, Western Australia,— «The Western Australian Naturalist», 1958, vol. 6, № 6.

185. Callenfels S., Note préliminaire sur les fouilles dans l'abri sous roche du Guva-Lawa à Sampung,— «Hommage du Service Archéo-logiques des Indes Niederland au Premier Congrès des Préhistoriens d'Extrême-Orient», Batavia, 1932.

186. Campbell M., Geographical Memoir of Melville Island Essington, Northern Australia,— «Journal of the Royal Geographical

Society», 1834, vol. 4.

- 187. Campbell T. D., Dentition and Palate of the Australian Aboriginal, Adelaide, 1925.
- 188. Campbell T. D., Notes on the Aborigines of the South-East of South Australia, - «Transactions of the Royal Society of South Australia», 1934, vol. 58.
- 189. Campbell T. D., The Krefft Tooth—is it a Human Molar?,—«Records of the Australian Museum», Sydney, 1949, vol. 22. № 2. 190. Campbell T. D., The Pirri — an Interesting Australian Aboriginal
- Implement,- «Records of the South Australian Museum», 1960, vol. 13, No 4.
- 191. Campbell T. D., Gray J. H. and Hackett C. J., Physical Anthropology of the Aborigines of Central Australia,— «Oceania», 1936, vol. 7.
- 192. Campbell T. D. and Hossfeld P. S., Aboriginal Stone Circles,-«Mankind», 1964, vol. 6, № 4.

193. Campbell T. D. and Lewis A. J., The Aborigines of South Australia: Anthropometric, Descriptive and other Observations Recorded at Ooldea,- «Transactions of the Royal Society of South Australia», 1926, vol. 50.

194. Campbell T. D. and Noone H. V. V., South Australian Microlithic Stone Implements,— «Records of the South Australian Museum»,

1943, vol. 7, № 3.

195. Campbell T. D. and Noone H. V. V., Some Aboriginal Campsites in the Woakwine Range Region of the South-East of South Australia,— «Records of the South Australian Museum», 1943, vol. 7, № 4.

196. Capell A., The Structure of Australian Languages,— «Oceania», 1937,

vol. 8, № 1.

- 197. Capell A., Mythology in Northern Kimberley,— «Oceania», 1939, vol. 9, № 4.
- 198. Capell A., A New Approach to Australian Linguistics,— «Oceania Linguistic Monographs», № 1, Sydney, 1956.
- 199. Capell A., Some Linguistic Types in Australia,— «Oceania Linguistic Monographs», № 7, Sydney, 1962.
- 200. Capell A., The Techniques of Structure Statistics,— «Oceania», 1962, vol. 33, № 1.

201. Capell A., Linguistic Survey of Australia, Sydney, 1963.

- 202. Capell A., Discussion on the Antiquity of Man in Australia,—in: «Australian Aboriginal Studies», by H. Sheils (ed.), Melbourne, 1963.
- 203. Capell A., Language in Aboriginal Australia,— in: «Aboriginal Man in Australia», by R. M. and C. H. Bernt (ed.), Sydney, 1965.

204. Carnegie D. W., Spinifex and Sand, London, 1898.

 Carpenter E., Artists of the North,— «Natural History», 1962, vol. 71, № 2.

206. Carter G. F., Man and the Land, New York, 1964.

 Casey D. A., An Uncommon Type of Stone Implement from Australia and New Guinea,- «Memoirs of the National Museum», 1934, vol. 8.

208. Casey D. A., The Present State of our Knowledge of the Archaeology of Australia, -- «Proceedings of the Third Congress of Prehistorians of the Far East», Singapore, 1940.

209. Charlesworth J. K., The Quaternary Era, London, 1957.

- 210. Churchill D. M., Late Quaternary Eustatic Changes in the Swan River District,— «The Journal of the Royal Society of Western Australia», Perth, 1959, vol. 42, pt 2.
- 211. Clegg J. K., A Preliminary Report on the Stone Artifacts from Cathedral Cave, Carnarvon National Park, University of Queensland, 1965.
- 212. Clegg J. K., A Note on the Stone Industry of Cathedral Cave, Carnarvon Gorge, Queensland,— «Mankind», 1965, vol. 6, № 5.
- 213. Cleland J. B., Blood Grouping of Australian Aboriginals,— «Australian Journal of Experimental Biology», 1926, vol. 3.
- 214. Colani M., Quelque stations hoabinhiennes,— «Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient», Hanoi, 1930, t. 29.
- 215. Colani M., Recherches sur le préhistorique Indochinois,— «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», Hanoi, 1931, t. 30.
- 216. Colani M., La civilisation hoabinhienne Extrême-Orientale,— «Bulletin de la Société Préhistorique Française», Paris, 1939, t. 36, № 3.
- 217. Colani M., Indochine Océanie, «Institut Indochinois pour l'étude de l'homme. Bulletins ettravaux», Hanoi, 1941, t. 3, № 1.
- 218. Collins D., Account of the English Colony of New South Wales, London, 1804.

219. Coon C. S., The Origin of Races, New York, 1963. 220. Coon C. S., The Living Races of Man, New York, 1965. 221. Cooper H. M., Large Stone Implements from South Australia,— «Records of the South Australian Museum», 1943, vol. 7, № 4.

- 222. Cooper H. M., Large Archaeological Stone Implements from Hallett Cove, South Australia, - «Transactions of the Royal Society of South Australia», 1959, vol. 82.
- 223. Cooper H. M., The Archaeology of Kangaroo Island, South Australia,—«Records of the South Australian Museum», 1960, vol. 13, № 4.
- 224. Cooper H. M., Archaeological Stone Implements Along the Lower River Wakefield, South Australia, - «Transactions of the Royal Society of South Australia», 1961, vol. 84.
- 225. Cooper H. M., Archaeological Stone Implements from a Lagoon Bed, Kangaroo Island, South Australia, - «Records of the South Australian Museum», 1966, vol. 15, № 2.
- 226. Cotton C. A., Low Sea Levels in the Late Pleistocene,— «Trans. Royal Society of the New Zealand Geology», 1962, vol. 1.
- 227. Couper Black E., The Canoes and Canoe Trees in Australia,-«Mankind», 1947, vol. 3, № 12.
- 228. Coutts P. J. F., Coastal Dunes and Field Archaeology in S. E. Australia, - «Archaeology and Physical Anthropology in Oceania», 1967, vol. 1, № 3.
- 229. Cox'J. C., Drawings by Australian Aborigines,- «Proceedings of the
- Linnaean Society of New South Waless, 1878, vol. 3, № 2. 230. Crocker R. L., Past Climatic Fluctuations and their Influence upon Australian Vegetation,—in: Monographiae Biologicae, vol. 8, Biogeography and Ecology in Australia, Den Haag, 1959.
- 231. Cummins H. and Setzler F. M., Dermatoglyphics of Australian Aborigines,—in: «Records of the American-Australian Scientific Expedition to Arnhem Land», by C. P. Mountford (ed.), Melbourne, 1960,
- 232. Cunning ham P., Two Years in New South Wales, London, 1828.
- 233. Curr E. M., The Australian Race: Its Origin, Language, Customs, Place of Landing in Australia and the Routs by Which it Spread Itself Over that Continent, Melbourne, 1886—1887, vol. 1—4.
 - 234. Dani A. H., Prehistory and Protohistory of Eastern India, Calcutta, 1960.
- 235. Dani A. H., Prehistoric Pakistan,— «Asian Perspectives», 1964, vol. 7, № 1—2.
- 236. Davenport C. B., Notes on Physical Anthropology of Australian Aborigines and Black-White Hybrids,— «America Journal of Physical Anthropology», 1925, vol. 8.
- 237. David T. W. E. and Browne W. R. The Geology of the Commonwealth of Australia, London, 1950.
- 238. Davidson D. S., The Chronological Aspects of Certain Australian Social Institutions, Philadelphia, 1928.
- 239. Davidson D. S., Australian Spear-Traits and Their Derivations,-
- «Journal of the Polynesian Society», 1934, vol. 43, № 2—3. 240. Davidson D. S., Archaeological Problems of Northern Australia,— «The Journal of the Royal Anthropological Institute», 1935, vol. 65.
- 241. Davidson D. S., Is the Boomerang Oriental? «Journal of
- Oriental Society», 1935, vol. 55, № 2. 242. Davidson D. S., The Chronology of Australian Watercraft,— «The Journal of the Polynesian Society», 1935, vol. 44, № 1—4.
- 243. Davidson D. S., The Spearthrower in Australia,— «Proceedings of
- the American Philosophical Society», 1936, vol. 76, № 4.

 244. Davidson D. S., Australian Throwing-Sticks, Throwing-Cl and Boomerangs,—«American Anthropologist», 1936, vol. 38, № 1. Throwing-Clubs,
- 245. Davidson D. S., Australian Aboriginal and Tasmanian Rock Carvings and Paintings,- «Memoirs of the American Philosophical Society», 1936, vol. 5.
- 246. Davidson D. S., A Preliminary Consideration of Aboriginal Australian Decorative Art, - «Memoirs of the American Philosophical Society», 1937, vol. 9.

247. Davidson D. S., The Question of Relationship Between the Cultures of Australia and Tierra del Fuego, - «American Anthropologist», 1937, vol. 39, № 2.

248. Davidson D. S., Transport and Receptacles in Aboriginal Australia,— «The Journal of the Polynesian Society», 1937, vol. 46, № 4.

249. Davidson D. S., Northwestern Australia and the Question of Influences from the East Indies,— «Journal of the American Oriental Society», 1938, vol. 58, № 1.

250. Davidson D. S., Footwear of the Australian Aborigines: Environmental Versus Cultural Determination,— «Southwestern Journal

Anthropology», 1947, vol. 3, № 2. 251. Davids on D. S., The Interlocking Key Design in Aboriginal Austra-

lian Decorative Art,— «Mankind», 1949, vol. 4, № 3. 252. Davidson D. S., Notes on the Pictographs and Petroglyphs of Western Australia and a Discussion on Their Affinities with Appearances Elsewhere on the Continent,— «Proceedings of the American Philosophical Society», 1952, vol. 96, № 1.

253. Davidson D. S., Possible Source and Antiquity of the Slate Churingas of Western Australia,— «Proceedings of the American Philosophical

Society», 1959, vol. 97, № 2.

254. Davidson D. S. and McCarthy F. D., The Distribution and Chronology of Some Important Types of Stone Implements in Western

Australia,— «Anthropos», 1957, B. 52. 255. Davivongs V., The Pelvic Girdle of the Australian Aborigine— «American Journal of Physical Anthropology», 1963, vol. 21, № 4.

256. Dawson R., The Present State of Australia, London, 1830.

257. Deraniyagala P. E. P., Prehistoric Archaeology in Ceylon,—
«Asian Perspectives», 1964, vol. 7, № 1—2.
258. Derbyshire E., Glaciation of the Lake St. Clair District, Western

Central Tasmania,— «The Australian Geographer», 1963, vol. 9, № 2.

259. Dixon R. B., The Racial History of Man, New York, 1923. 260. Dongen R. van., The Shoulder Girdle and Humerus of the Australian Aborigine,— «American Journal of Physical Anthropology», 1963, vol. 21, № 4.

261. Dow E. B., Aboriginal Ceremonial Cairns Near Broken Hill,—
«Oceania», 1938, vol. 9, № 1.
262. Douglas W. H., An Introduction to the Western Desert Language,—

«Oceania Linguistic Monographs», № 4, Sydney, 1957. 263. Dubois E., The Proto-Australian Fossil Man of Wadjak, Java,— «Proceed. Koninklijke Akademie van Wetenschappen», Amsterdam, 1920, vol. 23, № 7.

264. Duckworth W. L. H., Human Remains from Rockshelters and Caves in Perak, Pahang, and Perils and from Selinsing,— «Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society», Singapore, 1934, vol. 12,

265. Dunbar G. R., Notes on the Ngemba Tribe of the Central Darling river, Western New South Wales,—«Mankind», 1943, vol. 3, № 5.

266. Dury G. H., Australian Geochronology,- «The Australian Journal of Science», 1964, vol. 27, № 4.

267. Dury G. H., Australian Geochronology,- «The Australian Journal of Science», 1966, vol. 29, № 6.

268. Dutta P. C., A Recent Lithic Industry of Andamans,— «Ethnos», 1964, № 3-4.

269. Dutta P. C., The Kitchen-Middens of the Andaman Archipelago,in: «Studies in Prehistory. Robert Bruce Foote Memorial Volume», by D. Sen and A. K. Ghosh (ed.), Calcutta, 1966.

270. Earl G. W., On the Shell-Mounds of Province Wellesley in the Malay Peninsula, - «Transactions of the Ethnological Society», London,

1862, vol. 2.

271. Edge-Partington J. and Heape C., Album of the Weapons, Tools, Ornaments, Articles of Dress, etc. of the Natives of the Pacific Islands [б. м.], ser. 3, 1898.

272. Edwards R., A Former Aboriginal Camp-Site on the Sturt River

at Marion, South Australia,— «Mankind», 1964, vol. 6, № 4.

273. Eickstedt E. F., Gedanken über Entwicklung und Gliederung der Menschheit,— «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», 1925, B. 55.

- 274. Eickstedt E. F., Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit, Stuttgart, 1934.
- Elkin A. P., Rock-Paintings of North-West Australia,— «Oceania», 1930, vol. 1, № 3. 275. Elkin
- 276. Elkin A. P., The Social Life and Intelligence of the Australian Abo-
- rigine,— «Oceania», 1932, vol. 3, № 1. 277. Elkin A. P., Cave Paintings in the Carnarvon Ranges, South-East Queensland,— «Oceania», 1940, vol. 11, № 1.
- 278. Elkin A. P., Grey's Northern Kimberley Cave-Paintings Re-Found,-«Oceania», 1948, vol. 19, № 1. 279. Elkin A. P., The Origin and Interpretation of Petroglyphs in South-
- East Australia,— «Oceania», 1949, vol. 20, № 2.
- 280. Etheridge R., Has Man a Geological History in Australia? «Proceedings Linnaean Society N. S. Wales», 1891, vol. 5.
- 281. Evangelista A. E., Philippines,— «Asian Perspectives», 1963, vol. 6, № 1—2.
- 282. Eylmann E., Die Eingeborenen der Kolonie Südaustralien, Berlin, 1908.
- 283. Eyre E. J., Journals of Expeditions of Discovery into Central Australia, London, 1845, vol. 1-2.
- 284. R. W. Fairbridge, The Changing Level of the Sea,— «Scientific American», 1960, v. 202, № 5.
- 285. Fenner F. J., Fossil Human Skull Fragments of Probable Pleistocene Age from Aitape, New Guinea,— «Records of the South Australian Museum», Adelaide, 1941, vol. 6, № 4.
- 286. Fenner F. J., The Australian Aboriginal Skull: Its Non-Metrical Morphological Characters, - «Transactions of the Royal Society of South Australia», Adelaide, 1939, vol. 63, № 2.
- 287. Finch F. H., Pygmy Blacks in North Queensland, «Walkabout», 1955, vol. 21, № 3.
- 288. Finlayson H. H., The Identity of a Supposed Human Molar from the Wellington Caves of New South Wales, - «Records of the Australian Museum», Sydney, 1949, vol 22, № 2.
- 289. Flinders M., A Voyage to Terra Australis, vol. 2, London, 1814.
- 290. Forde-Johnston J. L., Neolithic Cultures of North Africa, Liverpool, 1959.
- 291. Forster J. R., Observations Made during a Voyage Round the World on Physical Geography, Natural History and Ethic Philosophy, London, 1778.
- 292. Freedman L., Metrical Features of Aboriginal Crania from Coastal New South Wales, Australia, - «Records of the Australian Museum», Sydney, 1964, vol. 26, № 12.
- 293. From aget J. et Saurin E., Note préliminaire sur les formation cénozoiques et plus récent de la chaîne Annamitique septentrionale,-«Bulletin du Service Géologique de l'Indochine», Hanoi, 1936, vol. 22, № 3.
- 294. Fürer-Haimendorf C., Spüren polynesischer Besiedlung in Australien,— «Anthropos», 1932, B. 27.
- 295. Fürer-Haimendorf C., Zur Urgeschichte Australiens,— «Anthropos», 1936, B 31, № 1—4.

296. Gallus A., Vorläufiger Bericht über paläolithische Funde in gesicherter Fundlage aus Australien,- «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», 1954, B. 83, № 2. 297. Gallus A., Two Australian Stratigraphic Sequences,— «Current Anth-

ropology», 1964, vol. 5, № 2.

298. Gallus A., Excavations at Koonalda Cave, South Australia,— «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 4. 299. Garn S. M., Human Races, Springfield, 1961.

300. Gates R. R., The Australian Aborigines in a New Setting,- «Man», 1960, vol. 60.

301. Gates R. R., Racial Elements in the Aborigines of Queensland, Australia,— «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», 1960, vol. 50, № 2.

302. Gates R. R., The Genetics of the Australian Aborigines,—«Acta Geneticae Medicae et Gemellologiae», 1960, vol. 9, № 1.

303. Gates R. R., Australian Aborigines and Genetics, - «Nature», 1961,

- vol. 189. 304. Gentilli J., Quaternary Climates of the Australian Region,— «Annals of the New York Academy of Sciences», 1961, vol. 95, № 1.
- 305. Georges O., Révision du crâne mésolithique de Tam-Pong (Laos), «Bulletin et mém. Société anthropol», Paris, 1966, vol. 9, № 3.

306. Ghosh A. (ed.), Indian Archaeology, 1961-1962, New Delhi, 1964.

307. Gill E. D., New Evidence from Victoria Relative to the Antiquity of the Australian Aborigines,— «The Australian Journal of Science», 1951. vol. 14, № 3. 308. Gill E. D., Thylacoleo and Incised Bone,— «The Australian Journal of

Science», 1952, vol. 14, № 6. 309. Gill E. D., Tasmanian Devil, Tasmanian Wolf and the Dingo,— «The Victorian Naturalist», 1953, vol. 70, № 5.

- 310. Gill E. D., Geological Evidence in Western Victoria Relative to the Antiquity of the Australian Aborigines,— «Memoirs of the National Museum of Victoria», Melbourne, 1953, № 18. 311. Gill E. D., Fluorine Tests Relative to the Keilor Skull,— «American
- Journal of Physical Anthropology», 1953, vol. 11.
- 312. Gill E. D., Fluorine Tests in Australia on the Keilor Skull and a Tertiary Marsupial, - «Nature», 1953, vol. 172.

313. Gill E. D., Keilor Man,- «Antiquity», 1954, vol. 28, № 10.

- 314. Gill E. D., The Age of Keilor Man, Australia, «Anthropos», 1955. B. 50, № 1—3.
- 315. Gill E. D., Aboriginal Midden Sites in Western Victoria Dated by Radiocarbon Analysis,---«Mankind», 1955, vol. 5, № 2.
- 316. Gill E. D., Radiocarbon Dates for Australian Archaeological and Geological Samples,— «The Australian Journal of Science», 1955, vol. 18, Nº 2.
- 317. Gill E. D., The Problem of Extinction with Special Reference to Australian Marsupials,— «Evolution». Chicago, 1955, vol. 9, № 1. 318. Gill E. D., The Australian «Arid Period»,— «The Australian Journal
- of Science», 1955, vol. 17, № 6.
- 319. Gill E. D., Fluorine-Phosphate Ratios in Relation to the Age of the Keilor Skull, a Tertiary Marsupial, and other Fossils from Western Victoria,— «Memoirs of the National Museum of Victoria», 1955, No 19.
- 320. Gill E. D., Radiocarbon Dating of Late Quaternary Shorelines in Australia,—«Quaternaria», Roma, 1956, vol. 3.
- 321. Gill E. D., Radiocarbon Dating for Glacial Varves in Tasmania,-«The Australian Journal of Science», 1956, vol. 19, № 2.
- . 322. Gill E. D., Changes in the Level of the Sea Relative to the Land in Australia During the Quaternary Era, - «Zeitschrift für Geomorphologie», Göttingen, 1961, vol. 3, Suppl.

323. Gill E. D., Report of the A.N.Z.A.A.S. Committee for the Investigation of Quaternary Strandline Changes,— «The Australian Journal of Science», 1962, vol. 25.

324. Gill E. D., The Australian Aborigines and the Giant Extinct Marsu-

pials,- «Australian Natural History», 1963, vol. 14, № 8.

325. Gill E. D., Radio-Carbon Dating of Australite Occurrences, Microliths, Fossil Grasstree and Humus Podsol Structures,— «The Australian Journal of Science», 1965, vol. 27, № 10.

326. Gill E. D., Provenance and Age of the Keilor Cranium: Oldest Known Human Skeletal Remains in Australia,— «Current Anthropology», 1966,

vol. 7, № 5.

327. Glover I. C., Stone Implements from Millstream Station, Western Australia,— «Mankind», 1967, vol. 6, № 9.

328. Goddard R. H., Notes on Certain Massive Flaked Implements Found in the Port Stephens District,— «Mankind», 1934, vol. 1.

329. Godlewski A. L., Struktura antropologiczna rdzennej ludności Nowej Gwinei, Australii i Melanezji,— «Materialy i Prace Antropologiczne», Wrocław, 1959, № 12.

330. Goodale J. C., Imlohe and the Mysteries of the Passismanua, South-

West New Britain,— «Expedition», 1966, vol. 8, № 3.

331. Gordon D. H., The Microlithic Industries in India, - «Man», 1938. 332. Gräbner F., Kulturkreise und Kulturschichten in Ozeanien,— «Zeit-

schrift für Ethnologie», 1905, B. 37, № 1.

333. Gräbner F., Wanderung und Entwickelung sozialer Systeme in

Australien,— «Globus», 1906, B. 90. 334. Gräbner F., Die melanesische Bogenkultur und ihre Verwandten,—
«Anthropos», 1909, B. 4, № 3—4, 5—6.

335. Gräbner F., Zur australischen Religionsgeschichte,— «Globus». 1909,

- B. 96. 336. Gräbner F., Australische Speerschleudern,— «Petermanns Mitteilung-
- en», 1912, B. 58. 337. Gräbner F., Melanesische Kultur in Nordostaustralien,— «Ethnologi-
- ca», 1913, B. 2, № 1.
- 338. Gräbner F., Zur Kulturgeschichte der Melville-Insel,— «Ethnologica», 1913, B. 2, № 1.
- 339. Grant-Taylor T. L. and Raiter T. A., New Zealand Natural Radiocarbon Measurements I-V,- «Radiocarbon», New Haven, 1963, vol. 5.

340. Graziosi P., Die Kunst der Altsteinzeit, Florenz, 1956.

341. Green J. H. a. o. University of New South Wales Radiocarbon Dates I,— «Radiocarbon», 1965, vol. 7. 342. Greenberg J. H., Historical Linguistics and Unwritten Languages,—

in: «Anthropology Today», Chicago, 1953. 343. Gregory J. W., The Antiquity of Man in Victoria,— «Proceedings

Royal Society Victoria», 1904, vol. 17.

344. Gresser P. J., New Distributional Records of Stone Implements in New South Wales and Queensland,—«Mankind», 1963, vol. 6, № 1-2, 1964, vol. 6, № 3.

345. Grey G., Journals of two Expeditions of Discovery in North-West and Western Australia, London, 1841, vls 1-2.

- 346. Grey G., A Vocabulary of the Dialects of South-Western Australia, London, 1841.
- 347. Hackenberg R. A., Indonesia,— «Asian Perspectives», 1957, vol. 1, No 1-2.

348. Hagen A., Rock Carvings in Norway, Oslo, 1965.

349. Hagen B., Die ältesten Spuren des Menschen in Australien,- «Globus», 1904, B. 85, № 16.

350. Haekel J., Ethnologische und prähistorische Probleme Australiens,-«Wiener Völkerkundliche Mitteilungen», 1954, B. 2, No 1.

351. Hale H. M. and Tindale N. B., Further Notes on the Aboriginal Rock Carvings of South Australia,—«The South Australian Naturalist», 1929, vol. 10, № 2.

352. Hale H. M. and Tindale N. B., Notes on Some Human Remains in the Lower Murray Valley, South Australia,—«Records of the South Australian Museum», Adelaide, 1930, vol. 4, № 2.
353. Hale K., Classification of Northern Paman Languages, Cape York

Peninsula, Australia,— «Oceanic Linguistics», 1964, vol. 3, № 2. 354. Hambly W. D., The Preservation of Local Types of Weapons and

Other Objects in Western Australia,— «American Anthropologist», 1931, vol. 33, № 1.

- 355. Hammel H. T., Elsner R. W., Messurier D. H. Le., Andersen K. L. and Milan F. A., Thermal and Metabolic Responses of the Australian Aborigine Exposed to Moderate Cold in Summer,—«Journal of Applied Physiology», 1959, vol. 14, № 4.
- 356. Harrison H. S., Flint Tranchets in the Solomon Islands and Elsewhere,— «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1931,
- 357. Harrisson T., The Great Cave of Niah,—«Man», 1957, vol. 57, № 211.
- 358. Harrisson T., Carbon-14 Dated Palaeoliths from Borneo,— «Nature», 1958 vol. 181.
- 359. Harrisson T., New Archaeological and Ethnological Results from Niah Caves, Sarawak,— «Man», 1959, vol. 59, № 1.
- 360. Harrisson T., Niah Excavations, 1957—1961,—«Asian Perspectives», 1961, vol. 5, № 2.
- 361. Harrisson T., 50 000 Years of Stone Age Culture in Borneo, «Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution», Washington, 1965.
- 362. Harrisson T., New Archaeological Research in the Great Cave at Niah and Elsewhere in Borneo, With Special Reference to the Early Stone Age,—«Proceedings of the 11th Pacific Science Congress», Tokyo, 1966, vol. 9, Prehistory and Archaeology.
- 363. Harrisson T. and Medway Lord, A First Classification of Prehistoric Bone and Tooth Artifacts Based on Material from Niah Great Cave,-«The Sarawak Museum Journal», 1962, vol. 10.
- 364. Heekeren H. R. van. Prehistoric Discoveries in Siam 1943—1944.— «Proceedings of the Prehistoric Society», 1948, vol. 14, № 2.
- 365. Heekeren H. R. van, The Stone Age of Indonesia, S.-Gravenhage, 1957.
- 366. Heekeren H. R. van, The Tjabenge Flake Industry from South Celebes,— «Asian Perspectives», 1958, vol. 2, № 2.
- 367. Heekeren H. R. van, A Preliminary Note on the Excavation of the Sai-Yok Rock-Shelter,— «The Journal of the Siam Society», 1961, vol. 49, № 2.
- 368. Heeren H. J., Indonesische Cultuurinvloeden in Australie,— «Indonesie», S-Gravenhage, Jg. 1952-1953.
- 369. Heider K. G., A Pebble-Tool Complex in Tailand,— «Asian Perspectives», 1958, vol. 2, № 2.
- 370. Heine-Geldern R., Urheimat und früheste Wanderungen der Austronesier,— «Anthropos», 1932, B. 27, № 3—4.
- 371. Heine-Geldern R., Prehistoric Research in Indonesia,— «Annual Bibliography of Indian Archaeology for the Year 1934», vol. 9, Leyden,
- 372. Heine-Geldern R., Prehistoric Research in the Netherlands Indies,—in: «Science and Scientists in the Netherlands Indies», New York, 1945.
- 373. Hentze C., Die Regenbogenschlange. Alt-China und Alt-Amerika,—«Anthropos», 1966, B. 61, № 1—2.

374. Heyerdahl T. and Ferdon E. N. (eds.), Reports of the Norwegian Archaeological Expedition to Eastern Island and East Pacific. Stockholm, 1965, vol. 2.

- 375. Himmelheber H., Eskimokünstler, Eisenach, 1953. 376. Holmer N. M., On the History and Structure of the Australian Languages, Lund, 1963.
- 377. Hone M. R., The Postorbital Wall: a Comparative and Ethnological Study,— «Transactions of the Royal Society of South Australia», 1952, vol. 75.
- 378. Hooijer D. A., Man and Other Mammals from Toalean Sites in South-Western Celebes, Amsterdam, 1950.
- 379. Hooijer D. A., The Giant Extinct Pangolin (Manis Palaeojavanica Dubois) from Niah,— «The Sarawak Museum Journal», 1960, vol. 9.

380. Hooton E: A., Up from the Ape, New York, 1946.

- 381. Horne G. and Aiston C., Savage Life in Central Australia, London, 1924.
- 382. Hornell J., South Indian Blow-Guns, Boomerangs and Cross-
- bows,— «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1924, vol. 54. 383. Hossfeld P. S., The Stratigraphy of the Aitape Skull and Its Significance,— «Transactions of the Royal Society of South Australia», 1949, vol. 72, № 2.
- 384. Hossfeld P. S., The Aitape Calvarium, «The Australian Journal of Science», 1964, vol. 27, № 6. 385. Howells W. W., Anthropometry of the Natives of Arnhem Land and
- the Australian Race Problem, «Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology», Cambridge Mass., 1937, American vol. 16, № 1.
- 386. Howitt A. W., On the Migrations of the Kurnai Ancestors, «Journal of the Anthropological Institute», 1886, vol. 15.
- 387. Howitt A. W., The Native Tribes of South-East Australia, London, 1904.
- 388. Hrdlička A., The Peopling of the Earth,— «Proceedings of the American Philosophical Society», Philadelphia, 1926, vol. 65, № 3.
- 389. Hrdlička A., Light Hair in Australian Aborigines,— «American Journal of Physical Anthropology», 1926, vol. 9, № 1.
- 390. Hrdlička A., Catalogue of Human Crania in the United States National Museum Collections. Australians, Tasmanians, South African Bushmen, Hottentots and Negro, - «Proceedings of the United States National Museum», Washington, 1928, vol. 71, № 24.
- 391. Hubbs C. L., Bien G. S. and Suess H. E., La Jolla Radiocarbon Measurements II,— «Radiocarbon», 1962, vol. 4.
- 392. Hull W., Remarks on the Probable Origin and Antiquity of the Aboriginal Natives, Melbourne, 1846.
- 393. Huxley T. H., Letter on the Human Remains Found in the Shell Mounds,— «Transactions of the Ethnological Society», London, 1863, vol. 2.
- 394. Huxley T. H., On the Geographical Distribution of the Chief Modifications of Mankind,— «The Journal of the Ethnological Society», London, 1870, vol. 2.
- 395. Huxley T. H., Man's Place in Nature, London, 1906.
- 396. Idriess I. L., Our Living Stone Age, Sydney, 1963. 397. Ivens W. G., Flints in the Southeast Solomon Islands,— «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1931, vol. 61.
- 398. Jackson G. K., Aboriginal Middens at Point Cartwright District,--«Memoirs of the Queensland Museum», Brisbane, 1939, vol. 11.
- 399. Jennings J. N., The Submarine Topography of Bass Strait,— «Proceedings of the Royal Society of Victoria», Melbourne, 1959, vol. 71.
- 400. Jennings J. N. and Banks M. R., The Pleistocene Glacial History of Tasmania,— «Journal of Glaciology», 1958, vol. 3.

401. Jennings J. N. and Mabbutt J. A., Landform Studies from Australia and New Guinea, Canberra, 1967.

402. Johnson J. E., Observations on Some Aboriginal Campsites in South Australia and Adjoining States. Pts 1-2,- «Mankind», 1963, vol. 6, № 2; 1964, vol. 6, № 4. 403. Joshi R. V., Acheulian Succession in Central India,— «Asian Per-

spectives», 1966, vol. 8, № 1.

404. Kaudern W., Games and Dances in Celebes, Göterborg, 1929.
405. Keble R. A., Notes on Australian Quaternary Climates and Migrations,—«Memoirs of the National Museum of Victoria», Melbourne, 1947, vol. 15.

406. Keesing F. M., Some Notes on Early Migrations in the Southwest Pacific Area,— «Southwestern Journal of Anthropology», 1950, vol. 6,

407. Keith A., The Antiquity of Man, London, 1925.

408. Keith A., Origins of Modern Races of Mankind,— «Nature», 1936,

409. Keith A., A New Theory of Human Evolution, London, 1949. 410. Kemp T. B., The Prehistory of the Tasmanian Aborigines,—«Austra-

lian Natural History», 1963, vol. 14, № 8.

411. Kenyon A. S. and Stirling D. L., Australian Aboriginal Stone Implements. A Suggested Classification,— «Proceedings of the Royal Society of Victoria», 1900, vol. 13.

412. Kenyon A. S. and Mahony D. J., Guide to the Stone Implements

of the Australian Aborigines, Melbourne, 1914.

413. Kenyon A. S., Mahony D. J. and Mann S. F., Megalithic Culture in Australia,— «Report of the Australasian Association for the Advancement of Science», 1924, vol. 17.

414. Kenyon A. S., Mahony D. J. and Mann S. F., Evidence of Outside Culture Inoculations,- «Report of the Australasian Association for

the Advancement of Science», 1924, vol. 17.

415. Khatri A. P., Stone Age and Pleistocene Chronology of the Narmada Valley (Central India),— «Anthropos», 1961, B. 56, № 3—4. 416. Khatri A. P., Mahadevian: an Oldowan Pebble Culture of India,—

«Asian Perspectives», 1963, vol. 6, № 1—2.

- 417. Khatri A. P., Origin and Evolution of Hand-Axe Culture in the Narmada Valley (Central India), - in: D. Sen and A. K. Ghosh, Studies in Prehistory. Robert Bruce Foote Memorial Volume, Calcutta, 1966.
- 418. Kigoshi K., Lin D. and Endo K., Gakushuin Natural Radiocarbon Measurements III,— «Radiocarbon», New Haven, 1964, vol. 6.

419. Kigoshi K. and Kobayashi H., Gakushuin Natural Radiocarbon Measurements IV,— «Radiocarbon», 1965, vol. 7. 420. King D., The Quaternary Stratigraphic Record at Lake Eyre North,—

- «Transactions of the Royal Society of South Australia», Adelaide, 1956, vol. 79.
- 421. King P. P., Narrative of a Survey of the Intertropical and Western Coasts of Australia (1818—1822), London, 1827, vls 1—2.
- 422. Kirk R. L., The Genetic Picture, in: R. M. and C. H. Berndt, The World of the First Australians, London, 1964.
- 423. Kirk R. L., The Distribution of Genetic Markers in Australian Aborigines,— «Australian Institute of Aboriginal Studies, Occasional Papers», Canberra, 1965, № 4.
- 424. Kirk R. L., Cleve H. and Bearn A. G., The Distribution of the Gc-Types in Sera from Australian Aborigines,— «American Journal of Physical Anthropology», 1963, vol. 21, № 2.
- 425. Klaatsch H., Die Steinartefakte der Australier und Tasmanier, vergleichen mit denen der Urzeit Europas,- «Zeitschrift für Ethnologie», 1908, B. 40, № 3.

- 426. Koenigswald G. H. R. von, Early Palaeolithic Stone Implements from Java,— «Bulletin of the Raffles Museum», Singapore 1936, vol. 1.
- 427. Koenigswald G. H. R. von, Das Pleistocan Javas,— «Quartar», 1939, v. 2.
- 428. Kooptzoff O. and R. J. Walsh, The Blood Groups of a Further Series of Australian Aborigines,— «Oceania», 1957, vol. 27, № 3.
- 429. Kroeber A. L., Relationships of the Australian Languages, «Journal and Proceedings of the Royal Society of New South Wales», 1923, vol. 57.
- 430. Kroeber A. L., Anthropology, New York, 1948.
- 431. Kruczkiewicz E., Ossa australica,— «Materialy i prace antropologiczne», Wrocław, 1962, № 58.
 432. Kühn H., Die Felsbilder Europas, Stuttgart, 1952.
- 433. Lal B. B., Palaeoliths from the Beas and Banganga Valleys, Panjab,-«Ancient India», 1956, vol. 12.
- 434. Lal B. B., Birbhanpur: a Microlithic Site in the Damodar Valley, West Bengal,— «Ancient India», 1958, vol. 14.
- 435. Lal B., A Decade of Prehistoric and Protohistoric Archaeology in India, 1951—1960,— «Asian Perspectives», 1964, vol. 7, № 1—2.

- 436. La I B. B., India,— «Asian Perspectives», 1966, vol. 8, № 1. 437. Lamb A., Malaya,— «Asian Perspectives», 1960, vol. 4, № 1—2. 438. Lampert R. J., An Excavation at Durras North, New South Wales,— «Árchaeology and Physical Antropology in Oceania», 1966, vol. 1, № 2.
- T., 439. Langford-Smith Riverine Plains Geochronology, - «The Australian Journal of Science», 1962, vol. 23, № 3.
- 440. Landtman G., The Kiwai Papuans of British New Guinea, London,
- 441. Lane Fox (Pitt-Rivers) A., On the Egyptian Boomerang and Its Affinities, - «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1883, vol. 12.
- 442. Laseron C. F., The Face of Australia, Sydney, 1957.
- 443. Lasker G. W., Migration and Physical Differentiation,— «American Journal of Physical Anthropology», 1946, vol. 4.
- 444. Latham R. G., Elements of Comparative Philology, London, 1862.
- 445. Lebzelter V., Palaeolithische Funde aus Atjeh (Nord Sumatra),— «Archiv für Anthropologie», 1935, B. 23.
- 446. Leeuwe J. de, Male Right and Female Right Among Autochtons of Arnhem Land,—«Acta Ethnographica», 1964, T. 13, № 1-4.
- 447. Lenk-Chevitch P., The Origin of the Returning Boomerang,-«Man», 1949, vol. 49.
- 448. Lenoch J. E. J., Wurfholz und Bumerang, Wien, 1949.
- 449. Leroi-Gourhan A., Préhistoire de l'art occidental, Paris, 1965.
- 450. Lindsay H. A., Australia's First Human Population, «Walkabout», Melbourne, 1954, vol. 20, № 1.
- 451. Lockwood D., I, the Aboriginal, London, 1962. 452. Lockwood D., The Lizard Eaters, Melbourne, 1964.
- 453. Lommel A., Australishe Felsbilder und ihre ausseraustralischen Pagines,— «Australian Institute of Aboriginal Studies, Occasional Papers»,
- 454. Lommel A., Motiv und Variation, München, 1962.
- 455. Lommel A., Zur Deutung von Felsbildern. Festschrift für A. E. Jensen zu seinem 65. Geburtstag, München, 1964, B. I.
- 456. Lommel A., Die Welt der frühen Jäger, Medizinmänner, Schamanen, Künstler, München, 1965.
- 457. Lommel A. und K., Die Kunst des fünften Erdteils, München, 1959.
 458. Love J. R. B., Rock Paintings of the Worora and their Mythological Interpretation,— «Journal and Proceedings of the Royal Society of Western Australia», 1930, vol. 16.
- 459. Love J. R. B., Illustrations of Stone Monuments of the Worora,-«Records of the South Australian Museum», 1938, vol. 6, № 2.
- 460. Lubbock J., Pre-Historic Times, London, 1865.

461. Lundman B., Geography of Human Blood Groups,— «Evolution», 1948, vol. 2.

462. Lundman B., Abriss der Rassenkunde des Menschen in geschichtlicher Zeit, Uppsala, 1963.

463. Lundman B., The ABO-System and Racial Geography,— «Current

Anthropology», 1966, vol. 7, № 2. 464. Macintosh N. W. G., Archaeology of Tandandjal Cave, South-West Arnhem Land,— «Oceania», 1951, vol. 21, № 3.

465. Macintosh N. W. G., Stature in Some Aboriginal Tribes in South-

West Arnhem Land,— «Oceania», 1952, vol. 28. 466. Macintosh N. W. G., The Talgai Teeth and Dental Arch: Remeasure-

ment and Reconstruction,— «Oceania», 1952, vol. 23, № 2.

467. Macintosh N. W. G., The Cohuna Cranium, History and Commentary from Nov. 1925 to Nov. 1951,— «Mankind», 1952, vol. 4, № 8.

468. Macintosh N. W. G., Paintings in Beswick Creek Cave, Northern Territory,— «Oceania», 1952, vol. 22, № 4.

469. Macintosh N. W. G., The Cohuna Cranium: Teeth and Palate,—

«Oceania», 1952, vol. 23, № 2.

470. Macintosh N. W. G., The Cohuna Cranium: Physiography and Chemical Analysis,— «Oceania», 1953, vol. 23, № 4.

471. Macintosh N. W. G., Dingo and Horned Anthropomorph in an Aboriginal Rock Shelter,— «Oceania», 1965, vol. 36, № 2.

472. Macintosh N. W. G., The Physical Aspect of Man in Australia.— in: «Aboriginal Man in Australia», by R. M. and C. H. Berndt Sydney, 1965.

473. Macintosh N. W. G., Fossil Man in Australia with Particular Reference to the 1965 Discovery at Green Gully near Keilor, Victoria,—
«The Australian Journal of Science», 1967, vol. 30, № 3.

474. Macintosh N. W. G. and Barker B. C. W., The Osteology of Aboriginal Man in Tasmania,— «The Oceania Monographs», № 12, Sydney, 1965.

475. Mahony D. J., The Problem of Antiquity of Man in Australia,-«Memoirs of the National Museum of Victoria», Melbourne, 1943, No 13.

476. Mahony D. J., The Keilor Fossil Skull: Geological Evidence of Antiquity,— «Memoirs of the National Museum of Victoria», 1943, № 13.

477. Mahony D. J., Baragwanath D. J., Wood Jones F. and Kenyon A. S., Fossil Man in the State of Victoria, Australia,— «XVI International Geological Congress», Washington, 1936.

478. Mansuy H., Contribution à l'étude de la préhistoire de l'Indochine,-«Mémoires du Service Géologique de l'Indochine», Hanoi, 1923, T. 10. 479. Mansuy H., Contribution à l'étude de la préhistoire de l'Indochine,—

«Mémoires du Service Géologique de l'Indochine», 1924, T. 11.

480. Mansuy H. et Colani M., Contribution à l'étude de la préhistoire de l'Indochine, «Mémoires du Service Géologique de l'Indochine», 1925, T. 12.

481. Maringer J., Some Stone Tools of Early Hoabinhian Type from Central Japan,— «Man», 1957, vol. 57, № 1.

482. Martin R., Lehrbuch der Anthropologie, Jena, 1928, Bds. 1-3.

483. Martin R. und Saller K., Lehrbuch der Anthropologie, Stuttgart, 1962.

484. Massola A., Australian Fishhooks and their Distribution,— «Memoirs of the National Museum of Victoria», 1956, № 22, pt I.

485. Massola A., A Victorian Bark Engraving in the British Museum,-«Victorian Naturalist», 1958, vol. 75.

486. Massola A., On the Western Australian Kodja,— «Proceedings of the Royal Society of Victoria», 1960, vol. 72, pt. 2.

487. Massola A., The Grinding Rocks at Gellibrand,— «Victorian Naturalist», 1962, vol. 79, № 3.

488. Mathew J., Eaglehawk and Crow, London, 1899.

489. Mathew J., Two Representative Tribes of Queensland, London, 1910.

- 490. Matthews J. M., The Hoabinhian Affinities of Some Australian Assemblages,— «Archaeology and Physical Anthropology in Oceania», 1966, vol. I, № 1.
- 491. McBryde I., New Radiocarbon Dates for Australia, «Antiquity», 1961, vol. 35, № 140.
- 492. McBryde I., Archaeological Field Survey Work in Northern New South Wales,— «Oceania», 1962, vol. 33, № 1.
- 493. McBryde I., An Unusual Series of Stone Arrangements Near the Serpentine River, Ebor District, New South Wales,—«Oceania», 1963, vol. 34. № 2.
- 494. M c B r y d e I., The Linear Engravings of the Clarence Valley, Northern New South Wales,— «Oceania», 1964, vol. 34, № 3.
- 495. McBryde I., Radio-Carbon Dates for Northern New South Wales,-
- «The Australian Journal of Science», 1965, vol. 27, № 9. 496. McBryde I., Radio-Carbon Dates for Archaeological Sites in the Clarence Valley, Northern New South Wales,— «Oceania», 1965, vol. 35,
- 497. McCarthy F. D., «Trade» in Aboriginal Australia, and «Trade» Relationships with Torres Strait, New Guinea and Malaya,- «Oceania», 1939, vol. 9, № 4; vol. 10, № 1—2.
- 498. McCarthy F. D., A Comparison of the Prehistory of Australia with that of Indo-China, the Malay Peninsula and the Netherlands East Indies,- «Proceedings of the Third Congress of Prehistorians of the Far
- East», Singapore, 1940. 499. McCarthy F. D., Aboriginal Australian Material Culture: Causative Factors in Its Composition,— «Mankind», 1940, vol. 2, № 8-9.
- 500. McCarthy F. D., The Bone Point Known as Muduk in Eastern Australia,— «Records of the Australian Museum», 1940, vol. 20, № 5. 501. McCarthy F. D., Two Pebble Industry Sites of Hoabinhien I Type
- on the North Coast of New South Wales,- «Records of the Australian Museum», Sydney, 1941, vol. 21, № 1.
- 502. McCarthy F. D., An Analysis of the Knapped Implements from Eight Elouera Industry Stations on the South Coast of New South Wales,— «Records of the Australian Museum», 1943, vol. 21, № 3.
- 503. McCarthy F. D., Trimmed Pebble Implements of Kartan Type from Ancient Kitchen Middens at Clybucca, New South Wales,— «Records of the Australian Museum», 1943, vol. 21, № 3.
- 504. McCarthy F. D., The Coroid and Knapped Stone Implements of the Bathurst District,— «Records of the Australian Museum», 1943, vol. 21,
- 505. McCarthy F. D., An Analysis of the Large Stone Implements from Five Workshops on the North Coast of New South Wales, -«Records of the Australian Museum», 1946, vol. 21, No 7.
- 506. McCarthy F. D., The Lapstone Creek Excavation: Two Culture Periods in Eastern New South Wales,— «Records of the Australian Museum», 1948, vol. 22, № 1.
- 507. McCarthy F. D., The Prehistoric Cultures of Australia,— «Oceania» 1949, vol. 19, № 4.
- 508. McCarthy F. D., Stone Implements from Tandandjal Cave, «Oceania», 1951, vol. 21. № 3.
- 509. McCarthy F. D., Some New Records of Tanged Implements and Pounders in Eastern Australia,—«Mankind», 1952, vol. 4, № 9.
- 510. McCarthy F. D., A Circumcision Ceremony and Stone Arrangement at Umba Kumba, Groote Eylandt,— «Records of the Australian Museum», 1953, vol. 23.
- 511. McCarthy F. D., The Oceanic and Indonesian Affiliations of Australian Aboriginal Culture,- «The Journal of the Polynesian Society», 1953, vol. 62, № 3.
- 512. McCarthy F. D., Australian Aboriginal Decorative Art, Sydney, 1956.
- 513. McCarthy F. D., Records of the Rock Engravings of the Sydney-

Hawkesbury District, Parts 1-2,- «Records of the Australian Museum»,

1956—1959, vol. 24. 514. McCarthy F. D., Australia's Aborigines. Their Life and Culture. Melbourne, 1957.

515. McCarthy F. D., Distributional Notes on Northern Australian Point

Industries,— «Mankind», 1957, vol. 5, № 4.

516. Mc Carthy F. D., Records of the Rock Engravings of the Sydney District,— «Mankind», 1958, vol. 5, № 5; 1960, vol. 5, № 9.

517. Mc Carthy F. D., Australian Aboriginal Rock Art, Sydney, 1958.

518. McCarthy F. D., Culture Succession in South-Eastern Australia,-

«Mankind», 1958, vol. 5, № 5.

519. McCarthy F. D., Cave Art of the Conjola District, New South Wales,— «Records of the Australian Museum», 1959, vol. 24.

520. McCarthy F. D., The Cave Paintings of Groote Eylandt and Chasm Island,— in: «Records of the American-Australian Scientific Expedition to Arnhem Land», by C. P. Mountford (ed.), Melbourne, 1960, vol. 2.

521. McCarthy F. D., Rock Art in Central Queensland,— «Mankind»,

1960, vol. 5, № 9. 522. McCarthy F. D., Report on Australia and Melanesia,— «Asian Perspectives», 1961, vol. 5, № 2.

- 523. McCarthy F. D., The Boomerang,—«The Australian Museum Magazine», 1961, vol. 13, № 11.
 524. McCarthy F. D., A Remarkable Ritual Gallery of Cave Paintings in Eastern New South Wales,—«Records of the Australian Museum», 1961, vol. 25, № 7.
- 525. McCarthy F. D., The Rock Engravings of Depuch Island, Northwest Australia,—«Records of the Australian Museum». 1961. vol. 25, № 8.
- 526. McCarthy F. D., The Rock Engravings at Port Hedland, Northwestern Australia,— «Papers of the Kroeber Anthropological Society»,
- University of California, 1962, № 26. 527. McCarthy F. D., Some Comments on the Progress of Archaeology in Australia,— «Mankind», 1962, vol. 5, № 11.
- 528. McCarthy F. D., The Prehistory of the Australian Aborigines,-
- «Australian Natural History», 1963, vol. 14, № 8. 529. McCarthy F. D., The Art of the Rock-Faces,—in: «Australian Aboriginal Art», by R. M. Berndt (ed.), Sydney, 1964.
- 530. McCarthy F. D., Australia. Rock Art,— «Asian Perspectives», 1964, vol. 7, № 1—2.
 531. McCarthy F. D., The Archaeology of the Capertee Valley, New
- South Wales,- «Records of the Australian Museum», 1964, vol. 26,
- 532. McCarthy F. D., The Aboriginal Past: Archaeological and Material Equipment,—in: «Aboriginal Man in Australia», by R. M. and C. H. Berndt (eds), Sydney, 1965.
- 533. McCarthy F. D., The Prehistory of Australia, «Australian Territories», 1966, vol. 6, № 1.
- 534. McCarthy F. D., Australian Aboriginal Stone Implements, Sydney, 1967.
- 535. McCarthy F. D., Bramell E. and Noone H. V. V., The Stone Implements of Australia,— «The Australian Museum», Memoir 9, Sydney, 1946.
- 536. McCarthy F. D. and Davidson F. A., The Elouera Industry of Singleton, Hunter River, N. S. W., - «Records of the Australian Museum», 1943, vol. 21, № 4.
- 537. McCarthy F. D. and Macintosh N. W. G., The Archaeology of Mootwingee, Western New South Wales,—«Records of the Australian Museum», 1962, vol. 25, № 13.

25 в. Р. кабо 385 538. McCarthy F. D. and Setzler F. M., The Archaeology of Arnhem Land,- in: «Records of the American-Australian Scientific Expedition to Arnhem Land», by C. P. Mountford (ed.), Melbourne, 1960, vol. 2.

539. McConnel U. H., Totem Stones of the Kantyu Tribe, Cape York

Peninsula, North Queensland,— «Oceania», 1932, vol. 2, № 3.

540. McLennan J. F., Primitive Marriage, Edinburgh, 1865.
541. Megaw J. V. S. Excavations in the Royal National Park, New South Wales: a First Series of Radiocarbon Dates from the Sydney District,— «Oceania», 1965, vol. 35, № 3.

542. Megaw J. V. S., The Excavation of an Aboriginal Rock-Shelter on Gymea Bay, Port Hacking, N. S. W.,— «Archaeology and Physical Anthropology in Oceania», 1966, vol. 1, № 1.
543. Megaw J. V. S., Report on Excavations in the South Sydney District

1964—65,— «Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter», Canberra, 1966, vol. 2, № 3.

544. Megaw J. V. S., Radiocarbon Dates from Curracurrang Cove, N. S. W., - «Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter»,

Canberra, 1967, vol. 2, № 5.

545. Meggitt M. J., Desert People, Sydney, 1962.

546. Meggitt M. J., Gadjari Among the Walbiri Aborigines of Central

Australia,— «Oceania», 1966, vol. 37, № 1.

547. Mendes Correa A. A., Almeida A., Cinatti R., Preliminary Notice of a Palaeolithic Station in the Eastern Malaysian Archipelago,— «Abstracts of Papers Presented to the VIII Pacific Science Congress and the IV Far-Eastern Prehistory Congress», Quezon city, 1953.

548. Micha F. J., Zur Geschichte der australischen Eingeborenen.— «Sae-

culum», 1965, B. 16, № 4.

549. Mijsberg W. A., Recherches sur les restes humains trouvés dans les fouilles de l'abri sous roche du Goewa-Lawa à Sampoeng.— «Bulletin du Service Archéologique des Indes Néerlandaises», Batavia, 1932.

550. Mijsberg W. A., On a Neolithic Palaemelanesian Lower Jaw found in a Kitchen-Midden at Guak Kepah,— «Proceedings of the Congress of Prehistorians of the Far East», Singapore, 1940.

551. Milicerova H., Crania Australica,— «Materialy i Prace Antropolo-

giczne», Wroclaw, 1955, № 6.

552. Milke W., Totemzentren und Vermehrungsriten in Australien und Ozeanien,— «Zeitschrift für Ethnologie», 1936, B. 68, № 1—3.

553. Mitchell S. R., Stone Age Craftsmen, Melbourne, 1949.

- 554. Mitchell S. R., An Aboriginal Bone Industry,— «Mankind», 1958, vol. 5, № 5.
- 555. Mitchell S. R., Analysis of Some Australian Aboriginal Surface Sites,— «Mankind», 1962, vol. 5, № 11.
- 556. Mitchell T. L., Journal of an Expedition Into the Interior of Tropical Australia, London, 1848.
- 557. Moore D. R., Archaeological Field Survey of the Hunter River Valley, N. S. W. by the Australian Museum, - «Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter», Canberra, 1967, vol. 2, № 5.
- 558. Morant G. W., A Study of the Australian and Tasmanian Skulls Based on Previously Published Measurements,— «Biometrica», London, 1927, vol. 19, № 3—4.
- 559. Mountford C. P., Aboriginal Stone Structures in South Australia,—
 «Transactions of the Royal Society of South Australia», 1927, vol. 51.

560. Mountford C. P., Aboriginal Stone Structures,— «Transactions of the Royal Society of South Australia», 1940, vol. 64, pt 2.

561. Mountford C. P., An Unrecorded Method of Aboriginal Rock Marking,— «Records of the South Australian Museum», 1955, vol. 11, Nº 4.

- 562. Mountford C. P., Art, Myth and Symbolism. Records of the American-Australian Scientific Expedition to Arnhem Land, Melbourne,
- 563. Mountford C. P., The Tiwi: Their Art, Myth and Ceremony. London, 1958.
- 564. Mountford C. P., Unusual Rock Markings in Australia,—
 «Mankind», 1960, vol. 5, № 9.
- 565. Mountford C. P., Aboriginal Art, London, 1961. 566. Mountford C. P., Ayers Rock. Its People, Their Beliefs and Their Art, Sydney, 1965.
- 567. Mountford C. P. and Edwards R., Aboriginal Rock Engravings of Extinct Creatures in South Australia, - «Man», 1962, vol. 62.
- 568. Mountford C. P. and R. Edwards, Rock Engravings of Panaramitee Station, Northeastern South Australia,—«Transactions of the Royal Society of South Australia», Adelaide, 1963, vol. 86.
 569. Mountford C. P. and Harvey A., A Survey of Australian Abo-
- riginal Pearls and Baler Shell Ornaments,— «Records of the South Australian Museum», 1938, vol. 6, № 2.
- 570. Mourant A. E., The Distribution of the Human Blood Groups, Oxford, 1954.
- 571. Mourant A. E., Kopec A. C. and Domaniewska-Sobszak K., The ABO Blood Groups: Comprehensive Tables and Maps of World Distribution, Oxford, 1958. 572. Movius H. L., The Stone Age of Burma,— «Transactions of the Ame-
- rican Philosophical Society», Philadelphia, 1943, vol. 32, pt 3.
- 573. Movius H. L., Early Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia,— «Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», 1944, vol. 19, № 3.
- 574. Movius H. L., The Lower Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia,— «Transactions of the American Philosophical Society», Philadelphia, 1948, vol. 38, pt 4.
- 575. Müller F., Grundriss der Sprachwissenschaft, Wien, 1879, B. 2.
- 576. Mulvaney D. J., Research in the Prehistory of Victoria: a Criticism and a Report on a Field Survey, - «Historical Studies», 1957, vol. 8, № 29.
- 577. Mulvaney D. J., The Australian Aborigines 1606—1929: Opinion and Fieldwork,— «Historical Studies», Melbourne, 1958, vol. 8, № 30.
- 578. Mulvaney D. J., Dating of Australian Prehistory,— «Nature», 1959, vol. 184, № 12.
- 579. Mulvaney D. J., Archaeological Excavations at Fromm's Landing on the Lower Murray River, South Australia,— «Proceedings of the Royal Society of Victoria», 1960, vol. 72, pt 2.
- 580. Mulvaney D. J., Recent Archaeological Excavations in Australia,--
- «The Journal of the Polynesian Society», 1960, vol. 69. 581. Mulvaney D. J., The Stone Age of Australia,— «Proceedings of the Prehistoric Society», Cambridge, 1961, vol. 27, № 4.
- 582. Mulvaney D. J., Archaeological Excavations on the Aire River, Otway Peninsula, Victoria,— «Proceedings of the Royal Society of Victoria», 1962, vol. 75, pt 1.
- 583. Mulvaney D. J., Advancing Frontiers in Australian Archaeology,--«Oceania», 1962, vol. 33, № 2.
- 584. Mulvaney D. J., The Pleistocene Colonization of Australia, «Antiquity», 1964, vol. 38, № 152.
- 585. Mulvaney D. J., Australian Archaeology 1929—1964: Problems and Policies,— «The Australian Journal of Science», 1964, vol. 27, № 2.
- 586. Mulvaney D. J., Bêche-de-mer, Aborigines and Australian history,— «Proceedings of the Royal Society of Victoria», 1966, vol. 79, pt 2.
- 587. Mulvaney D. J., The Prehistory of the Australian Aborigine,— «Scientific American», 1966, vol. 214, № 3.

25

588. Mulvaney D. J., Recent Discoveries Concerning the Pleistocene Occupation of Australia, - «Proceedings of the 11-th Pacific Science Congress», Tokyo, 1966, vol. 9, Prehistory and Archaeology.

589. Mulvaney D. J. and Joyce E. B., Archaeological and Geomorphological Investigations on Mt. Moffatt Station, Queensland, Australia,-

«Proceedings of the Prehistoric Society», 1965, vol. 31, № 8. 590. Mulvaney D. J., Lawton G. H. and Twidale C. R., Archaeological Excavation of Rock Shelter no. 6, Fromm's Landing, South Australia,— «Proceedings of the Royal Society of Victoria», vol. 77, pt 2.

591. Murphy T., The Sphenoethmoidal Articulation in the Anterior Cranial Fossa of the Australian Aborigine,— «American Journal of Physical Anthropology», 1955, vol. 13.

592. Myres J. L. (ed.), The Evolution of Culture and Other Essays by A. L. Pitt-Rivers, Oxford, 1906. 593. Nguyên Duy, Etat actuel de l'étude raciale des crânes anciens dé-

couverts au Vietnam,— «L'Anthropologie», 1964, T. 71, № 3—4.

594. Nekes H. and Worms E. A., Australian Languages,— «Micro-

Bibliotheca Anthropos», 1953, vol. 10 595. Nielsen E., The Thai — Danish Prehistoric Expedition 1960— 1962,— «Folk», Kobenhavn, 1962, vol. 4.

596. Noone H. V. V., Some Aboriginal Stone Implements of Western Australia,— «Records of the South Australian Museum», 1943, vol. 7, № 3.

597. Noone H. V. V., Some Implements of the Australian Aborigines with European Parallels,— «Man», 1949, vol. 49, art. 146.

598. Noone H. V. V., Individual Aspects in the Culture of the Australian Aborigines,— «Transactions of the Royal Society of South Australia», 1952, vol. 75.

599. Obayashi T., On the Origin of the «Inau» Cult-sticks of the Ainu,— «The Japanese Journal of Ethnology», 1960, vol. 24, № 4.

600. «Oceanic Linguistics», 1962, vol. I, Nº 1-2.
601. Packer A. D., A Comparison of Endocranial Cast and Brain of an Australian Aborigine,— «Journal of Anatomy», 1949, vol. 83.

602. Panchanan M., Prehistoric India, Its Place in the World's Culture, Calcutta, 1923.

603. Paterson T. T. and Drummond H. J. H., The Soan, the Palaeolithic of Pakistan, Karachi, 1962.

604. Patte E., Notes sur le préhistorique indochinois. Résultats des fouilles de la grotte sépulcrale néolithique de Minhcam (Annam), - «Bulletin du Service Géologique de L'Indochine», 1923, T. 12, № 1.

605. Patte E., Étude anthropologique du cráne néolithique de Minh cam,— «Bulletin du Service Géologique de L'Indochine», 1925, T. 13.

Nº 5.

- 606. Pearce J. E. and Jackson A. T., A Prehistoric Rock Shelter in Val Verde County, Texas, - «University of Texas Anthropological Series», 1933, vol. I, № 3.
- 607. Péron F. et Freycinet L., Voyage de découvertes aux Terres Australes, Paris, 1807—1816.

608. Perry W. J., Children of the Sun, London, 1924.

609. Petri H., Sterbende Welt in Nordwest-Australien, Braunschweig, 1954.

610. Phillip A., Voyage to Botany Bay, London, 1789.

- 611. Pinkley G., The Significance of Wadjak Man, a Fossil Homo Sapiens From Java, - «Peking Natural History Bulletin», 1936, vol. 10,
- 612. Pöch R., Studien an Eingeborenen von Neu-Südwales und an stralischen Schädeln.— «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», 1915, B. 45.

613. Porteus S. D., The Psychology of a Primitive People. A Study of the Australian Aborigine, New York, 1931. 614. Prasada Rao P. D., The Main-line-index and Transversality in the

Palms of Australian Aborigines,—«Oceania», 1964, vol. 34, № 3. 615. Prasada Rao P. D., Finger and Palm Prints of the Aboriginal Children at Yuendumu Settlement in Central Australia,— «Oceania», 1965, vol. 35, № 4.

616. Prichard J. C., Researches into the Physical History of Mankind,

London, 1847 vol. 5.

617. Pulleine R. H., The Tasmanians and their Stone Culture,— «Australasian Association for Advancement of Science», 1928, vol. 19.

618. Quaritch Wales H. G., Prehistory and Religion in South-East Asia, London, 1957.

619. Race R. R. and Sanger R., Blood Groups in Man, Oxford, 1950. 620. Radcliffe-Brown A. R., The Rainbow-serpent Myth in Australia,— «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1926, vol. 56.

621. Radcliffe-Brown A. R., Former Numbers and Distribution of the Australian Aborigines,— in: «Official Year Book of the Commonwealth

of Australia», Melbourne, 1930, vol. 23. 622. Radcliffe-Brown A. R., McConnel U., Elkin A. P., Pid-dington R., The Rainbow Serpent Myth in South-East Australia, North Queensland, Northwest Australia, the Water—serpent in Karadjeri Mythology,—«Oceania», 1930, vol. I, № 3.

623. Read H. and Mountford C. P., Australia. Aboriginal Paintings. Arnhem Land. Unesco World Art Series, New York, 1954, vol. 3.

624. Reay M., Notes on Some Rock Paintings of the Katherine District,

Northern Territory,— «Mankind», 1962, vol. 5, № 12.

625. Reay M., The Social Position of Women,—in: «Australian Aboriginal Studies», by H. Sheils (ed.), Melbourne, 1963.

626. Reber G., Aboriginal Carbon Dates from Tasmania,— «Mankind».

1965, vol. 6, № 6. 627. «Recent Australian Radiocarbon Dates», — «Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter», Canberra, 1966, vol. 2, № 3.

628. «Recent Australian Radiocarbon Dates»,— «Australian Institute of Abo-

riginal Studies, Newsletter», Canberra, 1967, vol. 2, № 6. 629. Ride W. D. L., The Edge-Ground Axes of Southwestern Australia,— «The Western Australian Naturalist», 1958, vol. 6, № 6.

630. Riesenfeld A., The Megalithic Culture of Melanesia, Leiden, 1950. 631. Rivers W. H. R., The Boomerang in the New Hebrides,— «Man», 1915, vol. 15, № 7.

632. Rivers W. H. R., The Problem of Australian Culture,— In: «Psychology and Ethnology», London, 1926.

633. Rivers W. H. R., The Disappearance of Useful Arts,—in: «Psychology and Ethnology», London, 1926.

634. Robinson R., The Man Who Sold His Dreaming, Sydney, 1965.

635. Röder J., Geister der Vergangenheit auf Felsbildfaht in Neu Guinea,— «Nova Guinea», 1940, vol. 4. 636. Roheim G., Women and Their Life in Central Australia,— «Journal

of the Royal Anthropological Institute», 1933, vol. 63.

637. Rose F., Paintings of the Groote Eylandt Aborigines, - «Oceania», 1942, vol. 13, № 2.

638. Rose F., The Indonesians and the Genesis of the Groote Eylandt Society, Northern Australia,— «Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», 1961, H. II. 639. Ryan Y. S. (ed.), The Land of Ulitarra. Grafton, 1964. 640. Sangvichien S., Neolithic Skeletons from Ban Kao, Thailand, and

the Problem of Thai Origins,— «Current Anthropology», 1966, vol. 7, № 2.

641. Sankalia H. D., The Godavari Palaeolithic Industry,— «Deccan College Monograph Series», Poona, 1952, № 10.

- 642. Sankalia H. D. (a. o.). From History to Pre-history at Nevasa (1954—56), Poona, 1960.
- 643. Sankalia H. D., Indian Archaeology Today, London, 1962.
- 644. Sankalia H. D., Prehistory and Protohistory in India and Pakistan, Bombay, 1962.
- 645. Sankalia H. D., Middle Stone Age Culture in India and Pakistan,— «Science», 1964, vol. 146, № 3642.
- 646. Sarasin F., Prehistorical Researches im Siam,— «The Journal of the Siam Society», 1933, vol. 26.
- 647. Sarg F., Die australischen Bumerangs im Städtischen Völker-Museum.— «Veröffentlichungen aus dem Städtischen Völker-Museum», Frankfurt am Main, 1911, B. 3.
- 648. Saurin E., Études géologiques et préhistoriques,— «Bulletin de la Société des Études Indochinoises», Paris, 1951, n. s. T. 26, № 4.
- 649. Schmidt W., Die Stellung der Aranda unter den australischen Stämmen,—«Zeitschrift für Ethnologie», 1908, B. 40, № 6.
- 650. Schmidt W., Die soziologische und religiös-ethische Gruppierung der australischen Stämme,— «Zeitschrift für Ethnologie», 1909, B. 41, № 3—4.
- 651. Schmidt W., Die Stellung der Pygmäenvölker in der Entwicklungsgeschichte des Menschen, Stuttgart, 1910.
- geschichte des Menschen, Stuttgart, 1910. 652. Schmidt W., Die soziologischen Verhältnisse der südostaustralischen Stämme,— «Globus», 1910, B. 97.
- 653. Schmidt W., Die Gliederung der australischen Sprachen, Wien, 1919.
- 654. Schmidt W., Der Ursprung der Gottesidee, Münster, 1926, B. 1; 1931, B. 3; 1934, B. 5; 1935, B. 6.
- 655. Schmidt W., Das Eigentum in der Urkulturen, Münster, 1937.
- 656. Schoetensack O., Die Bedeutung Australiens für die Heranbildung des Menschen aus einer niederen Form,— «Zeitschrift für Ethnologie», 1901, B. 33.
- gie», 1901, B. 33. 657. Schofield J. C., Post-glacial Sea-levels,— «Nature», 1962, vol. 195, № 4847.
- 658. Scholander P. F., Hammel H. T., Hart J. S., Le Messurier D. H. and Steen J., Cold Adaptation in Australian Aborigines,—
 «Journal of Applied Physiology», 1958, vol. 13, № 2.
- 659. Schulz A. S., North-West, Australian Rock Paintings,— «Memoirs of the National Museum of Victoria», 1956, № 20.
- 660. «Science of Man. The Journal of the Royal Anthropological Society of Australasia», Sydney. 1900—1909.
 661. Scott J. D. and M. K., Blood Groups of Some Australian Aborigines
- 661. Scott J. D. and M. K., Blood Groups of Some Australian Aborigines of the Western Desert,— «Nature», 1966, vol. 212, № 5061.
- 662. Seligman C. G., On Prehistoric Objects in British New Guinea,—in: «Anthropological Essays Presented to E. B. Tylor», Oxford, 1907.
 663. Seligman C. G., Note on an Obsidian Axe or Adze Blade from
- Papua, «Man», 1915, vol. 15.
- 664. Seligman C. G. and B. Z., The Vedda, Cambridge, 1911.
- 665. Sergi G., Tasmaniani e Australiani,— «Rivista di Anthropologia», Roma, 1913, vol. 18, pt 1.
- 666. Serizawa Chosuke. A Lower Palaeolithic Industry from the Sozudai Site, Otira Prefecture, Japan,—«Reports of the Research Institute for Japanese Culture», 1965, № 1.
- 667. Setzler F. M. and McCarthy F. D., A Unique Archaeological Specimen from Australia,—«Journal of the Washington Academy of Sciences», 1950, vol. 40, № 1.
- 668. Sharp R. and L., Some Archaeological Sites in North Thailand,— «The Journal of the Siam Society», 1964. vol. 52, pt 2.
- 669. Shellshear J. L., The Skull of an Australian Aboriginal Found at Stradbroke Island, Queensland,— «Memoirs of the Queensland Museum», 1939, vol. 11, pt 3.

670. Shutler R., Radiocarbon Dating and Man in Southeast Asia, Australia, and the Pacific, - «Proceedings of the 11th Pacific Science Congress», Tokyo, 1966, vol. 9, Prehistory and Archaeology.

671. Sieveking A., The Palaeolithic Industry of Kota Tampan, Perak, North-Western Malaya.— «Asian Perspectives», 1958, vol. 2, No. 2. 672. Sim I. M., Aboriginal Drawings near Wilton, N. S. W.,— «Oceania»,

1964, vol. 35, № 1.

673. Sim I. M., Records of the Rock Engravings of the Sydney District,-«Mankind», 1965, vol. 6, № 6.

674. Sim I. M., Rock Engravings of the Macdonald River District, New

South Wales, Canberra, 1966.

675. Simmons R. T., A Report on Blood Group Genetical Surveys in Eastern Asia, Indonesia, Melanesia, Micronesia, Polynesia and Australia in the Study of Man,— «Anthropos», 1956, B. 51, № 3-4.

676. Simmons R. T., A Review of Blood Group Gene Frequencies in Aborigines of the Various Australian States.— «Proceedings of the 7th Congress of the International Society for Blood Transfusion», Rome, 1958.

677. Simmons R. T., The Introduction of «new» Blood Genes to the Australian Aborigines,— «Archaeology and Physical Anthropology in

Oceania», 1966, vol. 1, № 1.

678. Simmons R. T., Graydon J. J. and Semple N. M., A Blood Group Genetical Survey of Australian Aborigines,- «American Journal

of Physical Anthropology», 1954, vol. 12.

679. Simmons R. T., Graydon J. J. and Gajdusek D. C., A Blood Group Genetical Survey in Australian Aboriginal Children of the Cape York Peninsula,— «American Journal of Physical Anthropology», 1958,

680. Simmons R. T., Tindale N. B. and Birdsell J. B., A Blood Group Genetical Survey in Australian Aborigines of Bentinck, Mornington and Forsyth Islands, Gulf of Carpentaria, - «American Jour-

nal of Physical Anthropology», 1962, vol. 20, № 3.

681. Simmons R. T., Graydon J. J. and Tindale N. B., Further Blood Group Genetical Studies on Australian Aborigines of Bentinck, Mornington and Forsyth Islands and the Mainland, Gulf of Carpentaria, together with Frequencies for Natives of the Western Desert, Western Australia.— «Oceania», 1964, vol. 35, № 1.

682. Smith J., The Booandik Tribe of South Australian Aborigines Adelai-

de. 1880.

683. Smith S. A., The Fossil Human Skull Found at Talgai, Queensland,-«Philosophical Transactions of the Royal Society of London», Series B, 1918, vol. 208.

- 684. Smyth R. B., The Aborigines of Victoria, London, 1878, vol. 1. 685. Soejono R. P., Preliminary Notes on New Finds of Lower-Palaeolithic Implements from Indonesia, - «Asian Perspectives», 1961, vol. 5, Nº 2.
- 686. Solheim W. G., Sa-huynh Related Pottery in Southeast Asia,-«Asian Perspectives», 1959, vol. 3, № 2.
- 687. Solheim W. G., The Present Status of the Palaeolithic in Borneo,-«Asian Perspectives», 1960. vol. 2, № 2.
- 688. Solheim W. G., Archaeology in Borneo,— «Archaeology», 1961, vol. 14, № 1.
- 689. Solheim W. G., Prehistoric Archaeology in Thailand,— «Antiquity», 1966, vol. 40, № 157.
- 690. Sollas W. J., Ancient Hunters and their Modern Representatives, London, 1911.
- 691. Sorensen P., The Thai-Danish Prehistoric Expedition 1960-1962, II,— «Folk», 1962, vol. 4.
- 692. Speiser F., Versuch einer Siedlungsgeschichte der Südsee, Zürich, 1946.

690. Speiser F., Malereien aus Nord-Neu-Guinea,— «Phoebus». vol. 1, № 1.

694. Spencer W. B., Guide to the Australian Ethnological Collections, Melbourne, 1922.

695. Spencer W. B., Wanderings in Wild Australia, London, 1928.

- 696. Spencer W. B. and Gillen F. J., The Native Tribes of Central Australia, London, 1899.
- 697. Spencer W. B. and Gillen F. J., The Northern Tribes of Central Australia, London, 1904.
- 698. Spencer W. B. and Gillen F. J., Across Australia, London, 1912, vol. 1.
- 699. Spencer W. B., and Gillen F. J., The Native Tribes of the Northern Territory of Australia, London, 1914.
- 700. Spencer W. B. and Gillen F. J., The Arunta, London, 1927, vol. 1—2.
- 701. Springall H. A., Australia's First Human Population,—«Walkabout», 1954, vol. 20, № 9.
- 702. Stapleton P. de S., Bifaced Stone Implements from South-Eastern South Australia, - «Records of the South Australian Museum», 1945, vol. 8.
- 703. Stirling E. C., Report on the Work of the Horn Scientific Expedition to Central Australia, pt 4, London — Melbourne, 1896.
- 704. Stout D. B., Further Notes on Albinism Among the San Blas Cuna, Panama,— «American Journal of Physical Anthropology», 1946, n. s., vol. 4, № 4.
- 705. Stratz C. H., Das Problem der Rasseneinteilung der Menschheit,-«Archiv für Anthropologie», 1904, n. s. B. 1.
- 706. Strehlow C., Die Aranda und Loritja-Stämme in Zentral Australien, Frankfurt am Main, 1907—1908, B. 1—2.
- 707. Strehlow T. G. H., Aranda Traditions, Melbourne, 1947. 708. Taplin G., The Folkore, Manners, Customs, and Languages of the South Australian Aborigines, Adelaide, 1879.
- 709. Taplin G. The Narrinyeri, in: Woods J. D., The Native Tribes of South Australia, Adelaide, 1879.
- 710. Taylor G., Variations among the Australian Aborigines, with Special Reference to Tawny Hair,— «Proceedings of the Third Pan-Pacific Science Congress», Tokyo, 1926, vol. 2.
- 711. Taylor G., Environment and Race, London, 1927.
- 712. Taylor G. and Jardine F., Kamilaroi and White,— «Journal and Proceedings of the Royal Society of New South Wales», Sydney, 1925, vol. 58.
- 713. Tedford R. H., Report on the Extinct Mammalian Remains at Lake Menindee, New South Wales,— «Records of the South Australian Museum», Adelaide, 1955, vol. 11, № 3.
- 714. Tench W., A Narrative of the Expedition to Botany Bay, London,
- 715. Terra H. de, The Pleistocene of Burma,— «Transactions of the American Philosophical Society», 1943, vol. 32, pt 3.
- 716. Terra H. de, Pleistocene Geology and Early Man in Java,— «Transactions of the American Philosophical Society», 1943, vol. 32, pt 3.
- 717. Terra H. de and Paterson T. T., Studies in the Ice Age in India and Associated Human Cultures, Carnegie Institution of Washington, 1939, № 493.
- 718. Thomas N. W., Australian Canoes and Rafts,- «Journal of the Anthropological Institute», 1905, vol. 35; 1906, vol. 36.
- 719. Thomas N. W., Über Kulturkreise in Australien,— «Zeitschrift für Ethnologie», 1905, B. 37, H. 5.
- 720. Thomson D. F., The Hero Cult, Initiation and Totemism on Cape York Peninsula,— «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1933, vol. 63.

721. Thomson D. F., Economic Structure and the Ceremonial Exchange Cycle in Arnhem Land, Melbourne, 1949.

722. Thomson D. F., Some Notes on Primitive Watercraft in Northern Australia, — «Man», 1952, vol. 52.
723. Thomson D. F., A Bark Sandal from the Desert of Central Western

Australia,— «Man», 1960, vol. 60. 724. Thomson D. F., The Bindibu Expedition,— «The Geographical Jour-

nal», 1962, vol. 128, pt 2.

725. Thomson D. F., Some Wood and Stone Implements of the Bindibu Tribe of Central Western Australia,— «Proceedings of the Prehistoric Society», 1964, vol. 30. 726. Thorpe W. W., Heliolithic Evidence in Australia, Tasmania and New

Guinea and Traces of Other Superior Cultures,- «Report of the Australasian Association for the Advancement of Science», 1924, vol. 17. 727. Thorpe W. W., Evidence of Polynesian Culture in Australia and

Norfolk Islands.— «Journal of the Polynesian Society», 1929, vol. 38; 1931, vol. 40.

728. Tiegs O. W., The Supposed Distinction of Australian Aboriginals into «Straight» (aradjina) and «Wavy»-Haired (luda-luda) Individuals,—in: Spencer W. B. and Gillen F. G., The Arunta, London, 1927, vol. 2.

729. Tindale N. B., Legend of the Wati Kutjara, Warburton Range, Wes-

tern Australia,— «Oceania», 1936, vol. 7, № 2.

730. Tindale N. B., Relationship of the Extinct Kangaroo Island Culture with Cultures of Australia, Tasmania and Malaya,— «Records of the South Australian Museum», 1937, vol. 6, № 1.

731. Tindale N. B., Two Legends of the Ngadjuri Tribe, South Australia,— «Transactions and Proceedings of the Royal Society of South

Australia», 1937, vol. 61. 732. Tindale N. B., Distribution of Australian Aboriginal Tribes: a Field Survey,— «Transactions of the Royal Society of South Australia», 1940, vol. 64, pt 1.

733. Tindale N. B., The Antiquity of Man in Australia,— «The Australian

Journal of Science», 1941, vol. 3, № 6.

734. Tindale N. B., The Hand-Axe Used in the Western Desert of Australia,— «Mankind», 1941, vol. 3.

735. Tindale N. B., A Microlithic Mounted Stone Engraver from Western Queensland,— «Queensland Naturalist», 1945, vol. 12.

736. Tindale N. B., Subdivision of Pleistocene Time in South Australia,— «Records of the South Australian Museum», 1947, vol. 7, № 4.

737. Tindale N. B., Large Biface Implements from Mornington Island, Queensland, and from South-Western Australia,- «Records of the South Australian Museum», 1949, vol. 9, № 2.

738. Tindale N. B., Palaeolithic Kodj Axe of the Aborigines and Its Distribution in Australia,— «Records of the South Australian Museum»,

1950—1951, vol. 9, № 3—4.

- 739. Tindale N. B., Comments on Supposed Representations of Giant Bird Tracks at Pimba,— «Records of the South Australian Museum», Adelaide, 1951, vol. 9, № 4.
- 740. Tindale N. B., Tribal and Intertribal Marriage Among the Australian Aborigines,— «Human Biology», 1953, vol. 25, № 3.
- 741. Tindale N. B., Archaeological Site at Lake Menindee, New South Wales,— «Records of the South Australian Museum», 1955, vol. 11, № 3.
- 742. Tindale N. B., The Peopling of South-Eastern Australia, «The Australian Museum Magazine», Sydney, 1956, vol. 12, No 4.
- 743. Tindale N. B., A Dated Tartangan Implement Site from Cape Martin, South-East of South Australia, - «Transactions of the Royal Society of South Australia», 1957, vol. 80.

744. Tindale N. B., Culture Succession in South-Eastern Australia from Late Pleistocene to the Present,—«Records of the South Australian Museum», Adelaide, 1957, vol. 13, № 1.

745. Tindale N. B., Ecology of Primitive Aboriginal Man in Australia,—in: «Monographiae Biologicae», vol. 8, «Biogeography and Ecology in

Australia», Den Haag, 1959.

746. Tindale N. B., Ārchaeological Excavation of Noola Rock Shelter: a Preliminary Report,— «Records of the South Australian Museum», 1961, vol. 14, № 7.

747. Tindale N. B., Geographical Knowledge of the Kaiadilt People of Bentinck Island, Queensland,— «Records of the South Australian Mu-

seum», 1962, vol. 14, № 2.

748. Tindale N. B., Tribal Distribution and Population,—in: «Australian Aboriginal Studies», by H. Sheils (ed.), Melbourne, 1963.

749. Tindale N. B., Radiocarbon Dates of Interest to Australian Archaeologists,— «The Australian Journal of Science», 1964, vol. 27, № 1.

750. Tindale N. B. and Birdsell J. B., Results of the Harvard-Adelaide Universities Anthropological Expedition, 1938—1939. Tasmanoid Tribes in North Queensland,— «Records of the South Australian Museum», Adelaide, 1941, vol. 7, № 1.

751. Tindale N. B. and Lindsay H. A., Aboriginal Australians, Mel-

bourne, 1963.

752. Tindale N.B. and Maegraith B.G., Traces of an Extinct Aboriginal Population on Kangaroo Island,—«Records of the South Australian Museum», 1931, vol. 4, № 3.

753. Tindale N. B. and Mountford C. P., Results of the Excavation of Kongarati Cave, Near Second Valley, South Australia,— «Records of

the South Australian Museum», 1936, vol. 5, № 4.

754. Tindale N. B. and Noone H. V. V., Analysis of an Australian Aboriginal's Hoard of Knapped Flint,— «Transactions of the Royal Society of South Australia», 1941, vol. 65.

755. Topinard P., Etudes sur les races indigênes de l'Australie, Paris,

1872.

756. Trotter M., Duggins O. H. and Setzler F. M., Hair of Australian Aborigines,— in: «Records of the American-Australian Scientific Expedition to Arnhem Land», by C. P. Mountford (ed.), Melbourne, 1960, vol. 2.

757. To w le C. C., Oval Arrangement of Stones, Endrick Mountain,—

«Oceania», 1932, vol. 3, № 1.

758. To wle C. C., Stone Arrangements and Other Relics of the Aborigines Found on the Lower Macquarie River, N. S. W., at and Near Mount Foster and Mount Harris,—«Mankind», 1939, vol. 2, № 7.

759. Tugby D. J. and E., A Stone Artifact from Lower Mandailing, Su-

matra,— «Asian Perspectives», 1964, vol. 8, № 1.

- 760. Tweedie M. W. F., Prehistory in Malaya,— «Journal of the Royal Asiatic Society», London 1942, pt 1.
- 761. Tweedie M. W. F., The Stone Age of Malaya,— «Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society», 1953, vol. 26.

762. Tweedie M. W. F., Prehistoric Malaya, Singapore, 1955.

763. Tylor E. B., Researches into the Early History of Mankind, London, 1865.

764. Tylor E. B., On the Tasmanians as Representatives of Palaeolithic Man,— «The Journal of the Anthropological Institute», 1894, vol. 23.

765. Tylor E. B., On the Survival of Palaeolithic Conditions in Tasmania and Australia, with Especial Reference to the Modern Use of Unground Stone Implements in West Australia,— «The Journal of the Anthropological Institute» 1898, vol. 28.

766. Underwood L., Le bâton de commandement,— «Man», 1965,

vol. 65.

767. Vatter E., Der australische Totemismus, Hamburg, 1925.

768. Verneau R., Les crânes humains du gisement préhistorique de Pho Binh-gia,— «L'Anthropologie», 1909, T. 20.
769. Wagner K., The Craniology of the Oceanic Races,— «Norske Viden-

skaps-Akademie, I Math. Natur. Klasse», Oslo, 1937, № 2.

770. Wade J. P., The Excavation of a Rock—Shelter at Connel's Point, New South Wales,—«Archaeology and Physical Anthropology in Oceania», 1967, vol. I, № 3.

771. Waitz T. und Gerland G. Anthropologie der Naturvölker, Leip-

zig, 1872, B. 6.

772. Walker D. and Sieveking A., The Palaeolithic Industry of Kota Tampan, Perak, Malaya,— «Proceedings of the Prehistoric Society», 1962, vol. 28, № 6.

773. Walker P. H., Soil and Landscape History in the Vicinity of Archaeological Sites at Glen Davis, N. S. Wales,—«Records of the Australian Museum», 1964, vol. 26, № 7.

774. Wallace A. R., On the Varieties of Man in the Malay Archipelago,—
«Transactions of the Ethnological Society», London, 1865, vol. 3.

775. Warner W. L., Malay Influence on the Aboriginal Cultures of North-Eastern Arnhem Land,— «Oceania», 1932, vol. 2, № 4.

776. Warner W. L., A Black Civilization, New York, 1937.

777. Weidenreich F., The Skull of Sinanthropus Pekinensis, - «Palaeon-

- tologia Sinica», Peking, 1943, n. s., vol. 10. 778. Weidenreich F., The Keilor Skull: a Wadjak Type from South-East Australia, - «American Journal of Physical Anthropology», 1945, vol. 3, № 1.
- 779. Weidenreich F., Morphology of Solo Man,— «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», New York, 1951, vol. 43.
- 780. White C., Early Stone Axes in Arnhem Land,— «Antiquity», 1967. vol. 41, № 162.
- 781. White J., Journal of a Voyage to New South Wales, London, 1790. 782. White J. P., An Archaeological Survey in Papua — New Guinea,— «Current Anthropology», 1965, vol. 6, № 3.

783. White J. P., Archaeological Excavations in New Guinea: an Interim

Report,— «The Journal of the Polynesian Society», 1965, vol. 74, № 1. 784. White S. A. and W. Howchin, The Occurrence of Aboriginal Remains Below Marine Deposits at Reedbeds, Fulham, Near Adelaide,-«Transactions of the Royal Society of South Australia», 1919, vol. 43.

785. Whitehouse F. W., Studies in the Late Geological History of Queensland, - «University of Queensland. Department of Geology. Pa-

pers», Brisbane, 1940, n. s., vol. 2, № 1-5.

- 786. Whitehouse F. W., The Geology of the Channel Country of South-Western Queensland,— «Queensland Bureau Investigation Bulletin», 1948, vol. 1.
- 787. Williams F. E., Papuan Pictographs, «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1931, vol. 61.
- 788. Wilser L., Nochmals die bemalten Kiesel von Mas-d'Azil,— «Globus», 1904, B. 85, № 20.
- 789. Wilson T., Classification des pointes de flèches, des pointes de lances, de couteaux en pierre,— «Congrès International d'Anthropologie et d'Archéologie Préhistorique», Paris, 1902.

790. Wirz P., Die Marind anim, Hamburg, 1922, B. 1.

- 791. Wirz P., Anthropologische und ethnologische Ergebnisse der Central Neu-Guinea Expedition, Leiden, 1924.
- 792. Withnell J. G., The Customs and Traditions of the Aboriginal Natives of North Western Australia, Roebourne, 1901.

793. Woldstedt P., Das Eiszeitalter, Stuttgart, 1965, B. 3.

794. Woo Ju-kang, Human Fossils Found in Liukiang, Kwangsi, China,— «Vertebrata Paleasiatica», Peking, 1959, vol. 3, № 3.

795. Wood Jones F., The Ordered Arrangements of Stones Present in Certain Parts of Australia,— «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1925, vol. 55.

796. Wood Jones F., Contrasting Types of Australian Skulls,— «Journal

of Anatomy», London, 1934, vol. 68.

797. Wood Jones F., Tasmania's Vanished Race, Sydney, 1935.

798. Wood Jones F., The Antiquity of Man in Australia,—«Nature»,

1944, vol. 153.

799. Wood Jones F. and Campbell T. D., Anthropometric and Descriptive Observations on Some South Australian Aboriginals, with a Summary of Previously Recorded Anthropometric Data,— «Transactions of the Royal Society of South Australia», 1924, vol. 48.

800. Woollard H. and Cleland J. B., Anthropology and Bloodgrouping, with Special Reference to the Australian Aborigines,—«Man»,

1929, vol. 29, № 145.

801. Worms E. A., Feuer und Feuerzeuge in Sage und Brauch der Nordwestaustralien,— «Anthropos», 1950, B. 45.

802. Worms E. A., Djamar, the Creator,—«Anthropos», 1950, B. 45.

803. Worms E. A., Djamar and His Relation to Other Culture Heroes,—
«Anthropos», 1952, B. 47.

804. Worms E. A., Prehistoric Petroglyphs of the Upper Yule River North-Western Australia,— «Anthropos», 1954. B. 49, № 5—6.

805. Worms E. A., Contemporary and Prehistoric Rock Paintings in Central and Northern North Kimberley,— «Anthropos», 1955, B. 50, № 4—6. 806. Worms E. A., Australian Mythological Terms: Their Etymology and

Dispersion,— «Anthropos», 1957, B. 52, № 5—6.

807. Wunderly J., The Keilor Fossil Skull: Anatomical Description,—
«Memoirs of the National Museum of Victoria», Melbourne, 1943, № 13.

808. Wurm S. A., Aboriginal Languages,— in: «Australian Aboriginal Studies», by H. Sheils (ed.), Melbourne, 1963.

809. Yamaguchi B., A Comparative Osteological Study of Ainu and Australian Aboriginal Material: a Preliminary Report,—«Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter», Canberra, 1966, vol. 2, № 3.

810. Zeuner F. E., Homo Sapiens in Australia Contemporary with Homo

Neanderthalensis in Europe,— «Nature», 1944, vol. 153.

811. Zeuner F. E., Dating the Past, London, 1958.

812. Zeuner F. E. and Allchin B., The Microlithic Sites of the Tinnevelly District, Madras State,— «Ancient India», 1956, vol. 12.

A successful study of the ethnic origin of any people is only possible on the basis of a composite method, which implies an extensive use of data of various branches of science, i. e., anthropology, geology, geomorphology, palaeogeography, archaeology, ethnography, linguistics and history proper. In the course of such composite synthetic investigations different groups of sources correlate, each being a complement of the others. The composite method is particularly important when studying the ethnic origin of a people whose history is not reflected in written sources. The reconstruction of the remote past of such a people is thus especially complicated. The aborigines of Australia are a case in point.

For a study of the remote past of the Australian aborigines archaeological data are of particular importance. In its turn, a study of ethnographic complexes which, as shown below, might be considered as belonging to the earliest time yields a fuller view of the culture of Palaeo-Australians than a study based on strictly archaeological data.

The importance of the problem of the ethnic origin of the Australians stems first of all from the fact that we are dealing with a people whose history may be traced starting from the Late Palaeolithic and whose culture, preserved until recently, has many archaic features dating back to the Palaeolithic and Mesolithic.

A composite study of the distinctly original culture of the aborigines of Australia shows that irrespective of the preservation of some archaic elements it had been developing incessantly for many millennia. Though the Australians had, as shown further, undergone a deep cultural crisis, caused mostly by disastrous changes of the natural conditions, the development of their culture still went on — but at a slower pace.

Generalization of the results of the latest archaeological discoveries enables us to trace in broad outline the history of the Australian aborigines and their culture from their settling in Australia up to the colonization of the continent by the Europeans. The history of the Australians is accordingly divided into three periods — Early, Middle and Late; the approximate chronological limits of each period are indicated. We can now arrange the archaeologicial cultures of Australia in a relative chronological succession, and the radiocarbon test marks a number of absolute stakes.

But before turning to the archaeological discoveries made in Australia let us have a look at the problem of the first appearance of the Neoanthropos in the vast geographical area lying to the south and south-east of the continental part of South-East Asia, which includes Australia and the adjoining islands. Australia was first populated by modern people, the Neoanthropos. There are no traces of the Archaeoanthropos and Palaeoanthropos on the continent.

To understand the remotest past of this part of the oikoumene the excavations in Great Cave in Niah (North Kalimantan, Indonesia) are of primary importance. In 1958 a skull was found there of a man of the modern type. Many of its anthropological features bring it close to the ancient and modern Australians. The absolute age of the location was determined by radiocarbon test as 39.600 ± 1000 B. P. Choppers and flaked implements resembling the implements of Palaeolithic industry of the Soan River (the North Punjab, North West India) were discovered. At the same time these implements are similar in type to those of the oldest archaeological cultures of Australia and nearly coincide in time with the period regarded as the beginning of the settlement of the Australian continent (about 30,000 years ago).

A calvarium found in Tabon Cave (Palawan Island, the Philippines) also belongs to the Late Palaeolithic. This calvarium, too, belonged to a Neoanthropos and it possesses some Australoid features. The age of the find is $30,500\pm1100$ B. P. The Palaeolithic flake industry found close by is of the same age.

Both discoveries — the Niah skull and the Palawan calvarium — show that the Neoanthropos-Proto-Australoids populated 30,000—40,000 years ago that part of South-East Asia which at present is its island part. In the Pleistocene Kalimantan and Palawan islands formed a single whole with the mainland.

Apparently, at that time Java was inhabited by the Neoanthropos whose two skulls were found near Wadjak in the last century. Their geological age is not yet exactly determined but, like the men from Niah and Palawan Island, they probably lived at the time of the Last Glacial Period. E. Dubois and then F. Weidenreich noted the Australoid character of those skulls, the latter having likened them to the Keilor skull discovered in Australia. That skull is morphologically similar to the Neoanthropos from Niah.

Thus, at the close of the Pleistocene, in the Palaeolithic, what is now the island part of South-East Asia was populated by Proto-Australoids, probably the ancestors of the modern aborigines of Australia. At the same time the man from Niah was a contemporary of the most ancient Neoanthropos of Europe and other parts of the world. As far as modern data let us judge, the beginning of the Late Palaeolithic and the appearance of the developed Neoanthropos everywhere where it has occurred is about 40,000 years distant from our day. The age of the osseous relics of the Neoanthropos of South-East Asia shows that this part of the world was also included in the area of hominisation. Thus, the appearance of man of the modern type took place about 40,000 years ago in the territories stretching from Africa and West Europe to South-East Asia.

The settlement of Australia began apparently about 30,000 years ago. This is testified by the archaeological locations discovered in recent years

on the territory of Australia and dated by radiocarbon tests. Among the most ancient dates connected with the archaeological locations of Australia is the date obtained for the site near Lake Menindee, New South Wales (26,300 \pm 1500 B. P.). The age of one of the archaeological sites in Keilor area is $31,600 \pm {}^{11000}_{1300}$ B. P. Another date for the same archaeological complex is $24,000 \pm {}^{3300}_{5700}$ B. P. For the archaeological locations in Oenpelli (Arnhem Land, North Australia) the dates $24,800 \pm 1600$ B. P. and $22,900 \pm 1000$ B. P. and for Koonalda Cave $31,000 \pm 1650$ B. P. are obtained.

Unlike later cultures, the most ancient archaeological cultures of Australia still reflect the influence of the Palaeolithic and later on Mesolithic cultures of South and South-East Asia, the early population of Australia having genetic and cultural links with the ancients of South-East Asia. These cultural traditions were brought partly by the Palaeo-Australians, and partly after the settlement through the cultural links which continued up to the beginning of the Holocene.

The Palaeolithic traditions of South and South-East Asia are to a smaller or greater extent represented in all the oldest Australian archaeological cultures. We find here choppers and the horsehoof cores, Clactonian and Levalloisian flakes, bifacial chopping tools and Chellean handaxes; in the above-mentioned Koonalda Cave and in the terraces of the Keilor river system we find proto-handaxes and Acheulian handaxes, in the cultures of East Australia and Tasmania — a peculiar flake industry resembling the Palaeolithic industry discovered in India in the latest decades and named Nevasian culture. Taking into consideration the genetic links between the Australians and the peoples of South Asia we have every right to regard the Indian Palaeolithic, Nevasian industry included, as a possible source of the earliest archaeological cultures of Australia.

At the same time, the earliest cultures of Australia also bear traits of the later Mesolithic cultures of South-East Asia; these are sumatraliths, arapia unifaces and other types of implements characteristic of the Hoabinhian and related cultures of South-East Asia. Thus, geographical contacts of the earliest and the later Australian cultures with the cultural and historical world of Asia extended through New Guinea and Indochina as far as North West India.

Regardless of the immense distances separating the most ancient archaeological cultures of Australia in space and often in time from the Palaeolithic and Mesolithic ones of South-East Asia, such as, for instance, the Soan and Nevasian industries in India, the Ratnapurian industry in Ceylon, the Patjitanian culture in Java, the Hoabinhian culture in Indochina, we still have all the grounds to regard the latter cultures as the sources of the cultural traditions which influenced the culture of the most ancient population of Australia.

Against this background some finds from North Australia (Oenpelli) seem quite unexpected, finds discovered in horizons aged 23,000—25,000 years and characterised on the whole by a very archaic industry. We mean the edge-ground axes of a type that appeared in South-East Asia only at the end of the Mesolithic or in the early Neolithic, in the Bacsonian culture

(Indochina). In other regions of Australia such axes, though not numerous at first, appeared in the north of the continent about 7,000 years ago and in the east 4,000 years ago.

The discovery made in Oenpelli, unless it is disproved by further investigations, puts a new construction on the problem of the appearance of polished implements on the territory of South-East Asia and the adjoining cultural and historical region. This discovery means that the polishing of stone implements was already known to the Australians about 25,000 years ago, that it appeared in Australia probably quite convergently, and that the polishing of the implements might have sprung up in a deeply archaic culture, palaeolithic in its character.

Thus, the settlement of Australia had begun back in the Pleistocene, in the Palaeolithic period when South-East Asia and Australia were linked by continental bridges, the Asian and the Australian continental shelves, and the straits between those shelves were not an insurmountable obstacle for people who had only the most primitive means of navigation.

Archaeological discoveries on the territory of Australia show that the settlement of inner Australia probably began still in the Pleistocene. In fact, no ancient sites have been found in Central Australia as yet. But Koonalda Cave, for instance, was populated, as we know, even 31,000 years ago and it is situated in a region of inner Australia. This holds true also of the Menindee site located in the west of New South Wales. The point is that in the Pleistocene the natural and geographic conditions were different from the present ones; they were favourable for the settling of the entire Australian continent including its inner regions, which became a zone of deserts and semi-deserts only in the period of the thermal maximum (7,000 to 4,000 years ago.)

The rather widespread notion of the comparatively late migration of the Tasmanians from Melanesia should be regarded as disputable. The radiocarbon data connected with the archaeological locations of Tasmania show that the island was already populated 9,000 years ago, at a time when, according to geological and geomorphological data, it formed a single whole with Australia or was linked with it by a chain of closely located islands. Most likely Tasmania was populated through Australia. The similarity, or, in many cases, identity of the Tasmanian and East Australian archaeological materials speak in favour of such a supposition. The Tasmanian problem is part of the Australian problem. The question of the origin of the Tasmanians and their culture should be solved in connection with that of the origin of the Australians and their culture.

The peculiar anthropological type of the Tasmanians, above all their curly hair bringing them close to the Negroids, evidently arose in the process of a genetic drift within a small group of Palaeo-Australians who got to Tasmania many thousand years ago and later found themselves in isolation. Isolation not only leads to the formation of anthropological peculiarities but also accounts for the social and cultural backwardness of the isolated peoples. In the culture of the populations thus detached distinguishing features are formed not typical of the ethnic totality from which they came; moreover, some features characteristic of the totality disappear. A number of

examples is known of the vanishing of cultural achievements among the detached and comparatively isolated populations. A case in point is the disappearance of the pottery industry in Polynesia, where only its archaeological traces are preserved. The Tasmanians, whose culture is not only peculiar but primitive when compared with the general Australian culture, may serve as one such example. The absence among the Tasmanians of the boomerang, the spearthrower and some other cultural achievements which the Australians inherited, as we can guess, from their Late Palaeolithic ancestors is a result of the isolation of an initially small ethnic group. There still exist in Australia ethnic groups and whole regions the population of which is either not at all acquainted with the boomerang or only borrows it from their neighbours without producing it themselves, despite the fact that the implement has been known on the continent for a long time. Thus, isolation is a phenomenon diverse in its consequences and it makes itself felt both in the sphere of biology and in the cultural and historical sphere.

Spreading to the south along the Great Dividing Range - on the one side along the systems of the Darling, the Murray and their tributaries, on the other along the eastern coast of Australia — the aborigines settled first of all in the eastern, south-eastern and southern regions of the continent. Western areas, too, were settled comparatively early, especially the coast of the Indian Ocean from the De Grey up to Albany, populated by a group of tribes homogeneous culturally and linguistically. But the central regions of Australia were also settled in the Pleistocene, though somewhat later than its eastern and western areas. The system of the Flinders River with its tributaries and that of the Diamantina River and Cooper's Creek leading to Lake Eyre where a group of culturally kindred tribes had concentrated, were most conducive to the movement of the ethnic waves. The settling of Central Australia went from the Gulf of Carpentaria, Arnhem Land Peninsula and Kimberley. The movement of the ethnic waves across the Australian continent during its first settlement is reflected in a thick network of routes of intertribal exchange, in a wide extension of myths, rites, customs and religious beliefs.

The Glacial Period came to an end about 10,000—8,000 years ago, and Tasmania, New Guinea and some other adjacent islands, still partly populated by the aborigines, detached themselves from Australia as a result of the rising of the world ocean level. From that time on the development of the Australians went on under conditions of comparative isolation from the rest of the world. But the fact that in the Pleistocene New Guinea and Tasmania formed a single whole with Australia was conducive to the settling of Australia via New Guinea, and that of Tasmania via Australia.

The Talgai and Cohuna fossil skulls found in Eastern Australia are considered to date from the end of the Pleistocene (their age is 10,000-12,000 years according to radiocarbon test). The same applies to the skeleton discovered in 1965 at Green Gully near Keilor (its age is about 8,000 years). The man from Green Gully is morphologically close to the one from Keilor (from $15,000\pm1,500$ to $18,000\pm500$ B. P.) and appears to link the latter with the modern aborigines of Australia; the skulls from Talgai and Cohuna, also belonging to Proto-Australoids, are nevertheless considerably

26 в. р. кабо 401

more primitive in their structure. This could mean that after the Proto-Australoids of the Keilor type there appeared in Australia populations of Proto-Australoids of the Talgai-Cohuna type. Both those types descended from different local variants of the Proto-Australoids which existed at the end of the Pleistocene in the outlying areas of South-East Asia. The population of Australia, comparatively small at the time, lived in small isolated groups, and the local types of the Proto-Australoids could be preserved for a long time under those conditions. The anthropological distinctions existing at present among the local variants of the Australian aborigines are not strong enough to provide the grounds for assuming that they have different racial origin. On the whole, those variants, like regional culture variants, mostly developed on the territory of Australia while the continent was peopled and are due to long mutual isolation of separate ethnic groups.

The later penetration of other racial elements, those of Indonesia, Melanesia and New Guinea, into Australia, mostly into the North of the continent, did not considerably influence the anthropological type of the Australians on the whole, but predetermined to a certain extent the anthropological peculiarity of North Australia. A similar process also took place there in the field of culture.

Already in the early period three large culture provinces or historical and ethnographic regions emerged in Australia — Eastern, Central and Western — populated by ethnic groups united by a common origin and subsequent economic and cultural development.

A comparative study of the ethnographic complexes and their geographical arrangement gives us an opportunity to reconstruct the character of the culture of the earliest population of Australia more completely than it is possible on the basis of purely archaeological data.

Though the ethnographic material can be dated only relatively and, moreover, very approximately, its geographical distribution may serve to indicate the origin and the antiquity of various elements of material and intellectual culture (but this indication is not always indisputable). Thus, for example, no boomerangs are to be found in the northern coastal regions of Australia facing the outer world, from which not a few of different elements of culture continued penetrating into Australia for many millennia. Boomerangs are found mostly in the southern parts of Australia where, as shown by archaeology, the most ancient elements of Australian culture concentrated since time immemorial. This might serve as evidence of the fact that the boomerang, too, belongs to the most ancient elements. The traditional routes of exchange along which boomerangs moved from the south to the north, from the centre to the north and west and in other directions indicate the ways of their spread in the hoary past.

The distribution of various types of boomerangs shows that returning boomerangs are widespread in the eastern and western regions but are absent from Central Australia and the Northern territory. Here only non-returning boomerangs are known which, in turn, are also spread over the east and west of the continent. The distribution of returning boomerangs on the territory of East and West Australia is only one of many evidences of the

ancient ethno-cultural links between the population of East and West Australia, going back to the time of the initial settling of the continent. This fact shows that the returning boomerang evidently belongs to the earliest elements of Australian culture while the non-returning one spread somewhat later. It is quite possible that the former type spread at the time of the initial settlement of the continent, i. e., before the settling of Central Australia. The Late Palaeolithic antiquity of the boomerang, ascertained by archaeological discoveries, the findings of boomerangs and their ancient pictures in India along the route of the settling of the Proto-Australoids lead us to assume that the boomerang was borrowed by the Palaeo-Australians from their Late Palaeolithic ancestors and then it gradually spread over the Australian continent except the northern regions. Moreover, the returning boomerang was the first to spread, followed by the non-returning type. A strikingly large number of similar phenomena which the author of the present work was able to trace when comparing the cultures of East and West Australia, reveals the character of culture of the early Australian population, which elements of Australian culture may be regarded as the earliest and in what way the Australians spread over the continent.

One of the most important implements of the Australians is the spearthrower occurring almost over the entire continent. This implement, like the boomerang, appeared for the first time back in the Late Palaeolithic.

The most primitive and undoubtedly very ancient means of navigation — ordinary rafts and logs as well as boats made of bark — are now preserved only in the regions of Australia nearly devoid of contacts with the outer world; the one-log dug-out boat, with outriggers or without them, spread only in the North, was borrowed by the Australians from their northern neighbours comparatively late.

To the most ancient elements of Australian culture reconstructed through a study of their geographical spread belong such implements as the spearthrower, already mentioned above, the throwing stick, one-piece spears (simple, with sharp stone fragments and the dentated edge), one or several types of light composite spears, probably stone-headed spears, parrying shields; simple logs and rafts, ordinary and triangular, and probably also simple boats made of one piece of bark; rock engravings executed in the style and technique typical of East and West Australia only, depicting the theme of the maze in various shapes and sometimes a spiral and a concentric circumference. The phenomena of intellectual culture, also reconstructed mainly through determining of their geographical distribution, include such ancient elements of Australian culture as the cults of the Great Heroes and Fertility Mothers, 'the founders of human society and culture, as well as the cult of the Rainboy. Serpent, fertility rites, initiation rites with the use of the sacred bullroars. Other ancient elements are tjurungas, whittled inkulta sticks (resembling Ain inau) and also the habit of making stone arrangements, cairns and vertical stone-block structures. Those most ancient elements of Australian culture revealed on the basis of the investigation of the geographical distribution of modern ethnographic phenomena add to the complex of cultural phenomena which had been revealed by an analysis of the earliest archaeological cultures of Australia.

Thus, though the settlement of Central Australia belongs to a very early period, it still took place after the settling of East and West Australia by culturally kindred ethnic groups, and Central Australia was settled by groups which brought from the North somewhat different cultural traditions. A historical retrospective analysis of ethnographic data makes it possible to ascertain the origin of the phenomena of Australian culture and to establish their relative age. An analysis of myths and legends containing indications as to the movements of the ethnic groups in the remote past is of great interest in this respect. An analysis of linguistic material leads us to believe that the Australian languages have a common origin, that they had been taking shape on the basis of a single linguistic entity and that this process lasted for many millennia after the initial settlement of Australia.

From 7,000 to 4,000 years ago an event took place in Australia — just as it did in many other parts of the world — an event which profoundly influenced all the subsequent development of the Australians, a hunting and gathering people whose way of life was to a great extent dependent on the natural environment. We mean the thermal maximum and the spread of deserts over vast territories of Central and West Australia. The event played an immense role in the development of culture of the aboriginal population of Australia and led 5,000-3,000 years ago to a culture crisis the coming of which is well traced in the archaeological material dating from the time which followed the period of the thermal maximum. With the consequences of that period are connected the phenomena which testify to a decline in some important fields of Australian culture, the making of stone implements included. On the other hand, with that period or, to be more exact with its initial stage, such things are connected as the development and improvement of the wooden implements adapted for hunting on the vast open steppe and desert areas, the development of the woodworking instruments and their diminution (microliths), the spread of the hafted implements. Some of the implements became more and more convertible (in the first place, the spearthrower equipped with a stone instrument, i. e. the Tula adze).

To the period of the thermal maximum a skull from Mossgiel belongs (its age is not less than 4,625 years) and the osseous relics from Tartanga (from 6,000 to 4,700 years) and Devon Downs (about 4,000 years). The former skull was found in the west of New South Wales, the two others—in the lower reaches of the Murray. The skull from Mossgiel is morphologically still among the anthropological types to which the Talgai and Cohuna skulls belong, and that testifies to the fact that the Talgai-Cohunian anthropological type was preserved for a long time in some regions of Australia but was also undergoing changes.

With the period directly following the Last Glacial Period and comprising the time of the thermal maximum and the so-called «Small Glacial Period» (3,500—3,000 years ago) that stage of the Australian culture is connected which we call the Middle period. The archaeological cultures of the Middle period afford striking evidence of the further development of the Australian culture. It was at that time that Tula adze flakes, Pirri and Bondi points and geometric microliths appeared. Edge-ground axes started

spreading. Many cultures of that time bear a stamp of active adaptation to the changing natural environment.

The earliest culture of the Middle period is the Tartangan culture (South Australia). Its chronological limits are from 8800 ± 120 up to 6030 ± 120 B. P. The following culture of inner Australia was the Pirrian culture. The lower boundary of Pirri points in Fromm's Landing site is 4850 ± 100 B. P. and the upper one — 3756 ± 85 B. P. At the same time, the Bondian culture was developing in the east of Australia. Living in the outlying districts of the continent and cut off from the population of the rest of Australia by the Great Dividing Range, the bearers of this culture fell somewhat behind in the pace of cultural development; hence the Middle period began here later than in South Australia, i. e. about 4,000 years ago. The cultures of the Middle period still reflect to a certain extent the cultural influence coming from Asia via Indonesia and New Guinea. But the process of endogenous development is far more definite than before.

The coming of the cultural crisis is already reflected in the closing phase of the Middle period. During that phase and the entire Late period the manufacture of Pirri points and microliths came to an end, and in some places the making of rough archaic implements was renewed. But at the same time the manufacture of edge-ground axes and various implements made of bone and wood went on, spreading wider and wider. The combination of the technique of making Pirri point with the ancient technique of serrated retouching led no later than 1,500—2,000 years ago to the manufacture of the splendid Kimberley heads in the North of Australia. That technique was developing on Australian ground and was not borrowed from Indonesia ready-made, as some researchers presume.

The Pirrian culture is in its essence a vast historical and ethnographic area mostly linked with Central Australia. The Bondian and other cultures of East Australia were connected with the eastern culture area bordered by the Great Dividing Range and the Pacific Ocean. But in both regions similar tendencies of cultural development might be observed. The intertribal exchange of material and intellectual values and the development of ethnic and cultural contacts played an important role in the formation of these tendencies.

The Late period which continued up to the colonization of Australia by the Europeans is represented by numerous locations of the Murundian, Eloueran, Oenpellian and many other cultures. The cultural shift connected with the coming of the Late period was a complicated and contradictory phenomenon. On the one hand, it was affected by the results of the cultural crisis which slowed up the pace of cultural development and even led to the loss of a number of achievements of the Middle period. On the other hand, the development of culture of the aborigines went on, the number of implements of the Eloueran type increased, new specialised types of implements appeared, such as, for instance, Leilira blades. In some areas economic specialization was developing, connected with fishing and mollusc-gathering.

In the Lower Murray the chronological boundary between the cultures of the Middle and Late period is about 2,000—3,000 years ago and to the

east of the Great Dividing Range, in the eastern culture area — about 1,000 years ago.

When studying archaeological material we find a certain succession in the development of material culture within the eastern and central cultural areas throughout the entire Middle and Late periods. Within these large culture areas the cultural peculiarity of separate culture provinces becomes more and more definite, especially in the Late period. Independent historical and ethnographic regions are being formed on the territory of Arnhem Land and Kimberley.

According to the level of its development the culture of the Australian aborigines in the Late period is characterised by the combination of Palaeolithic and Mesolithic traditions with some elements of the Early Neolithic to which the edge-ground axe belongs in the first place. By the end of the Late period Australian culture was on the eve of the Neolithic but did not yet overstep this borderline.

During the Middle and Late periods a number of new cultural achievements appeared in Australia apart from the stone implements already mentioned above. Some of them were of an autochthonal origin, others penetrated from the outer world. Apparently irrespective of the external influence, there appeared boats made of several pieces of bark, throwing sticks and spearthrowers with resin handles and stone adzes inserted into them; that was the achievement of the ethnic groups which populated the inner regions of Australia at the time of the thermal maximum. The appearance of footwear in some regions of inner Australia is connected with a strong change of natural conditions. In the Middle period, as Central Australia was increasingly turning into an open steppe deprived of a forest carpet, nonreturning boomerangs were spreading wider. They probably existed here before but their distribution was not so great. Clubs appeared comparatively late. In the same period, in connection with a still wider spread of spearthrowers, new types of spears appeared and broad shields spread to give protection against them.

Among the most important objects borrowed from other peoples and spread over the coast of North Australia in the last centuries, are dug-out boats with outriggers (the Cape York Peninsula) and sail-boats (Arnhem Land and Kimberley) and also the harpoon. Moreover, the bow and arrow penetrated to the northern spit of Cape York, and bast cloth (tapa) spread over the north-east of Queensland. But all those borrowings did not affect the character of Australian culture on the whole.

We know now that at the beginning of colonization the ethnic group or the tribe was the main type of the ethnic totality, and the main structural units of Australian society were local groups or communities comprising the ethnic groups. It might also be added that the tribal alliances are a very rare phenomenon in Australia. Apparently, the ethnic group is the main, leading type of ethnic totality at the level of early clan order, Australian society at the beginning of colonization being a typical example.

The present work is thus a synthetic composite investigation of the ethnic origin of the Australians and the history of their culture on the basis of a wide attraction of widely diverse sources and their preliminary study. We

are convinced that, in spite of extremely unfavourable conditions under which the ethnic development of the Australians occurred, i. e. their relative (but not absolute) isolation, sharp deterioration of natural conditions in the Holocene and the cultural crisis caused by it, the development of Australian culture, though full of contradictions, was continuous throughout the entire history of the Australian people.

The formation of Australian society is not only that of a definite ethnos, but is at the same time a page in the world-historic process of the formation of human society and culture. That is why the problem of the ethnic origin of the Australian aborigines is of great cognitive and theoretical significance. We know that the Australians inherited to a considerable extent the anthropological peculiarities of their Late Palaeolithic ancestors, namely the Proto-Australoids. In that sense they form a unique race. But they are interesting not only from that point of view. Their relative isolation which contributed to the preservation of their anthropological type was also conducive to the preservation of some most ancient phenomena of human culture. The Australians preserved to this day, to a greater extent than any other people, some elements of human culture at one of the early stages of its formation, namely at the stage of the Late Palaeolithic and Mesolithic. It is the Australians in the first place who give us material for the reconstruction of human culture at that stage. Tracing the formation of Australian culture, mostly that of material culture, and dividing its phenomena into those which are the most ancient ones and those which appeared later, reconstructing the ancient cultural layer brought to Australia by the Palaeo-Australians many millennia ago, we may form a clearer idea of the cultural image of mankind during that remote period.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
Глава I.	Происхождение австралийцев по данным антропологии и геологии
Глава II.	Происхождение и ранняя история австралийцев по данным археологии
Глава III.	Происхождение и ранняя история австралийцев по данным этнографии и лингвистики
Заключени	353
Список ист	пользованной литературы
Summary .	